

Руфь Такер

От Иерусалима до края земли

История миссионерского движения

Христианство и миссионерство... Эти два понятия неразрывно связаны между собой. Как пишется история христианского миссионерского движения, история десятков тысяч людей, на протяжении двух тысяч лет отправлявшихся сотнями миссионерских организаций во все страны мира? История миссионерского движения - это не просто собрание сухих фактов. Это захватывающий рассказ о борьбе людей, их горестях и радостях, рассказ о трагедиях и приключениях, наполненный романтикой и печалью.

Предисловие

Как пишется история христианского миссионерского движения, история десятков тысяч людей, которых вот уже две тысячи лет отправляют во все страны мира сотни миссионерских организаций? Это очень объемная тема, чуть не загубленная историками, пытавшимися втиснуть в одну книгу слишком большое количество дат, событий, названий организаций и имен. Но история миссионерского движения - это не просто собрание сухих фактов. Это захватывающий рассказ о чувствах и борьбе людей, их горестях и радостях; рассказ о трагедиях и приключениях, наполненный романтикой дальних странствий.

Христианство стало преобладающей мировой религией именно благодаря неустанному труду своих миссионеров - факт, изменивший лицо мира. "Мировое христианство, - пишет Лесли Ньюбигин (Leslie Newbigin), - является результатом величайшего размаха и развития миссионерского движения, происшедшего за последние две сотни лет. Такое развитие, независимо от отношения людей к христианству, - одно из самых замечательных факторов в человеческой истории. То, что это явление зачастую не принимается во внимание или недооценивается, можно рассматривать как из ряда вон выходящий случай в современной жизни".

Не замечали и недооценивали не только само распространение христианства, так же относились к тем мужчинам и женщинам, что способствовали этому распространению. То были целеустремленные люди, полностью преданные делу, ведомые ощущением необходимости, так редко встречающимся даже в самом патриотическом и боевом настрое на выполнение своего долга. "Ранние миссионеры рождались воинами и великими людьми, - писал Перл Бак (Pearl Buck), человек, которого трудно назвать энтузиастом миссионерского движения. - Переплывать моря, чтобы добраться до чужих стран, пренебрегать смертью и опасностью не могли робкие и слабые души; они несли религию как знамя, и под ним даже сама смерть становилась победным концом. Идти вперед, взывать, предупреждать и спасать других - все это являлось потребностью для душ уже спасенных. В этом присутствовало безрассудство необходимости - агония во имя спасения".

Кем же были эти миссионеры, которые жертвовали своей жизнью, чтобы нести Евангелие даже до края земли? Были ли они духовными гигантами, блестяще преодолевавшими все препятствия на своем пути? Нет. Это были обыкновенные люди, с обычными человеческими слабостями и недостатками. Они не казались сверхлюдьми или суперсвятыми. Так же, как и яркие персонажи библейских событий, начиная с Книги Бытие и кончая Новым Заветом, они имели самые разные недостатки и странности, человеческие слабости. Но все они хотели, чтобы Бог использовал по Своему усмотрению их самые лучшие качества. Именно поэтому они сумели оставить неизгладимый след в истории миссионерства.

Когда думаешь о великой миссионерской волне, которая в течение последних столетий захлестывает мир, то сразу вспоминаешь имена великих людей - Дейвида

Брейнерда, Уильяма Кэри, Адонирама Джадсона, Дейвида Ливингстона и Хадсона Тейлора. Но женщины, одинокие и замужние, составляли почти две трети армии миссионеров в Северной Америке. Значительная доля трудов миссионеров была посвящена семье и детям. "Семейные проблемы, - пишет Гарольд Дж. Уэстинг (Harold J. Westing), - являются проблемой номер один в списке приоритетов в миссионерской работе". Именно поэтому в историческом повествовании о христианских миссионерах большое внимание уделяется их семейной жизни.

Самым трудным вопросом в подборе биографий деятелей христианского миссионерского движения стала необходимость ограничения списка тех личностей, о которых можно рассказать в одной книге. В конечном счете выбор персонажей, обсуждаемые вопросы и события жизни миссионеров, описанные в повествовании, определились субъективным решением самого автора. К сожалению, в объеме одной книги невозможно рассказать об огромном количестве великих миссионеров и миссионерских обществах; рассказ о многих выдающихся личностях включен в книгу с далеко не полным описанием их больших заслуг. Но хотелось бы надеяться, что это повествование послужит начальным этапом знакомства читателей с теми, кто так отважно служил на передней линии распространения христианства.

Вполне закономерно, что биография является элементом, связующим в единое целое историю христианских миссий. Эмерсон (Emerson) однажды сказал, что "собственно истории нет, а есть биография". Это замечание, в основном, применимо к любой области истории. Миссионерская биография увековечила христианское миссионерское движение. Фактически, утверждает Джеффри Мурхаус (Geoffrey Moorhouse), рассказ об этих людях "стал самым эффективным стимулом" для избрания этой профессии огромной армией верующих на протяжении всего XIX в. Мы также надеемся на то, что эта книга не только познакомит читателей с миссионерским движением, расширит их кругозор, но и вдохновит многих посвятить свою жизнь этой области служения, величайшей из всех великих дел во всей человеческой истории.

Благодарности

Выражаю сердечную признательность всем тем, кто советом и поддержкой помогал мне как в исследованиях, так и в написании этой книги.

Я особенно благодарна за помощь, которую оказала мне моя деноминация, Христианско-миссионерский союз, и маленькая Объединенная церковь в Грин-Гроув в северном Висконсине, где с раннего детства я видела проявление глубокой заботы и любви по отношению к зарубежной миссионерской деятельности.

Особая благодарность тем людям, кто так помог в моих трудах: пастору Дейвиду Лотту (David Lott), чье приглашение поделиться знаниями о христианских миссиях с прихожанами его церкви стало тем катализатором, что был так необходим для написания этой книги. Благодарность Стэну Гандри (Stan Gundry), исполнительному редактору "Академических книг" в Зондерване за его горячую поддержку этого проекта с самого начала; Халу Олсену (Hal Olsen), другу, коллеге и миссионеру в Африке с большим стажем работы за его постоянное участие и советы; Дону Ричардсону, Оливу Флемингу Лайфедду (Don Richardson, Olive Fleming Liefeld) за их рассказы о личном миссионерском опыте; двум библиотекарям, оказавшим мне огромную помощь, - Галину Уилсону из Центра Билли Грэма и Воните Эннепер (Galen Wilson and Vonita Enneper) из Библейской и музыкальной школы в Гранд-Рапидс. И большое спасибо Ральфу и Роберте Уинтер за их бесценную помощь и поддержку именно тогда, когда это было так необходимо.

Я также выражаю большую признательность моим студентам из Библейской и музыкальной школы в Гранд-Рапидс и Троицко-евангелической теологической школы, которые с большим упорством проработали рукопись, обеспечив честную, прямую и конструктивную критику по всем темам.

Но больше всего я благодарна моему мужу, Рэнди Такеру (Randy Tucker), за те долгие часы, что он провел над подготовкой к печати, редактированием и работой над сносками этой книги, за его горячую любовь к миссиям вообще и к этому проекту в частности.

Условные сокращения названий организаций

ААМ - Американо-арабская миссия (American-Arabian Mission)
ААМ - Ассоциация азиатских миссий (Asia Missions Association)
АБВЕ - Ассоциация баптистов за всемирную евангелизацию (Association of Baptists for World Evangelism)
АБМС - Американский баптистский миссионерский совет (American Baptist Missionary Board)
АВМ - Африканская внутренняя миссия (African Inland Mission)
АГР - Администрация гражданских рабочих (Citizens Workers' Administration)
АДРС - Авиация джунглей и радиослужба (Jungle Aviation and Radio Service)
АЕЗМ - Ассоциация евангельских зарубежных миссий (Evangelical Foreign Missions Association)
АЕМ - Андская евангелическая миссия (Andes Evangelical Mission)
АМХ - Ассоциация молодых христиан (Young Men's Christian Association)
АОМ - Американское общество миссиологии (American Society of Missiology)
АП - Африканское предприятие (African Enterprise)
АСЗМ - Американский совет по зарубежным миссиям (American Board of Commissioners for Foreign Missions)
АЦВМ - Американский центр всемирных миссий (United States Center for World Mission)
БАМЛ - Буддистская ассоциация молодых людей (Young Men's Buddhist Association)
БЕМ - Большая европейская миссия (Greater Europe Mission)
БИЭ - Библейский институт в эфире (Bible Institute of the Air) БМ - Библии для мира (Bibles for the World)
БМО - Баптистское миссионерское общество (Baptist Missionary Society)
БО - Базельское общество (Basel Mission)
БПУ - Библейские переводчики Уиклифа (Wycliffe Bible Translators) БХС - Библейский христианский союз (Bible Christian Union)
ВБИХ - Вестник благословений Иисуса Христа (Heralding Christ Jesus' Blessings)
ВЕК - Всемирная евангелизационная кампания (Worldwide Evangelization Crusade)
ВИМ - Вест-Индская миссия (West Indies Mission)
ВМПЦ - Всемирные миссии пресвитерианской церкви США (World Missions of the Presbyterian Church U.S.A.)
ВОВ - Всемирное объединенное братство (Alliance World Fellowship)
ВСЦ - Всемирный совет церквей (World Council of Churches)
ВФСХ - Всемирная федерация студентов-христиан (World Student Christian Federation) ВХАР - Всемирное христианское агентство Рейдера (Rader's World-Wide Christian Couriers)
ДГМ - Датско-галльская миссия (Danish-Halle Mission)
ДРВК - Дальневосточная радиовещательная компания (Far East Broadcasting Company)
ЕД В - Евангелизационная кампания "Евангелие-Дальнему Востоку" (Far East Gospel Crusade)
ЕЗ - Евангельская звукозапись (Gospel Recordings)
ЕМА - Евангелическая миссионерская ассоциация для народов (Evangelical Missionary Association to the Nations)
ЕМС - Евангельский миссионерский союз (Gospel Missionary Union)
ЕМТ - Европейская миссия Творца (Creator Europe Mission)
ЕР - Евангелизация за рубежом (Overseas Crusades)
ЗБО - Заочное богословское образование (Theological Education by Extension)
З М Б - Зарубежное миссионерское братство (Overseas Missionary Fellowship)
КВМ - Китайская внутренняя миссия (China Inland Mission)
КД - Кесуикское движение (Keswick Movement)
КЕО - Китайское евангелизационное общество (Chinese Evangelization Society)
КК - "Кампус Крусейд", "Студенческое движение за Христа" (Campus Crusade for Christ)
КММ - Корейская международная миссия (Korean International Mission)
КХНЕ - Комиссия христианских национальных евангелистов (Christian Nationals Evangelism Commission)
ЛАМ - Латиноамериканская миссия (Latin America Mission)

ЛАРЕ - Латиноамериканский радиоевангелизм (Latin America Radio Evangelism)
ЛИЛ - Летний институт лингвистики (Summer Institute of Linguistics)
ЛКЕ - Лига карманного Евангелия (Pocket Testament League)
ЛММ - Литературная миссия Мооди (Moody Literature Mission)
ЛМО - Лондонское миссионерское общество (London Missionary Society)
ЛПЛ - Лига протестантской литературы (Evangelical Literature League)
МАН - Миссионерское авиационное братство (Mission Aviation Fellowship)
МАЗМ - Межконфессиональная ассоциация зарубежных миссий (Interdenominational Foreign Mission Association)
МБ - Международное братство студентов-протестантов (International Fellowship of Evangelical Students)
МЕК - Международные евангелизационные кампании (International Crusades)
МЕС - Миссия "Евангельский союз" (Evangelical Alliance Mission)
МЛ - Евангелизационная кампания "Мировая литература" (World Literature Crusade)
ММ - Молодежь с миссией (Youth With a Mission)
ММВ - Международное мировое видение (World Vision International)
МЫЗ - Миссия неохваченных земель (Unevangelized Field Mission)
МНП - Миссия новых племен (New Tribes Mission)
МРМБ - Мировое радио миссионерского братства (World Radio Missionary Fellowship)
МРЦ - Международный рост церкви (Church Growth International)
МСК - Международная студенческая консультация по смежным миссиям (International Student Consultation on Frontier Missions)
МСС - Миссии скандинавского союза - TEAM MX - Молодежь за Христа (Youth for Christ)
Навигаторы - (Navigators)
НАП - Национальная ассоциация протестантов (National Association of Evangelical)
НМО - Нидерландское миссионерское общество (Netherlands Missionary Society)
НСЦХ - Национальный совет церквей Христа (National Council of Churches)
ОБО - Объединенные библейские общества (United Bible Societies)
ОД - Открытые двери (Open Doors)
ОМ - Обетование миру (Operation Mobilization)
ОРЕ - Общество распространения Евангелия (Society for the Propagation of the Gospel)
ОХМО - Объединенное христианское миссионерское общество (United Christian Missionary Society)
ПЛР - Протестантская литература за рубежом (Evangelical Literature Overseas)
ПМП - Программы медицинской помощи (Medical Assistance Programs)
РПМС - Регионы за пределами миссионерского союза (Regions Beyond Missionary Union)
САМ - Сердце африканской миссии (Heart of Africa Mission)
СВМ - Суданская внутренняя миссия (Sudan Interior Mission)
СДЦ - Студенческое добровольческое движение (Student Volunteer Movement)
СЕО - Славянское евангельское общество (Slavic Gospel Association)
СЖ - Слово жизни (Word of Life)
СОМ - Суданская объединенная миссия (Sudan United Mission)
СОРВ - Священное общество распространения веры (Sacred Congregation for the Propagation of the Faith)
ТМР - Трансмировое радио (Trans World Radio)
УМЦА - Университетская миссия в Центральную Африку (the Universities Mission to Central Africa)
ФМБ - Филиппинское миссионерское братство (Philippines Missionary Fellowship)
ХЛ - Евангелизационная кампания "Христианская литература" (Christian Literature Crusade)
ХМ ВС - Христианские миссии во всех странах (Christian Missions in Many Lands)
ХМС - Христианско-миссионерский союз (Christian and Missionary Alliance)
ХНЕК - Христианский национальный евангелизационный комитет (Christian Nationals Evangelism Commission)
ХОИВ - Христианское общество "Интер-Варсити" (Inter-Varsity Christian Fellowship)
ЦАМ - Центральная американская миссия (Central American Mission)
ЦМО - Церковное миссионерское общество (Church Missionary Society of the Anglican Church)

Часть 1. Неуклонное продвижение

Настоятельная необходимость, прозвучавшая в Великом поручении, данном Иисусом Своим ученикам, возможно, не была по-настоящему осознана многими новозаветными верующими. В первые века это Поручение как таковое не стало движущей силой для быстрого роста церквей. Гонения рассеяли верующих по всему району Средиземноморья, и христианство быстро пустило корни в первую очередь там, где язычники, чтущие Бога, обратились в синагогах к иудейской вере. Язычники были приятно изумлены и обрадованы, услышав Благою весть, которая не требовала, чтобы обращенные язычники становились иудеями, но говорила об "очищении сердца от порочной совести" (Евр. 10:22). Таким образом, к концу I в. церковь возникла в Европе, Африке и Азии. К середине IV в. христианское движение, особенно в южной части империи, стало настолько мощным, что даже императоры были вынуждены принять христианство всерьез. Это доказывает лишь то, что новозаветное утверждение Великого поручения не столько вдохновило миссионеров на распространение этой веры, сколько представило описание самопроизвольного распространения живой и активной веры во Христа. Иисус сказал, что врата ада не одолеют ее, равно как и власть Рима, несмотря на регулярно повторявшиеся периоды гонений, не сумевшие остановить мощную волну неуклонного и наступательного продвижения истинной веры.

В то время как благовестие и возникновение церквей стало основной заботой новозаветной церкви, в IV в. на фоне внезапно возникшей свободы проступили всевозможные теологические проблемы. Христианские лидеры были поглощены борьбой с ересями, посягавшими на чистоту веры извне, а внутри возникали самые разнообразные доктринальные противоречия. Теологи изобретали новые символы веры, а церковные советы спорили обо всем, начиная с божественности Христа и кончая вопросом о том, имеет ли женщина душу. Истинное значение спасения и необходимость распространения Благой вести практически игнорировались.

Вторжение варваров и последовавшее за этим падение Римской империи, однако, положили быстрый конец всем подобным перебранкам. Западная Европа была в полном хаосе, и потребовался талант и способности такого выдающегося человека, как Григорий Великий, римский епископ 590-604 гг., чтобы стабилизировать обстановку в церкви и вновь оживить миссионерскую деятельность. Он увидел необходимость политических союзов и установил такую модель церковно-государственного сотрудничества, которая просуществовала несколько столетий. Он понимал, что церковь не сможет существовать среди враждебно настроенных народов без военной помощи их светских правителей.

Карл Великий (742-814), могущественный король франков, выделяется среди других правителей своей военной поддержкой христианства. Ни один другой король ни до, ни после него не придавал такого значения объяснению и распространению Библии. Король Карл расширил круг действия номинального христианства на огромные территории Европы и оказался первым деятелем, который во времена Каролингского возрождения побудил народ к овладению грамотой и самой разнообразной христианской деятельности.

Христианское движение в союзе с такими правителями, казалось бы, внедрялось в области срединной Европы, заселенной варварами. Но в то же время оно быстро теряло почву под ногами под мощным натиском ислама, когда эта новая религия захлестнула мир с востока через Палестину и Африку и пришла в Испанию. Мусульмане были остановлены военной мощью в битве при Туре в 732 г., и в этих странах большая часть правителей рассматривала силу как единственно реальный ответ на столь всеобъемлющую угрозу. Началась эпоха крестовых походов (1095-1291), названная Ральфом Уин-тером "самым массовым и трагически неверным истолкованием христианской миссии во всей истории", направленных на возврат утраченных позиций. Накал крестовых походов постепенно ослабевал, освобождая огромные ресурсы миссионерских сил для выполнения их основной задачи.

Однако нет никаких оснований считать, что в Средние века не существовало истинно миссионерской деятельности. Кельты и ариане проводили замечательную евангелическую работу, приводя в церковь огромное количество варваров. Позже монахи Римской католической церкви сыграли значительную роль в проповеди

Евангелия среди варваров. Особое влияние на развитие миссионерского движения оказали бенедиктинцы посредством организации своих миссий в отдаленных районах; но постепенное накопление больших богатств в этом ордене привело его к упадку - не только в плане отвлечения монахов от духовных проблем, но и потому, что их монастыри стали главной целью набегов викингов.

Нападения готов, визиготов (вестготов) и вандалов, приведшие Римскую империю к упадку, оказались чуть ли не кроткими по сравнению с более поздним наступлением викингов. Эти морские воины "стали бичом Англии и всего континента", по словам Герберта Кейна (Herbert Keane). "Их набеги на монастыри и церкви были настолько опустошительными, что какое-то время казалось, будто они грозят уничтожением миссионерства во всей английской церкви". "Ирландский вулкан, извергавший пылкий огонь благовестия в течение трех веков, - пишет Уинтер, - охладил почти до точки остывания". Разрушение монастырей, однако, не уничтожило евангельского свидетельства. "Феноменальную силу христианства", указывает Уинтер, невозможно уничтожить: "победители были побеждены верой своих пленников. Именно монахов обычно продавали в рабство, либо девушек-христианок заставляли выходить за порабощенцев замуж или становиться их наложницами, что в конце концов оказало свое влияние на северных дикарей". Тем не менее наступление викингов нанесло сокрушительный удар по прочности как кельтских, так и римских традиций на Британских островах и в Центральной Европе.

Уничтожение библейских рукописей в монастырях и церквях отрицательно сказалось на миссионерском движении, но были и другие факторы, которые, несомненно, стали еще большим препятствием благовествованию в Средние века. Церковное руководство на протяжении большей части средневековой истории пребывало в печальном положении. Власть папства еще задолго до этого вызывала нарекания, а в X в. моральное состояние этой власти достигло самой низкой точки. Иногда папы являлись самыми большими негодями в обществе. Папа Стефан IV (умер в 772 г.) судился со своим усопшим предшественником, посадив труп его в кресло лицом к синоду. Сам же он был посажен в тюрьму, где менее чем через год был убит по приказу своего соперника-католика. Подчас папы, занимая эту должность, открыто совершали аморальные и противозаконные действия. Великая схизма XIV и XV вв., приведшая к избранию двух, а иногда и трех пап, не изменила качественно ни образ папства вообще, ни духовное состояние церковного руководства. [Схизма, или Великий Раскол, - в Западной Европе так называется период 1378-1417 гг., когда обострение конфликта папства с рядом стран (Францией, Германией, Англией) привело к одновременным выборам нескольких пап. - Примеч. пер.]

Но если эта политическая форма христианства была слишком занята другими проблемами, чтобы подумать о миссионерском движении, такой же далекой от благовестия оказалась и академическая традиция. Теоретическая, ориентированная на философию теология Средних веков, известная как схоластика, занимала лучшие умы церковных деятелей. Образование перестало ставить перед собой практические цели и сконцентрировалось на проблеме примирения догмы с рассудком. "С неустранимой уверенностью, - пишет Филипп Шафф (Philip Schaff), - эти занятые умы размышляли о высоких материях, находили спорные вопросы и отвечали на них, пропускали через огонь критики все принятые догмы, чтобы выявить их несгибаемый характер. Это были рыцари теологии... Философия... была их служанкой... диалектика - их мечом и копьем".

Положительным моментом явилось то, что начался процесс очищения церкви. Было предпринято несколько попыток реформировать папство - где-то более, а где-то менее успешно. Произошли значительные реформы в монашестве, что в результате привело к более активному движению в области евангелизации. Реформа Клюни, начавшаяся в 910 г. в аббатстве Клюни в центральной Франции, явилась основой духовного обновления в монашестве. За этими реформами последовало вдохновенное служение Бернарда Клервоского (1090-1153). Возникновение цистерцианцев усилило евангелизационную активность в Европе. Однако наибольшего развития римские католические ордена достигли благодаря работе проповедующих монахов, которые оказали значительное влияние на миссионерское движение в церквях к концу Средневековья. Францисканцы (члены ордена, основанного в 1209 г.), доминиканцы

(1216), а позже и иезуиты (1534) насаждали церкви и монастыри в Европе и по всему миру.

Восемнадцать столетий продвижения

Средиземноморье	<p>(64) Нерон начинает преследования (67) Мученичество Петра и Павла (70) Разрушение Иерусалима (156) Мученичество Поликарпа (165) Смерть Иустина Мученика (203) Мученичество Перпетуи оказывается под (303) Диоклетиан начинает преследования (313) Константин издает Миланский эдикт (325) Никейский собор влиянием ислама (340) Ульфила начинает служение у готов (595) Григорий Великий призывает монаха Августина (638) Иерусалим (1095) Начало крестовых походов (1276) Луллий открывает монастырь на Майорке (1316) Смерть Раймунда Луллия</p>
Северная и Западная Европа	<p>(361) Мартин Турский начинает миссионерскую (432) Патрик прибывает в Ирландию деятельность (496) Обращение Хлодвига (563) Колумба прибывает в Шотландию (716) Бонифаий начинает миссионерскую деятельность (732) Битва при Туре (744) Основание Фульды (800) Коронование Карла Великого (827) Ансельм прибывает в Данию (1212) Франциск Ассизский начинает миссионерскую деятельность в Сирии (1216) Основание ордена доминиканцев (1219) Францисканцы отправляются в Северную Африку (1534) Основание иезуитского ордена (1622) Основание "Пропаганды" (1705) Основание датско-галльской миссии (1722) Цинцендорф основывает Гернгут (1773) Запрет иезуитского ордена папой</p>
Азия и Африка	<p>(635) Несториане прибывают в Китай (1219) Монах Джон прибывает в Пекин (1542) Ксаверин прибывает в Индию (1583) Риччи прибывает в Китай (1606) Де Нобиле прибывает в Индию (1706) Цигенбальг прибывает в Индию (1737) Георг Шмидт прибывает в Южную Африку (1750) К. Ф.Шварц прибывает в Индию</p>
Новый Свет	<p>(1510) Доминиканцы прибывают на Гаити (1523) Лас Казас присоединяется к доминиканцам (1555) Кальвин отправляет колонистов в Бразилию (1625) Бребеф призван в Новую Францию (1646) Джон Элиот впервые проповедует индейцам (1675) Война короля Филиппа (1722) Эгеде прибывает в Гренландию (1732) Моравские братья посылают миссионеров на Виргинские острова (1733) Христиан Дейвид прибывает в Гренландию (1743) Брейнерд начинает миссионерскую деятельность (1744) Цейзбергер начинает миссионерскую деятельность у индейцев</p>

Многим христианам эти реформы казались недостаточно глубокими. Поэтому в Средние века возникали различные движения, направленные на очищение Тела Христова. Они находились в открытой оппозиции к Римской католической церкви. Одним из ярких примеров такого противостояния является движение вальденсов. Оппозиция заклеила их как еретиков, но они были намного ближе к новозаветному христианству, чем многие католики. Они придавали большое значение проповеди Евангелия, изучению Библии и личной преданности Христу; с XII по XV в. они распространились по Центральной и Восточной Европе. Начиная с XIV в. последователи Уиклифа и Гуса проводили подобные реформы, подготавливая путь для протестантской Реформации.

Реформация XVI в. внесла свежую струю в развитие христианской жизни, к сожалению, мало сделав для благовестия ранее необращенным людям. Духовное возрождение в Европе привело значительную часть населения к осознанной вере, но необходимость нести ее другим народам не воспринималась верующими как обязанность и потребность. Протестанты вели борьбу за собственное выживание (к сожалению, друг с другом), и Великое поручение было предано полному забвению.

Протестантская Реформация, как и другие реформаторские движения в истории церкви, с трудом сохранила свою духовную жизнеспособность. Энтузиазм Лютера, Кальвина, Меланхтона и Цвингли во многих случаях не шел дальше мертвого формализма римских традиций, и протестантские церкви во многих регионах стали лишь переименованными придатками государства. Но, независимо от того, насколько низко пала церковь, всегда оставались те, кто искал в своей жизни более глубокое духовное предназначение. Анабаптистское движение, охватившее братские и меннонитские церкви, привнесло тепло в религиозную атмосферу Европы и вылилось впоследствии в еще более значительное евангелическое пробуждение, повлиявшее в XVII и XVIII вв. на все западные церкви. Пиетизм на континенте и евангелические движения в Британии и Америке привели к возрождению христианства, на основе которого возникло усиление стремления к миссионерской деятельности. Пиетисты и их моравские последователи разошлись по всему миру, а христиане в Британии и Америке начали действовать, исходя из духовного долга по отношению к коренным жителям Америки.

Такая преданность делу миссионерского движения стала вдохновляющим фактором. Появился новый импульс, побуждающий людей к исполнению Великого поручения. Близился рассвет современного протестантского миссионерского движения, который произошел лишь после столетий неопределенности. Развитие шло неуклонным, пусть медленным и неровным, курсом, со взлетами и падениями. Тогда еще трудно было предположить, что христианство когда-нибудь станет самой многочисленной и самой многоликой общемировой религией.

Глава 1. Ранние века: благовестие в Римской империи

Христианство и миссионерство. Эти два понятия неразрывно связаны между собой. Интересно задуматься над тем, что было бы с христианством сегодня без развития миссионерского движения, возникшего после Пятидесятницы и продолжавшегося в течение нескольких последующих веков. Может быть, как и зороастризм, оно стало бы загадочной религией древних, малоизвестной за пределами страны возникновения, предметом исследования ученых мужей. Однако с самого момента возникновения христианство отличалось от всех других религий. Сердцевиной этой веры явилось повеление нести Благою весть до самого края земли.

Поколение после Пятидесятницы перевернуло мир вверх дном - распространяя христианство за пределами Палестины до Рима и далее, практически до каждого крупного города во всей Восточной империи. "То, что началось как иудейская секта в 30 г. н. э., - пишет Дж. Герберт Кейн, - к 60 г. выросло в мировую религию". Вдохновленные руководством таких великих христиан, как Петр и Павел, гонимые за пределы страны преследованиями (и разрушением Иерусалимского храма в 70 г. н. э.), многие одаренные и просто обыкновенные проповедники рассеялись по всему миру, неся с собой Христову весть. "Каждый христианин, - пишет Стефан Нейл (Stephen Neill), - стал свидетелем", и "самым значительным фактом является анонимность тех ранних

миссионеров". Их имена не найти в миссионерских летописях и на надгробных плитах. И все же именно они добились наибольшего успеха среди миссионеров всех времен. К счастью, для первых миссионеров условия были почти идеальными. По сравнению с последующими поколениями этих людей, часто встречавшими почти непреодолимые препятствия, ранние благовестники работали в условиях, которые буквально вымостили путь для их служения. В самой Римской империи в первые века нашей эры существовала великолепная возможность передвижения. Прекрасно обустроенные римские дороги служили открытым приглашением к путешествию, и относительный мир, воцарившийся в тот период, делал такое путешествие еще привлекательнее. Кроме того, в отличие от миссионеров более позднего периода, ранним благовестникам не нужно было долгие годы изучать чужой язык. Греческий язык считался универсальным языком общения во всей империи, и христиане легко могли говорить о Евангелии везде, где бы они ни находились.

Другим фактором, обеспечившим христианское свидетельство язычникам, явилась доступность проповеди в синагогах. Книга Деяний снова и снова упоминает о проповеди благовестия в иудейских синагогах во время общественных собраний. Это позволило христианским идеям посеять семена на территории всей империи за время жизни чуть больше одного поколения после смерти Христа. Хотя преследования были повседневной трагичной реальностью, все же существовали условия для публичного обсуждения любых вопросов в римском обществе. Возможность воспринимать новые идеи позволяла людям стремиться к чему-то большему, чем безличная и бессильная мистическая религия языческих богов.

Христианство проникло в римский мир пятью основными путями: работа проповедников; личное свидетельство верующих; деяния праведности и милосердия; вера, проявленная в гонениях и смерти; интеллектуальные размышления и споры ранних апологетов.

Судя по рассказам современников, христиане первых веков повсюду делились своей верой с другими. Когда двери синагог оказались для них закрытыми, учение и проповедь были продолжены в частных домах, обычно странствующими проповедниками. Евсевий Кесарийский, историк ранней церкви, рассказывает о самоотверженности некоторых странствующих евангелистов в начале II в.:

"В то время многие христиане чувствовали, что их души вдохновлены святым Словом, и ими владело страстное желание совершенства. Их первым действием, направленным на исполнение назиданий Спасителя, было продать свое имущество и раздать его бедным. Затем, покинув родные дома, они отправлялись исполнить свой долг свидетелей, проповедуя Слово веры тем, кто ничего о нем не слышал, вверяя им книгу божественных Евангелий. Они довольствовались тем, что закладывали основание веры среди иноземцев. Затем они назначали других братьев пасторами и возлагали на них ответственность за духовный рост тех, кого они привели к вере. Потом они уходили к другим народам и нациям с благодатью и помощью Бога".

Возможно, еще более значимым, чем проповедь странствующих проповедников, был поток свидетельств, проистекавший из повседневной жизни верующих. "В то время каждый христианин был миссионером, - писал Джон Фоке (John Foxe) в своей классической работе "Книга мучеников" ("Book of Martyrs"). - Солдат старался завербовать новобранцев для воинства небесного; стражник старался привести своего узника к Христу; рабыня нашептывала Евангелие в уши своей госпоже; молодая жена умоляла своего мужа принять крещение, чтобы их души пребывали вместе и после смерти; каждый, кто испытал радость пребывания в вере, старался привести к ней и других". Самые строгие критики христианства признавали их страстное проповедническое рвение. Одним из таких критиков был Цельс, с пера которого в те времена сорвалась не одна злобная и обличительная речь. Подобных речей, направленных против христианства, в те времена существовало много. Его рассказы о христианах, хотя и не всегда точные, утверждают: "Они ставят целью убедить в своей правоте лишь ничтожных и презренных людей, идиотов, рабов, бедных женщин и детей. Они ведут себя как шарлатаны или попрошайки; они не осмеливаются обратиться к аудитории интеллигентных людей... но если увидят группу молодежи, рабов или оборванных нищих, они подходят к ним и стараются привлечь внимание этой толпы. То же происходит в частных домах. Там можно увидеть чесальщиков шерсти, сапожников, прачек, людей безграмотных и невежественных".

Несмотря на то что такое свидетельство было очень важным, молчаливое свидетельство христианского милосердия имело еще большее значение в деле распространения Благой вести. Христиане проявляли удивительную любовь к людям. Наиболее яркие свидетельства об этом представлены опять же не самими христианами, а критиками христианства. Император Юлиан, эллинист, был озабочен тем, как бы приверженцев его религии не затмили христиане, к которым он обращается, как к "атеистам": "Атеизм в значительной степени преуспел благодаря тому служению с любовью, которое они оказывают посторонним людям, и через их заботу о погребении мертвых. Безобразно, что нет ни одного нищего еврея и что безбожные галилеяне заботятся не только о собственных бедных, но также и о наших; в то время как те, кто принадлежит к нам, безуспешно ждут помощи, которую должны были бы оказать мы".

Свидетельство, которое христиане являли в своей жизни, становилось очевидным и в смерти. До IV в., когда император Константин публично выбрал своей религией христианство, преследования были совершенно реальной угрозой для тех христиан, что открыто признавали свою веру. Хотя количество мучеников не было так велико, как утверждают некоторые историки, а вспышки гонений происходили время от времени и даже тогда имели достаточно локальный характер, все же ни один христианин не мог чувствовать себя в полной безопасности от возмездия официальных властей. После мученической смерти Стефана они поняли, что таким может оказаться и их конец - отрезвляющая мысль, исключавшая из их числа номинальных христиан. Огонь преследований очистил церковь, а смелость, проявленная невинными жертвами, стала тем зрелищным свидетельством, которого не могли не заметить неверующие зрители. Существует множество "достоверных случаев обращения язычников, - пишет Нейл, - что происходили в самый момент свидетельства приговоренных к смерти христиан". Этот фактор подтверждает убеждение апологета II в., Тертуллиана, говорившего о том, что "кровь мучеников является семенем церкви".

Гонения и мученичество привели многих неверующих к Христу, действуя на их эмоции. Других, напротив, привлекали своим воздействием на их интеллект рассуждения и хорошо продуманные аргументы ранних апологетов. Христианство, в отличие от других религий римского мира, родилось не из мифов и магии. Оно основывалось на реальных исторических фактах. Многие из первых христиан, начиная с апостола Павла в Афинах, осознавали, что один этот фактор может быть козырной картой в их свидетельстве образованным языческим философам. Такие защитники веры, как Ориген, Тертуллиан и Иустин Мученик, оказали огромное влияние на процесс более логического и разумного подхода к христианству, что помогло некоторой части интеллигенции также прийти к вере.

Но животворящая евангельская проповедь первых двух веков истории церкви стала тускнеть к началу IV в., времени правления императора Константина. Христианство стало государственной религией, и опять церкви заполнились номинальными христианами, которых мало интересовали духовные вопросы, а больше - политика и общественный престиж. Христианство стало модным. Простые домашние церкви сменились сложными сооружениями, а символы веры заменили спонтанные свидетельства и молитвы. Казалось, возникла необходимость в наступательном благовестии - по крайней мере, в цивилизованном римском мире.

На задворках империи невежественные варвары угрожали стабильности римского государства. Поэтому перспектива обращения их в христианство стала первостепенной задачей государственных чиновников, рьяно поддерживавших политику наступательного благовестия, проводимую такими проповедниками, как Мартин, епископ Тура. Он был солдатом IV в., ушел в монастырь, а затем отправился распространять евангельскую весть по всей сельской Франции. Некоторые из ранних и наиболее выдающихся зарубежных миссионеров, однако, никак не были связаны с государством или церковью в Риме. Ульфил (сторонник арианства), Патрик и Колумба (оба кельты) не имели прямых связей с римской церковью или государством (хотя их евангельское служение сделало какую-то часть территории Европы более восприимчивой к римской системе). Их основной задачей была проповедь Евангелия, сопровождавшаяся духовным ростом. Такая цель в последующие века чаще становилась второстепенной.

Апостол Павел

Исходным моментом христианских миссий явилась, конечно же, новозаветная церковь. Испуганные и колеблющиеся ученики, разбежавшиеся в часы агонии своего Учителя на кресте, получили силу Святого Духа в день Пятидесятницы. В этот самый момент и зародилось миссионерское движение. Самый подробный и точный отчет о новом миссионерском движении содержится в Книге Деяний, где апостол Павел стоит особняком от других, в то время как Петр, Варнава, Сила, Иоанн Марк, Филипп, Аполлос и другие играют очень важную роль. Кроме Писаний, нет других источников информации о первых христианах, за исключением того, что передавалось из поколения в поколение через предания, и в некоторых из них утверждается, что ученики Христовы сами понесли евангельскую весть другим народам. По преданию, Матфей отправился в Эфиопию, Андрей - в Скифию, Варфоломей - в Аравию и Индию, в Индию же отправился и Фома.

Наиболее достоверные из этих ранних преданий, по-видимому, касаются истории Фомы. Из истории следует, что Фома послушался призыва Господа идти благовествовать на Восток. За такое открытое неповиновение его увезли в Индию, где он наблюдал за строительством дворца царя Гун-добара. Далее предание сообщает о том, что, пребывая в услужении у царя, Фома все свои усилия направил на распространение Благой вести, а не на строительство дворца - преступление, за которое он попал в тюрьму. В конце концов Фоме удалось убедить самого царя, и тот уверовал и крестился. Хотя многие подробности этого рассказа кажутся вымышленными, основной смысл повествования вполне может содержать зерно истины. Группа "христиан святого Фомы" на юго-западе Индии до сих пор проводит свои богослужения в древней церкви, которая, по преданию, была основана Фомой. И теперь археологические раскопки установили факт реального существования царя Гундобара, который правил в Индии в I в.

Апостол Павел, несомненно, стоит в ряду величайших миссионеров ранней церкви. Он, по словам Кеннета Скотта Латуретта (Kenneth Scott Latourette), "сразу стал героем, образцом для подражания и источником вдохновения для тысяч своих последователей". Многие считают его величайшим миссионером всех времен, человеком, исполнившим выдающееся служение, заложившее основы христианства. Это учение пустило такие глубокие корни, что они обеспечили его развитие и стабильную прочность на многие последующие поколения. С чисто человеческой точки зрения, однако, Павел является фигурой, в меньшей степени вызывающей благоговение, чем может вообразить какой-нибудь его восторженный поклонник. Во многом он был самым обыкновенным человеком, сталкивавшимся с самыми обыкновенными проблемами, которые преодолевают любого миссионера.

Библейская история жизни и служения Павла всем хорошо известна. Рожденный в семье иудеев в Тарсе, он вырос и превратился в строгого фарисея, отчаянно сопротивлявшегося культу Иисуса, в котором видел угрозу иудаизму. Он был очевидцем мученической кончины Стефана, и первосвященник наделил его полномочиями задерживать таких еретиков. Он следовал в Дамаск для выполнения этой миссии, когда неожиданно и чудесным образом обратился сам. И с этого момента Павел стал самым энергичным благовестником христианской церкви I в.

Миссионерские путешествия приводили его в города всего средиземноморского мира, где он самым успешным образом закладывал основание истинных церквей.

Выдающиеся достижения Павла в деле миссионерского продвижения привели к тому, что некоторые исследователи данного вопроса призывают основательно, если не точно, скопировать его методы сегодня. Роланд Ал-лен (Roland Alien) в своей книге "Миссионерские методы: Святого Павла или наши?" ("Missionary Methods: St. Paul's or Ours?") твердо настаивает на этом, поскольку методы Павла оказались продуктивными: "Менее чем за десять лет святой Павел основал церкви в четырех провинциях империи - Галатии, Македонии, Ахаии и Азии. До 47 г. н. э. в этих провинциях церквей не было; в 57 г. н. э. святой Павел мог говорить о том, что его работа там завершена. Это воистину удивительный факт. То, что церкви основывались так быстро, так надежно, сегодня кажется нам, привычным к сложностям и трудностям, неопределенности и неудачам, катастрофическим повторениям одних и тех же ошибок, почти невероятным. Многие миссионеры более позднего времени обращали к вере большее количество людей, чем святой Павел; многие проповедовали Слово на территории большей, чем он; но никто не мог так основывать церкви. Мы давно забыли, что такое возможно...

Сегодня, если человек осмелится предположить, что в методах святого Павла может быть что-то такое, что позволяло ему получать такие поразительные результаты, и что эти методы заслуживают нашего внимания, а может быть, и использования, он рискует быть обвиненным в революционных тенденциях".

Аллен указывает, что Павел, в отличие от множества миссионеров последующих времен, вел свою работу в больших и важных населенных пунктах - центрах торговли и политического влияния, откуда Евангелие быстро разносилось в более отдаленные районы. Он умел охватить вниманием людей, принадлежавших ко всем слоям общества, обеспечивая тем самым широкое основание для церкви. Кроме всего прочего, он основывал независимые церкви, а не миссионерские посты. Он "не собирал прихожан, он насаживал церковь", избегая "сложной", "зарубежной системы церковной организации". Сегодняшние исследователи видят возможность применения методов Павла и в других областях. Дж. Кристи Уилсон (J. Christy Wilson) в своей книге "Today's Tent-makers" утверждает, что миссионеры должны обдумать преимущества служения в других странах, иметь определенную профессию, обеспечивая себя всем необходимым и благовествуя, основывая церкви так, как это делал Павел.

Не только методология Павла, но и те испытания, через которые он прошел, могут являться примером для современных миссионеров. Павел испытал почти все виды страданий, преследований и трудностей, кроме тюремного заключения и наказания плетьюми: "Три раза меня били палками, однажды камнями побивали, три раза я терпел кораблекрушение, ночь и день пробыл во глубине морской; много раз был в путешествиях, в опасностях на реках, в опасностях от разбойников, в опасностях от единоплеменников, в опасностях от язычников, в опасностях в городе, в опасностях в пустыне, в опасностях на море, в опасностях между лжебратиями, в труде и в изнурении, часто в бдении, в голоде и жажде, часто в посте, на стуже и в наготe. Кроме посторонних приключений, у меня ежедневное стечение людей, забота о всех церквах" (2 Кор. 11:25-28). Картину страданий Павла дополняло то, что он был отвержен и учениками Христа, принявшими его только после того, как на его защиту встал Варнава, и иудейскими вождями, с которыми он раньше был тесно связан. И наверняка он страдал от одиночества, не имея жены, не имея семьи.

Павел старался противостоять межличностным конфликтам, подобным спору с Варнавой о допустимости использования Иоанна Марка в качестве спутника-миссионера. Разгорелся острый спор, Павел поссорился с Варнавой, и возникла другая миссионерская группа; Варнава отправился в путешествие со своим племянником Иоанном Марком, а Павел уехал с Силой. Столкновение с проблемой культурных и религиозных традиций также ставило Павла в затруднительное положение. Вопросы потребления в пищу идоложертвенного, необходимость обрезания, соответствующий день богослужения были теми острыми и животрепещущими темами, которые он открыто рассматривал. К разрешению всех конфликтов он подходил скорее с точки зрения терпимости и снисходительности, чем закона, что используется всеми последующими поколениями миссионеров. Апостол Павел предложил настолько эффективный образец проповеди заблудшим овцам, что успехи и неудачи миссионерской работы с тех пор объясняются либо строгим соблюдением, либо отклонением от его личного примера и общих указаний, оставленных им.

Как и многих смелых христианских проповедников, последовавших за ним, Павла ожидала жестокая кончина. Согласно преданию, он встретил мученическую смерть вместе с Петром и многими другими христианами во время жестоких преследований при императоре Нероне в 64 г. н. э. Даже смерть Павла явилась примером, воодушевляющим последующие поколения не дорожить своей жизнью, ибо если они пострадали ради Христа, то они и царствовать будут вместе с Христом.

Поликарп

Несгибаемая вера христиан первых веков существования церкви выступает как сияющий образец преданности на фоне языческого мира. Как можно было твердо стоять перед лицом смерти и утверждать, что распятый Иисус есть Бог, если это было мифом или мошенничеством? Такое абсолютное доверие невидимому Богу казалось феноменом, никогда ранее не виданным. В чем заключался источник такой силы и смелости? Многие люди начали свой путь к вере с ответа на подобные вопросы.

Одним из первых широко известных мучеников в годы, последовавшие за новозаветным периодом, был Поликарп, любимый епископ верующих в Смирне. "Он был почитаемым человеком, - пишет Ф. Ф. Брюс (F. F. Bruce), - последним звеном, связывавшим тех, кто видел Христа во плоти, ибо он сидел у ног Иоанна, Его любимого ученика". Как и когда он стал христианином, неизвестно, но в начале 11 в. он исполнял успешное служение в Смирне. "Рабы, местные аристократы и... люди, служившие проконсулу", входили, по словам У. Фрейда (W. H. C. Frend), в состав его "тесно сплоченного и хорошо организованного прихода".

Его служение против язычества поражало своей мощностью настолько, что он прослыл по всей Малой Азии "атеистом" - "азийским учителем, разрушителем их богов". По мнению язычников, он прославлял мертвого человека, и его волнующие службы об учении и чудесах, совершенных Иисусом, о которых он знал из первых рук от Иоанна, особенно выводили из себя язычников. Источником раздражения также являлись его писания. Единственным документом, написанным им и сохранившимся до наших дней, является Послание к Филиппинской церкви, в котором центральное место занимает учение о Христе. "О Христе он говорит в высоких выражениях, как о Господе, Который восседает одесную Бога и Которому все подчинено на небесах и на земле".

Около пятидесяти лет Поликарп, как епископ, оказывал сильнейшее влияние на окружающих людей. И все же, судя по словам Эллиот Райт (Elliott Wright), "он был нежнейшим... из всех людей... прекрасный образец для научения смирению". Он не принадлежал к апостольскому веку и, кроме своих воспоминаний о связях с Иоанном, никогда не уравнивал себя с апостолами, что явствует из его же Послания: "Я пишу все это, братия, не в высокомерии, но потому, что вы просили меня об этом. Ибо ни я, ни кто другой подобный мне, не обладает мудростью благословенного и славного Павла, который бывал среди вас... и твердо учил вас слову истины".

В 156 г. н. э. Азию захлестнули антихристианские преследования. Об этом говорится в Послании из смирн-ской церкви. Гражданские власти по неизвестным нам причинам решили предать смерти нескольких христиан. Поликарп мог стать их желанной мишенью, и верующие настояли, чтобы он укрылся в потайном месте. Но он прятался недолго. Его слуга не выдержал пыток, солдаты узнали место убежища и нашли его прячущимся на сеновале.

Но казнь Поликарпа не получилась такой, какой ее хотели видеть власти. Поликарпу исполнилось восемьдесят шесть лет, и что было толку лишать его жизни? Власти хотели, чтобы он отрекся от веры. Его отречение стало бы победой язычества над христианством и нанесло бы сильный удар по "культу" Иисуса. "Что же дурного в том, что ты скажешь "Цезарь есть Господь" и воскуришь в его честь фимиам, и тем спасешь себя", - уговаривали его чиновники, когда он приведен был к ним под арестом. "Имей уважение к своему возрасту, - просил проконсул, - поклянись божественностью цезаря; покайся и скажи: "Долой атеистов"... Поклянись, и я тебя отпущу".

То, что за этим последовало, красочно описано историком ранней церкви Евсевием: "Но Поликарп спокойно взглянул на собравшуюся толпу, махнул рукой в их сторону, вздохнул, поднял глаза к небу и громко сказал. "Долой безбожников!" Правитель продолжал настаивать и дальше: "Поклянись, и я освобожу тебя; отрекись от Христа". "Восемьдесят шесть лет, - сказал Поликарп, - я служил Ему, и Он не сделал мне ничего плохого: как я могу поносить моего Царя, Который спас меня" "У меня есть дикие звери, - продолжал проконсул... - Если ты не боишься диких зверей, я сожгу тебя на костре.. " Поликарп ответил: "Тот огонь, которым ты пугаешь, будет жечь короткое время и вскоре погаснет; но есть огонь, о котором ты ничего не знаешь - огонь предстоящего суда и вечного наказания, огонь, сохраняемый для безбожников. Но чего ты ждешь? Делай, что хотел". <...> Проконсул изумился и послал глашатая в центр арены провозгласить три раза: "Поликарп засвидетельствовал, что он есть христианин". <...> Тогда из всех глоток вырвался крик, что Поликарпа следует сжечь живьем... Остальное произошло быстрее, чем можно описать: толпа ринулась собирать топливо для костра из мастерских и общественных бань... Когда костер был готов... Поликарп помолился. . Когда закончил свою молитву, произнес "Аминь", люди подождгли костер и огромное пламя взмыло вверх".

Хотя казнь Поликарпа была организована языческими властями, побуждаемыми антихристианской толпой, конечным результатом явилась победа христиан Верующие в Смирне, конечно, чувствовали себя осиротевшими, потеряв своего дорогого пастора, но,

с другой стороны, многих неверующих обьял ужас от происшедшего. Смерть Поликарпа завершила период гонений в Азии, проложив дорогу менее смелым, чем он, дав им возможность открыто провозгласить свою веру в Христа.

Перпетуя

Прекращение преследований в Малой Азии после смерти Поликарпа не означало прекращения враждебного отношения к христианам по всей Римской империи. Гонения продолжались в других местах, и к началу III в. они усилились, став хорошо координированными, особенно в Северной Африке, где приняли мученическую смерть Перпетуя и ее служанка Фелицитата. Однако до этого периода массовых преследований имели место и отдельные случаи мученичества христианских верующих, известные в истории. Например, в Риме, лет через десять после гибели Поликарпа, обезглавили Иустина, которого с того времени стали называть Иустином Мучеником.

Воспитанный на философии Платона, Иустин был обращен в христианство молодым человеком и вскоре стал одним из способнейших защитников веры. Он был талантливым писателем, умно представлявшим христианство своим языческим читателям и открыто говорившим о преследовании братьев по вере. В Риме он нази-дал верующих и интересующихся, собиравшихся в частных домах, и именно эта вина, более чем другая, привела его к мученической смерти. После пыток судья вынес ему смертный приговор, и Иустин вместе с другими пятью мужчинами и одной женщиной был обезглавлен.

Первое массовое гонение на христиан произошло несколько десятилетий спустя, в правление Септимия Севера. В 202 г. император издал указ, запретивший обращение в христианство и иудаизм. Сам император поклонялся Серапису, египетскому богу мертвых, и боялся, что христианство станет угрозой его собственной религии. Хотя указ был направлен в основном на возможных верующих, последствия его не замедлили сказаться как на вновь уверовавших, так и на зрелых лидерах христианской церкви.

В Карфагене преследования императора оказались особенно ощутимыми. В этом крупном североафриканском римском городе рост христианства весьма тревожил чиновников, и императорский указ распространился на всех, кто "учил или обращал в веру". Среди карфагенских христиан был Сатир, диакон, проводивший занятия по катехизису в группе новообращенных. Вибия Перпетуя, двадцатидвухлетняя мать новорожденного сына, и ее рабыня, Фелицитата (которая была на восьмом месяце беременности), оказались среди тех, кого коснулся указ императора. Ничего не известно о муже Перпетуи, но историки считают, что он либо умер, либо оставил жену из-за ее новой веры. Среди остальных осужденных на смерть были Сатир, их учитель, и трое других мужчин.

История самой Перпетуи сохранилась в документе III в. "Страсти Перпетуи и Фелицитаты" ("Passions of Perpetua and Felicitas"), по-видимому, основаны на дневниках и записях Перпетуи и Сатира. "Некоторая часть истории, возможно, легендарного характера, - замечает Элиот Райт, - но в сравнении с большей частью биографий святых мучеников III в. рассказ насыщен убедительными человеческими чувствами". В этом рассказе Перпетуя говорит о неудачах и унижении своего отца, уважаемого и знатного человека, которые ему пришлось пережить, когда он узнал, что единственная дочь арестована и содержится под стражей, как обычная преступница. Он немедленно пришел к ней и молил ее отступить от новой веры. Когда она отказалась, он пришел в ярость и грозился бить ее, но она осталась непоколебимой.

Стойкое поведение Перпетуи, однако, вскоре было сломлено. То, чего не мог добиться ее непреклонный отец, смогло сделать ее беззащитное дитя. Она была "истерзана беспокойством" почти до изнеможения, и лишь позже двое христиан сумели пронести в тюрьму ребенка. "Я покормила своего ребенка, истощенного от голода. В великом беспокойстве я говорила о сыне со своей матерью, я старалась утешить брата и отдала ребенка их заботам. Я мучилась, потому что видела, как они страдают, жалея меня. Эти пытки я должна была выносить в течение нескольких дней. Затем я получила разрешение оставить ребенка в тюрьме. Я сразу выздоровела, почувствовала облегчение и освободилась от чувства тревоги и беспокойства за свое дитя".

По мере приближения казни семейная драма становилась все более острой. Отец Перпетуи пришел в тюрьму и снова умолял поставить интересы семьи выше ее веры. "Не сокращай дни нашей жизни; ибо никто из нас больше никогда не оправится, если с тобой что-нибудь случится". Но молодая женщина выдержала все и была непреклонна: "Это свершится на виселице, которую возведут по Божьей воле; ибо я знаю, что мы не зависим от нашей воли, но только от Божьей". На следующий день, когда отец услышал, что его дочь бросят на арену к диким зверям, он решил спасти ее. Это был героический акт сострадания, однако власти решили предать пожилого человека наказанию плетью. Зрелище было печальным. "Я плакала о судьбе своего отца, - писала Пер-петуя, - словно эти удары наносились мне".

Когда так называемые судебные разбирательства закончились, участь узников закрепили печатью. Оставшиеся до казни дни они провели в одиночестве и размышлениях, "более всего относившихся к вопросу достоинства и верности Христу", по словам Райта, "чем к тем страданиям, что их ждали впереди". Они встретились для молитвы, разделили совместный ужин - их агапе, вечерю любви - и свидетельствовали о своей вере толпе, стоявшей снаружи.

В день казни узников привели на арену, где, согласно римским обычаям, сначала отдали диким зверям на растерзание мужчин для развлечения толпы перед казнью. Сатир на минуту задержался у ворот для слова свидетельства Пуду, начальнику тюрьмы, который впоследствии обратился к Христу и сам стал мучеником. Затем мужчины были отосланы на арену, где находились медведь, леопард и дикий кабан. Сатир оказался настолько изуродован и залит кровью после этого, что зрители насмеялись над ним-, крича: "Он хорошо окрестился!" Пер-петуя и Фелицитата (которая родила в тюрьме) были раздеты и вышли на арену встретиться с "бешеной телкой". Вскоре кровавые пытки стали невыносимым зрелищем даже для этой кровожадной толпы, и люди стали кричать: "Довольно!"

Когда первая часть представления закончилась, молодых женщин привели к палачу, в это самое время Перпе-туя выкрикнула друзьям-христианам, желая поддержать их в горе: "Передайте Божье Слово братьям и сестрам; крепко стойте в вере и любви друг к другу и не позволяйте нашим страданиям стать камнем преткновения для вас". Затем ее отвели к гладиатору и обезглавили. То ли от неуверенности, то ли от отсутствия практики первого удара гладиатора оказалось недостаточно. Перпетуя вскричала от боли, взяла дрожащую руку гладиатора, направила меч к своей шее - и все закончилось.

После волны преследований настал период относительного мира в пятьдесят лет. В это время церковь постоянно росла. Многие люди, которые сами не могли бы претерпеть такие испытания веры, какие выпали на долю Перпетуи и ее собратьев, тем не менее были привлечены их примером преданности, продемонстрировавшим такую чистую любовь и такую безграничную смелость.

Ульфила

Вслед за ставшим повсеместно известным обращением императора Константина в 312 г., Римская империя превратилась в номинально христианскую страну, и живое свидетельство христиан постепенно угасло. Они больше не страдали за свою веру, быть христианином стало модно, и это привело к ослаблению духовного рвения. Мученичество и преследования казались ужасом прошлого. Церковь и государство были тесно связаны между собой, и христианство все больше и больше использовалось в качестве оправдания имперских войн. Политики обратились к миссионерской силе в надежде, что успехи миссионеров помогут привести внешние земли под контроль Римской империи. Ульфила был одним из таких миссионеров. Хотя он объяснял свои действия желанием распространять Евангелие, его миссионерская деятельность в глазах римских властей хорошо согласовывалась с их политикой территориальной экспансии.

Ульфила являлся одним из величайших зарубежных миссионеров ранней христианской церкви. Он служил готам, варварскому племени, находившемуся вне пределов Римской империи, жившему на территории современной Румынии. Ульфила родился в 311 г. и вырос в окружении языческих гот. Считают, что его мать была гот-кой, а отец христианином из Каппадокии, захваченным в плен готскими воинами. Когда ему

исполнилось чуть больше двадцати, его отправили в Константинополь на дипломатическую службу. Здесь он провел несколько лет и попал под влияние епископа Евсевия Никомидийского, который обучал его Писаниям на греческом и латинском языках. Под руководством Евсевия он стал чтецом, возможно, служа готским солдатам в римской армии.

Евсевий, как и многие византийские епископы того времени, был сторонником арианства, или, по меньшей мере, полуарианства, и это еретическое учение коснулось и Ульфила. Арий, современник Ульфила, слыл популярным христианским проповедником с большим даром убеждения. Он запомнился более всего тем, что вел теологическую борьбу по вопросу божественности Христа. Из отрывков Писаний, где говорится о Христе как о "рожденном от Отца" и "Первенце всего творения", он сделал вывод, что, хотя Христос был безгрешен и неизменен и является Спасителем всего человечества, Он совершенно отличается от Отца, а потому не является Богом. Хотя на Никейском соборе эту доктрину отвергли, многие церковники, в частности, в восточной части империи, продолжали придерживаться этого взгляда, - а среди них и Ульфила. Но, согласно Латуретту, "то была мягкая форма арианства, которую он исповедовал".

В возрасте тридцати лет, проведя почти десять лет в Константинополе, Ульфила был посвящен в епископы для готов - тех, что жили к северу от Дуная за пределами Римской империи. Очевидно, там уже существовали христиане, иначе его не послали бы туда епископом. Тем не менее своей первоочередной задачей он видел благовествование. Его служение было обращено к людям, которые считались варварами, "дикими и некультурными", "грубыми и жестокими, с низким уровнем жизни, часто проживавшими в повозках, потому что они не имели постоянных жилищ". Для таких "простолюдинов", как предполагает Стефан Нейл, арианство "могло представлять привлекательное упрощение, поскольку оно было свободно от сложных противоречий, касающихся характера и личности Христа, чтобы последовать за Ним как за лидером и отдать все внимание достаточно трудной задаче научиться жить трезвой, праведной и богоугодной жизнью".

Сорок лет Ульфила вел проповедническую деятельность среди готов, деятельность, которая шла весьма успешно, но иногда подвергалась преследованиям. В 348 г. против него восстал военачальник готов Атанарик (Athanaric), считавший, что задача Ульфила состоит в подчинении готов римлянам. Гонения были настолько жестокими, что привели к смерти огромного количества христиан. Потому Ульфила, с разрешения арианского правителя Константина, переместил готскую христианскую общину через Дунай на безопасную римскую территорию. Позже некоторые из его прихожан, вернувшись на территорию готов, сами стали миссионерами и служили своему народу. Бессмертным трудом любви, который Ульфила совершил ради готов, стал его перевод Библии на их родной язык. Поскольку у готов отсутствовала письменность, ему пришлось изобрести алфавит. Это был, "возможно, первый или второй случай", по свидетельству Латуретта, "который впоследствии повторился со многими сотнями языков, - обретение ими письменности при помощи христианских миссионеров и перевод на их языки части или полного Писания". Ульфила оказался исключительно старательным и скрупулезным переводчиком и переводил с греческого на готский почти слово в слово, не теряя готских идиом, и готы, равно как и вандалы, носили с собой свою Библию, передвигаясь с места на место по всей Европе.

Хотя перевод Ульфила в первые века явился монументальным вкладом в миссионерское дело, но даже эта область его деятельности попала под огонь критики. Он намеренно опустил Книги Царств в своем переводе Библии, потому что, по словам историка ранней христианской церкви, "это просто рассказ о военных подвигах, а готские племена были особенно преданы военному делу. Нужно было притушить их военный пыл, а не подстегивать их еще больше к военным действиям".

Ульфила умер в возрасте семидесяти лет во время пребывания в Константинополе с поручением от готского короля. Давнее военное противостояние готов и Римской империи продолжилось и после его смерти. Опустошительные набеги визиготов (вестготов) на империю не прекращались, и борьба длилась еще десятки лет, закончившись 24 августа 410 г., когда Аларих и его армия обрушились на Рим. Но, несмотря на военные кампании, благо-вестование в рядах готов продолжили верные последователи Ульфила. Они сопровождали странствующие готские племена и на поля битвы, и повсюду, куда бы ни вели их готские караваны. Это послужило поводом к

саркастическим комментарием Амвросия Медиоланского, резко настроенного против ариан: "Те, кто раньше пользовался повозками для жилищ, теперь используют эти повозки для церкви". Но, оставляя сарказм в стороне, это "едкое замечание, - пишет В. Реймонд Эдман (V. Raymond Ed-man), - стало комплиментом для тех людей веры, кто, как и Павел, сделали "всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых" (1 Кор. 9:22). Возможно, их доктрина была ошибочной; но их сердца оставались верными. Они искали служения, а не безопасности; братства во Христе, а не кафедры; ученичества, а не власти".

Патрик

Окутанный легендой и прославленный как святой, великий ирландский миссионер V в. является одной из фигур, которую в истории церкви часто представляют неверно. Несмотря на существующее мнение, Патрик не был ни римским католиком, ни ирландцем, а его канонизация произошла на соборе в Уитби (два века спустя после его смерти) с целью привести кельтскую церковь под владычество Римской католической церкви. И все же сегодня его имя стало почти синонимом ирландского католицизма, а история его истинного служения изменена до неузнаваемости.

Патрик родился в христианской семье в римской провинции Британии около 389 г. н. э. Его отец был диаконом, а дед - священником в кельтской церкви. В период до римского владычества большая часть священнослужителей обзаводилась семьями. О детстве Патрика известно мало. Когда он был подростком, его город на западном берегу Британии подвергся нападению ирландских грабителей, и многих молодых людей, включая Патрика, ирландцы увезли с собой, чтобы затем продать в рабство. Патрика продали земледельцу из Слемеши, где последующие шесть лет ему пришлось пасти свиней.

Несмотря на воспитание в христианской семье, Патрик не верил в Бога. Живя в плену, он начал размышлять о своем духовном состоянии, и тогда его жизнь изменилась: "Господь открыл мне понимание моего неверия и то, что, хоть и поздно, я могу вспомнить ошибки и повернуться к Господу Богу всем своим сердцем; Он видел мое падшее состояние и умилил меня над моей юностью и невежеством, Он хранил меня даже прежде, чем я познал Его, и прежде, чем я познал мудрость, чтобы отличать добро от зла; Он укрепил и утешил меня, как Отец Своего сына". С этого времени, пишет Ф. Ф. Брюс, "жизнь Патрика сопровождалась постоянными молитвами; время от времени он ощущал внутри себя предостережения и советы, в которых узнавал Божий ответ на свои молитвы. Один из таких советов в конце шестого года его рабства побудил Патрика бежать от хозяина и направиться к побережью в порт, где он нашел корабль, увезший его из Ирландии. Он нашел точно такой корабль, о котором ему говорил внутренний голос..."

Свободным человеком Патрик отправился на остров Святого Гонората (Гонория) недалеко от побережья французской Ривьеры. На какое-то время он уединился в монастыре, а позже возвратился домой, где с радостью был принят родными, выжившими после того набега, когда его взяли в плен. Повествуя о возвращении в Британию, Патрик в своей "Исповеди" ("Confession") говорит о том, что Бог призвал его "во тьму ночи". Это был "македонский" призыв: "Я увидел человека по имени Викторий, словно бы шедшего из Ирландии с бесчисленным количеством писем; он дал мне одно из них и... в тот момент, когда я читал начало письма, мне показалось, что я услышал голоса тех, кто жил рядом с лесом Фоклута у Западного моря; и вот что они кричали: "Пожалуйста, святой человек, приди и опять живи среди нас". Их крик пронзил мое сердце, и я больше не мог читать; потом я проснулся".

Миссионерское служение Патрика в Ирландии началось не сразу после его призыва. Сначала он отправился учиться в церковь Оксера в Галлии. Но даже после обучения и рукоположения в диаконы его наставники не доверились его способности к такого рода миссии, и вместо него в Ирландию отправился Палладий. Однако Палладий умер менее чем через год после своего прибытия в Ирландию, и это открыло путь для Патрика. Ему уже перевалило за сорок, но он был определенно более энергичным, чем когда-либо, чтобы приступить к исполнению своего призыва.

Когда в 432 г. Патрик прибыл в Ирландию, там уже существовали изолированные островки христиан, и все же преобладающее большинство населения находилось в

тисках язычества. Язычники поклонялись солнцу, луне, ветру, воде, огню и скалам, верили в самых различных добрых и злых духов, населяющих деревья и горы. Магия и жертвоприношения, включая человеческие жертвы, были неотъемлемой частью религиозных обрядов, проводимых друидами.

Неудивительно, что Патрик немедленно столкнулся с жестким противостоянием со стороны друидов. Однако, приняв их общественный и политический порядок, он сумел найти с ними общий язык, и постепенно некоторые из могущественных друидов-вождей обратились в христианство. Прошло немного времени, и друиды начали терять свою власть, но их магические верования не исчезли, благодаря явному компромиссу Патрика с язычеством. Он стремился преуменьшить их значимость, согласно Ф. Ф. Брюсу, "не силой христианского благовестия, но пытаюсь показать себя более могущественным друидом, чем языческие друиды", - явление, которое современные миссионеры называют "схваткой сил" (power encounter). Этот тип суеверной магии сохранялся в кельтском христианстве в течение многих веков.

Вскоре после прибытия в Ирландию Патрик одержал важную для христианства победу, убедив короля Луге-ра (Loigaire) предоставить христианам возможность молиться открыто. Вскоре после этого брат короля стал христианином и предложил Патрику участок земли в своем поместье для строительства церкви. После основания церкви Патрик перешел в новый район, где прежде не было благовестия; к 447 г., после пятнадцати лет благовествования, множество ирландцев уверовали. К этому времени Патрика признали на всей территории Ирландии как великого человека Божьего, но его популярность и высокая оценка деятельности дались ему нелегко. В "Исповеди" он вспоминает всю свою трудную жизнь. Двенадцать раз он оказывался перед угрозой лишения жизни, включая мучительный захват в плен и двухнедельное томление в заключении. Тем не менее он продолжал свое миссионерское служение еще более тридцати лет, побуждаемый более страхом, чем другими чувствованиями. "Я боялся, как бы начатый мною труд не стал напрасным", чтобы Бог "не посчитал меня виновным".

Методы евангелизации Патрика во многом походили на методы других миссионеров и до, и после него. Придя на новую территорию, он первым делом старался привлечь политического лидера на свою сторону в надежде на то, что его подданные пойдут вслед за ним. С этой целью он не гнушался преподносить местным правителям щедрые подарки. В отличие от большинства католических миссионеров, однако, Патрик и последовавшие за ним кельтские миссионеры считали очень важным духовный рост вновь уверовавших. Новообращенные интенсивно изучали Писания и активно включались в служение. В кельтских церквях значительную роль играли женщины, хотя, как одинокий миссионер, Патрик был очень осторожен в общении с ними, "отказываясь от подарков преданных женщин, чтобы не вызвать даже намека на скандал".

Невероятный успех Патрика как миссионера-проповедника отчетливо проявился в организации около двухсот церквей и крещении почти ста тысяч новообращенных. Но он всегда осознавал собственные недостатки и свои успехи объяснял Божьей милостью. Бог щедро даровал этому человеку то, чего ему недоставало от природы, и он завершает свою "Исповедь" таким свидетельством: "Но я умоляю тех, кто верит и боится Бога, кто бы ни соблаговолил прочитать или принять этот документ, составленный в Ирландии Патриком грешником, совершенно невежественным человеком, чтобы никто никогда не сказал, что мое невежество исполнило хоть что-нибудь из того малого, что я сделал или проявил в согласии с Божьей волей; но судите сами и поверьте истинно, что то был дар Божий. И в этом я исповедуюсь, прежде чем умереть".

Колумба

благовестие в Ирландии Патрика и других миссионеров привело в результате к одному из наибольших достижений в эпоху Средних веков. Эта миссионерская работа проводилась в основном кельтской церковью, и в меньшей степени церковью западно-римской. "У ирландских верующих возникло страстное стремление к миссионерской деятельности, - пишет Эдман, - стремление не совсем обычное для тех дней. Горя любовью к Христу, не боясь препятствий, не боясь трудностей, они отправлялись во все

стороны с проповедью Евангелия". И хотя они разошлись по всей Центральной Европе и далеко на север вплоть до Исландии, именно Британия, родина первого великого миссионера в Ирландии, стала их первым "зарубежным" полем деятельности. Хотя эта церковь впоследствии вольется в систему Римской католической церкви, именно эта земля в течение последующих веков будет служить примером для глобального евангелизма XIX в.

Кельтские монахи-миссионеры, по свидетельству Е. Бродбент (E. H. Broad-bent), проводили "более чистую форму миссионерской работы... чем то, что исходило от Рима". "Обычно они выбирали подходящее место и основывали там миссионерскую деревню. В центре они строили простую деревянную церковь, рядом располагались помещения для занятий и хижины для монахов. Монахи были и строителями, и проповедниками, и учителями. Вне этого круга полагалось строить жилища для учеников и их семей, которые постепенно собирались вокруг них. Все это было обнесено стеной, но колония обычно выходила за пределы изначального круга. Группы по двенадцать монахов каждая под руководством аббата отправлялись открывать новые территории для проповеди Евангелия. Те, кто оставались, учились в школе, а когда они основательно знакомились с языком народа, среди которого им предстояло жить, переводили и делали записи частей Писания, а также гимнов, которые изучались их учениками. Они могли оставаться холостыми, но могли и жениться. Многие не обзаводились семьями, чтобы иметь больше свободы и времени для работы. Когда появлялись новые обращенные, миссионеры выбирали среди них способных молодых людей, объединяли их в маленькие группы и обучали какому-нибудь ремеслу и языкам, учили с ними Библию. Молодежь готовили к тому, чтобы они могли работать среди собственного народа. Монахи откладывали крещение до того момента, когда уверовавшие приобретали определенные навыки и являли признаки твердости в вере. Они избегали резких нападков на чужие религии, считая более разумным проповедовать истину, чем искать чужие ошибки. Они принимали Святое Писание как источник веры и жизни, и проповедовали оправдание верой. Они не принимали участия в политической жизни и не обращались за помощью к государству. Вся эта работа как вначале, так и в дальнейшем своем развитии, хотя и обретала определенные черты, чуждые учению Нового Завета и апостольского примера, проводилась независимо от Рима и в важных аспектах отличалась от принятой системы Римско-католической церкви".

Одним из наиболее известных кельтских аббатов был Колумба, родившийся в аристократической ирландской семье в 521 г. и воспитанный в христианской вере. Молодым человеком он ушел в монастырь, где был рукоположен в диаконы, а позже стал священником. Евангельское рвение в процессе его служения проявилось рано, и ему приписывают основание множества церквей и монастырей в Ирландии, включая известные монастыри в Дерри, Дерроу и Келле.

Переход Колумбы с внутренней на зарубежную миссионерскую деятельность в возрасте сорока двух лет, по словам его биографа VII в., объяснялся "его любовью ко Христу", но, очевидно, и не только этим. Его биограф приходит к выводу, что синод отлучил его от служения на родине, но утверждает, что решение приняли несправедливое и по пустяковому поводу. Уилл Дюран (Will Durant), однако, считает, что его отлучение и отъезд в Британию были продиктованы причинами, отнюдь не лишенными оригинальности: "он был равно борцом, как и святым, человеком мощного телосложения с мощным голосом"; его горячий темперамент послужил причиной множества ссор и, наконец, войны с королем Диармайдом; произошла битва, в которой, как рассказывают, было убито 5000 человек; Колумба, одержав победу, все же покинул Ирландию (563 г.), полный решимости обратить столько же душ, сколько пало на поле битвы при Кулдревне".

Какими бы ни были причины, побудившие Колумбу отправиться на чужбину, факт, что он отправился туда, остается фактом. За годы служения в Британии он успел сделать многое. Под его началом служили двенадцать священников, он нашел себе пристанище как раз на побережье Шотландии, на маленьком, блеклом и туманном островке Айона, о берег которого круглый год бились тяжелые морские волны. Там он основал монастырь, в котором протекала однообразная монастырская жизнь, состоявшая из молитв, постов, размышлений, изучения Библии и физического труда. Кроме того, и что важнее всего, монахи обеспечивали подготовку евангелистов, которых затем посылали проповедовать Евангелие, строить церкви и основывать новые монастыри.

Сам Колумба проявлял большую активность в миссионерской работе, и с Айоны он много раз отправлялся в Шотландию. Считается, что он проповедовал пиктам, которые жили на северо-западе Шотландии. Благодаря его свидетельству король Бруде, правивший северными пиктами, обратился в христианство. Сначала Бруде отказался открыть ворота города для Колумбы, но Колумба остался за воротами и молился до тех пор, пока король не сдался. Как и Патрик за столетие до него, Колумба встретил яростное сопротивление друидов, но, как и его предшественник, он вызвал их на соревнование, чтобы испытать колдовское могущество против силы Бога. Теология Колумбы, по словам Латуретта, "была также во многом как религией чудес, так и этики, и много больше, чем формальным вероучением..."

И хотя успехи миссионерской деятельности Колумбы представлялись очень важными, многие ученые сегодня не согласятся с его восторженным биографом VII в. в том, что только он и его ученики в Айоне несли благовестие в районы Англии и Шотландии. Существовали и другие миссионеры из Ирландии, из иных мест, проповедовавшие там и никак не связанные с Колумбой. Значимость работы Колумбы отчасти соотносится со значимостью миссионерской деятельности Римской католической церкви, и многие поздние историки пытались приписать католическим миссионерам больше заслуг, чем они того заслуживали. Среди римских католических и кельтских миссионеров существовало серьезное соперничество, в котором католики постепенно одерживали верх, но изначальная работа по евангелизации большей части Британии и Центральной Европы была завершена энергичными и верными своему делу кельтскими монахами.

Глава 2. Римские миссионеры: массовые обращения

С самого начала образование римско-католических миссий было тесно связано с военно-политическими успехами Рима. Главным фактором роста церкви явились массовые обращения населения. Ставка делалась на политических лидеров, которым предлагалась военная помощь, в результате чего они, не задумываясь, становились номинальными христианами, а их подданные довершали дело. В некоторых случаях потребность в военной помощи сочеталась с суеверным убеждением, что христианский Бог будет более эффективным помощником в битве, чем языческие боги. Подобный случай произошел с Хлодвигом, королем франков V в. Он женился на христианской принцессе, но отказывался отречься от языческих божеств, пока не оказался на грани военного поражения. В тот момент он поклялся, что будет служить только христианскому Богу, если его армия победит. В Рождество 496 г. он отпраздновал победу, приняв крещение вместе с тремя тысячами своих воинов. Причина его обращения, согласно Норману Кантору (Norman Cantor), "оказалась простой: он увидел, что, приняв католическую веру, он становится единственным верующим германским королем в Галлии" и "в качестве приверженца католицизма ему будет легче добиться лояльности галлоримлян посредством последующих побед".

Массовое обращение армии Хлодвига было первым из многих последовавших в истории Средних веков, и именно этот метод, как пишет Брюс Шелли (Bruce Shelly), "обратил Европу". Концепция индивидуального обращения стала "методом, используемым протестантскими миссионерами в евангелических движениях XIX в. и затрагивающим каждое сердце в отдельности", а такие "массовые обращения" в Средние века позволили Римской католической церкви существенно расширить свои владения.

Однако и тогда существовали люди, которые по-настоящему заботились о действенности христианского миссионерского движения. Один из них - Григорий Великий (540-604), наиболее способный и влиятельный епископ Рима за весь средневековый период. Его можно назвать миссионером первого ранга. Благодаря его настойчивым увещаниям была организована первая миссионерская команда, получившая папское благословение. Когда Григорий был монахом, его сильно заботила проповедь благовестия язычникам непосредственно за пределами империи. Но только после того, как он стал римским епископом, этот человек смог претворить свои мечты в жизнь. Рассказывают, как он был тронут, когда на невольничьем рынке увидел белокурых британских мальчиков и сказал: "Это истинные ангелы, пусть они и станут ангелами". Правда это или нет, Григорий считал миссионерскую деятельность в

Британии делом первой необходимости, и в 596 г. он отправил в эту страну Августина и группу монахов, хотя и не без проблем и отсрочек. [Не путать с Августином Аврелием (354-430), христианским философом и теологом, признанным в католицизме святым. - Примеч. пер.] Несмотря на свою искренность и благочестие, Августин оказался не самым лучшим руководителем. По пути в Британию, пересекая Галлию, он и его монахи повернули обратно, утверждая, что "не следует заставлять их предпринимать такое опасное, тяжелое и неопределенное путешествие" через "варварскую и свирепую страну, населенную неверующими". Его страхи были необоснованными, и Григорий написал им письмо, настаивая на продолжении похода. Они вернулись и стали теми людьми, благодаря которым в Англии утвердилось Римская католическая церковь. Эффективность их служения в Англии снизилась из-за их отказа согласовать свои действия с кельтскими миссионерами, оказавшимися там первыми.

Когда Августин и его монахи евангелизировали Англию и крестили тысячи новообращенных, они столкнулись с трудными проблемами языческих традиций. Могли ли языческие ритуалы сосуществовать с христианскими и что делать с языческими храмами? В ответ на такие вопросы Григорий установил на века важные стандарты римско-католической политики как образец для подражания:

"Языческие храмы этих народов разрушать не стоит, только идолов, находящихся в них... Если храмы построены хорошо, следует очистить их от служения дьяволу и приспособить к поклонению истинному Богу... Поскольку народ привык убивать большое количество быков для принесения жертвы дьяволу на совместных сборищах, благоразумно устроить для народа вместо тех обычаев свой праздник. Люди должны научиться убивать животных не в честь дьявола, но в честь Бога и себе в пищу... Если мы позволим им эти утехы, то скорее найдем путь к достижению истинной внутренней радости... Несомненно то, что невозможно искоренить из грубых сердец все их языческие верования сразу, так же, как человек, решивший взобраться на высокую гору, не станет пытаться одолеть эту гору большими прыжками, но будет брать ее шаг за шагом в спокойном темпе".

Среди других монахов, служивших в Средние века миссионерскому делу, наиболее примечательным был Бонифаций, апостол богослужения в Германии. А в конце Средних веков уже большое количество римско-католических служителей считали миссионерство своим жизненным призванием. Это стало возможным благодаря активному участию в благовестии монастырских орденов, самыми деятельными из которых были францисканцы, доминиканцы, августинцы и иезуиты. С помощью членов этих орденов Римско-католическая церковь твердо обосновалась на всех континентах и постепенно стала доминировать на религиозной сцене во многих частях мира.

Хотя в христианских миссиях в эпоху Средних веков преобладали католики, они не были единственными миссионерами в этот период. Совершенно отдельно от римского католицизма действовала Восточная, или Несторианская, церковь, распространившая Евангелие во время своего бегства от преследований в Азию. Согласно историку Джону Стюарту (John Stewart), Несторианская церковь стала "самой миссионерской церковью в мире из всех возможных". Из своей цитадели в Малой Азии они отправились в Персию и на Аравийский полуостров, чтобы избежать преследований со стороны римских властей и руководителей католической церкви. Но там они встретили яростный отпор в лице зороастризма, а позже и мусульман, и пошли дальше на Восток, в Центральную Азию, Индию, Афганистан и Тибет - районы, которые стали "центрами христианской деятельности". Это были люди огромной веры, сведущие в Писаниях, большую часть которых они знали наизусть. "Некоторые фактически заучивали весь Новый Завет на память. Они основывали школы, где обучали молодых людей, и монастыри, напоминающие современные библейские институты, вовлекая молодых и взрослых людей в постоянную и активную евангелическую деятельность".

Из Центральной Азии несториане двинулись дальше на восток и к IX в. достигли территории Китая, а оттуда направились в Корею, Японию и Юго-Восточную Азию. Их влияние продолжало расти, и к XIII в., по существующим подсчетам, в Китае и окружающих областях уже насчитывалось не менее двадцати семи метрополий патриархов и двухсот епископов под их руководством. Но затем эта мощная миссионерская церковь быстро пришла в состояние упадка. Миротлюбивые несториане не могли противостоять воинственным исламским фанатикам, еще хуже были армии

Чингисхана и других варваров, опустошавших огромные территории Азии, включая основные центры несторианского христианства.

Эра христианских миссий закончилась и была забыта. Из-за ранних доктринальных разногласий между несторианами и руководителями Западной церкви по вопросу двух естеств Христа римские католики видели в несторианах еретиков, а их великие и героические миссионерские подвиги в расчет не принимались. Лишь в последние годы ученые поняли, что обвинения в ереси оказались сильно преувеличены, и только тогда мир начал понимать, какое наследие оставили христианскому миссионерскому движению несторианские верующие.

Позднее Средневековье стало временем быстрого роста и распространения римских католических миссий. В век Просвещения и Реформации этот рост продолжался. Религиозные ордены распространились по всему миру, и миссионерское движение Римской католической церкви становилось все более разнообразным и децентрализованным. Чтобы исправить возникшую ситуацию, ватиканские чиновники в XVII в. объединили свои усилия. Под прямым контролем Ватикана была образована Святая Конгрегация распространения веры (Sacred Congregation for the Propagation of the Faith), или просто "Пропаганда" (Propaganda), с целью ослабления влияния Испании и Португалии на миссии в Новом Свете.

Эта организация объединила католических служителей, наделенных властью распространять веру. Положившись почти полностью на французских миссионеров, "Пропаганда" медленно и основательно принялась за работу, и к началу XVIII в. миссионерская деятельность активно и успешно велась уже в нескольких регионах мира. Но это длилось недолго. Самые различные факторы, включая либеральные теологические тенденции, рационализм, соперничество с протестантизмом, запрет на деятельность иезуитов (приведший к возвращению на родину 3500 миссионеров) и Французскую революцию, медленно, но верно способствовали упадку католических миссий. К 1800 г. число миссионеров, находившихся в прямом подчинении "Пропаганде", сократилось до трех сотен.

В течение XIX в. католические миссии начали медленно возрождаться, а к 1850 г. Римская католическая церковь полностью возобновила свою работу по благовестию среди других народов. Возрастающая роль женского служения наиболее замечательным образом доказана примером Анн-Мари Жавуи (Anne-Marie Javouhey), которая начала работу в Африке в 1822 г. После ее смерти в 1851 г. девятьсот сестер святого Иосифа в голубых платьях были рассыпаны по всему миру. Девятнадцатый век явился свидетелем еще большего распространения миссий от Римско-католической церкви, и к концу 1960 г. по всему миру насчитывалось около ста тысяч священников и светских служителей миссий. Почти половина из них - это одинокие женщины, католические сестры. Ими восхищается весь мир, отмечая их заслуги. Так, например, мать Тереза, отдавшая жизнь служению церкви и человечеству, награждена Нобелевской премией.

Бонифаций (Уинфрид)

Процесс развития римско-католических миссий в Центральной Европе в начале Средних веков был завершён работой Бонифация. Его называют "самым великим из всех миссионеров Темных веков", "одним из самых замечательных миссионеров во всей истории распространения христианства" и "человеком, который оказал более существенное влияние на историю Европы, чем любой другой англичанин за всю человеческую историю". Все же, несмотря на его искренние попытки выполнить задачу миссий так, как понимали эту задачу он и римско-католические чиновники, его карьера, по словам В. Реймонда Эдмана, "отражает пониженный духовный тон английского и континентального христианства, которое стало ценить церковь больше, чем Христа, таинства больше, чем Писания".

Бонифаций родился в Англии, в Девоншире, в конце VII века. В юности он пошел в монастырь, а в возрасте тридцати лет был рукоположен в священники. Хотя он имел возможность отличиться как священник на родине, его глубоко заботили судьбы некрещенных язычников на континенте. Его первое путешествие к фризам в Голландию оказалось, однако, неудачным из-за политической оппозиции и возникших беспорядков. Он вернулся домой, столкнувшись с соблазном остаться и принять должность главы

монастыря; но стремление к миссионерской деятельности не покинуло его, и в 718 г., три года спустя после своего первого путешествия во Фрисландию, он отправился на континент. На этот раз его путь лежал в Рим. Первая неудачная попытка научила его многому. Папское признание и поддержка были бы очень важны для него, он искал и нашел их в Риме. Эта поддержка обеспечила ему помощь в дальнейшей работе. Больше он не был независимым миссионером, самостоятельно отправляющимся евангелизировать языческий мир. Он стал римским посланником, призванным установить папскую власть над церковью в Центральной Европе.

Бонифаций вначале отправился в Германию, а затем на три года опять в южную часть Фрисландии. Оставшуюся часть своей жизни он прослужил в Германии. В 723 г. он совершил свое второе путешествие в Рим, где был посвящен в сан епископа миссионеров в Германии папой Григорием II. После возвращения в Германию Бонифаций всерьез занялся миссионерской деятельностью и своей смелостью завоевал уважение и популярность по всей Рейнской области. За время его отсутствия многие из так называемых христиан вернулись к языческим обрядам и оказались вновь вовлечены в поклонение духам и занятия магией. Чтобы противостоять такому осквернению, по убеждению Бонифация, следовало применить жесткие меры, а потому он смело нанес удар в самое сердце местного языческого поклонения. Он собрал большую толпу в Гейсмаре, где находился священный дуб бога грома, и на ее глазах начал его рубить. Это было вызовом, который привлек внимание людей и убедил их в том, что ни у дуба, ни у бога, которому они в нем поклонялись, не было никакой сверхъестественной силы. Этот случай также поднял влияние Бонифация в глазах народа, и вскоре стали возникать причудливые рассказы о том, что "когда мощное дерево упало, его ствол распался на четыре части, которые чудесным образом превратились в четыре направляющих креста одинаковой длины".

Это "был мастерский прием в миссионерской политике", согласно Филиппу Шаффу, после которого тысячи людей признали превосходство христианского Бога и обратились к вере в Него. Бонифаций уверовал в правильность своих действий, увидев такой результат, и продолжал в том же духе, требуя разрушения храмов и жертвенников, разбивая священные камни на мелкие куски. Постепенно он стал сомневаться в обоснованности такого агрессивного подхода. Он поделился своими мыслями с другим епископом, который считал, что такие насильственные меры не являются проявлением мудрости, и посоветовал более осмысленный подход, приводящий к успешным результатам. Он объяснил, что следует "задавать людям вопросы об их богах, расспрашивать об их происхождении, об их возможных человеческих характеристиках, их связи с началом мира, изыскивая противоречия и нелепости в ответах, чтобы привести их в замешательство и смущение".

Уничтожение священных деревьев и разрушение храмов стало эффективным началом евангельской кампании. Но вскоре стало ясно, что в первую очередь необходимо строить прочную и основательную церковь. От своих кельтских предшественников Бонифаций перенял, а затем развил концепцию монастырских миссий, обеспечивавших возможность подготовки местного духовенства. С ним работало несколько монахов, и каждый был прикреплен к определенной территории, где организовывался монастырь и проводились занятия для вновь обращенных. Истинно новаторским аспектом его служения явилось то, что он широко привлекал женщин к миссионерскому служению. "Впервые за все столетия, - пишет Латуретт, - мы видим, что женщины принимают активное участие в работе миссий... И вплоть до XIX в., исключая лишь период возникновения активного моравского движения XVIII в., не было такого значительного их количества среди представителей активной веры у народов, ставших христианами".

В 737 г., после третьего посещения Рима, Бонифацию разрешили организовать епископат в Баварии, а в 744 г. он основал знаменитый монастырь в Фульде, который и по сей день остается центром римского католицизма в Германии. Феноменальные успехи, приписываемые Бонифацию, не могли бы осуществиться без могущественной поддержки Карла Мартела, чья победа над мусульманами в битве при Туре в 732 г. ознаменовала поворотный момент в борьбе против ислама. "Без защиты со стороны принца франков, - писал Бонифаций, - я не мог бы ни править людьми и церковью, ни защитить слугителей и священников, монахов и монахинь; я не мог бы предотвратить

практику языческих обрядов и жертвоприношений идолам без его разрешения и того благоговения, которое вызывает его имя".

До самого конца служение Бонифация было большой опорой для Римской католической церкви: он "обращал сердца языческих германцев в католическую веру", говоря его словами, "и собирал их как детей в лоно Матери Церкви". Поэтому неудивительно, что деятельность Бонифация проходила вразрез с миссионерской активностью кельтских и французских монахов. "Он собирал плоды их трудов, - утверждает Шафф, - и уничтожал возможность дальнейшего их использования, что можно было бы сохранить либеральной христианской политикой. Он ненавидел любое проявление личности... Для него истинным христианством была только тождественность с католичеством..." Тот факт, что многие кельтские миссионеры были женаты и защищали институт брака духовенства, Бонифаций полагал абсолютно неприемлемым. Пропитанный римским рвением к всеобщему униформизму, даже за такие пустяковые разногласия, как дата Пасхи, право есть определенные продукты и частота осенения себя крестом во время мессы, он считал себя вправе объявлять своих соперников ложными пророками.

В последние годы своего служения Бонифаций оставил административную деятельность в церкви, поглощавшую столько энергии, и вернулся к первооткрывательской миссионерской работе. "Преобладавший в нем дух миссионерства, - пишет Нейл, - опять погнал его в земли, где о Христе никогда не слышали". В 753 г. он вернулся в Голландию, чтобы служить фризам, большинство из которых так и оставались неверующими. Там, на берегах реки Борне, он и пятьдесят его помощников и последователей разбила стоянку, готовясь к службе конфирмации новых обращенных. Но эта служба так и не началась. На Бонифация и его спутников напала банда вооруженных язычников и убила их. Так закончилось служение самого энергичного и самого выдающегося средневекового миссионера.

Ансгар (Анскар)

Ранние римско-католические миссии в Скандинавию, как и в Германию, были тесно связаны с политическими и военными действиями. Первые христиане появились в этой части мира благодаря торговцам, а затем в 826 г. король Харальд (Гаральд) Датский вместе с женой и четырьмя сотнями царедворцев и последователей приняли крещение в надежде на получение военной помощи от франков. Хотя такие массовые обращения не затрагивали духовной стороны, они открывали дорогу миссионерам для дальнейшего их служения. И после обращения короля в христианство Ансгар был назначен начать благовестие в Скандинавии.

Ансгар, которого часто называют "апостолом Севера", родился во Франции в 801 г. В возрасте пяти лет он был отдан на воспитание в монастырь в Корби (или Корбей старый), основанный двумя веками раньше Колумбой. Самым высоким устремлением Ансгара, мистика, движимого откровениями и мечтами, было получить венец мученика. Поэтому он ухватился за новое и опасное назначение с большим энтузиазмом. Однако, когда политическая и военная несостоятельность короля Харальда стала очевидной, его надежды обратить датчан скоро угасли. Менее чем через три года Ансгара вместе с королем изгнали из Дании.

Как только их вынудили покинуть Данию, он получил приглашение от шведского короля прибыть к нему еще с одним миссионером. Ансгар и еще один монах немедленно отправились в путь морем, но на корабль напали пираты и ограбили их, отобрав все имущество. Несмотря на это, они прибыли в Швецию, где их тепло приветствовал король Бьерн и где миссионеры получили свободу проповеди. Обращенных было много, особенно среди аристократов, но, как и в случае с обращением короля Харальда, главным объяснением их крещения оставались явные политические расчеты.

Труд Ансгара оказался настолько значительным с точки зрения политических перспектив и достижений, что император Людовик Благочестивый выдержал упорную борьбу с папой Григорием IV, чтобы назначить Ансгара на пост архиепископа Гамбурга для скандинавских и славянских государств Северной Европы. Чтобы помочь Ансгару в его трудах, Людовик дал ему богатый монастырь в Западной Фландрии, ставший его финансовым источником, позволившим раздавать щедрые дары провинциальным правителям. Ансгар набрал монахов из Корби себе в помощь, и католики в течение

следующего десятка лет добились весьма значительных успехов. Однако граница, разделявшая религию и политику, оставалась очень тонкой, цели обычно были политического характера, а средства зависели от того, какие льготы могли предоставить на данный момент христианский Бог и местные правители своим подданным. Латуретт приводит пример в записи спутника и биографа Ансгара: "Армия необращенных шведов, осаждая город, столкнулась с неблагоприятными обстоятельствами. Воины бросили жребий, чтобы спросить, помогут ли им их боги. Узнав об отрицательном ответе, шведы труслили. Однако некоторые торговцы, вспомнившие учение Ансгара, предложили спросить Христа, Бога христиан. Ответ был благосклонный, осажденные потерпели поражение, а победители, возвратившись домой, прославили Христа постами и милостыней в пользу бедных".

Если политические и военные победы приводили новые территории под власть римского католического влияния, то поражения часто знаменовали возвращение к язычеству. В 845 г. результаты четырнадцатилетней работы Ансгара оказались разрушенными до основания нашествием варваров с севера. Датские викинги под предводительством короля Эриха захватили и сожгли Гамбург, заставив Ансгара искать убежища. Когда он попросил защиты у епископа Бремена, епископ отказался помочь, все еще ревнуя, что скандинавы не были включены в его епархию. С внешней военной помощью Гамбург вскоре отбили, а Ансгару дали объединенную епархию Гамбурга и Бремена. Король Эрих перешел на сторону христиан, став их союзником, и военная угроза уменьшилась, что позволило Ансгару больше времени отдавать духовному служению, к чему он и стремился. В сердце он был аскетом и молитвы и пост считал наипервейшим делом - но никогда за счет полезной деятельности. Он настаивал, чтобы его монахи всегда были заняты работой, и сам он не сидел без дела во время молитвы. Как и многие средневековые духовные лидеры, он обладал даром чудотворения, но всегда старался избежать хвалы в свой адрес, говоря другим, что "в его жизни произойдет самое большое чудо, если Бог когда-нибудь сделает из него истинно благочестивого человека".

Ансгар мирно почил в 865 г. без венца мученика, о котором так мечтал. Но не это было самым грустным. Несмотря на все свои старания, он не смог установить постоянного основания для христианства в Скандинавии. После его смерти люди вновь вернулись к язычеству, и только после X в. католическая церковь вновь твердо обосновалась в этой части света.

Раймунд Луллий (Лулл)

Политически ориентированные подвиги Римской католической церкви в средневековый период привели к весьма незначительным успехам по сравнению с величайшей кампанией по расширению церкви - крестовыми походами. Движение это растянулось на два века (1095-1291) и было направлено на то, чтобы вернуть Землю обетованную. Едва ли можно это движение назвать миссионерским. Основной целью крестовых походов являлось не обращение мусульман, а расширение территорий под контролем христиан. Это движение, обогрившее кровью, унесло десятки тысяч жизней. Хотя первые крестовые походы увенчались военными победами, в конце концов победы обернулись поражением. Но самой значительной утратой в результате кровавых крестовых походов явилась невозможность потенциального диалога между сарацинами и христианами. Дикая жестокость, проявленная крестоносцами по отношению к мусульманам, сделала их враждебность к христианам настолько непреодолимой, что даже сегодня она не стерлась из памяти мусульманских верующих, и миссионерская деятельность среди них остается все еще очень трудным делом.

Не все исповедующие христианство верили, что военная сила была подходящим средством для победы над мусульманами. В начале XIII в., пока еще дух крестоносцев был на высоте, Франциск Ассизский предложил завоевать мусульман любовью вместо ненависти. Его первые две попытки проповедовать среди них потерпели полный крах, но третья попытка в 1219 г. привела к султану Египта. Сдерживаемый ограничениями языкового барьера, он все же попробовал проповедовать Евангелие. И хотя нет доказательств тому, что в результате его усилий произошли какие-то действительные обращения, он показал пример другим миссионерам, увидев в мусульманах

потенциальных братьев во Христе. Его примеру последовал Раймунд Луллий, выдающийся миссионер этого периода.

Луллий родился в 1232 г. в богатой семье римского католика на острове Майорка, лежащем недалеко от побережья Испании в Средиземном море и незадолго до его рождения отнятом у мусульман. Молодым человеком он отправился в Испанию и служил при дворе короля Арагона, прожигая свою жизнь в оргиях и кутежах. Имея жену и детей, он завел любовницу и, "по собственному признанию, жил совершенно аморальной жизнью". Его порочная жизнь не преуменьшала его интеллектуального и творческого гения, и, еще будучи совсем молодым, он получил широкое признание за свой научный и литературный талант.

В возрасте тридцати лет Луллий вернулся на Майорку и именно там пережил глубокое религиозное перерождение. Он "возродился", по словам Самьюэла Цвимера (Samuel Zwemer). Это было мистическое переживание, сопровождавшееся откровениями. Первое откровение пришло однажды вечером, когда он сочинял эротическую песню. Вдруг перед ним предстал какой-то образ. Он увидел "Спасителя, висевшего на Своем кресте, кровь капала с Его рук, ног и лба, а глаза с укором были устремлены на него". Хотя видение его потрясло, Луллий неделю спустя все же вернулся к своей песне, и опять перед глазами возникла та же картина. На этот раз он дал Христу обещание начать новую жизнь, но тут же появились сомнения: "Как могу я, нечестивый и порочный, вступить в святую жизнь?" Именно это чувство вины заставило Луллия отказаться от богатства и знатного положения и посвятить свою жизнь служению Богу.

Луллий откликнулся на призыв к христианскому служению в соответствии с тем веком, в котором он жил. Он посвятил свою жизнь монастырю - постам, молитвам и размышлениям. Он считал самым полным доказательством любви к Богу, в Которого он верил, жизнь уединенного монаха, совершенно отошедшего от всяких соблазнов мира. Другое откровение привело Луллия к осознанию его ответственности перед окружающими. В своей книге "Древо любви" ("The Tree of Love") он говорит об откровении, ставшем его миссионерским призывом: в лесу, наедине с Богом, далеко от мирской суеты, он встречает пилигрима, который, узнав об избрании им уединенного образа жизни, ругает Луллия за эгоизм и призывает идти в мир и нести другим людям весть о Христе. Именно это откровение и подсказало Луллию обратиться к миссионерской деятельности и, в частности, к проповеди сарацинам - самым ненавистным и грозным врагам христианства. "Вижу множество рыцарей, идущих в Землю обетованную морем, - писал он, - думающих, что они смогут захватить ее силой оружия, но в конце они все будут уничтожены прежде, чем смогут овладеть желаемым. Поэтому мне кажется, что нужно... пытаться... завоевать Землю обетованную любовью и молитвами, пролитием наших слез и крови".

Следуя этому откровению, Луллий посвятил много времени изучению арабского языка - девять лет трудов, которые чуть было не пропали даром из-за несчастного случая, едва не погубившего его миссионерскую карьеру. Для помощи в изучении языка он купил раба-сарацина, который, по-видимому, пришел в сильное раздражение от часто повторявшихся доказательств в пользу христианства. Как бы то ни было, однажды он стал ругаться, проклиная Христа. Луллий, потеряв контроль над собой, ударил раба по лицу, а раб в ответ схватил оружие и нанес серьезные раны своему хозяину. За это преступление мусульманин был арестован и заключен в тюрьму, где вскоре покончил с собой, боясь, что его ждет нечто более страшное. Это явилось ударом для Луллия, но еще больше укрепило его решение проповедовать мусульманам Христа.

Луллию было за сорок, когда началась его активная миссионерская деятельность. Позже он вспоминал, на какие жертвы ему пришлось пойти ради этого: "У меня были жена и дети; я был достаточно богат; я вел светскую жизнь. От всего этого я с радостью отказался ради блага людей и ради несения святой веры другому народу". Он отложил значительную сумму денег, чтобы обеспечить жену и детей, а оставшееся - по традиции Франциска Ассизского - раздал бедным.

Миссионерская деятельность Луллия проходила по трем направлениям: апологетика, образование и евангелизация. "Он изобрел философскую... систему, помогающую убеждать нехристиан в истинности христианства; он основал миссионерские колледжи; и сам пошел к мусульманам и стал им проповедовать..." Вклад Луллия как христианского апологета был огромен. Он написал около шестидесяти книг по теологии, большая часть которых адресована мусульманской интеллигенции. Тема, которую он

развивал в своих трудах, чаще всего относится к Богу-Отцу. Он видел свою миссию в том, чтобы "испытать, не сумеет ли он сам на конференции с их мудрецами убедить кого-нибудь из них в истинности христианской веры, показав им, согласно божественному методу, воплощение Божьего Сына и три ипостаси благословенной Троицы в Божественном Единстве Сущности". Он

стремился установить "парламент религий и желал бы встречи лицом к лицу смелого монотеизма ислама с откровением Отца, Сына и Святого Духа".

Считая нужным вести миссионерское образование, Луллий, по примеру Колумбы, видел в монастырях идеальную учебную базу для будущих евангелистов. Он много ездил, обращался к церквам и политическим деятелям с просьбой поддержать его в этом направлении. Король Иаков II Испанский был одним из тех, кто понял его, и в 1276 г. с его энергичной поддержкой и финансовой помощью Луллий основал на Майорке монастырь с тринадцатью францисканскими монахами и учебной программой, включавшей изучение арабского языка и географию миссий. Луллий мечтал организовать подобные центры обучения по всей Европе, но нужно было убедить римскую католическую верхушку в их необходимости и ценности - а это оказалось нелегко. Когда он по различным причинам посещал Рим, над его идеями либо смеялись, либо и папа, и кардиналы просто игнорировали их; власти, казалось, были более заинтересованы в мирских удовольствиях и личном обогащении, чем в организации миссионерских предприятий. Но, несмотря на отсутствие поддержки, он добился успеха, организовав другие монастыри, также ориентированные на миссионерскую работу. Величайшей победой в области образования явилось решение об изучении арабского языка в университетах Европы; он добился принятия такого решения на соборе в Вене, что привело, по его мнению, к началу диалога между христианами и мусульманами.

Собственно, Луллий в своей миссионерской карьере не обладал тем чутьем, какое можно было бы предположить в бывалом миссионерском деятеле, выдвинувшем свой любимый проект на рассмотрение самых высоких слоев общества. Он понял, что учить проповедовать - это одно дело, и совсем другое - идти проповедовать самому. Он уже был в порту Генуи, готовый отправиться в Тунис. Его вещи находились на борту корабля, а толпа сторонников готовилась прощаться с ним. И вдруг, в последний момент, "его охватил ужас", как он вспоминает позже; он почувствовал себя парализованным "при мысли о том, что может случиться в той стране, куда он отправлялся. Мысль о пытках или пожизненном тюремном заключении представилась ему так ясно, что он не мог сдержать своих чувств". Его вещи выгрузили, и судно отправилось без него. Почти сразу он раскаялся в своей слабости и решил плыть на следующем корабле, несмотря ни на что. Хотя его лихорадило, возможно, из-за нервного напряжения, он сел на корабль - и так началось его собственно миссионерское служение.

Страхи Луллия относительно миссионерской работы в Тунисе казались обоснованными. Тунис был мощным центром ислама в Северной Африке, много пострадавшим от частых набегов. О крестоносцах вспоминали с ненавистью и горечью. Однако, приехав туда, он не встретил большой враждебности, как того боялся. Он объявил о своем приезде ведущим мусульманским ученым, а затем созвал конференцию, чтобы обсудить достоинства христианства и ислама в сравнении. Луллий пообещал, что если ислам докажет свое превосходство, он примет его как свою веру. Мусульманские лидеры согласились встретиться, и Луллию представилась первая возможность продемонстрировать свои миссионерские методы.

Защищая христианство, он выдвинул доктрину, которая, по Цвимеру, "была до мозга костей ортодоксальной и евангелической", с "малой примесью средневековой теологии и... с еще меньшим количеством римских идей". Основные его доказательства совершенно пригодны и сегодня в спорах с мусульманами:

"Каждый мудрый человек должен признать тот факт, что любая религия, чтобы быть истинной, приписывает величайшее совершенство Высшей Личности и не только развивает достойнейшую концепцию обо всех Его качествах: Его праведности, силе, мудрости и славе, - но и демонстрирует гармонию и равенство, существующие между этими качествами. Но их религия была порочна в том, что признавала только два активных принципа в Божестве - Его волю и Его мудрость, оставляя праведность и величие Бога в бездействии, словно эти качества оказывались бессильными и не приводились в активное состояние. А христианской вере невозможно предъявить

обвинения в подобного рода пороке. В своей доктрине о Троице она развивает высочайшую концепцию Божества как Отца, Сына и Святого Духа в одной простой Сущности и природе, В воплощении Своего Сына Бог проявляет ту гармонию, что существует между праведностью Бога и Его величием; а в Личности Христа Он являет истинное единство Творца и творения; в то время как в Своих страданиях, которые Он претерпел ради Своей огромной любви к человеку, Он выявляет далее Божественную гармонию безграничной праведности и снисхождения, в снисхождении Своем ради нас, людей, ради нашего спасения и возвращения в безгрешное состояние совершенства - претерпел все страдания, и жил, и умер ради человека".

Реакция на выступление Луллия в защиту христианства была смешанной. Кто-то принял его доказательства или, по крайней мере, проявил интерес к дальнейшим диспутам, но большая часть его аудитории осталась уязвлена словесной атакой. Неудивительно, что Луллия бросили в тюрьму, где он в ужасе ожидал смертного приговора. Вместо этого, однако, его побили камнями и выслали из страны, но он тайно нарушил этот суровый приказ. В течение трех месяцев он "прятался, как портовая крыса", в прибрежном городке Голетта, "свидетельствуя об Учителе". В отчаянии от отсутствия свободы, он вернулся в Европу, где провел несколько лет в Неаполе, а оттуда отправился во Францию читать лекции и трудиться над созданием книг о своем новом методе, постоянно находясь в поисках добровольцев для планируемой им миссии. Если мусульмане были первой целью миссионерских устремлений Луллия, то евреи также привлекли к себе его внимание. Двенадцатый и тринадцатый века омрачались страшными примерами проявления антисемитизма. Евреев винули практически во всех бедах общества и в результате изгнали из Франции и Англии - мягкое наказание в сравнении с той политикой, какую проводила испанская инквизиция. То там, то тут раздавались голоса в защиту евреев, и среди них громко звучал голос Луллия. Он устремился к ним с той же любовью, что и к сарацинам, представляя им Христа как их Мессию.

Разнообразная деятельность надолго задержала Луллия в Европе, но в 1307 г., в возрасте семидесяти пяти лет, после пятнадцатилетнего отсутствия он вновь вернулся в Северную Африку - на этот раз в Бугию, на востоке Алжира. Как и в Тунисе много лет назад, он немедленно созвал собрание для публичного обсуждения своей позиции и смело предложил мусульманам сравнить их религиозные воззрения с христианскими. Хотя Луллий старался благовествовать с любовью, его утверждения часто носили обидный характер и вполне могли настроить мусульман против христианства почти так же, как это произошло после походов крестоносцев. В одном из своих доказательств, по утверждению Цвимера, он опирался на десять заповедей в качестве "совершенного закона Божьего, а затем показал из их же книг, что мусульмане нарушают почти каждую из этих заповедей. Другим излюбленным аргументом Луллия в споре с мусульманами было противопоставление семи основных добродетелей и семи смертных грехов только для того, чтобы последовательно показать, насколько лишены мусульмане первых качеств и насколько погрязли в последних!"

И на этот раз публичные дебаты Луллия длились недолго. Его посадили в тюрьму, и в течение шести месяцев стражники "усиленно искушали его... всеми чувственными соблазнами, на какие способен Восток". После тюремного заключения ему запретили находиться в Бугии и он вернулся в Европу. Его карьера миссионера, однако, на этом не закончилась. В 1314 г., когда ему было уже за восемьдесят, он еще раз приехал в Тунис, где его возраст обеспечивал ему определенную защиту. Возможно, с годами он стал мягче, потому что мусульманские власти предоставили ему много больше свободы и он обратил несколько человек. Только тогда он понял, что служение среди мусульман было проигрышной битвой. "Вместо одного сарацина, обратившегося в христианство, - писал он, - десять и более христиан становятся мусульманами".

Несмотря на то что последний приезд Луллия в Тунис оказался успешнее других, он не принес ему того, о чем он мечтал - венца мученика. На Луллия повлиял дух времени, в котором он жил, и где "в среде францисканцев царила мания мученичества". Умереть, служа Учителю, считалось высшей честью. Поэтому в 1314 г. он не побоялся вернуться в Бугию, чтобы повидаться с небольшой группой обращенных и окончательно испытать себя. "Более десяти месяцев старый миссионер жил тайно, общаясь и проповедуя своим обращенным, пытаясь повлиять на тех, кто не был обращен... Наконец, устав от одиночества и мечтая о мученичестве, он в открытую вышел на рыночную площадь и

сообщил, что он является тем самым человеком, которого они однажды изгнали из города... Он говорил с любовью, но смело и прямо... Исполненная фанатичной ярости, возмущенная его смелостью, не в состоянии ответить на его аргументы, толпа схватила его и выволокла за город; там по команде или, по крайней мере, с попустительства властей, 30 июня 1315 г. он был побит камнями" и вскоре после этого умер.

Жизнь и труды Луллия являют свидетельство силы истинного христианства, проявлявшейся даже в самые темные периоды истории церкви. Римская католическая церковь чаще всего либо не замечала этого человека и его устремления к миссионерству, либо осуждала его как еретика. Но он все же остался верным своему призванию, всегда неся личную ответственность за распространение вести о Христе.

Лас Казас (Лас Касас)

Время крупных географических открытий, начавшихся в конце XV в., ознаменовало собой новую эру миссионерского движения для Римской католической церкви. Новый Свет виделся как огромный плацдарм для ведения захватнического движения, когда и папы, и политические лидеры того времени прикладывали все усилия к тому, чтобы подчинить новые территории своему католическому влиянию. Королева Изабелла, жестоко гнавшая протестантских "еретиков" и охотившаяся на них в Испании, рассматривала евангелизацию индейцев как основное оправдание своей колониальной политики. Она настаивала на том, чтобы в число первых поселенцев Нового Света обязательно включались священники и монахи. Францисканцы и доминиканцы (а позже и иезуиты) ревностно ухватились за это предложение, и в течение нескольких десятилетий католицизм в тех краях был постоянной и влиятельной силой. Скорость распространения христианства оказалась исключительной. В 1529 г. францисканский миссионер в Мексике писал о массовых обращениях, когда не представлялось возможности сосчитать людей: "Я вместе с братом, служившим со мной, крестил в провинции Мексики до двухсот тысяч человек - такое количество, что в точности оценить невозможно. Часто мы крестили за день до четырнадцати тысяч людей, иногда - десять, а иногда - восемь".

Самым большим препятствием для миссий в Новом Свете стали сами колонисты, жестоко относившиеся к коренным индейцам. Несмотря на то что королева Изабелла объявила об уважительном отношении к свободе индейцев, на самом деле с ними обращались совершенно бесчеловечно в силу той системы, что способствовала их порабощению. Такая практика не проходила незамеченной, и многие миссионеры навлекли на себя гнев

колонистов, встав на сторону справедливости. Среди них был Лас Казас, хотя он не сразу понял и признал это зло; впоследствии он стал величайшим борцом за права индейцев в период колониального завоевания Нового Света Испанией. В этом человеке слились воедино дух миссионерства и гуманное отношение к коренным жителям, что редко встречалось у миссионеров до или после него.

Лас Казас родился в Испании в 1474 г. в семье торговца, который плывал вместе с Колумбом в его втором путешествии. Получив ученую степень адвоката в университете Саламанки, он отплыл на остров Эспаньолу. [Испанское название о. Гаити в колониальный период 1492-1804 гг. - Примеч. пер.] Там он работал консультирующим адвокатом правителя. Он быстро привык к роскошному образу жизни колонистов, приняв обычный для того времени взгляд на индейское население. Он участвовал в набегах на их поселения, использовал их как рабов на своей плантации. Только когда ему перевалило за тридцать, он испытал духовное перерождение и стал искать возможность служения, став первым священником, рукоположенным в Америке. Но внешне он изменился мало, продолжая жить легкой и беззаботной жизнью, что считалось вполне в духе времени. Лишь постепенно он стал приходить к пониманию того, что отношение к индейцам не соответствует истинной христианской морали. В возрасте сорока лет Лас Казас порвал с жестокой системой, частью которой являлся раньше, и начал свою борьбу с ней. Позже он присоединился к доминиканцам, обретая поддержку тех, кто сочувствовал его взглядам.

Как один из наиболее пламенных сторонников индейцев в Новом Свете, Лас Казас часто ездил в Испанию, защищая их интересы перед официальными чиновниками и любым, кто готов был выслушать его, иногда представляя дело в наивном и

упрощенном свете: "Бог создал этих простых людей без зла и без вины. Они очень послушны и преданны своим природным вождям и христианам, которым служат. Они легко подчиняются, они терпеливы, мирны и добродетельны. Они не вздорные, не злопамятные и не мстительные. Они не имеют и не стремятся иметь земных богатств. Определенно, эти люди станут наиболее благословенными на земле, если только будут поклоняться истинному Богу".

Служение Лас Казаса было не просто гуманным. В первую очередь он уделял внимание проповеди и в течение нескольких лет ездил по Центральной Америке, выполняя работу первопроходца. Однажды он убедил местного вождя, все время нападавшего на колонистов, сложить оружие и позволить всему племени принять крещение. Чаще всего процесс обращения проходил трудно из-за колониальной политики европейских поселенцев.

В возрасте семидесяти лет Лас Казас был назначен епископом Чьяпас в совершенно нищей епархии Южной Мексики. Этот район он выбрал сам, отдав ему предпочтение перед более процветающей епархией, хотя, по словам Латуретта, "он знал, что это будет одним из самых тяжелых испытаний в его жизни". Многие испанские плантаторы обвиняли его в том, что он выдвинул идею принятия новых законов, изданных испанской короной, предоставивших индейцам свободу и защиту. Испанские землевладельцы просто не обращали внимания на эти законы, поскольку введение их в действие, по мнению плантаторов, разорило бы плантации. Лас Казас, в свою очередь, приказал своим священникам отказывать в отпущении грехов таким плантаторам, и началась необъявленная война. Многие из священников Лас Казаса открыто не подчинялись ему, и через три года, отчаявшись и обессилив, он отказался от епископства. В 1547 г., в возрасте семидесяти трех лет, он покинул Новый Свет и больше не возвращался туда. Но его борьба за человеческие права других людей продолжалась в Испании до самой его смерти еще почти два десятилетия, и до сих пор этого человека помнят как одного из величайших гуманистов-миссионеров в истории христианства.

Франциск Ксаверин (Франсуа Ксавье)

Шестнадцатый век, вошедший в историю как время событий, связанных с протестантской Реформацией, был отмечен и активизацией работы католической церкви, направленной на нейтрализацию достижений протестантов. Католические священники желали восстановить разрушающиеся стены средневековой церкви и расширить католическую церковь до дальних берегов, где никогда не слышали об имени Христа. Они стремились охватить своим влиянием не только Новый Свет, где колониальный захват земель шел полным ходом, но также Индию и Дальний Восток, где проходил Великий шелковый торговый путь. Римская католическая церковь не жалела средств на новую волну заокеанских путешествий, и монахи-миссионеры с радостью и бесстрашием устремились исполнить свой долг. Это были поздние средневековые религиозные ордена, доминиканцы и францисканцы, в рядах которых находилось много смелых добровольцев-миссионеров, но именно иезуиты (общество Иисуса), основавшие свой орден в 1535 г., стали наиболее активными участниками контрреформации. Основание этой организации, пишет Стефан Нейл, "возможно, явилось наиболее важным событием в истории миссионерства Римской католической церкви".

Игнатий Лойола, испанец благородного происхождения, явился основателем ордена иезуитов. Под его руководством маленькая группа преданных вере учеников выросла в высоко централизованную организацию военного типа, рассматривавшую преданность папе и Римской католической церкви как свой наивысший идеал и долг. Орден быстро расширялся, и к моменту смерти Лойолы в 1556 г. в нем насчитывалось свыше тысячи членов. Менее чем за сто лет более пятнадцати тысяч членов ордена рассыпались по всему свету. Самым известным среди ранних (а может быть, и всех) иезуитских миссионеров был Ксаверин, принадлежавший к близкому кружку Лойолы, в котором состояло шесть человек, и являвшийся членом Совета ордена. В 1541 г. он отплыл в Индию как представитель и папы, и короля Португалии, чтобы начать короткую, но блестящую миссионерскую карьеру.

Ксаверин родился в 1506 г. в семье испанского аристократа и вырос в замке в Бакской провинции. Молодым человеком он учился в университете в Париже, где проявился его живой интерес к философии и теологии. Там он начал общаться с группой протестантов - преданных молодых христиан, рисковавших своей жизнью, проповедуя Евангелие в Париже, оплоте католицизма того времени. Но затем Ксаверин встретил Лойолу, человека, глубоко преданного Римской католической церкви, чье личное мощное притяжение и обаяние сильнее всего повлияли на духовно неокрепшего молодого студента. Вскоре Ксаверин присоединился к Лойоле, покинув протестантов и отказавшись от выгодной карьеры, которую мог бы сделать в католической церкви. Вместо этого он принял клятву celibата и полностью посвятил себя распространению католической веры.

Призыв Ксаверина к миссионерству произошел неожиданно и без каких-либо признаков сверхъестественного. Для служения миссионерами в Индии выбрали двух других иезуитов, и когда один из них заболел, Ксаверину предложили занять его место. Через двадцать четыре часа он уже был на пути в Индию. Он прибыл в порт Гоа в 1542 г. и там основал общество, распространявшее скорее европейскую культуру, чем религиозное учение. С самого начала Ксаверин был в ужасе от морально разложившегося окружения. Как возможно привести ко Христу людей, живущих такой аморальной жизнью? Именно тогда Ксаверин выработал ставшую для него обычной методику миссионерской работы: все усилия сконцентрировал на детях. Их легче было привлечь к истине, чем их родителей, и миссионер питал надежду, что он и священники, следовавшие за ним, сумеют с раннего возраста воспитать этих детей как активных христианских лидеров для служения в собственных сообществах.

Ксаверин недолго пробыл в Гоа. Общество западного образца с его смешением мусульман и иудеев ему не нравилось. Когда его воззвания не оказали на город никакого существенного влияния, он умолил короля Португалии привести туда инквизицию и силой заставить людей принять католические догмы и мораль. А сам он покинул те места в поисках более плодотворного виноградника. "Я хочу быть там, где живут... совершенные и абсолютные язычники", - писал он в надежде, что такие люди станут более восприимчивыми к проповеди и обращение будет легче.

Из Гоа Ксаверин двинулся дальше на юг Индии и работал среди бедных искателей жемчуга на побережье. Хотя католики уже побывали там несколько лет назад, ко времени появления Ксаверина мало что напоминало о них. Основным населением были хинди, и их отношение к христианству зависело в основном от их принадлежности к определенной касте. Представители высшей касты брахманов были настроены враждебно, из них обратился только один, но члены низшей касты Parava оказались более расположены к переменам, поскольку они понимали, что их положение в обществе невозможно изменить к худшему. Большие толпы людей приходили заучивать символ веры и множество народа крестилось - так много, что иногда Ксаверин настолько уставал исполнять таинство, что едва мог шевелить руками. Но крещение он считал самой важной частью своего служения и никому в нем не отказывал, несмотря на усталость. Обращаясь к Лойоле с просьбой прислать помощников, он писал: "В этих языческих местах требуется только лишь умение научить молитвам и крестить малышей, умирающих в больших количествах без Таинства потому, что мы не можем быть везде, чтобы помочь всем".

То, что Ксаверин считал очень важным таинство крещения, сочеталось с его повышенным вниманием к детям. Он писал своему сотруднику: "Я настоятельно рекомендую тебе обучать детей и быть очень старательным в крещении новорожденных младенцев. Поскольку взрослые не стремятся попасть в рай, или избежать зла в жизни, или достичь счастья, по крайней мере, дай эту возможность малышам через крещение, пока они не умерли". Но забота Ксаверина о детях заключалась не только в том, чтобы обеспечить им место в раю, но и в использовании их в благовестии для остальных - задача, с которой он один не мог бы справиться: "Поскольку мне невозможно лично удовлетворить все более растущую потребность... я решил на следующий эксперимент. Я велел детям, хорошо запомнившим христианскую доктрину, ходить по домам больных и, собрав как можно больше народу из этой семьи и соседей, повторить несколько раз символ веры, убеждая больного, что если он уверует, то получит исцеление... Таким образом, я сумел ответить на все

вызовы и в то же время сделал так, что символ веры, заповеди и молитвы заучивались в домах людей и на улицах".

Возможно, для детей еще более волнующими, чем посещение больных и заучивание символа веры, стали другие виды религиозной деятельности, в которые Ксаверин стремился их вовлечь. "Они ненавидят идолопоклонство своего народа, - писал он с гордостью, - и вступают в борьбу с ним. Они воюют даже с собственными родителями, если обнаруживают их поклонение идолам, затем приходят и рассказывают мне об этом. Когда я услышал от них о проведении языческих ритуалов в деревнях... я собрал всех мальчиков, каких только мог, и мы отправились в те места, где дьяволу досталось неприязни больше, чем любви со стороны их поклоняющихся родителей. Маленькие мальчики хватают глиняных божков и идолов, разбивают их, стирают в порошок, плюют на них и топчут ногами".

Евангелизм Ксаверина в Индии был довольно поверхностным. Взрослые и дети получали крещение, но сомнительно, знали ли они фундаментальные истины христианства. Проработав три года среди ловцов жемчуга на побережье, он так и не начал изучать очень сложный тамильский язык, и позже выяснилось, что даже самые маленькие молитвы и символ веры, которым он их обучал, переведены очень плохо. Церковные богослужения были ритуальными и все время повторялись, что подтверждает собственный рассказ Ксаверина:

"В воскресенье я собираю всех людей, мужчин и женщин, молодых и старых, и заставляю их повторять молитвы на их языке. Им это очень нравится, и они с радостью приходят на собрания... Я даю первую заповедь, которую они повторяют, и затем мы все вместе говорим: "Иисус Христос, Сын Божий, дай нам благодати любить Тебя более всего на свете". Когда мы просим эту благодать, мы читаем молитву Господню все вместе, а затем все вместе взываем: "Пресвятая дева Мария, мать Иисуса Христа, испроси для нас благодати у Сына твоего, чтобы нам исполнять первую заповедь". Затем мы говорим: "Аве Мария", - и продолжаем в том же духе относительно всех оставшихся девяти заповедей. И как мы произносим двенадцать молитв "Патер Ностер" и двенадцать "Аве Мария" в честь двенадцати положений (членов) символа веры, так же мы проговариваем десять молитв "Патер Ностер" и "Аве Мария" в честь десяти заповедей, прося Бога дать нам благодати, чтобы хорошо их исполнять". ["Патер Ностер" (лат. "Pater noster") - "Отче наш", первые слова молитвы, которую Христос произнес во время Нагорной проповеди (Мф. 6:9-13). Отсюда другое название - "Молитва Господня", главная католическая молитва. - Примеч. пер. "Аве Мария" (лат "Ave Maria") - первые слова латинской католической молитвы: "Радуйся, Мария благодатная!" Первая часть этой молитвы, также именуемая "Ангельское приветствие", основана на словах архангела Гавриила и св. Елизаветы (Лк. 1:28, 42). - Примеч. пер.] Ксаверин, однако, не хотел оставаться на одном месте для долгосрочного служения. Он считал себя первопроходцем и постоянно стремился вперед, закладывая лишь основание для дальнейшей работы иезуитов. Когда в 1545 г. он покинул Индию и отправился на Дальний Восток, его место быстро заняли другие, и за несколько последующих десятилетий в этих местах возникло более двенадцати христианских деревень, в каждой из которых имелся иезуит-священник.

Из Индии Ксаверин уехал на полуостров Малакка в Малайзии, где служил некоторое время; но больше всего он мечтал посетить Японию и основать там христианство. Еще в Гоа в 1548 г. он встретил японца по имени Аньиро, который убедил его в том, что соответствующим поведением и логическим рассуждением миссионеры могут достичь больших результатов в Японии: "Император, аристократы и простые люди станут христианами, ибо японцы, сказал он, полностью живут по законам разума".

Ксаверин прибыл в Японию в 1549 г. и быстро понял, что его служение будет намного труднее, чем виделось ему в радужных мечтах. Языковой барьер перечеркивал все его попытки проповедовать: "...мы как множество статуй среди них, и они говорят нам и разговаривают с нами о многих вещах, а мы, не понимая языка, молчим". Тем не менее несколько месяцев спустя Ксаверин мог написать, что людям очень нравится слушать про Бога "в основном, когда они понимают нас". Некоторые все же что-то понимали, потому что, покидая страну через два года, Ксаверин оставил после себя около сотни обращенных.

Свобода распространения веры предоставлялась Ксаверину и его спутникам в виду нестабильности японской политической обстановки. Централизованного правительства

не было, а буддизм пребывал в упадке. Это продолжалось и после отъезда Ксаверина, и миссионеры-иезуиты, приехавшие позже, получили впечатляющие результаты. В 1570-е гг. все большее японцев начали обращаться в католицизм. Только в одном регионе крещение приняли около пятидесяти тысяч человек, а к концу XVI в. христианство исповедовали около трехсот тысяч. В это время на японской политической сцене произошли значительные изменения. Присутствие зарубежных миссионеров уже стало нежелательным, а японцы-христиане терпели жестокие гонения, иногда кончавшиеся распятием на кресте. В 1638 г. несколько тысяч христиан приняли участие в Симабарском восстании, протестуя против притеснений и непомерных налогов. В конце концов они укрылись в замке, где через несколько недель их одолели и уничтожили. Но, несмотря на такие поражения, католицизм продолжал оказывать существенное влияние на жизнь Японии еще более двух столетий. Ксаверин вернулся из Японии в Гоа, откуда далее планировал отплыть в Китай, надеясь проникнуть туда с проповедью Евангелия. Но этот подвиг был предназначен для другого иезуита. Готовясь к поездке в Китай, Ксаверин подхватил лихорадку и умер на острове как раз напротив Китая через десять лет после начала своей миссионерской карьеры.

Маттео Риччи

"Варварам въезд запрещен". Если бы существовал лозунг, отражавший политику Китая по отношению к иностранцам за всю его длинную историю, он бы звучал именно так. Китай был гордым и изолированным государством, которое много веков уклонялось от насаждения на своей почве христианства. Множество попыток оказались практически безуспешными. Несториане, приплывшие сюда в VI в. из Сирии, были первыми известными христианскими миссионерами в Китае. Их влияние значительно ослабло к XIII в., когда туда прибыл странствующий монах Джон, первый католический миссионер. Под защитой монголов, правивших тогда в Китае, он пользовался значительной свободой проповеди, и тысячи людей крестились, обретая веру. Однако в XIV в., когда к власти пришла династия Минг, все признаки христианства быстро исчезли. И только к концу XVI в. христианство действительно твердо обосновалось на территории Китая. Человеком, сделавшим эти первые шаги, был Маттео Риччи, итальянский иезуит, "который стал и навсегда останется самым уважаемым иностранцем в китайской литературе".

Риччи родился в 1552 г., в год смерти Ксаверина. Его отец, итальянский аристократ, отправил сына в Рим изучать юриспруденцию. Однако молодой Риччи попал там под влияние иезуитов и через три года отказался от прежних устремлений и светской карьеры, вступив в иезуитский орден. Когда отец услышал об этом, то немедленно отправился в Рим, чтобы заставить сына выйти из ордена. Но в первую же ночь путешествия его свалила с ног сильнейшая лихорадка, и он не смог продолжать путь. Приняв внезапный приступ болезни как знамение Божьего гнева, старший Риччи вернулся домой, страшась того, что могло бы случиться, если бы он стал сопротивляться и далее.

Вступление Риччи в общество Иисуса не означало прекращения его светских занятий. Напротив, именно в иезуитской школе, дававшей обширные познания во многих областях, он учился под началом одного из самых признанных математиков того времени, и именно его светское образование впоследствии проложило ему дорогу для самого успешного литературного служения в Китае.

Первым назначением Риччи был Гоа, где Ксаверин начал карьеру миссионера. В отличие от Ксаверина, Риччи отправился туда не один. Вместе с ним было тринадцать иезуитских миссионеров. Следуя примеру и наставлениям, оставленными Ксаверином, они в основном занимались обучением и подготовкой детей, которым предстояло стать следующим поколением христианских лидеров. Но Риччи не намеревался всю жизнь провести на одном месте, занимаясь с детьми, а на его запросы ответа все не было. После четырех лет служения в Индии Риччи, по словам его биографа, наконец "получил приказ отправляться, о чем он так долго молился".

На Дальнем Востоке в иезуитских миссиях творились чудеса и происходили поразительные вещи, и Риччи отчаянно хотел действовать. Поэтому, когда из португальского порта Макао, находившегося на территории Китая, поступил призыв, он

с радостью откликнулся на него. Ругьери, его друг, отправился туда раньше; и хотя он безнадежно увяз в сложностях языка и чувствовал подавленность из-за прохладной встречи в резиденции со стороны миссионеров-ветеранов, Риччи приступил к новому служению с радостным рвением.

Прибытие Риччи в Китай ознаменовало собой событие, которого давно все ждали. Хотя миссионеры уже находились в Макао некоторое время, вступать на территорию собственно Китая не разрешалось. Но когда новости об учености Риччи в области таких наук, как математика, астрономия и география дошли до слуха правителя Ванг Пана, он пригласил Ругьери и Риччи жить у него в провинции. Хотя они испытывали опасения, что приглашение было лишь ловушкой, придуманной, чтобы избавиться от них, они все же приняли его и поехали. Приглашение оказалось искренним, и Риччи быстро продемонстрировал ценность светских знаний в миссионерской работе. Он привез с собой множество механических приспособлений, включая часы, астрономические и навигационные приборы, а также музыкальные инструменты, книги, картины и карты - все это вызвало широкий интерес китайских ученых. Карты особенно заворожали тех, кто раньше отказывался верить, что в мире существует множество других стран, помимо Китая и его ближайших соседей.

Основным устремлением Риччи было распространение Евангелия, а не распространение западных светских знаний. Чтобы достичь этой цели, он и Ругьери обрили головы наголо и облачились в платья буддийских монахов. Уже через два года появились первые обращенные, и вскоре два миссионера осветили маленькую школу и резиденцию, построенную с помощью китайцев. В 1588 г., через пять лет после приезда в Китай, Ругьери вернулся в Европу, а Риччи остался служить во главе нескольких иезуитских священников, помогавших ему.

Тем временем Риччи сменил одежду буддийского монаха на одежду ученика конфуцианской школы, сознавая, что такое облачение вызовет к нему большее уважение и доверие. Конфуцианство считалось религией китайской интеллигенции, и Риччи более всего старался завоевать популярность среди этой части населения. Если китайцы смогут увидеть в конфуцианстве только философию, тогда они смогут принять христианство, не изменяя своим традиционным верованиям.

Пока Риччи искал возможность донести до китайцев идеи христианства, другой миссионер-иезуит, Роберт де Нобиле, делал то же в Индии - в сущности, сделавшись брахманом и поставив перед собой цель завоевать эту касту для Христа. Он соблюдал законы и носил одежду касты брахманов, не отождествляя себя с существовавшей тогда христианской церковью. Конечно, не без потоков критики в свой адрес. И он, и Риччи были весьма противоречивыми фигурами в римском католицизме.

Старания Риччи сделать конфуцианство совместимым с христианством нравились китайцам, и, несомненно, именно они увеличили количество обращенных. Хотя в основных догмах христианского учения Риччи часто шел на компромисс. Например, многие западные христиане считали имя Бога приниженным в том виде, в каком его ввел и употреблял Риччи. Он использовал имя Господь Бог Небесный из древней классики (T'ien - небеса и Shang-Ti - всемогущий Господь). Риччи также позволил китайским новообращенным участвовать в церемониях почитания предков через молитвы и воскурения. Он утверждал, что такие традиции лишь демонстрируют здоровое уважение к умершим членам семьи.

Методы Риччи почти сразу стали предметом осуждения, особенно со стороны соперничающих орденов доминиканцев и францисканцев. Как и в Японии, в Китае существовало неприязненное отношение к иезуитам со стороны этих двух орденов. Иезуиты фактически были единственным орденом, в течение нескольких лет распространявшим католицизм в этой стране, и два соперничающих с ним ордена всегда стремились найти в их действиях какую-нибудь вину. К началу XVII в. по поводу разногласий в отношении к китайским ритуалам разгорелись жаркие споры, явившиеся самыми бурными дискуссиями в католических миссиях. Папа в своих декретах обычно принимал сторону доминиканцев и францисканцев, запрещая христианам приносить жертву Конфуцию или предкам. Китайский император, со своей стороны, встал на защиту иезуитов, угрожая изгнать тех, кто выступал против поклонения предкам. Эти споры продолжались столетиями, так до конца и не разрешившись.

В защиту самого Риччи следует отметить, что он не провоцировал специально горячие споры, и его снисходительность по отношению к конфуцианству явилась следствием

общения с интеллигенции. "Вполне понятно, - пишет А. Брумхолл (A. J. Broomhall), - что для них гражданские церемонии и политические аспекты этих ритуалов вполне отличались от религиозных и мистических выражений, но дело обстояло совершенно иначе для среднего китайца с его анимистическими верованиями".

Что касается Риччи, то принятие идей конфуцианства пришло к нему достаточно естественно. Когда он изучал и переводил китайских классиков, он почувствовал огромное уважение к тому, что могла предложить древняя культура. Он считал неправильной доктрину *tabula rasa* - убеждение, что необходимо полностью отбросить нехристианские философии и религии, прежде чем начать эффективное введение христианства. К этому же выводу пришел Ксаверин, когда соприкоснулся с высоко развитой японской культурой. Еще раньше, в Индии, он пытался уничтожить нехристианские системы, но мало преуспел в этом. Так политика компромиссов стала тактикой иезуитов.

Большое уважение Риччи к китайскому народу и его искреннее желание разделить с ним свои научные познания сделали возможным то, на что не многие из иностранцев могли рассчитывать до него или после. В 1601 г. по приглашению Ван Ли ему разрешили поселиться в Пекине и продолжить свою миссионерскую работу в непосредственной близости от императора, живя на стипендию от имперского правительства. С собой он привез большие отбивающие время часы, которые он подарил императору, став со своими сотрудниками главным часовщиком императорского двора. "Когда его враги пытались выжить его, - пишет Брумхолл, - могущественные дворцовые слуги, боясь, что не смогут проследить за тем, чтобы часы работали исправно, делали все возможное, чтобы Риччи не выгнали". "Это было чудом всемогущего Бога, - писал Риччи, - чудом тем более великим, что мы не только жили в Пекине, но и имели несравненно высокий авторитет".

Риччи жил в Пекине до самой своей смерти в 1611 г., прослужив почти десять лет после прибытия в этот город. За этот период значительное число ученых и правительственных чиновников пришли к вере в Христа, и среди них Пол Ксю, один из ведущих китайских интеллектуалов и член Имперской академии. Он уверовал искренне и передал свою веру детям, сохранившим ее в поколениях. Его дочь посвятила себя подготовке профессиональных рассказчиков, которые несли благовестие в сельскую местность. Два других потомка Пола стали известны через свой брак: одна стала мадам Сун Ятсен, а другая - мадам Чан Кайши. Хотя количество китайских обращенных (около двух тысяч) ко времени смерти Риччи было мизерным по сравнению с огромным населением Китая, их влияние оказалось довольно большим, благодаря высокому положению в обществе. В XVII и XVIII вв. число христиан продолжало расти, несмотря на то что верующие временами жестоко преследовались. За первую половину столетия после смерти Риччи церковь увеличилась в сто раз. Остается спорным, насколько евангельской и личной была христианская вера в Китае, но в области догмы и практики она, к сожалению, несколько отличалась от католической веры в средневековой Европе. Риччи писал о Поле Ксю, преклонявшем колена "перед статуей благословенной Девы", прежде чем войти в резиденцию одного из иезуитских священников, и о том, как после крещения "он причащался каждый день" и "находил большое утешение в исповеди". И хотя благовестие было переплетено с чуждыми христианству вкраплениями, по словам Брумхолла, "сущностью учения являлась намного более чистая доктрина, что бы к ней ни добавлялось". Брошюра о Боге, написанная в этот период одним иезуитским священником, имела широкое хождение в китайских провинциях, а позже ее использовали протестантские миссионеры. Такая литература сохраняла веру живой после указа 1724 г., когда миссионеров изгнали из страны, а китайские христиане были принуждены поклоняться тайком.

Глава 3. Продвижение моравских братьев: начало протестантского миссионерского движения

Подъем римско-католического миссионерского движения, происшедший во времена католической контрреформации XVI в., был значительно мощнее протестантского миссионерского движения. Большая часть реформаторов не считала своей главной

целью миссионерскую деятельность, охватывающую многие стороны. Более значительным казалось протестантам сохранение собственных позиций перед лицом римско-католической оппозиции и создание новой базы в Европе. Для заморских предприятий у них не оставалось ни времени, ни людей. Более того, протестанты не имели такой возможности, как у католиков, для организации зарубежных миссий. Католики по большей части жили в странах, имеющих выход к морю, следовательно, могли путешествовать и жить под защитой исследователей и торговцев. Не имевшие доступа к морю швейцарские и немецкие государства, бывшие ранним оплотом протестантизма, не могли предоставить протестантам возможности широкого доступа в иностранные земли. Более того, протестанты не имели готовой миссионерской армии, подобной монашеским орденам римских католиков.

Другим фактором была протестантская теология, ограничивавшая понимание и принятие миссионерского движения. Мартин Лютер был настолько уверен в скором пришествии

Христа, что не учел необходимости создания зарубежных миссионерских организаций. Позднее он оправдывал свою позицию утверждением, что Великое поручение относилось только к новозаветным апостолам, которые успешно выполнили свою обязанность, распространив Евангелие по всему известному им миру, освободив, таким образом, от этой работы последующие поколения. Кальвинисты обычно использовали те же аргументы, прибавляя к ним доктрину избранности. Таким образом, организация миссионерского служения оказывалась излишней, если Бог уже избрал тех, кого Он спасет. Сам Кальвин, однако, хорошо относился к миссионерскому движению. Он не только отправил десятки проповедников на свою родину, во Францию, но также назначил четырех миссионеров вместе с несколькими французскими гугенотами организовать колонию и евангелизировать индейцев в Бразилии. К сожалению, это предприятие, начавшееся в 1555 г., скоро закончилось трагически: предатель, вождь Вильганон (Villegagnon), продался португальцам, которые и разграбили только что возникшую колонию, оставив нескольких ее жителей без защиты, и они погибли от рук иезуитов.

В XVII в. усилились попытки организовать миссионерское движение в среде протестантов, но, кроме работы в американских колониях (см. гл. 4), ни одно из подобных мероприятий не имело продолжения. Более устойчивый интерес к зарубежным миссиям проявили квакеры, и в 1661 г. Джордж Фоке (George Fox) направил трех своих братьев по вере миссионерами в Китай; но эта группа так и не достигла пункта назначения. Несколько лет спустя Юстиниан фон Вельтц (Justinian von Weltz), первый зарубежный миссионер-лютеранин, отплыл в Суринам, расположенный вдоль атлантического побережья Южной Америки, где отдал свою жизнь в безуспешной попытке организовать христианскую миссию.

Первый серьезный подъем протестантского миссионерского движения произошел в XVIII в. В этот период протестанты в большей степени начали осознавать свою ответственность за евангелизацию людей, оставшихся без благовестия. Среди тех, кто первым принялся за дело, были лютеране - лютеранские пиетисты, такие, как Филипп Якоб Шпенер и Август Герман Франке (Philip Jacob Spener and August Hermann Francke), отказавшиеся от холодного формализма государственных церквей. Франке, профессор университета в Галле (Halle), превратил школу в центр континентального пиетизма, евангелизма и миссионерского движения XVIII в. Однако многие церковные лидеры и теологи XVIII в. не считали зарубежные миссии приемлемым образцом христианского служения, и пиетисты часто становились объектом насмешек и презрения. Их называли энтузиастами, жрецами Ваала, еретиками, лжелютеранами и опасными людьми, но убежденность в правоте своей позиции заставляла их действовать.

Первый толчок к созданию протестантских миссий дал король Дании Фридрих IV, сам пиетист, обратившийся к миссионерам Галля с просьбой евангелизировать людей в его заморских владениях, в частности, в Транкебаре вдоль юго-восточного побережья Индии. Бартоломей Цигенбалг и Генрих Плютшау (Bartholomew Ziegen-balg and Henry PMtschau) (см. гл. 5) добровольно вызвались сделать это, дав рождение датско-галльской миссии. А в 1714г. открылся колледж в Копенгагене, готовивший миссионеров, среди которых был и великий Ханс Эгед, организовавший миссионерскую колонию в Гренландии в 1722 г.

Самым примечательным миссионером XVIII в., служившим при датско-галльской миссии, был Кристиан Фридрих Шварц (Christian Frederick Schwartz), преданный лютеранин, отправившийся в Индию в 1750 г. и честно проработавший там до самой своей смерти сорок восемь лет. Большая часть его миссионерской жизни прошла в путешествиях вдоль берегов Индии, в проповеди Благой вести и организации церквей, что было бы невозможно без отличного знания нескольких языков и диалектов. Хотя он остался одиноким и не имел собственных детей, он проводил очень трепетное служение с детьми, выросшими в вере и пополнившими ряды церкви в Танджуре до двух тысяч человек. За время его жизни датско-галльская миссия значительно выросла, только из Галля приехало около шестидесяти миссионеров, но восторженный дух энтузиазма прежних лет уже угасал. К моменту его смерти на вакантные должности в миссии нашлось всего лишь несколько добровольцев.

К счастью, упадок датско-галльской миссии не прозвучал погребальным звоном для ранних протестантских миссий. На сцене появилась другая группа, также возникшая под влиянием пиетизма Галля. Вскоре она развилась в одну из крупнейших миссионерских церквей во всей истории. Моравские братья, вышедшие из Unitas Fratrum, при поддержке великого графа Цинцендорфа (Zinzendorf), приняли близко к сердцу Великое поручение, проложив дорогу великой эре современного миссионерского движения. Только в XVIII в. моравские братья организовали миссионерские поселения на Виргинских островах (1732), в Гренландии (1733), Северной Америке (1734), Лапландии и Южной Америке (1735), в Южной Африке (1736) и Лабрадоре (1771). Их основной целью стало распространение Евангелия до края земли. Это была их всепоглощающая страсть, которая очевидным образом проявлялась в соотношении миссионеров и прочих работников в миссиях. Отношение было один к шестидесяти, что казалось замечательным достижением по сравнению с соотношением один к пяти тысячам в протестантизме в целом.

Одной из уникальных черт моравского миссионерского движения, позволивших ему иметь такой большой процент миссионеров, служивших за рубежом, было то, что все миссионеры должны были по положению обеспечивать себя сами. Движение моравских братьев являлось движением, возникшим из среды мастеровых. Им казалось естественным, что миссионеры должны воспользоваться своей профессией во время жизни за границей. Моравские братья-миссионеры считали добровольные пожертвования явно недостаточными для финансового обеспечения задачи всемирного евангелизма. Поэтому единственным выходом для христиан, желавших стать миссионерами, было продолжать заниматься своим ремеслом.

В Лабрадоре моравские миссионеры поддерживали себя своим собственным трудом, достаточным не только для обеспечения собственных потребностей, но и для помощи нуждающимся эскимосам. Они имели корабли, и вели торговлю, и своим примером сумели вызвать у эскимосов интерес к различным деловым предприятиям. Результатом их служения явилось не только благовестие людям, но и значительный подъем экономики региона. В Суринаме, на северо-восточном берегу Южной Америки, моравские братья организовали ряд предприятий, включая швейные мастерские, мастерские по изготовлению часов и пекарни. По мере роста экономического благосостояния возрастало и духовное влияние братьев, и моравская церковь стала в этой стране процветающей церковью.

"Самым важным вкладом моравских братьев, - пишет Уильям Данкер (William Danker), - был их упор на то, что каждый христианин является миссионером и должен свидетельствовать своим повседневным трудом. Если бы другие христиане более усердно изучили пример моравских братьев, возможно, деловой человек занял бы почетное место в расширяющемся христианском миссионерском мире рядом с проповедником, учителем и врачом".

Граф Николай Людвиг фон Цинцендорф

Одним из величайших миссионерских деятелей и человеком, сделавшим так много для успешного продвижения протестантских миссий в XVIII в., был аристократ немецкого происхождения, граф Николай Людвиг фон Цинцендорф (Nicolaus Ludwig von Zinzendorf). Цинцендорф имел столь мощное влияние на протестантское христианство раннего периода, что оно во многом приравнивалось или даже превосходило влияние

известных Джона Уэсли и Джорджа Уайтфилда Он явился новатором в области экуменистического евангелизма, основал моравскую церковь и стал автором множества гимнов, но главное - он организовал миссионерское движение мирового масштаба, подготовившее сцену для Уильяма Кэри и миссий Великого века, которые последовали за ним.

Цинцендорф родился в 1700 г. в богатой и знатной семье. Смерть отца и последовавший за этим повторный брак его матери привели к тому, что он воспитывался у бабушки и тети. Их теплое евангельское благочестие в духе пиетизма наполнило его сердце интересами духовного плана. Его раннее домашнее обучение было продолжено формальным образованием. В возрасте десяти лет его отправили учиться в Галль, где он попал под влияние вдохновенного учения великого лютеранского пиетиста Августа Германа Франке. Здесь Цинцендорф вошел в группу молодых единомышленников, и из их союза образовался "Орден зерна горчичного", христианское братство, настроенное на любовь ко "всему человечеству" и на распространение Евангелия Из Галля Цинцендорф отправился в Виттенберг изучать закон и готовиться к государственной службе - единственное занятие, приемлемое для аристократа. Но ему не хотелось такого будущего Он мечтал о христианском служении, однако порвать с семейными традициями считал невыносимым. Так он колебался, пока в 1719 г. с ним не произошел случай, перевернувший всю его жизнь. Во время путешествия по Европе в одной из картинных галерей он увидел картину (Ессе Номо кисти Доменико Фети), на которой был изображен Христос в терновом венце, с надписью, гласившей: "Все это Я сделал для вас, а что вы делаете для Меня?" В этот момент Цинцендорф понял, что никогда не будет счастлив, живя жизнью аристократа. Несмотря ни на что, он будет служить Спасителю, Который так много пострадал ради его спасения.

Однако в осознанное христианское служение он был вовлечен только в 1722 г, когда группа протестантов-беженцев искала укрытия в его поместье в Бертельсдорфе, позже названном Гернгут, что значит "град Господень". Он предложил беженцам укрыться на его земле, несмотря на возражения со стороны других членов его семьи, и это стало поворотным моментом в развитии моравского движения Гернгут разрастался, росла и молва о щедрости графа. Религиозные беженцы продолжали прибывать, и вскоре поместье стало походить на цветущую общину, усеянную новыми домами и магазинами Но с увеличением общины возрастали и проблемы Различное религиозное прошлое поселенцев создало почву для разногласий, и не раз само существование Гернгута находилось под угрозой.

В 1727 г., через пять лет после появления первых беженцев, изменилась вся атмосфера. Период духовного обновления достиг своего апогея в службе причастия 13 августа, выразившись в великом пробуждении, когда, по словам присутствовавших на этой службе, на Гернгут сошел Святой Дух. Нет никакого сомнения в том, что эта великая ночь пробуждения внесла новую свежую струю в отношении к миссионерской деятельности, которая стала главной характеристикой моравского движения. Мелкие доктринальные разногласия перестали быть предметом споров и дискуссий. Напротив, возник сильный дух единства и высочайшей зависимости от Бога. Этот дух моравы старались поддерживать на протяжении более ста лет.

Прямое участие графа в миссионерской деятельности за границей началось спустя годы после великого духовного пробуждения. Цинцендорф посетил коронацию датского короля Кристиана VI. Во время празднеств он был представлен двум коренным гренландцам (обращенным Хансом Эгедом) и негру-рабу из Вест-Индии. Их рассказы о нуждах в миссионерском благовестии произвели на него огромное впечатление, и он пригласил негра посетить Гернгут, а сам вернулся домой с ощущением необходимости срочных действий. И менее чем через год два моравских миссионера были назначены на Виргинские острова, а за два десятилетия после этого моравы отправили миссионеров больше, чем все протестанты (и англикане) вместе взятые за предыдущие два века.

Хотя Цинцендорф в основном известен как руководитель миссионерского движения, он с готовностью участвовал в самой работе. В 1738 г., через несколько лет после отъезда первых миссионеров в страны Карибского бассейна, Цинцендорф взялся сопровождать трех новых добровольцев, которые должны были присоединиться к ранее отправившимся братьям. Однако на месте их ожидало печальное известие о заточении

их коллег в тюрьму. Цинцендорф не стал терять времени зря, используя свое высокое положение и авторитет, чтобы освободить их. Во время своего пребывания там он вел ежедневные службы для негров, а также изменил организационную структуру и территориальное распределение миссионеров. Когда он удостоверился в том, что миссионерская работа наладилась, он вернулся в Европу, чтобы через два года вновь отплыть, на этот раз к американским колонистам. Там он трудился наравне с братьями, работавшими среди индейцев, посещал моравские и лютеранские приходы, стараясь привести их к единству; однако не преуспел в этом. Лютеране отрицали его экуменистический настрой, а индейцы противились его влиянию.

Хотя Цинцендорф отказался от аристократической жизни, он не мог избавиться полностью от высокомерия и тщеславия, отчего ему было очень трудно работать с рядовыми миссионерами. Он открыто презирал жизнь в пустыне и не мог выносить тяготы ежедневной миссионерской работы. Он смотрел на индейцев как на нецивилизованных и грубых людей и не допускал нарушения своего уединения. Удивительным образом его неспособность общаться и ладить с ними сочеталась с желанием благовествовать им. Цинцендорф был прежде всего миссионерским руководителем, и до того как покинуть Америку, он назначил еще двадцать миссионеров на работу в американской индейской миссии.

Цинцендорф в течение тридцати трех лет являлся организатором всемирной сети миссионеров, нуждавшихся в его руководстве. Его методы оказались простыми и практичными и вынесли испытание временем. Все его миссионеры были простыми людьми, прошедшими не столько теологическую, сколько проповедническую подготовку. Как самостоятельные евангелисты они должны были работать вместе с будущими обращенными, как с равными, свидетельствуя о своей вере словом и жизненным примером. Задачей миссионеров становилось только благовестие. Строго избегалось вовлечение в местную политику и экономические дела. Их вестью была любовь Христа - очень простое евангельское послание - с намеренным невниманием к доктринальным истинам до обращения; и даже после принятия веры эмоциональный мистицизм преобладал над теологическим учением. Прежде всего моравские миссионеры были целеустремленными людьми. Служение стало главным в их жизни. Они оставляли жен и детей ради дела Христа. Молодым советовали оставаться холостыми, а если разрешался брак, то невесту часто выбирали по жребию.

Пример подобной целеустремленности являл собой сам Цинцендорф. Жена и дети графа часто оставались одни, а он путешествовал по Европе и по всему миру, и его длительное отсутствие во многом осложнило отношения в семье. Когда он был в отъезде, все дела вела его жена, Эрдмут. Она была женщиной умной, но не смогла сохранить священные узы брака в гармонии. Ни для кого не было секретом, что супруги охладели друг к другу и что за последние пятнадцать лет их брак превратился в формальную связь. Тем не менее смерть жены стала причиной горьких слез Цинцендорфа. По свидетельству Джона Уейнлика (John Weinslick), его биографа, "...горе графа обостряли угрызения совести. Он не был справедлив по отношению к Эрдмут. Нельзя сказать, что он не хранил ей верность во время долгих периодов разлуки; но он поступал безрассудно, забыв, что она была женщиной, его женой и матерью его детей".

Когда год траура закончился, Цинцендорф женился на Анне Нитхман (Anna Nitchmann), крестьянке, многие годы сопровождавшей его вместе с другими коллегами в дальних поездках. Более года этот брак держался в секрете, частью для того, чтобы предотвратить семейный скандал по поводу женитьбы на представительнице низкого сословия. Несмотря на неблагородное происхождение, Анна была преданной моравской сестрой. Вторая жена имела сильное идеологическое влияние на Цинцендорфа, особенно в области мистицизма, что повлекло за собой большие проблемы в миссионерской организации.

Под руководством графа моравская церковь много внимания уделяла теме смерти Христа. Еще ребенком он размышлял о смерти и страданиях Господа, а его призыв к служению очевидным образом проявился тогда, когда он увидел картину, изображающую страдания Христа. Шло время, и то, что когда-то считалось главным, превратилось в серьезное препятствие. Вся церковь, казалось, увлеклась крайней формой мистицизма. Моравские братья и сестры стали принижать собственную значимость и ценность, а смерть Христа описывали жуткими образами. В циркулярном

письме церквям Анна (за несколько лет до замужества) писала: "Как маленький, бедный червяк, я хочу спрятаться в Его ранах". Цинцендорф же говорил о братьях, как о "маленьких, кровавых червячках в море благодати". Был образован орден "маленьких дурачков", и Цинцендорф призывал его членов вести себя, как маленькие дети, и думать о себе, как о "маленьких рыбках, плавающих в море крови" или "маленьких пчелках, сосущих раны Христа".

В навязчивой идее моравов относительно физической смерти Христа нельзя видеть лишь странное отклонение от евангельского христианского наследия. Последствия этого явления могли коренным образом сказаться на судьбе христианских миссий. Чем более мистичными и интравертными становились моравские братья в сопоставлении своих чувств с физическими страданиями Христа, тем меньше их заботили нужды других. В частности, менялось их отношение к миссионерскому движению. Они рассматривали приобретенный мистический чувственный опыт как свидетельство своей полной духовности и недооценивали практическую сторону своей веры. На активных миссионеров они смотрели свысока, потому что те еще не достигли высокого полета духовности мистиков, а в результате страдало все дело миссионерства.

Это могло бы причинить большой вред великому миссионерскому движению, но, к счастью, граф пришел в себя до того, как это произошло. Признав, что положение церкви "пришло в значительный упадок" и что он сам, "по-видимому, явился причиной этого", Цинцендорф смог преодолеть "это короткое, но страшное" заблуждение и направить своих последователей по старому и проверенному курсу. Определенно, один этот факт говорит о величии его личности.

Вклад Цинцендорфа в дело миссионерского служения замечателен еще тем, что множество мужчин и женщин вняли его зову и бросили все ради проповеди Евангелия. Их единственным побуждением была жертвенная любовь Христа к миру, и с этим посланием они шли до края земли.

Христиан Дейвид и Ханс Эгеде

Кроме графа Цинцендорфа, более других в дело основания моравской церкви был вовлечен Христиан Дейвид. Он отвечал за привлечение в поместье Цинцендорфа братьев (из Unitas Fratrum), беженцев, разбросанных по всей Европе. Дейвид родился в Моравии в 1690 г. в католической семье. В ранней молодости он был преданным католиком, ревностно соблюдал все ритуалы, праздники и поклонялся Деве Марии. Позже он вспоминал, что его сердце горело религиозным рвением, как жаркая печь. Но, несмотря на свою искреннюю религиозность, он не имел глубокого понимания истинного христианства, пока его не отослали из родного дома служить учеником в семью мастера, среди членов которой тайно хранилось тепло евангельской веры. Но даже тогда откровение христианского учения осталось для Христиана не до конца понятным. Только в двадцать лет он приобрел Библию, которую прежде никогда не видел.

В 1717 г., в возрасте двадцати семи лет, Дейвид обратился, а вскоре после этого, вдохновляемый своей преданной женой Анной, стал странствующим проповедником. Во время странствий он встречал сотни отчаявшихся и преследуемых христиан, искавших прибежища, где можно было бы свободно поклоняться Христу. Испытывая боль и тревогу за судьбу этих людей, в 1722 г. он встретил Цинцендорфа, и они объединили усилия по организации Гернгута. В последующие годы Дейвид действовал как представитель Цинцендорфа, путешествуя по Европе и набирая поселенцев.

Христиан Дейвид был по профессии плотником и имел большой успех в наборе поселенцев. Он стремился к более активному участию в евангелизационном процессе. В 1733 г. такая возможность ему представилась. Вместе с двумя другими моравами он был назначен на служение в Гренландию, чтобы возобновить там миссионерскую работу. За два года до отъезда в Гренландию до Цинцендорфа дошли слухи о том, что лютеранская миссия Ханса Эгеде собирается прекратить там свою деятельность. Эта ложная информация навела Цинцендорфа на мысль послать туда своих миссионеров. Он тут же призвал моравских братьев-добровольцев, чтобы заполнить якобы образующуюся брешь, и Дейвида выбрали руководителем предстоящей миссии.

Прибытие моравских миссионеров явилось большой неожиданностью для Эгеде. Он тепло приветствовал их, но почти сразу между ними возникли проблемы и непонимание.

И Эгеде, и Дейвид были упрямы и настойчивы, а языковой барьер еще более осложнял возникающие проблемы. Эгеде, норвежец по национальности, с трудом понимал немецкий в устах чехов, а моравы совсем не могли понять его норвежского языка. Дейвид и его спутники, однако, сразу поняли, что Эгеде не собирался покидать своей миссии.

Ханс Эгеде и его семья прожили в Гренландии более десяти лет до прибытия моравских братьев. Несмотря на существовавшие недостатки, они были очень преданы делу своей миссии. Эгеде родился в Норвегии в 1686 г. (на четыре года раньше Христиана Дейвида). Он вырос в крепкой лютеранской семье, где теплый дух пиетизма, пропитавший все скандинавские страны, оказал на него сильное влияние. Он прошел подготовку к служению, после чего провел десять беспокойных лет пастором у себя на родине. Конфликт с другим священнослужителем по поводу денежных вопросов в его епархии привел к тому, что церковный суд несколько раз штрафовал его. Очевидно, Эгеде получал недостаточно денег, чтобы содержать свою семью, и жил на грани нищеты, поэтому пытался поправить ситуацию далеко не лучшим способом.

С самого детства Эгеде слышал рассказы о Гренландии и о тех христианах, которые за века до этого эмигрировали туда из Скандинавии. О потомках этих людей ничего не было слышно два столетия. Он знал из истории Норвегии, что Евангелие в Гренландию принес Лейф Счастливый, сын Эйрика Рауда (Рыжего), жестокий человек, которого сначала изгнали из Норвегии, а позже из Исландии из-за нескольких убийств. Лейф вместе со священником рассказывали местным гренландцам о Евангелии, и к XII в. церковь там выросла настолько, что ей разрешено было иметь собственного епископа. Но время шло, церковь вырождалась, и население постепенно вновь обратилось к язычеству.

Эти рассказы и пиетическое рвение молодого норвежского пастора побудили его искать возможность начать миссионерскую деятельность в Гренландии ради "бедных людей, которые в прежние времена были христианами, просвещенными христианской верой, но из-за отсутствия учителей и назидания впали в языческое ослепление и дикость". Поскольку не существовало миссионерских советов, которые могли бы финансировать миссию Эгеде, он послал свое предложение об "обращении и просвещении гренландцев" королю (объединенного королевства Дании и Норвегии) и церковному руководству, но начавшаяся война против Швеции отодвинула решение этого вопроса на несколько лет.

Тем временем Эгеде встретил сильное сопротивление своим планам со стороны своих домашних. Его теща была вне себя от ярости, когда услышала эти новости, а его жена Гертруда (на тринадцать лет его старше) была поначалу ошеломлена и намекнула, что всегда жалела о своем решении выйти за него замуж. Но вскоре ее отношение к планам мужа изменилось. После того как они помолились вместе об этом, она стала самым верным его союзником, и супруги рука об руку пошли вперед к тому, что теперь стало их общим призванием. Когда другие уговаривали Ханса отказаться от задуманного, она твердо вставала на его защиту: "Моя дорогая жена доказала свою глубокую веру и постоянство, утверждая, что уже слишком поздно раскаиваться в том, что сделано. Не могу выразить, как сильно она вдохновляла меня этими словами, а также и тем, что она, хрупкая женщина, проявила больше веры и мужества, чем я".

Летом 1718 г. Эгеде оставил свой приход на севере и отправился вместе с женой и четырьмя детьми на юг в порт Берген, где надеялся найти возможность обеспечить себе и семье проезд в Гренландию. Этот первый этап пути вдоль предательской норвежской границы оказался жутким кошмаром, способным разрушить решимость людей послабее. Эгеде упал за борт и утонул бы, если бы его не спас рыбак. Но он не только не потерял веру, а, напротив, укрепил ее, поскольку убедился в том, что его спасение явилось знамением Божиим, указующим, что его жизнь сохранена для божественной цели.

После двух лет отсрочек и неопределенности в Бергене, семья Эгеде добилась проезда благодаря участию компании Бергена и летом 1721 г. добралась до Гренландии. Быстро построив жилище, чтобы обеспечить семье укрытие на холодные месяцы, Эгеде принялся за работу иностранного миссионера, полностью лишенную всякой романтики. Приятные летние месяцы были омрачены бесконечными стаями гнуса. Еще большую трудность представлял языковой барьер. Эгеде надеялся найти людей, говорящих на языке, подобном собственному, поскольку он был завезен туда столетия назад его народом, но радужные надежды быстро померкли. Общение даже при помощи простых

фраз представляло собой очень трудоемкий процесс и, что еще хуже, Эгед не сумел найти даже следов христианской веры. А он надеялся, что она сохранилась за прошедшие века.

Культурным барьером, который требовалось преодолеть миссионеру, стал не только язык. Образ жизни эскимосов был совершенно иным. Они обитали в примитивных жилищах от четырех до шести футов высотой; - часто в одном жилище поселялось несколько семей, а зимой они были натоплены мучительно жарко и душно. Тошнотворный запах испорченного мяса и рыбы в сочетании с отвратительным запахом мочи (в которой вымачивались шкуры) делал воздух почти невыносимым для норвежского проповедника; но домашние посещения оказались единственным действенным средством контакта с эскимосами в течение долгих зимних месяцев.

Служение Эгед эскимосам началось медленно и с большим трудом. В то время как его сыновья Пауль и Нильс быстро освоили трудный язык, играя с новыми друзьями, Эгед годами преодолевал препятствия, таившиеся в грамматике, поэтому передача духовных ценностей оказалась делом очень сложным. Он во многом зависел от Пауля и Нильса, и они принесли огромную пользу в его служении. С самого начала пребывания в Гренландии Эгед пытался завоевать дружбу и внимание эскимосской аудитории самым эффективным методом - музыкой... Его биограф, Луи Бобе (Louis Bobb), сказал, что "он завоевал их сердца своими песнями".

И все же процесс евангелизации шел болезненно медленно. Эгед настаивал на том, чтобы эскимосы оставили свои языческие привычки и настойчиво провозглашал, что не может быть никакого компромисса между христианством и язычеством. Он оставался непоколебим в отношении к языческой религии и ее ритуалам, требуя, чтобы эскимосы отказались от своих священных талисманов и заговоренных амулетов, от своих мистических танцев, песен и "диавольского плутовства". Он мало понимал в их верованиях и потому не мог найти ничего общего между их языческой религией и христианством. Более того, он поставил целью превратить их в "человеческие существа", прежде чем обратить в христиан. Именно этот подход подсказал ему, что нужно сосредоточить усилия на воспитании детей. Пока они еще не стали рабами суеверий, как их родители, они более восприимчивы к обучению. С разрешения родителей он крестил их и обучал истинам христианства сразу, как только они начинали улавливать смысл обращенной к ним речи. Эгед никогда не оставлял надежды найти гренландцев, которых мог бы считать потомками выходцев со своей родины. Он нашел остатки европейской архитектуры, включая основание церкви, сохранившейся в руинах Норса; но так и не увидел следов христианства, которые привели бы его к прежним поколениям христиан в этой стране.

Медленный прогресс миссии Эгед и отсутствие торговых успехов компании Бергена в Гренландии вкупе уменьшили энтузиазм искателей приключений на родине Эгед. В 1730 г. умер король Фридрих IV, сильный союзник идеи гренландской миссии, а к власти пришел его наследник, король Кристиан VI. На следующий год Кристиан VI решил прекратить гренландское коммерческое предприятие и отозвал обратно чиновников и работников компании Бергена. Самому Эгед с семьей разрешили остаться, но даже его проживание там было под вопросом. Именно эта ситуация породила слухи, что Эгед оставляет миссионерскую работу в Гренландии, что и побудило Цинцендорфа направить Христиана Дейвида и его моравских братьев продолжить работу, начатую Эгед.

Казалось, что проблемы между вновь прибывшими моравами и ветераном-миссионером Хансом Эгед неминуемы. Эгед, с его властным и вспыльчивым характером, обидел моравов, которые верили в необходимость более мягкого подхода к евангелизации. "То, что последовало, - пишет Стефан Нейл, - похоже на то, что происходит почти всегда, когда вторая миссия ступает на территорию, где уже работает первая. Вновь прибывшие видят слабости старой миссии, мало считаясь с тем, что пришлось пережить первооткрывательнице".

Темой конфликта между двумя группами явились методы евангелизации.

Моравам Эгед казался жестким и доктринальным лютеранином, больше беспокоившимся об обучении своей холодной ортодоксии, чем о спасении диких душ. Как можно ожидать, говорили они, что эти эскимосы когда-либо поймут сложные богословские доктрины, пока Бог не даст им света спасения? Эгед, со своей стороны, рассматривал моравских братьев как проповедников прискорбно сентиментальной

религии, мало заботившихся о христианской доктрине и уничтожении языческих суеверий. Их одностороннее Евангелие любви Божьей, уделяющее мало внимания святому, праведному и всемогущему Богу, считал он, не могло представить христианство в полную силу.

Несмотря на разногласия, Эгед и моравы все же работали бок о бок, по некоторым вопросам достигая разумных и теплых взаимоотношений. Эгед поделился всеми своими лингвистическими записями и материалами с моравами, когда они взялись за изучение языка (хотя языковой барьер, существовавший между ними, делал эти записи малоценными). Когда они заболели цингой, он часто навещал их и делал все, чтобы облегчить их страдания. Его жена Гертруда также проявила доброе к ним отношение, и они любили и уважали ее. И все же конфликт продолжался, давая повод современному наблюдателю высказать предположение о том, что коренные гренландцы были "готовы усомниться в целостности христианской веры, говоря: "Как же она может быть истиной, если вы сами постоянно ссоритесь из-за нее?""

Первый настоящий успех Эгед в его служении эскимосам пришел к нему в 1733 г., около времени прибытия Христиана Дейвида и его спутников. Из Дании получили хорошие известия о том, что их новый король разрешил продолжать миссионерскую деятельность в Гренландии. Новость привез обращенный гренландец, после посещения Дании ставший переносчиком оспы. После возвращения он ходил из деревни в деревню, служа вместе с Эгед и неосознанно распространяя заразу повсюду, где побывал. Вскоре начались эпидемия и борьба за жизнь эскимосов, и только тогда раскрылась всем теплая нежность и жертвенная любовь заморского непреклонного священника. То, что казалось невозможным передать словами, было явлено в течение долгих недель и месяцев бескорыстного служения, пока свирепствовала болезнь. Эгед постоянно ухаживал за больными, а когда он возвращался, его осаждали у него дома. Прослышав про его щедрую любовь, эскимосы стали приходить к нему за лечением за многие мили, самых больных приносили к нему в дом, где он и его жена укладывали их на кровати и заботливо ухаживали за ними.

После того, как опасность миновала и в район вернулось спокойствие, Эгед заметил у людей намного больший интерес к духовным вещам. Он внушил им любовь к себе, и теперь эскимосы искали его духовного совета. Умиравший гренландец, игнорировавший учение Эгед, когда был здоров, выразил чувства своего народа к норвежскому миссионеру такими словами: "Ты оказался к нам добрее, чем мы были друг к другу; ты нас кормил, когда мы были голодны; ты хоронил наших умерших, которых иначе съели бы собаки, лисы и вороны; но главное, ты нам рассказал о Боге и о том, как стать благословенным, так что теперь мы можем умереть в радости, ожидая лучшей жизни". Ужасная эпидемия 1733 г. длилась менее года, но шрамы ее остались навсегда. Эгед так и не восстановил полностью свое здоровье, а его жена продолжала болеть и умерла в 1736 г.

Тем временем моравские братья установили в своей миссионерской работе четкий ритм и вскоре также ощутили зримый успех. В 1738 г. эскимосы словно бы проснулись, и за последующие годы сотни этих людей обратились в христианство. С завистью и горечью Эгед обвинил Христиана Дейвида: он "пожинал то, что я посеял". Обвинение Эгед определенно несло в себе частицу правды, но также истинно то, что методология моравов все же более подходила эскимосам, чем методы Эгед. Их простое благовестие, наполненное эмоциональной сентиментальностью, нравилось людям, чьи мистические суеверия были не так уж далеки от мистицизма моравов. Вскоре маленькая часовня в Новом Гернгуте стала слишком тесной, и миссионер-плотник Христиан Дейвид построил новую церковь.

После смерти жены Ханс Эгед вернулся в Копенгаген и женился вновь. Оттуда он руководил миссионерской работой в Гренландии и обучал молодых людей для миссионерской работы, но плодов своих трудов он видел немного. Величайшей радостью отца было видеть своих сыновей, продолжающих его работу по евангелизации Гренландии. Его сын Пауль, в частности, нес очень успешное служение в районе залива острова Диско, где началось религиозное пробуждение и куда люди приходили издалека, чтобы послушать его проповеди. Его служение, однако, было коротким из-за ухудшавшегося зрения, но сердцем он всегда пребывал в миссии. Пауль вернулся в Копенгаген, где продолжал работу над переводом Библии и разрабатывал вместе с отцом доктринальное руководство для гренландцев. Ханс Эгед умер в 1758 г.

в возрасте семидесяти двух лет, а Пауль прожил еще тридцать лет, поддерживая дело миссий в Гренландии до самого конца.

Георг Шмидт

В то самое время, когда христианство пускало корни в Гренландии, оно также начинало появляться и в других отдаленных районах мира благодаря служению верных моравских братьев. В Южной Африке Георг Шмидт, неженатый морав, боролся против бесчисленных врагов, чтобы донести проповедь Евангелия до местного населения. Шмидт родился в Моравии в 1709 г. и обратился к вере в возрасте 16 лет, когда шла волна пробуждения, охватившая моравских братьев. Вскоре после этого он отправился в Гернгут и присутствовал там во время Великого пробуждения, снисшедшего на братьев 13 августа 1727 г.

В Гернгуте Шмидт стал миссионерским посланником, и вместе с другими братьями его отправили проповедовать Евангелие. Ему предстояло вместе с двумя коллегами вернуться на родину, в Моравию, где, как они знали, Римская католическая церковь устроила гонения на протестантов. Вскоре после того, как они приехали, об их собраниях стало известно властям, и Шмидта и его спутников посадили в тюрьму. После освобождения три молодых моравских брата вернулись в Гернгут, но очень быстро последовало новое назначение Шмидта - на этот раз в Австрию в еще более сложные условия. И опять Шмидт вместе со спутниками пытался уйти от преследования властей и проводить религиозные собрания. Последовал новый арест, и Шмидт опять оказался в тюрьме. Три года он томился в подземелье. Условия были ужасающими, и менее чем через год его товарищи умерли, оставив Шмидта страдать одного. Если бы он испытывал только физические страдания, то вынес бы их. Однако он подвергался пыткам и иного рода. Каждый день властные иезуиты, содержавшие Шмидта в заключении, оказывали на него психологическое давление, требуя, чтобы он отрекся от своей веры. После трех лет мучений и страданий Шмидта приговорили к каторжным работам, которые длились еще три года, пока наконец он не сломался и не подписал отречение от своих верований в угоду Римской католической церкви.

Перенеся столько мучений и унижений, Шмидт вернулся в Гернгут, ожидая от своих братьев теплого приема. Но вместо этого его встретили весьма холодно, и некоторые даже отнеслись к нему как к вероотступнику из-за его "слабости". Шмидт чувствовал себя опустошенным и, чтобы доказать, что не был трусом, он еще раз покинул безопасное пристанище в Гернгуте и вернулся проповедовать в цитадель римского католицизма. Но он не был счастлив и с благодарностью приветствовал перемену, происшедшую в 1736 г., когда его послали в Голландию изучать голландский язык. В 1737 г. он отправился в Южную Африку работать среди готтентотов. Цинцендорф знал об отчетах Цигенбальга и Плютшау (см. гл. 5), которые, находясь на пути в Индию, получили представление о нуждах угнетенных африканцев.

Южная Африка в начале XVII в. была, несомненно, таким же трудным полем деятельности для миссионера, как и любой другой регион. Голландские колонисты не были доброжелательно настроены по отношению к миссионерам, которые хотели поднять социальный статус африканцев. Неудивительно, что Шмидт встретил враждебный прием. Более того, кальвинистско-реформатские голландские служители, находившиеся в Капской колонии, считали предосудительным эмоциональный и сентиментальный пиетизм моравских братьев. Сам Шмидт мало старался завоевать любовь голландских колонистов. Согласно одному свидетельству, "он был определенно высокомерным притворщиком, иногда забиравшимся на крышу дома... где становился на колени, чтобы... все могли видеть его, и делал вид, что молится".

Прожив некоторое время в военном укрепении, Шмидт отправился в глубинные части континента, в район под названием "Долина обезьян", чтобы работать с готтентотами. Готтентоты, известные отсутствием у них негроидных черт и знаменитые малым ростом, рассматривались колонистами как "белые вороны"; за ними велась настоящая охота, как за животными, в попытке сделать из них рабов. Они встретили Шмидта настороженно, а он с помощью переводчика-готтентота начал проповедовать им и очень скоро после этого основал школу с пятьюдесятью учениками.

Как и в случае с другими моравскими миссионерами, служение Шмидта не обеспечивалось финансовой поддержкой. Все моравские служители должны были быть

евангелистами, и никаких различий не делалось между теми, кто служил дома, и теми, кто занимался миссионерской деятельностью за границей. Шмидт работал в тесном контакте с людьми, и его проповедь Евангелия осуществлялась посредством такого повседневного общения с ними. Какое-то время он зарабатывал, разделявая мясо, обрабатывая шкуры животных, просеивая пшеницу, обрезая фруктовые деревья и выполняя другую крестьянскую работу; впоследствии он сам приобрел живность и сад. Жизнь в Южной Африке для Шмидта складывалась нелегко. Особенно тяжелой была зима 1740 г., и он с соседями пережил голодное время, только один раз подстрелив гиппопотама, животное, обычно в пищу не употреблявшееся. Но для Шмидта повседневные заботы были делом второстепенной важности. Единственной целью его пребывания в Южной Африке являлось благовестие; но и здесь он столкнулся с трудностями и неудачами. Его немногочисленная паства не отличалась постоянством. Даже в Африке, его переводчик, вернулся к прежнему образу жизни. Он стал выпивать с друзьями и чуть не погубил неокрепшую еще молодую церковь. Шмидт резко выступил против него, через несколько дней любители разгульной жизни покаялись; но их духовная спячка продолжалась. Шмидт был в таком отчаянии, что написал Цинцендорфу о желании вернуться домой.

Шмидт испытывал трудности в установлении здоровых отношений не только с африканцами, но и с голландскими поселенцами и властями колоний. Местные фермеры злобно порочили его репутацию, некоторые утверждали, что он сожительствует с женщиной-готтентоткой, другие же обвиняли его в шпионаже. И колониальные власти, как светские, так и религиозные, были категорически против его пребывания там - пребывания нерукоположенного труженика, имевшего смелость занять место духовного пастыря.

Вмешался Цинцендорф, пытаясь урегулировать ситуацию. В письме Шмидту он дал совет, определяющий миссионерскую политику, одновременно благословляя его посвящением (явно в попытке утихомирить критику): "Почему бы тебе не крестить детей готтентотов, умирающих во младенчестве? [Имея в виду до того, как они умрут]. Тот, Кто пришел с водой и кровью, умер и за них. Я посвящаю тебя в священники нашей церкви для крещения и причастия во имя Отца, Сына и Святого Духа. Аминь... Я очень доволен тобой. Но, мой дорогой, ты требуешь слишком много внешнего от готтентотов и слишком мало от их сердца... Ты должен рассказать готтентотам, особенно их детям, историю Сына Божьего. Если они почувствуют что-то, молись вместе с ними, если не почувствуют, молись за них. Если их чувства сохранятся, крести их там, где подстрелил своего гиппопотама".

Получение посвящения в сан окрылило Шмидта, и он немедленно использовал свои новые преимущества, крестив Вильгельма, своего первого обращенного готтентота. Вскоре были крещены и другие, и до голландских властей дошли слухи об этом. Вместо того чтобы разрешить споры, посвящение Шмидта только усугубило враждебное к нему отношение голландских официальных лиц. Реформатские служители Кейптауна настояли на том, чтобы крещение считалось недействительным. Они вызвали двух обращенных для проверки знания ими стандартного катехизиса и были удивлены, обнаружив, что те знали доктрину так же хорошо, как их собственные кандидаты на крещение. Тем не менее Шмидту было велено покинуть Южную Африку и предстать перед властями в Голландии. Весной 1744 г. он отплыл в Европу, чтобы утвердить свое право служения перед голландскими властями.

Несмотря на усилия Шмидта и других моравских руководителей, разрешения на возвращение так и не удалось добиться, и маленькая церквушка у готтентотов осталась без пастыря почти на столетия, до 1792 г. Именно в этом году моравы вернулись в долину; к своему удивлению, они обнаружили старую женщину, которую Шмидт крестил более пятидесяти лет назад, все еще заботливо хранившую Новый Завет, который он дал ей.

Вторая миссионерская экспедиция моравских братьев в Капскую колонию оказалась более успешной, чем первая. Под умелым руководством Ханса Хальбека (Hans Hallbeck) миссионерская работа приносила богатые плоды. К середине XX в. там было организовано тридцать восемь миссионерских поселений и почти пятьдесят тысяч людей исповедовали христианство под влиянием моравских братьев.

Глава 4. Миссионеры среди американских индейцев: в поисках "благородного дикаря"

Краснокожие. Аборигены. Благородный дикарь. Потерянные колена Израилевы. Никакой другой народ в мире не защищали так горячо и не притесняли так безжалостно правительственные чиновники, политические деятели и религиозные служители, как американских индейцев. Веками индейцы занимали одно из первых мест в планах христианского благовестия. Расцвет католических миссий пришелся на завоевание Нового Света. В это время вся мощь римско-католического института была мобилизована на то, чтобы обратить местное население в католицизм. Но такие же ревностные усилия направлялись на индейцев и со стороны протестантов под руководством английских политиков, торговцев и церковных деятелей в лице горстки смелых миссионеров. История миссий для американских индейцев - интригующая история, история глубокого волнения, ревности, преданности, но и история многих неудач. Но как могли такие упорные усилия принести так мало плодов? Два века агрессивного захвата земель, столкновение культур и медленное уничтожение местного населения могут объяснить этот факт.

Первыми в Северную Америку отправились миссионеры-католики. В XVI в. испанские священники, многие из которых принадлежали к францисканскому ордену, начали работать среди пуэбло [С XVI в. пуэбло - испанское название оседлых поселений индейцев юго-запада Северной Америки. - Примеч пер.] на территории, ставшей теперь юго-западной частью Соединенных Штатов. Там был основан ряд миссий, многие индейцы стали номинальными христианами, хотя и требовали сохранения некоторых древних религиозных традиций. Веком позже французские иезуиты из католической миссии вошли в долину Святого Лаврентия (современный район Онтарио) и начали работу среди гуронов. К середине XVII в. половина всего племени стала номинальными христианами, но затем последовала катастрофа. Ирокезы, объединившись в союз, организовали военную кампанию против гуронов, и, прежде чем она закончилась, многие из них либо были убиты, либо разбежались. Жана де Бребефа, руководителя миссии, подвергли пыткам и убили, и эра иезуитской миссии гуронам закончилась. Работа продолжилась в Квебеке и других местах, но уже без прежнего энтузиазма.

Позже католические миссионеры пришли к индейцам Великих равнин и на территорию Орегона, но большее влияние на индейцев Северной Америки оказала миссионерская работа протестантских миссий. С самого начала исследовательской деятельности в Новом Свете англичане стремились приобщить местное население к христианству. Сохранившиеся записи, сделанные навигаторами, представителями торговых компаний и членами правительственных магистратов, указывают на присутствие расчетливого миссионерского рвения. Мощным основанием для колониализма стала христианизация местного населения, и колониальные хартии новых поселенцев подчеркивали важность работы по проповеди Евангелия среди индейцев. Хартия Виргинии 1606 г. начинается с королевского благословения колонистов, "объясняющих христианскую религию людям, до сих пор живущим во тьме и невежестве". Хартия Массачусетса провозглашала "завоевание и побуждение местного населения к познанию и послушанию единственно истинного Бога и Спасителя человечества и христианской веры". И даже печать колонии свидетельствовала об этом рвении: на ней была изображена фигурка индейца, взывающего: "Придите и помогите нам". Хартия Коннектикута утверждала, что евангелизация стала "единственной и главной целью" основания колонии. Таким же образом были основаны Пенсильвания и другие колонии, провозглашавшие своей целью обращение индейцев в христианскую веру.

Однако во многих случаях заявления правительственных хартий оставались не более чем пустыми словами. Когда поселенцы выдвигали требования на землю, "бедные дикари" становились для них скорее угрозой и препятствием, чем братьями во Христе. Корысть преобладала над гуманными чувствами и стремлением к передаче другим своей веры, в результате чего к работе миссионеров стали относиться с открытым презрением. Таким образом, миссионеры столкнулись не только с противодействием враждебно настроенных индейцев, но и с насмешками и сопротивлением соотечественников. Но были исключения. Более чем какая-либо другая колония, Массачусетс стремился исполнить свои обязательства по хартии. В этой колонии служителям Евангелия оказывали глубокое уважение, и они несли двойную

ответственность: обращать индейцев и служить колонистам. Очень часто служители были слишком заняты, чтобы работать в обоих направлениях, и времени на благовестие индейцам не оставалось; но иногда миссионеры относились к своим двойным обязанностям с должной серьезностью и достигали впечатляющих результатов.

Джон Элиот

Одним из первых и, возможно, величайших миссионеров для американских индейцев был Джон Элиот, часто называемый "апостолом индейцев". Несмотря на большое уважение, которое он завоевал миссионерским трудом, основным занятием Элиота являлось служение в церкви Роксбери. Он был конгрегационалистом - отцом колониальной церкви Новой Англии, - а не миссионером в строгом смысле слова. Тем не менее преданность Джона делу благовестия индейцам сделала его одним из выдающихся руководителей во всей истории миссионерского движения, и многие его методы имеют непреходящее значение.

Джон Элиот родился в Англии и получил религиозное образование в Кембридже, закончив его в 1622 г. Хотя он был рукоположен в англиканской церкви, он был нонконформистом, и поэтому служение в любой церкви в Англии оказалось бы для него небезопасным делом, ограничивавшим

его поле деятельности. Поэтому, прослужив несколько лет преподавателем в школе под руководством великого пуританского учителя Томаса Хукера (Thomas Hooker), он отплыл в Америку, где перспективы его служения были намного шире. Летом 1631 г. он благополучно прибыл в Массачусетс, колонию, которая еще не успела отпраздновать двухлетнюю годовщину со дня основания.

Хотя пустыня Новой Англии оказалась весьма отдаленной от его дома и далеко не цивилизованной землей, Элиот вскоре почувствовал себя совершенно на своем месте. В течение года к нему присоединились три его брата, три сестры и невеста. Элиот провел год в Бостоне, замещая пастора, затем принял приглашение работать в церкви в Роксбери, где обосновались многие его друзья и соседи по Англии. Роксбери был маленьким приграничным поселением всего в двух милях от Бостона, и там в октябре 1632 г. Джон Элиот и Ханна Мамфорд сочетались гражданским браком - первый брак, зарегистрированный в этом городе.

Как и многие колониальные пасторы, в первые годы служения Элиот много времени уделял нуждам своей паствы. Поблизости были индейцы, но их случайные посещения Роксбери не привлекали особого внимания. Они вели себя мирно, и поселенцы не задумывались об их евангелизации. Более того, многие жители Новой Англии, включая церковных служителей, считали рост смертности среди индейского населения из-за завезенных европейцами болезней Божьим средством "очищения земли" для "Его народа". Индейцы казались досадной помехой в деле прогресса цивилизации.

Только в 1644 г., сорока лет от роду, Элиот всерьез занялся миссионерской деятельностью. Он не слышал призыва "македонянина". Не было торжественных признаков его подготовки к этому служению. Просто в этом возникла потребность, а он находился рядом. Его первым шагом было изучение языка - два года мучительного, напряженного изучения диалекта массачусетского алгонкинского языка, не имевшего письменности, состоящего из гортанных звуков и голосовых модуляций. В этой трудной задаче большую помощь ему оказал Коченоу, молодой индеец, захваченный в плен во время военных действий. Коченоу многому научил Элиота и долгие годы сопровождал его в качестве переводчика и помощника.

Осенью 1646 г. Элиот обратился с первой проповедью к группе индейцев, живших поблизости. Это стало первым серьезным испытанием его способности действительно общаться, а он стремился к успеху. Несмотря на старания, его слова встретили глухое непонимание; индейцы "не обратили внимания" и не "пытались понять", но с усталым презрением выслушали" то, что он говорил. Месяцем позже Элиот вновь обратился с проповедью к еще большей группе индейцев, собравшихся в вигваме Вабана. На этот раз индейцы внимательно слушали более часа, а когда проповедь закончилась, стали задавать вопросы, которые Элиот позже охарактеризовал, как "любопытные, чудесные и интересные". На некоторые вопросы Элиот ответил сразу, а на остальные отвечать отказался, движимый восприимчивой миссионерской психологией и интуицией, "решив оставить их чуть голодными". Прежде чем покинуть

стоянку индейцев, Элиот раздал угощение, состоявшее из сладостей и яблок для детей и табака для мужчин. Он вкусил свой первый успех и "ушел, сопровождаемый возгласами прощания".

Через две недели после такой вдохновляющей встречи Элиот вернулся в сопровождении двух пасторов и прихожанина-помощника. Вокруг них собралось еще больше любопытствующих индейцев, и собрание прошло весьма успешно. После вступительной молитвы Элиот стал учить детей катехизису и, конечно же, родители учились тоже, слушая их. Затем он говорил о десяти заповедях и о любви Христа, и некоторые индейцы плакали. И опять задавали вопросы, самым трудным из которых был такой: "Почему никто из белых людей раньше не говорил нам об этом?"

Последующие месяцы Элиот продолжал посещать раз в две недели вигвам Вабана и проводил там уроки катехизиса и богослужения, которые он тщательно репетировал на сложном алгонкинском наречии. Хотя он нес на себе основное бремя служения, он не прекращал искать помощи, привлекая к работе соседних пасторов и собственных прихожан. Их энтузиазм заряжал энергией его дух и помогал проводить служение в самые трудные времена. Путешествие к индейцам всегда было долгим и тяжелым. Поездки по сильно пересеченной пустыне очень утомляли, но оптимизм Элиота нельзя было погасить: "За всю зиму у нас не было ни одного дня с плохой погодой тогда, когда мы отправлялись проповедовать индейцам. Слава Господу". Шли недели и месяцы, некоторые индейцы обратились к вере, и в их жизни стали происходить видимые изменения. Менее чем через год после первого собрания Элиота в печати было опубликовано следующее сообщение, свидетельствовавшее о существенных успехах в деле благовестия:

"Индейцы совершенно прекратили практику заклинаний.

Они начинают и завершают каждый свой день утренними и вечерними молитвами в своих вигвамах.

Они не только сами посвящали один день недели молитвам и отдыху, но и приняли закон, наказывающий тех, кто не соблюдает этот святой день. Нарушитель должен заплатить двадцать шиллингов штрафа.

Они становятся трудолюбивыми и производят изделия, которые продают в течение года. Зимой - метлы, печки, верши для ловли угрей, корзины; весной они продают клюкву, рыбу, землянику.

Женщины учатся прясть".

Главной заботой индейцев, как и Элиота, было получить участок земли, специально предназначенный для индейцев-христиан. Элиот считал, что новым обращенным нужно отделиться от тех, кто не интересовался истинами Евангелия. Индейцы, с другой стороны, хотели иметь землю, которую могли бы назвать своей. Белые поселенцы обустроивались и устанавливали границы, урезая права индейцев на охоту и рыбную ловлю. Элиот обратился от имени индейцев в гражданский суд, и им отвели несколько тысяч акров в восемнадцати милях к юго-западу от Бостона в отдаленном углу на территории Нейтика. Индейцы не возражали против переселения и вскоре основали Нейтик, ставший широкоизвестным как "молитвенный город".

Нейтик не походил на типичное индейское поселение. Улицы были вымощены, а каждой семье выделили участок. Некоторые здания при поддержке Элиота были построены в европейском стиле, но многие индейцы выбрали постройку по типу вигвама. Элиот ввел библейскую форму правления, основанную на совете Иофора, изложенном в Исх. 18:21; город был поделен на десятки, пятидесятки и сотни, во главе каждого подразделения стоял взрослый мужчина. Образцом стала цивилизация белых людей и предполагалось, что индейцам-христианам захочется им подражать. Элиот считал, что истинное христианство изменяло не только сердца и умы людей, но и их жизнь, и культуру. Он не мог представить истинно христианской общины вне европейской культуры, и этот фактор явился, как оказалось впоследствии, единственным по-настоящему слабым местом в его служении. К сожалению, следующие поколения миссионеров, за малым исключением, придерживались того же ошибочного мнения.

В жизни Нейтика были проблемы, в частности, со стороны белого населения, которое возражало против постоянного проживания рядом с ними индейцев. Но Элиот периодически обращался в гражданский суд Массачусетса с просьбой о предоставлении земли, и к 1671 г. в четырнадцати "молитвенных городах" собралось уже более

миллиона индейцев. Его деятельность тщательно исследовалась властями, и он с готовностью принимал любые виды финансовой помощи, которые годились для его проектов.

Элиот тратил много времени и усилий на разрешение возникающих вопросов и проблем, но его постоянной заботой было духовное благополучие индейцев. Он был нетороплив и дотошен в своем благовестии, и хотя первые обращенные появились уже после третьей проповеди, он никогда не торопил события. Фактически, он намеренно откладывал крещение и церковное членство до тех пор, пока не убедился в том, что индейцы полностью преданы своей новой вере. Первое крещение произошло в 1651 г., через пять лет после появления первых обращенных. Таким же образом основание церкви было отсрочено до той поры, пока Элиот и его коллеги не решили, что индейцы вполне готовы принять церковную службу и соответствующие обязанности.

Элиота интересовало не только исповедание самой веры. Он искал духовной зрелости своих индейских последователей, а это, по его мнению, было возможно только при условии, что индейцы смогут научиться читать и изучать Библию на собственном языке. Поэтому в 1649 г., через три года после первой проповеди в вигваме Вабана, Джон включил в свой напряженный график работы занятия переводами. Его первым законченным трудом стал катехизис, опубликованный в 1654 г. На следующий год вышла в свет Книга Бытие и Евангелие от Матфея; а в 1661 г. был завершен перевод Нового Завета, за которым через два года последовал Ветхий Завет. Несмотря на эти замечательные достижения, Элиот подвергся сильной критике за то, что он столько времени потратил зря на изучение языка индейцев, тогда как мог обучить индейцев английскому.

Шли годы, число молитвенных городов увеличивалось, а христиане-индейцы возрастали духовно. Элиот сосредоточил все внимание на обучении и подготовке индейских лидеров. К 1660 г. двадцать четыре индейца прошли подготовку для служения собственному народу, и в нескольких церквах произошло рукоположение индейцев в священники. В каждом городе были открыты школы, и индейцы, казалось, хорошо приспособивались к европейской культуре. На поверхности будущее выглядело радужным, но время неумолимо приближало к развязке. Длющийся десятки лет незаконный захват индейских земель европейцами не мог остаться безнаказанным. Присвоение чужих территорий, нечестная торговля, плохое отношение к индейцам неминуемо вели к актам возмездия. Среди северо-восточных индейцев начались беспорядки, и даже индейцы-христиане приходили в ужас от неизбежности самой кровавой войны в американской колониальной истории.

Война короля Филиппа (названная так по имени вождя племени вампаноаг, начавшего военные действия) вспыхнула летом 1675 г. после того, как трое из окружения вождя были повешены за убийство индейца, доносившего колониальному губернатору о планах вождя о нападении. Поселенцы чуть не проиграли войну, что было почти повторением происшествия большего масштаба в поселении в Виргинии, пользовавшемся дурной славой. Война закончилась более чем через год после начала; тринадцать городков и еще больше поселений белых оказались полностью опустошены. Целые семьи - старики и старухи, мужчины, женщины и маленькие дети - полностью исчезли из регистрационных книг колониального правительства.

Судьба верующих индейцев в сумятице кровавой войны была трагической - и этот скорбный рассказ повторяется снова и снова в американской истории. Хотя верующие индейцы имели вполне законные жалобы на посягательство белых на принадлежащие им земли, по словам Элиота, "земельный вопрос нимало не соблазнил их жаловаться", и они все так же лояльно относились к белым поселенцам, когда вампаноаги, а позже и другие племена, вступили в войну. Более того, индейцы-христиане помогали колониальным ополченцам как разведчики и воины. Именно их помощь привела к благополучному исходу. Но их лояльности и помощи оказалось недостаточно для их собственного спасения в этой войне. Напряженность достигла предела. Все индейцы находились под подозрением, и потому сотни индейцев-христиан были отправлены на пустынный остров у Бостона - их увозили, не давая времени на сборы. На острове они провели суровую зиму, питание было скудным, элементарные условия отсутствовали.

Элиот несколько раз навещал индейцев в эту трудную зиму и умолял официальные лица об обеспечении их продовольствием и медикаментами, но его тревога и озабоченность не помогли получить значимой материальной помощи. Тем не менее

индейцы, находившиеся в заточении, были счастливее семей, которые остались дома. Многих оставшихся трусливым образом убили поселенцы, желавшие отомстить любому, кто подходил под описание краснокожего. Когда насилие прекратилось, многие из выживших индейцев-христиан вернулись обратно в свои разрушенные города. Они попытались отстроиться заново, но жизнь уже не могла стать прежней. Индейцы были обескровлены не только численно, но и морально. Многие индейцы, воевавшие с белыми, пристрастились к спиртному, и их уже больше не интересовали вопросы духовного роста.

Война короля Филиппа стала трагедией для многих индейцев и белых, непосредственно вовлеченных в войну, так же, как и для нашего престарелого священника семидесяти двух лет. Джон Элиот посвятил десятки лет бескорыстному служению на ниве миссионерской деятельности. Ему было больно смотреть, как война разрушает построенное. Но такие, как он, не сдаются: "Я мало что мог сделать, и все же я полон решимости через благодать Христову никогда не отступить от работы, пока у меня есть силы двигаться". С течением времени его силы иссякали, но он оставался верен своему служению до самой смерти в 1690 г., когда ему было восемьдесят пять лет.

Хотя многое из трудов Элиота уничтожил огонь войны, его место выдающегося миссионера остается неприкосновенным. Его пример евангелиста и переводчика Библии вдохновил других миссионеров среди индейцев, а его влияние в организации Общества распространения Евангелия (ОРЕ), миссионерского крыла Англиканской церкви, активно работавшей в американских колониях, невозможно недооценить.

В чем был секрет величайших достижений Элиота? Что помогало ему пережить годы оппозиции, противодействия, трудностей и разочарований? Следует отметить три его качества: негибаемый оптимизм, способность привлекать других к работе и абсолютная уверенность в том, что Бог, а не он сам, спасает души и контролирует ситуацию как в трудные времена, так и в добрые.

Семья Мейхью

Элиот был одним из нескольких колониальных пасторов Новой Англии, кто успешно проповедовал Евангелие среди индейцев. Другой замечательной миссией, работу которой среди местного населения следует отметить, являлась миссия в Мартас-Виньярде, где служила семья Мейхью (Mayhew). Томас Мейхью-старший приехал в Америку в 30-е гг. XVII в. - примерно в то же время, что и Элиот. Вскоре после приезда он обосновался в Мартас-Виньярде, где приобрел право собственности и стал губернатором. Его сын, Томас-младший, прошел подготовку для священнической деятельности, был рукоположен в возрасте чуть более двадцати лет и вернулся домой в Мартас-Виньярд священником.

Хотя основной деятельностью Томаса-младшего было служение белым, он, как и Элиот, вскоре ощутил беспокойство за индейцев, живших по соседству. Он терпеливо работал с ними один на один, а в 1643 г. у него появился первый обращенный, индеец по имени Хайакумс. С тех пор молодой Мейхью и Хайакумс вместе путешествовали и проповедовали другим индейцам. Хайакумс переводил до тех пор, пока Мейхью не выучил местный язык. Менее чем за десять лет там уже насчитывалось почти триста обращенных, и Мейхью основал для них школу. Молодой пастор подавал большие надежды, ему было чуть за тридцать, и жизнь только начиналась. Но он захотел популяризировать свою работу за границей и решил отплыть в Англию с одним из своих обращенных.

Несмотря на уговоры коллег остаться и продолжать работу, молодой Мейхью попрощался с женой и детьми и отплыл в Англию в 1655 г. После этого о нем никто ничего не слышал.

Когда стало понятно, что сын пропал в море, Томас Мейхью-старший, в то время семидесятилетний губернатор и землевладелец Мартас-Виньярда, взял на себя его миссионерские обязанности. Хотя он сам не был священником, индейцы его уважали, так как он считался с их правом на землю и их образом жизни, и поэтому они с готовностью приняли его как своего духовного наставника. С чувством серьезной ответственности он взял на себя обязанности пропавшего сына и двадцать два года служил миссионером. Умер он в возрасте девяноста двух лет. Его внук, Джон Мейхью,

также принял участие в служении, а после его смерти четвертое поколение семьи Мейхью подхватило эстафету миссионерского служения еще на тридцать два года.

Дейвид Брейнерд

Одним из самых загадочных миссионеров во время обращения американских индейцев, а возможно, и во все времена, был Дейвид Брейнерд (David Brainerd), наследник пуританизма Новой Англии, испытавший Великое пробуждение. Брейнерд был фанатиком. Проповедь Евангелия разбросанным и кочующим племенам индейцев стала его единственной задачей. Он посвятил этому всю свою жизнь. В возрасте двадцати девяти лет, после пяти лет миссионерской работы, он умер от перенапряжения сил. Выдающийся вклад Брейнерда в историю миссионерского движения состоит в том, что его личная жизнь воодушевила других людей на миссионерский подвиг. Его журнал, дневник и биография, опубликованные Джонатаном Эдвардсом (Jonathan Edwards), являются классикой христианской литературы, оказывавшей огромное влияние на многих миссионеров на протяжении столетий, включая Уильяма Кэри и Генри Мартина. Но методы его евангелизационной работы подвергаются сомнению. Они сильно отличались от методов его великого предшественника - миссионера американских индейцев Джона Элиота, и, несмотря на напряженные усилия Брейнерда, результаты его трудов были незначительными.

Дейвид Брейнерд родился в 1718г. в Хаддаме, штат Коннектикут. Его отец был помещиком, жившим с женой и девятью детьми на берегу реки Коннектикут. Отец Дейвида умер, когда ему было всего лишь восемь лет, а мать умерла, когда мальчику исполнилось четырнадцать - трагедия, оставившая в его памяти неизгладимый след. Для него смерть рано стала очень реальным понятием, и во многих отношениях он был лишен радостей счастливого и беззаботного детства. Мальчик рос вдумчивым и старательным, его весьма заботило состояние собственной души.

До двадцати лет он жил с сестрой и некоторое время работал на ферме. Затем Брейнерд вернулся в Хаддам, чтобы получить образование в доме престарелого священника. Этот благочестивый старый человек искренне заботился о своем молодом ученике, но его совет "держаться подальше от молодых и быть поближе к серьезным, пожилым людям" оказался излишним для Брейнерда. Старый священник лишь вызвал в душе юноши новые волны прибрежных религиозных приливов, которые бросали Дейвида с вершин возвышенной духовности в долину смертного отчаяния. Духовная борьба Брейнерда закончилась опытом "несказанной славы", которая дала ему уверенность в спасении, но его духовные взлеты и падения продолжались всю оставшуюся жизнь

В сентябре 1739 г, в возрасте двадцати одного года, Брейнерд поступил в Йельский колледж. Это было время перемен в Йеле. Когда он впервые появился там, религиозное равнодушие, царившее вокруг, произвело на него гнетущее впечатление. Но вскоре влияние Джорджа Уайтфилда (George Whitefield) и Великое пробуждение принесли свои плоды, и вся атмосфера в колледже переменилась. Молитвенные группы и кружки по изучению Библии возникли за одну ночь - к неудовольствию начальства колледжа, которое боялось религиозного пыла. Именно в этой обстановке молодой Брейнерд обронил несдержанное замечание об одном из преподавателей, сказав, что в нем "не более благодати", чем в стуле, осудив его как лицемера. Об этих словах донесли руководителям колледжа, которые, несомненно, искали повод умалить значение духовного возрождения, и Дейвид, случайный козел отпущения, был исключен после того, как отказался принести публичное извинение за слова, сказанные в частной беседе.

Для Брейнерда многие жизненные обстоятельства складывались неудачно, причиняя ему страдания и усугубляя его меланхолический настрой. Несмотря на его собственные усилия и помощь влиятельных друзей, молодого человека не восстановили и не дали закончить образование в Йеле. И все же время, проведенное в Йеле, не прошло даром. Именно в свои студенческие годы он услышал Эбинизера Пембертона (Ebenezer Pemberton), который говорил о волнующих перспективах миссионерского служения среди индейцев. Брейнерд не мог забыть об этом, и в ноябре 1742 г., после исключения из Йеля, он с радостью ответил на призыв Пембертона и приехал в Нью-Йорк, чтобы обсудить свою возможную роль в миссионерской работе среди индейцев.

Пембертон был американским священником, который также служил полевым секретарем в миссионерской организации "Шотландское общество распространения христианских знаний". Это Общество лишь недавно начало работу среди индейцев, и на Брейнерда смотрели, как на одного из двух возможных кандидатов, чья работа будет финансироваться.

Хотя Брейнерд считал себя недостойным такой высокой миссии, руководители думали иначе и доверили ему эту серьезную работу. Первый период служения Брейнерда проходил в штате Нью-Йорк, где ему предстояло в первую очередь заняться изучением языка с Джоном Сарджентом (John Sergeant), миссионером-ветераном, служившим в расположенном рядом Стокбридже, штат Массачусетс. Джон со своей женой Абигейл успешно работали среди индейцев уже восемь лет, проведя крещение более одной сотни обращенных и переведя части Писаний. Это была отличная возможность для молодого добровольца вроде Брейнерда работать и учиться у такого опытного миссионера. Но дух независимости Брейнерда и его нетерпеливое стремление иметь собственных обращенных заставили его бросить выполнение задания, хотя он не знал местного языка и был совершенно неприспособлен к жизни в пустыне.

Его первые дни были полны чувства одиночества и подавленности: "Мое сердце упало... Казалось, я никогда не смогу иметь успех у индейцев. Моя душа утомилась от такой жизни сверх всякой меры". Несколько недель Брейнерд пытался проповедовать индейцам без переводчика, позже ему стал помогать переводчик из Стокбриджа. Его попытки казались безуспешными, а жизнь несчастной: "Я живу в совершенно безлюдной пустыне в восемнадцати милях от Олбани; ...моим соседом является бедный шотландец; его жена вряд ли может сказать несколько слов по-английски. Моя пища состоит в основном из простого пресного пудинга, вареной кукурузы и хлеба, испеченного в золе... Моя постель сделана из маленькой кучки соломы, сложенной на нескольких досках. Мой труд чрезвычайно тяжел и труден: я иду пешком полторы мили по самой плохой дороге почти каждый день, а потом обратно; ибо я живу так далеко от моих индейцев".

На следующее лето Брейнерд построил собственную хижину рядом с индейским поселением, но его попытки благовествовать индейцам опять оказались безуспешными. Его первая зима в пустыне была полна лишений и болезней. Однажды он потерялся в лесу, а в другой раз "сильно замерз и вымок, упав в реку". В марте 1744 г. Брейнерд прочитал свою последнюю проповедь для индейцев, прожив там всего год. Он разочаровался в своей миссионерской карьере, но, несмотря на предложения из постоянных церквей стать их пастором, "все же решил продолжать работать для индейцев".

Следующим назначением Брейнерда была Пенсильвания к северу от Филадельфии в рукавах реки Делавэр. Здесь индейцы тепло его встретили и позволили говорить в доме вождя. Однако успех приходил медленно. Его новый индейский переводчик, Таттами, был любителем спиртного и не стремился к духовным познаниям, а потому не умел полноценно донести мысли Брейнерда. Брейнерд считал перспективы завоевать сердца людей для Евангелия "темными, как ночь".

Через несколько месяцев пребывания у реки Делавэр Брейнерд отправился на запад, чтобы встретиться с индейцами на реке Саскуэханна. Путь оказался нелегким: "Мы шли по пустыне; это было самое трудное и опасное путешествие, какое кто-либо из нас испытывал; высокие горы, глубокие долины и извилистые тропки в скалах..." Хуже того, лошадь Брейнерда провалилась в "незаметную расщелину" и сломала ногу, после чего Брейнерду пришлось прикончить ее и идти до ближайшего дома тридцать миль пешком. Проповедуя без особого успеха, Брейнерд вернулся к реке Делавэр, где и прожил, за исключением коротких отлучек, весь второй год миссионерского служения.

Болезни и депрессии выматывали Брейнерда. Его высокие мечты о пробуждении индейцев давно уже угасли. Радовали Брейнерда лишь успехи Таттами и его жены, которые обратились и явно возрастали духовно. В остальном же он рассматривал год работы на реке Делавэр как поражение. Он чувствовал себя виноватым, считая, что он ничего не совершил и зря получал деньги, его все время подмывало бросить работу. Затем, летом 1745 г., Брейнерда вновь посетила надежда. Он услышал о группе индейцев за восемьдесят пять миль к югу от Кроссуиксанг в штате Нью-Джерси, которые были более открыты для христианского учения. И опять Брейнерд отправляется в путь. На этот раз ему повезло больше. Индейцы в Нью-Джерси

действительно хотели услышать Благоую весть. Вскоре не только индейцы, но и белые за несколько миль вокруг стали приходить, чтобы послушать его проповеди. В нетерпении увидеть поскорее результаты своей деятельности, Брейнерд всего за несколько недель крестил двадцать пять обращенных, а на следующую зиму он организовал там школу.

Реальные плоды служения Брейнерда стали очевидны летом 1745 г., когда среди индейцев произошло пробуждение. Хотя Брейнерд все еще зависел от переводчика и индейцы понимали лишь самые основополагающие тезисы христианства, они ответили на его благовестие. Среди жителей Кроссуиксанга неожиданно стала проявляться эмоциональная реакция, столь характерная для Великого пробуждения. Как показывает его дневник, это было восхитительное время для Брейнерда, когда он стал очевидцем явных результатов в меняющейся жизни подопечных индейцев.

"6 августа. Утром я беседовал с индейцами в доме, в котором живу. Многие из них были явно тронуты и на удивление помягчели, так что несколько слов о нуждах их души привели к слезам, которые полились свободно и превратились в рыдания и стоны.

После обеда они возвратились туда, где я обычно проповедовал, и я опять говорил с ними. Всего пришло около пятидесяти пяти человек, около сорока из них были способны посещать молитвенные собрания с пониманием. Я настойчиво объяснял им Первое послание Иоанна, 4:10: "В том любовь, что не мы..." Они, казалось, полностью обратились в слух; но на собрании ничего особенного не произошло, кроме их усиленного внимания почти до самого конца моей проповеди. И тогда открывшиеся божественные истины поразительно подействовали на них и пробудили понимание их великой нужды. Вряд ли из сорока человек нашлось три, кто сдержался, чтобы не пролить горьких слез.

Все как один, казалось, раскрыли свои души в стремлении познать Христа; и чем больше я говорил о любви и сострадании Божьем, проявившемся в том, что Он послал Своего Сына пострадать за грехи людей; чем больше я приглашал их прийти и разделить Его любовь, тем больше усугублялось их огорчение, потому что они чувствовали свою неспособность прийти. Было удивительно наблюдать, как их сердца пронизывала нежность и умиление при звуках призывающего их к себе Евангелия, поскольку в нем не было ни слова угрозы или страха.

Каким трогательным казался вид бедных индейцев, которые только на днях истошно кричали на языческих празднествах и пьяных гулянках, а теперь плакали, обращаясь к Богу с выражением осознанной нужды в Его дорогом Сыне Я нашел двух или трех человек, надеясь, что они обрели мир в себе еще с предыдущего вечера. Они и некоторые другие, кто обрел покой, были вместе и, казалось, много радовались, что Бог с таким успехом выполнял Свою работу и среди остальных".

Весной 1746 г. Брейнерд убедил разбросанных в Нью-Джерси индейцев поселиться вместе в ближайшем Кранбери и вскоре после этого основал церковь. Последовала новая волна пробуждения, а через полтора года насчитывалось почти сто пятьдесят новых обращенных. Но здоровье Брейнерда было основательно подорвано. Его четвертое и последнее путешествие обратно к Саскуэханне, хоть и более успешное, чем предыдущие поездки, оказалось непосильным бременем для его хрупкого здоровья. Он умирал от туберкулеза. Его миссии пришел конец.

Проведя зиму в доме друга-пастора в Нью-Джерси, Брейнерд отправился в Нортгемптон в штате Массачусетс. Там он провел последние месяцы жизни в доме великого проповедника и ученого Джонатана Эдвардса, на дочери которого, Джеруше, он хотел жениться. Но эта мечта так никогда не осуществилась. Джеруша нежно заботилась о нем почти пять месяцев, но его состояние не улучшилось. Он умер 9 октября 1747 г. На следующий год, в день святого Валентина, Джеруша присоединилась к нему, умерев от той же болезни, которой, очевидно, заразилась от него.

Элиейзер Уилок

Если Брейнерд был недостаточно хорошо подготовлен к своей миссионерской деятельности, то среди ранних миссионеров для индейцев были лучшие примеры для подражания. Многому можно было научиться, например, у автора новаторских образовательных идей Элиейзера Уилока (Eleazer Wheelock). Доктор Уилок родился в Новой Англии и закончил Йельский университет в 1733 г. Как и другие священники из

Новой Англии до него, он был обеспокоен судьбой американских индейцев. В 1743 г. он привел молодого индейца Самсона Оккама (Ossum) к себе домой и четыре года обучал его. Успех с Оккамом привел его к развитию концепции, которую историк Р. Пиерс Бивер (R. Pierce Beaver) назвал "самой оригинальной схемой действий во всей истории индейских миссий Новой Англии"

План Уилока состоял в том, чтобы свести индейцев и белых воедино и обучать их миссионерскому служению. В таком тесном общении белый студент сумеет изучить язык и культуру индейцев, а индейская молодежь сможет перенять образ жизни белых. И белые, и индейцы получают подготовку для благовестил индейцам, хотя упор будет делаться на привлечении индейцев, потому что они будут свободны от разницы культур и традиций во время служения собственному народу и потому, что они могут жить и работать с меньшей финансовой поддержкой, чем их белые коллеги.

Уилок открыл свою школу в Лебаноне, штат Коннектикут в 1754 г. с двумя индейскими студентами, присланными туда Джоном Брейнердом, который последовал за Дейвидом, чтобы служить в миссии Нью-Джерси (и был намного более успешным миссионером, чем его знаменитый брат). Школу организовали в доме, подаренном Джошуа Муром (Joshua Moor), а сама она стала известной как профессиональная школа Мура. В период ее наибольшего расцвета там училось двадцать два студента, и миссионерская сеть служителей Уилока была самой обширной во всей Новой Англии.

Всего Уилок подготовил почти пятьдесят индейцев, и примерно одна треть из них вернулась в свои общины, чтобы служить учителями или евангелистами.

Блистательная история успеха? К сожалению, нет. Проект имел в основе своей новаторскую идею, но многое терял из-за неэффективного руководства. Личность и предубеждения Уилока помешали достижению большего прогресса. Вместо взаимного обмена культурными ценностями школа оказалась под давлением культуры белых. Уилок так и не смог преодолеть своего презрения к индейцам и их цивилизации (или к ее отсутствию). Хотя он эффективным образом готовил индейских студентов к служению, он не мог работать с ними на равных - в частности, с Самсоном Оккамом, своим первым студентом, который впоследствии тоже стал знаменитым миссионером. Время шло, школа Уилока теряла учеников и вскоре переехала в Дрезден, где превратилась в школу для белых и стала известной как Дартмутский колледж.

Дейвид Цейзбергер

Миссионеры Новой Англии внесли огромный вклад в миссионерское движение Америки в колониальный период, но успешная работа проходила и в других колониях. Во многих случаях ее проводили европейские миссионеры - в частности, моравские братья (см. гл. 3). Самым знаменитым из моравских миссионеров для индейцев был Дейвид Цейзбергер (Zeis-berger), трудившийся среди лишений и страданий в течение шестидесяти трех лет. Его история - одна из многих ярко демонстрирующих жестокую несправедливость по отношению к коренным американцам в период, когда европейцы стремились во что бы то ни стало овладеть землей.

Цейзбергер начал свое служение в 1744 г. в долине реки Гудзон, но общественное мнение было против благовествования среди индейцев. Поэтому Дейвид вместе с помощником вскоре очутились в тюрьме, где их содержали почти два месяца, пока правительственный чиновник не выпустил их на свободу. Как моравский миссионер, Цейзбергер не только испытывал упорное сопротивление своему миссионерскому устремлению, но и столкнулся с яростным предубеждением против своей веры. Моравы считались сектантами, на которых члены обычных протестантских деноминаций смотрели сверху вниз. Но, несмотря на гонения, Цейзбергер настойчиво продолжал работать. В 1746 г. он помог основать индейско-христианское поселение в Пенсильвании, которое стало процветающей фермерской общиной, состоящей из пятисот индейских поселенцев. Его так уважали, что индейцы сделали его вождем и "хранителем архивов".

Но хорошие времена прошли. И белые, и недружелюбно настроенные индейцы смотрели с большим подозрением на новое поселение, и в 1755 г., в начале франкоиндейской войны, банда индейцев-налетчиков напала на поселение. Одиннадцать человек было убито, жилища сожжены, а большая часть жителей бежала, спасая свои жизни. Цейзбергер остался с горсткой индейцев, безуспешно пытаясь основать новое

постоянное поселение в Пенсильвании. Наконец в 1770-х гг. ему удалось заполучить участок земли в Огайо.

Несколько лет Цейзбергер и индейцы жили мирно, а поселение на новой земле процветало, но мир опять был нарушен. В период Американской революции на границе началась война, и в 1781 г английские войска предъявили Цейзбергеру и его помощникам обвинение в шпионаже. Индейцев отправили в район Сандаски, где они чуть не погибли зимой. Весной более ста этих индейцев-христиан вернулись в свое поселение в Огайо, чтобы собрать урожай кукурузы. Во время работы девяносто из них (двадцать девять мужчин, двадцать семь женщин и тридцать четыре ребенка) были захвачены и зверски убиты подразделением народного ополчения.

Следующие десять лет Цейзбергер и его христианские последователи переезжали с места на место в северном районе штата Огайо и южном Мичигане, а затем, в 1792 г., наконец осели в Онтарио. Тогда Цейзбергеру перевалило за семьдесят. Миссия, организованная им на этом месте, действовала более ста лет. В 1798 г. Цейзбергер вернулся к служению среди индейцев Огайо, где и прожил последние десять лет до своей смерти.

Айзек Маккой

К концу XVIII в. протестантские миссии значительным образом изменились. Пламень Великого пробуждения, который поддерживал деятельность колониальных миссий, угас, и на многие годы после Американской революции в протестантских миссиях наступило затишье. Более того, священникам больше не встречались нуждающиеся индейцы в пределах собственных приходов. Многие краснокожие просто погибли от войн и болезней белого человека, а те, что выжили, посчитали восточный морской берег слишком заселенным для своего привычного образа жизни. Цивилизация проникала все дальше на запад, а индейцев больше и больше оттесняли назад, в пустынные земли. Те, кто хотел благовествовать им, не могли оставаться дома и исполнять повседневное служение, как делали это раньше колониальные священники. Они должны были отправляться в своих повозках на запад, уходя все дальше от поселений белых, с тем чтобы добраться до индейцев. Некоторых миссионеров вроде Цейзбергера оттесняли на запад вместе с их индейскими последователями.

Однако по мере оттеснения индейцев на запад к индейским миссиям возник новый, повышенный интерес. Это произошло отчасти благодаря второму Великому пробуждению, пронесшемуся над большинством восточных территорий в начале XIX в., а частью из-за того, что многим было легче любить индейцев на расстоянии, чем в близком соседстве. Простые прихожане и священники в равной степени сочли намного менее обременительным и простым делом посылать миссионеров в отдаленные районы, чем самим участвовать в общении с соседями. В эти годы различные деноминации основывали новые миссии для служения среди индейцев, а уже существовавшие миссионерские организации усилили свою работу среди них.

Методисты откликнулись на нужды индейцев, послав к ним Джона Стюарда (John Steward), чернокожего священника из Огайо, который ощутил призвание благовествовать индейцам племени Wyandot в верхнем течении Сандаски штата Огайо после того, как сам обратился на собрании на открытом воздухе. Когда в 1816 г. он прибыл к индейцам, то был хорошо принят и, к своему удивлению, узнал, что среди них живет другой чернокожий, Джонатан Пейнтер, беглый раб из Кентукки. Стюард немедленно попытался привлечь его к переводческой работе, но Пейнтер отказался, пояснив: "Как я могу переводить индейцам Евангелие, когда сам не верую?" В ту же ночь с поддержкой и молитвами Стюарда Пейнтер пришел к примирению с Богом, и они вместе начали проповедовать индейцам. Стюард получил разрешение на служение методистским священником, а в 1819г. было организовано Общество методистских миссионеров. Прошедшие подготовку миссионеры получили назначение в район Верхнего Сандаски.

Баптистские миссии для индейцев начали свою работу со служения Айзека Маккоя (Isaac McCoy) и его жены, которые открыли миссию в форте Уэйн в 1820 г. Всего через два года они перевели миссию из тех мест в южный Мичиган, избегая враждебного влияния белых соседей. Там они основали миссию Кэри, процветающий миссионерский поселок. Один офицер Соединенных Штатов, посетивший миссию только лишь через

семь месяцев после ее основания, увидел впечатляющий, отлично действующий поселок, в котором были построены большой миссионерский дом, школа, кузница и другие здания, а вокруг простиралась хорошо ухоженные и огороженные сады и пастбища. В школе обучалось около сорока детей, миссия дышала довольством и благополучием, но через два года Маккой опять решил переехать, гонимый страхом посягательств белых и тех ужасных последствий, которые, как он предполагал, не замедлят произойти, если индейцы будут жить в непосредственной близости от белых. Он считал, что единственным способом избежать пагубного влияния белых было организовать индейскую колонию к западу от штата Миссури. В 1824 г. Маккой отправился в Вашингтон, чтобы предложить свой план на ежегодном баптистском миссионерском совете. С одобрения совета он встретился с секретарем Совета безопасности Джоном Колхауном (John C. Calhoun), который поддержал предложение. С момента той встречи и далее Маккой все свои усилия направил на политику и больше уже не занимался евангелической работой среди индейцев; эстафету приняли его подчиненные.

Хотя баптисты исторически боролись за отделение церкви от государства, парадоксальным является тот факт, что именно благодаря влиянию Маккоя баптистские индейские миссии оказались тесно связаны с правительством. Это был период в истории нации, когда правительство глубоко заинтересовалось судьбой индейских миссий, а баптисты с большей готовностью, чем какие-либо другие деноминации, взяли на себя роль посредника. Миссия Кэри получала значительные правительственные субсидии, а Маккой активно сотрудничал с правительством по вопросу переселения индейцев. Самым примечательным событием, с которым связано его имя, было переселение индейцев чероки из Джорджии. Маккой обосновал свое желание переселить индейцев тем, что их необходимо изолировать от белых, чтобы сделать христианами. Оказалось, что в политическом отношении он встал на сторону жителей штата Джорджии в их притязаниях на земли племени чероки. Он не чувствовал никаких сомнений в правильности и справедливости столь противоречивых и драматических мер и с готовностью принял правительственную комиссию, присланную для исследования и изучения земли на Западе, пригодной для колонии индейцев.

Переселение индейцев чероки стало одним из самых постыдных и несправедливых действий в истории нации по отношению к индейцам со стороны правительства Соединенных Штатов. В 1837 г., через несколько лет после обнаружения золота на их землях, мирные и культурно возросшие индейцы чероки правительственным декретом и при помощи девяти тысяч солдат были насильственно выселены из своих домов в Джорджии. Людей собирали в форты, а их собственность продавали с молотка. Тысячами их перевозили на лодках, а остальных заставили идти пешком за реку Миссисипи. Это путешествие оказалось трудным, и смертность среди изгнанников была высокой. Несмотря на то что Маккой поддерживал переселение, такая политика не стала характерной для всех миссионеров. Многие из них смело выступали против столь жестоких мер, и к концу этого предприятия четыре пресвитерианца и два методистских миссионера были арестованы, подверглись пыткам, а затем их судили и приговорили к каторге за резкие протесты. Рассказывали, что нередко миссионеров, протестовавших против жестокого обращения с индейцами, выволакивали из домов в цепях и увозили. В защиту Маккоя следует указать на тот факт, что, хотя он был одним из сильнейших защитников переселения, у него хватило смелости выступить с осуждением произвола и насилия, сопровождавшего это переселение. В результате насильственное переселение чероки, несомненно, повредило делу евангелизации индейцев намного больше, чем могло повредить соседство белых.

К счастью, жестокое массовое переселение чероки было исключением, а не нормой. Многие из восточных племен, выживших после нашествия белых, вытеснялись с насиженных мест на Запад - за границы белой цивилизации. Но не без сопротивления. Индейцы отчаянно боролись, смело защищая свою землю, и жертвами в этой борьбе иногда становились миссионеры, которые служили им. История, происшедшая в Вайлатпу, штат Орегон, является тому подтверждением.

Маркус и Нарсиссия Уитман

Приобретение Соединенными Штатами Луизианы и открытие Запада для колонизации проложили дорогу новому поколению миссионеров. Это были смелые мужчины и женщины, ищущие романтики. Вдохновленные вторым Великим пробуждением, они решительно стремились распространять Евангелие. Но они также считали необходимым нести индейцам цивилизацию белого человека. Они действительно не понимали, как возможно проповедовать Евангелие без внесения в индейскую культуру белой цивилизации. Оба этих понятия казались им неразделимыми, что привело к созданию, с ростом темпов захвата американской территории, огромных препятствий для дела благовестия индейцам.

Типичными представителями нового поколения миссионеров стали Маркус и Нарсиссия Уитман (Marcus and Narcissa Whitman). Родившиеся в начале XIX в., они оба еще молодыми людьми испытали духовное пробуждение (Нарсиссия в Нью-Йорке, а Маркус в Массачусетсе). Нарсиссия, дочь судьи Стефана Прентиса (Stephen Prentiss), получила хорошее образование и была очень способной девушкой. Она стремилась заниматься полезным делом и организовала детский

сад, но ее сердце наполняло стремление к миссионерскому служению. Девушка мечтала достичь индейцев на далеком Западе. Миссионерские проповеди преподобного Самьюэла Паркера (Samuel Parker), как и часто повторявшиеся рассказы об индейцах из племени незперке, умоляющих, чтобы кто-нибудь принес им "Книгу жизни", занимали ее мысли. Паркер много путешествовал по восточным штатам в поисках финансирования, призывая добровольцев вступить в ряды Американского совета по зарубежным миссиям, конгрегационалистского миссионерского общества, активно участвовавшего в евангелизации индейцев. Потребность в добровольцах была огромной, но Американский совет не брал одиноких женщин.

Маркус также давно проявлял интерес к миссионерской деятельности. Его учитель в воскресной школе был отцом одного из тех пятерых молодых людей, кто участвовал в "молитвенном собрании в стогу сена", а другой его сын служил на Гавайях миссионером. Маркус мечтал о семинарии, где он мог получить подготовку для миссионерской работы, но семинария была дорогим удовольствием. Получить образование в области медицины казалось намного реальнее, и в возрасте двадцати одного года он начал "работать вместе с доктором". В последующие годы он учился в школе и одновременно получал официальное медицинское образование. Как и на Нарсиссию, сильное влияние на него оказал преподобный Самьюэл Паркер, направив поток его устремлений в конкретное русло. Уитман обратился в Американский совет одиноким, не обремененным семьей человеком, но не возражал против женитьбы. Он услышал от друзей про Нарсиссию Прентис, которая была не замужем и огорчалась от того, что одиноких женщин считали непригодными для миссионерского служения. С мыслями о женитьбе Маркус посетил Нарсиссию, обсудив с ней вопрос об индейских миссиях. Он собирался съездить на Запад и посмотреть, возможно ли взять в такое путешествие женщину, и если это будет возможно, то он вернется, чтобы жениться на Нарсиссии. Он ушел, ничего не обещав ей. Это не был брак ни по любви, ни по расчету. Скорее, это было деловое соглашение. После их встречи тридцатидвухлетний Маркус в сопровождении преподобного Паркера отправился на Миссури, чтобы в верховьях реки присоединиться к Американской меховой компании в ее экспедиции на Запад весной 1835 г. Хотя пунктом назначения Уитмана был Орегон, он так и не добрался до него. В конце августа он только пересек перевал в Скалистых горах и повернул обратно, вернувшись домой с караваном торговцев мехом, всего лишь через несколько месяцев после своего отъезда. Хотя Американский совет остался недоволен его внезапным возвращением, Нарсиссия была счастлива. Они поженились в феврале 1836 г и на следующий день отправились в Миссури, чтобы весной присоединиться к очередной экспедиции в Орегон.

Чета Уитманов не была единственными миссионерами Американского совета, направлявшимися той весной в Орегон. С ними ехали Генри и Элайза Спаулдинг (Henry and Eliza Spaulding). Хотя Спаулдинг был хорошо подготовленным священником, его личность и характер не вполне подходили для работы в команде, которая намеревалась осуществить свою миссию в Орегоне. Более того, он знал Нарсиссию уже много лет, и ее отказ вступить с ним в брак причинил ему в свое время много страданий, что оставило свой горький след в его душе на многие годы. Ситуация была достаточно сложной, но призыв служить в Орегоне оказался слишком заманчивым и заставил миссионеров отбросить в сторону все соображения личного характера.

Напряженное путешествие и возникшие проблемы во взаимоотношениях друг с другом сделали дорогу достаточно трудной, но в пути были и моменты радости. В отличие от Дейвида Брейнерда, который почти сто лет назад возненавидел "отвратительную" пустыню, Нарсиссия была совершенно очарована ею. Она приходила в восторг от неживой красоты Божьего творения, как то трогательно и красочно описывает ее дневник. Молодая женщина была влюблена и счастлива, и где-то в пути под ночным небом она забеременела своим первым ребенком.

Проделав две тысячи миль мучительной дороги, экспедиция добралась до места назначения, став намного беднее к концу путешествия. Чтобы облегчить ношу, в пути пришлось выбросить многие ценные вещи. "Мы все бросаем по пути", - жаловалась Нарсиссия, приходя к выводу, что "лучше отправляться в путь налегке, - и тогда вы ничего не потеряете". Тот же вывод они сделали и в отношении сопровождавших их коллег. К тому времени, когда Уитманы подошли к Орегону, они решили расстаться со Спаулдингами. После пяти месяцев совместного путешествия и ночей в одной палатке их отношения стали настолько напряженными, что вместе работать они уже не могли. Их современники всю вину в основном возложили на Спаулдинга и его ревность к Уитману, хотя и с самим Уитманом, судя по многим рассказам, не всегда можно было легко поладить. Многие племена индейцев просили к себе миссионеров, поэтому их решение работать отдельно оказалось полезным для дела. Уитман обосновался в Вайлатпу, зеленой долине с пышной растительностью, в то время как Спаулдинг устроился в Лапуай, серой и сухой гористой местности. Спаулдинг с завистью смотрел на Вайлатпу, где поселился Уитман, не подозревая, что его местопребывание окажется намного лучше. Миссия Спаулдинга находилась среди индейцев незперке, тепло его принявших и стремившихся побольше узнать о его Боге. Уитман же проповедовал племени кайюс, намного более коварным индейцам, насчитывавшим лишь несколько сот человек, но резко настроенным против прихода к ним белого человека.

В первые месяцы жизни в Орегоне ни Уитман, ни Спаулдинг не имели времени благовествовать индейцам. К величайшему разочарованию миссионеров, преподобный Паркер вернулся на Восток морем, не дождавшись их и не позаботившись оставить письмо с назиданиями. Поэтому новые миссионеры оказались один на один со своими проблемами и, находясь достаточно далеко друг от друга, посвятили все свое время строительству жилища, готовясь к предстоящей зиме. Уитман наскоро построил хижину с крышей из сучьев, обмазанных глиной, а окна и двери завесил одеялами. 10 декабря они с Нарсиссией въехали в новый дом, и Нарсиссия немедленно принялась за его обустройство. Вайлатпу в ту зиму было уединенным и пустынным местом, но весна принесла надежду. 14 марта 1837 г., накануне своего двадцать девятого дня рождения, Нарсиссия родила дочку, Элис Клариссу. Первое лето в Орегоне было отдано строительству жилищ и заборов, посадке и сбору урожая. Нашлось немного времени для медицинской работы, изучения языка и благовестил. В отличие от католических миссионеров, которые жили просто и незамысловато, подчас следуя за кочевыми индейцами, протестантские миссионеры строили целые поселения, а в некоторых случаях основывали огромные фермерские хозяйства. Молодые миссионеры поставили перед собой очень большие задачи, и иногда им казалось, что они не справятся. Им недоставало дополнительной рабочей силы и финансовой помощи, и они излили свои чувства в длинном письме, полном отчаяния, в Американский совет. Но еще до получения письма Американским советом, осенью 1838 г. к ним прибыли три миссионерские пары, что привело к возникновению новых конфликтов. По словам одного биографа, "казалось, что помощники принесли не облегчение, а только разногласия". Вместо совместных молитв и дружного общения, собрания этих миссионеров были полны шумных и резких споров. Одна из жен описала одну из возникших ссор: "Она стала такой ожесточенной, что я вынуждена была уйти... Можно заболеть, увидев, что творится в миссии".

Бывали и периоды единения, возникающие после каких-то горестных событий. Так было, например, летом 1839 г. Сострадание коллег и общая беда залечили раны горьких обид, нанесенных друг другу, когда Уитманы перенесли острую боль утраты. Это произошло июньским днем в Вайлатпу. То была суббота - день отдыха после трудовых недель. Маркус и Нарсиссия увлеченно читали, а маленькая Элис играла поблизости. Когда они вдруг поняли, что рядом ее нет, было уже слишком поздно. Двухлетняя малышка отошла недалеко от дома и утонула в потоке ручья. Спаулдинги приехали

немедленно, чтобы разделить горе первых похорон в семье миссионеров Орегона. Годом позже с Востока пришла посылка с маленькими туфельками и платьями, которые Нарсиссия просила у своей матери. Более слабая женщина не перенесла бы этого; но вера Нарсиссии помогла ей вынести и эту боль. На то была Божья воля, и она с твердой решимостью приняла ее. Хотя она видела маленькую могилку каждый раз, как только выходила за порог своего дома, она знала, что маленькая Элис передана на попечение Божье: "Мои мысли редко искали ее там, в этой могилке".

Шло время. Нужно было работать, и горю не позволили остановить жизнь. Время Уитманов уходило не только на медицинское обслуживание индейцев. Они стали фермерами - и процветающими фермерами. Уже через шесть лет их "поместье" в Вайлатпу состояло из большого беленого саманного дома для миссии, дома для гостей, мукомольной мельницы, кузницы - и все это было окружено хорошо ухоженными полями. Доктор Уитман был не единственным протестантским миссионером в Орегоне, кто соблазнился плодородием почвы. Джейсон Ли (Jason Lee), миссионер-методист, также пал жертвой материализма и посвятил свое время политике, иммиграционным вопросам и земельному бизнесу. Такой образ жизни явно не одобрялся Методистским советом, обвинившим его в потребительском интересе к мирским делам.

Материализм Уитмана не был настолько очевидным, но последствия оказались намного серьезнее. Вайлатпу стал принимающей станцией для новых миссионеров и других иммигрантов, работала школа для индейцев и белых детей. По этой причине Уитману пришлось выращивать много больше урожая, чем требовалось для удовлетворения собственных нужд, и скоро Вайлатпу напоминал иммиграционный гостиничный комплекс более, чем миссионерский поселок. Уитман начал продавать товар иммигрантам, проезжавшим мимо его поселения, и его часто обвиняли в завышении цен и в том, что он пользуется трудными обстоятельствами (хотя эти же обвинения сыпались бы в адрес любого, кто продавал иммигрантам). Американский совет, до которого дошли слухи о делах в миссии, укорял Уитмана за сверхобмирщение, но их письма шли долго, и они не знали о действительных обстоятельствах, в которых приходилось работать миссионеру. Но еще большему осуждению миссионер подвергался со стороны индейцев племени кайюс, которым Уитман приехал служить. Хотя он работал среди них, не жалея себя, как священник и как доктор, индейцы отвергали его благоденствие, а вместе с ним и всех белых иммигрантов, которых, как они думали, он привлекал на их землю. Между Уитманом и кайюсами существовали очень натянутые отношения, но Уитман не чувствовал страха ни за себя, ни за миссию. Иначе складывались обстоятельства в служении Генри Спаулдинга. У него было меньше времени для погони за мирскими удовольствиями. Он с головой ушел в миссионерскую деятельность. Он основал церковь среди незперке, а Элайза руководила работой школы для индейских детей и делала раскрашенные от руки книги, переводила на их язык церковные гимны. Используя свой большой художественный талант, она рисовала множество ярко раскрашенных картинок, утверждающих библейские истины. (Она слышала, как знаменитая "Католическая лестница" отца Франсуа Блан-ше [Francois Blanchet], иллюстрирующая библейскую историю, заинтриговала индейцев, и решила не отставать в изготовлении наглядных пособий.) Спаулдинга также столкнулись с противодействием, но их миссионерский труд все же приносил им урожай обращенных душ.

К 1844 г., менее чем через восемь лет служения в Орегоне, миссионерская деятельность Уитманов практически закончилась. Нарсиссия давно потеряла интерес и рвение к работе среди индейцев. Она была мрачной и подавленной. Все ее время уходило на то, чтобы накормить и обустроить иммигрантов и свою приемную семью, включавшую семь детей четы Сагеров, которые умерли в путешествии с Востока. Маркус также занимался нуждами белых иммигрантов. Он продолжал удовлетворять физические нужды индейцев, но был разочарован отсутствием их интереса к духовным ценностям. Как и множество других миссионеров в истории миссионерского движения, Уитман не мог отделить вопросы спасения от проблем цивилизации. Если индейцы отвергали цивилизацию белого человека, включая этику его работы, как они могли спастись?

Время шло. Несмотря на многократные предупреждения, Уитман не осознавал полностью коварного характера кайюсов. Для индейцев этого племени наступили тяжелые времена. Их поселения были опустошены чумой. За два месяца почти

половина племени, насчитывавшего четыреста человек, умерли мучительной смертью. Хотя Уитман старался помочь чем только возможно, ситуация становилась все хуже, и среди индейцев возникло подозрение, что он намеренно отравляет их своим лекарством.

Конец Ваилатпу наступил неожиданно. Это произошло мрачным ноябрьским днем 1847 г. Два индейца, один из которых пришел отомстить по личным мотивам, возникли внезапно на пороге дома миссии. Другие оставались снаружи. Началась резня. Это не было массовым восстанием с толпами диких индейцев, вдруг поднявших руку на беззащитный поселок. В миссии жили семьдесят два человека, в том числе более десятка мужчин, а убийцами были индейцы, которых Уитманы хорошо знали. Вытащив томагавки из-под одеяний, накинутах на плечи, индейцы принялись убивать, начав с доктора Уитмана. Когда этот кошмар закончился, четырнадцать человек были мертвы. За исключением Нарсиссии, в живых оставили всех женщин и детей, но их взяли в плен, из ужаса которого они смогли освободиться только через полтора месяца.

Новости о резне в Ваилатпу и убийстве Уитманов распространились очень быстро. В Ваилатпу послали войска, а миссионерам, находившимся в тех районах, было приказано выехать. Весной 1850 г. пятеро кайюсов, ответственных за организацию убийства, были приведены в суд и приговорены к смерти; 3 июня весь Орегон, казалось, собрался посмотреть на повешение.

Только в 1871 г., через двадцать четыре года после того, как Спаулдинга отозвали, он вернулся в Лапуай без Элайзы, которая давно умерла. Там он явился свидетелем пробуждения среди незперке и индейцев Spokane и утверждал, что крестил более тысячи человек (хотя коллеги подозревали, что он крестил некоторых индейцев дважды, чтобы увеличить счет). После трех лет служения Спаулдинг умер среди индейцев, которых он так любил. Таким образом завершилась трудная и противоречивая эра протестантских миссий в Орегоне. Работу в Лапуае продолжили две одинокие сестры, Кейт и Сью Макбет (Kate and Sue McBeth). Была организована школа по подготовке индейских проповедников, и незперке, возможно, более чем какое-либо другое индейское племя, стали активно евангелизировать индейцев.

В XIX в. миссионерская работа среди индейцев пошла на убыль. Упор делался теперь на экзотических чужих странах, где местное население не могло вмешиваться в прогресс американского общества. Многие ученые сходятся во мнении, что индейский евангелизм в целом не был историей успеха, и основной причиной этого является напряженный конфликт между двумя культурами за обладание землей. Но, может быть, повлияло еще и глубоко укоренившееся убеждение белой Америки в том, что индейцы являлись существами низшей расы и что их культура не стоила спасения.

Часть II. Великий век

Распространение протестантизма в течение трех веков после Реформации хотя и было достаточно заметным, однако мало указывало на то, что произошло в XIX в. В 1800 г., согласно Стефану Нейлу, "не было никакой уверенности в том, что христианство одержит победу, превратившись в универсальную религию". Некоторым христианство могло показаться несколько большим, чем религия только для белых, нещадно критикуемая и захлестнутая волной западного рационализма. Но могла ли изменить мир глубокая мощь евангельского пробуждения XVIII в.? Способно ли христианство выжить в современном мире? Деятнадцатый век решал многое; и вместо того чтобы пасть под натиском рационализма, христианство продолжало вновь укрепляться евангельским рвением, которое вскоре проникло на все континенты. Воистину, то был Великий век распространения христианства во всем мире.

Ряд факторов также способствовал восприимчивости XIX в. к протестантскому миссионерскому движению, охватившему весь мир. Век Просвещения и рационализм XVIII столетия сменились новым веком Романтизма. Наступило время отвергнуть чрезмерное упование на рассудок и больше полагаться на чувства и воображение. Пришла пора внедрять теорию в практику. Движение реформ возникло в новых промышленных нациях. Церкви и христианские организации достигали невиданного размаха в деле благовествования благодаря труду многочисленных добровольцев.

Изменения в религиозном окружении мира, несомненно, внесли свой вклад в быстрое распространение христианства в XIX в. Это был период упадка нехристианских религий. "Индуизм, буддизм и магометанство находились в относительно статическом состоянии в XIX в.", - как заметил Мартин Марти (Martin Marty), - и "христиане чувствовали, что они могут заполнить образовавшийся вакуум". Католицизм также находился в упадке во многих странах мира. Французский рационализм XVII и XVIII вв. собрал свой урожай с церковью, и Французская революция эффективным образом оборвала экономические связи, питавшие денежные фонды римско-католических миссий. Римский католицизм стал свидетелем многих перемен, особенно в Латинской Америке. Национальные движения развивающихся стран рассматривали католическую церковь как "последний оплот отжившего режима угнетения".

Протестантизм, с другой стороны, процветал. Деятнадцатый век был "эрой протестантизма" и, конкретнее, эрой, где доминировал евангельский протестантизм. На Британских островах евангельские христиане оказывали мощное влияние на представителей самых высоких правительственных кругов и торговли, а в американских церквях численность прихожан возросла с десяти до сорока процентов населения за одно только столетие. Быстро развивались деноминации, а движение по организации воскресных школ как в Британии, так и в Америке росло с огромной скоростью.

В политическом отношении XIX в. также явился свидетелем огромных изменений. Несмотря на то что в Европе происходили революции и социальные преобразования, а в Америке шла кровавая гражданская война, это было время относительного мира на земле. Западные государства, благодаря научно-техническому прогрессу, быстро становились мировыми державами, и многие неразвитые в промышленном отношении страны смотрели с завистью и восхищением на их богатства и престиж. В политическом отношении это был также век обмирщения. "Начиная с эры Константина и христианизации Римской империи до последних дней XVIII в., - пишет Мартин Марти, - люди на Западе считали... что религия должна устанавливаться законом и утверждаться властной рукой законного правительства". Но к XIX в. это перестало быть истиной. Люди сами начали решать вопросы собственного духовного положения и осознавать свою ответственность в благовествовании другим.

Евангельское пробуждение XVIII в., начавшись в Англии с Уайтфилда и Уэсли, сыграло важную роль в возникновении у христианских лидеров и простых людей чувства ответственности за евангелизацию всего мира. "Государство больше не несло ответственности, - по словам Гарольда Кука (Harold Cook), - ни в каком смысле за пропаганду христианской веры". благовестие стало задачей церкви и ее лидеров. Эта вновь открытая истина дала начало современному миссионерскому движению, представителями которого были Уильям Кэри в Англии и Самьюэл Миллз в Соединенных Штатах.

Но веры было недостаточно. Требовался двигатель, чтобы запустить веру в действие, и этим двигателем оказалось миссионерское общество. Добровольное миссионерское общество, в каких-то случаях независимое, а иногда ориентированное на определенные деноминации, преобразило христианские миссии, открыв дорогу для экуменистического движения и вовлечения людей в миссионерскую работу. "Никогда раньше, - писал Латуретт, - христианство или какая-либо другая религия не объединяла такого количества людей, посвятивших все время пропаганде своей веры. Никогда раньше сотни тысяч человек не вносили добровольные пожертвования из своих собственных средств, чтобы помочь распространению христианства или другой религии". Самым первым из такого рода новых обществ стало Баптистское миссионерское общество (1792), вслед за которым было основано Лондонское миссионерское общество (1795) и Церковное миссионерское общество (1799). В континентальной Европе возникли Нидерландское миссионерское общество (1797) и Базельское общество (1815), а в Соединенных Штатах - Американский совет по зарубежным миссиям (1810) и Американский баптистский миссионерский совет (1814). С течением времени возникали новые общества, ибо это был, как указывает Нейл, "Великий век обществ".

Для распространения Евангелия по всему миру важное значение приобретали евангелическое пробуждение и новые миссионерские общества, но без определенных светских тенденций успех зарубежных миссий был бы в значительной степени ограниченным. И колониализм, и индустриализация долгое время влияли на распространение христианства. Промышленная революция дала Европе новые силы, а с ними появилось стремление к завоеваниям. Колониализм и империализм становились элементами правительственной политики и значительно влияли на миссионерскую политику. "Торговые и колониальные планы привели далекие друг от друга земли к новым контактам, - по словам Р. Х. Гловера (R. H. Glover). - Крупные Ост-Индские компании, как голландские, так и английские, не думая об этом и не желая того, и это правда, проложили дорогу для миссионеров, сделав путешествие и проживание в восточных странах более удобным и безопасным".

Тесная связь между колониализмом и миссионерским движением дала повод историкам обвинить миссионеров в том, что они просто "шли за национальным флагом" в качестве орудия империализма. Этот вопрос в течение долгого времени был темой жарких дискуссий историков. Часто миссионеры действительно "шли за флагом" и помогали осуществлению колониальных и империалистических планов. Другие опережали флаг, но даже тогда во многих случаях проводили политику поддержки колониализма. Ливингстон, среди прочих, способствовал развитию европейской торговли и основанию поселений в Африке, и миссионеры повсюду приветствовали любые привилегии, которые могла даровать им империалистическая политика. Протестантские миссионеры твердо стояли на позиции управления колонизированных стран протестантским правительством, страшась прихода к власти католического правительства, и наоборот. Однако к 1900 г. большая часть миссионеров уже не работала на колониальных территориях, руководимых правительствами их родных стран.

Несмотря на такие, иногда вполне теплые, взаимоотношения между миссионерами и империалистическими кругами, обе группы гораздо чаще были далеко не в ладах между собой. Коммерческие компании нередко стояли на пути миссионеров, а миссионеры, за редким исключением, открыто осуждали образ жизни торговцев и колонистов. Их сообщество не могло быть гармоничным. "Взаимоотношения между миссиями и колониальной экспансией весьма сложные, - пишет А. Ф. Уоллс (A. F. Walls), - но ясно одно: если миссии ассоциируются с ростом империализма, то они равно должны ассоциироваться с факторами, ведущими к его же разрушению". Таким же образом они ассоциируются с социальным прогрессом в малоразвитых странах. "Усилия протестантских миссий в этот период, - пишет Ральф Уинтер, - во всем мире проложили дорогу для развития демократического аппарата правительства, для организации школ, больниц, университетов и политического основания новой нации".

Но каким бы ценным ни являлся социальный прогресс, он не был бы завершенным без введения западной культуры, сопровождавшегося в некоторых случаях почти полным разрушением национальных традиций и обычаев. По всем континентам и в островной мир миссионеры несли с собой новую, неизвестную там культуру. Многие аспекты западной культуры были усвоены местным населением в других странах, и почти

всегда миссионеры поддерживали такие явления, как грамотность, борьба за освобождение от рабства и страха перед представителями высших социальных кругов.
 Великий век

<p>Индия и Центральная Азия</p>	<p>(1793) Уильям Кэри прибывает в Индию (1812) Первые американские миссионеры отплывают на служение (1819) Основание колледжа в Серампуре (1824) Джадсон в тюрьме (1830) Александр Дафф прибывает в Индию (1834) Смерть Кэри (1836) Джон Скаддер начинает работу в Мадрасе (1845) Отпуск Джадсона в США" (1850) Смерть Джадсона (1870) Доктор Клара Суейн прибывает в Индию (1878) Массовое крещение Джона Клоу (1896) Эми Кармайкл начинает свое служение</p>
<p>Черная Африка</p>	<p>(1799) Вандеркемп прибывает в Кейптаун (1816) Моффат начинает свое миссионерское служение (1825) Моффат устраивается в Курумани (1841) Ливингстон прибывает в Африку (1844) Крапф прибывает в Кению (1852) Ливингстон начинает свое путешествие через Африку (1864) Кроутер посвящен в епископы (1873) Смерть Ливингстона (1874) Стэнли начинает свое 999-дневное путешествие (1875) Гренфелл прибывает в Конго (1876) Макей прибывает в Уганду (1890) Епископ Такер прибывает в Уганду (1892) Мэри Слессор назначена британским вице-консулом (1896) Смерть Питера Камерона Скотта</p>
<p>Дальний Восток</p>	<p>(1807) Моррисон прибывает в Кантон (1814) Моррисон крестит первого обращенного (1840) Гутцлафф начинает служение на китайском побережье (1842) Нанкинское соглашение (1854) Тейлор прибывает в Шанхай (1859) Протестантские миссионеры прибывают в Японию (1865) Первый протестантский миссионер прибывает в Корею (1867) Смерть Грейси Тейлор (1868) Инцидент в Янчжоу (1870) Смерть Марии Тейлор (1873) Лотти Мун прибывает в Китай (1877) Дженни Тейлор возвращается в Китай одна (1885) Семерка из Кембриджа" отплывает в Китай (1888) Гофорты отплывают в Китай (1900) Боксерское восстание</p>
<p>Острова Тихого океана</p>	<p>(1796) Даффот плывет на юг Тихого океана (1817) Уильяме прибывает на острова южных морей (1819) Крещение Помаре (1820) Начинается миссия на Гавайях (1837) Коун начинает пробуждение на Гавайях (1838) Библия опубликована на Таити (1839) Мученичество Уильямса (1848) Гедди прибывает в Анейтьюм (1855) Патсон отплывает в южные моря (1858) Патон прибывает на Танну (1866) Чалмерс отплывает в южные моря</p>

	(1871) Мученичество Патсона (1873) Отец Дамьен прибывает на Молокай (1882) Флоренс Янг начинает служение в Фэримиде (1901) Мученичество Чалмерса
Европа и Северная Америка	(1795) Основание Лондонского миссионерского общества (1799) Основание Церковного миссионерского общества (1810) Основание Американского совета по зарубежным миссиям (1835) Уитман уезжает в Орегон (1837) Переселение чероки (1847) Резня в Вайлатпу (1865) Основание Китайской внутренней миссии (1886) Зарождение Студенческого добровольческого движения (1887) Основание Христианско-миссионерского союза (1890) Основание миссии "Евангельский союз" (1890) Основание Центральной американской миссии (1892) Гренфелл прибывает в Лабрадор (1893) Основание Суданской внутренней миссии (1895) Основание Американской внутренней миссии

Также верно то, что внутри коммерческих и колониальных кругов "миссионеры XIX в. в какой-то степени подчинились колониальному комплексу, - пишет Нейл. - Только западный человек был человеком в полном смысле этого слова; он был мудрым и добрым, а члены других рас могли стать такими только при условии, что они также менялись на западный манер, могли проявлять эту мудрость и доброту. Но западный человек был лидером и остался таковым на долгое время, возможно, навсегда".

Быть может, они имели много недостатков, но именно миссионеры XIX в. - крошечная группа людей по сравнению с другими силами, влиявшими на незападный мир, - в относительно короткое время превратили то, что казалось упаднической религией только для белых, в самую многочисленную и самую динамичную религиозную веру в мире. Это были обыкновенные люди, ставшие героями, чья преданность и смелость вдохновила следующие поколения. Это был век, когда маленькие дети мечтали об истинном величии - о том, чтобы стать Кэри, Ливингстоном, Джадсоном, Патоном, Слессором или Хадсоном Тейлором.

Глава 5. Юг Центральной Азии: против древних верований

Юг Центральной Азии. Сколько иронии кроется в том, что эта земля стала сценой для первых главных продвижений протестантских зарубежных миссий. Именно здесь, на субконтиненте Индии, родились самые древние и самые сложные религии, религии, которые пронизывают многие слои общества. Неудивительно, что многолюдные толпы людей, пробивающие себе дорогу в тесных проходах на рынках, смотрели с презрением на тех, кто пришел дать им новую религию. Что могла предложить им "западная" религия такого, чего не могли дать индуизм, буддизм, ислам, сикхизм или джайнизм? И какая привлекательность могла быть в христианском догматическом мышлении? Индус со своими тысячами богов гордился их терпимостью и смотрел свысока на исключительные требования христианства.

Но христианство, как показал Уильям Кэри и его последователи, могло предложить народам Центральной Азии все. Даже не говоря о свободном даре спасения и вечной жизни, только христианство предлагало людям освобождение от сковывающих уз древней кастовой системы и бесконечного процесса реинкарнаций, пленниками которых они являлись. Только христианство протянуло руки к "неприкасаемым" и предложило им надежду здесь и сейчас. Только христианство в стремлении бескорыстной любви возвысить людей готово было пожертвовать своими молодыми людьми, обрекая их на жизнь в окружении опасностей тропического юга Центральной Азии.

Жертвы, принесенные Уильямом Кэри, Адонирамом Джадсоном и другими, кто трудился в Индии и других частях Центральной Азии, неисчислимы. Жестокий климат был неумолим, и тропическая лихорадка унесла много жизней. И Кэри, и Джадсон похоронили по две жены и своих маленьких детей, но даже такие жертвы не заставили их отказаться от привилегии нести христианство в эту часть земли. Работа первых зарубежных миссионеров была предназначена не для духовных карликов, и первопроходцы никогда не рассчитывали на идеальный климат и доброжелательное отношение местного населения. Но они тяжело переживали совершенно оскорбительное отношение к себе и к своей вере и напряженное противостояние со стороны собственных сограждан (Ост-Индская компания, в частности), чинивших всевозможные препятствия пропаганде Евангелия, хотя служащие компании были убеждены, что находятся под защитой христианской веры.

Несмотря на многочисленные барьеры, христианство распространялось в Индии и повсюду на юге Центральной Азии и, благодаря влиянию Уильяма Кэри, провозгласившего Великий век зарубежных миссий, евангелизация мира стала рассматриваться как главная обязанность христианской церкви. Однако юг Центральной Азии никогда не был плодородной почвой для распространения христианства, и сейчас в этом регионе только крошечное меньшинство (менее трех процентов) населения исповедует христианскую веру.

Хотя Кэри считают великим миссионером-первопроходцем в Индии, он не был первым. За века до него там служил Франциск Ксаверин (см. гл. 2) и другие римско-католические миссионеры; а за девяносто лет до него туда приехали при поддержке датско-галльской миссии Бартоломей Цигенбальг и Генрих Плютшау, лютеранские миссионеры. Цигенбальг и Плютшау, работавшие у южной оконечности Индии в Транкебаре, столкнулись с большими препятствиями, чинимыми коммерческой оппозицией датской Ост-Индской компании. И все же они добились очевидных успехов и были свидетелями многих обращений за годы своего служения. Через шесть лет Плютшау вернулся домой по причине слабого здоровья, а Цигенбальг остался пастырем церкви и перевел весь Новый Завет и большую часть Ветхого Завета на один из множества индийских языков. Он умер в 1719г., прослужив в Индии четырнадцать лет. Перевод Цигенбальга завершил другой датско-галльский миссионер, который, в свою очередь, повлиял на Кристиана Фридриха Шварца и побудил его отправиться в Индию миссионером. Шварц прибыл в эту страну в 1750 г. и верно служил там в течение сорока восьми лет. Он умер в 1798 г., через четыре года после того, как Кэри начал свое служение более чем в тысяче миль к северу от него.

Уильям Кэри

Уильям Кэри, бедный сапожник, казался когда-то сомнительным кандидатом на роль героя. И все же именно его называли "отцом современных миссий". Более чем какая-либо другая личность в современной истории, он возбуждал воображение христианского мира, показав на собственном смиренном примере, что можно и что должно сделать, чтобы привести потерянный мир к Христу. Хотя этот человек прошел через многие тяжкие испытания за сорок один год миссионерской работы, он всегда демонстрировал выносливость и твердую решимость преуспеть в своем деле. В чем заключался секрет его успеха? "Я умею работать. Я умею выстоять перед любыми трудностями. Тем, чего я достиг, я обязан этим своим качествам". Жизнь Кэри убедительным образом иллюстрирует неограниченные возможности самого обыкновенного человека. Без всякого сомнения, он прожил бы самую заурядную и серую жизнь, если бы не его безграничная преданность Богу.

Кэри родился в 1761 г. около Нортгемптона в Англии. Его отец был ткачом-надомником, работавшим на станке в собственной квартире. Для семей типа Кэри нищета казалась обычным явлением, и жизнь его была простой и незатейливой. Промышленная революция только начала вытеснять мелких производителей, заменяя их предприятия на огромные цеха и шумные ткацкие фабрики. Детство Кэри было обычным, если не учитывать постоянных проблем, связанных с аллергией, что помешало ему претворить в жизнь свою мечту работать садовником. В возрасте шестнадцати лет он стал подмастерьем сапожника и занимался этим ремеслом до двадцати восьми лет. Он был обращен еще подростком и вскоре после этого начал активно работать в группе

баптистских раскольников, посвятив свое свободное время изучению Библии и служению в церкви на правах мирянина.

В 1781 г., не достигнув двадцатилетия, Кэри женился на золовке своего хозяина. Дороти была старше его более чем на пять лет и, как многие женщины этого круга в XVIII в., была неграмотна. С самого начала это был неравный брак, и со временем, когда горизонты Кэри расширились, пропасть, разделявшая их, выросла еще больше. Первые годы их брака оказались трудными и голодными. На какое-то время Кэри взял на себя ответственность не только за материальное обеспечение своей жены и быстро растущей семьи, но и заботы о семье покойного мастера в лице его вдовы и четверых детей.

Несмотря на финансовые затруднения, Кэри не бросил учебу и не отказался от чтения проповедей. В 1785 г. он принял приглашение стать пастором крошечной баптистской церкви, где служил до тех пор, пока его не призвали в большую церковь в Лестере, хотя даже здесь он продолжал нуждаться в дополнительных заработках, чтобы прокормить семью. В эти годы стала оформляться его философия миссионерской деятельности, впервые возникшая после прочтения "Путешествий капитана Кука" ("Captain Cook's Voyages"). Он неторопливо развивал библейскую концепцию по этому вопросу и пришел к убеждению, что зарубежные миссии являются главной сферой ответственности церкви. Его идеи оказались почти революционными. Многие, если не большинство церковников XVIII в., верили в то, что Великое поручение было дано только апостолам, а потому обращение "язычников" не считали своей заботой, особенно если оно не имело связи с колониальной политикой. Когда Кэри высказал свои идеи группе священников, один из них ответил: "Молодой человек, сядьте. Когда Богу угодно будет обратить язычников, Он сделает это без вашей или моей помощи". Но Кэри не стал молчать. Весной 1792 г. он опубликовал книгу на восьмидесяти семи страницах, которая имела непреходящее значение и заняла место наряду с девятью тезисами Лютера по силе своего влияния на христианскую историю.

Его книга "An Enquirey Into the Obligation of Christians to Use Means for the Conversion of the Heathens" ("Исследование вопроса обязательств христиан по использованию средств для обращения язычников" - и это сокращенный вариант названия) очень толково доказала необходимость зарубежных миссий, обезоружив аргументацию, преувеличивавшую непрактичность и бессмысленность посылки миссионеров в далекие земли. После публикации книги Кэри обратился к группе священников на собрании Баптистской ассоциации в Ноттингеме, где процитировал аудитории отрывок из Ис. 54:2,3 и произнес теперь уже известное изречение: "Ждите великого от Бога; попытайтесь делать великое для Бога". На следующий день, в основном благодаря его влиянию, священники решили организовать новый Совет по делам миссий, ставший известным как Баптистское миссионерское общество. Это решение далось не легко. Большинство священников Ассоциации жили, как Кэри, на скудные средства, и вовлечение их в зарубежные миссии означало огромные финансовые потери как для них, так и для их приходов.

Эндрю Фуллер, самый выдающийся священник, поддержавший новое общество, стал его первым секретарем, а первым миссионером оказался Джон Томас, баптист-мирянин, поехавший в Индию как врач Королевского флота и оставшийся там после окончания срока службы для работы в качестве евангелиста и врача-миссионера на своем довольствии. Кэри немедленно предложил себя новому обществу как "подходящего спутника" Томасу и с радостью был принят на службу.

Хотя Кэри давно проявлял острый интерес к миссиям, его решение предложить свою кандидатуру для служения за рубежом было торопливым и необдуманным. Можно было не обращать внимания на то, что церковь тяжело переживала утрату своего пастора и что его отец посчитал сына сумасшедшим, но реакция жены на принятое решение должна была остудить его. Дороти, имея троих детей и ожидая четвертого, яростно воспротивилась перспективе покинуть дом и отправиться в пятидесятичное путешествие, полное непредвиденных обстоятельств (осложненное тем, что Франция недавно объявила войну Англии), чтобы провести остаток жизни в ужасающем тропическом климате Индии. Другие женщины с готовностью шли на такие жертвы и еще тысячи пойдут на них в будущем, но Дороти была не из их числа. Если и есть "мать современных миссий", то это наверняка не она. Она решительно отказалась ехать.

Если Дороти думала, что ее отказ сопровождать мужа может что-то изменить в его настроении, то она ошибалась. Кэри, хоть и расстроенный ее решением, собрался ехать без нее. Он продолжал готовиться к отъезду сам и оформлял проезд для Феликса, своего восьмилетнего сына. В марте 1793 г., после нескольких месяцев подготовки, Кэри и Томас были приняты Обществом; в следующем месяце они вместе с Феликсом, женой и дочерью Томаса погрузились на Темзе на корабль, который плыл до Индии. Но путешествие в Индию внезапно завершилось в Портсмуте, Англия. Денежные проблемы (неоплаченные долги Томаса и его неудовлетворенные кредиторы), а также неудавшаяся попытка получить разрешение на выезд не позволили им двигаться дальше.

Отсрочка стала большим разочарованием для миссионеров, но она привела к удивительным переменам в их планах. Дороти, родив ребенка за три недели до того, нехотя согласилась присоединиться к группе миссионеров с малышами, уговорив Китти, свою сестру, ехать с ними. Достать деньги на дополнительные билеты было трудно, но 13 июня 1793 г. они все же сели на датский корабль и отплыли в Индию. Долгое и опасное путешествие вокруг мыса Доброй Надежды прошло не совсем гладко, но 19 ноября они благополучно добрались до Индии.

Время их прибытия не было удачным для начала миссионерской работы. Ост-Индская компания держала всю страну под контролем, и ее враждебное отношение к миссионерам вскоре проявилось со всей отчетливостью. Компания боялась всего, что могло помешать ее выгодным коммерческим предприятиям, и Кэри быстро понял, что их не ждали. Боясь депортации, он с семьей двинулся вглубь страны. Здесь, в окружении малярийных болот, семья Кэри жила в ужасающих условиях. Дороти и двое старших детей серьезно заболели, и забота о семье требовала от Кэри постоянного внимания. Его идеалистические мечты о миссионерской работе быстро угасали. Также его угнетало то, что его жена и Китти "постоянно протестовали" и резко враждебно отзывались о семье Томаса, жившей в довольстве в Калькутте. Через несколько месяцев их плачевное положение стало много лучше, благодаря доброте и щедрости мистера Шорта, чиновника Ост-Индской компании, который, хотя и не был верующим, сочувствовал им и приютил их у себя дома на неограниченное время. Однако Кэри вскоре перевез семью в Мальду, почти в трехстах милях на север, где ему удалось получить должность мастера на фабрике, производившей индиго.

Годы, проведенные в Мальде, были трудными. Хотя Кэри не тяготился своим новым положением и нашел, что фабрика стала своеобразной языковой школой и неограниченным полем для благовествования, семейные неурядицы продолжались Китти, вышедшая замуж за мистера Шорта, больше с ними не жила, а здоровье Дороти и состояние ее психики быстро ухудшались. Затем последовала трагическая смерть маленького, с сияющими глазами, сына Питера, которому в 1794 г. исполнилось пять лет, и это стало последней каплей. Дороти уже никогда не восстановила полностью своего психического здоровья. Ситуация была трагической, и видевшие Дороти описывали ее как "совершенно душевнобольную".

Несмотря на травмирующую семейную ситуацию и долгие часы работы на фабрике, Кэри не забыл цели своего приезда в Индию. Каждый день он по несколько часов проводил за переводом Библии, проповедовал и участвовал в открытии школ. К концу 1795 г. в Мальде была организована баптистская церковь. Это стало началом, хотя постоянных членов церкви насчитывалось всего лишь четыре человека и они были англичанами. Однако службы привлекали большие толпы бенгальцев, и Кэри мог с уверенностью сказать, что "имя Иисуса Христа здесь больше не является незнакомым". Но реальных плодов его труда не было. Почти через семь лет жизни в Бенгалии Кэри не мог похвалиться ни одним обращенным индийцем.

Несмотря на отсутствие внешнего успеха, Кэри был удовлетворен миссионерской работой в Мальде и с большим огорчением покинул ее в 1800 г. Из Англии прибыли новые миссионеры и, чтобы избежать постоянных стычек с Ост-Индской компанией, они поселились недалеко от Калькутты на датской территории Серампур. Требовалась помощь Кэри в организации новой миссии, чтобы обустроить свежее пополнение, поэтому он с семьей неохотно уехал из Мальды.

Серампур вскоре стал центром активного баптистского миссионерства в Индии, и именно здесь Кэри провел оставшиеся тридцать четыре года жизни. Кэри и его коллеги, Джошуа

Маршман и Уильям Уорд (Joshua Marsh-man and William Ward), известные как серампурская тройка, стали одной из самых знаменитых миссионерских команд в истории. В миссионерском поселке, где проживали с десяток миссионеров с девятью детьми, царил семейная атмосфера. Миссионеры жили дружно, и все у них было в общем владении, как в ранней церкви, описанной в Книге Деяний. По вечерам в воскресенье они сходились, чтобы молиться об избавлении от горечи и обид, всегда "торжественно обещая любить друг друга". Ответственность распределялась в зависимости от способностей, и работа шла гладко и споро.

Великий успех серампурской тройки в индийской миссии в первые годы ее существования в большей степени можно отнести за счет Кэри и его ангельского характера. Его собственная готовность жертвовать материальными богатствами и идти дальше исполнения долга всегда являлись собой постоянный пример для остальных. Более того, он обладал сверхъестественной способностью не замечать прегрешений других людей. Даже о Томасе, который неподобающим образом тратил деньги миссии, а потому приводил всех в замешательство своими безрассудными долгами, Кэри мог сказать: "Я люблю его, и мы живем в величайшей гармонии". Говоря о своих коллегах, Кэри писал: "Брат Уорд именно тот человек, который нам нужен... Он отдает работе всю свою душу. Трудиться рядом с ним большое удовольствие... Брат Маршман - чудо прилежности и благоразумия, как и его жена..."

Серампур являлся примером гармоничного миссионерского сотрудничества, и результаты их трудов впечатляли. Работали школы, было организовано печатное дело, но что важнее всего, постоянно шла переводческая работа. Во время пребывания в Серампуре Кэри сделал три перевода всей Библии (бенгальский язык, санскрит и язык маратхи), помогал в переводе Библии на другие языки, перевел Новый Завет и части Писаний на еще большее количество языков и диалектов. К сожалению, качество его переводов не всегда соответствовало количеству переведенного. Эндрю Фуллер, секретарь миссионерского Совета, всегда ругал его за плохую орфографию и прочие ошибки в тех рукописях, что он отсылал в Англию для печати: "Я не знаю ни одного человека с такими обширными познаниями в других языках, как вы, пишущего по-английски так плохо... Вы комкаете полдюжины фраз в одну... Если ваш бенгальский Новый Завет будет таким же образом оформлен, я стану бояться за его судьбу..." Страхи Фуллера оказались вполне обоснованными. Кэри, к своему горькому разочарованию, обнаружил, что часть его работ непонятна. Но неутомимый переводчик не сдался. Он вернулся к своему столу и полностью переделывал перевод до тех пор, пока не удостоверился, что его можно понять.

Проповедь Евангелия также была важной частью работы в Серампуре, и через год после основания миссии они радовались своему первому обращенному. В последующие годы обращенных стало много больше, но в целом евангелизация проходила медленно. К 1818 г., после двадцати пяти лет работы баптистской миссии в Индии, шестьсот обращенных получили крещение, а несколько тысяч человек посещали богослужения и занятия по изучению Писаний.

Несмотря на чрезмерную занятость переводческой и проповеднической работой, Кэри всегда старался сделать как можно больше. Одним из его величайших достижений было основание колледжа для подготовки местных проповедников в Серампуре в 1819 г. В первый год набрали тридцать семь индийских студентов, более половины из которых являлись христианами. Были достигнуты большие успехи и в светском образовании. Вскоре после приезда Кэри в Серампур его пригласили в Форт Уильям колледж в Калькутте в качестве профессора восточных языков. Это была великая честь для Кэри, необразованного сапожника, когда его попросили занять такой высокий пост, и при горячей поддержке своих коллег он принял это лестное приглашение. Его новое положение не только принесло необходимое улучшение материального положения миссионеров, но и выставило их в лучшем свете перед Ост-Индской компанией, а также обязало Кэри повысить свое языковое мастерство, чтобы не ударить в грязь лицом перед студентами.

Кэри был настолько занят делами, что оказался не в состоянии дать своим детям ту отцовскую заботу, в которой они так отчаянно нуждались. И даже когда он бывал с ними, легкий характер не позволял ему ввести жесткую дисциплину, отсутствие которой вскоре сказалось на поведении мальчиков. Говоря об этой ситуации, Ханна Маршман писала: "Добрый человек видел зло и страдал от него, но был слишком мягок,

чтобы применить эффективные средства". К счастью для детей, вмешалась миссис Маршман. Если бы не строгие замечания этой доброй женщины и не отеческая забота Уильяма Уорда, мальчики Кэри сбились бы с прямого пути.

В 1807 г., в возрасте пятидесяти одного года, Дороти Кэри умерла. Это несомненно принесло большое облегчение Кэри. Она уже давно перестала приносить пользу миссионерской семье. Фактически она была лишь препятствием в работе. Джон Маршман говорил, что Кэри работал над своими переводами, "в то время как сумасшедшая жена, часто доходившая до состояния наивысшего возбуждения, находилась в соседней комнате..."

Во время пребывания в Серампуре Кэри подружился с леди Шарлоттой Румор (Charlotte Rumohr), бывшей членом датской королевской семьи и жившей в Серампуре в надежде, что климат поправит ее слабое здоровье. Приехав в Серампур неверующей и будучи скептиком по натуре, она посещала все же собрания в миссии, а в 1803 г. была обращена и крещена Кэри. После этого она стала посвящать свое время и деньги работе миссии. В 1808 г., всего через несколько месяцев после смерти Дороти, Кэри объявил о помолвке с леди Шарлоттой и этим произвел суматоху в своей обычно спокойной миссионерской семье. Противодействие было настолько велико, что пустили в обращение петицию с целью предотвратить этот брак; но когда его коллеги поняли, что он решился окончательно, они отступили и приняли это как неизбежность. Маршман венчал эту пару в мае, всего через полгода после того, как упокоилась Дороти.

Тринадцатилетний брак с Шарлоттой для Кэри оказался счастливым. Все это время он был воистину влюблен - может быть, впервые в своей жизни. Шарлотта обладала блестящим умом и талантом к языкам и была бесценным помощником для Кэри в его переводческой деятельности. Она также сумела наладить близкие отношения с мальчиками и стала для них матерью, которой у них никогда не было. Когда она умерла в 1821 г., Кэри писал: "Мы испытали такое супружеское счастье, какое редко выпадает на долю смертным". Два года спустя, в возрасте шестидесяти двух лет, Кэри женился снова, на этот раз на Грейс Хьюз (Grace Hughes), вдове, на семнадцать лет младше его. Хотя Грейс не была так умна, как Шарлотта, Кэри хвалил ее за "постоянную и неослабную заботу и отличный уход" за ним во время его частых болезней.

Одной из наиболее трагических утрат, которые понес Кэри за свои сорок непрерывных лет в Индии, явилась гибель его рукописей в пожаре 1812 г. В тот момент Кэри не было дома, но его огромный многоязычный словарь, две грамматики и полная версия Библии сгорели в огне. Если бы он имел другой характер, он бы никогда не пришел в себя, но Кэри воспринял это как суд Божий и начал все сначала с еще большим рвением.

Первые пятнадцать лет пребывания Кэри в Серампуре были годами сотрудничества и работы в команде. Кроме случайных проблем, например, в связи с его вторым браком, маленькая баптистская община в Индии жила в полной гармонии. Но безмятежный мир не мог длиться вечно, и пятнадцать последующих лет были полны дисгармонии и беспорядков. Дух единства оказался нарушен тогда, когда прибыли новые миссионеры, которые не захотели жить общинным порядком с миссионерами Серампура. Один из них, например, потребовал "отдельный дом, конюшню и слуг". Существовали и другие проблемы. Новые миссионеры посчитали своих старших собратьев - особенно Джошуа Маршмана - диктаторами, вменяющими им обязанности и места без учета их симпатий и желаний. Несомненно, чувства новых миссионеров можно понять. Их старшие собратья привыкли к своей системе и не подготовились к переменам. Но если бы младшие миссионеры проявили любовь и долготерпение, являвшиеся отличительными чертами характера команды Серампура, все различия и разногласия можно было бы преодолеть. К сожалению, этого не произошло. Против старших миссионеров были выдвинуты горькие обвинения, и в результате община раскололась на две группы. Младшие миссионеры организовали Миссионерский союз Калькутты и стали работать всего лишь в нескольких милях от баптистских братьев. "Неделикатной" назвал создавшуюся ситуацию брат Уильям Уорд.

Ситуация еще более усложнилась, когда комитет на родине получил эти новости и вмешался. Первого комитета под руководством Эндрю Фуллера уже не существовало. Он был маленьким, состоял из трех человек, а теперь возрос количественно в несколько раз, и многие его члены знали Кэри только по его письмам. Фуллер и еще один из первых членов комитета умерли. А новый комитет состоял из людей,

сочувствующих молодым миссионерам, которых они лично послали на служение. Когда Фуллер стоял у руководства, он настаивал на самоуправлении Серампура по двум причинам: "Первое, мы считаем, что они лучше управятся сами, чем мы сможем управлять ими. По другой причине, они находятся слишком далеко, чтобы вовремя получать наши директивы"". Но новый комитет резко выступил против старших миссионеров. Члены его пришли к выводу, что все важные события в общине серампурской миссии должны находиться под их непосредственным контролем. Наконец в 1826 г., после нескольких утомительных лет конфликтов, серампурская миссия разорвала свои отношения с Баптистским миссионерским обществом.

Окончательный раскол между Серампуром и Баптистским миссионерским обществом нанес ощутимый финансовый удар миссионерам Серампура. Команда Серампура была почти самостоятельной с экономической точки зрения, получая лишь немного денег из Англии, но времена изменились. В более чем двенадцати других, вновь образованных дочерних миссиях трудились новые миссионеры, нуждавшиеся в поддержке, деньги также требовались на медицинские нужды миссионерских станций. Теперь серампурская миссия не могла им помочь. У Кэри и Маршмана (Уорд к тому времени умер) не было другого выхода, как проглотить свои обиды и вновь подчинить свою миссию власти Общества. Вскоре после этого из комитета с родины прибыла значительная сумма денег и теплые письма. Начался процесс оздоровления.

Кэри умер в 1834 г., оставив значительный след в истории Индии и всего миссионерского движения. Его влияние в Индии складывалось из его огромных лингвистических достижений, организованных им образовательных заведений и успехов христианского движения, которым он руководил. Он внес огромный вклад в борьбу против индийской традиции сжигания вдов и против детоубийства. Но в других случаях он ратовал за сохранение местной культуры и обычаев. Кэри опередил свое время в миссионерской методологии. Он с огромным уважением относился к индийской культуре и никогда не пытался заменить ее на западную, что делали те, кто пришел после него. Его целью было построить местную церковь "с помощью местных проповедников", обеспечив ее Писанием на родном языке, и этому он посвятил всю свою жизнь. Влияние Кэри чувствовалось не только в Индии. Его труды тщательно изучались не только в Англии, но и на континенте, и в Америке, на смелом примере его жизни росли новые миссионеры.

Семья Адонирама Джадсона

Некоторое время с Кэри и, в частности, с его сыном Феликсом была связана еще одна миссионерская чета, приехавшая в Индию в 1812 г. - Адонирам и Нэнси Джадсон (Adoniram and Nancy Judson). Джадсоны вместе с другими шестью молодыми миссионерами приехали из Соединенных Штатов и стали первыми американскими миссионерами, служившими за рубежом. Как многие миссионеры до них, они обнаружили, что Ост-Индская компания является непреодолимым барьером для работы и были вынуждены покинуть Индию. После нескольких месяцев проблем и отсрочек Джадсоны, отделившись от своих спутников, поехали в Бирму, где провели оставшуюся жизнь в условиях чрезвычайных сложностей и лишений в попытке нести людям Евангелие в этой закрытой и такой неприветливой земле.

Адонирам Джадсон родился в Массачусетсе в 1788 г. в семье священника-конгрегационалиста. Ему было шестнадцать, когда он поступил в университет Брауна, который закончил через три года (за три года завершив четырехлетний курс обучения), удостоившись чести сказать от своего курса речь на выпускном вечере. В студенческие годы он сблизился с сокурсником, Джейкобом Имзом (Jacob Eames), который исповедовал деизм - доктрину, преданную анафеме в консервативной конгрегационалистской церкви, в которой он вырос. Но взгляды Имза оказали сильное влияние на молодого Джадсона, которого уже не удовлетворяла вера его отца. После выпуска Джадсон вернулся в родной город, где открыл академию и опубликовал две книги; но он не чувствовал себя счастливым. Несмотря на уговоры родителей, он решил посмотреть мир, направившись в Нью-Йорк, где надеялся стать драматургом.

Пребывание Джадсона в Нью-Йорке было коротким и неудачным. Через несколько недель он уже возвращался обратно в Новую Англию, удрученный и подавленный отсутствием перспектив на будущее. Не имея четких планов, однажды вечером он

остановился в какой-то гостинице. Его сон был прерван стоном больного человека в соседней комнате. Утром он спросил о несчастном соседе и узнал, что больной, а им оказался Джейкоб Имз, ночью умер. Для двадцатилетнего Джадсона это был жестокий удар, что послужило началом его духовных поисков. Он решил поехать домой.

Когда в сентябре 1808 г. Адонирам вернулся в родной город, в приходе Плимута царил атмосфера оживления. Его отец был одним из тех священников, что участвовали в организации новой семинарии в Андовере, которая, в отличие от Гарварда и других теологических школ Новой Англии, придерживалась ортодоксальных догм веры. При поддержке отца и других священников Адонирам согласился продолжить поиски истины в этой новой семинарии. Он был принят как исключение, без исповедания веры, но всего лишь через несколько месяцев провозгласил "торжественное посвящение" себя Богу.

После этого посвящения Джадсон прочитал волнующее миссионерское послание, написанное одним британским миссионером. Он был настолько тронут этим посланием, что поклялся стать первым американским зарубежным миссионером. Андоверская семинария не призвала открыто проявлять миссионерское рвение, но в ней были другие студенты, сочувствовавшие миссионерской идее, включая Самьюэла Миллза (Samuel Mills) из Уильяме колледжа, который стал организатором "молитвенного собрания в стогу сена" за несколько лет до того. Молитвенное собрание, происшедшее как зов души, не по плану, стало знаменательной вехой в истории американских зарубежных миссий. Группа студентов Уильяме колледжа, настроенных на миссионерское служение, известная как Общество братьев, стала постоянно собираться на открытом воздухе для молитвы. Однажды их застигла гроза, и они укрылись под стоящим поблизости стогом сена. Именно там, в стогу сена, они поклялись посвятить себя миссионерскому служению. Миллз, переехав в Андовер, поддержал Джадсона и других андоверских студентов, заинтересованных в миссионерском служении. Он стал великим миссионерским деятелем, хотя сам никогда не служил за границей.

Повышенный интерес к миссиям в этой маленькой группе андоверских студентов привел к организации Американского совета по зарубежным миссиям, обычно называвшегося Американским советом - то самое общество, которое через десять лет направит Уитманов в Орегон (см. гл. 4). Хотя энтузиазма было много, деятельность Американского совета заглохла на старте. Парализованные отсутствием финансовой помощи, члены совета отправили Джадсона в Англию в надежде получить материальную поддержку через Лондонское миссионерское общество. Директора ЛМО были готовы финансировать американских миссионеров вообще, но никак не хотели финансировать тех, кто работал на Американский совет. Джадсон уже собирался предложить им себя и своих товарищей в качестве миссионеров от ЛМО, но тут до него дошли слухи о значительном наследстве, полученном Американским советом, и он вернулся домой.

До отъезда в Англию Джадсон познакомился с Энн Хасселтайн, более известной как Нэнси. Нэнси, как и Адонирам, пережила духовное возрождение, изменившее всю ее жизнь, превратившее веселого и беззаботного подростка в серьезную, но живую молодую девушку. В отличие от Дороти Кэри, Нэнси испытывала глубокую озабоченность судьбами людей, не слышавших Благой вести, и настояла на поездке в Индию не "из-за привязанности к земному объекту", имея в виду Адонирама, но из-за "обязательств перед Богом... с полным убеждением в том, что это был призыв..."

В феврале 1812 г. они с Адонирамом поженились и через тринадцать дней отплыли в Индию, в середине июня прибыв в Калькутту.

Для Адонирама и Нэнси многодневное морское путешествие стало лишь продолжением медового месяца. Они проводили долгие часы в изучении Библии - в частности, выискивая истинное значение крещения, вопрос, не выходявший из головы Адонирама. Чем больше он вникал в суть этой проблемы, тем больше убеждался в том, что конгрегационалистский вариант крещения младенцев окроплением был неверным. Нэнси вначале расстроилась от его новых идей, споря, что вопрос не принципиален и настаивая на том, что она не изменит своей церкви, даже если он станет баптистом. После тщательного исследования, однако, она также пришла к принятию крещения верующих погружением, и после прибытия в Индию Адонирам и Нэнси приняли крещение от Уильяма Уорда в Серампуре.

Когда до Соединенных Штатов дошли новости о том, что Джадсоны, как и Лютер Раис (Luther Rice), один из других шести миссионеров, призванных к служению в Индии Американским советом, перешли в баптистский лагерь, в среде конгрегационалистов все пришло в движение. Как мог герой-миссионер дезертировать после того, как они столько сделали для него? Баптисты, однако, остались довольны и быстро организовали собственное миссионерское общество, чтобы обеспечить молодым миссионерам финансовую поддержку.

Пребывание Джадсона в Индии было коротким. Он понял, что нет никакой управы на могущественную Ост-Индскую компанию. Будучи не в состоянии оставаться в Индии, молодая пара с побережья Восточной Африки отплыла на один из островов. Но и там перспективы миссионерской работы показались туманными. Джадсоны вернулись в Индию, попытавшись по пути попасть в Пинангу на полуострове Малакка, где надеялись начать миссионерскую работу. Но в Пинангу никто не плыл, и опять под угрозой депортации Джадсоны погрузились на корабль, отправлявшийся в Бирму. Интересно, что Бирма, собственно, была первым местом, выбранным Адонирамом для миссионерской работы, но затем он услышал жуткие рассказы о жестоком обращении местных жителей с иностранцами и решил попытаться счастья в другом месте.

Прибытие Джадсонов в Рангун оказалось безрадостным. Нэнси во время морского путешествия родила мертвого ребенка, на новую землю их обитания ее вынесли на руках. В отличие от Индии, в Бирме не существовало европейской общины и не было кастовой системы. Люди выглядели довольно независимыми и свободными, несмотря на жестокий тиранский режим правления. Повсюду царил нищета. Узкие грязные улочки Рангуна обрамлялись спускающимися со склонов хижинами, а за улыбками, которыми их приветствовали, чувствовалось состояние подавленности. Джадсоны были не первыми протестантскими миссионерами в Бирме. Другие приезжали и уезжали, и только Феликс Кэри (старший сын Уильяма Кэри) с женой оставались там; но и они вскоре после приезда Джадсона покинули страну, когда бирманское правительство предложило Феликсу высокий пост (назначение, которое его отец с горечью прокомментировал: "Феликс сошел из миссионера в посланника"). Позже Феликс вернулся в Индию, чтобы работать вместе с отцом, и успешно помогал в миссионерской работе.

Через два года после прибытия из Америки Адонирам и Нэнси остались одни и начали закладывать основы собственной миссионерской работы. У них был большой миссионерский дом в Рангуне, и там они проводили по двенадцать часов в сутки, изучая трудный бирманский язык. Нэнси, общаясь каждый день с бирманскими женщинами, быстро освоила разговорный язык; а Адонирам храбро сражался с письменным языком, выражавшимся в длинных сочетаниях множества букв без знаков препинания и без заглавных букв, без разделения между словами, предложениями или абзацами.

Язык был не единственным препятствием в общении между бирманцами и Джадсонами. Они обнаружили, что у бирманцев не существует концепции вечного Бога, Который осуществляет заботу о человечестве. Их первые попытки поделиться Благой вестью привели к разочарованию:

"Вы и представить себе не можете, как невероятно сложно дать им идею истинного Бога и пути спасения через Христа, поскольку их настоящие представления о божестве такие приземленные". Религией Бирмы был буддизм, религия ритуалов и языческого поклонения: "Уже две тысячи лет как Гаутама, их последнее божество, вошло в эту стадию совершенства; и хотя он теперь прекратил свое существование, они все еще поклоняются волоску с его головы, который находится в огромной пагоде, куда бирманцы ходят каждый восьмой день".

Однако Джадсоны недолго находились в положении единственных протестантских миссионеров в Бирме. Вскоре после переезда в просторный дом миссии их уединение закончилось, потому что они приютили Джорджа и Фиби Хью с детьми. Хью, работавший печатником, приехал к ним со станком и шрифтами и вскоре начал печатать отрывки из Писаний, которые Адонирам медленно переводил. В течение двух лет миссия увеличилась еще на две семьи, но смерть, болезни и досрочные отъезды подрывали силы миссионеров.

Бирма не была вдохновляющим полем для насаждения христианства и сбора обильных плодов. Каждое семя прогресса, казалось, сначала прибывало под давлением

внешних сил к земле, прежде чем начинало пускаться корни. Иногда проявлялись признаки заинтересованности, а затем вдруг сразу исчезали, когда возникали слухи об ужесточении правительственной политики. Постоянно меняющиеся правители Рангуна испытывали терпение миссионеров, меняли свой курс, бросаясь из одной крайности в другую. Когда Джадсоны были любимцами при дворе, им разрешили свободно проповедовать Евангелие, и бирманцы активно реагировали на ослабление официального контроля; но когда их вычеркнули из списка фаворитов, они стали тише воды, все свое время занимаясь переводами в миссии.

С первых дней своей жизни в Рангуне Джадсоны испытывали неудобство от того, что миссия расположена вдали от оживленных путей. Они приехали в Бирму служить людям и хотели, чтобы люди могли легко попасть к ним. На короткое время они выбрались из миссии и жили среди шумного населения города, но в их временном жилище разразился пожар, и им пришлось вернуться в уединенный дом миссии. Но они не были довольны. Они хотели жить среди людей и общаться с ними. Как это могло стать возможным в культуре, настолько отличной от их культуры? Устройство зайята стало идеальным решением.

Зайят был домом, открытым для любого, кто хотел отдохнуть, обсудить события прошедшего дня или послушать забредших буддистских учителей, часто там останавливавшихся. Это было место отдохновения, где люди забывали о напряжении дня, и в Рангуне насчитывалось множество таких прибежищ. Джадсон был убежден, что такое строение сможет дать им возможность контактировать с людьми, но его останавливало отсутствие средств. Наконец в 1819 г., через пять лет после приезда в Бирму, он смог купить по приемлемой цене подходящий участок недалеко от миссии на дороге Пагоды, многолюдном перекрестке, где они с Нэнси начали строить свой зайят (хижина двадцать на двадцать футов с широкой верандой, все строение поднято на сваях на несколько футов над землей). Но недостаточно было просто построить его. Адонирам и Нэнси хотели, чтобы бирманцы чувствовали себя как дома, поэтому они посетили религиозный церемониал в близлежащем зайяте, чтобы ознакомиться с тем, каким образом люди сидят там и какие культурные особенности характерны для этих собраний. Они ясно понимали, что открывают не молитвенный дом в Новой Англии, но скорее типичный бирманский зайят.

Замысел оказался удачным. Сразу после открытия у них стали останавливаться посетители, которые иначе никогда бы не пришли в христианскую миссию. Хотя у Адонирама теперь оставалось мало времени на переводческую работу, он чувствовал огромный прилив сил. В мае 1819 г., всего лишь через месяц после открытия зайята, Маунг Нау исповедал свою веру в Христа на воскресном богослужении в присутствии множества бирманцев. Маленькая бирманская церковь в Рангуне медленно росла, и к лету 1820 г. в ней уже насчитывалось десять верных крещеных членов. С самого начала бирманские обращенные активно включились в благовествование: одна женщина открыла школу, молодой человек стал помощником пастора, а другие распространяли христианские брошюры. Работа шла даже после отъезда Джадсонов.

Кроме правительственных неурядиц, другим величайшим препятствием в работе в Бирме была тропическая лихорадка. И Адонирам, и Нэнси часто страдали от приступов лихорадки. Смерть была постоянной угрозой. Младенец Роджер, родившийся через год после обоснования в Рангуне, наполнял их жизнь радостью всего полгода и внезапно умер от лихорадки. В 1820 г. Джадсоны уехали из Рангуна на несколько месяцев, чтобы подлечить Нэнси в Калькутте. Затем в 1822 г. Нэнси рассталась с Адонирамом для более продолжительного лечения, уехав сначала в Англию, а потом в Соединенные Штаты.

Пока Нэнси отсутствовала, Адонирам с головой ушел в переводческую работу, менее чем за год закончив Новый Завет. Тем временем ситуация в стране изменилась драматическим образом. Доктору Джонатану Прайсу (Jonathan Price), меду-миссионеру, работавшему вместе с Адонирамом, было приказано явиться к императору, находившемуся в Аве в нескольких неделях пути вверх по реке. Поскольку Адонирам владел языком, он был вынужден сопровождать Прайса на эту важную встречу, а потому неохотно упаковал вещи для дальнего путешествия. Какое-то время миссионеры радовались доброму отношению к ним королевского двора, но в начале 1824 г. политическая ситуация в Бирме стала угрожающей. Нэнси вернулась из Соединенных Штатов и присоединилась к Адонираму в Аве; но их встреча была

короткой. Между Бирмой и Англией вспыхнула война, и всех иностранцев обвинили в шпионаже. Оба миссионера, Адонирам и Прайс, были арестованы и брошены в тюрьму для смертников, ожидая казни.

Жизнь в тюрьме смертников была ужасающей. Миссионеры содержались вместе с обычными преступниками в грязном, кишасшем паразитами, темном и сыром помещении, с колодой на ногах. По ночам клейменные лица (тюремные стражи, на лицах и груди которых было выжжено клеймо, потому что они сами являлись когда-то преступниками) подтаскивали людей за ноги к бревнам, прикрепленным к потолку, и там закрепляли их ноги так, что на земле оставались лежать только голова и плечи. К утру замученные заключенные становились немыми и глухими, но дневное время приносило им немного облегчения. Каждый день людей уводили на казнь, и заключенные никогда не знали, кто будет следующим.

Нэнси пыталась хоть как-то облегчить страдания Адонирама. Каждый день она ходила к чиновникам, объясняя им, что Адонирам, как американский гражданин, не имел никакого отношения к Британскому правительству. Иногда ее мольбы и взятки действовали, и его участь временно облегчалась, но чаще всего она чувствовала невозможность помочь мужу, томящемуся в тюрьме. Дело усложнилось, когда она обнаружила, что беременна. Единственным ярким пятном в мрачной жизни последующих месяцев было разрешение на посещения Адонирама, данное ей чиновниками и стражей, умилованными ее взятками. Затем на некоторое время ее посещения прекратились, а 15 февраля 1825 г., через восемь месяцев после ареста Адонирама, она пришла с маленьким свертком - малышкой Марией менее трех недель от роду.

На следующий день, когда британские войска вступили в Аву, заключенных внезапно вывели из тюрьмы и заставили идти дальше на север. Связанные в камерах более года, не имея там возможности двигаться, заключенные были совершенно не готовы к утомительному маршу под палящим солнцем, и некоторые не выдержали.

Опухшие ноги Адонирама вскоре покрылись ранами и сильно кровоточили. Каждый шаг причинял невыносимые страдания. Когда они переходили мост, перекинутый над высохшим ручьем между скал, на какое-то мгновение Адонирам испытал искушение перекинуться через ограждение и покончить со всем этим кошмаром раз и навсегда. Это был бы легкий выход, но он подавил соблазн и продолжал шагать, чтобы еще раз оказаться в тюрьме. Через несколько дней Нэнси, ничего заранее не зная о переводе, появилась на новом месте, в очередной раз начав ходатайствовать о муже. Но тому, что она намеревалась завершить, вскоре помешала болезнь малышки и ее собственное ослабшее здоровье. Она заболела так сильно, что не могла кормить Марию, и только сострадание стражников сохранило девочке жизнь. Они позволили Адонираму дважды в день выходить из тюрьмы и носить девочку по деревне, чтобы матери, имеющие своих новорожденных, могли покормить маленькую грудью. Мать и дитя медленно поправлялись, но никогда уже их здоровье не восстановилось полностью.

Наконец в ноябре 1825-го, почти через полтора года тюремного заключения, Адонирама освободили, чтобы использовать на мирных переговорах с британцами. Работая на переговорах, Джадсоны провели короткое время с британскими властями и впервые за два года позволили себе расслабиться. Нэнси писала своему шурину: "Никто на земле не мог быть счастливее нас в те две недели, что мы провели в английском лагере". Это стало последним коротким периодом, когда они были вместе. Они ненадолго вернулись в Рангун, а затем Нэнси осталась с Марией, а Адонирам вновь уехал, чтобы помочь завершить переговоры. Недели растянулись на месяцы, и, прежде чем он успел вернуться, он получил письмо с черной печатью. Нэнси, его дорогая подруга, умерла от лихорадки. Несколько месяцев спустя малышка Мария тоже умерла. После смерти Нэнси Адонирам решил было утопить свое горе в работе. Более года он удерживал сумасшедший темп работы в переводах и евангелизации, но его сердце больше не выдерживало. Под внешней маской спокойствия скрывалось ощущение вины и горя, которое нужно было облегчить. Он не мог простить себе, что его не было рядом с Нэнси, когда она нуждалась в нем больше всего. Он не мог избавиться от неизбывного горя, которое, казалось, росло и росло. Депрессия нарастала, а продуктивность его работы уменьшалась. Адонирам стал подолгу задумываться, избегал контактов с другими людьми. Он даже перестал обедать вместе с другими миссионерами в миссионерском доме. Наконец, через два года после смерти Нэнси,

Джадсон совсем прекратил общение с людьми и ушел в джунгли, где построил хижину и жил в полном уединении. Он зашел так далеко, что вырыл себе могилу и ожидал своего конца, занимая ум мрачными мыслями о смерти. Он погрузился в состояние духовного опустошения: "Бог для меня есть Великое Непознаваемое. Я верю в Него, но я не нашел Его".

К счастью, психический надлом Джадсона не превратился в постоянную душевную болезнь (в отличие от Дороти Кэри). Там не было психиатров, не было психоаналитиков и не было групповой терапии. Однако там была огромная любовь и беспрестанные молитвы его коллег и местных обращенных. Но что важнее всего, его вера покоилась на твердом основании, которое могло выдержать самые тяжелые времена сомнений. Он медленно выздоравливал от парализующей депрессии и обретал новую глубину духовности, что в дальнейшем намного обогатило его служение. Он начал путешествовать по Бирме, помогая другим миссионерам в их деятельности. Куда бы он ни приезжал, ответная реакция была одинаковой: вспышка заинтересованности, новые обращенные и признаки духовного возрастания. Он ощущал новый прилив интереса к Богу "по всей долготе и широте страны". Это было потрясающее чувство: "Я иногда чувствовал встревоженность, как человек, который видит мощную машину, готовую двинуться, но знает, что у него нет над ней контроля".

Каким бы привлекательным ни был такой образ жизни Джадсона, его ожидала еще более важная работа - завершение бирманской Библии. На нее потребовалось бы гораздо больше времени, чем минутка здесь, часочек там; этой работе необходимо было отдаться полностью, а это значило просидеть за столом два долгих года, придерживаясь скорости перевода по двадцать пять или тридцать стихов Ветхого Завета каждый день с оригинального древнееврейского на бирманский - два невероятно сложных языка. Джадсон выполнил свою задачу, завершив начальный перевод, но еще предстояли годы менее напряженной проверочной работы. И только в 1840 г., через четырнадцать лет после смерти Нэнси, он отослал издателю последнюю страницу своей бирманской Библии.

Тем временем Джадсон стал уделять свое время и внимание не только проверочной работе. В 1834 г., в возрасте сорока шести лет он женился на Саре Бордман (Sarah Boardman), тридцатилетней вдове, которая самоотверженно осталась на миссионерской работе после смерти мужа, который умер за три года до того. Они хорошо подходили друг другу, но свою миссионерскую деятельность Саре пришлось сократить, когда их семья увеличилась. В течение десяти лет совместной жизни она родила восьмерых детей. Но напряжение было слишком велико. В 1845 г., после рождения последнего ребенка, по дороге в Соединенные Штаты для лечения она умерла.

Сару сопровождали Джадсон и трое из их детей, и трагедия, случившаяся с ними, помешала радостной встрече с семьей и друзьями. Прошло уже тридцать три года с тех пор, как Джадсон покинул родину. Там произошли значительные перемены. Большое впечатление на него произвели крупные города и морские порты, возникшие из сельских городков и рыбных верфей, и теперь земля его детства исчезла навсегда. Он с трудом узнавал прежде хорошо знакомую сельскую местность Новой Англии. Но не только изменения, происшедшие за тридцать три года прогресса, помешали ему спокойно вернуться к воспоминаниям детства, чтобы утихомирить острую боль. Он вдруг обнаружил, что знаменит. Казалось, каждый хотел видеть и слышать человека, чье имя постоянно повторялось в домашних беседах и чья миссионерская работа стала легендой. И хотя Джадсон чурался славы и популярности, он, тем не менее, удовлетворил своих поклонников и сторонников и начал утомительный круг посещений, встреч и речей. Однако люди разочаровались в своем герое. Они хотели слышать волнующие истории об экзотических народах и обычаях, а он проповедовал Евангелие, которое они слышали и раньше.

Во время путешествия Джадсона представили Эмили Чабок (Emily Chubock), молодой писательнице, автору популярных литературных произведений, писавшей под псевдонимом Фанни Форрестер (Fanny Forrester). Джадсон был восхищен ее живым писательским стилем и в то же время поражен тем, что такой выдающийся талант верующей христианки (к тому же баптистки) тратился впустую на светскую литературу. Он предложил Эмили написать биографию Сары, и она с энтузиазмом приняла эту идею. Их дружба быстро окрепла, и в январе 1846 г. он сделал ей предложение - менее чем через месяц после знакомства.

Решение жениться на Эмили далось ему трудно. Она думала о перспективах миссионерской работы, и не было никаких оснований полагать, что она не сможет стать верной женой Джадсону и ценным помощником в его миссионерских трудах в Бирме. Но Джадсон был святым, перед которым преклонялась вся Америка, и на него, как такового, возлагались большие надежды. Жениться на светской писательнице, которой чуть больше двадцати, которая вдвое младше его, казалось безрассудным шагом в глазах американской общественности. Но шквал критики сделал их решимость еще более твердой, и в июне 1846-го они поженились.

В следующем месяце они отплывали в Бирму, оставив троих детей (которые так больше и не увидят своего отца) на попечение двух разных семей. В Бирме их ожидали еще трое детей, которые никогда не увидят маму, вырастившую их с раннего детства. Сага о Джадсоне, как и истории о многих и многих миссионерах - это рассказ о тех травмах, что наносит миссионерская работа семье: плачущие дети, прильнувшие к своим родителям, никогда не понимающие, почему их отрывают от единственной любви и опоры, которую они когда-либо знали. Тем не менее дети вынесли все невзгоды. Из пятерых детей Джадсона от Сары, достигших зрелого возраста, двое стали священниками, один - врачом, другая - директором академии, и еще один доблестно служил в армии Соединенных Штатов, пока на войне не стал инвалидом.

В ноябре 1846 г. Джадсон и его новая жена прибыли в Бирму. Эмили хорошо перенесла морское путешествие и была готова заступить на место Сары насколько могла. Она стала матерью для малышей Джадсона (выжили только двое) и с энтузиазмом взялась за изучение языка и миссионерскую работу, никогда не пренебрегая своим писательским талантом. Из-под ее пера выходили наглядные иллюстрации неприкрашенных будней миссионерской жизни. Ее беспокоили "тысячи и тысячи летучих мышей", но большинство других маленьких живностей она воспринимала достаточно легко: "Мы благословлены полным набором тараканов, жуков, ящериц, крыс, муравьев, комаров и клопов. Все деревянные изделия полны клопами, а муравьи маршируют по всему дому огромными армиями... Пока я писала, по крайней мере двадцать штук переползли мой лист бумаги. Только один таракан посетил меня, но невнимание этого джентльмена полностью компенсируется посещением целой компании черных жуков, размером с ноготок вашего мизинца - безымянных искателей приключений".

Адонирам и Эмили вместе прослужили в Бирме три года. Рождение девочки принесло им большое счастье, но очень часто их жизнь была омрачена болезнями. Весной 1850 г., когда Эмили ждала второго ребенка, Адонирам, заболевший всерьез, отправился в морское путешествие, надеясь, что оно поможет ему выздороветь. Менее чем через неделю он умер и был погребен в море. Десять дней спустя Эмили родила мертвого ребенка, но услышала о смерти мужа только в августе. В январе следующего года она вместе с маленькой Эмили и двумя маленькими сыновьями Джадсона отправилась в Бостон, чтобы устроить детей в Соединенных Штатах; но ее собственное здоровье уже было разрушено, и три года спустя она умерла в возрасте тридцати шести лет.

Джордж и Сара Бордман

Сара и Джордж Бордман прибыли в Бирму из Соединенных Штатов в конце англо-бирманской войны, вскоре после смерти Нэнси Джадсон. Они знали обо всех опасностях, поджидавших их на этой земле. Их озабоченность судьбами бирманской миссии и последовавший брак были определены безвременной кончиной Джеймса Коулмана (James Coleman), одного из миссионеров, коллег Джадсона. Джордж Бордман, выпускник колледжа Колби, был так тронут этой жертвой, что поступил в Андоверскую семинарию, желая подготовиться к миссионерскому служению. Сара Холл, серьезный подросток и самая старшая из тринадцати детей, также глубоко переживала эту трагедию. Она решила написать поэму о Коулмане - строки, которым суждено было изменить ее судьбу. Поэма, опубликованная в религиозном журнале, возбудила интерес Бордмана, на которого сильное впечатление произвела искренность ее автора. Он не успокоился, пока не нашел ее, и через несколько месяцев знакомства они объявили о помолвке.

Бордманы стали известны своим служением среди каренов, горного племени, на которых многие бирманцы смотрели свысока. Вскоре после приезда в Бирму они

оставили уютную миссию Моулмейн (Moulmein), чтобы переехать в Тавой (Tavoy) для работы с каренами. Они были первыми, пришедшими в это племя. С собой они привезли Ко Та Бью, преступника, который, по собственному признанию, совершил около тридцати убийств до своего обращения. Ко Та Бью, урожденный карен, являл собой яркое и живое свидетельство обращения и три года сопровождал Бордманов в их переездах из одной горной деревушки в другую. Это было плодотворное служение, но здоровье Джорджа Бордмана медленно ухудшалось. Он умер в 1831 г., пробыв в Бирме менее пяти лет. В отличие от Джадсона, который прослужил несколько лет, прежде чем увидеть своего первого обращенного, Бордман имел счастье видеть многих приходящих ко Христу. В течение последних двух месяцев его жизни пятьдесят семь каренов были крещены; только церковь в Тавое насчитывала семьдесят членов.

После смерти мужа у Сары возникло искушение вернуться в Соединенные Штаты с маленьким Джорджем, двухлетним сыном; но по настоянию Джадсона она решила продолжать работу. Он организовал школу для женщин и боялся, что с ее отъездом работа там заглохнет. В течение трех лет она оставалась с каренами, все свое время посвящая учительству и продолжая маршруты своего мужа в горные деревушки вместе с маленьким сыном, которого карены с любовью называли "маленьким вождем".

В 1834 г. Адонирам Джадсон приехал в Тавой навестить Сару, и во время его затянувшегося визита они поженились. На следующий год шестилетний "маленький вождь" был отправлен в Соединенные Штаты, чтобы получить хорошее образование. Для маленького человека это стало травмирующим событием, в связи с чем Сара писала, что он "проявил такую нежность и чувствительность, которая особенно не характеризовала его в контактах с чужими людьми". Малыш больше никогда не видел своей матери. Пустота в жизни Сары вскоре была заполнена новыми детьми, и она много времени уделяла материнским заботам; но никогда полностью не отстранялась от служения бирманцам. В дополнение к преподаванию в школе для женщин она эффективно использовала знание языка. Она писала гимны и программный библейский материал на бирманском языке, переводила некоторые другие вещи, включая частично "Путешествие Пилигрима", над которым работала в момент своей смерти. ["Путешествие Пилигрима", Бенъян, Джон. На русском языке выпущен изд-вом "Свет на Востоке", 1991 г - Примеч пер]

Брак Сары с Джадсоном не означал конца евангелических трудов для каренов. Ко Та Бью стал пламенным евангелистом и зачинателем массового движения племени к христианству. Приезжали другие миссионеры, чтобы служить каренам и переводить Писания, и к 1850-м гг. у этого народа было более десяти тысяч членов церкви. Недавние исследования показали, что среди каренов имеется около ста тысяч крещеных верующих.

Генри Мартин

Невозможность сотрудничества с Ост-Индской компанией для Адонирама и Нэнси Джадсон, заставившее их обратить свои взоры к Бирме, можно рассматривать как провидение. Благодаря им и Бордманам, и другие миссионеры стали служить там, где когда-то враждебная страна открыла свои двери для проповеди Евангелия. Но тем временем миссионеры продолжали прибывать и в Индию. Хотя Ост-Индская компания настойчиво и упрямо сопротивлялась служению миссионеров в стране, Баптистское, Церковное и Лондонское миссионерские общества сумели поладить с досадными правилами этой компании и послать дополнительных добровольцев, чтобы поддержать миссионерскую работу в Индии. Одним из вариантов получить возможность остаться в Индии в качестве посланника благовестил с минимумом неприятностей являлся приезд капелланом Ост-Индской компании. Самым известным из таких капелланов был Генри Мартин, прибывший в Индию в 1806 г. и в течение короткого времени ставший одним из величайших переводчиков Библии в Центральной Азии.

Мартин родился в Корнуолле, Англия, в 1781 г. Его отец был торговцем, хорошо обеспечившим своего одаренного ребенка. Мартин учился с удовольствием и после школы поступил в Кембридж, который закончил с высшим отличием по математике. В юности он отвернулся от Бога, но сочетание определенных факторов заставило его вновь обратиться к духовным ценностям. Смерть отца, молитвы его сестры, совет праведного священника и чтение трудов Дейвида Брейнерда - все это вместе привело

его к подчинению воле Бога, и только тогда он начал размышлять о зарубежных миссиях. Жертвенный пример Дейвида Брейнерда и усилия Уильяма Кэри, миссионера-первооткрывателя в Индии, были мощным источником вдохновения. Скоро зарубежные миссии стали единственной целью Мартина.

Как и его герой, Дейвид Брейнерд, Мартин ежедневно проводил долгие часы в молитвах и размышлениях: "Я думал о Дейвиде Брейнерде и страстно желал такой же преданности Богу для себя. Я чувствовал, как мое сердце привязано к этому дорогому человеку. Я стремился быть таким, как он. Боже, дай мне забыть о мире и иметь только одно желание прославлять Тебя". Намереваясь прославить Бога, Мартин начал практиковать самоотречение, что включало поглощение завтрака и чтение, "стоя на расстоянии от огня... хотя термометр показывал точку замерзания".

Цelibат был другим аспектом его самоотречения. Он был благодарен за то, что "избавился от всех желаний комфорта семейной жизни", предпочтя "одинокую жизнь, в которой намного больше возможностей для божественного настроения ума". Но все это происходило до того, как он безнадежно влюбился в Лидию, невестку своего двоюродного брата на шесть лет старше себя. Это была "языческая привязанность", которая более всего другого отвлекала его от единственной цели - евангелизации язычников: "...я чувствовал слишком ясно, что страстно люблю ее. Прямое противопоставление этого чувства моей преданности Богу в миссионерской работе не привело ни к малейшему просветлению моего разума". Лидия покорила его сердце. Он не мог не думать об этой девушке, часто просыпаясь по ночам "с мыслями о ней".

Мартин оказался не первым (или не последним) молодым человеком, чьи мысли о миссионерской работе были отвлечены любовным романом; но, хотя Лидия и занимала его мысли, он не отказался от своего духовного призвания. Он был убежден, что сможет более эффективно служить Богу не обремененный браком, да и вряд ли Лидия согласилась бы сопровождать его в чужую страну. Он провел большую часть года, планируя отплыть в Индию и все время страдая от любви к Лидии, но утверждая, что "весело решил исполнить волю Божию и воздержаться от вкушения земных радостей" брака.

Весной 1805 г. Мартин был рукоположен в сан англиканского священника. Через месяц последовало назначение капелланом в Ост-Индскую компанию, а летом 1805 г. Генри попрощался с Лидией и отплыл в Индию. Приехав туда, он встретил Уильяма Кэри и других миссионеров Серампура. Способности его были немедленно признаны, и ему оказали поддержку в стремлении выполнить перевод Библии. Его главной обязанностью капеллана являлась забота о чиновниках Ост-Индской компании и их семьях; но его сердце принадлежало миссионерской деятельности, и он был в восторге от возможности сделать Новый Завет доступным для миллионов людей. В течение четырех лет он служил в военных гарнизонах, проповедуя и европейцам, и индийцам, организовывая школы и в то же время переводя Новый Завет на хиндустани, персидский и арабский языки. Но нестерпимая жара центральной Индии подорвала его уже хрупкое здоровье. В 1810 г., когда его перевод Нового Завета на хиндустани был готов для издателя, он отправился в морское путешествие в Персию, надеясь укрепить здоровье и в то же время проверить персидский и арабский переводы.

Здоровье Мартина действительно на какое-то время улучшилось, и он смог усовершенствовать свой перевод с помощью одного из самых больших специалистов и ученых в Персии, но к 1812 г. его физическое состояние опять ухудшилось. Путешествие в Англию сушей казалось единственно правильным решением для него, и, кроме того, появлялась возможность возобновить отношения с Лидией. Хотя она отвергла его приглашение приехать в Индию и выйти за него замуж, он все же стремился увидеть ее и сказать ей с глазу на глаз то, о чем говорил в письмах в течение последних шести лет. Но такой возможности ему не представилось. Он умер в Малой Азии осенью 1812 г. в возрасте тридцати одного года. Когда он впервые приехал в Индию, он написал в своем письме: "...дай мне сгореть во славу Твою, Господи". Так он и сгорел.

Александр Дафф

Одним из миссионеров-новаторов, также служивших в Индии, был Александр Дафф (Duff), приехавший в Калькутту вместе с женой в 1830 г. На Даффа произвели

неприятное впечатление некоторые доклады о состоянии дел в миссионерском служении в Индии, в которых утверждалось, что благовествование в Индии является бессмысленной затеей. Критики говорили о нескольких обращенных, в основном из отверженных, чья жизнь затем становилась полностью зависящей от миссий и они сами в дальнейшем не могли оказать никакого влияния на своих соотечественников. Но если отчеты были завышены пессимистическими, также верным оказалось то, что не предпринималось никаких согласованных действий, чтобы зажечь христианским благовестием сердца высших классов индийского общества. Дафф был настроен своим миссионерским служением изменить эту ситуацию

Дафф родился и вырос в Шотландии и получил образование в университете Святого Андрея. Евангельское пробуждение, которое в 1820-е гг. всколыхнуло Шотландию, также заставило вспыхнуть сердце этого молодого университетского студента. В возрасте двадцати трех лет он стал первым зарубежным миссионером церкви Шотландии. Миссионерская карьера Даффа началась со зловещего происшествия. По пути в Индию он пережил два кораблекрушения и во время одного из них потерял всю свою библиотеку - сокрушительный удар для такого ученого и образованного человека, каковым был Дафф.

Приехав в Индию, Дафф немедленно приступил к осуществлению своего плана привлечения к христианским ценностям высших классов индийского общества средствами образования. Его концепцией было обучение на английском языке западному искусству и наукам индийской образованной элиты, заинтересованной в западных идеях и образовании. В план занятий включалось также изучение Библии, и Дафф был убежден, что при помощи этого метода христианство будет твердо посажено в почву Индии. Критиковали Даффа многие - как миссионеры, так и педагоги Индии, - но у него имелись два мощных союзника: высоко уважаемый Уильям Кэри и Рама Мохум Рой, образованный и либерально настроенный брахман. Рой был популярным реформатором, имевшим много последователей, и в основном именно его влияние проложило путь Даффу. Рой гордился своей открытостью для нововведений и не противился изучению Библии, включенному в учебные планы Даффа. Он прочитал Библию, не став, однако, христианином, и настраивал студентов Даффа на изучение Писаний, чтобы иметь возможность судить самим.

Через несколько месяцев после приезда в Индию Дафф открыл свою школу. Он начал с пяти студентов, собиравшихся под деревом, но слух о новой школе распространился, как пожар, и к концу недели в школе уже было более трехсот человек, желавших учиться. Школа принесла ему шумный успех в его попытке посеять западное образование и, возможно, несколько менее в посеве Евангелия. За три года работы школы Дафф крестил четырех обращенных - слишком мало для размеров его школы. Но новости даже об этом малом количестве обращенных создали такие волнения, что студенты покинули школу. На какое-то время вся работа Даффа была поставлена под угрозу. Студенты стали медленно возвращаться, и все же к концу первого десятка лет в Индии студентов в школе насчитывалось всего восемьсот человек. Позже он открыл школу для девушек из высшей касты, к чему тоже был проявлен большой интерес.

Школу Даффа критиковали главным образом за то, что огромное большинство студентов приходили туда лишь для получения светского образования, и только тридцать три человека из тысяч студентов обратились за время жизни Даффа. Однако следует помнить, что большинство из этих тридцати трех молодых людей происходили из очень влиятельных семей и впоследствии стали весьма влиятельными христианами. Некоторые из них служили миссионерами и священниками, а другие стали выдающимися христианскими лидерами из мирян.

Дафф был непреклонным, трезвым пресвитерианином без чувства юмора, который добился столь монументальных достижений, жертвуя интересами собственной семьи. Работа была для него жизнью, и его семья не осмеливалась вмешиваться в его дела. В 1839 г. он с женой приехал в Индию после своего первого отпуска, оставив четверых маленьких детей (включая новорожденного мальчика) на попечение одной женщины. Родители не возвращались на родину вплоть до 1850 г., когда тому малышу исполнилось одиннадцать лет. К сожалению, воспоминания маленького мальчика об их возвращении домой не были радостными. Не теряя времени на занятия с сыном по катехизису, Дафф, который явно не задумывался о том, чтобы хоть как-то одобрить

ребенка, начал упрекать его, говоря: "Мальчики-язычники в моей школе в Калькутте знают о Библии больше, чем ты".

Молодой Дафф позже описывал своего отца как человека, не имевшего "ни остроумия, ни юмора и еще менее способности весело радоваться". Он был обижен отчужденностью и равнодушием своего отца, и его собственные воспоминания об отъезде родителей в Индию в 1855 г., когда он был подростком, определенно подтверждают это: "...хорошо помню, как сердце моей матери и мое собственное разрывалось от горя расставания и как на Лондонском мосту мой отец купил утреннюю "Тайме" и оставил нас выплакивать наши слезы во взаимной печали... Так мы расстались... более печальной разлуки матери с сыном никогда не было. Отец зарылся в "Тайме"... и расстался со своим сыном без какого бы то ни было сожаления".

Если Дафф не состоялся как отец, он определенно преуспел как миссионерский деятель международного масштаба. Во время своего второго отпуска он объехал Англию, Ирландию, Шотландию, Уэльс и Соединенные Штаты. Повсюду его принимали, оказывая высокие почести. В Соединенных Штатах он много проповедовал и имел частную встречу с Президентом. Даффа описывали, как "самого красноречивого миссионера-оратора" своего времени, и его влияние на зарубежные миссии было колоссальным. Через его влияние сотни людей стали добровольцами, готовыми служить в зарубежных миссиях, и десятки тысяч других людей финансировали эту работу. Его концепция соединения обучения и проповеди была взята на вооружение другими миссионерскими организациями по всему миру, несмотря на полемику, часто возникавшую по этому вопросу.

В то время как Даффа приветствовали за новаторство в деле евангелизации элиты, другие христианские служители продолжали работать с отбросами общества - неприкасаемыми и членами низших каст. В 1865 г. доктор Джон Клоу (John Clough) и его жена из Американской баптистской миссии начали свою работу в миссии Лоун Стар в Ангуле, Индия, где вскоре стали свидетелями огромной волны пробуждения среди отверженных. Массовое движение к христианству продолжалось, и однажды летом 1878 г. Клоу крестил более двух тысяч верующих. В течение века с того времени более миллиона отверженных исповедовали свою веру в Христа. Так, либо через интеллектуальную рассудочность, либо через равноправную любовь, Евангелие распространялось в Индии. И в некоторых областях, и в некоторых сердцах оно пустило глубокие корни.

Глава 6. Черная Африка: "кладбище белого человека"

Черная Африка, на протяжении многих веков известная как "кладбище белого человека", забрала жизней протестантских миссионеров больше, чем любой другой регион мира. Благовествование было дорогостоящей затеей, но вложения приносили богатые плоды. Хотя протестантские миссии в черной Африке организовались позже, чем в Азии, это "миссионерское поле" стало одним из самых плодородных участков в мире. Подсчитано, что к концу XX в. пятьдесят процентов населения этого региона (Африка на юг от Сахары) будут исповедовать христианство. Однако этот рост в большей степени произошел в XX в. В XIX в. церковь росла болезненно медленно, но именно пионеры XIX в. рисковали всем, чтобы открыть путь для христианства в Африке. Современные протестантские миссии в Африке начались в XVIII в. с миссионерской деятельности моравских братьев в Капской колонии (см. гл. 3). К концу того века Лондонское миссионерское общество послало первых добровольцев в Южную Африку. Его представитель Роберт Моффат начал работу внутри континента; большинство же миссионеров оставались в более здоровой обстановке к югу от Оранжевой реки и в районе побережья. В прорыве протестантских миссий евангелисты активно двигались с юга на север, и к середине XIX в. баптисты, англикане и пресвитериане - все твердо обосновались на западном побережье. За этим вскоре последовало устройство постоянных миссионерских станций на восточном берегу, и к концу века почти вся черная Африка была открыта для миссионеров.

Несмотря на огромные жертвы, африканские миссии подвергались жесткой критике, в частности, в отношении связи миссионеров с колониализмом и их пособничеством в

экспорте европейской цивилизации. Философия Моффата, выражавшаяся фразой "Библия и плуг", была дополнена философией Ливингстона "Коммерция и христианство". Даже Мэри Слессор (Mary Slessor) настаивала на необходимости развития торговли, чтобы поднять уровень жизни африканцев и сделать людей более соответствующими христианским этическим стандартам. Будущее христианства в Африке, в глазах миссионеров, зависело от уровня европейского влияния и развития торговли, и лишь немногие из них противились давно пришедшему с огнем империализму, лежащему в основе этой концепции. Тем не менее столь строгое критическое отношение к миссионерам нельзя оправдать полностью. Принимая утверждение, что они были неотъемлемой частью колониализма, все же неправильно идентифицировать европейскую цивилизацию с христианской вестью. Именно миссионеры, более чем какие-либо другие внешние силы, боролись против зла колониализма и империализма, пришедших на черный континент. Они вели долгую и трудную борьбу (иногда физическую) против гнусной торговли живым товаром. И после прекращения торговли рабами они подняли свои голоса против других преступлений, включая кровавую политику, которой придерживался король Леопольд, стремясь добывать каучук в Конго. Огромное большинство миссионеров были сторонниками интересов африканцев, их борьба за расовую справедливость часто приводила к тому, что европейские братья начинали их презирать. И действительно, не будет преувеличением сказать, что без доброй совести христианских миссий многие из преступлений колониализма прошли бы совершенно незамеченными.

Величайшим недостатком миссионеров тех лет было то, что они несли африканцам империалистическую и колониальную политику. В последние годы стало модным оглядываться на миссионеров XIX в. (в частности, тех, кто служил в Африке) как на расистов. В какой-то степени они действительно были расистами (по стандартам XX в.), но, что более важно, они никогда не достигали той высокой степени расизма, которая царил в то время. Интеллектуалы высшего общества XIX в. смотрели на черных африканцев как на существ низшего порядка - на много ступеней эволюционного развития ниже, чем белый человек. С другой стороны, над миссионерами насмехались в научных журналах за их мелкое мышление по отношению к расовым различиям. Многие образованные англичане соглашались с Мэри Кингсли (Mary Kingsley), чей отчет о путешествии по Африке имел широкое хождение, и в котором она критиковала миссионеров за их "неспособность видеть африканца не иначе, как Человека и Брата", равно как и за их веру в "духовное равенство всех цветов в христианстве".

Если миссионеры XIX в. часто считались истинными расистами, то только потому, что они рассматривали африканцев (или любые другие нехристианские народы) как людей, деградировавших из-за отсутствия в их жизни христианского морального учения. Вполне характерными на этот счет являются взгляды Генри Драмонта (Henry Drummond). Он описывал африканцев как "наполовину животных, наполовину детей, совершенно диких и совершенных язычников", но тут же смягчал свое острое расистское определение заключением, что "они являются тем, чем были когда-то мы сами".

Возможно, наибольшая критика африканских миссий звучала со стороны социальных ученых и антропологов, которые обвинили христианские миссии в том, что те позволили хаосу обрушиться на африканскую культуру. Верно, что миссионеры XIX в. (и даже XX) часто недопонимали ценности и особенности незнакомой культуры и не могли сочетать христианство с обычаями примитивных обществ. Но нужно помнить, что большая часть африканской культуры была нездоровой и в огромной степени нуждалась в существенной хирургической операции... Африканцы уничтожали самих себя с ужасающей скоростью посредством межплеменных войн, через со временем возникшие традиции охоты за головами, убийством близнецов, человеческими жертвоприношениями, каннибализмом и колдовством. Попытки миссионеров искоренить эти страшные традиции помогли сохранить наиболее ценный культурный слой Африки - самих людей, и только сохранив людей, Африка смогла стать великим оплотом христианства, каковым она является на сей день.

Протестантские миссии в Африке начались в Капской колонии со служения моравских братьев в XVIII в. К началу XIX в. миссионеры начали работу в трех областях: на западном побережье, начиная со Сьерра-Леоне, на восточном берегу, начиная с Эфиопии и Кении, и на юге, где они основали миссионерскую базу в Кейптауне.

Роберт и Мэри Моффат

Роберт Моффат был патриархом африканских миссий, человеком, оказывавшим глубокое влияние на эту часть мира больше чем полвека. Однако еще при жизни его основательно затмил знаменитый зять, и его часто называли "тестем Дейвида Ливингстона". Моффат из них двоих, тем не менее, был намного более выдающимся миссионером. Он был евангелистом, переводчиком, педагогом, дипломатом, исследователем и успешно сочетал все эти роли, став одним из величайших миссионеров Африки.

Он родился в Шотландии в 1795 г., вырос в скромных условиях, что позволило ему получить очень ограниченное образование и фактически никакой библейской подготовки. Его родители были пресвитерианами, с большой любовью относились к миссионерскому труду, и в холодные зимние вечера его мать собирала вокруг себя детей, чтобы почитать вслух истории о миссионерах-героях. Но Моффат не был склонен к духовным вещам. На какое-то время он "убежал в море", а в возрасте четырнадцати лет стал учеником садовника, научившись мастерству, которое пронес через всю жизнь. В семнадцать лет Моффат переехал в Чешир, Англия, чтобы начать карьеру садовника. Именно здесь в 1814 г. он примкнул к маленькой общине методистов, которые собирались в фермерском доме неподалеку. Эта ассоциация согрела его сердце подобно тому, как сердце Уэсли "ощутило странное тепло" почти сто лет назад на улице Алдерсгейт, и это новое переживание дало ему гармоничное сочетание шотландского кальвинизма и методистского энтузиазма. На следующий год, услышав сообщение о нуждах миссионерского движения, прочитанное преподобным Уильямом Роби (William Roby), директором Лондонского миссионерского общества, Моффат обратился в этот Совет с просьбой найти ему работу миссионерского служителя. Несмотря на то что он получил рекомендацию Роби, общество ответило, что они не могут "принимать всех, кто предлагает свои услуги для миссионерской работы", но "обязаны отбирать тех, кто отвечает всем необходимым требованиям". Моффат, на их взгляд, в эту категорию явно не входил. Ему отказали.

Неудача никак не обескуражила Моффата. Он нашел новое место садовника рядом с домом Роби и начал изучать с ним богословие частным образом. Через год Моффат опять обратился в ЛМО, и на этот раз его приняли. ЛМО, основанное в 1795 г., в год рождения Моффата, являлось межконфессиональным евангелическим миссионерским советом. За прошедшие двадцать лет оно постоянно росло и имело миссионеров, обосновавшихся во всех частях света. Моффат был послан в Южную Африку с четырьмя другими миссионерами-новичками, и после восьмидесяти пяти дней морского путешествия они прибыли в Кейптаун. Так началась их миссионерская карьера.

Моффат надеялся начать свою жизнь миссионера женатым человеком. В последний год работы садовником в Англии он заинтересовался дочерью своего хозяина, Мэри Смит, которую считал девушкой с "теплым миссионерским сердцем". Хотя сам Смит положительно относился к миссионерству Моффата, он не горел большим желанием послать единственную дочь в далекую и чуждую страну. Итак, Моффат отправился в Африку один, прождав более трех лет, прежде чем родители Мэри неохотно согласились отпустить к нему свою двадцатичетырехлетнюю дочь.

Тем временем Моффат ознакомился с трудностями миссионерской работы и африканской культурой. Его беспокоили сильные предубеждения против миссионеров как со стороны англичан, так и со стороны датских колонистов. Он терял терпение, когда по этой самой причине правительственные чиновники вставляли на пути евангелизации миссионерами глубинных районов страны. Но если правительственная политика его только тревожила, то аморальность людей и разногласия между самими миссионерами его просто потрясли. В письме секретарю ЛМО в Лондон Моффат жаловался на то, что "...никогда раньше не было такого периода, когда команда миссионеров находилась бы в таком плачевном, печальном и (стыдно сказать) деградированном состоянии".

В то время как в ЛМО существовали некоторые проблемы (включая моральные недостатки), касающиеся определенной части миссионеров в Капской колонии, было много и таких людей, кто служил очень достойно. Первым миссионером в Южную Африку отправился Джон Т. Вандеркемп (John T. Vanderkemp), врач из Голландии. Хотя он был сыном пастора голландской реформатской церкви, хорошо образованный

молодой Вандеркемп оставался религиозным скептиком до трагической гибели своей жены и дочери во время лодочной прогулки. Трагедия произошла на его глазах, что перевернуло его жизнь и привело к Христу. Вандеркемп прибыл в Капскую колонию в 1799 г., когда ему было уже за пятьдесят. Он работал в основном среди готтентотов, где, несмотря на многие трудности и разочарования, он крестил сотни обращенных. Его сильно огорчала торговля рабами, которую он наблюдал практически каждый день, и он тратил тысячи долларов, освобождая рабов, среди которых оказалась семнадцатилетняя девушка, Малагази, на которой он женился в возрасте шестидесяти - поступок, вызвавший горячее неодобрение среди колонистов, равно как и среди миссионеров. Вандеркемп умер в 1811 г., всего через двенадцать лет миссионерской службы, но он уже тогда был признан одним из пионеров ЛМО, внесших великий вклад в общее дело. Если бы Моффат пригляделся внимательнее, он увидел бы много верных, усердно трудившихся миссионеров, но, к сожалению, неверные люди (как обычно бывает) больше бросались в глаза.

После нескольких месяцев отсрочек Моффат и одна семейная пара получили разрешение посетить блеклые и сухие регионы Намакваленда в сотнях миль к северу от Кейптауна. Именно здесь Моффат впервые встретил Африканера, страшного вождя готтентотов, которого только что приручил голландский миссионер, покинувший территорию после приезда Моффата. Моффат провел почти два года в лагере Африканера, а затем пригласил его поехать в Кейптаун, чтобы белые колонисты могли сами увидеть потрясающие изменения, произведенные христианской верой в этом отверженном, который имел репутацию разбойника, производящего регулярные набеги на фермы колонистов. Такая тактика сработала. Где бы ни появлялся Моффат, его спутник производил на людей огромное впечатление, и звезда Моффата, как деятеля миссионерского движения, стала быстро восходить.

Демонстрация Африканера не была единственной причиной возвращения в Кейптаун. В декабре 1819 г. из Англии прибыла Мэри Смит, и через три недели они поженились. С самого начала это был счастливый союз, и таковым он оставался пятьдесят три года. Свой медовый месяц молодые провели в повозке в поездке, растянувшейся на шестьсот миль на северо-восток, в район Курумана. Поездка оказалась не очень романтической. На их пути были пустыни, густые леса, им приходилось переходить болота, трясины и бурные реки, что заставило их благодарить небо за то, что они едут не одни. Во все время их путешествия с ними был одинокий миссионер.

Куруман в глазах Моффата сразу стал местом, наиболее подходящим для будущей миссионерской станции. Он надеялся, что Африканер и его люди также смогут туда переехать, но, к сожалению, Африканер умер до того, как этот переезд мог осуществиться. Миссионерский поселок расположился в устье реки Куруман, питаемой подземным источником, выбрасывавшим кристально чистую холодную воду. Как садовник, Моффат мог заранее представлять пышные фруктовые сады и огороды, орошаемые каналами, ухоженные заботливыми трудолюбивыми руками. Христианство и цивилизация могли развиваться рука об руку. Его мечты витали высоко, и постепенно, после многих лет трудов, Куруман действительно стал образцовой базой.

Первые годы Моффата в Курумане были наполнены трудностями. Они жили в примитивных условиях, их первым жилищем стала глиняная хижина, а кухня находилась отдельно от дома. Хотя Мэри не была приучена к тяжелой физической домашней работе, она удивительно быстро приспособилась к африканской жизни. Она стирала белье вручную в реке и готовила на открытом огне. Она смогла перебороть отвращение, моя полы коровьим навозом и даже советовала это делать другим: "Он лучше всего убирает пыль и убивает мошкату, которая иначе бы размножилась в изобилии".

Самой большой трудностью в Курумане было служение. Не все бечуаны, с которыми работал Моффат, были восприимчивы к Благой вести. Среди них имели широкое распространение племенные суеверия, и когда член племени, отвечающий за то, чтобы своевременно пролился дождь, не мог предотвратить длительной засухи, в неудаче обвиняли Моффата. В народе обычным делом считалось воровство, и дом Моффата обворовывался множество раз. "Наши труды, - писал Моффат, - можно сравнить с попыткой... землепашца превратить поверхность гранитной скалы в плодородную землю..."

Однако время шло, и уважение к Моффату среди бечуанов росло. В 1823 г., всего через несколько лет работы миссионеров в Курумани, ситуация в регионе стала меняться. Волны кочевых племен начали заполнять засушливые районы, что являло угрозой существованию всего племени бечуанов. Именно в это время Моффат применил свой дипломатический талант и посредством компромиссов и военных соглашений с другим племенем сумел отвести надвигающееся уничтожение племени бечуанов. Моффат стал своеобразным штатским генералом и в этом качестве выехал на встречу с врагом. Хотя его усилия по сохранению мира потерпели поражение и вслед за этим последовала жестокая битва, однако нападающее враждебное племя было существенно ослаблено и отступило.

С этого момента Моффат стал в Курумани признанным лидером и пользовался всеобщим уважением. К сожалению, этому мало сопутствовал евангелический успех. Обращенных было всего несколько человек. Одной из тяжелых проблем явилась, как и для всех миссионеров, полигамия. К какому решению должен был прийти вновь обращенный, принимая новую веру, но уже имея множество жен? В этой ситуации не существует простого и легкого ответа и, соответственно, членство в церкви оставалось маленьким. Ситуация казалась обескураживающей, и Мэри в особенности имела склонность падать духом: "Неужели мы так и будем видеть и радоваться лишь самым малым плодам среди всех этих лишений и трудов, которые мы переносим; но как бы то ни было, наши руки часто опускаются в отчаянии".

Возможно, главной причиной медленного успеха в принятии христианства среди бечуанов было простое отсутствие взаимопонимания между ними и Моффатом в духовных областях. Моффат мало интересовался религиозными традициями бечуанов. Он стремился евангелизировать их, находясь под ложным впечатлением, что племя не имеет концепции Бога или "слова Божьего" на своем языке. Но еще большим недостатком его служения была неспособность выучить их язык. В течение нескольких лет его единственным способом общения оставался капско-голландский язык торговцев, который понимался частью бечуанов на уровне примитивного общения, но вряд ли был приемлем для изложения ясной картины Евангелия. Моффат потратил годы драгоценного времени, пытаясь пойти более коротким путем, но в конце концов понял, что единственно верным решением для передачи Благой вести станет изучение языка бечуанов, каким бы сложным он ни был. Он настолько уверился в необходимости этого, что в 1827 г. оставил Мэри с малышами, покинул свой любимый сад и ушел с несколькими местными жителями в лес, где почти на три месяца окунулся в изучение языка.

Возвратившись из своего добровольного заточения, Моффат был готов начать перевод Библии. Эта работа продвигалась очень медленно, на ее выполнение у него ушло двадцать девять лет. Начав с Евангелия от Луки, он мучился над каждым предложением и болезненно осознавал, что его перевод полон ошибок. (В одном случае местные были шокированы, узнав, что апостол Павел настаивал на том, чтобы верующие были вооружены винтовками.) Только огромное терпение и продолжительные проверки сделали перевод понятным. Но это было не единственной проблемой, с которой Моффат столкнулся в своей попытке передать Слово бечуанам в письменной форме. Печатание текста тоже стало сложным делом. После долгого пути в Кейптаун в 1830 г. он обнаружил, что издатели не хотят публиковать Писания на языке какого бы то ни было племени, боясь влияния уравнилельных тенденций, которое может оказать печатное Слово Божье на низшие расы. Таким образом, Моффат, используя правительственный печатный станок, оказался вынужден сам напечатать Евангелие от Луки. В конечном счете он приобрел бесценный опыт печатника. В Курумани он привез с собой станок, подаренный миссии, чтобы отпечатать остальную часть Библии.

Перевод и публикация Библии часто казались бессмысленным и неблагодарным делом, но они принесли свои плоды. В 1836 г., проводя богослужение в отдаленном районе, Моффат был удивлен, когда молодой человек встал и начал цитировать отрывки из Евангелия от Луки. Он писал Мэри: "Ты бы плакала от радости, если бы видела то, что видел я".

Еще до того как его перевод стал доступным для людей, Моффат старался извлечь положительные результаты из освоения им чужого языка. Способность говорить на языке местного населения принесла ему новое понимание своего учения. Он основал

школу с сорока учениками, и вскоре его Благая весть стала находить отклик в сердцах людей и последовало религиозное пробуждение. Первое крещение произошло в 1829 г., почти через десять лет после приезда Моффата в Курумун. В 1838 г. была построена большая каменная церковь, она стоит и по сей день.

Хотя успехи Моффата в основном ассоциируются с Куруманом, результаты его работы выходили далеко за его пределы. Фактически, ядро верующих в Курумуне никогда не превышало двухсот человек, но его влияние испытали на себе африканцы за сотни миль вокруг. Вожди или их представители из отдаленных племен приходили в Курумун, чтобы послушать проповеди Моффата. Один из самых примечательных случаев произошел в 1829 г., когда великий и страшный Мозелекатце, один из самых знаменитых племенных вождей Африки, отправил пятерых посланников навестить Моффата и пригласить его к себе. Встреча Моффата и Мозелекатце стала незабываемым событием. Голый Мозелекатце был в восторге от того, что великий белый "вождь" проехал такое расстояние, чтобы встретиться с ним. Так началась тридцатилетняя дружба, основанная на глубоком уважении одного человека к другому. Хотя сам Мозелекатце так никогда и не обратился в христианство, но позже он позволил миссионерам, включая сына Моффата и жену его сына, Джона и Эмили, организовать миссионерскую базу на территории своего племени.

Часто Моффат в своих путешествиях уезжал очень далеко, но его мысли никогда не покидали Курумун. Курумун на многие годы стал образцом африканской цивилизации, где философия Моффата "Библия и плуг" претворялась в жизнь. Канал, вырытый людьми, был окружен пятьюстами акров садовых участков, возделываемых африканцами. Собственный дом Моффата состоял из каменного строения и большого закрытого заднего двора, где пять слуг выполняли домашнюю работу и где находилась огромная открытого типа кирпичная печь. Там царил домашняя атмосфера и все время играли дети (Моффаты имели десять детей, хотя из них выжили только семь, из которых пятеро активно участвовали в деятельности африканских миссий). Хотя Курумун был поселком, стоявшим в стороне от многолюдных путей, а не на главной дороге внутренней части континента, он привлекал столько посетителей, что Моффат иногда сожалел об атмосфере веселого цирка, мешавшей его работе над переводом Библии и проверке переведенного.

Проведя пятьдесят три года в Африке, используя только один отпуск, Моффаты готовились уйти на пенсию. Они пережили несколько серьезных трагедий, в частности, смерть двух старших детей с промежутком в несколько месяцев в 1862 г., но работа продвигалась вперед. Уже активно трудилось несколько местных пасторов, а их сын, Джон, который присоединился к ним в Курумуне, собирался продолжить работу в миссии. Это был печальный отъезд из Курумунана и, наверное, несчастливой ошибкой. Курумун был единственным домом, который они хорошо знали в течение полувека. Привыкать заново к Англии оказалось трудным делом, особенно для Мэри, которая умерла через несколько месяцев после возвращения. Моффат прожил еще тринадцать лет, став известным миссионерским деятелем. Он путешествовал по Британским островам, бросая вызов и старым, и молодым, говоря о глубокой потребности в благовестии и о нуждах Африки.

Дейвид Ливингстон

Никогда в анналах истории миссионерского движения не было человека более знаменитого, чем Дейвид Ливингстон. Он был героем, в котором отчаянно нуждалась викторианская Англия, и то признание, которое он заслужил, питало африканские миссии более ста лет. Он стал героем на все времена, и "после его смерти и погребения в Вестминстерском аббатстве, репутация Дейвида Ливингстона была защищена от оскорблений любого, кроме отчаянного еретика. Даже в середине XX столетия историки по-прежнему признавали его величайшим миссионером всех времен. Почти столетие он занимал место в пантеоне англоговорящих христиан как фигура вдохновенной святости и преданности. Он считался героем, сравнимым по степени значимости со святым Франциском Ассизским и святой Жанной д'Арк".

Нет сомнений в огромном влиянии, которое Ливингстон оказал на деятельность африканских миссий, но что касается его собственной миссионерской работы, то здесь возникает ряд сомнений. Ливингстон не был "суперсвятым", образ которого создали

многочисленные ранние биографы. Скорее, он был хрупким и ранимым эмоциональным человеком с серьезными личными пороками, мешавшими всю жизнь его служению. Но, несмотря на недостатки, он явился человеком, которого Бог использовал больше, чем кого бы то ни было, чтобы привлечь внимание мира к ужасающим нуждам Африки.

Ливингстон родился в Шотландии, где родилось так много великих миссионеров (включая Роберта Моффата, за которым он последовал в Африку; Мэри Слессор; Чарлза Макея [Charles Mackay], который, в свою очередь, последовал за ним). Как и его тестя, Роберт Моффат, Ливингстон вырос в скромных условиях, но, в отличие от тестя, его выдающиеся способности и ненасытная жажда знаний вынудили его искать более высокого положения в жизни. Долгий и утомительный труд (с шести утра до восьми вечера) на текстильной фабрике, которым он занимался с десяти лет, не помешал его обучению. На первую свою недельную зарплату он купил учебник латинской грамматики и продолжил образование, записавшись в вечернюю школу. Это было трудное время, когда он занимался, заглядывая в свой учебник у прядильной машины, и сидел над домашними заданиями до полуночи.

Ливингстон воспитывался в благочестивой религиозной семье. В дни юности его родители покинули официальную англиканскую церковь и стали посещать общину индипендентов. [Индипенденты (англ. букв, "независимые") - наиболее радикально настроенная часть пуритан, то же, что конгрегационалисты. - Примеч. пер.] После обращения в подростковом возрасте он мечтал стать доктором-миссионером для Китая; но нужды семьи вынудили его отложить образование до 1836 г., когда ему исполнилось двадцать три. Даже тогда его образование было ограниченным. Несколько лет зимними месяцами он учился в Андерсеновском колледже в Глазго, а летом работал на ткацкой фабрике. Он изучал медицину и теологию, а в 1840 г., в возрасте двадцати семи лет, был готов начать свою миссионерскую деятельность.

Заявление Ливингстона в ЛМО было принято в 1839 г., но его план отплыть в Китай был нарушен переменами в международной обстановке.

Руководство ЛМО приостановило миссионерскую работу из-за трений между Британией и Китаем, которые привели к опиумной войне. Директора ЛМО считали, что Ливингстон должен отправиться в Вест-Индию, а пока его представили красивому, ростом в шесть футов, ветерану миссионерского движения Роберту Моффату. Моффат имел огромное влияние на пылкого молодого кандидата в миссионеры, очаровывая его волнующими рассказами о неограниченных возможностях евангелизации в районах за Куруманом в "огромной долине к северу", которую он "иногда видел в утреннем солнце, дымке тысяч деревушек, в которых не было ни одного миссионера".

С огромным желанием трудиться Ливингстон отплыл в Африку в декабре 1840 г. Потратив почти три месяца на изучение языка на борту корабля, он прибыл в Кейптаун в марте 1841 г. и жил там месяц до начала путешествия в Куруман, где должен был помочь в работе, пока не вернется Моффат. Ливингстон немедленно влюбился в Африку и наслаждался полностью своим путешествием в Куруман, описывая его как "бесконечное продолжение пикника". Однако африканская миссионерская работа не произвела на него такого же благоприятного впечатления. Он резко критиковал, и критиковал правильно, работу в Кейптауне. Там было собрано слишком много миссионеров для такого маленького участка, поэтому не оставалось ни места, ни возможности для проявления местным населением лидерских качеств. Дальнейшее разочарование ожидало его в Курумани. Представляя в своем воображении "тысячи деревушек", он удивился, обнаружив, что район так редко населен, и был потрясен, узнав о разногласиях между миссионерами: "Миссионеры в глубинке, к сожалению - печальное зрелище... Я буду рад, когда уеду в район повыше - подальше от их зависти и злобных укусов". Присутствие Ливингстона лишь усугубило ситуацию, и многие миссионеры откровенно желали, чтобы он "уехал в район повыше". Он жаловался, что "никакой христианской любви нет между многими, если не между всеми братьями" и им самим; по крайней мере, не больше, чем любви между "быком в упряжке и его бабушкой".

Ожидая возвращения Моффатов из отпуска, Ливингстон совершил несколько вылазок на север, чтобы исследовать территорию. За свои два с половиной года ученичества в Курума-не он провел вдаль от базы более года, и эта практика отъездов продолжилась и в дальнейшей его миссионерской деятельности. В 1843 г. Ливингстон совсем уехал из миссии. Он обустроился в лесистой и орошаемой территории Мабоста в двухстах милях

к северу, чтобы основать второй Куруман. С ним были Рождер Эдварде (Roger Edwards), миссионер-мастеровой, и жена Эдвардса, прослужившие в Курумане по десять лет. С самого начала возникли проблемы. Эдварде отвергал навязываемое лидерство Ливингстона, который был не только новичком в Африке, но и на восемнадцать лет младше его.

Мабоста стала первым африканским домом Ливингстона. Здесь он построил "прочную хижину 50 на 18 футов" со стеклянными окнами, привезенными из Курумана. Здесь он столкнулся с извечными опасностями африканских джунглей. Принимая участие в охоте на львов, он подвергся нападению одного из них и был серьезно ранен. Хотя Ливингстон радовался, что выжил благодаря смелым действиям его африканских спутников и толстому жилету, его левая рука оказалась серьезно повреждена, и он остался инвалидом на всю жизнь.

К маю 1844 г., через три месяца после несчастного случая, Ливингстон почувствовал себя достаточно хорошо, чтобы продолжить свои путешествия - в особенности потому, что затеял серьезное дело. Он направился в Куруман "засвидетельствовать почтение" старшей дочери Моффата, двадцатитрехлетней Мэри, которая только что вернулась с родителями из Англии. Ливингстон за период выздоровления несомненно убедился в недостатках одинокой жизни, и тем летом он "собрал... всю смелость, чтобы поставить этот вопрос ребром под одним из фруктовых деревьев". Как ответила Мэри сразу - неизвестно, но позже, в тот же год, Ливингстон писал своему другу: "Я, в конце концов, похоже, попался на крючок мисс Моффат", которую он описал другому другу, как "стойкую" и "трезвую леди".

Свадьба состоялась в Курумане в январе 1845 г., а в марте Ливингстоны отправились в Мабосту; но их пребывание там оказалось коротким. Ссоры с Эдвардсами продолжались, сделав совместное проживание двух семей невозможным; поэтому в тот же год, родив первого ребенка, Ливингстоны порвали с Мабостой, и глава семьи повез ее в Чонуйн, в сорока милях на север. Время в Чонуйне было счастливым для Ливингстонов, но они прожили там всего полтора года. Ужасная засуха в том районе вынудила миссионеров переехать вместе с племенем на северо-запад к реке Колобенг. Летом 1847 г., после рождения второго ребенка, Ливингстоны переехали в третий свой дом.

В течение семи лет Ливингстоны жили в Африке полукочевой жизнью. Иногда Мэри и дети оставались дома одни, в другое время она брала детей и сопровождала своего странствующего мужа. Но это, конечно же, нельзя было назвать хорошей жизнью. Однажды, когда Ливингстон надолго уехал из Чонуйна, он сообщал: "Мэри чувствует себя несколько одиноко среди развалин, и это совсем неудивительно, потому что она писала мне, что львы опять осмелели и по ночам бродят вокруг дома". Но сопровождать мужа тоже было очень сложным делом. В 1850 г., после очередного исследовательского путешествия с мужем, она родила четвертого ребенка, который умер вскоре после рождения, в то время как Мэри находилась в кратковременном параличе. Более оседлые Моффаты в Курумане не могли спокойно относиться к страданиям дочери. В 1851 г., когда они услышали от Мэри (которая опять была беременна), что Ливингстон собирался взять ее и "дорогих детишек" с собой в долгое путешествие по джунглям, миссис Моффат написала зятю колкое письмо в характерном для тещи стиле:

"...Мэри говорила мне, что в случае, если она забеременеет, вы не возьмете ее с собой, но позволите ей приехать сюда, после того, как благополучно отъедете... Но, к моему огорчению, я теперь получила письмо, в котором она пишет, что должна опять отправиться в утомительное путешествие вглубь страны, возможно для того, чтобы родить в поле. О, Ливингстон, что вы хотите этим сказать, неужели вам недостаточно, что вы потеряли одного милого малыша и едва сохранили остальных, в то время как мать вернулась домой с угрозой паралича? И все же вы опять намерены подвергнуть ее и детей опасностям исследовательского путешествия? Все до сих пор осуждают вашу жестокость, не говоря уже о неблагопристойности этого происшествия. Беременная женщина с тремя маленькими детьми вынуждена идти в компании людей противоположного пола - через дикие африканские джунгли, среди диких людей и диких животных! Если бы вы нашли место, где хотели бы начать миссионерскую деятельность среди местного населения - ситуация бы совершенно изменилась. Я не сказала бы ни слова, если бы речь шла о романтических прогулках при лунном свете, но отправиться с исследовательской партией - это противоречит здравому смыслу!

Остаюсь ваша в великом смятении. М. Моффат".

Могло ли это письмо изменить намерения Ливингстона, сказать трудно, но оно не дошло до адресата, и они отправились. 15 сентября 1851 г., через месяц после начала их исследовательского путешествия, Мэри родила пятого ребенка на реке Зуга. Этому событию Ливингстон посвятил только одну строчку в своем дневнике, большую часть повествования уделив восхищению по поводу открытия крокодильих яиц. Явно не принимая в расчет свое собственное участие в этом деле, Ливингстон жаловался на "частые беременности" жены, сравнивая результаты ее продуктивности с работой "крупной ирландской мануфактуры". И все же Ливингстон искренне любил своих детей и в последующие годы жалел, что уделял им мало времени.

К 1852 г. Ливингстон понял, что исследовательские путешествия по Африке были не совсем подходящими для жены и маленьких детей. Раньше он оправдывал свой риск так: "Это целое приключение - взять в путешествие жену и детей туда, где свирепствует лихорадка, африканская лихорадка. Тот, кто верит в Иисуса, разве откажется последовать куда угодно ради такого Капитана?" Но он больше не выдерживал критики родственников жены и других людей, поэтому в марте 1852 г. он отправил Мэри и детей из Кейптауна в Англию. Как он мог жертвовать семьей ради африканских исследований? "Ничто, кроме твердого убеждения, что этот шаг будет способствовать славе Христа, не могло бы оторвать меня от моих детей, осиротив их".

Последующие пять лет были для Мэри тяжелыми. Биограф писал, что она и дети не только остались "бездомными и без друзей", но также "часто жили в дешевых жилищах на грани нищеты". И среди постоянных миссионеров ЛМО ходили слухи, что Мэри впала в духовную тьму и топила свое плохое настроение в алкоголе. Но для Ливингстона этот период был восхитительным и успешным, более волнующим, чем время, проведенное в Африке до этого. Ему особенно нечем было похвастаться за предыдущие одиннадцать лет. У него не было зрелых обращенных. У него не было процветающей миссии, не было церкви. Он был отчаявшимся исследователем, забитым обстоятельствами и связанным обязательствами перед семьей. Теперь он стал свободным. Глубины Африки манили его.

Самая первая и величайшая экспедиция Ливингстона провела его через континент вдоль реки Замбези. Отправив свою семью из Кейптауна, он неторопливо отправился на север, побывав в Курумани, а затем вернулся к своему любимому племени, макололо, где набрал несколько человек, которые должны были сопровождать его в экспедиции. Начав с Центральной Африки, они пошли по реке на северо-запад до побережья Луанды. Это было опасное путешествие с постоянными угрозами со стороны враждебных племен и страхом перед смертельной африканской лихорадкой, но у Ливингстона никогда не возникало соблазна повернуть обратно. Хотя в первую очередь этот человек стремился к исследованиям, он никогда не забывал о евангелизации. С собой он возил "волшебный фонарь" (ранняя версия проектора) с изображениями библейских сцен. Он сеял семена для будущих миссионеров. После шести месяцев напряженного пути Ливингстон и его спутники сделались героями, придя на побережье живыми.

Несмотря на приглашения капитанов отвезти его в Англию, Ливингстон, имея личное обязательство вернуться к племени макололо, повернул обратно вниз по Замбези к восточному побережью. Его возвращение на восток проходило медленнее из-за остановок, причиной которых стали более десяти приступов африканской лихорадки. За год он дошел до реки Линьянти, его изначального пункта отправления, а оттуда последовал дальше к великому водопаду, который он назвал Викторией в честь своей королевы. Теперь единственной целью Ливингстона было исследовать Замбези как возможный торговый путь с востока. Чем больше он встречал случаев бессовестной и жестокой торговли рабами со стороны португальцев и арабов, тем более убеждался, что только сочетание "коммерции и христианства" сможет спасти Африку. Он хорошо осознавал, что иностранные работоторговцы не смогут вести свой бизнес без сотрудничества с африканцами (одно племя берет представителей вражеского племени в плен, а затем продает их работоторговцам) и предлагал разрешить законную торговлю в Африке; а это, как он верил, возможно лишь при условии обнаружения судоходного торгового пути.

Хотя экспедиция Ливингстона не прошла по всей длине реки Замбези, Ливингстон все же достиг берега в мае 1856 г., твердо (хотя и неверно) заявив, что Замбези судоходна.

Его путешествие опять закончилось счастливо, но Ливингстон почувствовал разочарование, когда на западном берегу среди своей почты не нашел писем от Мэри. Когда Ливингстон вернулся в Англию в декабре 1856 г., после пятнадцати лет пребывания в Африке, его приветствовали как национального героя. Пробыв всего три дня со своей семьей, он отправился в Лондон, откуда начал годичное турне, выступая перед восхищенной публикой, принимая высочайшие национальные награды. За год пребывания в Англии Ливингстон написал свою первую книгу "Путешествия и исследования миссионера в Южной Африке", а также явился вдохновителем создания нескольких новых миссионерских обществ. Это был период большой славы в его жизни, а также время принять решение. Прежде чем вернуться в Африку в 1858 г., Ливингстон порвал свои отношения с ЛМО и принял приглашение британского правительства, которое предоставило ему больше финансов и снаряжения.

За оставшиеся пятнадцать лет жизни Ливингстон никогда не удостоивался таких почестей, как в 1857 г. Он вернулся в Африку в сопровождении официальных лиц, со снаряжением для своей второй экспедиции, и обнаружил, что Замбези не судоходна. Вторая река, которую он прошел в предыдущем путешествии, белая от пены над многочисленными порогами, была окружена скалистыми ущельями. Разочарованный, он повернул на север (ближе к восточному побережью), чтобы исследовать реку Шире и озеро Ньяса. К сожалению, работоторговцы шли по следам его экспедиций и, таким образом, на какое-то время его исследования и открытия в большей степени помогали работоторговцам, а не миссионерам.

Миссионеры также последовали его путем в район реки Шире, но не без горьких жертв. Миссионеры Университетской миссии в Центральную Африку (УМЦА), основанной в результате вдохновляющих речей Ливингстона в Кембридже, отправились туда с пылким энтузиазмом и ложной уверенностью в благоприятных для исследования условиях Ливингстон не был организатором, и вскоре миссия оказалась в полном смятении. Епископ Чарлз Маккензи (Charles Mackenzie), священник и руководитель партии, был фигурой противоречивой. Говорили, что он "прибыл в Восточную Африку с епископским сопровождением в одной руке и винтовкой в другой", и он без всяких колебаний готов был использовать винтовку. Более того, этот человек раздал ружья дружественным африканцам, чтобы оказать сопротивление злобному племени айява, занимавшемуся торговлей людьми. Его поведение вызвало скандал и серьезно повредило репутации УМЦА. Менее чем через год Маккензи умер, а остальные члены его партии исчезли в африканских джунглях, включая жену Ливингстона, Мэри, которая оставила детей в Англии, чтобы присоединиться к мужу в 1861 г.

Ливингстон вновь вернулся в Англию в 1864 г., но на этот раз его приняли с меньшим восторгом. Вторая экспедиция не имела того успеха, на который он надеялся, а его репутация была подмочена. Многие члены его команды, когда-то увлеченные своим бесстрашным предводителем, горько жаловались на неограниченную власть руководителя.

В 1865 г. Ливингстон вернулся в Африку, чтобы начать третью и последнюю экспедицию. На этот раз он пытался открыть источник Нила. Он не взял с собой европейцев и не видел ни одного из них в течение почти семи лет. Это время для него было самым трудным. Он очень плохо питался, его мучили лихорадка и кровотечения, а продукты часто крали арабские работоторговцы. И все же нельзя сказать, что этот период был совсем несчастлив. Он не сумел обнаружить источник Нила, но сделал несколько других значительных открытий и нашел примирение с собой и окружающими (кроме вечно живой работоторговли, что сильно тревожило его совесть). Время шло, африканцы привыкли к бородатому, беззубому и потрепанному старику, который часто рассказывал им о своем Спасителе.

В последние годы жизни Ливингстона в Африке периодически возникали слухи о том, что он умер. Хотя его репутация не была незапятнанной, люди во всем мире все же смотрели на него с благоговением и огромным интересом, всегда готовые узнать что-нибудь новое об этом эксцентричном старом человеке, пропадающем в дебрях Африки. Именно любопытство публики подтолкнуло редактора газеты "Нью-Йорк геральд" послать своего многосторонне образованного и честолюбивого репортера, Генри Стэнли (Henry Stanley), на поиски Ливингстона, живого или мертвого. После нескольких месяцев пути Стэнли отыскал Ливингстона в Уджиджи у озера Танганьика в конце 1871 г. Первая встреча была неловкой. Стэнли слез с лошади, поклонился и начал разговор

нелепой фразой (которая впоследствии стала известной всем) "Доктор Ливингстон, я полагаю..."

Появление Стэнли стало приятной неожиданностью для Ливингстона: он привез лекарства, пищу и другие припасы, в которых исследователь так отчаянно нуждался. И что, может быть, важнее всего, он явил собой объект общения и новостей из внешнего мира. Между двумя столь разными людьми возникла глубокая и нежная дружба; и с трогательной благодарностью Стэнли описал те месяцы, что они провели вместе:

"Я жил с ним в течение четырех месяцев и четырех дней в одной хижине, одной лодке или одной палатке и никогда не видел в нем никаких недостатков. Я отправился в Африку с предубеждением против религии, как самый неверующий человек во всем Лондоне. Для репортера моего типа, рассказывающего только о войнах, митингах и политических собраниях, сентиментальные чувства не были важны. Но здесь для меня наступила долгая пора размышлений. Я очутился вдали от мирской жизни. Я увидел там одинокого старика и спросил себя: "Почему он здесь? Что его вдохновляет?" Через четыре месяца после нашей встречи я понял, что слушаю его, удивляясь тому, что старик выполняет слова заповеди "Иди, следуй за Мной". Но мало-помалу, видя его благочестие, его мягкость, его рвение, его искренность и то, как спокойно он выполняет свое дело, я был им обращен, хотя он и не пытался сделать это".

Ливингстон прожил чуть больше года после отъезда Стэнли. Африканские слуги нашли его мертвым, стоящим на коленях у походной койки утром 1 мая 1873 г. Они любили старика и отдали ему дань уважения, доставив его тело и бумаги бывшим коллегам на побережье. Они похоронили его сердце под деревом мпунду, тело высушили на жарком африканском солнце, пока оно не стало мумией, и по суше провезли полторы тысячи миль к морю.

В Англии Ливингстону устроили правительственные похороны в Вестминстерском аббатстве, где присутствовали именитые гости со всей страны. Это был день траура для его детей, пришедших попрощаться с отцом, которого они никогда по-настоящему не знали; но это был особенно печальный час для семидесятивосьмилетнего Роберта Моффата, медленно шедшего по проходу перед гробом, в котором лежал человек, несколько десятков лет назад в этом самом городе вдруг увидевший в своем воображении "тысячи деревушек и ни одного миссионера в них".

Генри М. Стэнли

Смерть Дейвида Ливингстона оказала огромное психологическое воздействие на весь англоговорящий мир. Миссионерское рвение достигло наивысшего накала, и молодые мужчины и женщины добровольцами устремлялись в заморские дали, несмотря на трудности и риск. Частью это стремление было вызвано исследовательской работой Генри Стэнли, который подхватил эстафету Ливингстона и с твердым упорством продолжил ее. Его путешествие через Африку, длившееся 999 дней, заинтриговало весь мир и заставило миссионерские общества искать своей доли удачи на Черном континенте.

Хотя Генри Стэнли исповедовал обращение под влиянием Ливингстона и был полон решимости продолжить работу своего дорогого друга, он оказался нежелательным кандидатом для миссионерской работы. Урожденный Джон Роулэндс (John Rowlands), он появился на свет в 1841 г. (в год, когда Ливингстон прибыл в Африку), незаконнорожденный сын представителей британского рабочего класса. В возрасте шести лет его отдали на попечение жестокого хозяина работного дома, где он оставался до тех пор, пока подростком не сбежал в Новый Орлеан. Там его усыновил Генри Стэнли, богатый бездетный торговец, который вскоре отправил беспокойного юнца прочь от себя работать на плантации. Во время Гражданской войны молодой Стэнли (который взял себе имя приемного отца) примкнул к войскам конфедератов, был ранен и взят в плен. Прослужив какую-то часть своего тюремного срока, он перешел на сторону Штатов; но вскоре его отстранили от службы по медицинским показаниям. После этого Стэнли работал в доках и клерком; потом поступил на службу в федеральный флот, но через короткое время дезертировал и стал журналистом. В этой должности он поехал в Малую Азию, но, прежде чем успел закончить задание, был пойман и бит бандой пиратов. В 1867 г. Стэнли вернулся в Соединенные Штаты, работая над темой военной кампании генерала Хенкока против индейцев, а позже в том

же году начал писать репортажи для "Нью-Йорк геральд". В 1871 г. он был по заданию газеты в Африке, когда впервые увидел Дейвида Ливингстона, человека, который стал для него героем и отцом.

После четырех месяцев в Африке, наскоро закончив торопливо написанный бестселлер "Как я нашел Ливингстона" ("How I Found Livingstone"), Стэнли составил план собственной исследовательской экспедиции в Африке, которую начал через год после смерти Ливингстона. Стэнли считал себя исследователем, равно как и свободным миссионером, поэтому по прибытии в Уганду он некоторое время пробовал себя в переводе Библии. Но величайшим вкладом Стэнли в миссионерское дело были его статьи и письма. Он сделал больше для миссионерского движения одним эмоционально написанным им письмом (опубликованным в "Дейли телеграф"), чем многие миссионеры сделали за всю свою жизнь. Он страстно умолял прислать миссионеров: "О, если бы благочестивые миссионеры-практики только приехали сюда! ...Какое поле и какой урожай созрел для их серпа цивилизации... Только практичный христианский учитель может научить этих людей тому, как стать христианами, лечить их болезни, строить им дома... Не нужно бояться тратить деньги на такие миссии..."

Экспедиция Стэнли в 999 дней через Африку из Момбасы в устье реки Конго была дорогим удовольствием не только в перерасчете на британские фунты, но и в плане человеческих потерь. Он начал свои исследования вместе с тремя европейцами и 356 африканцами и достиг западного побережья, потеряв почти всех, за исключением восьмидесяти двух африканцев. В отличие от Ливингстона, Стэнли ненавидел Африку и боялся ее людей: "Величайшая и все время подстерегающая нас опасность кроется в том, что мы каждый раз встречаем дикое завывание аборигенов-каннибалов, как только они замечают нас... Ощущение опасности присутствует всегда, будь то сон или явь". Стэнли не гнушался брать в руки оружие и использовать его против угрожавшего им местного населения, явно игнорируя (как это делал Маккензи) вопрос о том, нужно ли стараться нести миссионерство, если оно требует вмешательства военной силы. Для Стэнли то был вопрос жизни и смерти, а не философские рассуждения.

Несмотря на все опасности и смерть людей, экспедиция Стэнли была монументальным достижением, и миссионерские общества стремились последовать его примеру. Первой последовала этому примеру Внутренняя миссия

Ливингстона, внеконфессиональное общество, созданное по образцу Китайской внутренней миссии. Она организовала семь миссионерских баз вдоль южных притоков реки Конго, но смертельные опасности африканских джунглей пожинали свой урожай, и жизнь миссий оказалась короткой. За Стэнли последовали другие миссии и несколько десятилетий добивались установления связи между восточным побережьем и западным через цепь миссионерских станций.

Джордж Гренфелл

Джордж Гренфелл (George Grenfell) был одним из многих британских граждан, вдохновленных трудами Ливингстона и привлеченных в Африку его смертью. Гренфелл родился в Корнуолле, Англия, в 1849 г. Хотя его семья принадлежала к государственной англиканской церкви, где в воскресных школах занимались их дети, Джордж и его младший брат перешли в баптистскую воскресную школу, чтобы избежать насмешек и преследований со стороны другого подростка. Здесь у Джорджа проснулся интерес к духовным вопросам. Он был обращен в возрасте десяти лет и вскоре после этого, читая первую книгу Ливингстона, решил посвятить жизнь африканской миссии. Проработав несколько лет на складе, одновременно исполняя обязанности светского служителя в церкви, Гренфелл поступил на год в баптистский колледж в Бристоле, чтобы подготовиться к миссионерскому служению.

В ноябре 1874 г., в возрасте двадцати пяти лет, Гренфелл был принят Баптистским миссионерским обществом (та же самая миссия, что привлекла к служению Уильяма Кэри примерно восемьдесят лет назад), а в следующем месяце он уехал в Камерун. В 1876 г. он приехал в Англию, чтобы жениться на мисс Хоукс, которая вернулась с ним в Африку. Менее чем через год она умерла, оставив Гренфелла в горе и раскаянии: "Я совершил ужасную ошибку, привезя мою дорогую жену в этот смертельный климат Западной Африки". Гренфелл повторно женился два года спустя, но на этот раз на цветной женщине из Вест-Индии, которая также незадолго до того овдовела.

После трехлетнего ученичества в Камеруне Гренфелл был назначен на работу в недавно ставший доступным район реки Конго, что оказалось возможно после открытий Стэнли в его исследовательском путешествии в 999 дней. Гренфелл надеялся проложить дорогу посредством сети миссионерских станций через всю Африку и смело взялся за дело. Он путешествовал на речном пароходе "Мир", который построил собственными силами после того, как три инженера, присланные один за другим для выполнения этой задачи, умерли. Несколько лет "Мир" был для Гренфелла и его семьи домом.

Конго, как и любая другая территория в Африке, вполне заслуживала репутации "кладбища белого человека". В первый срок служения из четырех миссионеров выжил только один. И все же Гренфелл умолял присылать новых: "Если вскоре не подъедут еще люди, миссия на Конго провалится и работа, которая стоила так много трудов, пойдет насмарку". Его собственная семья также не избежала цепкой хватки смерти. Четверо из его детей были похоронены в Конго, включая его старшую дочь, Пэтти, которая приехала из Англии помогать ему в работе еще подростком.

Но джунгли, кишасшие болезнями, оказались не единственным препятствием, стоявшим на пути распространения христианства в Конго. Недружелюбные племена, известные своим каннибализмом, постоянно угрожали их жизни. Гренфелл вспоминает двадцать ужасных случаев "бегства от каннибалов". "Это люди дикие и коварные, ибо несколько раз после периодов кажущихся дружелюбных встреч вдруг, без какой-либо причины, кроме собственного откровенно "проклятого характера", как сказали бы янки, они начинают пускать в нас свои отравленные стрелы".

Самым большим препятствием для Гренфелла были все же не болезни и не каннибализм, а бельгийское правительство. Король Леопольд рассматривал Конго как собственное частное владение, и миссионеры сталкивались с ограничениями на каждом шагу. Правительственные чиновники требовали у Гренфелла изготовленные им собственноручно карты и личные записи для использования в собственных захватнических целях, а позже они конфисковали его пароход. Образование свободного государства Конго стало благоприятным событием для миссионеров, и Гренфелл, самый опытный исследователь в этой области, принял предложение правительства установить южную границу государства. Но это сотрудничество длилось недолго. Стали известны случаи жестокого отношения бельгийцев к конголезцам (в попытке заполучить каучук), и Гренфелл не мог сдержать праведного гнева. В попытке заставить этого человека замолчать, чиновники назначили его в комиссию по защите местного населения; но когда он понял, что комиссия была бутафорской, он решительно воспротивился подобной работе. Вслед за этим правительство отказалось выделить ему новые участки земли для организации миссионерских станций, затем его уведомили о том, что определенные дети из его миссионерских школ будут подготовлены на должность священников, потому что эта страна, "как римско-католическое государство, не имеет права помещать сирот под опеку какой бы то ни было другой организации, кроме Римско-католической церкви".

Несмотря на существование значительных препятствий, Гренфелл достиг удивительных успехов за время своего служения в Конго. Исследовательская работа первооткрывателя стала лишь частью его великих достижений. Он контролировал работу баптистских миссий в Конго в течение двадцати лет и был свидетелем великого духовного пробуждения в собственной миссии в Болобо. В 1902 г. он писал: "Вы будете рады узнать, что здесь, в Болобо, какими бы близорукими мы ни были, мы не без свидетельства прогресса и благословения. Люди все больше хотят слышать и распространять Благою весть, которой так долго пренебрегали. Фактически многие исповедуют то, что отдали свои сердца Господу Иисусу, и действительно существуют признаки наступления добрых времен". Рост действительно продолжался, и вскоре появилась нужда в большей церкви. Во время своих путешествий Гренфелл видел значительные перемены. Он говорил, что там, где двадцать лет назад его гнали копиями, теперь приветствовали песнями "Прославляйте Иисуса".

Хотя бельгийское правительство помешало Гренфеллу завершить организацию сети миссионерских станций, связанных со станциями Церковного миссионерского общества на Востоке, он продолжал свою пионерскую работу до самой смерти от африканской лихорадки в 1906 г.

Александр Макей

В то время как Гренфелл и баптисты осваивали Африку с запада, Церковное миссионерское общество (образованное Англиканской церковью) продвигалось с востока в попытке исполнить мечту Стэнли опутать континент сетью миссионерских станций. Иоганн Людвиг Крапф (Johann Ludwig Krapf), немецкий лютеранин, был первым великим миссионером ЦМО, который начал мечтать об этом. Он был одним из многих лютеран из Германии, заполнивших ряды ЦМО, когда не многие англичане захотели принести необходимые жертвы. Задолго до экспедиции Стэнли он первопроходцем устремился впереди протестантских миссий на восточный берег. В 1844 г., после того как его изгнали из Эфиопии, Крапф основал станцию на побережье у Момбаса в Кении. К сожалению, победа была омрачена смертью жены и ребенка. Крапф занимался своей первопроходческой миссионерской работой более двадцати лет, сделав несколько замечательных открытий, но так и не осуществив мечту охватить сетью Евангелия всю Африку.

Самым замечательным миссионером, отправленным ЦМО на восточное побережье, был Александр Макей, который прибыл в Африку в 1876 г., через полтора года после появления на западном побережье Гренфелла. Макей был хорошо образованным шотландцем, инженером по профессии, мастером на все руки, с острым и любознательным умом и способностями к лингвистике и теологии. Он был одним из восьми миссионеров, посланных ЦМО в 1876 г. в ответ на волнуемое воззвание Стэнли к христианскому миру, в котором он сообщал просьбу короля Мтезы из Уганды об отправке туда миссионеров.

Как лидер этой команды миссионеров, Макей ощущал Богом данную ответственность. В своем прощальном послании он выразил смелую решимость, которая требовалась для такого предприятия: "Я хочу напомнить комитету, что за шесть месяцев они, возможно, услышат, что кто-то из нас умер. Да разве существует вероятность того, что из восьми англичан, отправляющихся в Центральную Африку, все должны остаться в живых после полугода пребывания там? По меньшей мере один из нас - может быть, я - наверняка погибнет до этого. Когда новости дойдут до вас, не отчаивайтесь, но немедленно пошлите кого-нибудь другого занять освободившееся место". Слова Макея все еще звенели в ушах директора, когда до него дошли вести, что один из восьмерых умер. За первый год на африканском кладбище остались пять миссионеров, а к концу второго года в живых остался только Макей.

Хотя иногда Макей чувствовал дыхание смерти, он отказывался отступить. К 1878 г., через два года после своего прибытия, он построил (с помощью африканцев) дорогу в 230 миль с побережья до озера Виктория. Но там его уже никто не ждал. Он прибыл вскоре после убийства двух товарищей-миссионеров, а остальные его коллеги уехали из-за плохого здоровья.

Достигнув озера Виктория, Макей построил лодку и пересек озеро в Энтеббе, где встретился с королем Мтезой. В то время как Мтеза и его приближенные радостно приветствовали Макея, его появление встретило резкий протест со стороны других слоев населения, в частности, католиков и мусульман. Сам Мтеза обладал ярко выраженным языческим характером, ежедневно казнил своих подчиненных по пустяковым обвинениям и, как говорят, имел самое большое количество жен из всех людей в истории. Макей воспользовался всей свободой, предоставленной ему Мтезой, и немедленно начал проповедовать Евангелие народности баганда, найдя их дружелюбными и стремящимися к знаниям. Его всегда окружали дети, а взрослые всех возрастов молили его научить их читать, поэтому Макей начал переводить Писания. Он проводил долгие часы за печатным станком, и его труды были щедро вознаграждены. К концу 1879 г., через год после своего прибытия, он писал: "Каждый день сюда приходят толпы людей за назиданием, в основном желая научиться читать". В 1882 г. произошло первое крещение, а двумя годами позже поместная церковь объединяла уже восемьдесят шесть африканцев.

Многое мешало росту церкви. На жизнь Макея неоднократно покушались и арабы, и римские католики. Ситуация стала критической после смерти Мтезы в 1884 г., когда воцарился его сын, Мванга. Начались леденящие кровь преследования христиан. В 1885 г. более тридцати мальчиков-христиан были сожжены живьем за отказ подчиниться гомосексуальным домогательствам Мванги. Позже в том же году Джеймс

Ханнингтон (James Harming-ton), англиканский епископ, попытался войти в Уганду с востока, но был убит по приказу Мванги. Напряжение достигло предела, когда вспыхнула настоящая гражданская война между местными протестантами и католиками, закончившаяся кровавой битвой при Менго. Это был позорный эпизод, конец которому положило только военное вмешательство англичан и разделение страны на протестантские и католические сферы влияния.

Все эти годы над Макеем постоянно висела угроза изгнания из страны, но его ценность как квалифицированного инженера предотвращала исполнение этих угроз до 1887 г., когда арабы все же убедили Мвангу выслать его. Макей продолжил свое служение в Танганьике на южной оконечности озера Виктория, где вел дальнейшую работу по переводу и печатанию Библии и предоставлял убежище христианским беженцам из Уганды. В 1890 г., в возрасте сорока лет, этот одинокий и часто живший уединенно миссионер умер от малярии. После его смерти один из коллег горестно жаловался на невозможную утрату, выразив свою мысль простой, но красноречивой фразой: "Из десятков других никогда не получится одного Макея".

Борьба за распространение Евангелия в Уганде не завершилась смертью Макея. ЦМО не удалось запугать. В 1890 г., в год смерти Макея, в Уганду приехал Альфред Р. Такер (Alfred R. Tucker), благочестивый англиканский епископ, и с благословенной помощью африканских евангелистов вырастил церковь до шестидесяти пяти тысяч членов. Его непоколебимая приверженность расовому равенству привела к возникновению оппозиции среди коллег-миссионеров, но его идеи одержали победу, и церковь в Уганде расцветала.

Мэри Слессор

Исследовательская и миссионерская деятельность Ливингстона и Стэнли вдохновила множество мужчин и женщин на то, чтобы посвятить свою жизнь Африке. Неудивительно, что многие женщины представляли себе свое служение под защитой миссионерской станции, огороженной забором и обустроенной всем необходимым, как в Курумани, где Мэри Моффат провела большую часть своей жизни.

Исследования и работа первооткрывателя никак не представлялись трудом легким и предназначенным для одинокой женщины-миссионерки - по крайней мере до тех пор, пока не появилась Мэри Слессор.

История Мэри Слессор, как и жизнь любого миссионера в современной истории, была романтизирована до неузнаваемости. Ее образ викторианской леди, одетой в платья с высоким воротником, в ниспадающих до щиколоток юбках, смело шагающей по африканским джунглям, залитым ливнями, или сидящей в каное с раскрашенными племенными воинами, так далеко отстоит от реальной жизни и работы босоногой, небрежно одетой рыжеволосой рабочей женщины, которая жила на манер африканцев в глиняной кибитке, а ее лицо (часто без вставных зубов) временами было покрыто ожогами от нестерпимо жаркого африканского солнца. И все же ее успех миссионерки и первопроходца был удивительным, а то чувство единения, которое она ощущала по отношению к африканцам, равняло ее с немногими другими людьми. Она отличилась тем, что была первой женщиной в должности вице-консула Британской империи, и ей еще при жизни были оказаны почести и выражено величайшее уважение со стороны коллег-миссионеров. Они хорошо ее знали и, несмотря на недостатки и эксцентричность, ценили как великую женщину и Божьего человека, каковой она и была в действительности.

Мэри Митчелл Слессор, вторая из семи детей, родилась в Шотландии в 1848 г. Ее детство омрачалось нищетой и семейными неурядицами, ссорами, происходившими в основном из-за периодической безработицы ее отца-алкоголика, который как-то раз выкинул Мэри на улицу ночью, вернувшись домой пьяным. В возрасте одиннадцати лет Мэри начала работать вместе с матерью на текстильной фабрике по полдня, продолжая в то же время учиться. К четырнадцати годам она работала по десять часов в день, чтобы прокормить семью, потому что в семье появился седьмой ребенок. Следующие тринадцать лет Мэри трудилась на фабрике и стала в семье основным кормильцем.

Хотя позже она говорила о себе как о "дикой девчонке", ранние годы Мэри прошли в работе на фабрике и дома. На развлечения не было ни времени, ни возможности в перенаселенном и грязном районе, где проживал рабочий класс и где уютилась ее семья.

К счастью, церковная деятельность давала ей возможность на время забыть о доме. Обращенная подростком через внимательную заботу жившей пожилой вдовы по соседству, Мэри вскоре стала очень активной помощницей в своей поместной пресвитерианской церкви. Она преподавала в воскресной школе, а после смерти своего отца вызвалась служить добровольцем, помогая миссионерской работе в городе. Когда ей было чуть за двадцать, она стала сотрудничать с Королевской уличной миссией, что обеспечило ей практический опыт для будущей миссионерской деятельности. Сколько раз ей приходилось сталкиваться с потоками грязных слов и непристойным поведением уличных банд, пытавшихся помешать ее собраниям на открытом воздухе. Смелость, которая так пригодилась позднее, была развита в трущобах Данди.

Зарубежные миссии глубоко заинтересовали Мэри с раннего детства. Миссионерские собрания были частым явлением в ее церкви, и миссионеры, приезжавшие в отпуски, просили новых работников. Она с живейшим интересом наблюдала за прогрессом Миссии Калабар, образованной за два года до ее рождения. Тепло относившаяся к миссиям мама Мэри надеялась, что ее единственный выживший сын, Джон, станет членом зарубежной миссионерской экспедиции. Его смерть, когда Мэри исполнилось двадцать пять, разбила мечты матери. Но что касается Мэри, ее мысли о миссионерской работе были вызваны желанием уйти с работы на фабрике и занять место брата. Миссия Калабар всегда принимала женщин, и Мэри знала, что ее встретят приветливо и возьмут в свой штат. Смерть Дей-вида Ливингстона укрепила ее решение, и ей осталось только разорвать тесную связь со своей семьей.

В 1875 г. Мэри обратилась в общество и была принята Миссией Калабар, а летом 1876 г., в возрасте двадцати семи лет, она отплыла в Калабар (расположенный в современной Нигерии), давно известный своей работоторговлей и смертоносным климатом. Первые годы в Африке Мэри провела в Дьюктауне, где преподавала в миссионерской школе и посещала африканцев, параллельно изучая язык. Его она выучила быстро, но своим назначением осталась недовольна. Как фабричная девчонка, она никогда не чувствовала себя в своей тарелке в комфортной обстановке и при сытом образе жизни, которые вели несколько миссионерских семей, удобно устроившихся в Дьюктауне. (Несомненно, они также были достаточно сдержанны по отношению к ней - двадцатидевятилетней женщине, которая намеренно влезала на каждое дерево, на которое можно было залезть между Дькж-тауном и старым городом.) Жизнь казалась скучной и серой. Она хотела получить больше результатов от своего миссионерского служения, чем те, которые ей предлагало существование в Дьюктауне. Всего лишь через месяц после приезда туда она писала: "Не стоит обладать особой благодатью, чтобы сидеть тихо. Так трудно ждать". Ее сердце было настроено на первопроходческую работу в глубинке, но такую "привилегию" нужно было заслужить. Почти через три года пребывания в Африке, когда Мэри уже была ослаблена несколькими приступами малярии (а еще более - тоской по дому), ей разрешили приехать в отпуск восстановить здоровье и повидаться с семьей. Она вернулась в Африку посвежевшей и вдохновленной новым назначением в Старый город, за три мили вдоль реки Калабар. Здесь она работала самостоятельно и жила так, как хотела - в глиняной хижине, питаясь местной едой, что позволяло ей выделять большую часть миссионерской заработной платы своей семье. Работа более не казалась ей скучной. Она проверяла деятельность школ, распределяла лекарства, выступала на диспутах и заменяла мать нежеланным детям. По воскресеньям она становилась окружным проповедником, проделывая многомильные переходы через джунгли из деревни в деревню, делясь Благой вестью с теми, кто хотел ее слышать.

Благовествование в Калабаре проходило медленно и трудно. Среди местных племен преобладали колдовство и спиритизм. Жестокие племенные обычаи превратились в традиции. Было почти невозможно переубедить людей в чем-либо. Одной из наиболее ужасающих традиций стало убийство близнецов. Согласно суевериям, рождение близнецов было проклятием, приносимым злым духом, который становился отцом одного из детей. В большинстве случаев оба близнеца жестоким образом умерщвлялись, а мать изгонялась племенем и отправлялась на территорию, являвшуюся резервацией для отверженных. Мэри не только спасала близнецов и служила матерям, но и неустанно боролась против сторонников этого языческого ритуала, иногда рискуя собственной жизнью. Она смело вмешивалась в племенные дела и постепенно

заслужила уважение, до того неслыханное для женщины. Но после трех лет работы Мэри опять серьезно заболела и более не могла оставаться в Африке.

Во второй отпуск Мэри уехала вместе с малышкой Джени, одной из двойни шести месяцев от роду, которую она спасла от смерти. Хотя Мэри отчаянно нуждалась в отдыхе, на родине ее забросали просьбами о встречах. Она и Джени явились сенсацией, и так велика была нужда в свидетельствах Мэри, что комиссия миссионерского общества продлила ей отпуск. Потом Мэри задержалась еще, ухаживая за больной матерью и сестрой; но наконец в 1885 г., почти через три года отсутствия, она вернулась в Африку, полная решимости проникнуть дальше в глубинку.

Вскоре после своего возвращения Мэри получила известие о смерти матери, а через три месяца после этого - о смерти сестры. Другая сестра умерла во время ее отпуска, и теперь Мэри осталась одна, без тесной связи с родиной. Она впала в уныние, ее охватило чувство одиночества: "Нет никого, кому я могла бы написать и рассказать обо всех своих делах и печалях и о всякой чепухе". Но вместе с чувством одиночества и печали пришло ощущение свободы: "Теперь Небеса для меня ближе, чем Британия, и никто не будет сожалеть обо мне, если я отправлюсь вглубь страны".

Глубинкой Мэри считала Окойонг, дикую территорию, на которой гибли другие миссионеры, осмелившиеся проникнуть через ее границы. Послать одинокую женщину к окойонгам многими считалось равнозначным сумасшествию, но Мэри твердо решила ехать, и ее невозможно было разубедить. Несколько раз посетив этот район вместе с другими миссионерами, Мэри пришла к убеждению, что первооткрывательская работа более всего подходит для женщин, которые, как она верила, меньше могли напугать дикие племена, чем мужчины. Поэтому в августе 1888-го, с помощью своего друга, короля Эйо из Старого города, она была на пути на север.

В последующие четверть века и даже больше Мэри продолжала миссию первооткрывателя в районах, где не мог выжить ни один белый человек. Пятнадцать лет (за вычетом двух отпусков) она жила с окойонгами, обучая их, ухаживая за ними, разрешая их споры. Ее репутация миротворца стала известной во всех близлежащих районах, и вскоре она выполняла роль судьи во всем регионе. В 1892 г. она стала первым вице-консулом в Окойонге и эту правительственную должность занимала много лет. Она исполняла функции судьи и возглавляла заседания суда, разбирая дела, относящиеся к земле, долгам, семейным проблемам и подобное. Ее методы были необычны по британским стандартам (она часто отказывалась вынести решение одна по какому-либо свидетельству, если знала лично о наличии других факторов), но ее методика прекрасно подходила для африканских условий. Хотя Мэри глубоко уважали как судью и благодаря ее влиянию колдовство и суеверия постепенно уменьшались, она не видела больших сдвигов в распространении христианства в Окойонге. Она считала себя первопроходцем и рассматривала свою работу как подготовительную, не без оснований беспокоясь о том, что не может послать блестящих отчетов домой о толпах обращенных и о цветущих церквях. Она открывала школы, учила практическим навыкам, организовывала торговлю - и все это делалось как подготовка к служению будущих миссионеров (чаще всего, рукоположенных мужчин), которые должны были последовать за ней. Она видела некоторые плоды своих евангелических стараний, но в основном это происходило в ее семье с приемными детьми. В 1903 г., ближе к концу ее деятельности в Окойонге, произошла первая служба крещения (семеро детей из одиннадцати крещенных были ее приемными детьми) и была организована церковь из семи членов.

Мэри, как пионер-миссионер, вела одинокую жизнь, но она никогда не оставалась полностью лишенной связей с общественностью на родине. Ее поездки в Англию во время отпусков и периодические посещения Дьюкта-уна помогали поддерживать связь с внешним миром. Во время одного из своих отпусков по болезни на побережье она встретила Чарлза Моррисона, молодого миссионера-учителя на восемнадцать лет младше ее, служившего в Дьюктауне. Их дружба крепла, они полюбили друг друга, а затем Мэри приняла его предложение выйти за него замуж, выговорив условие, что он будет работать вместе с ней в Окойонге. Однако свадьба так и не состоялась. Его здоровье не позволило ему оставаться даже в Дьюктауне, а для Мэри миссионерское служение стояло превыше личных интересов.

Наверное, Мэри и не была готова к семейной жизни. Ее жизненные привычки и повседневные заботы стали настолько независимыми, что ей лучше было оставаться

одной. С ней пробовали жить одинокие женщины, но обычно безуспешно. Вопросы гигиены и санитарии ее беспокоили не очень сильно, и ее глиняные хижины кишели тараканами, крысами и муравьями. Прием пищи, школьные занятия, церковные службы проходили нерегулярно - намного более подходящий образ жизни для африканцев, чем для ориентированных на время европейцев. Одежда также мало интересовала Мэри. Она очень быстро обнаружила, что скромные, туго обтягивающие длинные платья викторианской Англии плохо подходят для жизни в африканских влажных лесах. Вместо них она носила простую хлопчатобумажную одежду, часто прилипавшую к телу из-за влаги (это заставило одного миссионера настоять на том, что он пойдет впереди нее в джунглях, чтобы не видеть ее, хотя он был человеком, хорошо знакомым с искушениями).

Мэри часто не удавалось принять необходимых мер для сохранения здоровья и она "жила, как местные" (как говорили другие миссионеры).

Но удивительно, что она пережила многих из своих миссионеров-коллег, которые так пеклись о своем здоровье и гигиене. И все же она испытывала повторявшиеся приступы малярии и часто болезненно обжигала лицо. Ожоги, появлявшиеся на ее лице и голове, иногда приводили к возникновению лысины. Временами, однако, она чувствовала себя на удивление здоровой и крепкой для пожилой женщины. Ее многочисленные дети делали ее молодой и счастливой, и она искренне могла говорить, что "испытала совершенную радость и удовлетворение одинокой жизни".

В 1904 г., в возрасте пятидесяти пяти лет, Мэри уехала из Окойонга со своей семьей детьми, чтобы выполнить исследовательскую работу в Иту и других отдаленных районах. Она добилась огромного успеха и в работе с людьми племени иту. Джеки, ее старшая приемная дочь, теперь стала бесценной помощницей в работе, а другая женщина-миссионерка согласилась продолжать ее работу в Окойон-ге. В оставшиеся десять лет своей жизни Мэри опять выполняла работу первопроходца, а за ней следовали другие - их служение проходило намного легче после ее подготовительной работы. В 1915 г., почти через сорок лет после приезда в Африку, она умерла в возрасте шестидесяти шести лет в своей глиняной хижине, став величайшим свидетельством деятельности христианских миссий в Африке.

За время ее служения в Африке объем миссионерской работы существенно возрос. Это был период быстрого развития миссий независимой веры. Конфессиональные миссии, поддерживаемые англиканами (выросшие от чуть более сотни до более тысячи за этот период), пресвитерианами, методистами и баптистами, значительно увеличили количество своих зарубежных представительств и к 1915 г. твердой ногой ступили на африканскую землю, становясь главной миссионерской силой на Черном континенте. Это были такие миссии, как Христианско-миссионерский союз (ХМС), миссия "Евангельский союз" (МЕС), Суданская внутренняя миссия (СВМ) и Африканская внутренняя миссия (АВМ).

Глава 7. Дальний Восток: "варвары нам не нужны"

Впечатляющие миссионерские предприятия, организованные в Индии и Африке в конце XVIII - начале XIX в., конечно же, гораздо значительнее миссионерской деятельности на Востоке. Япония, Корея и Китай были изолированными странами, и совершенно очевидно, что христианство там было нежелательным явлением. Только в конце 1850-х гг. протестантские миссионерские советы смогли начать работу в Японии, но даже тогда прогресс проходил болезненно медленно. Корея еще дольше продержалась в изоляции, и первая протестантская миссия не могла проникнуть в эту страну до 1865 г. Но в Китае, несмотря на отчаянную оппозицию, деятельность протестантских миссий началась уже в первом десятилетии XIX в. В этот период только маленькая территория под названием Кантон и португальская колония Макао были открыты для проживания иностранцев. Таким образом, деятельность миссий существенно ограничивалась; но, по крайней мере, работа в этих пунктах положила начало миссионерской деятельности в Китае - и этого было достаточно для того, чтобы христиане заинтересовались судьбой тех, кто не слышал Благой вести.

Скрытым мотивом восточной изоляции была национальная гордость. Народы Востока гордились своей цивилизацией и обычно смотрели на иностранцев как на варваров или, хуже того, как на "иностранных дьяволов". Народ Китая имел непрерывную четырехтысячелетнюю историю, древнее которой мир не знает, и поэтому по праву отвергал подразумеваемое превосходство Запада. И культура, и религия в этой стране обладали четко выраженным восточным налетом, который западному уму понять было трудно. Ранняя восточная религия развивалась вокруг духа и культа предков и, естественно, была разнообразной и неорганизованной. Однако с введением философии конфуцианства и даосизма в VI в. до н. э., а впоследствии и с проникновением буддизма в Китай в I в. н. э. (а отсюда - в Корею и Японию), религиозная обстановка резко изменилась. Организованные религиозные учения и националистическая гордость соединились вместе, и все попытки распространить христианство терпели неудачу.

Христианство пришло на Восток, в частности в Китай, в четыре этапа. Жившие в Персии несторианские христиане VII в. были первыми, кто пытался евангелизировать Китай. Преследования христиан во все времена отличались жестокостью, но церковь там сохранилась до XIV в. Римские католики вошли в Китай в конце XIII в. В 1293 г. францисканский монах Джон был направлен папой распространять в Китае христианскую веру. Менее чем за десять лет он основал в Пекине церковь почти из шести тысяч прихожан, но начавшиеся через некоторое время преследования положили быстрый конец его трудам. В XVI в. римские католики, вдохновленные Франциском Ксаверием (см. гл. 2), вновь прибыли в Китай под флагом иезуитов. На этот раз католики выжили, хотя ужасы преследований не прекращались. Четвертая и последняя попытка миссионерского влияния на Китай была предпринята протестантами - прорыв, начатый Робертом Моррисоном в начале XIX в. Но Китай все еще оставался закрытой страной. Китайские власти яростно сопротивлялись ввозу опиума, и единственным решением этой проблемы с их стороны явился запрет всякой торговли и закрытие прибрежных портов для иностранных торговцев - вызов, который британцы не могли стерпеть.

Британцы настаивали на контрабандном ввозе опиума для миллионов китайских потребителей. К сожалению, их заботили лишь проблемы экономики, а вопросу морали уделялось очень мало внимания. Торговля опиумом из Индии была чрезвычайно выгодна Ост-Индской компании. Прибыли помогали Британии оплачивать колониальные и административные расходы. По этой причине британские власти игнорировали запрет императора на ввоз опиума в начале 1830-х, а к 1836 г. ввоз опиума увеличился втрое. Тот факт, что истощенные потребители опиума умирали на улицах и что три сына императора также умерли от этой отравы, не принимался во внимание, тогда как многие британцы утверждали, что опиум ничуть не хуже табака.

К 1839 г. напряженные отношения вылились в открытую войну. В парламенте звучали горячие споры. Военные ястребы выиграли, и британцы применили военную силу, заставив

Китай открыть морские порты. Опиумная война закончилась Нанкинским соглашением, по которому Гонконг отходил к Великобритании, а Китай открывал для иностранной торговли пять прибрежных портов. Это явилось победой экономической, но вряд ли моральной. "Мы победили, - писал лорд Шафтсбери (Lord Shaftesbury), - в одной из самых незаконных, ненужных и несправедливых войн во всей истории, в этой жестокой и низкой войне". Звучали и другие голоса протеста - из миссионерских рядов, но в то же время многие церковные и миссионерские лидеры верили, что Китай должен быть открыт для Евангелия любым путем, даже если для этого придется применить военную силу. К сожалению, некоторые миссионеры сами были связаны с контрабандой опиума. Но ввоз контрабанды прекратился в 1850-е, когда после второй англо-китайской военной кампании опиум стал официально узаконенным товаром. С этим последним унижением Китая миссионерские общества быстро двинулись вглубь страны. Вместе с опиумом теперь можно было законно торговать христианством, не платя при этом высокую цену.

Роберт Моррисон

Роберт Моррисон был первым протестантским миссионером, попавшим в Китай, что само по себе является примечательным, поскольку на пути иностранцев стояли значительные препятствия в этой враждебной земле в первой половине XIX в. Он молился о том, чтобы "Бог поставил его в той части поля, где трудности самые большие и по всем человеческим меркам самые неподъемные". И получил ответ на свою молитву. Он выстоял двадцать пять лет в Китае, увидев чуть более десятка обращенных, а к моменту его смерти во всей Китайской империи было известно только о трех местных христианах.

Моррисон родился в Англии в 1782 г и был самым младшим из восьмерых детей. Еще маленьким ребенком он стал подмастерьем у отца, который изготавливал деревянные колодки, использовавшиеся в сапожном деле и ремонте обуви. Это было трудное время для маленького Роберта, постоянно находившегося под пристальным наблюдением строгого, но преданного шотландско-пресвитерианской церкви отца. Времени на игры совсем не оставалось. Его свободное время проходило в изучении Писаний под наблюдением местного священника. В возрасте пятнадцати лет он был обращен, а в последующие несколько лет, после чтения статей в миссионерских журналах, его стало интересовать миссионерское служение за рубежом. Стать миссионером было его мечтой, но на пути встало одно препятствие - его мать. Между ними существовала сильная привязанность, и он уступил ее просьбе, пообещав не уезжать за границу, пока она жива. Отсрочка была короткой. Она умерла в 1802 г., когда ему было двадцать лет. Он никогда не жалел о своем решении ждать, высоко ценя возможность служить ей в те часы, когда она умирала.

Вскоре после смерти матери Моррисон уехал в Лондон для подготовки к служению. Он проучился два года, а затем обратился в Лондонское миссионерское общество по зарубежной службе и был принят. Эта радость была омрачена отношением к происшедшему его семьи и коллег. Почему молодой и талантливый священник стремится отдать свою жизнь служению в языческой стране, когда на родине существует столько возможностей для эффективной деятельности? Несмотря на их доводы и уговоры, Моррисон твердо стоял на своем. Китай не выходил из его головы, но когда он принял решение ехать, у него появилась возможность заниматься с китайским ученым, жившим в Лондоне. Его отплытие отложили, чтобы найти коллегу для совместного служения.

Партнера не нашли, и Моррисон решил ехать один; но получить разрешение на въезд в Китай было непростым делом. Ост-Индская компания отказывалась взять его. Наконец в январе 1807 г., почти через пять лет после смерти своей матери, он отплыл в Китай на американском судне, отправлявшемся в Кантон через Соединенные Штаты. Тем временем в Соединенных Штатах Моррисон встретился с Госсекретарем Джеймсом Мэдисоном, который дал ему рекомендательное письмо на имя американского консула в Кантоне. Там же, в Америке, произошел любопытный разговор, часто цитировавшийся впоследствии, Моррисона с владельцем корабля, который саркастически уколол молодого миссионера: "Итак, мистер Моррисон, вы действительно предполагаете произвести впечатление на язычество великой Китайской империи?" На что Моррисон ответил: "Нет, сэр, но я предполагаю, что Бог сделает это". >

Моррисон приехал в Кантон в сентябре 1807 г., через семь месяцев после того, как покинул Англию. Тогда начались настоящие проблемы. Дальнейшее изучение китайского языка было возможно лишь в условиях строжайшей секретности. Его присутствие в Кантоне находилось под постоянным наблюдением Ост-Индской компании, чьи чиновники запрещали любую деятельность, которая каким-нибудь образом касалась евангелизации китайцев. Как в Индии, так и в Китае они охраняли свои торговые интересы... Но что еще хуже, Моррисон был вынужден жить так, как жили все чиновники компании, впустую тратя деньги, что его очень огорчало. Одиночество также оказалось серьезным испытанием. Работа без партнера проходила достаточно сложно, но отсутствие общения с домом (несмотря на регулярную почту) было невыносимо и причиняло ему лишние страдания. Через год после приезда он писал другу: "Вчера я получил ваше очень приветливое письмо. Это всего лишь второе письмо, что я получил, написав по меньшей мере двести". Причина отсутствия писем от семьи и друзей? Они были слишком заняты.

Несмотря на ограничения, сопровождавшие его пребывание, жизнь Моррисона в Кантоне не была пустой тратой времени. Вскоре после приезда он нашел двух китайцев, католических обращенных, которые с готовностью стали обучать его китайскому. Эти двое так боялись властей, что носили с собой яд, чтобы покончить с собой немедленно и избежать неминуемых пыток, когда их обнаружат. Моррисон учился вместе с ними и начал составлять словарь, а также тайком переводить Библию. Словарь произвел такое впечатление на чиновников Ост-Индской компании, что менее чем через полтора года после его приезда они предложили ему должность переводчика. Хотя Моррисона мирская должность не радовала, он знал, что она была единственным способом наладить отношения с компанией, и, кроме того, щедрая оплата его труда также была стимулом

Во время его переговоров с Ост-Индской компанией он задумался и об изменениях в своей личной жизни. После короткого ухаживания он женился на Мэри Мортон, дочери доктора-англичанина, который в то время жил в Китае. Женщины не допускались в Кантон, поэтому Моррисон устроился в Макао, португальской колонии, живя полгода в Макао, а другую половину года работая в Кантоне на Ост-Индскую компанию. В Макао он убедился, что католики были еще более ограниченными в своих правах, чем чиновники компании в Кантоне.

Первые годы семейной жизни Моррисона не были счастливыми. Его разлука с Мэри, равно как и ее слабое здоровье и духовное состояние, мало способствовали плодотворной работе Моррисона. Он признавался другу: "Вчера я приехал в Кантон. Я оставил мою дорогую Мэри не в лучшем состоянии. Ее слабый ум в смятении. Моя бедная, страдающая Мэри, да благословит ее Господь, она ходит во тьме и не имеет света". Состояние Мэри несколько улучшилось на время, но в 1815 г, через шесть лет после свадьбы, плохое здоровье вынудило ее вернуться в Англию с двумя маленькими детьми. Проведя там шесть лет, она с детьми приехала обратно, чтобы пережить короткую и радостную встречу. Летом 1821 г Мэри неожиданно умерла. На следующий год Моррисон с болью расстался со своей девятилетней Ребеккой и семилетним Джоном. Он отправил их обратно в Англию, чтобы они могли "получить простое воспитание, но более всего научиться страху Господню".

Долгие разлуки Моррисона с женой и детьми, хоть и были горькими, позволили ему найти драгоценное время для перевода Библии, что он выполнял с неутомимой энергией. Он использовал время, которое должен был посвящать Ост-Индской компании (именно эта работа намного обогатила его знание языка), всегда считая себя в первую очередь миссионером Евангелия, хотя и не говорил об этом открыто. Его первый обращенный (появившийся через семь лет его миссионерской карьеры) был крещен "вдали от людских взоров", чтобы избежать гнева и британских, и китайских властей. Он хорошо понимал, что само его пребывание в Китае было милостью со стороны Ост-Индской компании. Это стало очевидно в 1815 г, когда был опубликован его перевод Нового Завета. Чиновники компании немедленно объявили о его увольнении. Хотя это обеспокоило Моррисона, увольнения так и не последовало. Работа этого человека оказалась незаменимой для компании.

Раздражения и недовольства со стороны Ост-Индской компании следовало ожидать, но эти же чувства испытывали в отношении его труда и некоторые христиане. Как жаль, что даже в этих кругах существовало горькое соперничество в попытке перевести Библию на китайский. В 1806 г, еще до приезда Моррисона в Китай, Джошуа Маршман, коллега Кэри по Серампуру, начал изучать китайский язык, планируя перевести Библию. Когда Моррисон услышал о планах Маршмана в 1808 г, он немедленно написал в Серампур, но так и не получил ответа. Маршман явно не хотел, чтобы Моррисона запомнили как первого переводчика Библии на китайский. Острое соперничество (хотя никогда не выражавшееся в личной форме) проявилось также в несправедливом обвинении Маршмана в плагиате со стороны некоторых коллег Моррисона. Наконец Маршман выиграл гонки, но то была пиррова победа. Его перевод, по словам его собственного сына, "был далек от совершенства", и этот труд можно было оценить "в основном как памятник его миссионерскому рвению и литературной стойкости" и, можно добавить, упрямой гордыне. Перевод Моррисона, тщательно выверенный перед опубликованием (и по этой причине задержавшийся) был значительно лучше; и скорее Моррисона, чем Маршмана, помнят как первого переводчика китайской Библии.

Закончив перевод Библии, Моррисон вернулся в 1824 г. в Англию в свой первый за семнадцать лет отпуск. Хотя о нем часто забывали, пока он жил в Кантоне, в Англии он оказался знаменитостью, постоянно осаждаемой приглашениями выступить с речью. Моррисон понимал, что о его служении нельзя рассказать за один вечер, а потому предложил серию лекций и уроки языка для тех, кто действительно был заинтересован служением в Китае. Он испытывал такую озабоченность продолжением миссионерского служения и, в частности, женского служения, что организовал специальный класс для женщин в собственном доме Интересно, что одной из первых поступила в этот класс девятнадцатилетняя Мэри Алдерси (Mary Aldersey), которую впоследствии вспоминали как человека, сыгравшего отрицательную роль в одной из величайших историй любви миссионеров (см. рассказ о Тейлоре).

В 1826 г., пробыв два года в Англии, Моррисон вернулся в Кантон в сопровождении двух своих детей и новой жены, Элизабет. Там он продолжил перевод христианской литературы и подпольное благовествование. Но большим временем он не располагал, а на службе все чаще требовался переводчик по мере того, как росли конфликты между торговыми интересами Англии и Китая, что постепенно привело к войне. Посреди этой суматошной жизни он усыновил еще четверых детей, и семейные заботы также отнимали у него массу времени, пока в 1832 г со слезами на глазах он не проводил жену и детей в Англию. Работа в компании требовала огромного напряжения Моррисон работал, пока не истощились силы и его хрупкий организм не сдался. Но наступившая депрессия длилась недолго. Он умер в 1834 г., раньше чем до него дошло известие, что его семья благополучно доехала до Англии. Его смерть совпала с вынужденным отъездом из Китая Ост-Индской компании и со смертью другого великого миссионера-первопроходца, Уильяма Кэри, который менее чем за два месяца до того умер в Индии.

Карл Ф. А. Гутцлафф

История христианских миссий на Востоке будет не полной без рассказа о Карле Гутцлаффе (Gutzlaff), которого, согласно историку Стефану Нейлу, "можно считать и святым, и сумасшедшим, и провидцем, а также истинным пионером и заблуждавшимся фанатиком". Гутцлафф родился в Германии в 1803 г., посещал школу в Базеле и Берлине. Ему было чуть за двадцать, когда он был призван Нидерландским миссионерским обществом как миссионер в Индонезию. Там он начал работать с китайскими беженцами без одобрения Общества, что привело к его изгнанию из Общества через два года, и тогда он стал независимым.

Гутцлафф наслаждался своей свободой. Из Индонезии он отправился в Бангкок, Таиланд, где оделся в национальное платье и жил жизнью местных. Во время трехлетнего пребывания в этой стране он и его жена осознали невероятную сложность задачи перевода всей Библии на сиамский и части Библии на камбоджийский и лаосский языки. В Таиланде он прожил недолго из-за безвременной смерти жены и новорожденной дочери и из-за собственного плохого здоровья.

Покинув Таиланд в 1831 г., Гутцлафф отправился путешествовать вдоль китайского побережья. Он плывал на любом судне, куда мог достать пропуск, будь то хоть китайская джонка или клипер, перевозивший контрабандный опиум. Так он добрался до Тяньцзиня и Маньчжурии с короткими остановками в Корею и на Формозе. Везде он проповедовал Евангелие и распространял христианские брошюры и части Писаний, которые, в частности, ему доставлял Роберт Моррисон из Кантона. В 1833 г., через два года путешествий вдоль побережья, Гутцлафф стал проникать вглубь, распространяя литературу и проповедуя. Его китайское платье и беглое знание языка позволяли ему продвигаться практически незамеченным, пока не разразилась Опиумная война 1839 г. Во время Опиумной войны Гутцлафф, как и Моррисон, служил переводчиком для британцев и помогал на переговорах, приведших к Нанкинскому соглашению в 1842 г. После этого он обустроился в Гонконге и оттуда начал осуществлять свою мечту охватить весь Китай благовестием. Он решил обучить китайцев благовествованию и послать их вглубь страны, чтобы проповедовать и распространять христианскую литературу. Его целью было евангелизировать Китай за одно поколение. В течение шести лет Гутцлафф подготовил более трехсот китайских работников, и отчеты о его успехах были феноменальными. Были распространены тысячи Новых Заветов и бесчисленное количество других христианских книг и брошюр. Люди стекались

отовсюду, чтобы послушать Благую весть. Самой поразительной новостью оказалось то, что "после проверки и удовлетворительного исповедания своей веры" крестились 2871 человек. Это было свидетельство, о котором мечтает каждый миссионер, и история успеха, о котором мечтают те, кто поддерживает жертвованиями на родине. Там подробные письма Гутцлаффа читались с большим воодушевлением, а миссионерские организации и отдельные христиане по всей Европе посылали в Китай финансовую помощь.

В 1849 г., получив двух европейских помощников, Гутцлафф приехал в Европу лично, чтобы поделиться чудесной новостью о том, что Бог делал в Китае. Он с триумфом ездил и проповедовал по всем Британским островам и на континенте. Его истории зачаровывали и были слишком хороши, чтобы являться правдой. И сомнения подтвердились. В 1850 г., когда он был в Германии, яркий воздушный шарик лопнул. Все подвиги оказались жуткой мистификацией, совершавшейся его китайскими помощниками, многие из которых были просто бессовестными жуликами. Литературу вместо распространения продавали издателям, которые, в свою очередь, продавали ее вновь легковверному Гутцлаффу. Истории об обращенных и крестившихся были сфабрикованы, а жертвенные деньги быстро находили употребление на черном рынке торговли опиумом.

Хоть новости и ввергли в полный шок его сторонников, сам Гутцлафф, как свидетельствуют очевидцы, догадывался о шатком положении вещей еще до отъезда из Китая в европейское турне. Очевидно, гордыня заставила его защищать свою репутацию и закрыть глаза на явные свидетельства неблагополучия. Раскрыв истинное положение вещей, Гутцлафф вернулся в Китай, поклявшись реорганизовать работу, но в 1851 г. он умер, а его репутация так и осталась подмоченной. Для кого-то он так и остался героем, а из его миссионерских усилий родилось Китайское евангелизационное общество, которое в 1853 г. привлекло в Китай Хадсона Тейлора. Гутцлафф более чем кто-либо другой повлиял на евангелизационные методы и цели энтузиастов вроде молодого Тейлора, и в последующие годы Тейлор говорил о нем как о "дедушке Китайской внутренней миссии".

Семья Хадсона Тейлора

Ни один другой миссионер, начиная с апостола Павла, не обладал таким пониманием своей задачи и не выполнил более систематизированный план проповеди Евангелия в широкой географической области, чем Хадсон Тейлор. Он поставил перед собой цель завоевать сердца всего Китая, всех четырехсот миллионов человек, и ради нее он работал, хотя и не один. У него был организаторский талант, а его обаятельная личность притягивала к нему и заставляла соглашаться с ним и мужчин, и женщин. Китайская внутренняя миссия была его творением и основанием для будущих миссий веры. При жизни этого человека миссионерская сила под его началом насчитывала более восьмисот человек, а в течение десятилетий после его смерти продолжала расти. Но Хадсон Тейлор не сумел бы один развить это движение. Его первая жена, Мария, была неоценимым помощником в подготовке плана действий, а его вторая жена, Дженни, шла в первых рядах, выполняя этот план. История Тейлора - это не просто история великого миссионерского лидера, это история любви, приключений и непоколебимой веры в Бога, хотя и не история непорочного святого, каким его представляли первые биографы.

Хадсон Тейлор родился в Йоркшире, Англия, в 1832 г. Его отец был фармацевтом и непрофессиональным проповедником в методистской церкви и сумел привлечь ум и сердце сына к миссионерским устремлениям. Не достигнув еще пятилетнего возраста, маленький Хадсон Тейлор говорил гостям, что хочет когда-нибудь стать миссионером, а Китай был той страной, что притягивала его больше всего.

Хотя семейное чтение Библии и молитвы являлись неотъемлемой частью его воспитания, Тейлор уверовал только в семнадцать лет. Летом 1849 г. его мама надолго уехала в гости к подруге. Юный Тейлор был дома, лениво перебирая бумаги в отцовской библиотеке, и наткнулся на религиозные брошюры. Более заинтересованный рассказами, чем практическим применением духовных истин, он выбрал одну и решил прочесть. Когда он читал, то ощутил вдруг "радостное убеждение, что... свет Святым Духом ярко ворвался к нему в душу... Ничего другого не оставалось, как пасть на

колени и принять Спасителя и Его Спасение, возблагодарить Его во веки веков". Когда две недели спустя его мама вернулась домой и он ей рассказал об этом, она не удивилась. Она сказала ему, что в тот самый момент, две недели назад, находясь в доме своей подруги, она вдруг ощутила сильное желание помолиться за его спасение, поэтому пошла в свою комнату и молилась до тех пор, пока не почувствовала уверенность, что Бог ответил на ее молитвы.

С того момента Тейлор сосредоточил все свое внимание на целях миссионерской работы в Китае. Хотя его единственным стремлением была евангелизация, он решил приобрести практические навыки для более успешной работы с людьми. И поэтому в возрасте девятнадцати лет он начал изучать медицину, сначала ассистентом врача в маленьком городке, а затем на стажировке в лондонском госпитале. Рвение молодого Тейлора выразилось в жесткой программе самоотречения в качестве дополнительной подготовки к миссионерской работе. То была попытка жить полностью по вере. Он питался очень скудно - фунт яблок и булка каждый день, его комната на чердаке была голой и лишенной удобств, к которым он привык. Он даже не напоминал своему работодателю о долгах по зарплате. Он обосновывал такую линию поведения очень просто: "...когда я доберусь до Китая, я не буду ни от кого ничего требовать; буду полагаться только на Бога. Поэтому необыкновенно важно научиться, прежде чем покинуть Англию, постичь водительство Божье только силой молитвы". Но одна лишь сила молитвы не смогла укрепить физическую силу Тейлора. Его уже слабое здоровье пошатнулось, а скудное питание и контакт с мертвым телом в анатомическом театре определенно не улучшили положение. Он заразился "злокачественной лихорадкой", которая чуть не оборвала его молодую жизнь, вынудив на несколько месяцев приостановить занятия медициной.

Бороться с физическими потребностями и отказаться от удобств жизни молодому Тейлору оказалось намного легче, чем преодолеть свои романтические интересы. "Мисс В.", как он обращался к ней в своих письмах, стала объектом его теплой привязанности. Она была молодой учительницей музыки, которую ему представила его сестра, и Тейлор влюбился с первого взгляда. После первой встречи он писал своей сестре: "Я знаю, что люблю ее. Уехать без нее означает сделать мир пустым". Но в планы мисс Вон (Vaughn) не входил отъезд в Китай. Она считала страсть Тейлора к миссиям быстро преходящей фантазией, очевидно уверенная, что он не бросит ее просто из-за желания исполнить дикую мечту о далекой земле. Тейлор был в равной степени уверен, что она изменит свое мнение и приедет к нему. Дважды объявлялась помолвка, но затем она разрывалась. Верность Тейлора Богу оказалась сильнее, чем любовь к женщине.

Возможность отъезда в Китай пришла неожиданно. Его планы завершить медицинскую подготовку были внезапно прерваны, когда до Англии дошло известие, что Ханг, исповедующий христианскую веру, стал императором Китая. Теперь Китай оказался полностью открыт для Евангелия, и это стало ответом на молитвы директоров Китайского евангелизационного общества, которые оплачивали медицинское образование Тейлора. Им хотелось, чтобы он немедленно отправился в Китай. Поэтому в сентябре 1853 г. Тейлор, которому исполнился двадцать один год, отплыл туда.

Он прибыл в Шанхай ранней весной 1854 г. Это было странное и волнующее место для молодого англичанина, который никогда раньше не уезжал далеко от Йоркшира. Шанхай был городом с крышами буддистских храмов, изукрашенными драконами, узкими улочками, обрамленными лачугами, дешевым трудом бедняков. Город был полон забитыми женщинами с крошечными ступнями, мужчинами с хвостиками на голове и снобистским интернациональным населением. В этом международном поселении, где Тейлор нашел свой первый дом, его вскоре одолело одиночество. КЕО оказалось маленьким неорганизованным Советом, и в Китае не было никого, кто мог бы работать с молодым добровольцем-миссионером. В международном поселке жило множество миссионеров, но все они смотрели сверху вниз на молодого, необразованного и нерукоположенного юнца, который имел смелость называть себя миссионером.

Вскоре после приезда Тейлор попал в затруднительное финансовое положение. Обещанные подъемные еще не прибыли, а те деньги, что он имел при себе, были крошечной суммой по сравнению с инфляционными шанхайскими ценами. Мечта о воображаемом Китае стала блекнуть, и его мысли все чаще возвращались к дням юности в родном Йоркшире. Чувство тоски по дому заполняло его письма семье: "Как

бы я хотел выразить то, как сильно я вас всех люблю. Та любовь, что внутри меня, дает чувствовать свою силу. Я раньше не догадывался, как сильно я люблю всех вас"".

Попытки Тейлора овладеть китайским языком только увеличили и без того частые приступы депрессии. Его первые месяцы в Шанхае были наполнены долгими часами изучения языка, и случались моменты, когда он боялся, что никогда не сможет выучить этот язык. К счастью, у него все же был выход - его хобби. Он коллекционировал растения и насекомых. Намного большим источником утешения для него была глубокая личная вера в Бога. Он писал директорам КЕО: "Молитесь за меня, ибо я подавлен выше всякой меры, и если бы я не находил Слово Божье все более благословенным и не чувствовал Его присутствия рядом с собой, не знаю, что я бы сделал".

Прожив несколько месяцев в поселке Лондонского миссионерского общества, Тейлор временно выехал из международного поселения и купил собственную лачугу, которую описал как имеющую "двенадцать комнат, множество дверей, бесконечные проходы, и все покрыто пылью, грязью, мусором и отходами". Далеко не идеальные жилищные условия. Хуже того, рядом бушевала гражданская война, а суровая зимняя стужа безжалостно проникала через тонкие стены. Несколько месяцев независимости, и он уже задумался о том, не вернуться ли обратно в международное поселение.

Тейлор никогда не испытывал большой радости от жизни рядом с другими миссионерами. В его представлении они жили в роскоши. Не было "места в мире, где бы миссионеры... находились бы в более привилегированном положении, чем в Шанхае". Он считал большую часть из них ленивыми, самодовольными, а американских миссионеров колко охарактеризовал как "очень грязных и вульгарных". Он хотел как можно быстрее уйти от их "критических покусываний за спиной и саркастических замечаний", и поэтому менее чем через год после приезда в Китай Тейлор начал свои путешествия в глубинные районы страны. В одной из поездок он прошел вверх по реке Янцзы и останавливался почти в шестидесяти поселениях, в которых никогда раньше не появлялись протестантские миссионеры. Это было волнующее время, когда он путешествовал в одиночку, а реже со спутником. Путешествия стали просветительскими; они обогатили его знаниями и пробудили беспокойство о судьбе внутренних областей Китая.

Зарубежные миссионеры стали обычным явлением в Шанхае, и китайцы не обращали на них большого внимания. В глубинке ситуация была совершенно иной. В начале своих поездок Тейлор нашел, что был новинкой для людей и они намного больше интересовались его одеждой и манерами, чем его речами. Логическое решение напрашивалось само собой - стать китайцем: надеть китайское платье и принять их культуру. Иезуитские миссионеры давно переняли китайский образ жизни и служили с большим успехом, но многие протестантские миссионеры считали такое поведение существенным отклонением от принятых миссионерских методов. Для них христианство не было "кошерным", пока не одевалось в западные одежды.

Стать китайцем было сложным делом для голубоглазого и золотоволосого, воспитанного в Йоркшире Тейлора. Широкие шаровары "два в ширину, два в длину, опоясанные вокруг талии", "тяжелое шелковое платье" и "обувь на плоской подошве" с загнутыми вверх носами были достаточным испытанием, но, чтобы смешаться с китайским населением, нужно было еще иметь черные волосы и сзади хвостик. Первая попытка Тейлора покрасить волосы окончилась неудачей. Нашатырный спирт обжег ему кожу на голове и чуть не ослепил. К счастью, миссионерский доктор был поблизости и через неделю Тейлор выздоровел в достаточной степени, чтобы начать выходить. Несмотря на отрицательный опыт, Тейлор претворил план в действие, "отдав свои локоны на волю парикмахеру" и покрасив волосы. Но это было не смешно. Он обнаружил, что "очень больно быть обритым впервые в жизни, когда кожа так раздражена и ее щиплет под жарким солнцем", а "последующее применение краски через пять-шесть часов никак не успокаивает раздражения". Но то, что произошло, стоило всех страданий. С фальшивыми волосами, сплетенными со своими, чтобы сделать хвостик, и с китайскими очками Тейлор слился с толпой: "Вы бы не узнали меня, если бы встретили на улице с другими китайцами... Никто не подозревает во мне иностранца".

Насколько Тейлор считал замечательным свой новый внешний вид, настолько многие его коллеги были неприятно поражены происшедшей в нем переменой. Он был для них белой вороной в приличной стае и скоро стал предметом насмешек. Даже его семья

была шокирована, когда узнала новости. Но если Тейлор потом и пожалел о своем решении, он никогда не признавался в этом, а его принятие китайского платья и культуры стали его визитной карточкой. Он не только смог свободно передвигаться в глубинке, но также нашел китайское платье намного более удобным для жизни в местном климате, чем западный костюм. Легкость и комфорт, с которыми двигался Тейлор, произвели такое впечатление на миссионера-ветерана Уильяма Бернса (William Burns), спутника Тейлора в его поездках, что тот тоже стал носить китайское платье.

Но китайское платье не разрешило все проблемы Тейлора относительно работы в глубинке. Когда он во время путешествий лечил людей, то вступал в прямое соперничество с местными докторами, и в результате его выдворяли из городов по самым разным поводам. Само путешествие также было опасным. Однажды слуга его, нанятый носить вещи, скрылся с деньгами и имуществом Тейлора, вынудив его вернуться в Шанхай и найти приют у коллег-миссионеров, пока он не получил почтой частное пожертвование из Англии - сорок фунтов, точную сумму денег, которую украли. Тейлор бы не выжил в первые годы в Китае без частных пожертвований. Хотя его принятие китайской культуры и проживание в глубинке существенным образом уменьшило расходы на жизнь, поддержка из КЕО приходила нерегулярно, а суммы были намного меньше того, на что можно было прожить. Молодой миссионер обвинил Общество в том, что оно "ведет себя постыдно", не оказывая ему и еще одному миссионеру должной финансовой поддержки. В 1875 г., через три года напряженных взаимоотношений со своим Обществом, Тейлор уволился из КЕО. С этого момента он стал полностью независимым, так и не осев на одном месте, и путешествовал по внутреннему Китаю "не праздно, но бесцельно", как сказал об этом один миссионер.

Одиночество, которое испытал Тейлор в первые месяцы жизни в Китае, все еще тяготело над ним. Он отчаянно хотел жениться. Хотя мисс Вон отказалась приехать в Китай, он не мог забыть ее: "Я буду рад получить любую весточку от мисс Вон, если это возможно. Она может заполучить мужа богаче и красивее, но будет ли он более предан ей, чем я?" Надежды на брак с ней постепенно угасали, и тогда Тейлор вспомнил об Элизабет Сиссонс, другой молодой женщине, которую он знал в Англии. Он написал ей, прося локон ее волос, а после получения не стал тратить времени зря и сделал ей предложение. Элизабет согласилась, но помолвка оказалась короткой. Возможно, новости о его китайском платье и косичке заставили ее засомневаться в своем решении, но какой бы ни была причина, она не решилась выполнить обещание. Она перестала отвечать на его письма, и какое-то время он подумывал о том, чтобы "бросить миссионерскую работу" и вернуться в Англию, ухаживать за ней.

В этот период депрессии и неопределенности Тейлор прибыл в Нинбо, важный портовый город на юге от Шанхая, и встретил Марию Дайер (Maria Dyer). Вначале он не испытывал к ней очевидного романтического интереса. Тейлор все еще лелеял мечты об Элизабет, а Мария относилась с легкой подозрительностью к англичанину в платье и с косичкой. У нее были смешанные чувства: "Не могу сказать, чтобы я полюбила его сразу, но я почувствовала к нему интерес и не могла забыть его. Я виделась с ним время от времени, но все же этот интерес не пропадал. У меня не было оснований думать, что это взаимно, он вел себя совершенно ненавязчиво и никогда не делал никаких намеков". Если Тейлор сдерживал проявление внешних чувств к Марии, то потому, что все еще ждал ответа Элизабет; и он, нет сомнения, боялся третьего отказа, прояви он интерес к мисс Дайер. Но в своем дневнике он говорил, что это "дорогое и сладкое создание имеет все добрые качества мисс С. и даже много больше. Она драгоценное сокровище и стоит многого, она обладает неутомимым рвением делать добро для этих бедных людей. Она также леди..." Что касается "очень приметного" и "решительного оттенка в ее глазах", неуверенный Тейлор был благодарен за него: "Я чувствовал, что это давало мне шанс завоевать ее".

Мария Дайер родилась в семье миссионеров в Китае. Ее отец умер, когда она была еще маленьким ребенком, а через несколько лет умерла и мать. После этого Марию с братом и сестрой отправили домой, в Лондон, для получения образования; но для Марии и ее старшей сестры Китай остался родным домом. Они вернулись, когда им было около двадцати лет, чтобы служить учительницами в школе для девочек мисс Мэри Энн Алдерси. Мисс Алдерси была первой женщиной-миссионеркой в Китае, она открыла первую школу для девочек в стране, где главенствовали мужчины. Она была воистину замечательной женщиной, чья преданность Господу и миссионерскому делу

никогда не оспаривалась; но в расцветавшем романе между Хадсоном Тейлором и Марией Дайер она сыграла злую роль, и, к сожалению, ее помнят только по этой роли. В марте 1857 г., через несколько месяцев после знакомства, Тейлор сделал свой первый шаг и, что типично для его характера, это был смелый шаг - он написал письмо, содержащее предложение о браке. Общий друг принес Марии письмо прямо на занятия в школу. Мария втайне надеялась, что письмо от Тейлора, но дождалась, когда закончатся занятия, чтобы вскрыть письмо и ознакомиться с его содержанием: "Когда я открыла это письмо, я прочитала о его привязанности ко мне и о том, как он верил в то, что эту любовь ко мне ему дал Бог. Я не могла и надеяться, что это станет реальностью. Казалось, что мои молитвы действительно нашли ответ... он просил меня согласиться на помолвку с ним". Далее Тейлор просил Марию не "давать ему торопливого отказа", имея в виду, что это причинит ему "сильную боль". Чувства Марии к нему были очень теплыми, и его опасения оказались напрасными. Однако случилось непредвиденное. Она отослала ему торопливый отказ: "...я отвечу на Ваше письмо так, как, мне кажется, согласуется с Божьей волей. Я считаю, что должна отклонить Ваше предложение..." Но почему? Как могла эта молодая учительница твердо отвернуться от человека своей мечты - того самого мужа, о котором она молила? И вот здесь на сцену выходит властная и покровительствующая Марии мисс Алдерси (которую девушка любила и уважала). Она стояла над робкой и юной подопечной и диктовала ответ, а затем написала дяде и опекуну Марии в Англию, язвительно перечисляя свои возражения против Хадсона Тейлора. Чем же эта женщина обосновала отказ? Она считала, что молодой человек был необразованным, непосвященным, без связей (имея в виду его независимость от миссионерских обществ) и диким. А если этого недостаточно, он был маленьким (Мария была высокой) и носил китайское платье.

Хотя Тейлор был подавлен, получив такой ответ, он "сильно подозревал, что препятствие воздвигнуто мисс Алдерси" и не оставил надежды. В июле 1857 г., через несколько месяцев после написания своего письма с предложением, Тейлор тайком организовал встречу с Марией в присутствии другого миссионера. Они пожали друг другу руки, обменялись несколькими фразами, помолились, а затем расстались - казалось бы, невинная встреча, но она ввергла обычно спокойную миссионерскую общину в Нинбо в пучину разногласий. Мисс Алдерси угрожала Тейлору судом; преподобный У. А. Расселл, ее сильнейший союзник, предложил, чтобы Тейлора "как следует выпороли". Другие были более спокойны в выражении своих чувств, предлагая Тейлору вернуться в Англию и закончить образование, чтобы стать достойным девушки. Ответ Марии был возвышенным: "Я буду ждать, если он вернется домой, чтобы увеличить свою полезность. Но должен ли он оставить эту работу, чтобы получить имя ради того, чтобы жениться на мне? Если он любит меня больше Иисуса, он недостоин меня; если он готов оставить Божью работу ради чести в мире, я больше не буду иметь с ним ничего общего".

К сожалению, разум не возобладал. Марию буквально посадили под домашний арест, и преподобный Расселл не позволял ей принимать причастие до тех пор, пока она "не даст свидетельства о покаянии". В письме домой Тейлор писал: "Дорогую Марию обвиняют в том, что она маньячка, фанатичка, непорядочная, слабоумная, слишком легко поддающаяся влиянию; слишком упрямая и все такое прочее".

Прошли долгие месяцы разлуки с одной лишь короткой встречей в октябре. Затем в середине ноября с помощью симпатизирующего друга двое влюбленных тайком встретились, и что это была за встреча! В течение шести часов это был чистый экстаз. Они тайком помолвились, обнимались, целовались, молились вместе, и говорили, и целовались еще - и ни перед кем не надо было извиняться. Тейлор писал: "Я был так недолго помолвлен, что пытался восполнить количество поцелуев, которые мог бы сделать за несколько прошедших месяцев".

В Англии Уильям Тарн (William Tarn), дядя и опекун Марии, был в затруднении. Он получил не только письмо мисс Алдерси, но и письмо от Марии и от самого Тейлора. За тысячи миль от места событий Тарн был вне драки и благоразумие диктовало ему спокойно проверить, кем же на самом деле был этот Хадсон Тейлор. Вся информация, которую он получил о Тейлоре, оказала на него такое сильное впечатление, что он тут же дал свое согласие на брак и в то же время "осудил" "желание судить" мисс Алдерси. Его письма пришли в декабре, а в следующем месяце, 20 января 1858 г., Хадсон Тейлор и Мария поженились.

Мария оказалась именно той женщиной, которая была нужна Хадсону, чтобы смягчить резкие проявления его личности и помочь ему сконцентрировать свои желания и устремления на главной цели. С самого начала их брак был истинным сотрудничеством. Они остались в Нинбо еще на три года, во время которых Тейлор неожиданно оказался в роли руководителя местной больницы, что явно превышало его возможности. Этот опыт помог ему осознать, что он нуждается в завершении медицинского образования, хотя решение оставить новую должность в Китае далось ему нелегко.

В 1860 г. Тейлоры по ряду причин отправились в Англию в длительный отпуск. И Хадсон, и Мария имели серьезные проблемы со здоровьем, и их пребывание в Англии стало временем отдыха и выздоровления, а также временем получения дальнейшего образования. Тейлор поступил в Лондонскую больницу, где закончил практический курс по химии, курсы повитух и получил диплом члена Королевской коллегии хирургов. Другим делом стала переводческая работа. Одновременно с супругами в Англию приехал помощник-китаец. Вместе с ним и другим миссионером Тейлор сделал исправление Нового Завета - напряженная работа, иногда длившаяся по тринадцать часов в сутки. Но самым значительным достижением за время их длительного отпуска стала организационная работа. Именно в это время была создана Китайская внутренняя миссия.

Китайская внутренняя миссия была организована не просто волевым решением одного миссионера, который захотел признания или возжелал возглавить собственную организацию. Скорее, она медленно вызревала в уме и сердце человека, глубоко озабоченного судьбами миллионов людей в Китае, которые никогда не слышали Благой вести. Тейлор в своем путешествии по Англии трогал сердца людей не красноречием и не впечатляющими познаниями, но страстью о потерянных душах: "Миллионы людей умирают без Бога", - звучало в ушах его аудитории, и многие отвечали на его призыв. Так было положено основание миссионерскому обществу.

КВМ явилась уникальным миссионерским обществом, вылепленным вокруг опыта и личности Хадсона Тейлора. Она была межконфессиональной миссией, в основном ориентированной на рабочий класс. Тейлор знал, что Китай никогда не будет евангелизирован, если он станет ждать, когда за проведение подобных мероприятий среди его населения возьмутся высокообразованные, рукоположенные священники, поэтому он искал верных и преданных мужчин и женщин среди многочисленных трудящихся Англии. Обращая свой призыв к этому слою населения, он избежал соперничества с другими миссионерскими организациями, доведя миссионерские силы в Китае до максимума. Его опыт с КЕО привел к тому, что штаб миссии расположился в Китае, где руководство несло больше ответственности за удовлетворение нужд миссионеров. Хотя вначале сам Тейлор не руководил миссией, впоследствии он осознал необходимость сильного управления и со временем стал настоящим диктатором. Правда, он всегда был очень чувствительным к личным потребностям тех, кто находился у него в подчинении. Что касается финансовой и личной помощи, миссионерам КВМ не предлагалось твердо установленной заработной платы, скорее, они должны были в этом отношении уповать на Бога. Чтобы избежать даже видимой зависимости от человеческих источников, были строго запрещены самые различные формы просьб о пожертвованиях и другие прямые обращения за деньгами.

В 1865 г. КВМ официально зарегистрировали, и на следующий год Тейлор был готов еще раз высадиться на китайском берегу. С ним отправлялись Мария, их четверо детей и пятнадцать новых добровольцев, включая семь одиноких женщин, готовых объединиться с восемью добровольцами, которых отправили раньше. За время отпуска Тейлор оставил в Англии память о себе. Говоря словами великого Чарльза Сперджена, ""Китай, Китай, Китай" теперь звенело в наших ушах тем особым, специфическим, музыкальным, звучным, уникальным манером, так, как произносил его мистер Тейлор". Морское путешествие в Китай было примечательным. Никогда раньше не отплывала такая большая группа миссионеров с основателем и директором миссии во главе, и влияние этих людей на команду корабля оказалось удивительным. К тому времени, когда они обогнули мыс Доброй Надежды, игры в карты и грязный язык сменились чтением Библии и пением гимнов. Но и в этой группе существовали свои проблемы. "Вирусы злобности и разделения" проникли в среду миссионеров, и когда-то гармоничная группа зазвучала фальшивыми нотками еще до того, как они достигли пункта назначения. Льюис Никол (Lewis Nicol), кузнец по профессии, стал

предводителем смуты. Он и другие два миссионера начали сравнивать записи и пришли к заключению, что они получили от КВМ меньшее вознаграждение, чем обычно получают пресвитериане и другие миссионеры. С подобными жалобами стали подходить и другие, и вскоре Тейлор очутился в центре множества летящих отравленных стрел: "Чувства, овладевшие нашей группой, были хуже, чем я даже мог предположить. Одна завидовала, что у другой слишком много новых платьев; еще одна - тому, что другой уделялось больше внимания. Некоторые чувствовали обиду после недобрых и противоречивых споров и так далее". Поговорив с каждым миссионером "в отдельности и с любовью", Тейлор сумел утихомирить страсти, но скрытое чувство враждебности оставалось, а закончилось это вскоре почти полным крушением новорожденной КВМ.

Приехав в Шанхай, Тейлор заказал китайские платья для каждого миссионера. Миссионеры прекрасно понимали его позицию в вопросе китайского платья и в принципе были с этим согласны; тем не менее перемены, усложненные обычным шоком вследствие изменения культурного окружения, стали для них жестоким психологическим ударом. Временные неудобства в ношении платья, покраска волос и бритье головы были уже достаточной пыткой для них, но насмешки, посыпавшиеся на вновь прибывших со стороны миссионеров, жителей Шанхая, стали последней каплей, переполнившей чашу. Ситуация, казалось, только ухудшилась после того, как миссионеры переехали в поселение КВМ в Ханькоу. Лидерству Тейлора был брошен вызов, и опять члены миссии оказались в ссоре. Даже самые верные союзники Тейлора, Дженни Фаулдинг и Эмили Блечли (Jennie Faulding and Emily Blatchley) отошли от него. Никол и другие открыто отказались носить китайское платье и стали отдельно собираться для еды и молитвенного служения. Ситуация была напряженной, перспективы оздоровления отношений казались туманными. Что могло спасти мечту, которая разваливалась на глазах?

Цена была высокой, но миссия была спасена. Это случилось в самую жару 1867 г., через полтора года после прибытия миссии в Китай. Восьмилетняя Грейси Тейлор, которую отец обожал, заболела. Четыре дня отец сидел рядом с ней, пытаясь лечить ее, как только мог, но девочке не становилось лучше. Климат сеял смерть и среди других; во время болезни Грейси отец всего на один день уехал от нее на другую базу к заболевшей Джейн Маклин (Jane McLean), одной из тех его миссионерок, которая яростно воспротивилась ему. Ее болезнь оказалась не такой серьезной, как думали, и она вскоре выздоровела; но отлучка Тейлора из дома оказалась трагической для Грейси. Он поставил ей диагноз водянки головного мозга, но помочь было уже невозможно. Через несколько дней Грейси умерла. Это была душераздирающая трагедия, но она спасла КВМ. Люди позабыли свои обиды, сострадание вернуло в прежнюю команду миссионеров, за исключением Никол, его жены и двух одиноких сестер, одной из которых была Джейн Маклин. Осенью 1867 г. Никол получил "отставку" из миссии, сестры Маклин также уволились, позволив миссионерской семье двигаться вперед в гармоничном единении.

Смерть Грейси, без всяких сомнений, положила конец проблемам в КВМ. Но предстояло преодолеть более сложный кризис, который касался многовековой враждебности китайцев к иностранцам - враждебности, которая во много раз увеличивалась в глубинке. Первая яростная атака на миссионеров КВМ произошла в Янчжоу в 1868 г. На дом миссии напали и подожгли. Миссионеры, включая Марию Тейлор, едва избежали смерти. Все они были людьми мирными и совершенно невероятно, что впоследствии именно их обвинили в разжигании войны, но так оно и случилось. Хотя Тейлор никогда не искал мщения и даже не просил у британского правительства защиты, некоторые политики, ястребы войны, рассматривали случай в Янчжоу, как прекрасный повод послать военные корабли Королевского флота. Они хотели унижительным образом поставить Китай на место, и именно КВМ в большей степени пострадала от последствий инцидента в Янчжоу. Хотя выстрелы так и не прозвучали, лондонская "Тайме" заявила, что "в этом деле пострадал политический престиж Англии", и вся вина за это была возложена на "компанию миссионеров, принявших название Китайской внутренней миссии". Газетная кампания нанесла огромный вред миссии. Финансовая поддержка прекратилась, а потенциальные добровольцы вдруг потеряли всякий интерес к миссионерской работе.

Пока вокруг Янчжоу разгорались противоречивые споры, миссионеры КВМ спокойно вернулись в город и продолжили свое служение. Их смелость стала сильным свидетельством для китайцев, которые видели жестокое к ним отношение, выраженное в действиях меньшинства - хулиганов и отщепенцев. Миссионерам теперь открылись двери для эффективного свидетельства. Начала работать церковь и, согласно Эмили Блечли, "обращенные здесь отличались от других, тех, кого мы знали в Китае. Здесь в них чувствовались такая жизнь, тепло и искренность".

Критика Тейлора и КВМ не положила конец противоречиям в Янчжоу. Редакторы газет и частные граждане продолжали бушевать до тех пор, пока он не почувствовал себя обессиленным. Отчаяние было так велико, что Тейлор утратил желание продолжать работать, поддавшись "ужасному искушению. . даже покончить с жизнью". И внутренние, и внешние силы приводили его к черному отчаянию: "Я ненавижу себя; ненавижу мой внутренний грех; и все же не имел сил бороться с ним". Чем более он стремился достичь высокой духовности, тем менее удовлетворенным он себя чувствовал: "Каждый день, почти каждый час осознание неудачи и греха давит меня". И не было конца отчаянию. Если бы не забота друга, Тейлор бы кончил полным психическим сдвигом. Зная о проблемах Тейлора, его друг в письме поделился с ним секретом собственной духовной жизни: "Я хочу позволить моему Спасителю работать во мне согласно Его воле... пребывая в Нем, а не стремясь или борясь... Не стремясь иметь веру или увеличить нашу веру, а просто смотреть на Верного - это все, что требуется. Покоиться в Любимом полностью..." Благодаря этому письму жизнь Тейлора изменилась: "Бог сделал из меня нового человека".

Духовное обновление Тейлора произошло вовремя, поддержав его в период тяжелых личных испытаний. Вскоре после рождественских праздников в январе 1870 г. Тейлоры начали готовиться к отправке четверых старших детей в Англию для получения образования. Эмили Блечли, хорошо их знавшая, предложила свои услуги, чтобы присматривать за ними в Англии. Настало трудное время испытаний для дружной семьи Тейлоров. Именно тогда маленький и хрупкий пятилетний Сэмми не выдержал. Он умер в начале февраля. Несмотря на эту трагедию, решение отправить детей было твердым. В марте Тейлоры с печалью расстались с тремя другими детьми, которые не могли знать, что они целуют и обнимают свою мать последний раз в земной жизни. Жарким летом того года Мария, бывшая на последних месяцах беременности, серьезно заболела. В начале июля она родила мальчика, который прожил менее двух недель. Через несколько дней после его смерти Мария тоже умерла в возрасте тридцати трех лет.

Без Марии Тейлор стал невыносимо одинок. Он во многом опирался на ее поддержку и добрые слова и глубоко переживал отсутствие теплого участия жены. Он тосковал по женской дружбе, которой был лишен, и нет сомнений, что это повлияло на его решение посетить Ханькоу через несколько месяцев после смерти Марии. Там он встретился с Дженни Фаулдинг, двадцатисемилетней одинокой миссионеркой, которая была близким другом семьи с самого отъезда в Китай вместе с Тейлорами. На следующий год они вдвоем отправились в Англию и поженились.

В Англии Тейлор был чрезмерно рад увидеться с детьми, но у него накопилось много административной работы. Бергер У. Т., его домашний секретарь в течение долгих лет, больше не мог исполнять свои обязанности, и потому большая часть бумажных дел легла на плечи Тейлора. За год отпуска он организовал Совет, который занялся делами, оставленными Бергером. После того как все было улажено, осенью 1872 г. он с Дженни вернулся в Китай.

По мере роста КВМ Тейлор большую часть своего времени тратил на поездки по Китаю, проверяя работу многочисленных баз. Он был судьей многочисленных споров, и его постоянно вызывали, чтобы решить различные проблемы во всех провинциях Китая, и даже в Англии. В 1874 г., после двухгодичного отсутствия, он вернулся в Англию, чтобы заняться устройством своих детей, разбросанных из-за плохого здоровья Эмили Блечли, которое помешало ей продолжить заботу о них. А в 1876 г. он вновь вернулся, чтобы подбросить дров в домашний костер. Каждый раз, когда он приезжал в Китай, он привозил с собой новых миссионеров, а с ними и разногласия. Несмотря на успех КВМ, критика в их адрес продолжалась. Многие говорили о слабой подготовке кандидатов в миссионеры. Получение образования было достойным занятием для англичанина XIX в., и те, у кого не было этого образования, считались неполноценными.

Миссионеры КВМ, может быть, и не обогащенные житейской мудростью и книжными знаниями, отличались своей преданностью и рвением. Они с готовностью служили в глубинке, несмотря на опасности и лишения, часто потому, что принесли большие личные жертвы просто ради того, чтобы попасть в Китай. Элизабет Уилсон была одной из таких миссионерок. Долгие годы она мечтала служить Господу в Китае, но из-за плохого здоровья родителей не могла позволить себе исполнить мечту. В течение тридцати лет она терпеливо ухаживала за ними; и потом, в возрасте пятидесяти лет, через три недели после смерти последнего из родителей обратилась в КВМ, и ее приняли. Ее возраст, подчеркнутый серебром волос, сделал Элизабет почетным жителем Китая, и она верно служила ему.

Одиноким женщинам были обычным явлением в КВМ. Тейлор давно оценил не только их стремление к добровольческой работе, но и потенциал их служения. Китайские женщины, как и мужчины-китайцы, были замкнуты, и только женщины-миссионерки смогли затронуть их сердца. Истинное испытание женщин в верности своему призванию произошло в 1877 г., когда Тейлор был в Англии с Дженни и детьми. До них дошло известие об опустошительном голоде, который навел ужас на Северный Китай, и отчаянные призывы о помощи. Это была выдающаяся возможность для благовествования, и нашлись добровольцы - женщины, - но вести их было некому. Сам Тейлор в это время заболел, но кто же еще знал Китай, его народ и его язык достаточно хорошо, чтобы возглавить миссионерскую группу? Ответ был очевидным - Дженни. Однако это решение не далось им легко. Оставить больного мужа и семерых детей (двое из них ее дети, четверо от Марии и одна приемная дочь) - Дженни не могла считать это правильным поступком любящей жены и матери, но, с другой стороны, она осознавала, что служение стоит превыше интересов собственной семьи, и Тейлор поддержал ее решение. Жены миссионеров, по его мнению, были не просто женщинами, они тоже были миссионерками. В письме возможным кандидатам он советовал: "До тех пор, пока вы не намерены сделать из вашей жены истинную миссионерку, а не просто жену, хранительницу очага и друга, не присоединяйтесь к нам". Дженни была "истинной миссионеркой" Бок о бок с одинокими женщинами она отправилась в глубинные районы Северного Китая, где вместе с коллегами служила до тех пор, пока на следующий год к ним не присоединился Хадсон, привезя с собой новых добровольцев.

Чем больше Хадсон Тейлор трудился и ездил по Китаю, тем большей становилась его озабоченность евангелизацией этого огромного региона, хотя объем работы был совершенно необозримым: "Души пропадают из-за нехватки знаний; каждый час более тысячи человек уходят в смерть и вечную тьму". Задача казалась непосильной, но Тейлор составил план. Если он сможет подготовить одну тысячу проповедников и если каждый из них сможет донести благовестие до двухсот пятидесяти человек в день, весь Китай будет охвачен благовестием чуть более чем за три года. Это было нереально, и, конечно, его цель так никогда и не была достигнута, но КВМ действительно оставила незабываемый след в истории Китая. К 1882 г. она вошла в каждую провинцию, а в 1895 г., через тридцать лет после своего основания, КВМ насчитывала более шестисот сорока миссионеров, посвятивших жизнь служению в Китае.

То, что Тейлор стремился довести Благою весть до всего Китая, конечно, было несбыточным устремлением. Эта цель, напротив, стала решительной слабостью КВМ. В попытке охватить весь Китай руководство миссии применило политику распыления (в противовес концентрации). Согласно великому историку миссионерского движения Кенету Скотту Латуретту, "главной целью Китайской внутренней миссии было не завоевание образованных людей или построение китайской церкви, а распространение знаний о христианском Евангелии по империи как можно быстрее... Хотя в работе были задействованы китайские помощники, но упор на набор и подготовку китайских священнослужителей не делался". Такая политика не являлась дальновидной. Враждебное отношение к иностранцам способствовало развязыванию Боксерского восстания [Боксерское восстание - антиимпериалистическое восстание в Китае 1899-1901 гг., иначе называемое Ихэтуаньским восстанием. - Примеч. пер], а власть коммунистов несколько десятков лет спустя ярко продемонстрировала наследственную слабость миссионерской политики, не поставившей задачей номер один строительство крепкого местного служения и поместных церквей.

Черные дни для КВМ были уже не за горами. Последние годы XIX в. были годами напряжения и тревог. Силы модернизации (и влияния западных веяний) сталкивались с силами традиции и непримиримых противоречий с иностранцами. Власть империалистической державы становилась на сторону консерваторов, и позиция западников оказывалась все более шаткой. Затем в июне 1900 г. императорский декрет из Пекина провозгласил смерть всем иностранцам и искоренение христианства. Последовало крупнейшее в истории мира уничтожение протестантских миссионеров. Были зверски убиты сто тридцать пять миссионеров и пятьдесят три миссионерских ребенка. Среди них были смелые миссионеры КВМ, работавшие в глубинке, больше всего пострадало одиноких женщин. Только в провинции Шаньси был жестоко убит девяносто один миссионер КВМ.

Для Тейлора, который находился в Швейцарии один, выздоравливая после серьезного психического и физического истощения, новости из Китая, хотя и смягченные теми, кто заботился о нем, оказались слишком сильным ударом. Это горе трудно было вынести, и он уже никогда не мог полностью оправиться от полученной травмы. В 1902 г. он ушел в отставку, покинув пост Генерального директора миссии, и вместе с Дженни оставался в Швейцарии до смерти жены в 1904 г. На следующий год Тейлор вернулся в Китай, где умер с миром через месяц после приезда. В последующие годы КВМ продолжала расти. В 1914 г. она стала самой крупной миссионерской организацией в мире, достигнув пика своего роста в 1934 г., насчитывая 1368 миссионеров. После прихода к власти коммунистов в 1950 г. КВМ вместе с другими миссионерскими обществами была изгнана из Китая и после столетия служения изменила свое наименование на Зарубежное миссионерское братство (ЗМБ), название, более точно указывавшее на характер миссионерского устремления.

Хадсон Тейлор внес неоценимый вклад в дело христианских миссий. Трудно представить, какими бы были сегодня миссии без его трудов и предвидения. Он был "молодым началом", говоря словами Ральфа Уинтера, чье воздействие на христианские миссии превзошло авторитет Уильяма Кэри - влияние, которое Уинтер подытоживает в свете прошедших лет:

"С медицинскими познаниями среднего уровня, без университетского образования, не говоря уже об отсутствии подготовки к миссионерскому служению и неровном индивидуалистическом поведении в первые годы служения, он был просто еще одним слабым существом, которое Бог использовал, чтобы смутить мудрых. Его ранняя стратегия, направленная против насаждения церквей, была совершенно ошибочной по сегодняшним стандартам, требующим обязательного основания церквей. И все же Бог воздал ему большие почести, потому что его взгляд обращался к тем, до кого прежде никому не было дела в этом мире. Хадсон Тейлор был движим божественным ветром, дувшим ему в спину. Святой Дух оградил его от многих падений, и его организация - Китайская внутренняя миссия - самая дружная и сплоченная организация, какая только возникала в истории миссионерского движения и которая так или иначе служила силами шести тысяч миссионеров, в основном, в глубинке Китая. Другим организациям понадобилось 20 лет, чтобы сравниться с Тейлором в его особом внимании к недостигнутым внутренним районам".

Джонатан и Розалинд Гофорт

Из всех миссионеров, кто служил на Востоке в XIX - начале XX вв., никто не добивался такого быстрого отклика на личное служение, как Джонатан Гофорт (Jonathan Goforth), который, по словам Дж. Герберта Кейна, был "самым выдающимся проповедником в Китае". Китай являлся базой Гофорта, но он также служил в Корее и Маньчжурии; и куда бы он ни шел, всюду начиналось пробуждение.

Гофорт, седьмой из одиннадцати детей, родился в западном Огайо в 1859 г. Он был обращен в возрасте восемнадцати лет и посвятил себя служению Господу после прочтения "Воспоминаний Роберта Мюррея Мчейна" ("Memoirs of Robert Murray M'Cheyne"). Однако призыв к миссионерской деятельности прозвучал для него несколько позже, когда он услышал трогательную речь доктора Джорджа Макея (Maskey), ветерана-миссионера из Формозы. Макей "два года провел в путешествиях... вверх и вниз по Канаде, пытаясь убедить молодых людей приехать в Формозу", но, как он сказал своей аудитории, все его старания были напрасны и ему оставалось только

вернуться в Формозу без поддержки и продолжать начатое дело. Слова Макея не выходили из головы молодого Гофорта: "Когда я услышал это, меня переполнило чувство стыда... С этого момента я стал зарубежным миссионером".

Для подготовки к миссионерской работе Гофорт решил учиться в колледже Нокса, где надеялся найти теплое братское христианское общение и желание изучать Библию. Вместо этого наивный сельский мальчик, одетый в домотканую одежду, увидел, что он одинок в своих устремлениях к духовной верности Господу и в мечтах о миссионерской деятельности. Вскоре он стал популярным объектом шуток и юмора в студенческой среде, особенно после того, как начал посвящать свое время миссионерской работе по спасению заблудших душ; но время шло, и отношение к нему менялось. Ко времени выпуска Гофорт стал одним из самых уважаемых студентов в городке.

Активно участвуя в городской миссионерской работе весной 1885 г., Гофорт встретил Розалинд Смит, талантливую и утонченную студентку художественного факультета. Она казалась сомнительной кандидатурой на роль миссионерской жены. Но Розалинд сумела увидеть в будущем спутнике нечто большее, чем "непритязательность его платья", и уловить в нем великий потенциал слуги Божьего. Это была любовь с первого взгляда: "Все произошло в течение каких-то минут. Я сказала себе: "Это человек, за которого я бы вышла замуж"". Они поженились в том же году, и практически сразу Розалинд ощутила вкус своей первой жертвы ради Божьего дела. Подобные чувства она испытывала очень часто, будучи женой миссионера Джонатана Гофорта. Ее мечта об обручальном кольце разбилась вдребезги, когда он сказал ей, что предназначенные для кольца деньги ушли на христианскую литературу.

После окончания колледжа Нокса Гофорт обратился в Китайскую внутреннюю миссию, поскольку его пресвитерианская церковь Канады не работала в Китае. Прежде чем он получил ответ из миссии, пресвитерианские студенты Нокса также включились в дело и поклялись собрать деньги сами, чтобы отправить его в Китай. До отплытия Гофорт предпринял поездку по Канаде, ратуя за миссию. Его выступления были яркими и мощными, и всюду, куда он ни шел, он видел изменения, происходившие в душах своих слушателей. Свидетельство выпускника колледжа Нокса убедительным образом подтверждает это:

"Я готовился к собранию в колледже Нокса в Торонто, решившись сделать все, что в моих силах, чтобы расстроить сумасшедший план, о котором говорили все студенты, т. е. о начале собственной миссионерской деятельности в Центральном Китае. А еще я подумал, что мне нужно новое пальто - мое старое выглядело довольно потрепанным. В Торонто я хотел убить одним выстрелом сразу двух зайцев' завалить этот план и купить себе новое пальто. Но этот парень совершенно расстроил все мои планы. Он сбил меня с ног своим энтузиазмом; такого я не испытывал никогда раньше, и мои драгоценные деньги, приготовленные на пальто, ушли в миссионерский фонд!"

В 1888 г. Гофорты отплыли в Китай, чтобы служить в провинции Хэнань. Началась жизнь, полная трудностей и горечи расставаний. Они часто болели, они видели смерть пятерых из своих одиннадцати детей. Пожар, наводнение, воровство уносили все нажитое, и несколько раз происходили события, угрожавшие их жизни. Самое ужасное испытание они перенесли во время Боксерского восстания, когда им пришлось спастись в спешке бегством за тысячи миль от сумасшествия восставших в 1900 г. И все же, несмотря ни на что, их забота о потерянных душах никогда не угасала.

С самых первых лет в Китае Гофорт стал известен как сильный проповедник, иногда обращавшийся со своей вестью к толпам, насчитывавшим до двадцати пяти тысяч человек. Его весть была проста: "Иисус Христос и Его распятие". В самом начале его миссионерской службы выдавший виды миссионер посоветовал ему "не говорить об Иисусе сразу же, когда имеешь дело с языческой аудиторией", потому что следует учитывать "суеверия относительно имени Иисуса", и этим советом Гофорт совершенно пренебрегал. Единственный подход, который он использовал в своей деятельности - это прямой подход.

Попытки Гофорта завоевать китайцев были необычными по многим миссионерским меркам, особенно их "открытый дом". Их дом, в европейском стиле и с европейской мебелью (включая кухонную печь, швейную машину и орган), был объектом глубокого любопытства китайцев. Гофорты с готовностью нарушали свое уединение и эффективно использовали дом как средство наладить дружбу и общение с людьми из провинции. Посетители приходили за много миль, а однажды даже преодолели более

двух тысяч миль, и осматривали дом маленькими группами. Перед началом каждой экскурсии Гофорт говорил о Евангелии, и иногда посетители оставались после осмотра дома, чтобы услышать больше. В среднем он проповедовал по восемь часов в день, и за пять месяцев у них побывало около двадцати пяти тысяч человек. Розалинд служила собиравшимся во дворе женщинам, иногда разговаривая с группой до пятидесяти человек.

Такой характер работы проложил путь для будущих методов благовествования, когда Гофорт ездил из города в город, вызывая пробуждение среди населения, но не все коллеги одобряли такую деятельность. Однако Гофорт верил в его правильность: "Можно подумать, что принимать посетителей в своем доме не является настоящей миссионерской работой, но я так не думаю. Я открываюсь для людей, чтобы подружиться с ними, и пожинаю результаты, когда иду в их деревни с проповедью. Часто люди в деревне собираются вокруг меня и говорят: "Мы были у вас, и вы показали нам дом, принимая нас как гостей". И они почти всегда приносят мне стул, чтобы сесть, стол, чтобы положить Библию и поставить чашку чая".

Боксерское восстание в 1900 г. прервало миссионерское служение Гофорта, а после возвращения в Китай их семейная жизнь претерпела радикальные изменения. Гофорт задумал новый план расширения внутреннего служения. Он разработал его до того, как Розалинд вернулась из Канады в Китай, и вскоре после приезда жены выложил перед ней свой проект: "По плану один из моих помощников арендует подходящее место в крупном населенном центре для нас, мы семьей живем в этом центре и все время интенсивно проповедуем. Я буду ходить с моими помощниками по деревням или по улицам, а ты будешь принимать женщин во дворе и проповедовать им. По вечерам начнем проводить совместные собрания, а ты будешь играть на органе и станем петь множество евангельских гимнов. К концу месяца мы оставляем человека, чтобы проповедовать новым верующим, а сами переезжаем в другое место, открывая его подобно первому. Когда таким образом у нас появится несколько мест, будем возвращаться в каждое из них раз-два в год". Розалинд слушала, и "ее сердце превращалось в кусок свинца". Сама идея была впечатляющей, но просто никак не подходила для семейного человека. Казалось слишком рискованным возить малышей по деревням, где было полно инфекционных заболеваний, и она не могла забыть "четыре маленькие могилки", которые они уже оставили на китайской земле. Хотя Розалинд вначале возражала, Гофорт стал претворять в жизнь свой план, уверенный, что его ведет Божья воля.

Хотя Розалинд полностью поддерживала политику верности мужу Господу, она иногда тревожилась о своей верности себе и своим детям. Конечно, Божья воля была превыше всего, но должна ли она расходиться с интересами ее семьи? Она никогда не сомневалась в любви мужа, но иногда ей казалось, что она не совсем уверена в своем положении. До возвращения с детьми в Канаду в 1908 г. Розалинд пыталась выяснить преданность мужа по отношению к себе: "Положим, находясь в Канаде, я заболела неизлечимой болезнью и мне осталось жить несколько месяцев. И если мы телеграфируем сюда, прося тебя приехать, ты приедешь?" Гофорт, конечно же, не хотел отвечать на такие вопросы. Прямое "нет" прозвучало бы слишком резко, но Розалинд настаивала, пока он не ответил - в форме вопроса: "Положим, наша страна находится в состоянии войны с другой страной, а я офицер британской армии, командующий важной воинской частью. Многое зависит от меня, как командира, в вопросе окончания войны - или победа, или поражение. Разрешат ли мне покинуть ответственный пост на призыв семьи приехать домой, даже если произойдет то, о чем ты говоришь?" Что могла ответить жена? Она могла лишь печально согласиться: "Не разрешат".

Служение во внутренних районах, начатое Гофортом в первые годы XX в., явилось твердым и устойчивым основанием для последующих великих пробуждений, к которым он приводил людей в годы дальнейшего служения. Его миссия пробуждения началась в 1907 г. Тогда он вместе с другим миссионером поехал в Корею и вдохновил пробуждение, прошедшее там по всем церквам, что в результате сказалось на "поразительном увеличении числа обращенных" и укреплении поместных церквей и школ. Из Кореи они отправились в Маньчжурию, где испытали "глубокое волнение души, явившись свидетелями последовавших великих пробуждений". По словам его

жены, "Джонатан Гофорт поехал в Маньчжурию как неизвестный миссионер... Он вернулся через несколько недель, окруженный сиянием света христианского мира". Прокатившаяся по Китаю и Маньчжурии волна пробуждения, начатая Гофортом, и в последующие годы приносила богатые плоды. Некоторые из его коллег и сторонников на родине устали от такого евангельского рвения. Им надоело слушать отчеты о рыданиях и покаянии в грехах, об излиянии Святого Духа, а некоторые даже обвинили его в том, что это движение превратилось в проявление фанатизма и пятидесятничества. Гофорт не обращал внимания на критику и продолжал проповедовать. Один из высочайших моментов в его служении пробуждения произошел в 1918 г., когда он проводил двухнедельную кампанию с китайскими солдатами под командованием генерала Фенг Ю-Сянга, который сам являлся христианином. Ответная реакция была потрясающей, и в конце кампании почти пять тысяч солдат и офицеров исповедовали веру в Христа.

В служении Гофорта были не только успехи, но и неудачи и проблемы. В начале служения он столкнулся с "опасностью, которая угрожала поглотить новорожденную церковь в Северном Хэнане... вторжением католиков". Похоже, католики следовали за ним по пятам, и в одном городе они "перехватили почти всех интересовавшихся... уничтожив за неделю работу многих лет". Что являлось мотивом перехода "интересовавшихся" к католикам? Согласно Гофорту, католики предлагали китайцам помощь в трудоустройстве и бесплатное образование, жилье и питание. (Протестанты также грешили применением таких методов, иногда заходя так далеко, что фактически платили китайцам за посещение своих школ.) Но Гофорт был непреклонным в своих убеждениях: "Мы не можем предложить такого стимула, и мы в ужасе от перспективы плодить "рисовых христиан". Мы не можем сражаться с римлянами, соперничая с ними и перекупая людей..." И хотя Гофорт отказывался от способов, предлагаемых католиками, многие из тех, кто склонился к католикам, позже возвратились обратно. Другая проблема, с которой столкнулся Гофорт, был собственный миссионерский Совет. Гофорт ставил "водительство Святого Духа" превыше "твердых и жестких правил" пресвитерианской церкви, от имени которой он служил и, по словам его жены, "с этим убеждением, касающимся Божьего водительства по отношению к себе, он естественным образом вошел в конфликт с другими пресвитерианами Хэнаня", поставив себя в положение человека, с которым "нелегко поладить". Гофорт не требовал для себя особых привилегий, он скорее настаивал на том, чтобы каждый миссионер мог "иметь свободу выполнять ту работу, в которой он чувствовал Божье водительство". Это была трудная проблема, и Гофорт часто оказывался в ситуации, когда "ему препятствовали и не давали завершить того, что он считал водительством Святого Духа".

После многих лет служения Гофорта в Китае его проблемы не уменьшились. Разногласия продолжались, а особенно трения усилились в 1920-е гг. из-за противоречий с фундаменталистами-модернистами, принесшими в церкви на родине раскол и нашедшими дорогу в Китай (см. гл. 11). Прибывали новые миссионеры, погрязшие в трясине глубокой критики, и Гофорт "чувствовал бессилие остановить эту волну". Его единственным ответом была "проповедь, как никогда раньше, спасения через Голгофский крест и демонстрация Его силы..."

Тогда как многие его ровесники-миссионеры погибли от болезней или ушли на пенсию, Гофорт, уже в возрасте семидесяти трех лет, еще сохранял свой энергичный темп проведения евангелизационных кампаний пробуждения. Даже после утраты зрения он продолжал служение с помощью китайца-ассистента. В возрасте семидесяти четырех он вернулся в Канаду, где провел последние полтора года жизни, путешествуя и приняв участие в почти пяти сотнях встреч. Он вел активное служение до самого конца, каждое воскресенье проводя по четыре собрания, пока мирно не почил во сне. Он оставил после себя потрясающее свидетельство того, что может сделать для Бога один человек среди многих миллионов людей Востока.

Глава 8. Острова в Тихом океане: проповедь в "раю"

Острова в Тихом океане: рай на земле. Никакое другое место на земном шаре в истории человечества - кроме Эдемского сада - не освещалось более яркими и сияющими

рассказами прессы. Исследователи и торговцы покидали эти острова, неся описание останавливающей дыхание красоты. Писатели, включая Уильяма Мелвил-ла, Роберта Льюиса Стивенсона и Джеймса Миченера (James Michener), мастерски украсили свои романы страницами, посвященными очарованию островного мира. "Писатели соперничали друг с другом в сиятельном описании великолепного и прекрасного пейзажа; неровная череда гор, глубокие долины и тихие лагуны; сверкающий край песочного пляжа, высокие деревья, пальмы с торчащими перьями и пышная ползучая растительность; яркое богатство распускающихся цветов, тончайший вкус фруктов и великолепие разноцветных птиц". В этот мир и пришли миссионеры, сначала римские католические монахи, сопровождавшие исследователей, а потом протестанты по призыву миссионерских обществ.

Океания - термин, обычно применяемый для обозначения островов Тихого океана, состоит примерно из тысячи пятисот островов, разделенных на три основные группы: Полинезия, самая большая группа, начинающаяся от Гавайских островов на севере до Новой Зеландии на юге; Микронезия, группа маленьких островов, расположенных между Гавайями и Филиппинами, включая Марианские и Каролинские острова, Маршалловы и Гилберта острова; Меланезия, группа островов к югу от Микронезии и к северу от Австралии, включающая Фиджи, Санта-Крус, Новую Гвинею, Новые Гебриды, Новую Каледонию и Соломоновы острова. Размер островов варьируется: от Новой Гвинеи, второго по величине острова в мире, до крошечных точек в океане - таких, как Маршалловы острова, чья общая площадь меньше ста квадратных миль. Фактически вся Микронезия занимает меньшую площадь, чем американский штат Род-Айленд, и численность населения Микронезии и всей Океании была тогда относительно небольшой - исключая Новую Зеландию, в пределах, может быть, двух миллионов.

Тем не менее там были души, погибающие без Христа. Поэтому, несмотря на географическую отдаленность, многие миссионерские общества были готовы потратить любые усилия и денежные средства на евангелизацию этого растянувшегося в пространстве миссионерского поля деятельности. Впервые европейцы принесли миссионерскую весть в южную часть Тихого океана с помощью Магеллана и его команды исследователей и францисканцев в 1521 г., почти через десять лет после великого открытия Тихого океана, сделанного

Бальбоа. После высадки на Марианских островах маленький флот из четырех кораблей (от одного отказались раньше) отплыл к Филиппинам, где около трех тысяч островитян были приняты в католическую церковь. Нет прямых указаний на то, что они понимали хотя бы основные догмы христианства, однако этот факт считался высшим достижением миссионерской деятельности Римско-католической церкви. Для Магеллана эта историческая экспедиция стала последней. Вместе с некоторыми членами команды он был убит при попытке заставить местных жителей другого острова заплатить дань королю Испании. Несколько позже миссионеры католической церкви вернулись на острова, но и на этот раз их миссионерская деятельность оказалась кратковременной.

Именно капитан Кук, более чем кто-либо другой, повлиял на решение протестантской церкви попробовать обратить в христианство жителей тихоокеанских островов. Его открытия захватили воображение церковных лидеров и простых людей, в результате чего в 1795 г. было организовано Лондонское миссионерское общество. Возникло оно усилиями межконфессиональной группы служителей и простых людей для того, чтобы послать миссионеров на Таити "или другие острова южных морей". Вскоре за ними последовали другие миссионерские общества (в частности, представляющие методистов, последователей Уэсли, конгрегационалистов, пресвитериан и англикан), и только к концу XIX в. Океания стала сиятельной историей успеха протестантских миссий.

На тихоокеанских островах, как и в других частях света, первыми протестантскими миссионерами оказались британцы; другие протестанты были из Австралии, Америки и, несколько позже, из Германии. Римские католики на тихоокеанские острова пришли сравнительно поздно, завоевав крепкие позиции лишь к середине XIX в. Как и везде, здесь существовало сильное соперничество между протестантами и католиками, и в среде миссионеров антикатолические настроения были достаточно сильными. Католиков критиковали за то, что они несли номинальную и поверхностную религию, основанную на таинствах, полностью пренебрегающих низким моральным состоянием местного населения. "Папство поднимает свою уродливую голову, - писал Джозеф

Уотерхаус (Joseph Waterhouse), уэслианский миссионер, - освящая поедание человеческой плоти, полигамию, прелюбодейство и блуд!!" Возможно, камнем преткновения между протестантами и католиками стала их национальная принадлежность. Католики были французами, и в среде протестантов царил реальный страх, что на островах может восторжествовать политическое и военное превосходство французов.

В течение первых лет протестантской миссионерской работы в южной части Тихого океана большая часть миссионеров отрицательно относилась к идее британского или американского политического вмешательства в дела островитян. Однако с приходом французских католиков миссионеры начали просить у своего правительства защиты, желая установления британского или американского протектората. Но ни один из них так и не был установлен, и к середине XIX в. британские миссии в южных морях начали терять былую силу.

Уникальное географическое положение тихоокеанских островов с самого начала имело очевидное влияние на стратегию миссий. Очень важной проблемой явилась проблема транспорта.

Недостаточно было просто послать миссионеров в район южных морей и высадить их на изолированных островах, предполагая, что они спокойно станут ждать корабль, который придет в следующем году. Маленькие размеры и ограниченное население большинства островов приводили к сильному ощущению клаустрофобии, и смелые миссионеры, решившиеся служить вдали от родного дома, вдруг оказывались в изоляции в окружении огромного Тихого океана. Логическим решением проблемы стало появление судов, принадлежащих миссиям. "Утренняя звезда" в Микронезии, "Джон Уильямс" в Полинезии, "Южный крест" в Меланезии - так последовательно назывались миссионерские корабли, ставшие незаменимыми помощниками миссионеров и сыгравшие ключевую роль в проповеди Евангелия островному миру.

Используя эти корабли, многие европейские миссионеры стали странствующими полевыми директорами, координирующими работу местных проповедников и учителей. Это была здоровая стратегия, и по свидетельству одного миссионерского историка, "...местные христиане-миссионеры должны были доказать главную силу христианских миссий в южных морях. Они действительно проделали замечательную работу, хотя и не имели престижа европейцев. Ими пренебрегали, их гнали, а иногда убивали те островитяне, которым они доверили свою судьбу. И все же все они выстояли, и между 1839 и 1860 гг. многие деноминации были очень обязаны этим смелым островным миссионерам, ходившим туда, куда осмелились бы пойти не многие европейцы".

Как и в случаях с другими первопроходческими миссиями в других концах света, здесь, на островах Океании, были принесены огромные жертвы ради того, чтобы распространить христианство среди жителей этих островов. Многие островитяне смертельно боялись европейцев, и вполне обоснованно. Рассказы о жуткой деятельности работорговцев передавались с острова на остров, и с первого взгляда миссионеры ничем не отличались от их жестоких соотечественников. Более того, религия большинства островитян была примитивной формой анимизма: они верили, что принятие чужеземцев, даже если они пришли с миром, наверняка приведет к проклятию со стороны злых духов. В результате многие великие миссионеры, как иностранные, так и местные, примкнули к рядам мучеников, неся враждебным островам Благою весть.

Но часто самое яростное сопротивление миссионерам оказывали торговцы и моряки, главной целью которых была эксплуатация людей и ресурсов островов. Миссионеры казались им непреодолимым препятствием, стоящим на пути удовольствий и финансовой прибыли; иногда миссионеров предавали собственные земляки, возбуждавшие против них ярость и ненависть местных жителей. По словам Роберта Х. Гловера, европейцы, по большей части, были "распутными и беспринципными и оставляли постыдный след везде, где бы ни бывали. Они упивались языческой безнравственностью и привозили туземцам ром, чтобы доводить до безумия местных жителей, и огнестрельное оружие, чтобы прибавить ужасов к племенной жизни; они обманывали и эксплуатировали островитян, становясь виновниками величайших крайностей и жестокостей".

Христиане боролись против множества подобных препятствий, но еще более опустошающими могли быть внутренние конфликты, с которыми они сталкивались в

своей миссионерской деятельности. Всегда имевшаяся перспектива материальной выгоды также весьма искушала, собирая неплохой урожай в среде миссионеров. Но хуже всего было то, что свободный образ жизни и открытая сексуальность являлись моральной трясинной, в которой завязли некоторые миссионеры, не сумев противостоять подобным искушениям. "Превращение в местных" стало, согласно Стефану Нейлу, "более частым явлением, чем это принято отражать в назидательных рассказах о первых миссиях..." Здесь, в этом островном раю, они сталкивались с такими соблазнами, которых не видели никогда раньше в границах собственной защищенной культуры. Некоторые сумели их преодолеть. Другие - нет. Несмотря на личные неудачи миссионеров, сага о миссиях в этом регионе мира является повествованием о величайших успехах в христианской истории. Это история принятия отдельными людьми решений о повороте от разрушительных племенных обычаев к живой вере в Христа. Но более того, это история "народных движений" - движений, которые происходили во всей христианской истории в каждой части земного шара, но были совершенно особенными в островном мире. Они приводили к христианству большие семьи и иногда целые племена и были тщательно задокументированы профессором Аланом Р. Типпетом (Alan R. Tippett) в его книгах "Народные движения в Южной Полинезии" ("People Movements in Southern Polynesia") и "Христианство на Соломоновых островах" ("Solomon Island Christianity"). Он указывает, что во многих случаях не происходило ощутимого церковного роста до тех пор, пока миссионеры не поняли жизненно важного значения семьи и племенного союза. И только тогда миссионеры в южных морях достигали несравненных успехов в проповеди благовестия. Сегодня этот район мира имеет больший процент христиан, чем любой другой, сравнимый с ним.

Генри Нотт и миссионеры "Дафф"

В отличие от ранних протестантских миссий в других районах мира, где миссионеры работали один за одним или маленькими группами, миссионерское служение на тихоокеанских островах началось с сенсации. Это произошло туманным лондонским утром в августе 1796 г., когда тридцать миссионеров с шестью женами и тремя детьми, финансируемые Лондонским миссионерским обществом, погрузились на миссионерский корабль "Дафф" и начали семимесячное морское путешествие на остров Таити. Такого дружного миссионерского наступления никогда раньше не происходило в истории миссионерского движения, и день проводов мир запомнил надолго. Толпы искренних сторонников пришли на берег реки, "воспевая хвалу Господу", надеясь на то, что их христианским посланцам удастся сделать многое в этой наиболее "нецивилизованной" области мира.

Морское путешествие было не очень спокойным, но в субботу, 4 марта 1797 г., миссионеры благополучно высадились на Таити, а на следующий день провели богослужение в европейском стиле, привлечшее большой интерес островитян. Суббота осталась позади, миссионеры не теряли времени и стали устраиваться на новом месте; через несколько недель капитан Уилсон, сам христианин, почувствовал, что они находятся в безопасности и что теперь он может покинуть их со спокойным сердцем. Он отплыл в Тонгу, чтобы оставить там десять миссионеров. Атмосфера на Тонге была менее приветливой, чем на Таити; дружелюбного любопытства жителей Таити на Тонге совсем не ощущалось. На этот раз у капитана Уилсона появились смешанные чувства. Но с ним плыли еще два миссионера, Уильям Крук и Джон Харрис (William Crook and John Harris), которых нужно было высадить на Маркизских островах.

На Маркизских островах миссионеры ЛМО встретили свою первую из многих неудач. Эта проблема была несколько неожиданной. Миссионеров встретили не ужасные копья и дубинки, чего они боялись и что видели в ночных кошмарах, а дружелюбный прием - то, чего они никак не ожидали. Едва корабль бросил якорь, две нагие прекрасные местные девушки, войдя в воду, стали плавать вокруг него, крича: "Waheine! Waheine!" (Мы - женщины). Хотя Уилсон отказался взять их на борт и пытался не принимать во внимание их поведение, но даже он, бывалый моряк, видел отчетливо, что ожидало двух новичков-миссионеров. И все же Круку и Харрису нужно было выполнять свою работу, и они с чувством долга погрузили свои вещи в маленькую лодку и стали грести к берегу.

На следующее утро, перед тем как поднять якорь, Уилсон послал моряков на берег проверить, как идут дела у миссионеров. Они нашли Харриса на берегу с вещами, потерявшего всю свою смелость и желавшего уехать с острова. Оказалось, что он провел самую унижительную ночь в своей жизни. Его разлучили с Круком, и он остался в компании жены вождя, которая продолжала неприличные поплзновения.

Имея опыт встреч с белыми, она упорно верила, что такое поведение будет похвальным, но жестоко ошиблась. Презрительные отказы Харриса настолько шокировали ее, что она стала сомневаться, действительно ли он относится к мужскому полу. Оставив его одного, она ушла в деревню и, по свидетельству Грэма Кента (Graeme Kent), вернулась в сопровождении других женщин, которые "налетели на спящего человека и провели настоящий досмотр, чтобы выяснить, в чем дело". Харрис был настолько ошеломлен происшедшим, что категорически отказался остаться на острове, поэтому команда отвезла его на корабль, оставив Крука одного налаживать работу на Маркизских островах. Но не прошло и года, как Крук тоже сдался, и у ЛМО остались только две базы в южной части Тихого океана, Таити и Тонга.

На Тонге миссионеров ожидали проблемы иного рода. Скоро они обнаружили, что были не единственными европейцами на острове. На островах иногда оставались моряки, сбежавшие со своих кораблей. На Тонге таких было трое. С самого начала они стали для миссионеров "дьяволом во плоти", явно идя на все, чтобы сделать их жизнь невыносимой. Они рассматривали миссионеров как угрозу своему образу жизни, и поэтому старались настроить против них местных жителей. Но не только физической расправой пугали они миссионеров. Они также рассчитывали сломить этих людей психологически, поддразнивая их легким и свободным доступом к сексуальным наслаждениям и издеваясь над строгой и воздержанной жизнью миссионеров. Несмотря на давление, миссионеры держались своих убеждений очень стойко - все, кроме одного. Джордж Висон (George Veeson), каменщик, только год как посвятил себя служению Господу вместе с двадцатью девятью коллегами. Он сдался перед лицом искушений и оставил своих братьев, чтобы присоединиться к вольным жителям и свободно проводить время среди островитян. Вождь дал ему землю и слуг, и он набрал себе целый гарем "жен".

Висон навлек позор на ЛМО, но у миссионеров на Тонго существовали еще более серьезные проблемы. На острове вспыхнула гражданская война, и эта борьба свела на нет все попытки наладить миссионерскую работу. Трое миссионеров, захваченные в пылу военных действий, погибли, а оставшиеся шестеро прятались в пещерах, пока их не спас проходивший мимо острова корабль. На острове остался только Висон, миссионер-отступник, но дни его пребывания там были сочтены. Его совесть, хоть и временно затемненная, не давала ему насладиться в полной мере свободной жизнью, и он вернулся в Англию полный раскаяния и публично исповедался в своем грехе. Висон уверял своих соотечественников, что этот грех был единственным случаем нравственного падения среди миссионеров: "учитывая все препятствия, для друзей и сторонников миссий в южных морях должен прозвучать большим утешением тот факт... что больше никто из миссионеров... не вел себя неподобающим своему освященному положению образом" (утверждение, оказавшееся, к сожалению, неверным). Тонга на время была забыта, но в 1820-х ее опять посетили миссионеры - на этот раз уэслианские методисты. Самым замечательным из них был Джон Томас, кузнец, ставший свидетелем вдохновляющего прогресса в деле христианизации острова за двадцать пять лет служения там.

Тем временем работа ЛМО на Таити медленно, но продвигалась, несмотря на многочисленные неудачи. Трое миссионеров, вслед за Висоном, "стали местными", другие покинули остров, испугавшись трудностей или заболев. Без величайшего терпения упрямого и необразованного каменщика, Генри Нотта (который отработал там шестнадцать лет без видимых признаков успеха), работа на острове явно бы остановилась. Нотт родился в Брумсгроуве, Англия, в 1774 г. и в возрасте двадцати двух лет отплыл на "Даффе" как одинокий миссионер, полный решимости посвятить всю жизнь евангелизации тихоокеанских островов. Сначала он был одним из многих миссионеров, мечтающим оставить хоть маленькую память в сердцах и умах людей. Но опасности и проблемы увеличивались, другие миссионеры сдались (однажды сразу одиннадцать миссионеров покинули остров). Остались Нотт и еще три человека, но даже те поговаривали об отъезде. Настали трудные для миссионеров времена. В 1808 г.

их дом и печатный станок были разрушены, а большая часть вещей украдена. Но хуже всего было то, что отсутствовал практически всякий контакт с внешним миром. Во время наполеоновских войн французы захватили "Дафф", и прошло четыре года, прежде чем миссионеры впервые получили из дома какие-то вести и помощь. Одежда обветшала и порвалась, обувь изнашивалась до дыр. По мере истощения запасов они были вынуждены собирать в горах ягоды и фрукты. И все же Нотт отклонял все разговоры об отъезде.

С самого начала миссионерам на Таити приходилось мириться с правлением властного и непреклонного короля Помаре, жаждавшего наслаждений. Он имел репутацию жестокого властителя, что подтверждалось гибелью почти двух тысяч человек. Хотя он олицетворял собой язычество в его наихудшем варианте, миссионерам он был нужен как союзник, и они искали его дружбы. Иногда он отвечал дружелюбием, а в других случаях обращался с ними как с врагами. Когда он умер в 1804 г., к власти пришел его сын, Помаре II, и какое-то время миссионеры боялись, что он будет хуже свего отца. Однако скоро Помаре II стал смотреть на миссионеров как на потенциальный источник европейских товаров, особенно мушкетов и другого вооружения. Явно для того, чтобы добиться их расположения, он принял христианскую веру, которая в лучшем случае была двусмысленной. Он просил оружие, чтобы покончить с мятежными силами, что вначале поставило миссионеров в тупик. Но с ростом воинственности окружающих людей, угрожавших и их жизни, они сдались и решили обеспечить Помаре II и его христианских последователей оружием и боеприпасами. Могли ли миссионеры оправдать такое вмешательство? Дело в том, что оно дало практические результаты, от которых зависела их собственная жизнь. По наблюдениям очевидца, мятежники бы выиграли, "если бы миссионеры не раздали местным оружия вместе с Библией и не научили обращению с огнестрельным оружием так же хорошо, как хорошо их научили молиться".

Во время мятежа Таити покинули все миссионеры, кроме Нотта. Он смело охранял свой пост, отказываясь покинуть остров. Лишь только раз он съездил в Австралию, чтобы истребовать из ЛМО специальный заказ. Заказ состоял из одной из четырех "молодых Божьих женщин", высланных в качестве жен для миссионеров. Несомненно, в ЛМО поняли, что тихоокеанские острова были не самым лучшим местом для одиночества. Нотт, как и некоторые другие одинокие миссионеры, взял себе местную жену, но, подчиняясь возражениям коллег-миссионеров, союз был "аннулирован общим согласием и, без сомнения, забыт, когда прибыл специальный корабль с четырьмя "Божьими женщинами" на борту".

Нотт мог быть намного счастливее с местной женой, поскольку оказался с ней более совместим, чем с "Божьей женщиной", которую ему прислали. Хотя ее считали женщиной с "совершенными изгибами" тела, менее благоприятные отзывы звучали о ее характере. Коллега-миссионер писал: "Ее язык каждый день трудился беспрестанно, понося мужа в самых жестких выражениях и сплетничая об остальных с наименьшим на то основанием... Ее нога никогда не направлялась в то место, где должна была совершаться молитва, но каждый день она присоединялась к тем, кто усердно трудился, чтобы усложнить нашу жизнь и посеять между нами раздоры". Она, по общепринятому мнению, являлась позором для миссии. Доктор Росс (Ross), миссионер ЛМО, жаловался на ее тягу к спиртному, говоря, что "когда она напивалась, то была совершенно вне себя и не отдавала себе отчета в своих делах и выражениях". По его сообщению, несколько месяцев спустя она умерла, потому что "упилась до смерти".

Когда мятеж закончился, Нотт продолжил прерванную работу, умоляя даже Помаре бросить грешную жизнь. Помаре был не только пьяницей и многоженцем, но и гомосексуалистом, и явно раздражался от вмешательства христиан в такие дела. Тем не менее окончательная победа над мятежниками в 1815 г. действительно явилась сигналом к началу широкой христианизации на острове. Помаре публично отрекся от языческих идолов и жертвенников и, чтобы доказать свою искренность, двенадцать своих личных идолов он подарил миссионерам (без сомнения, в ответ на их просьбу), чтобы те отвезли их в Лондон директорам ЛМО как свидетельство того, что происходит на Таити. Отправленные идолы явились сенсацией в Англии, где проводились специальные молитвенные собрания, на которых молились за обращение Помаре. Именно в таком повороте событий нуждалось ЛМО, чтобы восстановить свою

подмоченную в южных морях репутацию, и в фонд миссии снова начался приток пожертвований.

Для Помаре, однако, было недостаточно отречения от идолов. Он мечтал стать полноценным христианином, а это означало принятие водного крещения. Подобная просьба стала для миссионеров настоящей дилеммой. Они понимали, что его крещение повлияет на решение сотен, может быть, тысяч людей повернуться к христианству лицом, но не превратится ли это действие в насмешку, принимая во внимания продолжающиеся случаи их аморального поведения? Это было трудное решение, но после продолжительного обсуждения и молитв они пришли к заключению, что крещение принесет больше отрицательных результатов, и сумели отложить его крещение на семь лет. Но когда оно все же произошло в 1819 г., то стало событием, очевидцами которого были пять тысяч человек, и это крещение открыло дорогу многим подданным Помаре, решившим публично обратиться в новую веру. Хотя сам Помаре вскоре опять впал в свои старые греховные привычки, среди местных таитян произошли огромные перемены. Посетивший остров знаменитый русский аристократ был поражен отсутствием детоубийства, каннибализма и войн - в чем огромная заслуга европейских миссионеров

На других островах Тихого океана успехи миссионеров в первые десятилетия XIX в оказались незначительными. Евангелие проповедовалось и в других местах, помимо Таити, но каждой видимой победе, казалось, сопутствовали неудачи. Только на Гавайях, далеко на север, появились очевидные признаки Божьей работы в сердцах людей

Хирам Бингем и миссии на Гавайских островах

История христианских миссий на Гавайских островах (или Сандвичевых островах, как их тогда называли) - это уникальный рассказ о том, как горстка американских миссионеров внедрилась в неизвестную культуру и в течение нескольких десятилетий влияла на каждый аспект жизни того общества. Любопытство многих возбудит история их борьбы и межличностных конфликтов, такая интересная, что в недавние годы она стала темой одного из романов-бестселлеров Джеймса Миченера "Гавайи" ("Hawaii"). К сожалению, роман не совсем верно представил христианские миссии на Гавайях. Шумный фанатик-миссионер, герой произведения Миченера, разрушал местную культуру, что было совершенно не типично для миссионеров, отправлявшихся на Гавайские острова. Верно то, что они в какой-то степени были заражены господствовавшим в XIX столетии чувством расового превосходства, но их первостепенная задача духовного благополучия гавайцев была преобладающим чувством.

Считается, что Гавайские острова были заселены около 900 г н э. Как и на большинстве островов южной части Тихого океана, обычным явлением были детоубийство и каннибализм, а общей религией считалось поклонение духам. Группа Гавайских островов стала известной западному миру только в 1778 г, и это произошло совершенно случайно. Капитан Джеймс Кук плыл от Таити к западному побережью Северной Америки и внезапно обнаружил этот островной рай. Во время первого посещения гавайцы приняли его за бога, но во второе посещение в 1779 г их почтительность к нему стала угасать, во время ссоры с одним из вождей Кук был убит. Несмотря на этот инцидент, контакты с Гавайскими островами продолжились и ссора забылась. В последующие десятилетия были установлены торговые взаимоотношения с западным миром, а острова стали излюбленным местом швартовки судов, торговавших с Дальним Востоком. Во время таких остановок местные молодые люди приходили на корабль, чтобы уплыть на судне вместе с командой, и некоторые из них таким образом попадали в Соединенные Штаты.

Подобный контакт с местными гавайцами возбудил интерес американцев к гавайским миссиям. Самую большую известность приобрел юноша по имени Обукия, житель этих островов, которого однажды нашли плачущим на ступеньках Йельского колледжа из-за его ненасытной жажды к учению. Студент Эдвин Дуайт (Edwin Dwight) почувствовал к нему сострадание и начал учить его, параллельно объясняя ему Евангелие, полагая, что однажды Обукия вернется на Гавайи и будет проповедовать своим людям. Слово Божье Мечты Дуайта окрепли, когда Обукия уверовал, но надежда на его возвращение к своему народу угасла, потому что Обукия заболел и умер зимой 1818 г. Интересно,

что своей смертью он пробудил сердца много большего количества людей, чем когда жил среди них, и десятки жителей Новой Англии стали думать о том, чтобы нести Евангелие на Гавайские острова.

Американский совет взял на себя инициативу по организации работы на Гавайях. Через год после смерти Обукии Совет уже имел группу миссионеров и христианских работников, готовых отплыть на Гавайи. Возможно, опасаясь падения их энтузиазма, директора действовали поспешно. В рекордно короткие сроки Совет связался с потенциальными кандидатами, которые прошли соответствующее собеседование и были приняты Советом на служение. Им посоветовали взять жен и подготовиться к отплытию как можно скорее. Миссионеры, конечно, осознавали специфические проблемы, подстерегавшие одиноких людей в южных морях. Из семи пар, уехавших на Гавайи в октябре 1819 г., шесть пар поженились за несколько недель до отъезда.

Во время пятимесячного морского путешествия Хирам Бингем, выпускник Андоверской семинарии, стал лидером маленькой миссионерской группы. Они с Сибиллой поженились менее чем за две недели до отправления и через две недели после знакомства. К счастью, молодожены хорошо подходили друг другу и их первенство зачастую удерживало колеблющихся миссионеров вместе. По прибытии на Гавайи новые поселенцы обнаружили, что совершенно не подготовлены к тому, что их ожидало. Они находились в полном шоке от увиденного. Об этом можно судить по рассказу о первой встрече Бингема с гавайской цивилизацией: "Вид нищеты, морального падения и варварства среди непрерывно говорящих и почти голых местных дикарей... был отвратительным. Некоторые из нас отвернулись со слезами на глазах, другие, с более крепкими нервами, продолжали смотреть, но были готовы вскричать: "И это люди? ...Неужели эти создания возможно привести к цивилизации? Неужели их возможно сделать христианами? Сможем ли мы остаться на этих невежественных берегах и поселиться навсегда среди таких людей ради подготовки их к жизни на Небесах?"

Какое впечатление произвели эти самодовольные посетители из Новой Англии на островитян, неизвестно, но последние, по крайней мере, были достаточно учтивы, чтобы тепло приветствовать их, "намного более учтиво", согласно одному историку, "чем приезжие того заслуживали". На счастье, время для визита миссионеры выбрали очень удачно - необъяснимое "совпадение", если не считать это провидением Божиим. В обществе островитян в недавнем прошлом произошла огромная перемена - к власти пришел новый правитель. Идолопоклонство и человеческие жертвы были объявлены вне закона, и долгая история межплеменных войн, казалось, тоже закончилась. Миссионерам разрешили сойти на берег и начать работу.

Перед ними стояла огромной важности задача, что, фактически, стало вызовом существовавшему там образу жизни. Необходимо было выполнить поручение, данное Советом: "Вы должны широко открыть сердца и высоко держать свою марку. Вы не должны отвлекаться ни на что, кроме насаждения на острове плодоносных полей и постройки опрятных жилищ, школ и церквей, чтобы поднять уровень развития этого народа до высокого уровня христианской цивилизации..." "Уровень христианской цивилизации", естественно, означал цивилизацию в стиле Новой Англии, далеко отстоявшую от легкого образа жизни гавайцев. Неудивительно, что такой цивилизации сопротивлялись, а если не сопротивлялись, то, по меньшей мере, значительно недопонимали законы пуританской морали, которую миссионеры принесли с собой. Нравственные нормы в отношении к работе, в частности, стали камнем преткновения для многих новых христиан.

Настоящее сопротивление, которое миссионерам пришлось преодолевать, исходило (как и в южной части Тихого океана) от соотечественников, моряков. Матросы были в ярости от вмешательства миссионеров в образ жизни местного населения, поскольку раньше моряки могли беспрепятственно зазывать молодых женщин подниматься на корабль и продаваться за несколько дешевых безделушек. По мере роста влияния миссионеров такая практика пошла на убыль, и не раз Бингем и его коллеги сталкивались с яростью тех, которым отказывали в сексуальных удовольствиях. Однажды моряки с "Дельфина" сошли на берег и набросились на Бингема с ножами и дубинками и, без сомнения, убили бы, если бы не своевременная помощь верных гавайцев.

Несмотря на противодействие, прогресс миссий на Гавайях происходил с поразительной скоростью. Были организованы церкви и школы. Вскоре их заполнили ученики, горевшие желанием слышать больше о христианстве и научиться читать. В одну из таких школ, организованную Сибиллой Бингем, поступили несколько женщин-вождей, и скоро они приняли веру. Одна из вновь уверовавших, крестившаяся в 1823 г., была матерью правителя. Наверное, самым ярким событием стало обращение Капиолани, женщины-вождя, которая, как и многие гавайцы, жила в жутком страхе перед богиней Пеле, пребывавшей, по преданиям, в дымящемся кратере вулкана Килауа. После обращения ко Христу Капиолани, перед сотнями собравшихся соплеменников, в ужасе взирающих на нее, бросила вызов Пеле, взобравшись на вершину вулкана и спустившись в его кратер, чтобы продемонстрировать бессилие ложной богини. В смелом отречении Капиолани бросала камни и "святые" ягоды в озеро лавы, насмехаясь над суевериями людей. Затем, вернувшись к остальным, она свидетельствовала о силе истинного Бога. Это стало ярчайшим событием, которое воистину проложило путь христианству на Гавайях более, чем все миссионерские обличительные речи против Пеле, взятые вместе.

К 1830 г., только после десяти лет жизни на Гавайях (и после прибытия второй группы миссионеров), миссионеры расселились по всем островам.

К Бингему относились с большим почтением, и многие вожди уважали его не только как духовного лидера. По словам одного циника, они даже позволяли "королю Бингему" диктовать им, какой закон издать. "Консервативные законы Коннектикута - это законы Гавайев", - писал другой критик.

Но все законы Новой Англии, взятые вместе, не могли преодолеть столетий моральной распущенности, царившей на островах. Самая отчаянная ситуация, согласно Брэдфорду Смиту (Bradford Smith), создалась в области, относившейся к сексуальным грехам: "Братья терпеливо старались объяснить седьмую заповедь. Но переводя ее на гавайский язык, они с ужасом узнали, что существует около двадцати способов совершения измены по-гавайски. Если в своей формулировке они используют один из двадцати, то дадут возможность использовать остальные для удовлетворения похоти. Им пришлось закончить свои пояснения туманной фразой: "ты не должен спать неправильно", превратив эту заповедь в область ответственности перед совестью".

Даже самые верные гавайские христиане сталкивались с проблемами сексуальной невоздержанности. Подытоживая ситуацию, миссионерский учитель Лоррин Эндрюс (Lorrin Andrews) подтверждал, что "прелюбодеяние было возмутительным грехом местных учителей..." А другой миссионер писал: "Многие учителя спали со многими или со всеми своими учениками". Миссионеры верили, что они помогают делу морали, когда настаивали на том, чтобы обращенные одевались, и только тогда "обнаружили", согласно Смиту, "что одежда девушек стала новым источником соблазна для мужчин, которые всю жизнь воспринимали наготу как само собой разумеющееся".

Сами миссионеры, в отличие от братьев в южных морях, сумели сохранить чистоту в окружении моральной распущенности, в которой были вынуждены жить. Но эти люди сталкивались с более сильными искушениями, особенно в области обретения материальных благ. Некоторых миссионеров обвиняли в торговле товарами, в конкуренции с торговцами и иностранными купцами. Артемас Бишоп, например, использовал труд местного населения для изготовления сигар в обмен на учебные пособия, а прибыль направлял на строительство своего дома. Другой миссионер, Джозеф Гудрич, приобрел сахарную плантацию и построил собственный сахарный завод, а третий выращивал кофейные зерна.

Такая коммерческая активность явно не одобрялась Американским советом, и между миссионерами и директорами разгорелся по этому поводу жаркий спор. Лоррин Эндрюс в письме домой к отцу осуждал своих начальников: "Мы должны сделаться рабами? Ты жертвуешь свои деньги Американскому совету не для того, чтобы твой сын находился в зависимости от административно-хозяйственной комиссии Совета". Эндрюс и другие хотели свободы от диктаторского контроля Совета. Забавно, но экономическая ситуация в Америке как раз и предоставила им эту свободу. Тяжелые времена вынудили Американский совет отказать своим подопечным в поддержке, и миссионерам ничего не осталось, как только придумать, чем зарабатывать себе на жизнь.

Несмотря на все проблемы нравственного и материального характера и противоречия между миссионерами и директорами Совета, работа по благовествованию продолжалась

с поразительными успехами. К 1837 г. команда миссионеров насчитывала в своих рядах шестьдесят человек, многие из которых работали не покладая рук, как преданные и высокодуховные слуги Божьи. Почти двадцать лет они старательно закладывали твердое основание для христианской церкви на Гавайях. С завершением этой работы началось духовное пробуждение. Пробуждение охватило все острова, в частности, начал активную деятельность странствующий проповедник Титус Коун (Titus Coan). В отличие от своих суровых братьев из Новой Англии, он не боялся проявления эмоций и приветствовал "пролитие слез, дрожание губ, глубокие вздохи и тяжелые стоны". Коун прочитывал до тридцати проповедей в неделю, переходя с острова на остров, и тысячи людей засвидетельствовали свою веру в Христа. Быстро росли новые церкви, некоторые из них достигали численности двух-трех тысяч человек и даже больше. Во время пробуждения членами церквей стали больше двадцати тысяч гавайцев, тем самым почти в двадцать раз увеличилось количество прихожан на островах.

К 1840 г., через двадцать лет миссионерской работы, миссионеры из Новой Англии могли оглянуться назад с чувством удовлетворения от выполненной работы, но впереди было еще много проблем. Их строгие пуританские церкви подрывались влиянием католических священников, чьи методы, по свидетельству Брэдфорда Смита, находили большой отклик в сердцах местного населения: "Вместо того, чтобы просить пожертвований, католики сами давали подарки, особенно детям, которых приносили крестить. Они проводили короткие службы без проповедей, не возражали против курения и употребления алкоголя, обещали отпущение грехов грешникам и с готовностью принимали в члены церкви. Вместо того, чтобы строить крепкие американские дома, они сами принимали гавайский образ жизни". Многие из гавайцев, когда-то собиравшиеся послушать Коула, перекинулись к не столь требовательным католикам, и менее чем за десять лет евангельское христианство пришло в упадок.

Служение римских католиков в некоторых случаях характеризовалось более жертвенной любовью, чем служение протестантов. Можно привести один поразительный пример, когда отец Дамьен, бельгийский священник, в 1873 г. добровольно согласился работать на Молокае, отдаленном скалистом пустынном острове, населенном только прокаженными, беженцами с других островов. По прибытии туда он немедленно разработал социальные программы и начал интенсивную проповедническую работу. Его служение сопровождалось таким успехом, что новости о его деятельности распространились по всему миру- и обеспечили ему хорошую финансовую поддержку и разного рода пожертвования. После более десяти лет неустанной работы, однако, он понял, что сам заразился проказой. Еще четыре года он продолжал свой труд любви, теперь полностью отождествляя себя с теми, кого можно было назвать миром "живых трупов". Когда в 1889 г. он умер в возрасте сорока девяти лет, его подвиг был известен всему миру.

Кроме отрицательного влияния католиков, свой вклад в угасание протестантских миссий внес и отъезд Бингемов (которые вернулись в Соединенные Штаты из-за слабого здоровья Сибиллы). Самым серьезным препятствием для эффективной миссионерской работы явилась все более

усиливающаяся среди миссионеров тяга к материальным ценностям. Несколько миссионеров оставили свое призвание ради приобретения земли и богатств, а другие, кто остался на миссионерском посту, обвинялись в захвате земли и были вовлечены в не относящиеся к служению дела и потому не имели возможности полностью отдаваться основной работе. Многие дети миссионеров остались на Гавайях, но не служили миссиям. Они занимали высокие правительственные посты или стали богатыми землевладельцами. Все это привело Гавайи к близким политическим связям с Соединенными Штатами, но в то же время отрицательно сказалось на росте и развитии церкви. К концу века живая христианская церковь, насчитывавшая более двадцати тысяч человек, уменьшилась до пяти тысяч. Миссионеры преуспели в умении нести цивилизацию на Гавайские острова, но более трудную задачу сделать эту цивилизацию христианской они разрешить не смогли.

Джон Уильямс

Одним из самых больших новаторов в тихоокеанском регионе, умеющим видеть далеко вперед, был Джон Уильямс (John Williams), которого иногда называли "Апостолом южных морей" или "Апостолом Полинезии" из-за его широкого влияния в этой части мира. Он родился в 1796 г. в Англии. Это был год, когда "Дафф" отправился в южную часть Тихого океана с миссионерами Лондонского миссионерского общества на борту. Уильямс вырос в районе рабочего класса Тоттенем, Англия, и в возрасте четырнадцати лет стал учеником торговца скобяными товарами с условием, что будет жить в доме хозяина в течение семи лет, пока не научится этому ремеслу. В это время Уильямс попал в компанию хулиганов и отвернулся от духовного учения, стремление к которому было заложено в него с детства. Это вызвало озабоченность жены хозяина. Январской ночью 1814 г. он ждал на углу улицы своих товарищей, а она намеренно свернула с дороги и настояла, чтобы он пошел с ней в церковь вместо гулянки с друзьями. Он неохотно согласился, и в тот вечер его жизнь коренным образом изменилась. С того времени все его свободные часы были посвящены Господу: преподавание в воскресной школе, распространение христианских листовок и посещение больных.

Пастор церкви, Мэтью Уилкс (Matthew Wilkes), приглядевшись к Уильямсу, пригласил его в специальный класс для молодых людей, заинтересованных в служении. Вскоре страсть Уилкса к миссионерской деятельности передалась молодому ученику, и через его поддержку Уильямс обратился в ЛМО. Хотя ему было всего двадцать лет и он не имел формального библейского или миссионерского образования, его приняли кандидатом. В южной части Тихого океана была нужда в свежих силах, и потому Общество старалось не отказывать ревностным молодым добровольцам. За несколько недель до отъезда Уильямс закончил свое неформальное образование с пастором, а также торопливо женился на Мэри Чонер.

По прибытии в южные моря тихий Уильямс, его жена и несколько других миссионеров остановились мене чем на год на Муреа, маленьком островке недалеко от Таити. В 1818 г. они продвинулись дальше на запад к другому маленькому острову, где провели еще три месяца, пока наконец не осели на острове Райатеа (Raiatea), базе Уильямса в течение следующих тринадцати лет. Хотя Райатеа был маленьким островом с населением менее двух тысяч человек, он имел большое значение для полинезийцев, потому что считался домом полинезийского бога, Оро, чей храм являлся центром человеческих жертвоприношений. Уильямса и его семью тепло приветствовали местные жители, но из-за дружелюбного фасада встречи проглядывало культурное наследие, где человеческая жизнь ценилась невысоко. Человеческие жертвы, практика детоубийства (обычно малыша закапывали живьем), отсутствие всяких нравственных законов - таково было положение дел на острове. Согласно Уильямсу, "мужчины и женщины, мальчики и девочки, совершенно раздетые, купались в одном месте без стыда и с большой похотью... Беспорядочное половое сожителство является обычным делом и совершенно омерзительно. Когда муж болен, жена ищет его брата, а когда больна жена, муж делает то же... Когда мы говорим им о необходимости трудиться, они смеются над нами..."

Главной задачей Уильямса стала проблема подхода к этим людям. Как может христианство коснуться сердец людей с такой культурой? Его не учили преодолевать разницу в культуре и традициях при проповедовании, поэтому он решил первым делом изменить эту культуру. Он приехал не только для того, чтобы принести христианство, но стремился дать этим людям цивилизацию, западную цивилизацию, которую он считал предварительным условием для насаждения церкви и значительной частью миссионерского божественного предназначения: "ибо миссионер не приходит, чтобы стать варваром, но чтобы возвысить язычников; не чтобы уподобиться им, но поднять их до себя". Чтобы продемонстрировать превосходство западной цивилизации, Уильямс построил большой семикомнатный дом с верандой и окнами на море и на живописные картины природы. Его мастерство, трудолюбие и настойчивость явно произвели большое впечатление на местных жителей, и скоро они последовали его примеру: "Многие построили себе очень аккуратные маленькие домики и теперь живут в них со своими женами и семьями. Местный вождь, увидев наши дома, по нашему совету построил себе дом рядом с нами... Возможно, сторонники цивилизации были бы довольны не менее друзей евангелизации, если бы они могли увидеть на этих отдаленных берегах местных жителей, которые старательно заняты самым различным трудом".

К счастью, занятия Уильямса вопросами цивилизации населения не уменьшили его рвения к работе проповедника. Несмотря на все мирские занятия, он проводил по пять богослужений в воскресенье и другие богослужения на неделе, а личное свидетельство было частью его повседневной деятельности. Однако основные миссионерские обязанности он передал местным обращенным, которые, как ему казалось, смогут быстрее достучаться до сердец своих соплеменников.

С первых месяцев жизни в южных морях Уильямс чувствовал ограниченность своей деятельности из-за малого населения отдельных островов и неспособности путешествовать свободно от острова к острову. Коммерческие суда посещали остров от случая к случаю, и это делало любую попытку запланированной поездки совершенно невозможной. Очевидным разрешением проблемы, по крайней мере, с точки зрения Уильямса, было приобретение собственного судна. Не он первым пришел к такому заключению.

Несколько лет до того миссионеры на Таити с помощью Помаре начали строить торговое судно для перевозки продукции своих сахарных и хлопковых заводов, но их затея закончилась неудачно. Другие миссионеры также пытались построить судно, но задача оказывалась намного сложнее, чем они могли себе представить. Один такой заброшенный и неосуществленный проект попался на глаза Уильямсу (жестянщику по профессии), который мог бы завершить строительство этого незаконченного и брошенного судна и исполнить свою мечту о свободном передвижении с острова на остров. С помощью других миссионеров судно вскоре было готово к спуску на воду, и этот день стал для них праздником.

Однако такой праздник не радовал директоров миссионерского Совета. Видя ситуацию со стороны, они не могли понять необходимости хорошего транспортного сообщения между островами. Они запретили использование этого судна, решив, что "общество не может позволить себе входить ни в какое состояние владения или аренды судов..." Это послужило сигналом к началу военных действий. И если некоторые миссионеры соглашались с приговором директоров, Уильямс этого делать не собирался. Последующие годы были годами конфликтов - иногда горьких и горячих - когда Уильямс, возмутительно нарушая приказ директоров, продолжал навигацию. Первое судно, которому Уильямс помог обрести жизнь, было ликвидировано, но в 1821 г., во время посещения Сиднея, Уильямс на деньги, пожертвованные ему бизнесменом, приобрел в собственность новое судно "Индевер". Его целью явилось расширение сферы проповеднической работы миссии, равно как и перевоз местных товаров на рынок. Нет нужды говорить, в какую ярость пришли директора, когда узнали эти новости, несмотря на то что Уильямс, занимаясь коммерческими делами, имел прибыль в 1800 британских фунтов. Они рассматривали это приобретение как "великое зло" и обвиняли Уильямса в "занятии коммерческой деятельностью", которая "отвлекала его внимание... от великой задачи их миссии".

Как такое различие во взглядах давало возможность сотрудничать дальше и как Уильямс продолжал трудиться в миссии, можно объяснить только медленным сообщением между Англией и островами Тихого океана. Пока приказ директора доходил до него, ситуация обычно менялась, и язвительные упреки Совета уже невозможно было отнести к настоящему времени. Его коммерческие операции прекратились после того, как Новый Южный Уэльс ввел большие таможенные пошлины, и поэтому, в ответ на возмущение директоров, он обещал "избегать всяких и любых возможных осложнений в будущем". Но это не значило его отступления по принципиальному вопросу о том, что корабль является обязательным условием благоговения на островах. Он был полон решимости работать по-своему или же уехать вообще: "По замыслу Иисуса предназначение миссионера заключается не в том, чтобы завести себе приход в сто или двести туземцев и сидеть сложа руки, в спокойствии и довольстве, словно каждый грешник уже обращен, когда вокруг него люди тысячами поедают с диким восторгом плоть друг друга и пьют кровь друг друга... Со своей стороны, я не могу довольствоваться узкими рамками одного острова, и если средств окажется недостаточно, то я предпочту служение на континенте, ибо если там ты не можешь ездить, то можешь ходить пешком".

Отчасти из-за финансовых проблем Уильямс с неохотой согласился расстаться с "Индевером", но предположил, что директора сами, возможно, стали орудием дьявола в остановке прогресса евангелизации островов: "Сатана отлично знал, что этот корабль

был самым решающим орудием, когда-либо применявшимся против его интересов в великих южных морях; и поэтому, как только почувствовал силу первого удара, он вышиб это орудие из наших рук".

С отсутствием судна поездки Уильямса на другие острова почти прекратились, и следующие годы он провел на острове Райатеа, обращая в веру его население и переводя Писание. Вскоре он впал в отчаяние от невольного заточения и отсутствия дополнительной помощи из Англии. Благоговение на островах шло слишком медленно. Стратегия ЛМО сводилась к тому, чтобы просто мешать людям работать. К руководству Советом должен был прийти человек с сильным характером, и Уильямс видел себя таковым. Практический опыт убедил его в том, что он знал лучше директоров, как проводить евангелизацию островного мира. По его мнению, нужно было привлечь к активной деятельности местных миссионеров. Он считал необходимым расселить их по различным островам, периодически навещая их и помогая им исполнять служение.

Для выполнения плана Уильямса явно требовался корабль, что опять восстановило против него директоров миссии; и все же, не задумываясь о последствиях, он начал строить корабль. Всего через несколько месяцев пятидесятитонный "Посланник мира", забавно выглядящее судно, было готово к плаванию. Уильямс также был готов начать свое полинезийское служение странствующего проповедника. К тому времени, когда директора получили об этом известие, план уже претворялся в действие и они мало что могли сделать за тысячи миль от островов.

Уильямс еще раз нарушил волю директоров - с одной стороны, поведение, которому нет оправдания, с другой стороны, действия провидца. Был ли он неправ? Следовало ли хвалить или обвинять его за те действия? Если видеть только его непослушание директорам, без учета величайшей ответственности Уильямса за дело проповеди Евангелия - это было бы дурной услугой миссионерскому делу. Он пожертвовал слишком многим для достижения своей цели, чтобы легко отступить от нее. Его здоровье, как и здоровье жены, значительно ухудшилось, а семеро из десяти детей умерли в младенчестве. Он рисковал слишком многим, чтобы оставить свою мечту.

В то время как Уильямс стремился обновить миссионерскую работу ЛМО на островах Тихого океана, он столкнулся с оппозицией и со стороны многих коллег-миссионеров. Они критиковали его потому, что он отказывался угомониться на одном месте; он уезжал до того, как налаживалась его работа, или до того, как разрешались проблемы. Но, как сказал один историк, "он никогда не скрывал тот факт, что рассматривал себя сеятелем, а не земледельцем, возвращающим урожай". Тогда, когда многие миссионеры благодарили его за предоставленную возможность общения и свободу передвижения, которую принес "Посланник мира", другие приходили в негодование от выдающегося положения и неограниченных перспектив миссионерской деятельности Уильямса. Директора тоже боялись последствий его растущего влияния и престижа:

"Забиться о том, чтобы воздавать славу Богу - помни, что сам ты не имеешь в этом никакой чести - чтобы не впасть тебе в искушение... и не стать высокомерным". Уильямса задела эти намеки, как явствует из его ответа: "Вполне рассчитанный дух подозрительности, так явно прозвучавший в вашем письме, дал мне увидеть оценку моей работы, которую я никак не ожидал заслужить с вашей стороны. Письма, написанные в таком тоне, вызывают в нас такие чувства и отношение к директорам Общества, которых я не хотел бы иметь в себе".

Несмотря на натянутые взаимоотношения с директорами и отдельные неудачи в служении, основной план Уильямса осуществлялся с великим успехом. Под его присмотром проповедь Евангелия населению почти полностью выполнялась местными учителями, многие из которых имели очень ограниченную подготовку и были еще совсем незрелыми христианами, не умеющими преодолевать возможные препятствия. Тем не менее они смело покидали свои дома и спокойную жизнь в своем племени и уходили в незнакомую обстановку, учили незнакомые языки, рисковали собственной жизнью, чтобы нести Евангелие братьям-островитянам. Стефан Нейл говорил: "Немногие чудеса в христианской истории могут сравниться с верностью этих мужчин и женщин, которых оставляли среди людей с незнакомой речью и среди множества опасностей для жизни, чтобы насаждать и строить церкви из собственной ограниченной веры и познаний с поддержкой только укрепляющей силы Святого Духа и молитв своих друзей. Многие поливали эти семена собственной кровью; но церкви росли, и намного лучше, чем если бы насаждались только европейскими миссионерами".

К 1834 г., через почти восемнадцать лет служения в Тихом океане, работа Уильямса и других миссионеров значительно расширилась, и он мог объявить о том, что "нет островитян и нет ни одного острова, сколько-нибудь значительного в пределах двух тысяч миль от Таити, чтобы его не посетили миссионерские силы". Это великое достижение было только началом. Нужно было увеличить финансовую помощь, нужны были свежие силы. Уильямс знал, что единственный способ получить поддержку - вернуться домой и самому просить о помощи.

Прибыв с семьей в Англию летом 1834 г., тридцативосьмилетний Уильямс обнаружил, что слава о нем обогнала его. Архиепископ Кентерберийский заметил, что его деятельность могла бы прибавить новую главу к Книге Деяний, другие также не жалели похвал в его адрес. Он стал сенсацией. Люди толпами хлынули послушать экзотические рассказы об островитянах Тихого океана и о наполненной опасностями жизни миссионеров. Уильямс играл на их воображении, иногда показываясь в костюме островитянина, но не всегда получал помощь, на которую надеялся. После одной службы он пожаловался: "Я старался сыграть на их симпатиях, рассказав о жестокостях язычников, и у них обильно текли слезы, но из карманов накапало всего лишь четыре фунта. Это люди с холодной кровью".

Выступления Уильямса возбуждали живой интерес в людях, и обычно их хорошо посещали. Но деньги, так необходимые для работы, принесла ему книга "Повествование о миссионерской деятельности в Тихом океане" ("A Narrative of Missionary Enterprises in the South Seas"). Книги продавались богатым и влиятельным людям, и некоторые из них ответили значительными пожертвованиями, на которые стало возможным купить другой миссионерский корабль для южных морей. На этот раз директора не возражали. Они были благодарны за ту неожиданную популярность, которую завоевал их миссионер в среде влиятельных людей, и явно не хотели разрушить впечатления, которое он произвел, рассказывая о миссионерской работе ЛМО на островах Океании. "Камден" (в два раза больше "Посланника мира") был куплен весной 1838 г., и после четырех лет отпуска Уильямс готовился вновь отплыть с семьей и новыми добровольцами (включая сына и невестку) домой, на острова Тихого океана. Это было шумное прощание и, как всегда, говорились пышные речи. Его называли великим миссионерским деятелем современности. Кто теперь мог помешать ему, получившему хорошую финансовую поддержку, покорить всю Океанию для Христа? Да, он был выдающимся человеком, желающим оправдать все людские надежды.

Вернувшись на острова, Уильямс сразу же принялся за работу, посещая базы на островах, поддерживая деятельность местных миссионеров, но разочарование встречало его на каждом шагу. По словам одного историка, Уильямс обнаружил, что "несмотря на блестящие отчеты миссионеров директорату ЛМО в Англии, дела от плохих стали еще хуже... Островитяне отворачивались от христианства, разочарованные и уставшие от непрерывных требований миссионеров". В отношениях между миссионерами также появились проблемы, особенно между представителями ЛМО и уэслианскими методистами. Но что было всего хуже в глазах Уильямса, римские католики предпринимали "самые отчаянные попытки установить папство на островах".

В это время, как никогда раньше, мог понадобиться общепризнанный авторитет и многолетний опыт Уильямса. Необходимо было помочь стабилизировать ситуацию и восстановить активную работу на разбросанных островах, которые он открыл для христианства. Но Уильямс являлся скорее первооткрывателем, чем ремонтником, и его манили нетронутые острова к западу. Много лет он мечтал исследовать запад до Новых Гебрид, и теперь, с приобретением "Камдена", ничто, кроме известной дикости островитян, не могло остановить его. Он рисковал жизнью и раньше, и потому с радостью был готов делать то же, несмотря на возражения жены.

В начале ноября 1839 г., попрощавшись с женой и семьей, Уильямс вместе с несколькими местными миссионерами-добровольцами отправился на "Камдене" на остров Эроманга на Новых Гебридах. О людях с этих островов мало что было известно кроме того, что они яростно нападали на европейских торговцев, безжалостно вывозивших драгоценное сандаловое дерево.

После двухнедельного путешествия "Камден" достиг Эроманги. Вскоре на берегу появились местные жители и вошли в залив, чтобы получить подарки от посетителей, подплывших в маленькой лодке к берегу. После этого Уильямс и два других европейских миссионера сошли на берег и направились вместе с жителями острова к их

деревушке. Внезапно, без всякого предупреждения, островитяне набросились на миссионеров. Уильямс успел увернуться и броситься к берегу, но ему нанесли смертельный удар дубинкой по голове тогда, когда он пытался уплыть от своих врагов. Один из миссионеров добрался до лодки, и вместе с капитаном Морганом они отплыли к "Камдену". Не имея возможности сойти на берег и забрать тело, Морган поплыл в Сидней за помощью. Два месяца спустя они вернулись, и после переговоров с островитянами им были отданы кости Уильямса и его товарищей, мясо которых местные жители съели.

Трагическая гибель Уильямса стала во многом неразрешимой загадкой для его коллег и друзей. Зная коварство жителей острова, особенно подозрительных после посещения их торговцами сандаловым деревом, почему он не послал сначала местных миссионеров на берег, как это обычно делалось? Их появление пугало намного меньше, чем приезд европейцев, который, естественно, ассоциировался с приездом торговцев. Так почему же Уильямс не почувствовал опасности, когда увидел, что среди встречающих нет женщин? Как бывалый миссионер южных морей, он наверняка знал, что такая ситуация означает сигнал о надвигающейся угрозе. Почему он так явно пренебрегал этими совершенно очевидными признаками? Скорее всего, сойдя с вершины славы и восторга, испытанных в Англии, Уильямс был в упадке духа от истинного состояния миссионерской работы. А его последователи считали его смелым человеком. Он должен был оказаться на высоте, в соответствии со своей блестящей репутацией и, может быть, в какой-то момент потерял ощущение реальности, мысленно пребывая в ореоле непобедимости.

Джон Г. Патон

Международная пресса, осветив трагическую гибель Джона Уильямса, привела в ужас членов христианской церкви, в частности, на Британских островах, где десятки молодых людей поклялись занять его место. Пресвитериане, начиная с Джона Гедди (John Geddie), стали первыми протестантами, появившимися на Гебридовых островах в последовавшие за трагической смертью Уильямса годы. Гедди, о котором впоследствии говорили как о "суровом, не склонном к юмору, целеустремленном и невероятно смелом" миссионере, был заинтересован рассказами о героизме миссионеров в южных морях с раннего детства, которое он провел в Новой Шотландии. [Nova Scotia - провинция на юго-востоке Канады. - Примеч. пер.] В 1848 г. он с женой отправился на Анейтьюм, самый южный из островов Новых Гебрид, где они провели всю свою жизнь, переводя Писания, проповедуя Евангелие и подготавливая местных работников к христианскому служению. Их деятельность оказалась настолько эффективной, что практически все население острова стало христианским. На одной из церквей, основанных Гедди, имеется надпись в память о нем, в которой говорится о степени его влияния на жизнь острова: "Когда он прибыл сюда в 1848 г., здесь не было ни одного христианина; когда он уехал в 1872 г., здесь не осталось ни одного язычника".

Успех Гедди способствовал возникновению большего интереса к миссиям на его родине, и скоро на острова начали прибывать другие пресвитерианские миссионеры. Одним из них был Джон Г. Патон (John G. Paton), может быть, известный более других миссионеров Тихого океана. Он обессмертил свое имя тем, что сумел охватить местное население, ранее с дубинками встречавшее миссионеров. Об этом он рассказал в своей исполненной трагизма автобиографии, ставшей очень популярным бестселлером. Жизни Патона, по его собственному свидетельству, так много раз угрожала смерть от руки островитян, что перечислить эти случаи просто невозможно. Остаться в живых уже само по себе оказывалось великим достижением и требовало напряжения всех умственных и физических сил.

Джон Патон родился в 1824 г в Данфризе, Шотландия, и вырос в домишке в три комнаты, где крыша была крыта соломой. Его отец зарабатывал на жизнь вязанием чулок. Семья была до того бедной, что Джон был вынужден бросить школу и с двенадцати лет работать вместе с отцом, чтобы поддержать семью. Патоны считали себя ярыми пресвитерианами, в центре жизни которых была деятельность в церкви, но Джон обратился только в семнадцать лет. Это событие, в корне изменившее его жизнь, заставило его задуматься о христианском служении.

Впервые по-настоящему Патон ощутил вкус христианского служения в двадцатилетнем возрасте, когда он стал миссионером в городской миссии Глазго. За это ему платили две сотни долларов в год. Он работал в гетто Глазго, где обнищавшие рабочие массы возмущали спокойствие улиц и где "грех и зло шли рядом открыто и бесстыдно". Это было трудное служение, но оно хорошо подготовило его к тем испытаниям, с которыми ему предстояло столкнуться на Гебридах. Он встретил яростное сопротивление своей уличной работе проповедника, но его философия не позволяла ему отступить: "Позволь им увидеть, что ты боишься их угроз, и они жестоко и зверски уничтожат тебя, но бесстрашно брось им вызов или возьми их за нос, и они будут извиваться у тебя под ногами, как звереныши".

Через десять лет городской миссионерской работы Патон узнал о большой потребности в миссионерах на островах Тихого океана через представителей своей реформатской пресвитерианской церкви Шотландии. Сначала он думал, что останется на своем посту, потому что его работа была необходима здесь; но не мог выкинуть из головы тихоокеанских островитян. И все же Патон был нужен в городской миссии, и ему трудно было решиться сообщить о своем уходе директорам миссии. С другой стороны, он не мог оставаться дома в Шотландии, когда тысячи островитян уходили в вечность, так никогда не услышав об имени Христа. Но он все же принял это нелегкое решение, и тогда даже предложения о более высокой оплате труда и предоставлении жилья не смогли охладить его пыл. Голос страха также не поколебал будущего миссионера "Тебя съедят каннибалы", - предупреждали его. Но Патону не требовалось напоминать о каннибалах. Он всегда помнил о судьбе великого Джона Уильямса.

Весной 1858 г., после трехмесячной поездки по приходам пресвитерианской церкви, он был готов к отплытию. Перед отъездом он выполнил два важных дела - принял рукоположение и женился на Мэри Энн Робсон - и 16 апреля поднял паруса, направившись в южные моря. Прибыв на Новые Гебриды, Патоны были сразу назначены на остров Танна. Оказавшись на острове, они пришли в ужас от дикости местного населения: "Мое первое впечатление привело меня к полному смятению. При виде местных жителей, раскрашенных, голых и нищих, мое сердце исполнилось ужасом, равно как и жалостью... на женщинах была лишь тонкая завеса из травы... на мужчинах неопишное прикрытие типа мешка или сумочки, а на детях вообще ничего!" Патон поселился на Танне, и ему не пришлось долго ждать проявлений страшных реалий местного образа жизни, в сравнении с которыми тускнела проблема наготы местных жителей. Жители глубоко увязли в смертельных военных играх. Отдельные убийства происходили почти ежедневно и воспринимались как обыденное дело. Изредка возникали случайные вспышки массового насилия, угрожавшие жизни всего населения. В такое напряженное время ни на минуту нельзя было расслабиться. Ситуация усложнялась постоянными приступами тропической лихорадки. Мэри оказалась более восприимчива к этой болезни, чем муж, а рождение ребенка лишь усугубило ее состояние. 3 марта 1859 г. она умерла от лихорадки, и менее чем через три недели умер их новорожденный сын. Отчаяние овладело Патоном. Прошел всего лишь год, как они торжественно произнесли брачные клятвы, и теперь все кончено. Это было почти невозможно вынести: "Если бы не Иисус... я бы сошел с ума и умер бы сам на этой одинокой могилке".

В первые годы миссионерской деятельности Патона происходили лишь малые сдвиги в установлении христианской веры среди народа Танны. То, что было сделано, во многом явилось результатом усилий местных учителей, которые прибыли из Анейтьюма, где служил Джон Гедди. Они не только эффективно проповедовали Евангелие, но и жили христианской жизнью на глазах братьев-островитян так, как никто из европейцев жить не мог. Особенно это касалось области семейных взаимоотношений, в частности, отношения к женщине. Женщины в социальной структуре Танны были фактически рабынями, мужья их часто избивали, а иногда даже убивали. Поэтому ничего удивительного нет в том, что образ жизни местных учителей и та защита, которую они предлагали женщинам Танны, являлись для мужчин острова конкретную угрозу. Они яростно нападали на Патона и местных учителей и убили одного из верных его помощников, Намури. Местных учителей также косили болезни. Когда заезжие моряки завезли на Танну корь, тринадцать учителей с Анейтьюма умерли от этой болезни, а остальные покинули остров, кроме одной верной пары. Вспышка кори оказалась такой свирепой, что треть населения Танны была просто сметена с лица земли.

К лету 1861-го, через три года после приезда Патона, местное население Танны оказалось на грани гражданской войны, а он сам очутился в самом центре конфликта. Был момент, когда Патон и оставшийся учитель из Анейтьюма заперлись в комнате на четыре дня, а островитяне ждали снаружи, чтобы убить их. Прибрежные островитяне ненавидели Патона больше всего. Они угрожали всеобщей войной против внутренних туземцев, если этого человека не заставят уйти. Наконец в середине января 1862 г. ежедневные вспышки насилия обернулись полномасштабной гражданской войной. Используя для защиты винтовку, Патон убежал с Танны на торговом судне, бросив все свои пожитки.

Покинув Танну, Патон отправился на Анейтьюм и затем в Австралию, где немедленно начал тур по пресвитерианским церквям, рассказывая людям об ужасах, с которыми столкнулся на Новых Гебридах. Он был талантливым оратором, и к тому времени, когда его поездки закончились, пожертвования достигли суммы в двадцать пять тысяч долларов, на которые он купил миссионерский корабль "Дейспринг". Весной 1863 г. Патон отправился на Британские острова, где продолжил посещение пресвитерианских церквей, собрав тысячи долларов для организации миссионерского служения в южных морях. Во время этого путешествия Патон женился вновь и в конце 1864 г. он с женой Маргарет отплыл в Австралию, откуда они на "Дейспринге" отправились на Новые Гебриды.

Вскоре после прибытия на острова Патона втянули в историю, которая чуть было не разрушила все результаты его служения и работу других миссионеров в южных морях. То, что произошло с Патоном, равно как и опыт других европейцев на островах, привел агрессивного британского командующего к решению пройтись с карательной экспедицией по островам и наказать островитян Танны, разрушив некоторые деревни, особенно деревни прибрежных туземцев, которые так яростно ополчились на Патона. Патон позже отрицал то, что именно он направил гнев вояк на островитян, но он действительно сопровождал экспедицию как переводчик, создав, таким образом, прямую связь между действиями миссионеров и военных. Хотя местных заранее предупредили и убитых было мало, случай этот, тем не менее, породил большой скандал. По словам Патона, "общее злословие о "Евангелии и порохе" привело к публикации сотен горьких и издевательских статей в журналах; вся информация передавалась в Британию и Америку, где подавалась читателям светской и атеистической прессы день за днем в сопровождении всякого невообразимого ужаса". Однако самыми злобными критиками Патона были не атеисты, а его собственные коллеги. Джон Гедди, собрат-пресвитерианец, находившийся в это время в отпуске, был вне себя, когда услышал новости; он обвинил Патона в происшедших событиях, что привело к негативным последствиям для миссии. В частности, финансовая поддержка оказалась гораздо менее значительной. Сам Патон жаловался, что происшедшее сделало "задачу сбора пожертвований для нашего миссионерского судна намного более затруднительным делом".

Второй срок пребывания Патона на Новых Гебридах прошел на маленьком острове Анива, поскольку Танна все еще считалась небезопасной для европейцев. И на этот раз Патона сопровождали учителя из Анейтьюма, и они с женой вскоре обустроились на новой миссионерской базе. Хотя Анива считалась более мирной, чем Танна, Патон и учителя все-таки сталкивались с враждебностью и угрозами, но теперь Патон обладал психологическим (если не физическим) оружием, которое с успехом применял против них. Он предупредил их, что нельзя "убивать и красть, ибо человек войны, который наказал Танну, взорвет их маленький остров".

Патон, продолжая служение на Аниве, в последующие десятилетия был свидетелем впечатляющих результатов того, как христианство прокладывает путь в сердцах людей. С помощью местных христиан миссионеры построили два приюта, организовали процветающую церковь и основали школы - одну школу для девочек, где учительствовала Маргарет. Патон, при поддержке обращенных вождей, стал большой политической фигурой, и на острове воцарились строгие пуританские законы, ставшие стандартом, по которым должны были жить все островитяне. Такие преступления, как нарушение субботы, считались достаточно серьезными. Однажды нескольких "язычников" застали в субботу за ловлей рыбы. На следующее утро преступников навестили Патон и восемьдесят местных христиан, быстро убедивших нарушителей дисциплины изменить свой образ жизни.

Хотя отношение Патона к тихоокеанским островитянам часто казалось жестоким, он был полностью предан задаче покорить их Христу и искренне, по-настоящему любил их. Описывая первую службу причастия, проведенную им на Аниве, он писал: "В тот момент, когда я положил хлеб и вино на их темные руки, когда-то испачканные кровью каннибализма, а теперь протянутые ко мне, чтобы получить и разделить символы и печати любви Искупителя, я вкусил радость славы, которая в ту ночь разрывала мое сердце от счастья. Я никогда не вкушу более глубокого блаженства, пока не увижу прославленного лица самого Иисуса".

Укрепив церковь на Аниве, Патон провел последующие годы своей жизни как миссионерский деятель, путешествуя в Австралию, Великобританию и Северную Америку, собирая пожертвования и произнося речи о нуждах миссионеров на Новых Гебридах. На островах наблюдался великий прогресс, отчасти благодаря его влиянию. К концу века почти все тридцать обитаемых островов были охвачены проповедью Евангелия. Была основана школа, где проходили подготовку местные миссионеры, число которых доходило до трехсот человек, а вместе с ними служило около двадцати пяти иностранных миссионеров и их жен. Патон усердно работал до самого конца, переводя Библию на язык ани-ва и ратуя за миссии. В возрасте семидесяти трех лет в проповеднической поездке он записал в своем дневнике о насыщенной программе дня: "Вчера у меня было три службы, а между ними двадцать миль; в дороге я работаю над корректурой". Патоны вернулись на острова с коротким визитом в 1904 г. На следующий год Маргарет умерла, а через два года к ней присоединился ее восьмидесятидвухлетний муж, завещав продолжать свою работу на Новых Гебридах сыну Фрэнку.

Джеймс Чалмерс

Когда Патон, Гедди и другие проповедовали на маленьких островах Тихого океана, некоторые миссионеры смотрели дальше на запад, на горные леса Новой Гвинеи, где не ступала нога белого человека. Одним из величайших миссионеров XIX в. в Новой Гвинее был Джеймс Чалмерс (Chalmers), еще один пресвитерианин, родившийся в Шотландии. Его жизнь, как и жизнь многих миссионеров-пионеров южных морей, закончилась мученически.

Сын каменщика, Чалмерс испытал сострадание к нуждам островитян из южных морей на воскресной службе еще будучи подростком, когда его паспор прочитал трогательное письмо от миссионера с Фиджи. Со слезами на глазах священник обратился к молодым людям: "Интересно, есть ли здесь юноши, которые захотели бы нести Евангелие каннибалам". Чалмерс поклялся стать таким, но клятва была быстро забыта, пока не прошло три года и он не обратился.

В 1866 г., через десять лет после того, как он впервые поклялся стать миссионером, Чалмерс и его юная жена Джейн отплыли к Тихому океану в качестве миссионеров от ЛМО. В течение десяти лет они работали на острове Раротонга, где некоторое время служил Джон Уильямс, но Чалмерс был недоволен. В душе он был первопроходцем и хотел проповедовать Благою весть там, где ее никогда не слышали, где бы он имел "прямой контакт с язычниками". Работу в Раротонге могли выполнять другие. Его сердце стремилось к обширным неисследованным районам Новой Гвинеи, где местные учителя с Раротонги начали работать еще в 1872 г.

В 1877 г. Чалмерс покинул относительно безопасную Раротонгу и поселился в Новой Гвинее, в районе, где каннибализм каменного века существовал по-прежнему, как и века назад, не потревоженный западной цивилизацией. На пути Чалмерсов было много препятствий, в том числе потоки крови, пролитой миссионерами Новой Гвинеи до него. Всего за два года до его приезда миссионер методистской церкви, преподобный Джордж Браун в сопровождении шестидесяти вооруженных человек прошел маршем в джунгли, стремясь отомстить Тали-ли, местному вождю, который приказал убить несколько местных учителей с Фиджи, присланных туда Брауном. Браун стоял перед выбором: либо отступить от миссионерской работы в

Новой Гвинее, либо преподать урок Талили, который ни он, ни другие вожди никогда не могли бы забыть, и он выбрал последнее. Говоря словами историка Грэма Кента, "должно быть, то была странная экспедиция, когда Божьи люди маршем шли через влажные леса, сжигая по пути деревни и нанося вред банановым плантациям, которые

они считали собственностью Талили и его подданных". Талили сумел избежать возмездия, но его последователи сдались, согласившись компенсировать миссионерам нанесенный ущерб в виде определенных ценностей, в частности, в виде костей убитых местных миссионеров с Фиджи. Хотя Браун одержал явную победу в джунглях Новой Гвинеи, его действия подняли бурю противоречивых откликов во всем мире, что побудило некоторых потребовать его ареста по обвинению в убийстве людей.

С самого начала отношение Чалмерса к местному населению в Новой Гвинее оказалось совершенно иным. Он тоже был вовлечен в одну карательную экспедицию под началом командора Уилсона после того, как восемь туземцев-учителей были убиты; но он выполнял роль миротворца, согласившегося идти с большой неохотой в надежде только на то, что его присутствие предотвратит кровопролитие. Его миссию нельзя назвать вполне удавшейся, но его присутствие помешало полному уничтожению людей, что в других условиях произошло бы обязательно.

На своем посту Чалмерс проводил эффективную проповедническую работу. Он мог ладить с людьми так, как не многие другие миссионеры. Чалмерс, которого местные называли "тамате", относился к небольшому числу миссионеров, способных подружиться с людьми любого типа и завоевать их уважение. Он приносил людям подарки и свободно принимал дары от них. Он с радостью участвовал в их праздниках, отвергая только человеческое мясо. В век, когда многие миссионеры все еще носили длинные черные пиджаки и высокие шляпы, он одевался просто и чувствовал себя в своей тарелке в окружении дикарей. Хотя ему недоставало умения говорить, он восполнял словесную неподготовленность бессловесным языком любви. Именно такое отношение, по словам Нейла, "завоевало сердце Роберта Льюиса Стивенсона и превратило его из ненавистника миссионеров в твердого и очень решительного их сторонника".

Тем не менее работа Чалмерсов была не легкой, особенно для Джейн. В 1879 г., всего после двух лет жизни в Новой Гвинее, она отплыла для медицинского лечения в Австралию, где и умерла в тот же год. Горе только способствовало еще большему погружению Чалмерса в работу. Он поклялся "похоронить свою печаль в работе ради Христа", признавая, что на подобные жертвы шли и учителя-туземцы.

Но жертвы Чалмерса приносили свои плоды. Через пять лет после своего приезда он не мог найти "ни одного каннибальского пиршества или праздника, ни человеческого мяса, ни охоты за черепами" в том районе, где он работал. Напротив, языческие храмы были переполнены во время проведения евангелических богослужений, иногда длившихся всю ночь. Туземцы, с которыми работал Чалмерс, искренне любили его, и он не стеснялся открыто выражать свои чувства к ним. После возвращения из отпуска он встретил горячий прием: "Одна старая милая леди обняла меня за шею и поцеловала (потерлась носом) самым нежным образом. Я несколько насторожился. Это было выражением признательности, но слишком близкий контакт лицами у них не был принят".

Отпуск Чалмерс получил почти через двадцать лет пребывания на островах. Он возвратился из отпуска со своей второй женой, но и этот брак был коротким. Вторая жена также умерла от лихорадки джунглей. И еще раз его рвение охватить заблудших Евангелием лишь усилилось этим горем. Его целью всегда была проповедь Благой вести тем, кто не хотел слышать ее, но именно эта страсть привела его к гибели весной 1901 г. Вместе с молодым коллегой, Оливером Томкинсом, он отправился в исследовательскую поездку на берег Новой Гвинеи в районе реки Флай. Этот район был известен жестоким каннибализмом его жителей. Люди сошли на берег, но когда они не вернулись, вслед за ними отправилась поисковая партия, принесящая ужасные новости. Чалмерса и Томкинса забили дубинками насмерть, разрубили на куски, сварили и съели до того, как прибыла помощь. Это событие потрясло весь христианский мир, но это было то, к чему Чалмерс всегда был готов.

Джон Колридж Патсон

Одним из самых активных миссионеров в Океании был Джон Колридж Патсон (John Coleridge Patteson), первый англиканский епископ Меланезии и великий племянник знаменитого английского поэта Самьюэла Тейлора Колриджа. Патсон родился в 1827 г. в состоятельной английской семье. Его отец, выдающийся адвокат, сделал все, чтобы

его маленький Коли получил наилучшее образование сначала в Итоне, а потом в Оксфорде. Когда он учился в Оксфорде, епископ Джордж Селвин, друг семьи, вдохновил его на христианское служение, и скоро после выпуска Патсон был рукоположен в англиканского священника, а затем год служил в поместном приходе, прежде чем отплыл в 1855 г. в южные моря. И опять влияние епископа Селвина изменило течение его жизни.

Джордж Огастас Селвин (George Augustus Selwyn), первый англиканский епископ в Новой Зеландии, был, как и Патсон, состоятельным и хорошо образованным человеком. Он прослужил на островах Тихого океана более десяти лет и нуждался в помощи Патсона, чтобы присматривать за обширной епархией, о размере которой существуют противоречивые толки. Канцелярская ошибка в письме-разрешении дала ему власть над обширной территорией Тихого океана, включая Меланезию, и он стоял на страже ее интересов, охраняя земли почти как собственное поместье.

С самого начала миссионерской карьеры Патсон работал с Селвином рука об руку, а служение Патсона епископом Меланезии (это назначение он получил по рекомендации Селвина) оставило глубокий след в истории. В 1856 г., вскоре после своего приезда в Новую Зеландию с Селвином, Патсон предпринял первую поездку по Меланезии. Это было не просто ознакомительное путешествие. Оно открыло Патсону дверь для образовательного и проповеднического служения среди меланезийцев. Когда они перебирались от острова к острову на миссионерском судне "Южный крест", они брали на корабль местных мальчиков и увозили их в Новую Зеландию (а потом на остров Норфолк), чтобы дать им образование в миссионерской школе. План казался достаточно необычным. Но Селвин и Патсон считали, что соответствующее обучение мальчиков вдали от дома, а затем их возвращение к своему народу в качестве проповедников и учителей было единственным эффективным методом евангелизации южных морей. Другие миссионеры тоже использовали учителей-туземцев, но, как правило, не давали им соответствующего образования и подготовки для успешного руководства национальными церквями, не зависящими от европейских миссионеров. В Новой Зеландии ответственность за работу подготовительных школ легла на плечи Патсона - огромная ответственность. Молодежь принесла с собой собственный язык и социальные привычки, и задача довести до сознания мальчиков смысл их жизни и обучения представлялась нелегкой. Патсон, однако, удивительным образом достиг этого. Среди всего прочего, за время миссионерской службы он обогатился знанием двадцати различных меланезийских языков и диалектов.

В отличие от многих своих предшественников, Патсон не имел желания англизировать местных жителей. Он никогда не пытался заставить их одеваться в европейское платье или изменять привычный образ жизни. Он часто хвалил их культуру и ум и настаивал, чтобы никто не ущемлял их права. Описывая своих подопечных как "дружелюбных и жизнерадостных", он с сарказмом вопрошал: "Интересно, как люди должны называть торговцев сандаловым деревом и работорговцев, если они называют моих меланезийцев дикарями".

После подготовки меланезийских молодых людей для благовествования, Патсон возвращал их домой и помогал организовать их служение. Он тепло относился к островитянам и их вождям, и они доверяли этому человеку. Он не только обустроивал молодых людей, которых готовил к служению, но и сам проводил работу по проповеди Евангелия; во время проповедей он также набирал новых добровольцев в свою школу по подготовке служителей, где одно время училось более пятидесяти человек с двадцати четырех разных островов

Но, продолжая служить в Меланезии, Патсон заметил изменения, происшедшие в отношении людей к нему и его служению. Доверие, которое они к нему испытывали, пошатнулось не по его вине. На островах стало появляться все больше людей, имеющих коммерческие интересы. К середине XIX в. там возникли сахарные и хлопковые плантации (в частности, на Фиджи и Квинслендских островах) как чрезвычайно выгодные предприятия, на что требовалась огромная армия работников, способных вынести тропическую жару. Эта нужда создала новый бизнес работорговли в южной части Тихого океана, ставший известным под названием "ловли черных птиц", по сравнению с которым торговцев сандаловым деревом можно было назвать кроткими. По свидетельству одного историка, "в поисках легких денег на Тихом океане в великом множестве появились отбросы общества, занятые торговлей черными птицами". Иногда

молодым людям давали подарки, чтобы заманить их на корабль, порой они сами с готовностью шли на контакт, но чаще всего их похищали "Банды белых моряков сходили на берег и уводили мужчин и молодых людей под дулом пистолета". Подсчитано, что таким образом около 70 000 молодых людей были захвачены в рабство, и редко кто из них мог надеяться опять увидеть свою родину. Именно это пагубное европейское влияние на острова южной части Тихого океана явилось сигналом к спаду деятельности Патсона. Несмотря на его осуждение торговли "черными птицами" и его попытки отделить себя от этих торговцев, сам его метод обучения будущих христианских служителей за пределами родных островов вызывал в умах некоторых островитян естественные подозрения. Ему стало намного труднее убеждать молодых людей отправиться с ним для получения образования. И хотя перспективы казались безнадежными, Патсон сохранил прежнюю активность и в апреле 1871 г. опять отправился в Меланезию на "Южном кресте".

С самого начала путешествия он ощущал печаль и безысходность. Куда бы ни шел Патсон, он, казалось, идет по пятам торговцев. Редко случались удачи, например, организация большого богослужения с крещением более двух сотен человек на острове Мото, но везде, куда бы он ни приезжал, в глазах людей он видел страх. Больше ему не оказывали теплого приема, как в прошлом, когда туземцы выходили на берег и радостно приветствовали своего епископа. Они жили в ужасе, и если он хотел их видеть, он должен был искать их сам.

Свою последнюю остановку во время этой поездки молодой и талантливый англиканский епископ сделал 21 сентября 1871 г. На борту корабля находилась команда, еще один миссионер и несколько молодых меланезийцев, согласившихся отправиться на остров Норфолк для обучения. После утреннего урока по Библии о мученичестве Стефана Патсон покинул корабль. Это было обычное посещение, но как только миссионер сошел на берег, он почувствовал тревогу. Те, кто сопровождал его, тут же повернули обратно к кораблю под градом стрел. На корабле с нетерпением ждали какого-нибудь знака от своего лидера, но он не вернулся. Наконец Джозеф Аткин, хоть и смертельно раненый, и некоторые местные мальчишки решили выйти на подмогу. Когда они подплыли к берегу, то увидели, как местные оттолкнули от берега по направлению к ним каноэ. Когда они приблизились к нему, то обнаружили в нем тело Патсона, помеченное пятью ранами и покрытое пальмовой ветвью с пятью завязанными листьями в знак того, что он убит в отместку за жизнь пяти соплеменников, захваченных работорговцами. Несмотря на общую ненависть к работорговцам, многие жители острова пришли в ужас от убийства такого доброго и хорошего человека, а потому его тело вымыли и возвратили на корабль. Тело Патсона погребли в море, а позже Джозеф Аткин и местный христианин также умерли от полученных ран.

Смерть Патсона привлекла внимание мировой общественности к проблеме бесстыжего бизнеса работорговцев и помогла положить этому конец. Она также вдохновила многих молодых людей на то, чтобы посвятить себя миссионерской работе в южных морях. Но все это не могло заменить невосполнимой утраты островитян - утраты верного друга и союзника, человека, который презрел радости семейной жизни и пожертвовал своим благосостоянием, чтобы нести им спасительную веру в Христа.

Флоренс Янг

Бизнес торговцев, внесший страх и сумятицу на острова в Тихом океане, как ни странно, открыл дверь для христианского служения на части Соломоновых островов. Когда такие миссионеры, как Джордж Колридж Патсон, решительно боролись с безобразной торговлей человеческим товаром, другие, например Флоренс Янг (Florence Young), казалось, приняли это явление и стали работать в этой системе. Рожденная в Сиднее, Австралия, мисс Янг стала первой, кто открыто заявил о своей озабоченности духовным состоянием тружеников на плантациях южных морей. Ее братья были собственниками большой плантации сахарного тростника в Квинсленде, и посещение этого поместья изменило всю ее жизнь. Были ли ее братья вовлечены в торговлю "черными птицами", неизвестно (некоторые из владельцев плантаций, конечно же, набирали себе работников вполне законным путем), но ясно, что Флоренс готовилась к работе именно в этой системе, чтобы охватить несчастных работников Благой вестью.

Член общины плимутских братьев, мисс Янг изучала Библию с раннего детства, и с 1882 г. начала служение обучения. Ее первый маленький класс из десяти человек был не совсем удачным началом, но количество слушателей росло, и скоро в ее воскресном классе насчитывалось восемьдесят человек, половина из которых постоянно приходила на занятия. Результаты были даже лучше, чем Флоренс могла ожидать. Резать тростник под палящим солнцем по двенадцать и более часов в день было убийственным трудом - в буквальном смысле убийственным. Многие умирали от невыносимого напряжения сил, включая Джимми, ее первого обращенного. Тем не менее они жертвовали своим драгоценным временем отдыха и приходили, чтобы услышать Евангелие.

Успех в Фэримиде вдохновил мисс Янг на служение и на других плантациях Квинсленда, где проживало около десятка тысяч человек в подобных и даже худших условиях. С появлением денежных пожертвований от Джорджа Мюллера (George Mueller), также плимутского брата, оказалось возможным организовать Квинслендскую миссию "канака" ("канаками" называлась импортированная рабочая сила). С помощью коллеги, миссионера и учителя, она написала письмо плантаторам в своем районе, и к концу века, при участии девятнадцати миссионеров, тысячи работников с плантаций записались в библейские классы, а некоторые из них, в свою очередь, благовествовали своим соотечественникам.

В 1890 г. Флоренс почувствовала необходимость служения в Китае и отправилась в эту страну по линии Китайской внутренней миссии. В 1900 г. она вернулась в южные моря, чтобы координировать работу миссии, когда та изменила направление своего служения. Затем стали действовать законы, запрещающие торговлю рабами и использование насильственного труда, и к 1906 г. большинство островитян отправились по домам. Но это не означало завершения работы. Нужно было продолжать проповедь благовестил, и Флоренс вместе с другими миссионерами отправилась на Соломоновы острова, где новые миссионеры начали работать с недавно вернувшимися обращенными, помогая организовывать поместные церкви.

В 1907 г. миссия стала называться Евангелической миссией южного моря, и два племянника и племянница мисс Янг начали активно помогать в ее работе. Шли годы, и еще десять ее родственников включились в миссионерскую деятельность на Соломоновых островах, а живое евангельское христианство процветает в тех краях и по сей день.

Часть III. Расширение движения

К концу XIX в. в мире произошли значительные изменения. Закончился "европейский век всей мировой истории". Колониализм и империализм, выпущенные на свободу западными силами, столкнулись с яростным сопротивлением, и эра относительного мира на земле подошла к внезапному завершению. В начале XX в. в Азии шла война, а к 1904 г. в вооруженный конфликт ввязались Россия и Япония. Результатом явилась победа Японии, а в большем масштабе - всей Азии. Западные государства больше не могли считать себя единственной военной силой в быстро изменяющемся мире.

Настоящий подрыв международной стабильности произошел десять лет спустя, когда, по словам Стефана Нейла, "европейские нации, усиленно стремясь занять главенствующее положение в христианстве и цивилизации... слепо и беспорядочно ринулись в мировую войну, из которой вышли экономически обнищавшими и без капли добродетели". "Вторая мировая война, - продолжал он, - закончила то, к чему привела первая. Моральные претензии Запада оказались фальшивыми".

Если христианство не могло разрешить мировых проблем, требовался другой выход. Для многих людей в Европе таким выходом стал марксизм. Революционное брожение, дававшее периодические всплески активности в XIX в., не было уничтожено окончательно, и разочарования результатами Первой мировой войны обострили чувство недовольства капитализмом и структурой его общества, ориентированного на классовое деление. Большевицкая революция 1917 г. была лишь единичным, но достаточно значительным проявлением этого недовольства. Решительно укрепившись в России, марксизм был на пути превращения в достаточно серьезную угрозу для всего западного мира. Такой поворот событий стал дополнительным стимулом для развития миссионерского движения XX в., когда многие его члены считали своей задачей посев семян комбинированной философии христианства и капитализма с тем, чтобы бороться с коммунизмом.

Наряду с угрозой марксизма появились и антизападные настроения, хорошо заметные в странах третьего мира. Поднял голову национализм, росло стремление этих стран к независимости. Вооруженный развитой технологией и социальными программами Запад ассоциировался с экономической эксплуатацией. На белого человека смотрели двояко - как на "избавителя и разрушителя", по свидетельству Нейла, равно как и "миссионер рассматривался также и как друг, и как враг".

В самом западном обществе также происходили значительные социальные перемены. В Соединенных Штатах в конце XIX в. все больше росло недовольство фермеров и рабочего класса.

Лидеры популистского движения выдвигали разнообразные фермерские лозунги, а имя Уильяма Дженнингса Брайана (Wуаn) стало символом крайнего радикализма. В городах верх взяли лейбористские союзы, и забастовки были многочисленными и жесткими. Выражением социальной озабоченности среднего класса стало прогрессивное движение, участники которого требовали многообразных законных реформ, включая антитрастовые законы, запрет на детский труд и закон в защиту промышленных рабочих. В церквях проповедовали социальное Евангелие, а священники отвернулись от внутренней связи человека с Богом и стали делать упор на широкие социальные нужды людей теперь и сейчас.

Одной из наиболее глубоких социальных проблем конца XIX - начала XX вв. являлась проблема прав женщин. Движение суфражисток, начавшееся десятилетиями раньше, завершилось в 1920 г. принятием Девятнадцатой поправки к Конституции США. Но проблемы женщин были намного большими, чем только равные права с мужчинами. Первая мировая война создала множество лишних мест на рынке труда, и женщины, как никогда раньше, в большом количестве вышли на работу. С завершением войны молодые женщины начали мечтать о профессиональной карьере и все большее их число поступало в колледжи и университеты.

Освобождение женщин имело прямое отношение к новому направлению работы христианских миссий. Как и в других профессиях, женщины стремились освоить и это поле деятельности. В XIX в. миссионерами были мужчины. Многие из них имели жен, и жены служили верно, наряду с мужьями, но их обычно не считали полноправными миссионерами. К концу века ситуация резко изменилась. Множество одиноких женщин

влились в зарубежные миссии, а замужние женщины стали активнее исполнять роль миссионерок. Профессия миссионера перестала быть чисто мужской профессией. Социальные изменения, происходившие в обществе, сопровождались переменами в умах людей, особенно заметными в области философии и религии. К концу XX в. теологический либерализм, получивший широкое развитие в Германии, нашел своих последователей и в Америке. Высокий критицизм, основанный на рационализме и научном методе, стал весьма популярным, и многое из традиционного христианства теперь подвергалось сомнениям. "В сущности, он лишил христианство его сверхъестественных элементов, - писал Роберт Линдер (binder), - в особенности, чудес и божественности Христа. Вместо этого он учил тому, что считалось сущностью христианских добродетелей в отцовстве Бога, братстве всех людей и необходимости жить в любви. Библия, исторически являвшаяся незыблемым устоем веры и образцом для подражания в протестантских церквях, более не считалась надежным источником, но лишь книгой, содержащей ошибки и противоречия. Критические исследования, казалось, подорвали ее авторитет".

Все это оказало глубокое влияние на зарубежные миссии. Практически все сто процентов протестантских миссий в течение почти ста лет были евангельскими, дословно интерпретируя Писания и стоически защищая главные доктрины веры. Но к концу века звание миссионера не считалось гарантией того, что он остается непоколебимым в своих христианских верованиях. В миссионерской проповеди стала ощущаться дарвинская теория эволюции, как отзвук высокого критицизма, и социальный евангелизм. Однако относительно малое количество либералов изъявляли желание стать миссионерами, и потому евангельские христиане продолжали оставаться основным притоком рабочей силы, вливавшейся в армию миссионеров.

Тенденция к теологическому либерализму дома и за границей встретила, однако, некоторое сопротивление. В Европе началось движение неоортодоксов. Протестантские мыслители с глубоким уважением отнеслись к учению и трудам Карла Барта в Германии и его американского коллеги Рейн-хольда Нибура как к компромиссу между старой ортодоксией и новым либерализмом. В Америке реакция была намного консервативнее. Неоортодоксия получила широкое развитие, но более выдающейся силой оппозиции стал фундаментализм. "Почти в течение жизни целого поколения, - пишет Линдер, - христиане вели изнуряющую войну за обладание умами и душами членов американских церквей. Когда дым битвы рассеялся, стало ясно, что была поражена каждая значительная деноминация, а какое-то их количество раскололось в пылу разногласий на фракции".

Новый тип миссионеров веры возник отчасти как реакция на эту тенденцию. Эти миссионеры не намного отличались от своих предшественников, но имели явно выраженное намерение хранить веру в святости и доверяться только Богу в удовлетворении своих нужд. Это были, по большей части, выпускники библейских институтов и христианских колледжей. Они заполнили ряды новых миссионеров веры, обществ, возникших в конце XIX - начале XX вв. В отличие от некоторых своих предшественников, они не колеблясь отправлялись в районы проживания номинальных христиан, в те районы мира, что традиционно считались уже евангелизированными. Примерами таких номинально христианских регионов являлись Латинская Америка и Европа.

Одно из наиболее значительных изменений в протестантских миссиях первой половины XX в. касалось национальности миссионеров. С начала века основную часть миссионеров отправляла уже не Англия, а Северная Америка. Хотя тысячи добровольцев продолжали вливаться в армию миссионеров из Англии, Европы, Австралии, Новой Зеландии и скандинавских стран (Норвегия и Финляндия посылали удивительно большое количество миссионеров по отношению к общему количеству христианского населения своих стран), Америка в этом отношении стала лидером. Отчасти это произошло из-за той активной роли, которую Соединенные Штаты начали играть в международных делах. "Американская империалистическая экспансия, - пишет Уинтроп Хадсон (Winthrop Hudson), - сопровождалась растущим энтузиазмом среди церквей в их отношении к иностранным миссиям". Иностранная политика США в каких-то случаях оправдывалась целями проповеди Евангелия всему миру. По поводу приобретения Филиппин президент Мак-Кинли говорил: "Нам ничего не оставалось делать, как взять их и обучить филиппинцев, поднять их уровень, цивилизовать, и дать

христианскую веру, и с Божьей помощью сделать все, что возможно, как для наших братьев, за которых умер Христос".

Двадцатый век

Черная Африка	<p>(1910) Ч. Т Сталд прибывает в Африку (1913) Швейцер прибывает в Африку (1915) Смерть Мэри Слессор (1928) Карл Беккер прибывает в Конго (1931) Смерть Ч. Т. Стадда (1953) Хелен Роузвьер прибывает в Конго (1960) Независимость Конго (1964) Восстание Массамба-Дебы (1964) Нападение на Восьмом километре (1964) Смерть Пола Карлсона (1977) Фесто Кивенджере бежит из Уганды</p>
Дальний Восток и острова Тихого океана	<p>(1905) Мученичество Элеанор Честнат (1907) Гофорт начинает движение пробуждения в Корее и Маньчжурии (1930) Глэдис Эйлворд отправляется в Китай (1932) Мученичество одиннадцати миссионеров МЕС (1934) Мученичество Стэмов (1940) Глэдис Эйлворд уводит детей в безопасное место (1945) Смерть Р. А Джаффрея в японском лагере для военнопленных (1945) Смерть Эрика Лиделла (1948) ДВРВ начинает радиовещание в Маниле (1954) Мирон Бромли вступает в долину Балием (1958) Чо начинает палаточное служение в Корее (1962) Дон Ричардсон прибывает в Западный Ириан (1962) Захват Митчелла, Гербера и Вьетти (1968) Смерть Бетти Олсен</p>
Латинская Америка	<p>(1917) У Таунсенд прибывает в Гватемалу (1929) Таунсенд заканчивает Новый Завет на языке сакчикент (1931) ВБИХ начинает радиовещание из Кито (1936) Кен Пайк начинает работу в Мексике (1941) Уолтер Херон начинает авиационное служение (1943) Мученичество миссионеров Новых племен в Боливии (1948) Нейт Сейнт прибывает в Эквадор (1956) Марианна Слокем завершает Новый Завет на цельтальском языке (1956) Убийство миссионеров индейцами аука (1957) Турне Рейчел Сейнт и Даюмы по США (1964) ТМР начинает радиовещание из Бонайра (1981) Мученичество Чета Биттермана</p>
Ближний Восток, Северная Африка и Центральная Азия	<p>(1900) Ида Скаддер начинает медицинское служение в Индии (1901) Мод Кэри отправляется в Марокко (1907) Э. Стэнли Джоунс прибывает в Индию (1912) Цвиммер начинает работу в Каире (1918) Ида Скаддер основывает медицинский колледж в Веллuru (1928) Всемирная миссионерская конференция в Иерусалиме (1933) Смерть Джоанны Винстра</p>

	(1938) Всемирная миссионерская конференция в Мадрасе (1951) Смерть Эми Кармайл (1962) Вигго Олсен прибывает в Восточный Пакистан (1967) Марокко закрыт для миссионеров (1972) Крушение АДРС в Новой Гвинее (1973) Смерть Э. Стэнли Джоунса
Европа и Северная Америка	(1908) Гренфелл спасен с дрейфующей льдины (1910) Миссионерская конференция в Эдинбурге (1920) Съезд СДД в Де-Мойне (1932) Публикация "Нового подхода к миссиям" (1934) Основание Летнего института лингвистики (1939) Джой Риддерхоф основывает Евангельскую звукозапись (1942) Основание Миссии новых племен (1945) Основание МАБ (1946) Первый миссионерский съезд Городской междуниверситетской конференции (1950) Основание Мирового видения (1954) Основание Трансмирового радио (1955) Смерть Мотта (1974) Лозаннская конференция по всемирной евангелизации (1976) Основание Американского центра всемирных миссий

Так к середине XX в. Соединенные Штаты стали миссионерским посланником в мире. Кто были эти американцы и почему они с такой готовностью решили оставить комфорт самой свободной и самой процветающей нации на земле? Их характер значительно изменился. Они во многом отличались от своих предшественников-миссионеров. По большей части это были женщины с прекрасным образованием и с сильными богословскими взглядами - либералы с университетской подготовкой, общепризнанные фундаменталисты. Как и их предшественники, это были смелые индивидуалисты, смягчившиеся в волне пробуждения и подвигнутые пионерским духом. Они жаждали покорения новых

границ, и, когда растаяли западные границы, миссионерское поле стало для многих тем местом, где требовались их вера, любовь и знания. В глазах отдельных националистов такие миссионеры были просто еще одной формой "уродливого американца", и даже некоторые из их "правильных" английских коллег-миссионеров считали их безличными и "неправильными". Но во многом именно американцы открыли миссионерскому движению дверь в современный мир. Они удовлетворили огромную нужду в специализированном служении, в обеспечении передвижения современными средствами сообщения и помогли развить действенный диалог различных культур.

Глава 9. Женщины-миссионерки: "второсортные граждане"

С ранних времен женщины вносили свой вклад в дело благовестия. Еще со времен создания первой церкви и до периода развития современных миссий женщины доблестно служили делу распространения Благой вести. Моравские жены стоят в особом ряду верных миссионерскому служению людей, как и жены миссионерских служителей (Адонирама Джадсона и Хадсона Тейлора). Но были и другие женщины, насильно вовлеченные в миссии и не желавшие служить, например, Дороти Кэри. А сколько миссионерских жен служили верно, не жалуясь, что они делают не то, что хотелось бы делать, никому не известно. Эдит Бакстон (Edith Buxton) в своей книге "Миссионерка поневоле" ("Reluctant Missionary") рассказывает о своем сопротивлении новой роли и недовольстве своей судьбой, продолжавшимися до тех пор, пока она не

убедилась, что зарубежное миссионерское служение для нее было волей Божьей. Перл Бак также пишет о долгих годах страданий, которые ее мать провела, будучи женой миссионера, в Китае, прежде чем почувствовала удовлетворение своей судьбой. Но сколько других жен так никогда не получили этого мира или радости и прожили жизнь, не зная своего предназначения?

Все же, если некоторые жены тайно отвергали стремления мужей, несчетное количество одиноких женщин верили в то, что Бог приготовил для них служение на миссионерском поприще. Они ощущали огромную нужду в благовестии за рубежом и видели в этом свое призвание. Замужние миссионерские жены, которые имели множество домашних обязанностей и заботились о детях, просто не могли выполнять миссионерскую работу в полном объеме. "Они видели ту работу, которую можно проводить среди женщин и детей, - пишет Р. Пиерс Бивер, - и они приветствовали свободных женщин, способных посвятить себя исключительно такого рода активности". Некоторые мужчины также видели область применения талантов одиноких женщин в миссиях, но общественное мнение на протяжении всего XIX в. было настроено против такой идеи. Тем не менее, начиная с 1820-х гг. одинокие женщины начали служить за границей.

Первой одинокой американкой (не вдовой), служившей как зарубежная миссионерка, была Бетси Стоктон (Betsy Stockton), чернокожая, бывшая рабыня, отправившаяся в 1823 г. на Гавайи. Веруя, что Бог призвал ее так поступить, она обратилась к Американскому совету, и директора согласились послать ее за границу - но только как домашнюю прислугу для другой миссионерской пары. Несмотря на ее низкое положение, на месте посчитали, что она может учить, и разрешили преподавать в школе. Позже, в 1820-е гг., одинокая учительница Синтия Фаррар (Cynthia Farrar), родом из Нью-Гэмпшира, приплыла в Бомбей, где прослужила верой и правдой тридцать четыре года в миссии Маратхи.

Некоторые одинокие женщины получали финансовую помощь из отправивших их миссионерских Советов в первые десятилетия XIX в., но та дискриминация, с которой они столкнулись в своей деятельности, привела к созданию новой концепции миссионерской поддержки, к так называемым "женским агентствам". Идея отдельной организации для женщин впервые возникла в Англии, но быстро дошла до Соединенных Штатов. К 1900 г. только в Соединенных Штатах насчитывалось более сорока женских миссионерских обществ. Во многом благодаря "женским агентствам" количество одиноких женщин в миссиях стало быстро расти. В первом десятилетии XX в. в протестантских миссиях женщин уже было больше, чем мужчин, впервые за всю историю миссионерского движения, а в некоторых районах - намного больше. В китайской провинции Шаньдун, например, по статистике 1910 г. из баптистских и пресвитерианских церквей миссионерами служили семьдесят девять женщин и сорок шесть мужчин. В последующие десятилетия количество одиноких женщин-миссионерок в общем продолжало расти, пока женщины в некоторых районах в два раза не превзошли по численности мужчин (тогда как категории одиноких женщин, жен миссионеров и женатых мужчин составляли каждая приблизительно одну треть).

В своей классической книге о миссиях "Западные женщины в восточных землях" ("Western Women in Eastern Lands"), опубликованной в 1910 г., Хелен Барретт Монтгомери (Helen Barrett Montgomery) писала об изумительных достижениях женщин в служении евангелизации:

"Это действительно чудесная история... Мы начали в слабости, а теперь мы в силе. В 1861 г. на миссионерском поле трудилась одинокая миссионерка, мисс Марстон (Marston), в Бирме; в 1909г. в миссиях уже служили 4710 незамужних миссионерок, 1948 из них приехали из Соединенных Штатов. В 1861 г. существовало одно организованное женское общество в нашей стране; в 1910 г. их стало сорок четыре. Тогда наших сторонников насчитывалось несколько сотен; сегодня их по меньшей мере два миллиона. Тогда объем пожертвований достиг двух тысяч долларов, в прошлом году собрали четыре миллиона долларов. Развитие иностранного миссионерского движения происходит так же замечательно, как и развитие местных кадров. Начав с одного учителя, с начала юбилейного года мы имеем 800 учителей, 140 врачей, 380 проповедников, 79 подготовленных медсестер, 5783 женщины в библейских школах и другой персонал из местных мирян. Среди 2100 школ 260 являются пансионатами и высшими школами. 75 больниц и 78 амбулаторий... Это достижения, которыми

женщины вправе гордиться. Но это слабое начало того, что мы можем сделать, когда движение встанет на ноги".

Но зачем столько одиноких женщин? Что заставило их покинуть теплый дом и родину для одиночества, трудностей и жертв? Зарубежные миссии привлекали женщин по ряду причин, но самой очевидной была более чем скромная возможность женщин включиться в полнокровное служение у себя на родине. Христианское служение считалось мужской профессией.

Некоторые женщины XIX в., такие, как Кэтрин Бутс, смогли проникнуть через этот барьер, но не без сопротивления. [Кэтрин Бутс - жена Уильяма Бутса, основателя Армии спасения. - Примеч. пер.] Кэтрин, сама ученый библеист, писала: "Ах... если бы религиозные священники искали истинные откровения Слова Божьего, чтобы обнаружить... действительно ли Бог хочет, чтобы женщина зарыла в землю свои таланты и дары, как она теперь это делает, ссылаясь на интересы Его церкви". Другие женщины просто уходили в мирскую работу. Флоренс Найтин-гейл больше всего на свете хотела бы посвятить себя Богу в христианском служении, но такой возможности не было. "Я бы отдала ей (церкви) свою голову, свои руки, свое сердце. Но ей этого не надо". Поэтому миссионерская деятельность, такая далекая от закрытых для них святилищ церковной иерархии, стала выходом для женщин, желающих служить Богу.

Кроме возможностей для христианского служения, миссионерская работа привлекала женщин, жаждущих приключений и активной жизни. Там, где мужчины могли воплотить свои героические фантазии, становясь солдатами, матросами и исследователями, женщины такой возможности не имели. Для них миссионерская деятельность была одним из доступных способов броситься в неизведанное. Кроме того, женщины (такие, как Мэри Слессор) из бедной рабочей среды могли повысить свой общественный статус, сделав миссионерскую карьеру. Но, возможно, еще более серьезное влияние на появление женщин в зарубежных миссиях оказал феминизм. Р. Пиерс Бивер говорит о вовлечении американок в работу миссий как о "первом феминистском движении в Северной Америке". Хотя многих женщин-миссионерок нельзя назвать полными феминистками, сама их готовность плыть против течения наперекор воле мужчин являлась свидетельством подспудного чувства равенства, возникшего отчасти благодаря появлению "женских агентств".

Попадая в миссии, одинокие женщины получали уникальную возможность служить независимо от мужчин. В некоторых частях мира только через женское служение Евангелие преодолело вековые культурные и религиозные барьеры (хотя следует отметить, что в других областях женская работа имела очень малое влияние до тех пор, пока на подмогу не приходили мужчины). Одинокие женщины были свободны от семейных обязанностей, что так отвлекало от работы их женатых и замужних коллег. Говоря об этой свободе, Х. А. Таппер (H. A. Tupper), секретарь Совета Южной баптистской зарубежной миссии, писал Лотти Мун в 1879 г.: "Я считаю, что одна одинокая женщина в Китае стоит двух женатых мужчин". Но вместе с ощущением свободы часто приходили чувство одиночества, депрессии и болезни, которых мало кто из одиноких женщин мог избежать.

Женщины преуспели почти в каждом аспекте миссионерского служения, но их деятельность оказала особенно благотворное влияние на области медицины, образования и языкознания. В списке их достижений - множество открытых больниц и школ, включая одну из лучших медицинских школ в мире, расположенную в Веллuru, Индия. Они организовывали школы по всему миру, включая университет на восемь тысяч студентов в Сеуле, Корея. В результате их упорного труда Писание было впервые переведено на сотни различных языков. Одиноких женщин-миссионерок объединяла склонность к трудной пионерской работе. "Чем труднее и опаснее работа, - писал Герберт Кейн, - тем выше численность женщин, работающих в этой области, по отношению к мужчинам". Уникальной чертой служения женщин в миссиях явилось то, что они очень требовательно подходили к оценке своей работы. Женщины, в основном, лучше осознавали свои слабости и хрупкость и дали более правильное представление о жизни "суперсвятого" миссионера. Сомнения их честных душ и признание ошибок и неудач осветили профессию, которая часто оказывалась под завесой тайны и выглядела, как миф. Именно женщины, подобные Лотти Мун, Мод Кэри и Хелен Роузвьер (Lottie Moon, Maude Cary, Helen Roseveare), обеспечили нам ясное понимание реальной жизни современных миссий.

Шарлотта (Лотти) Дигз Мун

Если божественный призыв, дух приключений и феминистский порыв были некоторыми из тех факторов, что повлияли на стремление одиноких женщин отправляться в миссии, они стали теми главными мотивами, которые, соединившись, подтолкнули Лотти Мун к плодотворному миссионерскому служению. Но Лотти представляла собой нечто большее, чем просто преуспевающая женщина-миссионерка в северном Китае. Она определенно не была первой одинокой женщиной, вступившей в ряды зарубежных миссий, но стала одной из первых и самых выдающихся активисток миссионерского движения. Ее влияние на миссии, в частности, миссии южных баптистов, оказалось огромным, и до сего дня о ней говорят, как о "святой заступнице южных баптистских миссий".

Лотти Мун родилась в 1840 г. в одной из старых семей Виргинии в графстве Албемарл и выросла во Вьюмонте на табачной плантации вблизи трех президентских поместий - Монтичелло, Монпелье и Эшлона. Она была одной из семерых детей. Все дети росли под влиянием твердой веры строгой и независимой матери, овдовевшей в 1852 г. Самый старший, Томас, стал уважаемым врачом, но дочери Муна достигли более выдающихся результатов. Орианна, тоже врач и, по общему мнению, первая женщина-врач к югу от линии Мейсон-Диксона, служила миссионером-медиком среди арабов в Палестине до начала Гражданской войны и затем вернулась домой, чтобы служить доктором в Конфедеративной армии. [Мейсон-Диксон - в США, пограничная линия между штатами Мэриленд и Пенсильвания, названная так в честь английских астрономов и исследователей; в народе считается, что эта линия разделяет Север и Юг. - Примеч. пер.] Эдмония, самая младшая из семи, была одной из первых двух одиноких женщин-миссионерок, отправленных Южной баптистской конвенцией. [Южная баптистская конвенция - одно из самых крупных баптистских объединений в США, возникло в 1845 г. в результате церковного раскола по вопросам рабства. - Примеч. пер.] Но именно Лотти сделала всю семью по-настоящему знаменитой.

Лотти, как ее братья и сестры, получила хорошее образование и воспитание. В годы учебы в колледже она противилась строгому баптистскому воспитанию, но во время пробуждения в студенческом городке ее жизнь изменилась: "Я пошла на службу, чтобы посмеяться над ними, а, вернувшись домой, молилась всю ночь".

После колледжа она вернулась домой помогать вести хозяйство во Вьюмонте, в то время как другие члены семьи, и мужчины, и женщины, "отправились воевать за звезды и полосы", демонстрируя "отличную службу" в качестве разведчиков и руководителей партизанского движения Лотти была лишена этих волнующих переживаний, и именно неудовлетворенность такого рода, согласно свидетельству Ирвина Хьятта (Irwin Hyatt), "отправила ее впоследствии в Китай"

После войны Лотти стала преподавать, но она стремилась к христианскому служению и к приключениям, чего не могла дать ей маленькая школа в Картерсвилле, штат Джорджия В отличие от многих других, она не чувствовала себя униженной оттого, что она - женщина Сильные женщины в ее семье, служившие "докторами, руководителями и разведчиками", по словам Хьятта, "впоследствии показали, что могут сделать решительные женщины" В 1872 г Эдмония отплыла в Китай, а в 1873 г за ней последовала Лотти

Если кто-то скажет, что Лотти начала свою миссионерскую карьеру вслед за сестрой, то он ошибется Очень скоро она продемонстрировала решительность и преданность делу миссий независимо от призвания сестры Эдмония, которой было всего лишь около двадцати лет, не смогла выдержать трудностей миссионерской жизни в Тенгчоу Она страдала от болезней, изнурительных нервных припадков и, по словам коллег, делала "странные и непонятные вещи" и была "большим бременем" для миссионерской общины Даже Лотти поразило ее "бессмысленное" поведение Наконец в 1877 г, пробыв в Китае четыре года, Эдмония вернулась домой в Виргинию И хотя ее отъезд освободил Лотти от страха стать нянькой для своей сестры и позволил активно включиться в миссионерскую работу, но это же привело к возникновению тяжелой депрессии В миссионерский комитет на родину она писала "Особенно до смерти надоело жить одной Я не нахожу наше общество ни полезным, ни приятным Я действительно думаю, что еще несколько таких зим покончат со мной Это не шутка, и все серьезно, как никогда"

Одиночество все же было не единственным фактором, мешающим служению Лотти в Китае. Ее старый друг, Кроуфорд Той (Crawford Toy), священник Конфедеративной армии, ухаживавший за ней, когда она жила во Вьюмонте после войны, снова вошел в ее жизнь. Теперь профессор Южной баптистской семинарии в Южной Каролине, он предложил ей выйти за него замуж и служить вместе в миссионерской команде в Японии. На подобное предложение многие женщины ответили бы согласием, но Лотти была вынуждена с неохотой отказать. Если перспектива поездки в Японию ей нравилась, учитывая ее недовольство ситуацией в Китае, то было много других, более важных факторов, которые, по ее мнению, следовало обдумать. Той "под влиянием новых идей германских ученых" придерживался дарвинской теории эволюции, и это уже привело к возникновению разногласий между ним и Южной баптистской конвенцией. Лотти знала о его убеждениях и, прочитав все доступное ей по этому вопросу, пришла к выводу, что эволюционный взгляд Тоя являлся "нездоровой позицией" и был достаточным основанием, чтобы исключить всякие мысли о замужестве. Несколько лет спустя, когда ее спросили, любила ли она когда-нибудь, она ответила: "Да, но Бог первым заявил права на мою жизнь, и поскольку они конфликтовали между собой, сомнений в результате не было". Той стал профессором древнееврейского и семитских языков в Гарвардском университете, а Лотти, по ее словам, продолжала "шагать в том же направлении".

Работа Лотти в Китае в годы, последовавшие за предложением Тоя, казалась скучной, и романтические представления о ней давно уже поблекли. Как хорошо образованной и культурной красавице-южанке, учительнице, ей было чрезвычайно трудно соотнести себя с китайцами и почти невозможно проникнуть в их "тупой" ум. Неужели ради этого она бросила процветающую школу в Картерсвилле в Джорджии? Она приехала в Китай, чтобы "ходить среди миллионов" как проповедник, а оказалась прикованной к школе в четыре десятка "ленивых" детей. То, что женщине уготована такая роль, считала она, является "величайшей ошибкой современных миссий". "Можно ли удивляться, - писала Лотти, - смертельной усталости и отвращению, ощущению напрасно растроченных сил и убеждению, что жизнь не удалась, которое охватывает женщину, когда вместо обширной деятельности, на которую она рассчитывала, ее привязывают к мелкой работе, выражающейся в обучении нескольких девчонок". "Когда женщина приезжает в Китай, - продолжала Лотти, - она хочет иметь возможность свободно делать как можно больше работы... Женщины вполне имеют право требовать совершенного равенства".

Такой взгляд считался радикальной позицией для женщины-миссионерки, но самым удивительным в мыслях и взглядах Лотти оказалось то, что она высказывала их не в личных письмах, а в статьях, опубликованных в миссионерских журналах. Последовала немедленная реакция, в частности, со стороны тех, кто нашел такие признаки женского освобождения "отвратительными". Однажды подобный ответ пришел от одной из коллег, миссис Артур Смит, жены конгрегационалистского миссионера, служившего в Китае, которая высказала предположение, что Лотти психически неуравновешенна, поскольку мечтает о "необузданном и высокомерном возвышении над всем миссионерским людом". Миссис Смит утверждала, что роль женщины заключалась в "трепетном и смиренном" служении собственным детям".

Не имея собственных детей, Лотти не могла соответствовать стандартам миссис Смит, а другие препятствия мешали расширить служение так, чтобы удовлетворить собственную концепцию завершенности. Она знала, что такое служение будет воспринято чрезвычайно противоречиво и что множество опасностей станут подстерегать одинокую женщину, живущую в Китае вне миссионерской общины - особенно учитывая постоянные проявления ненависти к иностранцам. Тем не менее она начала поездки по деревням, а к 1885 г. пришла к выводу, что ее работа будет много эффективнее, если переехать в Пинг-ту (P'ing-tu) и начать самостоятельную жизнь. Кроме желания посвятить все свое время евангелической работе, она также хотела выйти из-под авторитарного контроля своего полевого директора, Т. П. Кроуфорда (Crawford T. P.). В его философии миссионерства не существовало места для миссионерских школ, поэтому миссионерское служение Лотти все равно находилось в опасности, а его диктаторские методы в отношениях с другими миссионерами отвратили от него даже его собственную жену. Более того, Лотти боялась, что его властью одинокие женщины-миссионерки могли быть переданы в миссии пресвитериан, где женщины не имели права голоса. Из-за этого она даже грозила уйти в отставку.

"Простая справедливость, - писала она, - требует того, чтобы у женщины были равные права с мужчинами на миссионерских собраниях и в проведении работы". Перед переездом в Пинг-ту Лотти написала в миссионерский комитет на родину, строго критикуя Кроуфорда и его новый план деятельности (включая закрытие школ и "регулирование зарплаты в миссии"), в заключение сделав жесткий вывод: "Если это свобода, дайте мне рабство!"

Следует помнить, что едкие замечания Лотти исходили не от пылкого подростка, воюющего против проблемы несогласованности между свободой и властью. Ей было сорок четыре, и она считалась ветераном Китая с двенадцатилетним стажем, справедливо требуя свободы выбора для женщин, которая полагалась им по праву. Но ее переезд в Пинг-ту не решил всех проблем. Вначале проповедь Евангелия оказалась чрезвычайно трудной задачей. Когда она шла по узким улочкам маленьких деревушек, ей вслед раздавались крики "дьявол", и очень медленно, только после утомительных трудов она смогла сдружиться с женщинами. Но, чтобы завоевать этих женщин для христианства, необходимо было сначала завоевать души мужчин.

В 1887 г. у Лотти появилась первая такая возможность, когда к дверям ее дома в Пинг-ту подошли трое мужчин из соседней деревни. Они слышали, как женщины что-то шептали о "новой доктрине", и им хотелось узнать о ней от Лотти побольше. Лотти посетила их деревню, и там она обнаружила "нечто, чего никогда в Китае раньше не видела. Такое стремление знать! Такие духовные запросы!" Она была так взволнована, что отменила запланированный и долгожданный отпуск, призвав Марту Кроуфорд, жену своего полевого директора, помочь ей. Их усилия были вознаграждены, и Лотти могла написать домой: "Определенно, не может быть более глубокой радости, чем спасение душ". Несмотря на сопротивление местных, она организовала церковь, а в 1889 г. в ней провел первое крещение рукоположенный баптистский священник. Церковь быстро росла, и за два десятка лет, благодаря стремлению Лотти сохранить "движение как можно больше от иностранного вмешательства", Ли Шу Тинг, китайский пастор, крестил более тысячи обращенных, а Пинг-ту стал "величайшим евангельским центром" южных баптистов "во всем Китае".

Между 1890 г. и ее смертью в 1912г. Лотти жила в Китае словно бы двумя отдельными жизнями. Часть года она проводила в деревнях, евангелизируя, а другую - в Тенгчоу, где обучала новых миссионеров, давала советы китайкам и с наслаждением читала западные книги и журналы. В этот период она продолжала писать, и эти труды сделали ее чрезвычайно известной и влиятельной фигурой в Южной баптистской церкви. Когда она возвращалась домой в отпуск, то временами выступала перед большими аудиториями, но именно ее печатные работы, более чем что-либо другое, тронули сердца баптисток на юге страны.

Чаще всего Лотти обращалась к женщинам с призывом оказать большее содействие иностранным миссиям; мужчин же она порой высмеивала за их нежелание работать в миссиях. "Странно, - писала она, - что миллион баптистов на юге может снарядить только трех мужчин на весь Китай. Странно, что в штате Виргиния у нас пять сотен проповедников, а здесь баптистские кафедры заполняют пресвитериане. Интересно, как такая ситуация выглядит на Небесах? В Китае она выглядит действительно весьма странно..." Но если мужчины не шли на помощь миссионерским организациям, кто мог спасти работу? Лотти видела ответ на этот вопрос в решении, предложенном Южной методистской церковью. [В 1844 г. в американском методистском движении также произошел раскол в связи с разным подходом к проблеме рабства в США, в результате чего образовались Северная и Южная методистские церкви. Они объединились лишь в 1939 г. - Примеч. пер.] Миссионерская работа этой деноминации в Китае погибла бы, если бы не "добровольцы-женщины". Если женщины-методистки могли спасти свою зарубежную миссионерскую программу, почему баптисткам не сделать того же?

Чтобы подтвердить свой призыв конкретными фактами, Лотти предложила организовать неделю молитвы и специальные рождественские пожертвования только от женщин, чтобы направить их исключительно на миссионерскую работу. Она также призвала "энергичных и здоровых женщин" заполнить вакантные места, освобожденные мужчинами. Реакция была мгновенной. Казалось, женщины только и ждали призыва. Первые рождественские пожертвования в 1888 г., по словам Хьятта, "превызошли предполагаемую сумму на тысячу долларов. Этого могло хватить на оплату служения трех новых женщин вместо двух". Лотти откликнулась с воодушевлением: "Я

надеюсь увидеть группу пылких, активных, опытных христианок, которые поселятся от миссионерской базы Пинг-ту на севере до базы Чинкианг (Chinking) на юге, соединив обе базы сетью новых станций... пусть все это создается на мощной волне энтузиазма под лозунгом: "Женская работа - для женщин".

В последующие годы рождественские пожертвования увеличились, и в Китае стало служить больше одиноких женщин, но первые годы XX столетия, после Боксерского восстания (в связи с чем Лотти эвакуировалась в Японию), были трагическим временем в этой стране. Вспышки чумы и оспы, за которыми последовал голод, а потом восстание в 1911 г. в области Тенгчоу из-за сильного голода. Лотти организовала службу помощи и просила об оказании содействия Соединенные Штаты, но Совет был не в состоянии удовлетворить другие финансовые обязательства и отклонил ее просьбу. Лотти внесла собственные деньги и помогала чем только могла, но ее помощь казалась мизерной в масштабах подобной трагедии. Когда Лотти сняла со счета в банке свои последние сбережения, она впала в глубокую депрессию. Она перестала есть, и ее психическое и физическое состояние резко ухудшилось. Послали за доктором, и только тогда выяснилось, что она умирает от голода. В надежде спасти ее жизнь коллеги решили отправить ее домой в сопровождении медсестры, но было слишком поздно. Она умерла на борту корабля, в порту Кобе в Японии, в канун Рождества 1912 г., через неделю после своего дня рождения, когда ей исполнилось семьдесят два года.

То, чего не могла сделать живая Лотти, сделала ее смерть. В последующие годы "Рождественские пожертвования Лотти Мун" росли. К 1925 г. финансовые сборы превысили триста тысяч долларов, а в последние годы южные баптистские миссии ежегодно собирают в память Лотти Мун более двадцати миллионов долларов. Лотти стала блестящим примером для южных баптисток, символом того, что можно сделать во имя Бога. "Журнал зарубежных миссий" сделал ей высочайший комплимент, отметив, что она была "самым лучшим мужчиной среди наших миссионеров".

Эми Кармайкл

Эми Кармайкл была для христианок всех деноминаций в Великобритании тем же, чем была Лотти Мун для южных баптисток в Америке. Тридцать пять книг, подробно описывающих пятьдесят пять лет служения в Индии, сделали ее одной из любимых миссионерок всех времен. Чрезвычайная скромность этой женщины, ее мягкость и искренность поставили ее в ряд тех редких индивидуальностей, которых можно назвать "слишком хорошими, чтобы быть реальными". Шервуд Эдди (Sherwood Eddy), миссионерский деятель и писатель, хорошо ее знавший, подпал под обаяние "красоты ее характера"; а характер Эдди считал ключом к успешной евангелизации мира. "Все миссионеры проходят через это испытание. Каждый нормальный миссионер идет на служение с высокими целями, но как христианин... он далек от совершенства. Его характер - это его самое слабое звено... Именно здесь мисс Кармайкл явилась благословением для всех, кто входил в целиком проникнутое взаимопониманием соприкосновение с ее удивительной жизнью... Эми Уилсон Кармайкл (Amy Wilson Carmichael) была человеком с самым христианским характером, который я когда-либо встречал, и... ее жизнь стала наиболее восхитительной и самой радостной жертвой, которую я когда-либо знал".

Эми Кармайкл родилась в 1867 г. в обеспеченной североирландской семье, которая владела четырьмя процветающими мукомольными мельницами в маленькой деревушке Милайл. Она жила беззаботной жизнью, пока ее не отослали подростком в интернат. Ее отец умер, когда ей было восемнадцать лет, и, как старшая из семи детей, она взяла на себя тяжелую ответственность за свою семью. Отец оставил большие долги, которые невозможно было выплатить, чем обрек семью на тяжелое безденежное существование. Скоро они переехали в Белфаст, и здесь Эми познакомилась с миссионерской работой в городе. Участие в ней поставило ее духовные проблемы на первый план, но именно Кесуикское движение (межконфессиональная Библейская конференция, подчеркнувшая "более глубокую жизненную теологию", мировоззрение, согласно которому победоносная жизнь в Духе может преодолеть тенденцию христианина ко греху) перевернуло ее жизнь и вызвало ее духовный рост.

Эми почувствовала свое призвание к миссионерскому служению. Слово "иди" она слышала прямо от Бога, и у нее не было выбора. Однако ее решение одобрили не все и

не сразу - в частности, оно встретило сопротивление со стороны Роберта Уилсона (Robert Wilson), председателя Кесуикской конвенции. То, что молодая женщина собирается посвятить свою жизнь миссии, было в глазах Уилсона вполне похвальным действием, но только не для Эми. После смерти жены и дочери Уилсона Эми стала его приемной дочерью. Она жила с ним и заботилась о нем, и он был глубоко потрясен, услышав, что она хочет уехать за границу. Хотя он и благословил ее с неохотой, но его мольбы вернуться причиняли ей сердечную боль вплоть до самой его смерти в 1905 г. Эми услышала "македонский призыв" в 1892 г., в возрасте двадцати четырех лет, а на следующий год она уже была в Японии. Девушка стремительно ушла в работу, но, как и множество миссионеров до нее, испытала разочарования. Японский язык показался ей невозможным, и миссионерская община вовсе не являлась образцом гармоничной жизни, как она себе ее представляла. Она писала матери: "...мы здесь точно такие же, как дома - ничуть не лучше, - и сатана всегда при деле... Постоянно происходят крушения когда-то беспорочных миссионерских кораблей". Со здоровьем у Эми также были проблемы. Шервуду Эдди она позже призналась, что "сломалась от нервного срыва в первые годы... служения, страдая, как некоторые иностранцы, от того, что называется японской головой". "Климат, - писала она матери, - ужасно действует на мозг".

Прослужив более года миссионером, Эми пришла к убеждению, что Япония - не то место, куда направлял ее Бог. Поэтому, даже не уведомляя Кесуикскую конвенцию, основную организацию, откуда она получала поддержку, она отплыла на Цейлон. Чем она обосновала такое импульсивное решение? "Я думаю, что оставила Японию ради отдыха и смены обстановки, а когда в Шанхае поверила, что Господь велел мне следовать за Ним в Цейлон, я так и сделала". Эми оставалась на Цейлоне совсем недолго, потому что получила письмо с просьбой срочно вернуться домой, чтобы ухаживать за мистером Уилсоном, который заболел всерьез. Но, пробыв на Британских островах менее года, она вернулась в Азию, на этот раз в Индию, где прожила более пятидесяти пяти лет без отпуска.

С самого начала деятельности Эми миссионеры-коллеги и отдельные сторонники на родине видели в ней несколько эксцентричную особу. Некоторых тревожил ее принцип прямого контакта с Богом, особенно когда это нарушало их программы или службы. Она отличалась от других миссионеров тем, что никогда не приукрашивала реальные картины миссионерской работы. Ей вернули одну из ее рукописей, отосланных домой для публикации, потому что комитет "хотел бы кое-что немного подправить, чтобы все выглядело более вдохновляющим". Эми отказалась, и позже ее труд опубликовали под названием "Все как есть" ("Things as They Are"),

Через несколько лет после приезда в Южную Индию Эми переехала в Донашпур. Ее работа там заключалась в спасении храмовых детей (особенно девочек) от полной деградации. Именно за это ее и запомнили. Девочек продавали как храмовых проституток, якобы для того чтобы "выдать замуж за богов", а затем сделать доступными для индийских мужчин, посещающих храм. Это был один из "секретных грехов" индуизма, и даже некоторые зарубежные миссионеры, как утверждала Эми, отказывались верить этому. Некоторые считали, что она тратит время понапрасну, разыскивая детей, которых не существует. Но Эми так не думала. Обращенные индианки, которые больше знали о местных обычаях, помогали ей раскрывать эти ужасные преступления. Хотя она не была одинока в своих поисках (индийские реформаторы также негодовали по поводу подобной практики), она столкнулась с яростной оппозицией. Ей не раз предъявлялись обвинения в похищении детей, и над ней постоянно висела угроза физической расправы. Тем не менее Эми продолжала работу, и к 1913 г., через двенадцать лет после начала миссионерской деятельности, вызвавшей множество противотолков, она собрала под свою защиту сто тридцать детей. В последующие десятилетия сотни других детей были спасены и устроены в Донашпуре. Донашпурское сестринство (ее организация стала известной под таким названием) являлось уникальным христианским служением. Все работники (включая европейцев) носили индийское платье, а дети получали индийские имена. Иностранцы и индийские штатные сотрудники жили одной общиной. Детям давали образование и обеспечивали физический уход, особое внимание уделялось развитию их "христианского характера". Критикам, которые обвиняли ее в том, что она уделяет слишком большое внимание вопросам удовлетворения физических нужд, получения образования и формирования

характера, что, по их мнению, никак не соответствовало евангельскому духу, Эми отвечала: "...нельзя спасти душу и сразу вознести ее на Небеса... Души так или иначе прикреплены к телам... а поскольку нельзя вытащить душу и заниматься ею отдельно, нам приходится заниматься и душой, и телом".

Эми пожертвовала всем для Донашпура и ожидала от коллег подобной отдачи. Много лет назад, еще в Японии, она отреклась навсегда от жизни замужней женщины. Это было трудное решение, то, о чем она долго не могла писать. Только через сорок лет она поделилась горькими переживаниями по этому поводу в частной беседе с одним из своих приемных детей. Она призывала его принять такое же решение: "В такой же день, много лет назад, я ушла одна в пещеру на горе, называемой Арима. Я боялась будущего. Вот почему я пошла туда - чтобы побыть одной с Богом. Дьявол все время нашептывал: "Теперь-то все в порядке, но что будет потом? Ты будешь очень одинока". И он рисовал картины одиночества - они до сих пор у меня перед глазами. Я повернулась к Богу в отчаянии и сказала: "Господи, что мне делать? Как мне пройти до конца?", и Он ответил: "Тот, кто доверяет Мне, не будет одинок". С тех пор это Его слово всегда было со мной. Оно исполнилось во мне. Оно исполнится и в тебе".

То, что другие должны последовать ее примеру отречения от семейной и брачной жизни, было для Эми как практическим, так и духовным решением. Донашпурское сестринство нуждалось в работниках, которые могли бы полностью отдаться детям как матери и духовные наставники. Для этой цели она создала протестантский религиозный орден для одиноких женщин "Сестры общинной жизни". Это было добровольное объединение, состоявшее изначально из Эми и семи молодых индианок, связанных клятвами. Если бы они позже решили выйти замуж, то не могли бы оставаться в ордене.

Сестры стали для Эми семьей. Теперь одинокие женщины имели рядом тех, на кого могли положиться, и чувствовали ответственность за ближнего. Они не испытывали тоскливого одиночества, и их не мучила нескончаемая мечта о замужестве в неопределенном будущем. Идея эта была взята из истории религиозной общины XIV в. "Братья общинной жизни", основанной римским мистиком-католиком Гергардом Гроотом, и мистицизм стал неотъемлемой частью сестринства. Мистическое единство с Христом компенсировало отсутствие физической любви, и Эми и ее сестры испытывали глубокое и умиротворяющее чувство покоя. К 1950-м гг. существовало уже три группы "Сестер общинной жизни", но попытки создать параллельные братства провалились.

Несмотря на то чувство единства, которое давало общение сестер, Донашпурское сестринство, как и другие христианские организации, сталкивалось с внутренними и внешними проблемами. Хотя Эми писала об этом часто в туманных выражениях и избегала всяких подробностей, но она намекала на периоды разногласий внутри братства и сама испытывала приступы беспокойности и напряжения. Донашпур не был идиллической утопией, которую видели посетители, но был замечательной организацией, развивавшейся и руководимой замечательной женщиной. Хотя последние двадцать лет (после серьезного падения) она прожила инвалидом, Эми не прекращала писать книги и молиться за дело своих дорогих детей. Она умерла в Донашпуре в 1951 г. в возрасте восьмидесяти трех лет.

Мод Кэри

К началу XX в. в большей части миссионерских обществ женщин было либо столько же, сколько мужчин, либо даже больше. Во многих странах миссионерская работа определенно провалилась бы, если бы не одинокие женщины. Такая ситуация однажды возникла в Марокко с Евангельским миссионерским союзом. ЕМС, одна из пяти протестантских миссий в этой стране, с 1849 г. пыталась заинтересовать мусульман Евангелием. Несмотря на все усилия, прогресс в деле проникновения через, казалось бы, неприступную стену ислама был небольшой, силы миссионеров иссякли от разочарований и болезней. Для некоторых логическим решением казалось закрыть миссионерскую базу и сосредоточить свои усилия на другом, но одинокие женщины, и среди них Мод Кэри, остались и служили с необычайным упорством в это тяжелое время. Мод родилась на канзасской ферме в 1878 г. Странствующие проповедники и миссионеры привлекли ее внимание к миссионерской теме, поскольку часто проводили собрания в доме Кэри. Мать Мод, очень независимая женщина, была талантливой

музыкантшей, получившей образование в Бостонской консерватории, а также выдающимся учителем Библии. Мод унаследовала независимый материнский характер, и в возрасте восемнадцати лет поступила в библейский институт ЕМС в Канзас-сити, Миссури, чтобы получить подготовку для служения в зарубежных миссиях.

В 1901 г. Мод отплыла в Марокко с четырьмя другими миссионерами ЕМС, еще не зная, что прослужит там пятьдесят лет. Первые месяцы она посвятила изучению языка, и с самого начала между Мод и другими студентами возникли различного рода трения. Способная Мод, одержимая духом соперничества, не собиралась уступать пальму первенства остальным студентам, включая Ф. Эньюрта (F. C. Enyart), единственного мужчину в маленьком классе. Эньюрт был так же увлечен соревнованием, как и Мод, считая, что, раз он мужчина, "быть первым в классе является его исключительным правом" (действительно, он превзошел ее по баллам на десятки доли процента). Но именно Мод обвинили в гордыне и агрессивности. Женщины должны были иметь независимый и достаточно смелый характер, чтобы преодолевать все трудности миссионерской деятельности, но когда дело доходило до победы в соревновании с коллегами-мужчинами, то их обвиняли в том, что они зашли слишком далеко. Мод, однако, осознав ошибочность своего пути, "ежедневно молилась", по словам ее биографа, "для очищения от греха гордыни".

Первое лето в Марокко оказалось для Мод поучительным. В соответствии с политикой миссии, ее сотрудники должны были проводить лето в странствии по деревням, и они в это восхитительное время миссионерским караваном отправились в сельские районы. Вскоре возбуждение улеглось, и жесткая действительность примитивной жизни стала совершенно очевидной. Трудность представления Евангелия приводила в еще большее отчаяние. В каждой семье жила "стая свирепых собак, чей укус был хуже лая", но "даже когда их держали, чтобы они не набросились на непрошенных гостей, они лаяли взахлеб, стоя позади" и заглушая все, что хотели сказать миссионеры. Были и воодушевляющие встречи, особенно для женщин-миссионерок, которые, выйдя за пределы поселка, могли разговаривать с местными женщинами у реки или источника, где те набирали воду или стирали белье. Многие слушали с интересом, "но если вдали появлялся мужчина, женщина быстро исчезала, явно боясь, что увидят, как она слушает неверных".

Более страшной, чем собаки и мужчины, иногда заставлявшие своих жен за беседой с миссионерами, была общая политическая ситуация в Марокко, вскоре обернувшаяся против миссионеров и вынудившая их через год после приезда Мод переехать поближе к побережью. Работа продолжалась, но были в ней и большие огорчения, и боль. На миссионерской конференции после второго года ее служения в Марокко одно из собраний было посвящено открытому групповому обсуждению тех недостатков и неприятных качеств, которые миссионеры замечали друг у друга; и, по свидетельству ее биографа, Мод вскоре обнаружила, что является главным объектом многочисленной критики со стороны коллег: "Из всего сказанного следовало, что оба года ее пребывания в миссии оказались неудачными. Миссии было бы намного лучше без нее. Она была эгоистичной и забывчивой. Написала по меньшей мере одно бездуховное письмо. Не всегда молилась с мусульманами, которым свидетельствовала. Веселость, дружелюбие и смех - все это также истолковывалось неверно. В дополнение к ее тенденции пустословия и гордыне, проявлявшейся даже в одежде, все ее недостатки стали той горой, о которую преткнулись ее коллеги".

Через несколько недель после того оглушившего ее собрания президент ЕМС, посетивший в тот момент Марокко, посоветовал Мод подготовиться к возвращению домой. Проблемы со здоровьем, наряду с ее личными недостатками, сделали ее скорее бременем, чем достоянием миссии. Мод не могла себе представить, как она теперь посмотрит в глаза родным и друзьям.

Забавно, но проблема, с которой Мод столкнулась, когда ее обвинили в гордыне (и в языковой школе, и на ежегодном собрании миссионеров), не была необычным или случайным происшествием для женщин в миссии. Многие одинокие женщины сталкивались с подобными же обескураживающими обстоятельствами. Те самые качества, которые делали их способными к миссионерской службе, рассматривались с подозрением другими, более слабыми сестрами и являлись угрозой для коллег-мужчин. Изабел Кун (Isobel Kuhn) в своей книге "В поисках" ("By Searching") рассказывает о том, что подобный случай произошел, когда она обратилась в Китайскую внутреннюю

миссию. На основании рекомендательного письма ее обвинили в том, что она "гордая, непослушная и постоянно нарушает спокойствие". Изабел приняли "условно", отсрочив ее отъезд в Китай, чтобы дать Совету время приглядеться к ней. Ей обещали, что, если она "одолеет" свои проблемы, ее "примут окончательно".

Таким же образом чуть не помешали доктору Хелен стать кандидатом в миссионеры на основании суждения Совета, что она "горда, всегда все знает лучше всех, ей невозможно что-либо сказать, ее нельзя критиковать или предостеречь, с ней трудно жить и т. д.". Но Мод уже работала в миссии, и послать ее домой значило бы погубить ее; наконец ей разрешили остаться. Однако Мод предстояли еще более унижительные переживания по другому поводу. В дополнение к изучению арабского она изучила берберский язык, язык древнего племени, которое поселилось в этой области задолго до того, как арабы пересекли Северную Африку. С этим племенем она уже работала до переезда в прибрежную зону. Но когда она воевала с языком, она пыталась разобраться в собственной заинтересованности в возвращении к этим людям. Ей хотелось понять, не привлекает ли ее молодой миссионер Джордж Рид (George Reed), работавший среди этого племени. Они с Джорджем переписывались, и Мод втайне надеялась, что ее изучение берберского языка возбудит в нем интерес к ней. Так и случилось, и вскоре после конференции 1907 г. они обручились. Было ли причиной ее слабое здоровье или что-то другое, но Джордж вскоре стал сомневаться в принятом решении. Он советовал ей вернуться в Соединенные Штаты, а когда она отказалась, он поехал к берберам без нее, хотя помолвку официально не расторг.

Оставшись одна в свой тридцатый день рождения, Мод, по словам биографа, "нашла новый девиз для своей жизни: "Ищи кротости". Она выбрала его отчасти потому, что Джордж Рид мечтал о кроткой жене". Но свадьба так и не состоялась, хотя Мод напряженно ждала еще шесть лет, пока не разуверилась окончательно. В 1914 г.

Джордж решил покинуть Марокко и открыть новое дело в Судане (решение, ускорившееся его явной неспособностью разорвать помолвку), и лишь его отъезд стал сигналом разрыва их отношений. Только тогда Мод с неохотой приняла свою судьбу - провести остаток жизни, как она сказала, "старой девой-миссионеркой".

Впервые Мод вернулась домой в отпуск после двадцати трех лет служения все в тех же когда-то модных платье и шляпке, которые она носила перед отъездом из Соединенных Штатов в 1901 г. Америка упивалась буйным весельем 1920-х, и Мод чувствовала себя явно не в своей тарелке. Но наступила пора ухаживать за престарелыми родителями - они оба умерли во время ее отпуска, и, кроме того, то было время размышлений. Что она сделала за прошедшие двадцать три года? Основаны ли церкви? Существуют ли миссионерские школы с множеством прилежных учеников? Завоевывают ли обращенные сердца своего народа для христианства? Нет. Было сделано очень мало против мощи ислама; самый многообещающий из горстки обращенных отрекся от веры, испугавшись преследований. Стоили ли такие достижения всех принесенных жертв? Мод считала, что стоили; и, кроме того, в сорок семь лет она была одна и знала, что ее единственный дом остался в Марокко.

Скромные достижения предыдущих десятилетий в Марокко, казалось, стали сменяться большим прогрессом, и Мод увидела первые признаки успеха. Все больше женщин стали открыто выступать против гнета своих культурных обычаев и приходили изучать Библию. Также появились двое молодых обращенных мужчин, чья смелая позиция вдохновила всю Марокканскую миссионерскую общину. Но, несмотря на оптимизм Мод, миссионерские силы ЕМС продолжали сокращаться, а новых добровольцев приезжало мало. К 1938 г. она осталась одна с еще одной одинокой миссионеркой руководить базами ЕМС в этом самом неблагоприятном районе. Как раз накануне Второй мировой войны прибыли еще две одинокие женщины-миссионерки, но развернуть работу оказалось очень трудно. Это было тревожное время, и четыре одинокие женщины могли бы жить изолированно на далекой базе и ждать окончания войны. Но, напротив, они разделились, чтобы обеспечить деятельность трех баз - Мод и еще одна более опытная миссионерка поделили между собой две станции, а две новые миссионерки работали вместе на третьей. Наконец в 1945 г. война закончилась и, как ни удивительно, согласно биографу Мод, "работа пострадала очень мало, благодаря преданному и жертвенному труду четырех одиноких женщин, которые предпочли остаться на посту".

После войны в Марокко начали приезжать новые миссионеры ЕМС, к 1948 г. их стало одиннадцать, и самым впечатляющим оказался тот факт, что "трое из них были мужчины!" Мод, теперь старшая и опытная миссионерка, знала язык и помогала прибывшим добровольцам освоиться на новом месте, но этой женщине еще пригодился ее талант первопроходца. Из-за недостатка в работниках руководство ЕМС назначило ее в возрасте семидесяти одного года "открыть город Эль Хаджеб для резидентской миссионерской работы", дав ей в помощь только молодую женщину, которая еще лишь изучала язык. В других местах также полным ходом шла работа, и в 1951 г. был организован Библейский институт для обучения молодых марокканцев.

Записались три человека, двое из которых были с новой базы Мод в Эль Хаджебе.

Хотя Библейский институт был давней мечтой Мод, она не присутствовала на его освящении в январе 1952 г. За несколько месяцев до этого она улетела в Соединенные Штаты на лечение. Никто не ожидал ее возвращения, но позже, в том же году, в возрасте семидесяти четырех лет она вернулась и вновь окунулась в работу. Она продолжала служение еще три года, но из-за постоянных болезней миссия начала готовить ее уход на пенсию. Отъезд в 1955 г. совпал с концом французской оккупации Марокко. Наступила волнующая новая эра неограниченной свободы для работы миссий. Двенадцать лет миссионеры открыто трудились среди мусульман, и мусульмане отвечали на евангельскую весть. Около тридцати тысяч их учились на заочных курсах, и изучение Библии шло очень успешно.

Но так продолжалось недолго. В 1967 г. марокканское правительство запретило работу всех зарубежных миссий. Служение ЕМС в Марокко завершилось через семьдесят пять лет. Радиопередачи продолжали пускать луч евангельского света тем, кто хотел слушать, но маленькая марокканская церковь могла полагаться теперь только на собственные силы. В том же году в местной газете Соединенных Штатов появился некролог, и "горстка людей, семеро из которых были священниками, пришли на похороны. Было только два букета цветов и почти не было слез". Мод Кэри ушла, чтобы пребывать с Богом.

Джоанна Винстра

Может быть, самым удивительным аспектом в истории женского зарубежного движения является то выдающееся общественное положение, которое занимали на родине, в общем-то, обычные в других ситуациях женщины. То же утверждение в некоторых случаях применимо и в отношении мужчин, но не в такой степени. Мужчина должен был совершать подвиги. Он должен был добиться чего-то выдающегося в своем миссионерском служении, чтобы прослыть героем, но женщина, особенно одинокая женщина, считалась героиней просто потому, что у нее хватило смелости стать первооткрывателем. Так произошло с Джоанной Винстра (Johanna Veenstra), представительницей огромной армии одиноких женщин, отправившихся в XX в. за границу. Джоанна, которую неоднократно называл героиней ее восхищенный биограф, покойный Генри Битс (Henry Beets), директор Миссии христианской реформатской церкви, превратилась из простой стенографистки в местную знаменитость (в Гранд-Рapidс штата Мичиган и в Патерсоне штата Нью-Джерси). И все же ее миссионерская деятельность была во многом совершенно ординарной. Однако ее жизнь проливает свет на принесенные всеми женщинами жертвы и на те ожидания, которые возлагались на всех героинь веры, подобных ей.

Джоанна родилась в Патерсоне, штат Нью-Джерси, в 1894 г., за два года до того, как ее отец решил бросить работу плотника и пройти подготовку для христианского служения. Вскоре семья переехала в Гранд-Рapidс, штат Мичиган, где Уильям Винстра посещал теологическую школу (теперь колледж и семинария Кальвина), чтобы получить подготовку для служения пастором в христианской реформатской церкви. После окончания обучения он был рукоположен и принял приглашение служить в сельском приходе в западном Мичигане, но умер всего восемь месяцев спустя от тифозной лихорадки. Его смерть принесла лишения и беды вдове и ее шестерым малышам, и вдова скоро вернулась в Патерсон, где открыла магазин. Джоанна до двенадцати лет ходила в христианскую приходскую школу, а затем поступила в двухгодичную школу бизнеса. Желая помочь матери содержать семью, с четырнадцати

лет она стала работать стенографисткой в Нью-Йорке, каждый день приезжая туда из Патерсона.

Хотя соблазны богатой жизни и мирских удовольствий порой привлекали Джоанну, она все же была серьезной молодой девушкой. Ее деятельность в христианской реформатской церкви поглощала все свободное время. Во время посещения баптистской церкви Джоанна обратилась, хотя это должно было бы произойти в своей церкви, как хотели того пастор и мама.

После обращения она занялась миссионерской работой как мирянка, а в девятнадцать лет начала учиться в Институте по подготовке миссионеров в Нью-Йорке, для дальнейшей деятельности в роли городского миссионера. Однако еще до выпуска она узнала о большой нужде в миссионерах за границей и обратилась в Суданскую объединенную миссию, межконфессиональную организацию, призванную остановить распространение ислама в Африке. Из-за специфики миссионерской политики Джоанне пришлось ждать три года до достижения двадцатипятилетнего возраста, когда она могла начать служение в зарубежной миссии, а пока она переехала в Гранд-Рапидс. Здесь она работала с городской миссией и продолжила занятия в колледже Кальвина, где стала первой женщиной среди членов Студенческого добровольческого совета. Перед отплытием в Африку (через Англию) она вернулась в Нью-Йорк для медицинской подготовки и закончила курсы медсестер.

Руководство СОМ доверило Джоанне работу первооткрывателя в Лупве, неподалеку от Калабара (где много лет назад служила Мэри Слессор). База в Лупве была новой, там насчитывалось лишь несколько незаконченных хижин с грязным полом и без мебели. Но Джоанна быстро приспособилась к примитивным условиям. Раздражали белые муравьи, но она отнеслась к этому спокойно: "Когда я принимаюсь за ужин, здесь же в огромных количествах находятся эти маленькие создания, больно кусая руки, попадая в еду; и я решила, что такова наша судьба. Их просто невозможно избежать, потому что в этих местных хижинах нет потолков". Крысы также доставляли беспокойство, но она не жаловалась.

От нее ждали многого, и если миссионерская работа оказалась на самом деле не такой романтической или многообещающей, как она мечтала, она никогда ни намеком не выдавала своих мыслей: "Никогда и нисколько я не сожалела, что покинула "яркие огни и веселую жизнь" Нью-Йорка и приехала в темный уголок Его виноградника. С моей стороны не было никакой жертвы, потому что Сам Господь Иисус всегда рядом со мной".

Работа Джоанны, как и любой другой одинокой женщины в те дни, была самой разнообразной. Одним из ее первых проектов стала организация интерната для подготовки молодых людей к служению проповедниками, и такая школа набрала в один год двадцать пять студентов. И хотя для осуществления этого плана требовалось очень много времени, она все же выкраивала часы для медицинской и евангелической работы. Иногда ее поездки в соседние деревни затягивались на несколько недель, принося и успехи, и неудачи. Успех редко заключался во внешнем исповедании веры. Джоанна шла первой, она лишь закладывала фундамент грядущих побед, а значит, сумеет привлечь внимание уже было главным признаком успеха.

В "редких случаях" она видела, как "люди плачут, услышав историю о смерти нашего Господа" и "задыхаются от удивления и хлопают в ладоши в благодарность Богу за Его дары". Но были и периоды разочарований:

"Мы шли по тропинке через горы, переходя с места на место в течение девяти дней... Мы решили остановиться на воскресенье в одной деревушке, но там нас не захотели принять. Жители не дали еды проводникам и остальным моим спутникам. Поэтому они голодали. Дождь разогнал тех, кто пришел на собрание. Я сидела у дверей хижины под зонтиком, а люди столпились вместе в хижине у огня. В воскресенье днем разразилась сильная гроза. Дождь лил как из ведра. В хижине, где я остановилась, стены были из травы, и дождь пробивался через стену, пока не затопил все помещение... На следующее утро мы отправились в долгую дорогу к другой горе... Вождь был дома, но болел. Мы остановились там на ночь, решив затем идти домой. Как мы рады были увидеть нашу общину в Лупве".

Обычным видом транспорта Джоанны для поездок из деревни в деревню стал велосипед, но скорость его была небольшой, к тому же было очень утомительно крутить педали на неровной местности, особенно при перевозке тяжелых грузов. Она

тайком завидовала мужчинам, передвигавшимся с относительной легкостью на мотоциклах, поэтому после второго отпуска в 1927 г. она вернулась в Африку с новым мотоциклом. Несомненно, было забавно видеть эту матрону верхом на мотоцикле, отправлявшуюся в путешествие по ухабистым дорогам вглубь страны, но никто не сомневался в ее отваге. Несмотря на изначальный энтузиазм и решимость, она вскоре обнаружила, что мотоцикл - это не выход. Не отъехав и сорока миль, она внезапно воткнулась в песок и ее выбросило из седла. С покалеченным телом и страдающим духом она послала за помощью и решила после выздоровления вновь вернуться к велосипеду. Хотя Джоанна с готовностью жила в местной хижине и принимала африканцев такими, какие они есть, она всегда чувствовала определенное превосходство над теми, с кем работала. "Необходимо, - писала она, - чтобы миссионер всегда обладал ощущением превосходства. Не в том смысле, что "мы лучше тебя". Боже упаси! А скорее в смысле требовательности и высокого авторитета. Миссионер должен доказать себе, что он - хозяин (не властитель), руководящий и требующий подчинения". Этот вид отношений был нормой в ее общении с людьми. И тем не менее именно такого рода отношение к коренному населению послужило причиной горькой враждебности, приведшей к революционному восстанию в этой части мира лишь несколько десятилетий спустя.

Но в 1920-1930-х гг., когда Джоанна отдавала свою жизнь в Африке, не было никаких внешних признаков отвержения. Особенно ценилась ее медицинская работа, и учеба в ее интернате считалась привилегией. Поэтому население Лупве и соседних деревень охватила великая печаль, когда они получили известие о безвременной кончине миссионерки в 1933 г. Она легла в миссионерскую больницу на простую операцию, но так и не встала после нее.

В Патерсоне и Гранд-Рапидсе семья и друзья получили печальные известия о ее кончине. Но все они были богобоязненными христианами, никогда не сомневавшимися во всемогуществе Бога в таких делах. Их героиня всего лишь получила назначение на более высокую должность и радовалась более крупным богатствам по сравнению с теми, что с готовностью оставила на земле. Интересно то, что ее последнее письмо пришло после известия о смерти, и в нем она писала об умирающем африканском христианине. Ее слова о его уходе вполне применимы к самой Джоанне: "из хижины в Небесную обитель"".

Глэдис Эйлворд

Если в прошлом и существовала дискриминация по половому признаку и женщинам отказывали в праве на миссионерскую деятельность, то с Глэдис Эйлворд (Gladys Aylward) все обстояло несколько иначе. Она обратилась в Китайскую внутреннюю миссию в 1930 г. (миссия давно пользовалась репутацией сторонника женского участия в миссионерской деятельности), но ее отвергли после испытательного срока в миссионерском подготовительном центре. Руководители миссии считали, что она просто не подходит для миссионерской работы. Ей было двадцать восемь лет, и ее возраст пошел ей не на пользу (хотя Элизабет Уилсон приняли в возрасте пятидесяти). Основной причиной отказа были плохие знания Глэдис, что, по-видимому, происходило по причине ее совершенной неспособности к учебе. Хотя Глэдис отлично отвечала по устным предметам, обучение по книгам было для нее невозможно. Она училась так же усердно, как и другие, но, по словам биографа, "когда дело доходило до усвоения знаний обычно принятыми методами, способности Глэдис к тому, чтобы перевернуть информацию в уме, становились равными нулю"". Но, несмотря на такое препятствие, Глэдис стала одной из самых замечательных женщин-миссионерок современной истории.

Глэдис родилась в Лондоне в 1902 г. в рабочей семье и, казалось, была обречена провести всю жизнь в этой среде. В четырнадцать лет она стала домашней прислугой. Она выполняла тяжелую работу по дому в течение долгих часов и за низкую плату - подобная обязанность затягивала одиноких женщин на всю жизнь. Дни были одинаковыми и утомительными, а если выдавался свободный вечер, то усталость валила с ног. Только в мечтах она вырывалась из плена тусклого существования. Она мысленно представляла себе быстрый круг развлечений: выпивка, курение, танцы, карточная игра и посещение театров.

В своем маленьком мире, в котором сочетались фантазии и реальность, Глэдис прожила двадцать лет и, может быть, та же жизнь ожидала ее и дальше, если бы не значительная духовная перемена. Хотя она периодически посещала церковь и знала евангельскую весть, она не отождествляла благовестие с Христом лично, пока однажды перед закрытием службы перед Глэдис не возник незнакомец, открывший ей ее собственную духовную нужду. Она решила тотчас обратиться к пастору. Обнаружив, что он ушел, она согласилась поговорить с пасторской женой, которая и привела ее к спасительному познанию Христа.

После обращения жизнь Глэдис совершенно изменилась. Она стала посещать мероприятия "Молодой жизни" и начала мечтать о служении Господу в качестве зарубежной миссионерки. Эта мечта в 1929 г. и привела ее в штаб KBM, но она не умерла, когда ей отказали в продолжении обучения после окончания пробного курса. Она была убеждена, что Бог призвал ее, и если ей не удалось получить финансовой поддержки миссии, то она поедет сама. Поэтому в своей маленькой спальне горничной Глэдис еще раз посвятила себя и свои скудные сбережения Богу, убежденная, что Он ее приведет в Китай. Она стала экономить каждый заработанный пенни и отдавала деньги билетному агенту на железнодорожной станции. (Железнодорожный проезд через Европу, Россию и Сибирь был самым дешевым из возможных путей в Китай.) Она также начала читать и расспрашивать про Китай при каждой возможности и наконец узнала о Дженни Лосон (Jeannie Lawson), престарелой миссионерке в Китае, которой нужна была помощница. Глэдис увидела в этом прямое знамение Господа. И вот 15 октября 1932 г., накопив денег на билет, она отправилась в путешествие в Китай с Ливерпульского вокзала.

В оранжевом одеянии поверх пальто Глэдис представляла собой забавное зрелище, больше напоминая цыганку, чем миссионера. Кроме постели она везла с собой два чемодана (в одном находились продукты на дорогу), сумку со звякающей посудой, маленькой печкой, кастрюлями и сковородками. Несмотря на языковые барьеры, Глэдис без особых приключений проехала через Европу, но в России ситуация изменилась. Обстановка в этой стране была напряженной из-за необъявленной пограничной войны с Китаем, и после отъезда из Москвы поезд был забит русскими войсками. На каждой остановке подлинность ее билета и паспорта подвергали сомнению, и только по благодати Божьей не говорившие по-английски власти позволяли ей продолжать поездку.

Находясь в одном поезде с сотнями солдат, пересекавших сибирские просторы, Глэдис даже засомневалась в своем решении, но поворачивать было поздно. Она должна была ехать, несмотря на войну и неопределенность. И все же эта затея показалась ей совершенно неосуществимой, когда поезд остановился на заснеженном пути, а ее без предупреждения попытались высадить, сказав, что она проехала сколько можно было проехать. В поезде дозволялось остаться только солдатам. Но Глэдис отказалась выходить. Она настаивала на том, чтобы ей разрешили ехать дальше, считая, что каждая миля приближает ее к Китаю. Поезд проехал еще несколько миль, а затем остановился. Вдали слышались звуки оружейной стрельбы, и, когда солдаты вышли из вагонов и снаряжение выгрузили, Глэдис осталась совершенно одна в пустом поезде в сотнях ярдов от линии фронта. У нее не было выбора, и она потащила обратно по покрытым снегом путям в Читу. Ее биограф Алан Бергес (Alan Burgess) подробно описывает все преграды, вставшие на пути Глэдис:

"Сибирский ветер ссыпал ей под ноги снежную пыль, а она тащила в каждой руке по чемодану, с одного из которых смешно свисали чайник и сковородка. На плечи она накинула меховой плед. Так она плелась в темноте, маленькая одинокая фигурка на фоне огромных величественных деревьев, а над ней нависали горы и черное небо, усыпанное жемчугом ярких звезд. Рядом были волки, но она об этом не знала. Иногда на землю в лесу с внезапным шумом падал большой снежный ком или ветка хрустела под тяжестью снега, и тогда она останавливалась в нерешительности. Но вокруг не было ни души. Свет, тепло, люди остались где-то в бесконечном далеке".

К рассвету, после двухчасового отдыха у спиртовой печки, она двинулась навстречу далеким огням Читы. Самое худшее было позади. Она думала, что сможет добраться по железной дороге из Читы в Маньчжурию, но попала в Китай только после незапланированного путешествия в Японию, где получила помощь от британского консула.

В Китае Глэдис преодолела еще один трудный путь через горы в Юнь-чэн, где Дженни Лосон верно продолжала работу, начатую ее мужем много лет назад. Дженни приветствовала Глэдис довольно своеобразно. Она не стала церемониться, она выжила в окружающей ее обстановке именно потому, что имела толстую кожу, и ее вряд ли можно было удивить жертвами, которые принесла Глэдис. Глэдис ознакомилась со своими новыми обязанностями и без лишних слов взялась за дело. Но это была не совсем та работа, которую она ожидала. Ее первым заданием стало оборудование гостиницы для погонщиков мулов, ехавших по дороге на запад. Открытие гостиницы для Дженни означало возможность делиться Евангелием с погонщиками мулов каждый вечер, но Глэдис просто выполняла очередную тяжелую работу-ее обязанности горничной в Лондоне теперь казались ей чуть ли не легким удовольствием.

Несмотря на тяжелую работу и скудную похвалу, Глэдис преуспевала. То, чего она никогда не могла усвоить в формальном обучении, она быстро схватывала в общении с погонщиками мулов. Китайский язык был не просто языком сложной письменной структуры, но и языком эмоций и чувств. Именно благодаря этому качеству языка она овладела им в общении. И если Глэдис успешно разговаривала с китайцами, она много теряла в отношениях с миссис Лосон - если, конечно, они вообще общались. Установившийся порядок жизни Дженни и независимый дух Глэдис пришли в столкновение, и, наконец, после одной горячей вспышки (менее чем через год после приезда) Глэдис велели убраться. Ей было некуда идти, и она переехала к миссионерам КВМ в другом городе; но когда позже пришло известие, что миссис Лосон заболела, Глэдис рванулась обратно и заботилась о ней, пока та через несколько недель не умерла.

Со смертью миссис Лосон у Глэдис больше не стало финансовой поддержки, необходимой для работы гостиницы, но появилась новая возможность - что позволило ей приобрести большее влияние. Китайский магистрат в Юньчэне попросил ее стать местным инспектором по проверке соблюдения новых законов о запрещении тугого забинтовывания женских ног. Она должна была ходить из дома в дом, чтобы удостовериться, так ли это. Это была волнующая возможность улучшать свои познания в китайском языке, знакомиться с людьми и делиться Евангелием.

Глэдис ездила повсюду, и ее служение процветало. Куда бы она ни шла, люди выходили повидать ее и послушать библейские рассказы, иногда измененные до неузнаваемости. По мере повторения таких визитов ее влияние росло, и люди стали смотреть на нее как на авторитетную фигуру - настолько, что однажды ее вызвали представители власти, чтобы эта отважная женщина помогла подавить мятеж в тюрьме. В те годы, что Глэдис ездила из деревни в деревню, она подружилась со многими людьми, и они обращались к вере; будущее ее служения выглядело блестящим. Но вне ее маленького мира вокруг Юньчэна в провинции Шаньси происходили массовые заговоры и движение военных. В это время еще неизвестный предводитель партизанского движения Мао Цзэдун создавал свои революционные силы, а Япония собирала тысячи солдат на

границе с Маньчжурией. Но в Юньчэне жизнь шла своим чередом до лета 1937 г. И тогда прежде мирные горные деревушки Шаньси вдруг превратились в мишень для японских бомбардировщиков. Глэдис, недавно ставшая китайской гражданкой, оставалась в городе. Весной 1938 г., когда разбомбили сам Юньчэн, она не покидала его до тех пор, пока не позаботилась о последних раненых.

Война воздействовала на Глэдис двояко. С одной стороны, она дала этой женщине смелость и физическую выносливость, которая удивила ее саму. Она ходила за линию фронта, принося продукты и оказывая помощь деревенским жителям, и выполняла роль разведчицы китайских войск так успешно, что японцы объявили о своей готовности дорого заплатить за ее голову. Но, с другой стороны, ужасы войны дали понять Глэдис, насколько она в действительности была одинокой и хрупкой. Окружающие считали ее сильной, но в глубине души она мечтала о мужской поддержке в трудные минуты жизни.

Глэдис никогда не исключала для себя возможность вступить в брак и вести семейную жизнь. Еще до войны она молила о муже и мечтала, что однажды Прекрасный принц найдет ее в Юньчэне. Он так и не пришел, по крайней мере тот, из мира ее фантазий, но война все-таки ввела одного мужчину в ее жизнь. Его звали Линией, он был китайским военным офицером - человек, убедивший ее стать разведчицей в войне

против японцев. Сначала их свел взаимный патриотизм, но со временем их чувства переросли в любовь. Как она могла оправдать такие взаимоотношения? "Она была миссионеркой, посвященной Богу. Но, - продолжает Бергес, - Бог также сотворил ее женщиной, полной естественных порывов и сил, тревожащих женщину. Если она полюбила, рассуждала она, значит Бог допустил это". По мере возрастания страданий и трудностей войны желание Глэдис выйти замуж и обрести ощущение безопасности стало расти. Она была убеждена, что Линией создан для нее, и написала домой в Англию, что планирует выйти за него замуж. Но брак так никогда и не состоялся. В опустошенной войной сельской местности не было ничего более определенного, чем смерть, и планы рухнули.

Были и другие, кто нуждался в любви и внимании Глэдис даже больше, чем Линией, - ее дети. Найнпенс была ее первым ребенком - крошечный брошенный ребенок, которого она выкупила за сумму в девять пенсов. [Глэдис дала девочке имя, по-английски означающее девять пенсов, "Найнпенс" - Примеч. пер.] Время шло, и она усыновила других. Кроме этих детей были десятки военных сирот, зависевших от нее. Именно эта огромная ответственность прежде всего ложилась на ее плечи, и это заставило ее покинуть Шаньси с толпой около ста ребятишек весной 1940 г. и пересечь горы и Желтую реку, спасаясь в безопасности Сианя.

Путешествие было ужасным. Вражеские войска всегда находились поблизости, и двигаться незамеченными почти с сотней шумных детей означало постоянное эмоциональное напряжение. Когда они наконец дошли до пункта назначения, Глэдис надолго слегла от психического и физического истощения, а детей разбросали по семьям беженцев. Они достигли желанной безопасности, но заплатили за нее высокую цену. В течение месяца миссионерская пара в Сиане ухаживала за Глэдис, и она медленно восстанавливала свои силы, но в психическом отношении окончательно еще не выздоровела - страдала от галлюцинаций и бродила по деревне, стараясь найти дорогу домой. Это было трудное время для нее; но шли месяцы, период душевного смятения подошел к концу, и она вновь смогла восстановить контакт с разбросанными детьми и служить другим.

К 1943 г. японцы отступили, и Глэдис вернулась в Китай, но не в Юнь-чэн. Одно время она жила с миссионерами К.ВМ в Ланьчжоу, однако не смогла угомониться и двинулась в Чун-цин, после чего, наконец, устроилась в Чэнду, где нашла работу в поместной церкви - работу, которую всегда выполняли китайки, но Глэдис настолько вжилась в китайское общество, что, казалось, отлично подходила для такого скромного места служения церкви и для труда милосердия.

В 1949 г., почти через двадцать лет служения в Китае, Глэдис убедили съездить домой, и в свой приезд эта "маленькая женщина" из Китая завоевала сердца британцев. [Глэдис была очень маленького роста. - Примеч. пер.] Глэдис чувствовала себя неловко в обстановке западной культуры и старалась держаться в тени, но ее мать считала по-другому. Согласно одному биографу, она неожиданно стала ее "официальным рекламным агентом номер один". В течение долгих лет она принимала присылаемые дочери приглашения на встречу с очень простым адресом: "нашей Глэдис в Китае", и теперь, когда Глэдис вернулась домой, мать не могла не привести желанную рассказчицу к ее слушателям собственной персоной.

В последующие годы по книге популярного биографа Алана Бергеса "Маленькая женщина" ("A Small Woman") был поставлен фильм "Гостиница счастья" ("The Inn of Six Happinesses"), с Ингрид Бергман в главной роли, и прозвучала инсценировка по радио Би-Би-Си "Это твоя жизнь", после чего Глэдис стала всемирно известной личностью. Она вернулась к служению и устроилась в 1957 г. на Тайване, но продолжала путешествовать по миру и встречаться с людьми. Глэдис выступала в таких местах, как первая пресвитерианская церковь Голливуда, и обедала с такими выдающимися личностями, как королева Елизавета. Несмотря на замечательное служение и известность, которую приобрела, она никогда полностью не была уверена в том, что Бог действительно хотел доверить женщине такую ответственную работу, которую ей пришлось выполнить. В одном из интервью в последние годы своей жизни она поделилась сомнениями с другом: "Я была не первым выбором Бога для работы в Китае. Там должен был быть кто-то другой... Я не знаю, кто это - первый выбор Бога. Должно быть, то был мужчина - чудесный мужчина. Хорошо образованный мужчина. Не знаю,

что случилось. Может быть, он умер. Может быть, не захотел... Бог посмотрел вниз... и увидел Глэдис Эйворд".

Хелен Роузвьер

К середине XX в. потребность в миссионерской деятельности стала общепризнанным фактом. В мире фактически не осталось ни одного района, где бы не служили женщины с отважными сердцами. Но если кто-то сомневался, правильно ли отправлять женщин на переднюю линию фронта в качестве храбрых солдат, слышались возражения и против присвоения им офицерского звания. "Чин"

всегда полагался только мужчинам, несмотря на их способности или лидерские качества. Многие женщины пассивно подчинялись обстоятельствам, убежденные, что стандартные рамки церковной власти, очерченные апостолом Павлом, полностью исключают для них возможность стать лидером в церкви. Но даже вне поместной церкви женщины-миссионерки сталкивались с тем же типом дискриминации и, таким образом, часто бывали ограничены в своем служении Господу. "Одинокая миссионерка... в течение десятилетий оставалась гражданкой второго сорта на миссионерских базах". То же произошло и с высокоинтеллектуальной и высококвалифицированной Хелен Роузвьер, миссионером и врачом в Конго. То, что она была женщиной, не только мешало ей преодолевать трудности, но и привело к борьбе с коллегами-миссионерами и националистами.

Хелен родилась в Англии в 1925 г. в гордой и уважаемой семье, многие поколения которой прожили в Корнуолле. Ее отец, удостоенный награды за патриотическую службу во время войны, был известным математиком, стремившимся дать хорошее образование своим детям. В двенадцать лет Хелен отправили в специальную женскую школу, а после - в Кембридж, где она получила медицинское образование.

Хелен обратилась в первый же год обучения в Кембридже, что заставило ее отойти от англо-католического прошлого семьи и присоединиться к рядам протестантских проповедников. Ее преданность миссионерскому делу была естественной. Братья ее отца и сестра ее матери служили миссионерами, и она с детства мечтала о том, чтобы стать миссионеркой. Этот день наступил в 1953 г., когда она отправилась служить в Конго в рядах организации "Всемирная евангелизационная кампания". В этой миссионерской организации главный упор делался на евангелизацию, а медицина была делом второстепенным, что вполне устраивало Хелен, считавшую основным служением проповедь Евангелия населению. Но в Конго Хелен заметила, что потребность в медицинской помощи также огромна. Эта женщина сразу увидела широчайшее поле деятельности. Она поняла, что традиционные концепции миссионерской медицины никогда не разрешат серьезных медицинских проблем. Вместо того чтобы организовать региональный медицинский центр, где доктора будут работать круглосуточно и все же видеть бесконечный поток больных, она представила проект медицинского обучающего центра. Там местным женщинам давали бы знания по профессии медицинских сестер и они изучали бы Библию и основы медицины, а затем отправлялись в деревни лечить обычные и простые случаи заболеваний и учить население профилактическим мерам, а также служить в качестве мирян-проповедников. Это был перспективный план, но с самого начала Хелен на каждом шагу мешали ее коллеги, считавшие, что миссии нет дела до обучения местных жителей в таких областях, как медицина.

Через два года после приезда в Конго, когда Хелен потратила месяцы на строительство комплекса, объединившего больницу и обучающий центр в Ибамби, и после того, как она впервые ощутила радость победы, когда первые ее четыре студента успешно сдали государственные медицинские экзамены, Хелен вынуждены перебраться в Небобонго. Там находился старый заброшенный лагерь лепрозории, зараставший джунглями. Хелен горячо протестовала против переезда, но безуспешно. И все же она приняла решение переехать в Небобонго, построила еще одну больницу и продолжала обучать африканских медсестер.

Несмотря на неудачи, Хелен любила свою работу. Она особенно любила учить, любила африканцев, с которыми работала - может быть, слишком сильно, по крайней мере, по мнению собственных коллег. Когда возникавшие разногласия не позволяли тепло общаться с коллегами, она уходила к африканским друзьям и старому африканскому пастору, дававшему ей духовные советы. Такое унижительное для миссионера

преклонение перед африканцами было невысказано даже в 1950-х, и поэтому ее близкая дружба с местным населением создала еще более натянутые отношения между нею и коллегами.

Хотя Хелен восставала против перевода в Небобонго, она не позволила этому решению повлиять на ее активность. Уже через два года она могла с гордостью смотреть на достигнутое. И она смотрела с гордостью - грех, который она, по собственному признанию, вполне осознавала и с которым постоянно боролась. Она так много работала, преодолела столько невысказанных препятствий и победила! Это был ее успех, и, по крайней мере подсознательно, она ощущала, что имеет право гордиться. Не защищая Хелен, следует все же сказать, что такие черты характера вполне прошли бы незамеченными в мужчине-докторе, но доктор Роузвьер с сильной волей и поведением руководителя-командира казалась угрозой для многих своих мужчин-коллег. Поэтому, видимо в попытке поставить ее на место, в 1957 г. на ежегодном собрании было принято решение перевести Джона Харриса, молодого британского доктора, и его жену в Небобонго, чтобы сделать его начальником над Хелен. Хелен была потрясена и, как красочно описал эту ситуацию ее биограф, назначение Харриса стало для нее горькой пилюлей, которую нужно было проглотить: "В ее понимании, он просто забрал Небобонго - ее мечту, ее место, которое она построила из ничего, из своего сердца, на собственные сбережения. На этом месте она копала колодцы, очищала каналы, обжигала кирпичи. Она признала факт, что невозможно одновременно командовать двоим, и что он был мужчиной, а в Африке мужчина считался высшим существом, поэтому она сдала ключи. Потом она обнаружила, что не может вынести этого. Может быть, она слишком долго была начальником сама для себя. Но теперь она потеряла все. Она всегда вела библейские классы; теперь доктор Харрис вел их; доктор Харрис организовал занятия для медсестер, а всегда это делала Хелен. Все, что принадлежало ей, теперь принадлежало ему".

С самого начала между Хелен и Джоном Харрисом происходили постоянные недоразумения, что не раз кончалось горькими разногласиями. В одном случае Харрис единолично уволил Даниеля, шофера Хелен, на том основании, что он использовал больничный автобус, съездив без разрешения проведать своих родителей. Хелен была в ярости, что он лишил Даниеля работы, даже не посоветовавшись с ней, но этот случай показал ей, что с некоторыми проблемами она должна была смириться как женщина-врач.

Миссионерам полагался отпуск каждые семь лет, но здоровье Хелен было подорвано, и поэтому она с готовностью поехала домой, когда ей в 1958 г., через пять лет жизни в Конго, предложили отпуск. Она уехала в Англию разочарованная в миссионерской работе и, по словам биографа, "чувствуя, что вряд ли вернется в Конго". Но Хелен была слишком предана делу миссии, чтобы так легко отказаться от него, и стала убеждать себя (как и подозревала еще до отъезда из Конго), что ее реальной проблемой является одиночество. Если бы у нее был муж-доктор, который работал бы вместе с ней в трудное время, рассуждала она, все пошло бы по-другому. Неужели она просила слишком многого? Наверняка Бог понимал ее нужду.

Хелен просила у Бога мужа (она даже "сказала" Ему, что без мужа обратно не поедет), но Бог, как и многие люди, не собирался немедленно удовлетворить ее нужду. По словам одного коллеги-миссионера, "...не всякий мог бы угнаться за ней при ее скорости. С ней невозможно идти рядом. Ты идешь вроде бы рядом, но вдруг она вырывается вперед на сто ярдов. И только ты ее догнал, она уже в двухстах ярдах от тебя и в другом направлении". Так, в своем желании иметь мужа, Хелен мчалась на полной скорости и всегда впереди, слишком торопливо планируя и не умея ждать, когда Бог просто исполнит ее желание.

Проходя дополнительное лечение (чтобы лучше подготовиться к работе в Конго), Хелен встретила молодого доктора, который, как она решила, будет ей отличным супругом. Она купила новое платье, завилала волосы и даже отказалась от работы в миссии, чтобы завоевать его сердце. Но напрасно. Он действительно был к ней небезразличен, но не до такой степени, чтобы жениться. Это явилось большим испытанием для Хелен, и она боролась против того, что, как она знала, для нее лучше всего: "Господь очень четко сказал мне во время моего отпуска, что сможет удовлетворить мою просьбу... Мне не нужен был духовный муж. Я хотела мужа с парой рук. Ну, так, в конце концов, я чуть было не испортила себе весь отпуск... Я не могла найти мужа в миссии, а потому вышла

из миссии. Бог дал мне пройти долгий путь, и я все ужасно запутала. Затем Бог мягко подтолкнул меня к работе, а миссия благосклонно взяла меня обратно".

Возвращение Хелен в Конго в 1960 г. совпало с началом долгой борьбы страны за независимость. Это было трудное время для белых, и многие миссионеры думали, что риск слишком велик. Некоторые решили немедленно уехать вместе с семьями. Хелен, однако, не имела намерения все бросить и отправиться на родину. Если Бог действительно позвал ее обратно в Конго, то Он защитит ее, и она была убеждена в этом. Позиция Хелен и нескольких других одиноких женщин сделала отъезд мужчин трудным. Как они будут выглядеть, если испугаются, тогда как женщины смело остаются? И кто защитит женщин, если они уедут? Но, по мнению Хелен, такие рассуждения были неправильными и являлись, по словам ее биографа, "чисто мужским шовинизмом". Сам факт, что многие мужчины были женаты, делал их обстоятельства отличными от ее. Совершенно очевидно, что они имели серьезные семейные обязательства, и это следовало принять во внимание; а что касается защиты, мужчины-миссионеры мало что могли сделать (кроме как отдать свою жизнь), если действительно наступят тяжелые времена.

Решение Хелен остаться открыло ей огромные возможности для служения. Джон Харрис и его жена уехали в заслуженный отпуск, и она опять взяла на себя ответственность за медицинский центр в Небобонго. Много было сделано за три года, несмотря на политическую нестабильность, когда мятежники Массамба-Дебы набирали силу в оппозицию новому правительству. Вести о нападении на миссионеров приходили отовсюду, включая страшные рассказы о женщинах-миссионерках, которые пострадали от рук мятежников, - настолько дикие и унижительные действия совершались по отношению к ним, что их не называли словами. Сама Хелен пережила ограбление и попытку отравления, но, по ее мнению, ситуация все время улучшалась, а если нет, от нее зависело слишком много людей. Она должна была остаться.

К лету 1964 г. эта африканская страна оказалась втянутой в пучину гражданской войны, когда солдаты Массамба-Дебы насильственным путем захватывали район за районом. 15 августа солдаты-повстанцы силой овладели поселением миссии в Небобонго, и в течение следующих пяти месяцев Хелен была пленником, хотя оставалась в поселении, живя в собственном доме до ноября. Во имя черного национализма совершались жестокие преступления, и мало кто из белых избежал насилия и пролития крови. Хелен не была исключением. 29 октября, когда миссионерский поселок был в руках мятежников, черный солдат-африканец в маленьком бунгало в Небобонго изнасиловал ее. Это была ночь ужасов. Она пыталась убежать, но бесполезно: "Они нашли ее, поставили на ноги, били по голове и плечам, бросили на землю, пинали, опять поставили на ноги, чтобы бить вновь - тошнотворная боль от выбитых зубов, рот, полный густой крови, очки разбиты. Онемевшую от ужаса, обезумевшую от бессмысленности и страха, Хелен втащили и бросили в ее доме - кричали, насмехались, оскорбляли, проклинали". Все закончилось через несколько минут. По словам ее биографа, солдат "бросил ее спиной на кровать, упав на нее сверху ...Желание бороться и сопротивляться из нее выбили. Но она кричала от боли снова и снова... Жестокий акт насилия совершался со зверской яростью и без тени сожаления".

"Бог мой, мой Бог, почему Ты покинул меня?" - звенело в затуманенном сознании Хелен опять и опять. Хотя в то время она не могла этого понять, но ужасное насилие, совершенное в ту ночь над ее телом, позволило ей служить другим таким образом, как иначе она бы не смогла. Глубина ее духовной зрелости дала ей полную уверенность, что она не подвела Бога и ни в коей мере не утратила предполагаемую чистоту из-за совершенного физического насилия. Что бы она ни испытала физически, ее отношения с Богом не стали от этого менее прочными.

Но не все жертвы насилия имели такую уверенность. Хелен обнаружила это несколько недель спустя, когда попала в тюрьму вместе с католическими монахинями. Одна молодая итальянская монахиня была на грани психического срыва из-за повторявшихся случаев насилия, поскольку она считала себя утратившей чистоту, а значит, и спасение. Мать-настоятельница безуспешно пыталась разговаривать с ней, и неохотно позволила поговорить и Хелен. Искренний рассказ о том, что произошло с ней, и ее духовная глубина были тем, что помогло молодой монахине. Это было очистительное время для обеих - время, когда Хелен смогла приготовиться к

повторным актам жестокого сексуального насилия, которым ее подвергли перед освобождением.

Освобождение Хелен в последний день 1964 г. было тем, на что она уже не надеялась. В течение долгих месяцев она чувствовала дыхание смерти и не знала, что делать с этой вновь обретенной свободой и грубым шоком внезапного возвращения домой. Она ощущала радость и облегчение, но и чувство глубокой печали, когда она услышала ужасные истории мученичества некоторых из дорогих друзей и коллег. Сначала мысль о возвращении казалась далекой, но когда политическая ситуация в Конго улучшилась и когда стали приходить сердечные письма от африканских коллег, стремление уехать в Африку стало непреодолимым. Она нужна была там, как никогда раньше. Как она могла сказать "нет"?

Хелен вернулась в Африку в марте 1966 г., чтобы возобновить выполнение своих обязанностей в медицинской миссии и, в частности, принять участие в подготовке национальных кадров. Ее возвращение в опустошенный поселок миссии было встречено восторженными криками, но она вскоре обнаружила, что жизнь в Конго коренным образом изменилась по сравнению с 1950-ми гг. Прежнего не осталось. Новый дух независимости и национализма пронизал все общество, включая церковь, и больше уже не было чувства произвольного уважения и восхищения - особенно со стороны молодого поколения - в отношении женщины-врача, которая пожертвовала многим для Конго.

Если бы она просто ухаживала за больными, ее работу ценили бы много больше, но так случилось, что ее семилетний срок пребывания там принес ей множество разочарований. У власти стояли черные, и, как белой, ей отказывали в уважении, которое было ей необходимо как преподавателю. Студенты бросали ей дерзкий вызов почти по каждому вопросу. Более того, их подчас слишком легкое отношение к труду и надежды на хорошую жизнь сталкивались с ее рвением и преданностью работе.

Несмотря на замечательные жертвы и великие достижения семи лет трудов, Хелен покинула Африку в 1973 г. с тяжелым сердцем. Студенты восстали против ее авторитета, и даже коллеги сомневались в ее способностях руководителя. Это было трагедией для Хелен, потому что двадцать лет ее службы в Африке окончились таким образом. Она рассказывала об этом так: "Когда я поняла, что уезжаю домой и покидаю миссию, и молодая пара придет на мое место в колледже, а африканский коллега займет руководящий пост в больнице, я организовала большой праздник. Это было приветствием двум новым докторам, передачей дел моему коллеге, выпуском для студентов в колледже и моим прощанием. Большой хор репетировал пять месяцев. Я потратила много кассет,

чтобы сделать все необходимые записи, и приготовила пленку, чтобы все снять. Затем, в последний момент, все пошло насмарку. Студенты забастовали. Кончилось тем, что я просто ушла из колледжа, которым руководила двадцать лет".

Хелен вернулась домой, где ей предстоял "очень и очень долгий период" жизни, но опять, как бывает часто после разочаровывающих переживаний, она обратилась к Богу. Вместо горечи она ощутила успокаивающий дух смирения и новое понимание того, что Иисус сделал для нее на кресте. Бог лепил ее для более великого служения - о чем она даже не мечтала. В последующие годы она стала самым желанным оратором международного уровня среди женщин в христианских миссиях. Она продолжает и сегодня говорить и писать от чистого сердца, и ее честность и откровенность позволили по-новому взглянуть на дело, которому она служит, сняв с него налет сверхсвятости.

Глава 10. Студенты-добровольцы: отрекаясь от богатства и престижа

В отличие от одиноких женщин, которые по большей части повышали свой общественный статус, ступая на стезю миссионерской деятельности, студенты-добровольцы были в основной массе молодыми людьми, в глазах общественности принижающими свое положение. В отличие от женщин, они начинали свою миссионерскую деятельность либо женатыми, либо женились вскоре после своего прибытия в страну служения. Множество людей считали вполне приемлемым, чтобы женщины, подобные Глэдис Эйлворд, Мод Кэри и Джоанне Винстра, отправлялись на

дальние берега с благовещием для "язычников", потому что все, чего они могли достичь в жизни на родине, так или иначе сводилось лишь к положению горничной или стенографистки; но отправить молодого и блестящего студента "впустую" прожить свою жизнь среди язычников было непростительной ошибкой.

Студенческое добровольческое движение возникло в Маунт-Хермоне (Mount Hermon), Массачусетс, в 1886 г., хотя идея о его организации родилась еще раньше, когда семь студентов Кембриджа отказались от блестящей карьеры и посвятили свою жизнь зарубежным миссиям. Движение процветало около пятидесяти лет и, согласно Герберту Дж. Кейну, "оно организовало отправку в зарубежные миссии 20 500 студентов, большая часть из которых служила в Северной Америке". Согласно статистике, студенты-добровольцы в начале XX в. составляли половину всех протестантских миссионеров. Многие из них работали в странах с высоким уровнем развития цивилизации. В среде добровольцев было высоко стремление попасть в Китай. Примерно одна треть их там и трудилась. Другим большим районом концентрации сил добровольцев являлась Индия, где служили около двадцати процентов добровольческих отрядов. Лидеры миссионерских станций молили прислать им в Китай "мужчин и женщин с литературными наклонностями", и ответ на этот призыв был получен. К 1920 г., времени съезда движения в Де-Мойне, оно достигло расцвета и с того времени пошло на убыль. "Неизбежным, - пишет Гарольд Р. Кук, - явилось то, что те же либеральные тенденции, что повлияли на основные деноминации, затронули и Студенческое добровольческое движение. К концу 1920-х оно уже теряло почву под ногами. Затем наступила Великая депрессия и появился сокрушительный "Отчет мирян" (Laumen's Report) о состоянии дел в зарубежных миссиях, нанеший непоправимый удар по миссионерскому движению".

Несмотря на все неудачи, студенты-добровольцы оказались одними из самых преданных своему делу миссионеров. Когда некоторые (или "большинство", по оценке Хадсона Тейлора) миссионеры стали "праздными, потворствующими себе людьми", студенты представляли разительный контраст с ними. Эти люди уверенно шли к намеченной цели, что редко оценивалось по достоинству, но они были преданы идее благовествования миру, чего бы это ни стоило.

Такая настойчивость в сочетании с либеральным университетским образованием часто приводила к тому, что студенты приспособляли свою веру к новой культуре народа, среди которого работали, чтобы привести как можно большее количество людей под знамена христианства. Они во многом отличались от своих предшественников, чье образование было зачастую основано лишь на изучении Библии. Многие студенты-добровольцы, получая библейскую подготовку, в то же время использовали свое образование для борьбы с "Критикой чистого разума" Канта или "Происхождением видов" Дарвина. Многие начинали свое служение как помощники из мирян, совершенно неподготовленные к предназначенному для них виду служения. Более того, их острый интерес к мировым религиям приводил к неслыханному до сих пор уважению к другим религиям со стороны исповедующих христианство, что также открывало дорогу для переосмысления и приспособления национальных верований во имя христианского благовещения.

Благодаря регулярным ежеквартальным съездам, финансируемым Студенческим добровольческим движением, была налажена межконфессиональная связь между студентами-добровольцами, чего никогда не встречалось раньше в широкой области миссионерского движения. Результатом таких встреч явилось благотворное совместное объединение усилий всех миссионеров, что редко происходило в прежнее время; и это также проторило путь для развития экуменистического движения. Такое стремление к объединению, наряду с модернистским подходом к Писанию, оказало долговременное воздействие на проповедь Евангелия в международном масштабе. "Протестантский либерализм, принижающий и развенчивающий чудеса и авторитет Библии, явил начало мощному, но увечному обмирщению в китайском христианском мире". Согласно Кеннету С. Латуретту, такое "движение обмирщения" явилось главным фактором, повлиявшим на потери среди христиан в Китае перед лицом надвигавшегося коммунизма.

Для многих студентов-добровольцев миссионерским полем деятельности был скорее весь мир, чем конкретная страна. В то время как некоторые осели на одном месте и посвятили жизнь одной маленькой и конкретной области, множество других постоянно

меняли место пребывания и ездили по всему миру в попытке добиться благосклонности местной элиты - образованных классов, которые, в свою очередь, могли бы оказать наибольшее влияние на собственных сограждан. С собой студенты привозили членов Ассоциации молодых христиан и других организаций, что обеспечивало расширение деятельности христианских студентов по всему миру.

В течение первой половины XX в. студенты оказали сильнейшее влияние на работу зарубежных миссий. Их имена - Ч. Т. Стадд, Дж. Э. К. Стада, Роберт Уайлдер, Джон Р. Мотт, Джозеф Х. Оулдам, Роберт Е. Спир, У. Темпл Гейднер, Уильям Патон, Флетчер Брокман, Е. Стэнли Джоунс (C. T. Studd, J. E. K. Studd, Robert Wilder, John R. Mott, Joseph H. Oldham, Robert E. Speer, W. Temple Gairdner, William Paton, Fletcher Brockman, E. Stanley Jones) и другие - навсегда вошли в анналы миссионерского движения. Это были герои, полностью отрешившиеся от богатства и удобств, чтобы служить выбранному делу.

Шервуд Эдди говорил от имени многих добровольцев, когда трогательно рассказывал о собственной жизни и движении в целом:

"Оглядываясь назад, могу сказать, что половину своей жизни я провел на передовой линии далеко растянувшегося миссионерского фронта. Я был одним из первых среди шестнадцати тысяч студентов-добровольцев, попавших в струю того, что нам казалось не менее чем миссионерским крестовым походом. Некоторые считали нас фанатиками, и мы совершили множество ошибок, которые позже осознали на собственном горьком опыте. Многие пожертвовали карьерой и богатством, властью, престижем в обществе и удовольствиями, чтобы отправиться в дальние страны, о которых не знали ничего, кроме того, что люди там отчаянно нуждались в нас. Весьма схожим было ощущение принадлежности к одной команде многих студентов, сравнимое с единством христианского мира в Средние века; они работали в одном мире под руководством одного Капитана. Мы чувствовали то же, что Вордсворт чувствовал по отношению к Французской революции - которую он, несомненно, идеализировал, как и мы наш крестовый поход:

Блаженство на рассвете быть живым,
Но самым райским было оставаться юным!"

Ч. Т. Стадд

Наверное, самым знаменитым из всех студентов-добровольцев был Ч. Т. Стадд, талантливый атлет и сын богатого англичанина. Чарли Стад являл собой поразительный пример готовности студентов смело жертвовать богатством и карьерой, чтобы посвятить себя полностью задаче евангелизации мира. Он обладал поистине фанатичным рвением - особенно в зрелые годы - рвением, которое позволило ему не принимать в расчет собственное благополучие и благополучие своей семьи в стремлении расширить границы царства Божьего. Неослабная дисциплина в сочетании с необходимыми личностными качествами сделала его одной из наиболее загадочных фигур в мире миссионерских лидеров евангелической церкви современности. Его роль основателя и директора Всемирной евангелизационной кампании демонстрирует чрезвычайную важность хорошего знания потенциальным миссионером особенностей деятельности миссионерского Совета и его руководителя.

Богатство и роскошь окружали юного Ч. Т. Стадда в 1870-е гг., когда он жил в Тедуорте, фамильном поместье в Уилтшире. Эдвард Стадд, отец Чарлза, сделал состояние на плантациях в Индии, а затем вернулся в Англию, чтобы пожить в свое удовольствие. Его страстью были скачки, и великим праздником для него стал тот день, когда его собственная лошадь выиграла Большой приз на национальных скачках. Естественно, общественность испытала шок, услышав, что человек с такой репутацией обратился на одном из евангелических собраний Д. Л. Мооди. Результат его обращения последовал незамедлительно. Он продал своих лошадей, перестал посещать скачки, начал созывать евангелические собрания в Тедуорте и вложил всю свою энергию в спасение человеческих душ, проповедуя друзьям и родственникам. Трое сыновей стали излюбленными мишенями его беспрестанных свидетельств и, согласно Чарлзу, "все в доме жили собачьей жизнью, пока не обратились".

Все три сына обратились к Христу еще за два года до безвременной кончины отца, но только приблизительно шесть лет спустя, после серьезной болезни младшего брата,

чуть не закончившейся трагически, Чарлз пошел на встречу с Мооди по собственной воле и там посвятил свою жизнь Богу и миссионерскому служению. Его решение произвело сенсацию. И в Итоне, и в Кембридже он сумел затмить даже своих талантливых братьев как игрок в крикет, и как капитан, и как лучший игрок из знаменитой "Команды одиннадцати" из Кембриджа, считаясь "величайшим крикетистом Англии". Сенсационное решение Стадда вызвало отклик еще шести блестящих и талантливых кембриджских студентов, которые также посвятили себя служению. "Кембриджская семерка", как их теперь называли, поклялась вместе отплыть в Китай, чтобы служить под эгидой КВМ. "Никогда раньше в истории миссионерского движения, - писал газетный репортер, - не отправлялась трудиться на миссионерской ниве такая уникальная группа". Многие люди, включая членов семьи Стадда, считали решение университетской семерки торопливым и необдуманном, неоправданной тратой интеллектуальных способностей.

Стадд пребывал в Китае менее десяти лет, но эти годы были заполнены активной деятельностью. Вскоре после своего приезда он женился на Прискилле Стюард, которая служила в Китае в Армии спасения; в Китае у них родились четыре дочери. Годы труда в глубинных областях этой страны были сопряжены с трудностями. "В течение пяти лет, - писал Стадд, - мы ни разу не выходили за порог нашего дома, чтобы не услышать потоки проклятий из уст наших соседей". Несмотря на это, они расширили свое служение - Прискилла вела благовестническую работу с женщинами, а Ч. Т. Стадд работал с наркоманами. Хотя Стадд получил значительное наследство (по современным меркам более половины миллиона долларов), он отказался от него, предпочтя жить жизнью только по вере, как остальные миссионеры КВМ, и испытывал часто гнетущие финансовые затруднения. Плохое здоровье вынудило Стадда с семьей вернуться в 1894 г. в Англию. Следующие шесть лет он посвятил встречам с аудиторией в Соединенных Штатах и Англии, где говорил о нуждах миссионеров от имени Студенческого добровольческого движения. По словам Дж. Герберта Кейна, "...студенты шли на его собрания толпами, и иногда он проводил до шести встреч в день, а добровольцы сотнями записывались на миссионерское служение, увлеченные движением пробуждения". В 1900 г. Стадд приехал вместе с семьей в Индию на шесть лет, чтобы служить плантаторам и англоговорящему населению, но эти годы, лишённые непосредственного миссионерского благовестия, не принесли ему удовлетворения. Вернувшись в Англию, опять по причине болезни, Стадд продолжил свои встречи с людьми в разных городах, где говорил о миссиях, но ему не хватало убеждения в том, что он исполняет волю Божию.

Жизнь Стадда коренным образом изменило знамение, явившееся ему написанным на дверях и гласившее: "Каннибалы хотят миссионеров". Затем он узнал о сотнях тысяч людей из различных племен в Центральной Африке, которые никогда прежде не слышали Благой вести, потому что "ни один христианин никогда не приходил к ним, чтобы рассказать об Иисусе". Стыд, по словам самого Стадда, "глубоко пронзил" его душу. "Я сказал: "Почему христиане не идут туда?" Бог ответил: "А почему ты не идешь?" "Доктора не разрешат", - произнес я. Ответ был следующий: "А Я разве не хороший врач? Разве Я не проведу тебя через это? Разве Я не сохранию тебя там?" Оправданий не было, я должен был ехать".

Решение Стадда ехать в Африку принесло отчаяние Прискилле, страдавшей от изнуряющей болезни сердца. Как мог он так просто оставить ее и преследовать какую-то дикую цель? Ему было пятьдесят лет, он постоянно болел и не имел какой бы то ни было финансовой поддержки. Она твердо возражала, но Стадд, убежденный в своем призыве, в 1910 г. уехал в исследовательскую поездку, вернувшись на следующий год, чтобы составить новый план миссионерской работы в Африке, организовав "Сердце африканской миссии". В 1913 г. с одним помощником, Альфредом Бакстоном (Alfred Buxton), который впоследствии стал мужем его дочери, Стадд начал восемнадцатилетнее служение в бельгийском Конго, в "сердце Африки". Хотя он получил известие о том, что у Прискиллы обострилась болезнь сердца, он отказался вернуться обратно. Труд Божий, он твердо верил в это, должен быть превыше всех семейных проблем. Когда он вернулся домой в 1916 г. (его единственный отпуск), чтобы увезти в Африку новых добровольцев, Прискилла уже не была инвалидом, напротив, она стала намного активнее, чем раньше, успешно справляясь с домашней работой и с домашним офисом. В последующие годы в Африку приехало еще больше

добровольцев, а среди них - его дочь Эдит, вышедшая замуж за Альфреда Бакстона, и дочь Полина, приехавшая вместе со своим мужем, Норманом Граббом. Но по мере прибытия новых миссионеров личностные и доктринальные различия все больше омрачали жизнь новорожденной миссии. Даже дочери Стадда и их мужа считали, что с ним очень тяжело ладить. Он пожертвовал всем для Африки и ожидал, что другие миссионеры поступят так же. Он работал по восемнадцать часов в сутки и, по словам Нормана Грабба, "...не было оправданий... не было различий между ними, не было выходных, не было отпусков". Предполагалось, что миссионеры будут жить по-африкански, избегая любых намеков на образ жизни европейцев.

Между Стаддом и другими миссионерами, как было сказано выше, также возникали разногласия доктринального характера, особенно между ним и новыми миссионерами, прибывавшими в Африку на служение. Стадда рассказывал в письмах домой о крупных достижениях в своей миссионерской деятельности. В 1918 г., всего лишь через пять лет пребывания в Африке, он писал: "Прогресс воистину чудесный; люди приходят к нам отовсюду и очень издалека. У нас крещения происходят почти каждую неделю. Новообращенные сами ведут работу по проповеди Евангелия и в отдаленных местах, и поблизости". Но когда приехали новые миссионеры, они увидели совершенно иную картину. "Но что потрясло нас более всего, - писал Норман Грабб, - так это его отношение к африканцам, исповедующим христианство. Каждое воскресное утро пятьсот африканцев-христиан собирались на богослужения. Мы предполагали увидеть сияющих святых Божьих, но Чарлз говорил им, что грех царит во всем и никто, погрязший в грехе, не увидит царства Божьего, независимо от того, насколько он возродился заново; и, поднимая пальцы обеих рук, он сказал, что сомневается, что хотя бы десять человек из присутствующих пятисот попадут на Небеса. Мы были в ужасе. По нашему богословию... мы считали, что если человек возрожден... он уже не может погибнуть. Чарлз не принимал такого подхода в расчет Его позиция заключалась в следующем: "без святости никто не увидит Бога"".

Стадд считал грехом не только серьезные аморальные проступки, но и мелкие недочеты и недостатки. Его понимание греховной жизни включало в себя широкий спектр грехов, в том числе отношение к работе. "Одним из тягчайших грехов этих людей, - писал Стадд, - является их ужасная лень. Каждый готов просто сидеть на стуле и болтать. Работа для них - это глупость". Обычный рабочий день Стадда начинался в 6 утра, и он хотел бы, чтобы и африканцы, и другие миссионеры брали с него пример. Частные молитвы в те дни отошли на задний план, чтобы не было препятствий для своевременного начала рабочего дня. Когда однажды Грабб предложил, чтобы миссионеры и африканцы собирались для специальной молитвы во имя наступления пробуждения среди африканцев, Чарлз ответил: "Я не верю в молитву, которую творят в рабочие часы. Давайте соберемся в 4 утра". Когда Грабб поднялся в 4 утра, чтобы помолиться самому, в утренней тишине миссионерского поселка он услышал звуки банджо старика. Он собрал молитвенную группу из нескольких африканцев, чтобы помолиться в 4 утра.

Такая напряженная христианская жизнь оказалась не по силам ни африканцам, ни миссионерам, но у Стадда не хватало времени для тех людей, которые, по его мнению, не были полностью преданы своей вере, даже если дело доходило до увольнения собственной дочери и ее мужа, Эдит и Альфреда Бакстонов. Для них это явилось очень тяжелым ударом, особенно для Альфреда, который пожертвовал многим только для того, чтобы начать миссионерскую деятельность с Чарлзом Стаддом в Африке. Стадд за несколько лет до этого писал: "Заботам и уходу Альфреда я обязан... своей жизнью; воистину ни одна мать не ухаживала за своим ребенком с такой нежностью и так успешно, как ухаживал за мной он".

Другие близкие связи также обрывались, и к концу 1920-х гг., несмотря на напряженный труд и безотчетную преданность делу, Стадд быстро терял поддержку своих сторонников на родине, особенно после смерти Прискиллы в 1929 г. Его жесткие требования к миссионерам и отрицательное отношение к африканцам были хорошо известны комитету его организации на родине, но вслед за этими возникли и другие разногласия. Во-первых, относительно брошюры, которую написал Ч. Т. Стадд. Она была озаглавлена "D. C. D." и написана по поводу пребывания многих христиан, как казалось Стадду, в летаргическом состоянии. Стадд говорил: "Я хочу быть среди тех, кому наплевать на все, кроме одного - отдать жизнь за Иисуса и за души заблудшие".

"D. C. D." явилось выражением его преданности христианскому учению, но фраза, употребленная им, привела в ужас и обидела многих христиан, включая самых ярых его сторонников на родине". ["D. C. D." - аббревиатура англ. "Don't Care a Damn" (что означает "наплевать") - Примеч. пер.]

Но если этого памфлета было недостаточно, чтобы комитет предпринял решительные действия против него, то слухи о том, что он стал принимать морфий, переполнили чашу терпения. Слабое здоровье Стадда и его восемнадцатичасовой рабочий день оказали свое воздействие на физическое и эмоциональное состояние этого человека. Обнаружив, какое облегчение приносит ему одна доза морфия, он стал принимать таблетки, которые распространял доктор из Уганды и которые миссионеры провозили тайком, не декларируя, на всякий случай. "Когда новости об этом дошли до родины... комитет, - по словам Грабба, - решил, что единственным выходом было отправить его из Африки". То, что последовало, по воспоминаниям Грабба, "явилось одной из самых мрачных страниц в истории миссии". Когда комитет собирался реорганизовать свою деятельность, основав новую миссию без Стадда, Грабб (уволенный из миссии вместе со Стаддом) и Дей-вид Манро (David Munro), муж еще одной дочери Стадда, оказали ужасное сопротивление, отправившись в штаб миссии и забрав с собой архивные записи.

Но даже с архивом на руках миссия распадалась на части, не существовало никакой надежды восстановить полностью утраченное. Можно ли было хоть как-то вдохнуть жизнь в работу неоперившейся еще ВЕК ("Сердце африканской миссии" теперь превратилось во Всемирную евангелизационную кампанию)? Да. Очень скоро, буквально через несколько недель, Стадд умер. Эра хаоса пришла к концу, и под смелым руководством Нормана Грабба миссия совершила новый качественный скачок вперед, но она никогда не забывала неустанного и бескорыстного служения своего основателя, Ч. Т. Стадда.

Что же случилось? Как мог один из наиболее талантливых молодых миссионеров Британии прийти к такому концу? Несомненно, существует множество скрытых факторов, которые оказали воздействие на течение жизни Стадда, но определенно то, что на его падение повлияла интенсивность его устремлений. Величайшее напряжение сил было характерно для многих студентов-добровольцев. "Нам действительно важно быть настойчивыми, - писал Стадд, - и наша настойчивость должна все время возрастать". Но именно такая напористость, являвшаяся, по мнению многих, фанатизмом, привела его к падению. Ч. Т. Стадд часто называл себя "игроком ради Бога". Можно сказать, что он играл и проиграл.

За годы после смерти Стадда ВЕК численно возрастала и набирала силу, а к 1970-м гг. она охватила весь мир стараниями более пятисот миссионеров, среди них - смелая доктор Хелен Роузвьер, начавшая свое служение в Ибамби, где работал неутомимый Стадд. Анализируя феноменальное возрождение ВЕК, трудно не заметить выдающуюся роль ее лидера Нормана Грабба (Norman Grubb), человека, обладавшего редким умением честно говорить о собственных ошибках, и несгибаемого защитника своего тестя, достаточно мудрого, чтобы признать его недостатки и учиться на них.

Джон Р. Мотт

В то время как Ч. Т. Стадд и его друзья-студенты из "кембриджской семерки" привлекли к студенческому миссионерскому движению внимание мировой общественности, Джон Р. Мотт стал человеком, который более других повлиял на приток студентов в армию миссионеров последующих десятилетий. Он не был рукоположенным священником и никогда не служил миссионером в строгом смысле этого слова, однако его влияние на миссионерское движение сравнимо - а может быть, и превосходит - с влиянием его идеала, Дейвида Ливингстона, "чьи героические, истинно христианские достижения", говоря словами самого Мотта, "стали движущим миссионерским мотивом его жизни". Как многие студенты-добровольцы, Мотт не пожелал воспользоваться блестящей возможностью добиться положения в обществе ради всемирного благовестия. Хотя он отказался от дипломатической карьеры и финансового благополучия, он не смог избежать славы. Он являлся другом и советником президентов, лауреатом Нобелевской премии и самым влиятельным религиозным деятелем XX в.

Джон Р. Мотт родился и вырос в Айове, в семье преуспевающего торговца вторсырьем. Он обратился в юности и стал активно работать в методистской епископальной церкви. В 1881 г., в возрасте шестнадцати лет, он уехал в университет Верхней Айовы и стал там полноправным членом АМХ, международной организации, посвятившей себя всемирному евангелизму. Пробыв в университете этого города четыре года, Мотт перевелся в Корнеллский университет, где изучал политологию и историю. Именно здесь, услышав проповедь Дж. Стадда, он испытал чувства, изменившие всю его жизнь. Это привело к тому, что духовный рост и благовестие стали для него самыми главными ценностями. Дж. Стадд, брат Чарлза Стадда, приехал в турне по университетским городкам Соединенных Штатов по приглашению Д. Л. Мооди и руководителей АМХ. Стадд, по словам биографа Мотта, хотел привлечь студентов к миссионерской деятельности рассказами о "кембриджской семерке", отказавшейся от богатств и славы, чтобы добровольно служить выбранному делу".

Хотя Стадд призывал студентов отправиться в миссии, Мотт не решился посвятить себя миссионерскому делу до следующего лета, пока не стал участником первой конференции христианских студентов в Маунт-Хермоне, Массачусетс (финансировавшейся Д. Л. Мооди и позже проводившейся в близлежащем Нортфилде). Будучи делегатом от Корнелла, он вместе с другими студентами, в количестве двухсот пятидесяти человек из ста колледжей и университетов, провел месяц под влиянием Д. Л. Мооди и других известных библеистов. В последний день конференции Роберт Уайлдер, миссионер-энтузиаст из Принстона, выступил с миссионерским обращением, которое прозвучало как страстный призыв к личному посвящению. В результате сто студентов, позже названные "сотней из Маунт-Хермона", подписали "Принстонскую клятву" ("Я намерен, по Божьей воле, стать зарубежным миссионером"), которая вскоре стала клятвой посвящения в студенческом миссионерском движении. Мотт был среди тех ста студентов, кто подписался под клятвой, и то собрание стало началом Студенческого добровольческого движения зарубежных миссий, официально зарегистрированного в 1888 г., - организации, работавшей со студентами более тридцати лет.

После этого знаменитого митинга Уайлдер, при поддержке Д. Л. Мооди и других, начал собственное турне по студенческим городкам, чтобы сделать свой призыв известным всей стране. Его трогательный призыв, фантастический лозунг ("Евангелизация мира за одно поколение") и то, что он тоже поставил подпись под "Принстонской клятвой" обеспечили стремительный успех его поездкам как на родине, в Англии, так и на континенте. Миссионерское рвение самого Уайлдера происходило из опыта его жизни в Индии с родителями-миссионерами; на его участие в побуждении студентов отчасти повлиял отец, который был членом "Общества братьев" в Андовере (возникшего в 1806 г., членом которого также являлись Самьюэл Миллз и вся "группа в стогу"). Деятельность этого общества была ориентирована на интересы миссионерского движения. После успешного турне Уайлдер вернулся в Индию и работал там со студентами, в то время как Мотт и другие взяли на себя руководство работающими на родине.

Как лидер и организатор СДД, Мотт взвалил на свои плечи тяжелую ношу, особенно учитывая лозунг "Евангелизация мира за одно поколение". По его мнению, наилучшим образом подобную задачу можно было решить путем призыва тысяч студентов, несущих Благую весть даже до края земли. Но почему СДД? Как могло это движение добровольцев совершить такой подвиг, который был не под силу даже организованной религии? Мотт был убежден в необходимости сотрудничества, а СДД, охватившее молодых людей из самых различных конфессий, казалось идеальным решением этой проблемы.

Тесно связанной с деятельностью Мотта в СДД была его работа в АМХ, организации, в которой он успешно служил более сорока лет, шестнадцать из которых провел на посту ее генерального секретаря. Когда он работал в этой должности, путешествия стали для него образом жизни, и как только заканчивалась одна поездка, он тут же планировал следующую. В поездках он работал как с резидентами-миссионерами, так и со студентами тех стран, которые посещал, стараясь создать обширную сеть объединенного миссионерского движения. Чтобы добиться реализации своего плана, он помог организовать Всемирную федерацию студентов-христиан, свободную

международную организацию, которая под его руководством расширилась, объединив в себе студентов из трех тысяч учебных заведений.

Одними из самых восприимчивых к призыву Мотта, адресованному студентам, стали, как это ни удивительно, "ученые из великой страны ученых", Китая. Во время первого посещения этой страны в 1896 г. он увидел лишь весьма расплывчатые перспективы охватить этот класс, но, согласно Мотту, атмосфера вскоре изменилась: "Пять лет спустя стены Иерихона стали сокрушаться... Старые интеллигенты уступали дорогу современным образованным людям... Когда я добрался до Кантона, к своему удивлению я обнаружил, что они арендовали самый большой театр в Китае, здание, вмещавшее три с половиной тысячи человек. В первый же вечер, когда мы подошли к театру, я увидел на улице толпы людей и спросил, почему до сих пор не открыли двери здания. Мне ответили, что двери открыли час назад, а в театре нет свободных мест... На сцене находилось около пятидесяти ведущих ученых Китая из Кантона, многие из которых были молодыми людьми, учившимися в Токио и американских университетах". К тому времени, когда серия встреч подошла к концу, более восьмисот человек заинтересовались этим вопросом, и в течение месяца около ста пятидесяти из них "крестились или готовились к крещению". В двух других китайских городах, где Мотт проводил евангелизационные собрания, реакция была сходной с кантонской.

Наибольшим достижением Мотта как миссионерского деятеля явился созыв Эдинбургской всемирной миссионерской конференции 1910 г. Он был ее организатором и председательствовал на ней. Эта десятидневная конференция, на которой присутствовало 1355 делегатов, была первой межконфессиональной миссионерской конференцией подобного рода. Она явилась стимулом к развитию экуменистического движения, оформившегося в последующие десятилетия. Миссионерский энтузиазм на конференции достиг своей высшей точки; призыв евангелизировать мир "за одно поколение" все еще звучал в ушах. Некоторые делегаты действительно верили в то, что, имея сорок пять тысяч активно работающих миссионеров и учитывая предсказание, что их число за тридцать лет увеличится втрое, можно добиться полной евангелизации всего мира.

Но после Эдинбургской конференции интерес к миссионерскому движению в основных деноминациях постепенно стал угасать и СДД на своем напряженном собрании в Де-Мойне в 1920 г. приняло решение, по словам Говарда Хопкинса (С. Howard Hop-kins), "исправить серьезные последствия рокового очарования чудесами и тайнами Востока, которое загипнотизировало их предшественников и отправило их в Китай... подальше от вида, звуков и запахов трущоб Чикаго или несправедливости пропахшего потом труда. Они хотели сосредоточить свое внимание в большей степени на видимой и реальной социальной несправедливости, чем на "традиционных вопросах миссионерской деятельности"

Мотт всегда подчеркивал значение мирового благовествования в социальном плане, но никогда не считал социальное служение первоочередной задачей. И все же ему пришлось столкнуться "со сдвигом в сторону социального Евангелия", который стал проявляться в миссиях. Он говорил, что социальная служба является "одним из наиболее характерных призывов для этого поколения" и она тесно связана с личным благовестием: "Не существует двух евангелий, одного социального и другого индивидуального. Есть один лишь Христос, Который жил, умер и воскрес вновь, связывая Себя с жизнями всех людей. Он является Спасителем индивидуальной личности, и Он есть достаточная Сила, которая изменяет Свое окружение и связи".

Консервативная позиция Мотта и строгая приверженность первоочередности проповеднической работы в миссиях привела к утрате его влияния в СДЦ в последние годы. Молодое поколение добровольцев более не считало его узкий подход действенным для своей расширяющейся концепции миссий. Были и такие, кто критиковал Мотта. Его имя связывали с запросом мирян о деятельности зарубежных миссий (Laumen's Foreign Missions Inquiry) и их отчетом, озаглавленном "Новый подход к миссиям" (Rethinking Missions), а потому некоторые считали, что он стал более либеральным в отношении к миссиям. Тот отчет продемонстрировал стремление дать новое определение целям и задачам миссионерской деятельности: "...видеть лучшее в других религиях, помогать верующим других религий найти или вновь обрести все лучшее, что есть в их традициях, использовать самые активные элементы других традиций в деле социальных реформ и очищении религиозного выражения. Обращение

более не должно быть главной целью". Хотя Мотт признавал ценность запроса и последовавшего за ним отчета, они явно не отразили его собственную позицию. Всю свою жизнь он рассматривал обращение нехристиан к вере как самый важный результат миссионерской деятельности.

Последние годы жизни Мотт активно сотрудничал в зарубежных миссиях и на родине. Он участвовал в создании Всемирного совета церквей, организации, которая, как он верил, сможет укрепить влияние христианства в мире. Хотя Мотт старался избежать ожесточенных дискуссий фундаменталистов-модернистов, разгоревшихся как на родине, так и за рубежом, он и Роберт Спир стали мишенью для их критики. Все же весь этот период его собственная личная вера и трепетная любовь к Спасителю никогда не угасала и он сохранил теплые взаимоотношения со многими более консервативными коллегами.

Всю свою жизнь, несмотря на постоянные разъезды, Мотт оставался верным и добрым семьянином. Лейла, с которой он прожил шестьдесят два года, сопровождала его в поездках и работала вместе с ним, часто выступая перед группами женщин в колледжах и помогая женщинам-миссионеркам по всему миру. Она умерла в 1952 г. в возрасте восьмидесяти шести лет, и ее смерть стала тяжелым ударом для Мотта, но он продолжал свои путешествия без нее ради дела всемирного благовестия. В 1953 г., в возрасте восьмидесяти восьми лет, он женился вновь, а в 1954 г. он в последний раз появился перед аудиторией на съезде Всемирного совета церквей в Эванстоне, штат Иллинойс. Но путешествия его на этом не прекратились. "Смерть, - сказал он репортерам, - это место, где я переседаю на другой поезд", и он совершил эту пересадку 31 января 1955 г.

Роберт Е. Спир

Близким соратником и другом всей жизни Мотта, человеком, названным "воплощением духа Студенческого добровольческого движения", был Роберт Е. Спир, который, подобно Мотту, служил делу зарубежных миссий как мирянин. В отличие от Мотта, его служение было в основном посвящено единственной деноминации - пресвитерианской церкви, - где он работал сорок шесть лет секретарем Совета по зарубежным миссиям. Пресвитерианская церковь была одной из церквей, страстно преданных миссионерскому делу, и собственный энтузиазм Спира только укреплял подобную позицию церкви. Хотя Спир слыл популярной и уважаемой фигурой в своей церкви и в экуменических кругах, служение этого человека ознаменовало бурный период в истории развития его церкви; и, несмотря на его усилия играть роль миротворца, старавшегося повлиять на враждующие фракции, он часто сам становился объектом критики. Тем не менее во время его служения пресвитерианская церковь во многом расширила сферу влияния на работу заморских миссий.

Спир родился в Пенсильвании в 1867 г. в семье юриста, который был избран в Конгресс от демократической партии на два срока. Отец воспитывал детей в строгом пуританско-пресвитерианском духе. Роберт получил образование в Андовере и Принстоне, где дважды становился старостой класса и заслужил репутацию отличного защитника в университетской футбольной команде. Во второй год обучения в Принстоне Спир, услышав сильную и убедительную проповедь Роберта Уай-лдера, подписал клятву студента-добровольца вместе с несколькими своими сокурсниками. Он отказался от намерения последовать по стопам отца и решил посвятить жизнь миссионерскому служению. "Многие, - писал он, - считают нас впадшими в какое-то странное заблуждение, а другие полагают, что нами овладело фанатическое безумие..."

Закончив Принстон, Спир стал походным секретарем Студенческого добровольческого движения; и хотя в этой должности он прослужил всего лишь год, на его счету оказалось более тысячи студентов, решившихся на служение в зарубежных миссиях. С намерением самому отправиться служить миссионером, Спир вернулся в Принстон для подготовки в семинарии, но через два года его занятия были прерваны, когда он неожиданно получил приглашение из Совета по зарубежным миссиям пресвитерианской церкви занять его высший административный пост. Это приглашение, по словам Шервуда Эдди, "расстроило планы Спира, и он сопротивлялся ему, как мог. Он определенно не хотел оставаться дома, потому что призвал тысячу студентов

подписать декларацию и отправиться преодолевать трудности в зарубежных миссиях". Спир все же с неохотой принял приглашение, решив, что в роли такого ключевого лидера сможет оказать существенное воздействие на работу миссий.

Хотя Спир был активистом, его все же помнят скорее благодаря философскому влиянию, которое он оказал на миссии того времени. В тот период, когда многие представители молодого поколения призывали к социальной активности в миссиях, он настаивал на том, что "высшей и определяющей целью" всех миссий должна быть религиозная цель: "В век, когда мысли человека заняты миром вещей, а его тело взобралось на престол его души, мы не можем утверждать, что наша деятельность не является в первую очередь благотворительностью, не является политической и мирской работой любого толка; но она также является духовной и религиозной деятельностью. Конечно, религия должна выражать себя в жизни, но религия есть духовная жизнь. Я скорее посажу одно семя Христовой жизни под корку языческой жизни, чем покрою всю эту кору внешним слоем наших социальных привычек, процветающих на облачении западной цивилизации".

Спир занял твердую позицию против "Отчета на запрос мирян о зарубежных миссиях" 1932 г., опять отделяя себя от многих более либеральных коллег, но настоящие столкновения, которые он испытал как деятель миссионерского движения, были связаны не с либералами, а с фундаменталистами, хотя он сам помог написать последний том "Основ" ("The Fundamentals"). [Печатный труд этого движения, "Основы", и дал название консервативному направлению в протестантизме XIX-XX вв. - Примеч. пер.]

Модернистско-фундаменталистские противоречия, возникшие на родине в пресвитерианской церкви, стали проявляться и в миссиях. Спир, казалось, попал в центр полемики, огорченный тем отрицательным эффектом, который оказала эта борьба на деятельность по проповеди Евангелия. "Как бы мне хотелось, чтобы наши убеждения и действия по благовестию приобрели бы такой пыл, рвение и натиск, - писал он миссионеру в Китае, - чтобы мы могли свободно пройти мимо вопросов, подобных этим, и чтобы люди, желающие их обсуждать, остались бы позади для дискуссий, а остальные могли бы двигаться вперед, чтобы за новыми победами забыть горечь поражения и восполнить потерю тех, кто остался позади".

В этот период сам Спир подвергся нападению за приписываемую ему неоортодоксальность. Против него выступили Дж. Грешем Мачен (J. Gresham Machen) и другие, обвинив в "должностном преступлении, проявившемся в назначении якобы неоортодоксальных миссионеров". Это стало трудным испытанием для того, кто прослужил так долго и так преданно своей церкви (даже занимая там высшую должность председателя собрания в 1927 г.), но он противостоял этой буре, и его оправдала Генеральная ассамблея, где большинством голосов ему был вынесен вотум доверия.

В отличие от многих лидеров миссионерских Советов того времени, Спир имел необычно смелые взгляды по вопросу женского участия в миссионерском движении. Он утверждал, что "будет странно и ненормально отрицать равенство женщин в церкви, которая и является самим источником равенства. Именно Христос сделал их свободными и равноправными. Неужели женщине будут дарованы свобода и равенство повсюду, но она будет лишена этого в церкви, откуда они имеют свое происхождение?" Подобным же образом он восхвалял "те христианские церкви на поле миссионерской деятельности", которые "понимали меру Евангельской вести в этом вопросе лучше, чем мы... Бог не закрывает перед Своими дочерьми дверей, открытых для Его сыновей".

В возрасте семидесяти лет, после сорока шести лет служения, Спир ушел в отставку с руководящей должности в пресвитерианских миссиях. В последующие десять лет он путешествовал, выступая в студенческих городках и на конференциях, призывая работать в зарубежных миссиях; и та энергия, что характеризовала его активность в ранние годы, была присуща ему до самого конца. ("Когда он садился в поезд", по словам его биографа, "он брал с собой портфель с документами и книгами. Из потрепанного временем портфеля появлялись бумаги и отчеты из офиса или книга. Он тут же погружался во внимательное их изучение...")

Будучи смертельно болен, страдая лейкемией, он настаивал на соблюдении составленного им плана выступлений даже за три недели до кончины в 1947 г. Он был тогда настолько слаб, что не мог стоять. Несмотря на то, что его называют одним из

величайших деятелей миссионерского движения нашего столетия, сам Спир всегда принижал значение собственного труда в сравнении с теми, кто служил на переднем крае; и когда его друг предложил написать его биографию, он ответил: "Никаких биографий... просто скажи, что жил один парень; он работал; он умер; есть многие другие".

Самьюэл Цвимер

Сила и энергия, характерные для молодых и образованных студентов-добровольцев, разбросанных по всему миру с конца XIX в., явились теми качествами, которые пронизали миссионерскую деятельность в исламском мире, где сопротивление христианству оказалось особенно велико. Первая значительная христианская миссия, адресованная мусульманам, была организована Раймундом Луллием в XIII в. (см. гл. 2), и он был практически единственным среди христиан, кого больше заботила проповедь Евангелия в мусульманском мире, чем борьба с ним. В последующие столетия, по словам Стефана Нейла, "к землям, населенным мусульманами", "христианские миссионеры относились с большим пренебрежением, чем к землям других народов". Это положение изменилось в конце XIX в., в период, "ознаменовавший начало настоящей схватки между верой в Иисуса Христа и верой в Магомета". Англикане вступили в эту схватку в 1860-е гг., и, с некоторым колебанием, за ними последовали другие деноминации, но именно Самьюэл Цвимер, студент-доброволец, в начале своей деятельности выступавший без конфессиональной поддержки, взялся за координацию усилий, направленных на завоевание сердец мусульман, и сфокусировал внимание общественности на жизни мусульман и их нужде в Христе. Многие другие студенты-добровольцы, включая У. Х. Темпла Гейднера, доктора Пола Харрисона и Уильяма Бордена (Paul Harrison, William Borden), также посвятили свою жизнь самой трудной и неблагодарной из всех миссионерских областей.

Самьюэл Цвимер, "Апостол ислама", родился в штате Мичиган в 1867 г. тринадцатым из пятнадцати детей. Его отец был пастором реформатской церкви, и казалось естественным, что Самьюэл должен посвятить себя христианскому служению. Четверо братьев стали священниками, а его сестра, Нелли Цвимер, отдала сорок лет своей жизни миссионерскому служению в Китае. Во время учебы в колледже Хоупа Цвимер почувствовал потребность в миссионерской деятельности. В последний год обучения под влиянием убедительной проповеди Роберта Уайлдера (тот же миссионер-энтузиаст, который оказал влияние на Джона Р. Мотта и на сотню студентов из Маунт-Хермона) он, вместе с семьей однокашниками, выразил согласие на служение в миссии.

После обучения в семинарии и медицинской подготовки Цвимер и его сокурсник по семинарии, Джеймс Кантин (James Cantine), предложили свои услуги реформатскому Совету для работы в арабском мире; но их кандидатуры отвергли из-за преобладавшего в то время убеждения, что такое служение будет "непрактичным". Непокколебимая пара энтузиастов создала собственную организацию, Американско-арабскую миссию, и стала искать поддержки, для чего Цвимер отправился в путешествие в четыре тысячи миль, посещая "почти каждую церковь своей деноминации к западу от Огайо", тогда как Кантин отправился на восток. Их метод сбора денег был уникальным. Вместо того чтобы просить деньги для себя, "Цвимер... просил помощи для Кантина, а Кантин просил для Цвимера..." "Летаргическое состояние пасторов, - писал Цвимер, - является величайшей помехой делу", но существовали также и более мелкие досадные моменты: "В последний день недели я проповедовал о миссиях после обеда - хотя мне не разрешили повесить мои иллюстрации для выступления, потому что было воскресенье! В этом же приходе имеется певческая школа для молодежи, которая собирается после службы (!) - "О постоянство, ты - драгоценность", - но с Божьей помощью я могу говорить и без иллюстраций - я так и сделал".

К 1889 г. турне Кантина завершилось, и он отплыл в Аравию, за ним в 1890 г. последовал Цвимер. Их решимость и самоотверженность не прошли незамеченными, ибо в 1894 г. лидеры церкви пригласили их миссию войти в состав реформатской церкви в Америке. Небольшие успехи и враждебность, с которыми сталкивался Цвимер в первые годы служения в регионе Персидского залива, не обескуражили его, но только утвердили в том, чему он посвятил себя. Вначале он и Кантин жили вместе с

англиканскими миссионерами, но когда англиканская пара переселилась, они остались одни, не считая одного молодого обращенного сирийца, который стал работать с ними. Его безвременная смерть, менее чем через полгода после приезда Цвимера, явилась болезненной задержкой в работе.

В 1895 г., после пяти одиноких лет миссионерской жизни, Цвицер влюбился в Эми Уилкс, медицинскую сестру-миссионерку из Англии, поддержку которой оказывало Церковное миссионерское общество англиканской церкви. Но как в работе по проповеди Евангелия, так и в уходе и браке не обошлось без проблем и препятствий. Нарушение "очень строгих правил Церковного миссионерского общества молодыми женщинами-миссионерками, имеющими друзей среди мужчин" уже само по себе было суровым испытанием, но брак столкнулся с еще более серьезными преградами, одной из которых были ограниченные финансовые возможности молодого миссионера. "Верно то, - писал биограф Цвимера, - что Церковное миссионерское общество не расставалось со своей находкой без борьбы. Как было принято во многих обществах, если новый миссионер покидал миссию раньше определенного времени, то он должен был возратить своему Совету часть транспортных расходов. Приходилось выполнять это правило... и Самьюэл Цвицер купил себе жену в истинно восточных традициях". > Отплыв в Соединенные Штаты в отпуск в 1897 г., Цвицер вернулся в район Персидского залива, чтобы работать с мусульманами на острове Бахрейн. Он и его жена раздавали христианскую литературу и проводили евангелические мероприятия на перекрестках и в частных домах, но редко видели какой бы то ни было положительный результат. Жилищные условия также не способствовали успешному служению. Тогда еще не существовало кондиционеров, а жара была практически невыносимой - "107 в самом прохладном месте веранды". [Имеется в виду температурная шкала Фаренгейта. Один градус F = (°C x Д) + 32. - Примеч. пер.] Личная трагедия также отразилась на работе. В июле 1904 г. две маленькие дочери Цвимера, четырех и семи лет, умерли с разницей в восемь дней. Несмотря на боль утраты и трудности, Цвицер был доволен своим служением и пятьдесят лет спустя мог сказать об этом периоде: "Я вспоминаю чистый восторг того времени. С радостью я повторил бы все с начала..."

К 1905 г. Арабская миссия основала четыре базы, и, хотя количество обращенных было небольшим, они являли собой необычный пример смелости в исповедании своей новой веры. В тот год Цвицеры вернулись в Соединенные Штаты и, хотя они об этом еще не знали, возвращение ознаменовало собой конец их пионерской миссионерской работы для мусульман. В Соединенных Штатах Цвицер путешествовал и рассказывал о миссиях для мусульман. Он старательно собирал деньги, пренебрегая философией Хадсона Тейлора о том, что нельзя показывать нужду в деньгах. В 1906 г. он был избран председателем Первой всеобщей миссионерской конференции по исламу, которая собралась в Каире.

В Соединенных Штатах Цвицер принял настойчивый призыв стать походным секретарем Студенческого добровольческого движения - должность, которая ему хорошо подходила. В то же время он служил полевым секретарем Реформатского совета по зарубежным миссиям, а потому его жизнь протекала в поездках и встречах. В отличие от работы с мусульманами, это занятие получало немедленный отклик, и многие студенты отвечали на призыв и отправлялись в миссии. Тем не менее Цвицер стремился вернуться на свой пост в Аравии; и в 1910 г., после Всемирной миссионерской конференции в Эдинбурге и обратной поездки в Америку, он отправился в Бахрейн, чтобы продолжить работу.

Жена Цвимера и два младших ребенка сопровождали его в район залива, но не смогли прожить там долго, учитывая, что двое старших детей остались на родине, а в Аравии не было возможности для хорошего образования младших, не говоря уже о неудовлетворительных бытовых условиях. Поэтому Эми вернулась с детьми в Соединенные Штаты, и это поставило его семью, как выразился Цвицер, "в треугольник проблем", для которых фактически не существовало положительного решения. "Если жена уезжает домой с детьми, то можно сказать, что миссионер не любит жену, поскольку отпускает ее. Если дети остаются на родине, то считается, что родители их бросили. Если муж с женой проводят больше времени в отпуске, то их обвиняют в том, что они пренебрегают работой в миссии".

Вернувшись в миссию, Цвимер обнаружил, как трудно ему войти в рабочий ритм. Его организаторские способности требовались везде, в частности, в подготовке конференций и выступлений, что часто вынуждало его покидать свой пост. В 1912 г. он получил приглашение из Объединенной пресвитерианской миссии в Египте, поддержку которой оказывало Церковное миссионерское общество, также расположенное там, с просьбой поселиться в Каире и координировать миссионерскую работу во всем исламском мире. Нильская миссионерская пресса, известная распространением христианской литературы среди мусульман, также присоединилась к этому приглашению вместе с АМХ и Американским университетом в Каире, и Цвимеру ничего не оставалось, как ответить положительно.

В Каире Цвимер встретил на много более открытое общество, где образованные молодые люди стремились послушать сильного и яркого интеллектуала-миссионера с Запада. Он по несколько часов в неделю отдавал посещения университетских городков и, по словам Шервуда Эдди, даже "получил возможность общаться с руководителями гордого и влиятельного мусульманского университета аль Азхара". Иногда он проводил собрания, где присутствовало до двух тысяч мусульман, но настоящие обращения были редки, а сопротивление оставалось сильным. Однажды его вынудили покинуть Каир за то, что он незаконно распространял листовки среди университетских студентов, но этот случай способствовал обращению одного из тех студентов. Разъяренный профессор разорвал в клочья попавшую к нему брошюру Цвимера перед своими учениками; и студент, заинтересованный тем, почему маленькая листовка так раздосадовала профессора, позже подобрал кусочки и сложил их вместе, а впоследствии обратился в христианство.

Когда Цвимер работал в Каире в первый раз, к нему присоединился Уильям Борден, молодой студент-доброволец из Йеля, подписавший "Принстонскую клятву" после проповеди самого Цвимера. Кротость Бордена и его умение раздавать христианские брошюры прямо на пылающих от жары каирских улицах, разъезжая по городу на велосипеде, являлись приятным противоречием тому факту, что он родился в роскоши и был наследником огромного состояния Борденов. Прежде чем отправиться в миссии, он подарил сотни тысяч долларов различным христианским организациям, устояв в то же время перед искушением купить себе машину - "неоправданная роскошь". Его главной целью было посвятить всю свою жизнь миссионерской деятельности. Что он и сделал, хотя срок его служения оказался коротким. После четырех месяцев пребывания в Каире он умер от менингита.

В течение семнадцати лет Каир был для Цвимера штабом, откуда он путешествовал по всему миру, участвуя в конференциях, призывая к сбору пожертвований и организуя работу среди мусульман в Индии, Китае, Индокитае и Южной Африке. Методы проповеднической работы Цвимера являли собой сочетание традиционного благовестия и более современной концепции, характерной для студентов-добровольцев, когда они "делились" своим свидетельством. Он общался с мусульманами как с равными - делился с ними собственной верой (очень консервативная теология), стараясь узнать как можно больше об их верованиях, всегда проявляя к ним величайшее уважение. Хотя обращенных было немного - наверное, чуть больше десяти за все его сорок лет служения, - он смог доказать христианскому миру важность проблемы проповеди Евангелия исламским народам.

В 1918 г. Цвимер получил соблазнительное предложение занять место преподавателя в Принстонской теологической семинарии, но потребность в его служении в Каире оказалась слишком велика и он отклонил это предложение. В 1929 г., когда его работа была уже хорошо организована и когда приглашение из Принстона прозвучало вновь, он смог уехать с чистой совестью, чтобы начать новую карьеру руководителя факультета истории религий и христианских миссий.

Кроме преподавательской деятельности, Цвимер последние годы своей жизни посвятил встречам с людьми и писательскому труду. В течение сорока лет он издавал "Мусульманский мир" ("самый престижный журнал такого рода в англоязычном мире", по мнению Дж. Герберта Кейна), написал сотни брошюр и около пятидесяти книг. До самого конца он был наполнен "пульсирующей энергией" и постоянной интеллектуальной активностью. Один его спутник однажды с раздражением рассказывал о проведенной в одной комнате с Цвимером ночи: "...он не мог оставаться в постели более получаса ...и тогда включался свет и Цвимер вылезал из постели,

доставал бумагу и карандаш, писал несколько строк, а затем возвращался спать. Когда мои веки вновь тяжелели, Цвимер вскакивал, включал свет - и еще несколько предложений... И опять ложился в постель".

Вся жизнь Цвимера была наполнена трагедиями и трудностями. Он испытал горечь утраты маленьких дочерей, близких соратников, двух жен (первая жена умерла в 1937 г., вторая - в 1950-м). И все же он оставался на удивление счастливым человеком и большим оптимистом, всегда находил в себе силы для шуток и веселья. Однажды его поведение в ресторане в Гранд-Рапидс, штат Мичиган, стало таким "шумным и буйным", что метрдотелю пришлось вмешаться и восстановить порядок. Он обладал чувством благодарности, умел ценить светлые стороны жизни, и многие замечательные черты его личности расцветали с годами труда на пустынной почве исламского мира.

Флетчер Брокман

Возбуждение, вызванное тем, что блестящие молодые люди, присоединившиеся к Студенческому добровольческому движению, посвящают свою жизнь зарубежным миссиям, во многом улеглось, когда стали известны методы и идеология некоторых из них. Много раз консервативные евангельские миссионеры ужасались новым системам взглядов молодых интеллектуалов, и многие думали, что христианству нанесен непоправимый ущерб. Этот конфликт философий особенно четко проявился в Китае, и одним из молодых миссионеров, громко провозгласивших свои прогрессивные взгляды, был Флетчер Брокман.

Брокман вырос на плантации в Джорджии и получил образование в Вандербилтском университете, который закончил в 1891 г. Затем он служил национальным секретарем в АМХ, работая со студентами-коллегами на юге и оказывая содействие в развитии миссионерской деятельности. Как методист, Брокман вначале предложил свои услуги Совету по миссионерской деятельности собственной деноминации, но его епископ предположил, что межконфессиональная поддержка АМХ может стать более подходящей основой для широкомасштабного служения, которое Брокман со студентами рассчитывали иметь в Китае. АМХ с радостью приняли его на службу, отвечая желанию многих миссионеров в Китае, приветствовавших работу этой миссии на Востоке.

В 1898 г. вместе с женой и маленьким сыном Брокман отправился в Китай, прибыв как раз накануне Боксерского восстания. Хотя он пережил ужасы этого неистового периода, многие студенты-добровольцы погибли. Гораций Питкин (Hogase Pitkin), руководитель группы студентов из Йеля, пробыл в Китае всего лишь четыре года, а летом 1900 г. его жестоко казнила в Баодине толпа боксеров. Но его смерть не была напрасной. Четырнадцать лет спустя Шервуд Эдди, другой доброволец из Йеля, посетил тот же город в Китае по приглашению Брокмана и напомнил своей аудитории (состоящей из трех тысяч студентов) о жертве Питкина: "Когда я подошел к рассказу о кресте и смерти Питкина, переводчик замолчал от нахлынувших чувств и не мог говорить. Китайцы считают позорным плакать на людях. Аудитория склонила головы от стыда и сочувствия. Многие плакали. Когда, после паузы, мы спокойно произнесли наше приглашение, несколько человек приняли Христа, а другие серьезно заинтересовались. Было продано более десяти тысяч христианских книг за один день в том городе, где Питкин умер мученической смертью".

Когда восстание боксеров закончилось, Брокман активно включился в миссионерскую работу, но вскоре обнаружил, что его концепция миссий быстро менялась. "В Америке, - вспоминает Шервуд Эдди, - Брокман готовил себя к работе для обращения тех, кого он тогда называл "язычниками" Востока. И только добравшись до Китая, он со смирением сел у ног Конфуция, изучая китайский язык, и тогда он узнал, что "все люди четырех морей - братья"". В своей книге "Я открываю Восток" ("I Discover the Orient") он писал о поиске значения китайской философии и религии: "Следующие десять лет ушли на открытие и отделение истины от фальши и их связи с моим ощущением миссий".

Брокмана, как и некоторых других студентов-добровольцев в Китае, хорошо приняла китайская интеллигенция потому, что он терпеливо и сочувственно относился к конфуцианству, буддизму и другим восточным религиям. Это отношение явилось смелым расхождением с традиционной евангельской миссионерской стратегией. Хотя

он всегда оставался христианским миссионером и проповедником, он шокировал многих коллег-миссионеров и спонсоров на родине своей расположенностью к другим мировым религиям и их руководителям. "Я богат, - писал он в книге "Я открываю Восток", - я вступил во владение огромным наследством. Мое богатство собиралось в течение тысяч лет: Конфуций, Mencius, Мо Ти, Будда, Авраам, Моисей, Исайя, Павел, Иисус. Я - наследник мудрости веков. Я послан не для того, чтобы выкапывать корни, но собирать урожай".

По мере того как Брокман изучал китайских авторов и учился у китайских ученых, он завоевывал сердца китайцев. Ему мало было того, что он учился сам. Он верил, что должен отдавать взамен и учить их своему образу жизни, что, естественно, включало в себя передачу христианской веры; но что более важно, с китайской точки зрения, он рассказывал китайцам о современной науке и технологии - предмете, о котором студенты хотели знать более всего. Осознавая нехватку собственных знаний в этой области, Брокман писал Джону Р. Мотту и, по словам Эдди, "молил его привлечь лучшего специалиста в Америке с научно-технической подготовкой, чтобы удовлетворить потребность Китая в таком специалисте". Х. Робертсон (С. Н. Robertson), профессор в области машиностроения в университете Пердью (Purdue), который в студенческие годы состоял в Христианском союзе, был послан в Китай, и "в течение нескольких лет мечта Брокмана осуществлялась самым чудесным образом. Популярный молодой гений, которого Брокман вызвал из Америки, обращался к самым огромным аудиториям чиновников, аристократов, старых ученых и молодых студентов, которые когда-либо слушали китайца или иностранца". Одной из главных задач Брокмана в Китае стала организация филиалов АМХ в городах по всей территории страны. Такая работа требовала финансов, и Брокман во многом полагался на помощь китайцев - в частности, на более терпимых конфуциан. Хотя контроль над АМХ должен был оставаться у христиан, появились другие организации, которые позже стали контролировать определенные слои населения. Например, БАМЛ сегодня стала частью восточного общества.

Брокмана настолько уважали в Китае, что после пятнадцати лет пребывания в этой стране ему предложили пост руководителя Пекинского университета По совету Джона Р. Мотта он отклонил это предложение. Мотт считал, что организационное служение Брокмана среди китайских студентов было слишком великим призванием, чтобы от него отказаться ради мирского занятия. Но всего лишь через три года после этого Мотт сам призвал Брокмана покинуть Китай, чтобы помочь организовать деятельность АМХ в Америке. Брокман уехал из Китая с большой неохотой. "Мотт, - по словам Латуретта, - почти заставил его пойти на это", и годы, последовавшие за новым назначением, не были счастливыми. Работа Брокмана под непосредственным начальством Мотта была равносильна "самоотречению", казалась "трудной" и "изнуряющей". И все же до выхода в отставку в 1927 г. Брокман сумел съездить на Дальний Восток и немного поработать среди людей, которых он так любил и так уважал.

Стэнли Джоунс

Тот энтузиазм, с которым Брокман приобщал Китай к западной науке и технологии, не нашел отклика у Стэнли Джоунса, проповедовавшего интеллигенции Индии. Фактически Джоунс отклонял любую попытку поставить христианство в один ряд с западной цивилизацией, считая, что Христос должен быть понят индийцами в соответствии с их собственными традициями и культурой. Даже используя научные лекции как введение в Евангелие, он считал, что проводит параллель, которую проводить не следовало. Одним из величайших препятствий для развития христианства в Индии, на его взгляд, стала неразрывная связь между христианством и западной цивилизацией, а миссионеры казались ему виновными в увековечивании этого необдуманного брака.

Джоунс родился в Мэриленде в 1884 г., ему было всего два года, когда Уайлдер вдохновил сердца ста студентов из Маунт-Хермона. Его посвящение миссионерской деятельности произошло много лет спустя, когда он учился в колледже Асбери. Первой мыслью Джоунса было отправиться служить в Африку (призыв, который, по воспоминаниям Джоунса, был исполнен в ответе студента, утверждавшего на экзамене, что Стэнли Джоунса отправили в Африку на поиски пропавшего Ливингстона), но,

прежде чем он покинул Асбери, из Общества методистских миссионеров ему написали письмо с просьбой приехать для работы в Индию.

До отправки в Индию Джоунс прошел через унижительный опыт, который изменил все течение его служения - опыт, который помог сконцентрировать его благовестие на Христе, а не на доктринальной путанице. Этим случаем явилась его самая первая служба.

"Маленькая церковь была заполнена моими родственниками и друзьями, все они хотели, чтобы все прошло хорошо. Я готовился к службе три недели, ибо мне предстояло стать адвокатом Бога и хорошо защищать Его дело. Я начал с высокой ноты и после шести предложений употребил слово, которое не использовал больше никогда: "безразличность". Тогда девушка, студентка колледжа, улыбнулась и опустила голову... Ее улыбка так расстроила меня, что, когда я подошел к сердцевине проповеди, все мои мысли вдруг исчезли. В голове у меня была абсолютная пустота. Я пытался что-то вымолвить и, наконец, выдал: "Простите меня, но я забыл, что хотел сказать", - и пошел на свое место покрытый краской стыда и смущения... Когда я уже собирался сесть, внутренний голос произнес: "Неужели Я ничего для тебя не сделал? Если сделал, то разве нельзя рассказать об этом?" Я мысленно ответил на это предложение и вернулся к кафедре - хотя чувствовал, что мне там не место - и сказал: "Друзья, я вижу, что не могу проповедовать, но вы знаете, что Христос сделал в моей жизни, как Он изменил меня, и, хотя я не могу проповедовать, я буду свидетельствовать о Нем всю оставшуюся жизнь". В конце службы ко мне подошел молодой человек и сказал, что он хочет найти то, что нашел я. Для меня тогда было тайной, это и теперь для меня тайна, как в неудаче того вечера этот молодой человек все же увидел то, что ему было нужно. Мы оба встали на колени, и он нашел то, что искал. Происшествие ознаменовало глубокие перемены в его жизни, и сегодня он является пастором, а его дочь служит миссионером в Африке. Как Божий адвокат я оказался полным банкротом; как свидетель Божий я был намного удачливее. В ту ночь изменилась моя концепция христианского служения - центром должен быть Он, а не Божий адвокат, хорошо защищающий Бога; но Он Сам должен быть Божьим свидетелем, чтобы сказать, какие изменения благодать вносит в жизнь недостойного человека".

Джоунс начал свою миссионерскую деятельность в 1907 г. как рукоположенный методистский священник в англоговорящей церкви в Лакхнау. Он проповедовал по воскресеньям и большую часть своего времени изучал язык. Через три года он перевелся в Ситапур, где служил в основном отбросам общества - тому слою, которому многие миссионеры отдавали свои усилия, потому что отверженные оказывали им наименьшее сопротивление. Но когда Джоунс жил среди этих людей, он понял, что Индия - нечто большее, чем страна нищих и отверженных людей, и он стал думать о других, в частности, об интеллектуалах, принадлежащих к высшей касте, и вскоре он стал им служить.

Общение в среде образованных людей стало сложной задачей и работой на износ. Джоунсу часто приходилось защищаться, когда ему бросали вызов наиболее критично настроенные интеллектуалы, которых он когда-либо встречал. "Напряжение было слишком велико". Через восемь с половиной лет, после нескольких тяжелых нервных срывов он вернулся в Соединенные Штаты, чтобы восстановить силы и отдохнуть. Но, вернувшись после отпуска в Индию, он обнаружил, что его психические проблемы остались нерешенными. "Я понимал, что если не получу откуда-нибудь помощи, мне придется бросить миссионерский труд... Это был один из самых тяжелых периодов в моей жизни". Именно тогда Джоунс испытал глубокое духовное переживание: "В моем сердце наступил великий мир, полностью охвативший меня. Я знал, что свершилось! Жизнь - и жизнь счастливая - преизобиловала во мне". Больше уже никогда Джоунса не одолевали нервные расстройства.

После такой внутренней перемены Джоунс стал одним из самых выдающихся проповедников мира, который работал среди образованной элиты Индии. Он путешествовал за пределы Индии с благовестием о Христе, и известность его росла. Именно Христос был центральным средоточием проповедей Джоунса, а не христианство, и он постоянно подчеркивал эту разницу. Христианство, каковым его знал мир, являлось установленной церковью Запада; и именно христианство несли миссионеры в Индию, а не Христа, что и отвергалось индийскими интеллектуалами. Джоунс был

убежден, что если бы индийские образованные люди имели возможность видеть Христа без всякого западного облачения, они бы с радостью приняли Его.

Но Джоунс пошел еще дальше простого отделения Христа от западной цивилизации; он также отделил Его от Ветхого Завета: "Христианство следует определять как Христа, а не как Ветхий Завет или западную цивилизацию, и даже не систему, построенную вокруг Него на Западе, но просто как

Самого Христа..." Джоунс видел свою задачу в том, чтобы "быть у вас не знающим ничего, кроме Иисуса Христа, и притом распятого" (1 Кор. 2:2). Исключение Ветхого Завета из проповеди стало, естественно, делом достаточно противоречивым, но Джоунс защищал свою позицию практическими обоснованиями:

"Я все так же верю в Ветхий Завет как в наивысшее Божье откровение, данное миру прежде воплощения Иисуса; я буду внутренне подпитываться им, как это делал Иисус. Но весь вопрос в том, что дальше. Юрист, приверженец джайнизма, блестящий автор работ, направленных против христианства, встал на одном из моих собраний и стал задавать вопросы про ветхозаветные Писания из длинного списка. Я сказал: "Брат мой, я думаю, что могу ответить на все ваши вопросы, но я не чувствую необходимости делать это. Я определяю христианство как Христа. Если у вас есть какие-то возражения против Него, я готов выслушать вас и ответить, если смогу". Он спросил: "Кто дал вам право делать эти разделения? Какой церковный Совет дал вам такое право?" Я объяснил, что мой Господь дал мне это право... Откровение было прогрессивным, завершаясь в Нем Самом. Зачем же мне тогда направлять борьбу на несовершенный этап, когда все совершенство здесь, в Нем? Мой друг-юрист с унынием увидел, что множество книг, написанных против христианства, разлетелись в пух и прах после моего определения".

Не Библия и не христианская доктрина, согласно Джоунсу, делала христианство уникальной среди религий всего мира, но только Иисус Христос, и, таким образом, он верил, что Христос один должен быть превознесен.

Однажды, когда какой-то индус похвалил его за то, что он такой "широко мыслящий христианин", он ответил: "Брат мой, я самый ограниченный человек, когда-либо встречавшийся вам. Я широк во всем остальном, но в одной сверхважной потребности человеческой природы я абсолютно сужен фактами к Одному - Иисусу". Джоунс продолжал: "Именно потому, что мы верим в абсолютность Иисуса, мы можем позволить себе иметь более широкий взгляд на нехристианские системы и ситуации".

"Широкий взгляд на нехристианские системы" сделал Джоунса объектом нападок, особенно со стороны фундаменталистов, считавших, что он приносит христианство в жертву компромиссу, чтобы сделать его более привлекательным для других религиозных групп. "Джоунс приютил в себе греховную гордыню, языческий образ мыслей и растущий национализм", - писал Честер Талга (Chester Tulga), консервативный баптист. "Его Христос выглядит скорее как индийский националист. Его библейская универсальность усыхает до границ индийской национальности... Христос модерниста-миссионера... становится Лжехристом без спасительной силы и без исторической достоверности".

Представляя Христа нехристианской Индии, Джоунс пытался найти методы, которые бы естественно сочетались с жизнью индийского общества. Его встречи за круглым столом и христианские ашрамы являлись тому примером. Встречи за круглым столом начались после того, как его пригласили однажды в индийский дом вместе с другими интеллектуалами принять участие в философском обсуждении, сидя в кругу на полу. Следуя этому примеру, Джоунс стал делать то же самое, приглашая как христиан, так и индуистов, джайнистов и исламистов. Эти дискуссии, хотя основной их задачей являлся обмен мнениями собравшейся интеллигенции, стали возможностью для проповеди Евангелия: "Не было ни единого случая, чтобы перед закрытием круглого стола Христос не овладевал бы духовным контролем над ситуацией".

Христианское движение ашрам, основанное Джоунсом, также являлось приспособлением к индийской социальной жизни - альтернативой западной церкви. "Церковь для многих является институтом богослужения, которым пользуются раз или два в неделю. Общение происходит один или два часа за семь дней. После этих нескольких часов каждый возвращается в свою оквартированную жизнь. Мировосприятие индийцев устроено так, что они желали бы собрать всю жизнь под

единый контроль и сделать общение длящимся не час или два, а более продолжительно и всеобъемлюще".

Христианский ашрам во многом походил на индуистский. "Семья" должна была вставать в 5:30 и проводить свой день, сочетая различные виды деятельности, включающие частные молитвы, физический труд и групповые дискуссии, последнее исключалось один день в неделю, который объявлялся днем "полного молчания". В то время как главной целью ашрама становился личный духовный рост, величайшим достижением его создания в Индии явилось разрушение кастовой системы и политических барьеров, которые иначе разъединяли христиан в их повседневной жизни. К 1940 г. в Индии насчитывалось около двадцати пяти христианских ашрамов.

Репутация Джоунса как проповедника и христианского деятеля сделала его уважаемым человеком в Индии и во всем мире. Он считал Махатму Ганди и Джавахарлала Неру своими друзьями, и оба платили ему взаимным уважением, хотя никто из них не обратился в христианство. Но Джоунс представлял собой нечто большее, чем просто миссионер в Индии. Говоря словами Шервуда Эдди, "никто не может более заслуженно называться всемирным проповедником, никто более сознательно не проводил работу по благовествованию - более сорока лет - в духе участника всемирной кампании, чем Стэнли Джоунс". Япония стала лишь одной из многих стран, которые он посетил во время своих рабочих поездок, и, согласно Герберту Дж. Кейну, собрания там "привлекали огромное количество людей со всех концов страны, и десятки тысяч из них заявили о своей решимости принять Христа".

Как всемирно известный проповедник и христианский лидер, Джоунс обладал влиятельным голосом на экуменических конференциях XX в., но часто сталкивался с отсутствием понимания со стороны своих коллег - в частности, по вопросу о том, что Иисус, скорее, чем установленное христианство, должен быть первостепенным. На конференции в Мадрасе в 1938 г., например, он стал обсуждать этот вопрос с Хендриком Кремером (Hendrick Kraemer) и другими, кто поддерживал лозунг: "Церковь под Богом есть надежда мира". Только Бог, видимый через Иисуса Христа, утверждал Джоунс, был Абсолютом. "Церковь же относительна... Конференция, таким образом, не оправдала надежд". Из-за такого взгляда на установленную церковь Джоунс полностью не укладывался в соответствующие рамки в глазах остальных экуменистически настроенных миссионеров-деятелей, а потому его часто критиковали как либералы, так и консерваторы.

Хотя Джоунс уже давно отказался от конфессиональной исключительности в своем служении и провозглашал широкую концепцию полного христианского единения, его, без сомнения, высоко чтили среди равных в методистской церкви и на Всемирном методистском совете избрали епископом. Перед церемонией посвящения он, однако, отказался от этого поста: "Я - проповедник, - писал он, - а не епископ".

Джоунс всегда был в первую очередь проповедником. Хотя он "почитал все доброе и истинное в восточных религиях и делал все возможное, чтобы встретить их на полпути", по словам Кейна, "он всегда говорил о совершенности Иисуса Христа и уникальности христианского Евангелия" и "всегда заканчивал "Иисусом и Воскресением"". Его высшей целью было не расширение установленной церкви, но привлечение людей к Иисусу, а затем предоставление им возможности познать Его собственным путем. "Существует прекрасный индийский брачный обычай, - писал он, - который отчасти напоминает нам о том, как нужно выполнить в Индии поставленную перед нами задачу и на каком этапе остановиться. На брачной церемонии девушки - подружки невесты - сопровождают ее с музыкой к дому жениха. Они приводят ее в жилище жениха - так далеко, насколько могут пройти, - затем уходят и оставляют ее с мужем. Таковой является и наша радостная задача в Индии: познать Его, представить Его и уйти - не обязательно дословно уйти, но доверить Индию Христу и Христа Индии. Мы можем идти рядом лишь до определенного момента - Он и Индия должны сами пройти остаток пути". Философия всемирного благовестия стала темой очень популярной книги Джоунса "Христос и индийский путь" ("The Christ of the Indian Road"). Эта книга имела значительное влияние на миссионерскую деятельность XX в. До самой своей смерти в 1973 г.

Джоунс был первым по значению и искренним христианским проповедником, однако его взгляд на установленную церковь и его заботы о мире и социальной

справедливости оказали отрицательное воздействие на многие миссионерские общества, обменявшие истинное благовестие на социальное Евангелие.

Глава 11. Миссионеры веры: полагаясь лишь на Бога

В тот же период, когда Студенческое добровольческое движение призывало в свои ряды молодых интеллектуалов из университетов и колледжей, другое миссионерское движение также начинало набирать силу, ревностно стремясь завоевать районы мира. Движение миссионеров веры, как его не совсем точно называли, началось в 1895 г. с основания Китайской внутренней миссии Хадсоном Тейлором, который прямо или косвенно повлиял на возникновение еще сорока новых миссионерских организаций. С основанием таких миссий, как Христианско-миссионерский союз (1887), Миссия "Евангельский союз" (1890), Центральная американская миссия (1890), Суданская внутренняя миссия (1893) и Африканская внутренняя миссия (1895), независимые миссии веры стали значительной чертой международного евангельского движения, чьи "славные достижения", по словам Герберта Кейна, "были более удивительными, чем беллетристика, и более чудесными, чем сами чудеса". В то время как большая часть новоявленных миссий веры боролась за выживание, некоторые, например, Миссия скандинавского союза, основанная Фридрихом Франсоном (Frednk Franson), росли с удивительной скоростью. В течение полутора лет эта миссия призвала около ста человек для служения в Китае, Японии, Индии и Африке.

С самого начала миссии веры были связаны с консервативным проповедованием, и большинство добровольцев или не имели высшего образования, или же являлись выпускниками библейских институтов и христианских колледжей, таких, как Ньякский, Мооди и Уитон. Библейский институт Мооди особо выделяется как учебная база для подготовки миссионеров веры, "засвидетельствовав фантастический рекорд" в этой области, по словам Кейна. "С 1890 г более 5400 бывших питомцев Мооди служили под руководством более 245 миссионерских Советов в 108 странах мира. Более 2022 человек все еще активно служили в 1976 г Это значит, что один из восемнадцати североамериканских миссионеров в мире на сегодняшний день является питомцем Библейского института Мооди" и огромное их количество служат в миссиях веры.

Понятие "миссия веры" часто связывается с теми миссиями, где финансовая помощь миссионеру не зависит от определенного источника. Некоторые миссионеры такого типа проводят подобную политику вплоть до отказа просить пожертвования и даже не сообщают о нуждах и потребностях миссионеров, таким образом проповедуя полную зависимость от Бога в материальной нужде. Но концепция жизни полностью по вере затрагивает более широкий круг проблем, нежели только финансы. В миссиях трудились фанатично преданные вере люди, что часто было сопряжено с большим риском, и в результате среди первых миссионеров по вере уровень смертности оказался очень высоким.

Решение рисковать собственной жизнью ради того, чтобы нести Евангелие тем, кто никогда о нем не слышал, принять нелегко. Миссионеры веры были движимы яркой картиной ужасов преисподней. Целью миссионерского движения стало спасение заблудших душ от вечного мучения в огне ада. "Пусть те, кто знает Христа, - умолял Джим Элиот, - услышат вопли проклятых, когда они, теперь уже без единого шанса, несутся вниз во тьму, где нет Христа... Мы должны проливать слезы раскаяния за тех, кого не сумели вывести из тьмы".

В то время как миссионеры веры не забывали физические и социальные нужды тех, кому они служили, и были потому активны в служении в области медицины и образования, проповедь Евангелия все же оставалась первостепенной задачей; чтобы облегчить распространение Благой вести, возникли новые концепции благовествования. "Большая часть нововведений в миссиях XX в. предложена миссионерами веры, - сообщает Кейн, - включая использование радио, авиации, заочных курсов по изучению Библии, различных видов звукозаписи, насыщенную проповедь Евангелия, курсы повышения квалификации и курсы переподготовки". Одним из ярких примеров подобного опыта может служить образование Латиноамериканской миссии Гарри Стрейченом (Harry Strachan) в 1921 г. единственно в целях массового благовестия.

Используя последние достижения в области рекламы и коммуникаций, он со своей женой Сьюзен и другими миссионерами проводил успешные развлекательные программы в театрах и залах по всей Южной и Центральной Америке, привлекая на встречи огромные толпы людей. На этих сборищах четко и ясно представлялось Евангелие, а обращенные затем передавались на попечение местных миссионерских обществ и церквей. "Вряд ли где-нибудь в Латинской Америке имеется миссия, - говорил Кейн, - в которой среди ее членов не было бы обращенных, пришедших к вере во время массовых кампаний, проводимых ЛАМ".

Такой упор на проповедь Евангелия со стороны миссий веры существенно способствовал распространению христианства, и миссии веры росли тоже, поскольку в них ощущалась потребность. На сегодняшний день, благодаря самоотверженности и стойкости своих основателей и ветеранов, миссии веры находятся среди самых крупных миссионерских обществ в мире. Разнообразные по своему географическому положению и методам благовествования, они успешно работают вместе в духе сотрудничества и на индивидуальной основе, и через Межконфессиональную ассоциацию зарубежных миссий, основанную в 1917 г. в целях поддержки развития миссий веры, и через связи с другими организациями. Совместные усилия объединяют независимые евангельские миссии веры, создавая таким образом самую мощную миссионерскую силу в мире.

А. Б. Симпсон и Христианско-миссионерский союз

Подобно великим миссионерским деятелям, таким, как Самьюэл Миллз и Джон Р. Мотт, А. Б. Симпсон (A. B. Simpson) никогда не служил миссионером; но, подобно Миллзу и Мотту, он оказал огромное влияние на развитие миссий, особенно на рост миссионерских обществ в Америке в конце XIX - начале XX вв. Основатели Суданской внутренней миссии и Африканской внутренней миссии находились под сильным его влиянием и прошли обучение в его школе по подготовке миссионеров. Евангельские деноминации, особенно связанные с Движением святости, получили побуждение к миссионерской активности в основном благодаря его миссионерскому энтузиазму. Начиная с 1883 г., он организовывал межконфессиональные съезды в разных городах Соединенных Штатов и Канады, приглашая для выступления зарубежных миссионеров из самых различных деноминаций и миссионерских обществ. Эти съезды помогали людям ближе познакомиться с работой зарубежных миссий и привели к образованию его собственного, высокоэффективного международного миссионерского общества - Христианско-миссионерского союза. По большей части благодаря его влиянию зарубежные миссии в XX в. стали активно охватывать североамериканские евангельские церкви.

Знакомство Симпсона с зарубежными миссиями началось довольно рано. Он родился на острове Принца Эдуарда в Канаде в 1843 г. и был крещен, когда ему исполнилось всего несколько недель, Джоном Гедди, первым канадским миссионером в южных морях. Огромное влияние на него оказывала миссионерская атмосфера в его доме, и еще в юном возрасте сильное впечатление произвели рассказы о жизни Джона Уильямса, погибшего мученической смертью на острове Эроманга. В колледже Нокса в Торонто Симпсон продолжал интересоваться зарубежными миссиями, но после выпуска он получил приглашение служить в большой и модной церкви Нокса в Гамильтоне, штат Онтарио, где стал пастором. Причиной того, что в возрасте двадцати одного года он начал работать в одной из самых престижных церквей Канады, явился его исключительный дар проповедника. Этот же дар оказывал огромное влияние на людей, когда он стал миссионерским деятелем. Но для роли, которую Симпсону предстояло сыграть в международном миссионерском движении, нужны были и другие замечательные качества, на развитие которых потребовались годы.

Репутация блестящего проповедника принесла Симпсону приглашения в другие церкви, и, прослужив в церкви Нокса восемь лет, он принял одно из них - в большую церковь на Честнат-стрит в Луисвилле, штат Кентукки, где он стал получать внушительный оклад в 5000 долларов. Его служение оказалось успешным в плане примирения между собой прихожан этой городской церкви, все еще питающих скрытую враждебность друг к другу, оставшуюся со времен Гражданской войны. Но Симпсон оставался неудовлетворенным светским христианством, характерным для этого города. Он

чувствовал себя неуютно в обстановке почтенной респектабельности, которой были пропитаны его прихожане, и собственной тягой к самолюбованию и довольству, что проявлялось в угождении богатым и игнорировании простого люда. Сначала он испытал сильнейший духовный кризис, прежде чем понял, насколько его служение стало "бесплодным и блеклым" и что "вряд ли это его истинное служение". После "одиноким и печальной ночи... не зная, доживет ли он до утра в самом прямом смысле этого слова", он решился "впервые на полное посвящение своего сердца". После этого его церковь на Честнат-стрит стала центром победы Евангелия над сердцами в Луисвилле.

Однажды, прервав пасторское служение в Луисвилле, Симпсон поехал в Чикаго навестить друзей и там вновь испытал глубокое духовное переживание. В своем откровении он пишет:

"Время мира без Христа Духом Божьим возлегло на его плечи... Однажды ночью я проснулся, содрогаясь от торжественного и странного ощущения Божьей всемогущей силы, и моя душа горела воспоминанием странного сна, от которого я в тот момент отошел. Мне казалось, что я сижу в огромной аудитории, а вокруг меня находятся миллионы людей. Казалось, там собрались все христиане мира, представляя великое разнообразие лиц и одежд. В основном это были китайцы. Они не говорили, но в немой муке ломали руки, а на лицах их было выражение, которого мне никогда не забыть. Я не думал и не говорил о китайцах или о языческом мире, но когда я проснулся, меня потряс Дух Святой, и я бросился на колени, и каждой клеткой своего существа я ответил: "Да, Господь, я пойду"."

После такого откровения Симпсон "в течение нескольких месяцев пытался найти открытую дверь, но путь был закрыт". Величайшим препятствием оказалась его семья - жена Маргарет и шестеро детей. "Миссионерское видение, - как говорил об этом А. Томпсон (A. E. Thompson), - еще не посетило миссис Симпсон. Она могла бы покинуть любимую Канаду по призыву солнечного и южного народа. Но Китай! Ее практичная натура, ее материнский инстинкт и, возможно, женские амбиции относительно своего преуспевающего мужа - все говорили нет". Она была довольна комфортным образом жизни, которую обеспечивала ей церковь на Честнат-стрит и совсем не стремилась отступить от этого комфорта: "Тогда я не была готова на такую жертву. Я писала ему, что мне и здесь хорошо, а сам он может ехать в Китай - я же останусь дома и буду воспитывать детей и заботиться о них. Я знала, что это удовлетворит его лишь на некоторое время".

Симпсон не был Ливингстоном, он просто не мог оставить жену и шестерых детей, но время шло, и Бог "показал ему", что "ему должно трудиться для мира и падших язычников точно так, словно" ему "позволено жить среди них". Но Луисвилл оказался не тем местом, где возможно было организовать деятельность по всемирной проповеди Евангелия, поэтому в 1879 г. он принял предложение из церкви в Нью-Йорке, и именно там началось его служение мирового масштаба.

Симпсон вскоре обнаружил, что церковь на Тринадцатой улице, где он служил, не разделяла его взглядов относительно заблудших душ. Она также не соглашалась с его пониманием Божественного исцеления, которое он осознал, сам пройдя через подобный опыт.

Поэтому всего лишь через два года служения в этой церкви он объявил об уходе, что в глазах очень многих расценивалось как чистейшее безрассудство. Не имея какого-либо постоянного дохода, он начал новое служение. Нью-Йорк стал полем его миссионерской деятельности, и оттуда он мог охватить самый отдаленный край земли - и в то же время сохранить целостность своей семьи.

Это был смелый шаг, который привел в изумление не только церковь и его коллег, но и жену Маргарет. Тозер Э. У. (A. W. Tozer) остроумно описывает ее чувства:

"Жена пророка идет нелегким путем. Она не всегда видит то, что видит ее муж, хотя, как жена, она должна сопровождать его, куда бы ни привело его откровение. Поэтому она вынуждена идти с ним по вере долгое время - причем по вере в своего мужа. Миссис Симпсон очень старалась понять своего преданного, но непрактичного мужа, и если она иногда теряла терпение, ее нельзя слишком строго судить. От богатства и высокого общественного положения ее вдруг призвали к бедности и положению, почти соотносимому со статусом изгоев общества. Она должна была как-то кормить свою большую семью - но доходов не было никаких. Оклада не было, от пасторства муж отказался... Мистер Симпсон слышал Голос, приказывавший ему идти, и он пошел без

страха. Его жена ничего не слышала, но в любом случае тоже должна была идти. То, что ей иногда не хватало сочувствия, многими ставится ей в упрек. То, что ей удавалось держаться рядом со своим рассеянным, парящим высоко в мечтах и видящим дальние цели мужем, должно ставиться ей в вечную заслугу. Очень нелегко жить с таким мужем, каковым был А. Б. Симпсон".

Разместив в газете рекламное объявление, Симпсон положил начало своему движению. Его первая встреча проходила воскресным вечером и была предназначена для более широкой публики, чем его бывшие прихожане, которых он специально просил не приходить. Он не хотел, чтобы его обвинили в расколе церкви. На собрание пришло большое количество народу, но после собрания остались только семь человек, чтобы полностью отдаться новому служению. Эти семеро вместе с Симпсоном составили ядро, и благодаря их усердному труду толпы народа вскоре стали заполнять арендованный зал, в котором проводились собрания. Последующие восемь лет группа переезжала с места на место, пока строилось специальное здание, Скиния Евангелия.

Основной целью Симпсона было создание органа верующих, полностью посвятивших себя международному благовествованию, но он не довольствовался ограничением этого движения рамками Нью-Йорка. Чтобы расширить сферу действия призыва, он организовал выпуск иллюстрированного миссионерского журнала "Евангелие по всей земле" ("The Gospel in All Lands") и начал организацию съездов по городам Северной Америки. В 1887 г. был учрежден Христианский союз, поставивший своей целью свести воедино всех верующих, настроенных на миссионерское служение, в одну организацию. Продолжением этой работы стало возникновение нового миссионерского общества, Евангельского миссионерского союза. Десять лет эти организации существовали отдельно друг от друга, а в 1897 г. объединились в единый Христианско-миссионерский союз. Тем временем Симпсон открыл школу по подготовке миссионеров в Нью-Йорке и обретал славу одного из выдающихся миссионерских деятелей Америки.

В воззваниях Симпсона о помощи миссионерскому движению звучали не только призывы спасать души от угрозы преисподней, но и просьба способствовать скорейшему пришествию Христа на землю. Ключевым текстом Симпсон считал Евангелие от Матфея 24:14: "И проповедано будет сие Евангелие Царствия по всей вселенной, во свидетельство всем народам; и тогда придет конец". Именно этот вселенский прорыв сделал Христианско-миссионерский союз уникальным среди независимых миссионерских обществ. Многие миссии концентрировали свои усилия на одной определенной территории или же выбирали два-три поля деятельности, а Христианско-миссионерский союз рассылал своих членов по всему миру. За пять лет в его ряды вошло сто пятьдесят миссионеров, работавших в пятнадцати различных точках земли.

Цифры выглядят впечатляющими, но они не рассказывают о периодах серьезных испытаний, через которые прошла организация в первые годы своей деятельности. Первыми за границу отправились пятеро молодых людей - в Конго в 1884 г., за три года до того, как было официально объявлено о работе миссии, и всего через несколько месяцев после их прибытия Джон Кондит (John Condit), руководитель этой группы, умер. И в Конго, и в Судане первые попытки проповедовать Евангелие стоили многих жизней. "Потери, - по словам Томпсона, - достигали такой цифры, что в течение многих лет миссионерские могилы в обеих странах превосходили число живых миссионеров, служивших там". Первые годы работы в Китае также были запятнаны кровью мучеников. Восстание боксеров в 1900 г. унесло жизни тридцати пяти миссионеров Союза и их детей.

Но работа продолжалась, и ко времени смерти Симпсона в 1919 г. миссия твердо обосновалась на каждом континенте. К 1919 г. также постоянно действовала школа по подготовке миссионеров в Нью-Йорке, штат Нью-Йорк. Его достижения в области христианского образования стали известны далеко за пределами коридоров одного института. Его концепция подготовки миссионеров дала толчок организации Библейских институтов, которые распространились по всей Северной Америке и стали главным источником свежих молодых сил для независимых миссионерских обществ веры в последующие десятилетия.

А. Б. Симпсон взял на себя всеобъемлющее бремя заботы о заблудших душах, что кратко выразил в одном из своих грустных гимнов:

И день за днем сто тысяч душ
Уходят друг за другом.

Во тьму без дна, где нет Христа,
Где нет луча надежды,
Где вечность словно ночь черна,
Ушли в погибель души.

Такой груз заботы о заблудших был тяжкой ношей для одного человека, и порой Симпсон, казалось, сгибался под этой тяжестью. Вскоре после своего переезда в Нью-Йорк он окунулся "в топкую трясину такого глубокого уныния... что работать было невозможно". "Я слонялся без дела, - вспоминал он позднее, - в тяжелой депрессии. Все в жизни казалось черным и бессмысленным". Он выздоровел, но с тех пор был подвержен периодам депрессии. Перед смертью на какое-то время "он вошел в полосу духовной тени", по словам Э. У. Тозера, "и чувствовал, что лицо Господне скрылось от него..."

Многим друзьям и коллегам его приступы отчаяния были непонятны.

Как мог духовный гигант вроде Сим-пеона испытывать такую глубокую депрессию? Анализ Тозера поражает своей остротой: "Для Богом опьяненных людей, мечтателей и мистиков Царствия небесного характерно то, что размах и полет их мысли несравненно больше, чем у других людей. Их способность взмывать до немыслимых высот духовного совершенства сравнима только с их печальной силой низвержения, поразительной подавленностью, когда они сидят у реки Shebar или пугают ночных сторожей одинокой печалью". Такие взлеты и падения стали частью земного странствия Симпсона, и если иногда казалось, что он утратил чувство направления в своем нисхождении в долину смертной тени, то в периоды своих взлетов он ощущал и претворял в жизнь понимание сущности вселенского благовестия.

Роланд Бингем и Суданская внутренняя миссия

Неудачи, смерть и отчаяние омрачили начало деятельности Суданской внутренней миссии. Идеалистические мечты нескольких неопытных миссионеров проникнуть в то, что называлось Суданом, казались поначалу безнадежной затеей. Это была обширная запретная зона к югу от Сахары, разделенная на несколько национальных округов. И все же благодаря настойчивости одного человека, Роланда Бингема, СВМ стала одной из самых динамичных миссионерских организаций в Африке за всю историю христианской церкви. Сегодня это одно из самых крупных миссионерских обществ в мире с армией миссионеров, временами доходящей чуть ли не до полутора тысяч человек.

История СВМ началась не с Роланда Бингема. Первым, чьи мечты привели к созданию СВМ, был молодой канадец шотландского происхождения, Уолтер Гоуанс (Walter Gowans). Изучив потребности различных стран в миссионерской помощи, он пришел к убеждению, что Судан со своим почти шестидесятимиллионным населением без единого христианского миссионера является той страной, где Бог хотел бы его видеть. Но с самого начала Гоуанс столкнулся с нехваткой финансов и моральной поддержки. Ни одно из миссионерских обществ в Северной Америке не хотело рисковать людьми, отсылая их в кишаций болезнями Судан. Но Гоуанса не так легко было остановить. Он покинул родной Торонто и отплыл в Англию, надеясь найти там материальную поддержку.

Тем временем самая верная союзница Гоуанса, его мать, нашла ему товарищей, готовых к нему присоединиться. Тот факт, что свою дочь она уже отправила в Китай, не уменьшил ее стремления отослать на миссионерское служение и сына. Она была пылкой энтузиасткой миссионерского движения, как заметил Бингем, разговаривая с ней в ее гостиной. Она пригласила его к себе домой, после того как послушала Бингема на собрании. Убежденная в том, что он станет идеальным спутником ее сыну, она горячо представила молодому человеку нужду Судана в благовестии. Она была женщиной, умеющей убеждать, и "на следующее утро", пишет Бингем, "когда я позвонил миссис Гоуанс, я объявил ей, что буду готов отплыть через две недели с тем, чтобы работать рядом с ее сыном. Обрадовалась ли она? Она сама была "Советом" и приняла меня немедленно".

Бингем родился в 1872 г. в Сассексе, Англия, где провел беззаботное детство, пока на семью не обрушились материальные трудности после смерти его отца. В возрасте тринадцати лет

он начал работать полный рабочий день, а три года спустя эмигрировал в Канаду, чтобы вкушать возможности Нового Света. Он был обращен в Англии через проповедь представителей Армии спасения. Вскоре после прибытия в Канаду "Бог дал мне понять", пишет Бингем, "что Он хотел, чтобы я проповедовал Евангелие, и, следуя Его водительству, я вступил офицером в Армию спасения". В этой должности он впервые познакомился с миссис Гоуанс.

Посвятив себя новому миссионерскому делу, Бингем отправился в Нью-Йорк, где познакомился с Томасом Кентом, "собратом по колледжу" Уолтера Гоуанса и убедил его присоединиться к ним. Они отплыли вместе весной 1893 г., чтобы присоединиться к Гоуансу и начать свое путешествие с западного побережья вглубь Африки. Прибыв в Лагос, тройка молодых людей быстро поняла, почему другие миссии так категорически отказывались от засылки миссионеров в Судан. Им сказали, что шансы на выживание в тех условиях равны нулю. От главы Методистской миссии в Западной Африке они получили грозное предупреждение: "Молодые люди, вы никогда не увидите Судан; ваши дети никогда не увидят Судан; может быть, его увидят ваши внуки". Миссионеры из других обществ также предсказывали мрачный исход, но тот факт, что никто из миссионеров не проповедовал Евангелия в Судане, и являлся основной причиной их приезда, и они не собирались поворачивать обратно. Но их надежды работать в одной команде рассыпались, когда Бингем заболел малярией. Решено было оставить его на побережье, основав там базу снабжения.

Менее чем через год после того, как они отправились в свое путешествие вглубь страны за восемьсот миль, и Гоуанса, и Кента все пессимисты считали уже мертвыми. Когда Кент уехал за припасами, Гоуанс, ослабленный дизентерией, был схвачен работником, царьком местного племени, и умер через несколько недель после своего освобождения, когда африканцы несли его к побережью. Возвращаясь, заразился малярией Кент. Бингем выходил его, но Томас умер во время другого приступа малярии на обратном пути, когда вышел встречать Гоуанса.

Когда известие об их смерти с разницей в три недели достигло Бингема, он был в отчаянии. Он вернулся в Англию, сомневаясь в своем будущем и в своей вере: "Моя вера была потрясена до самого основания... Почему случилось так, что эти люди, так страстно желавшие исполнить Господне поручение и донести Его слово миллионам людей, томящимся во тьме, были лишены с самого начала возможности исполнить то, что задумали? Передо мной встало множество вопросов... Была ли Библия просто эволюцией человеческой мысли, даже, может быть, необъективной мысли, или же Божественным откровением? Несколько месяцев я мучился над этой великой проблемой, пока, наконец, не пришел к твердому убеждению".

Бингем вернулся в Канаду с обновленной верой, полной решимости продолжать свою миссию в Судане. Осознавая недостатки, мешающие выполнению этой работы, он прошел основной медицинский курс в Кливлендской больнице, а затем, осенью 1895 г., записался в Библейскую школу А. Б. Симпсона в Нью-Йорке, в которой учились ранее Кент и Гоуанс. Во время обучения в школе он был призван на пасторское служение в маленькую церковь, но мысль о Судане не покидали его. Он знал, что никогда не обретет мира, пока не вернется в Африку, чтобы исполнить мечту Гоуанса. Но для ее осуществления, и он был убежден в этом, требовалась организация, и поэтому в мае 1898 г. возникла новая официальная Суданская внутренняя миссия. В том же месяце Бингем женился на Хелен Блэр (Blair), дочери человека, которому был обязан многим: "Всего за пять лет до этого, когда ее отец снял все деньги со своего счета в банке, чтобы отправить меня в Африку, он мало думал о том, что я когда-то вернусь и попрошу его дочь разделить со мной тяготы моей работы. Учитывая то, что наша первая попытка ни к чему, кроме двух могил, не привела, он нашел свой первый подарок менее ценным, чем второй".

К 1900 г., через семь лет после первой неудачи, Бингем и два молодых добровольца были готовы к новой попытке покорения Судана. На этот раз Бингем нашел, что "миссионеры в Лагосе еще менее симпатизировали" его планам и "они не колеблясь высказали все свои соображения двум молодым людям", которых он привез с собой. Далее последовали еще более обескураживающие события, когда Бингем серьезно заболел малярией и ему приказали отправиться домой. Хотя его молодые коллеги обещали начать работу без него, они совсем утратили смелость, услышав страшные предсказания, и решили уехать следующим же пароходом".

И опять Бингем тонул в пучине отчаяния: "Мне было бы легче, может быть, если бы я умер в Африке, потому что на обратном пути я испытал другую смерть. Все, казалось, обречено на провал, и пока я восстанавливал силы в Британии, меня настигло сообщение, переданное по телеграфу, что оба моих товарища также вскоре приезжают, и вот тогда настал тяжелейший период во всей моей жизни". И все же Бингем решил не сдаваться. Он вернулся в Канаду, встретился с Советом, нашел еще четырех добровольцев, чтобы организовать третью попытку работать в Судане.

Третья попытка 1901 г. стала удачной, в результате чего возникла первая база СВМ в Африке, расположенная в Патиги, в пятистах милях от реки Нигер. Но каждый шаг вперед стоил невероятного напряжения всех человеческих сил, и через два года из четырех миссионеров остался лишь один. Один умер, а двоих пришлось отправить домой фактически инвалидами, и они больше уже не возвратились. И хотя СВМ "сначала висела на волоске", имея всего лишь несколько обращенных, пришедших к Христу за первые десять лет в Патиги, миссия постепенно набирала силу, образовав новые базы и твердо укрепившись на пустынной территории.

Одним из факторов, повлиявших на укрепление позиций СВМ в Африке с началом века, стало эффективное использование хинина как средства против малярии. Умело используя это лекарство, миссионеры уже могли не бояться этой ужасной болезни. Другим фактором, повлиявшим на закрепление миссии в Судане, была молитва. Миссис Гоуанс, по словам Бингема, оказалась "одной из величайших помощниц, действовавших посредством молитвы, благословляя и укрепляя" СВМ. "Своими молитвами и верой она вела нас от первых семи бесплодных лет к годам обильного урожая".

Оставив позади страх перед малярией, миссионеры столкнулись с другими препятствиями, бывшими в какой-то степени не менее устрашающими.

"Здесь постоянно происходит невидимая война, - писал Бингем, - которую приходится вести против сил тьмы... На Западе модно относить веру в демонов и дьявола к области мифологии, и если об этом говорится, то лишь в шутку или насмешку. Но когда дело касается подобного вопроса в Западной Африке или других миссиях, то эта проблема перестает быть шуткой. Нужно пройти в джунгли Нигерии, Судана или Эфиопии и посетить несколько африканских деревень, чтобы убедиться в существовании дьяволов и демонов. Они повсюду вокруг вас, и скоро, очень скоро вы начинаете разделять верования язычников относительно реальности этих злых сил, конечно же, как христианин, не разделяя их страхов и не совершая напрасных жертвоприношений, чтобы умилостивить их. Фетиши, люди, одержимые дьяволом, жу-жу, оборотни, колдуны, чародеи, использование яда - все это процветало бесконтрольно в первые годы существования миссии..."

Миссионеры часто рассказывали "странные и мрачные истории" о своих "встречах с этими дурными силами зла..." Один миссионер поведал о том, как он вошел в деревню, где происходил сатанинский ритуал: "Знахарь-колдун... с маской на лице... жестикулировал, изгибался и кружился, а толпа визжала и ревела, создавая неопишутый шум". "Когда я протолкнулся в центр круга, - вспоминал далее миссионер, - к своему величайшему изумлению я увидел в воздухе неподвижное тело женщины. Ее ноги оторвались от земли на два фута и... с тела молодой женщины лился пот, как из источника, когда она приблизилась ко мне по воздуху без всякой видимой опоры под ногами".

Когда миссионеры начали вести борьбу с невидимыми силами тьмы и проповедовать Евангелие, они поняли, что не могут обходить стороной физические потребности окружающих людей. Проказа, в частности, была ужасной африканской болезнью, и вскоре СВМ стала активно участвовать в искоренении этого ужасного бедствия. В 1920-х гг. началась работа среди прокаженных, и к 1960-м миссия занималась лечением более тридцати тысяч прокаженных пациентов только в Нигерии. Многие африканцы, желавшие лечиться от болезни, были мусульманами, но "они сделали свой выбор в пользу Христа, несмотря на прежнее исповедание мусульманской веры и угрозы со стороны родителей".

По мере роста и распространения СВМ в Африке стали проявляться нужды в благовестии в Эфиопии. Церковь, основанная там миссионерами СВМ, явилась высшим достижением жертвенной жизни Бингема, посвященной служению Африке. В 1928 г. доктор Томас Ламби (Thomas Lambie) открыл южные провинции Эфиопии. Он вскоре осел в провинции Валламо, где практиковал медицину и проводил проповедническую

работу. К нему присоединились и другие миссионеры СВМ, и несколько лет они трудились, имея небольшие результаты. В 1935 г., когда против Эфиопии двинулась итальянская армия, ситуация стала угрожающей. Американское и Британское посольства посоветовали всем своим гражданам немедленно покинуть страну, но миссионеры СВМ остались - с благословения своего генерального директора, Роланда Бингема. "Вы находитесь под более высоким покровительством, нежели король Англии или президент Соединенных Штатов. Получите от Него инструкции и помните, что мы - с вами".

В это время в Валламо было всего лишь семнадцать крещеных верующих, и миссионеры понимали, что дни их работы сочтены. "Поскольку мы знали, что времени у нас осталось мало, - писал один из миссионеров, - мы делали все, что могли, обучая христиан и неся им Благою весть... Было небезопасно покидать территорию миссионерского поселка, но важность задачи и нехватка времени, оставшегося для обучения молодых христиан, давали право пренебрегать опасностью".

Несмотря на военные действия и ежедневную опасность для жизни, оставшиеся девятнадцать миссионеров и семь их детей были насильно отправлены назад только весной 1937 г., что дало им почти два года "дополнительного" времени, чтобы построить маленькую церковь в Валламо. Но даже к 1937 г. количество верующих оставалось маленьким - только сорок восемь человек, - и миссионеры уезжали с чувством глубокой печали и сомнений: "Когда мы последний раз повернули за гору и увидели на расстоянии волны их рук, поднятых в знак прощания, мы подумали о том, что произойдет с маленьким мерцающим пламенем евангельского света, зажженным среди глубокой тьмы. Смогут ли эти молодые христиане, не имеющие Слова Божьего на своем языке, кроме Евангелия от Марка и нескольких маленьких брошюр избранных отрывков из Писаний для водительства и изучения, устоять перед преследованиями, которые неминуемо их коснутся".

И преследования нагрянули - жестокие преследования, которые очистили церковь и расширили свидетельство христиан так, как было в первых христианских церквях. "В одном случае, - рассказывает Раймонд Дейвис, - было арестовано и посажено в тюрьму 50 руководителей, когда итальянцы осознали, что их усилия стереть с лица земли церковь лишь укрепляли ее силу и умножали количество членов. Каждый из руководителей получил по сто ударов плетью, а один - четыреста. Они не могли лежать на спине в течение нескольких месяцев, а трое из них умерли". Но, несмотря на свирепые преследования, церковь быстро росла. Почему? "Братская любовь, которую проявляли друг к другу христиане во времена жестоких преследований, оказывала величайшее воздействие на неверующих... Такого рода естественное, живое, молчаливое свидетельство приводило многих к Господу. Слово любви, о котором прежде не знали и не слышали, распространялось быстро и далеко".

К 1941 г. война в Эфиопии закончилась, и на следующий год первым миссионерам разрешили вернуться - только при условии подчинения Британскому правительству. То, что миссионеры обнаружили по прибытии, было воистину чудом! Вместо сорока восьми христиан, которых они оставили пять лет назад, их встретили десять тысяч, а вместо одной едва оперившейся церкви появилось почти сто приходов, рассыпанных по всей провинции. Это была величайшая волна христианского благовестия в африканской истории, которая совершенно потрясла шестидесятидевятилетнего Роланда Бингема, вспомнившего болезненные потери первых лет в Африке. Он только что закончил книгу, в которой описывал все пятьдесят лет СВМ в Африке, "Семь седмиц" ("Seven Sevens"). Среди всего этого волнения Бингем решил поехать в Эфиопию, но, не успев покинуть Канаду, он внезапно умер от сердечного приступа в декабре 1942 г.

За годы после смерти Бингема СВМ засвидетельствовала огромные достижения в Африке, но и столкнулась с периодами неудач. Когда в 1955 г. была провозглашена независимость Судана, миссионеры оказались в центре политических беспорядков, а когда вспыхнула гражданская война между южными племенами и северными арабами-мусульманами, их обвинили в оказании помощи южным повстанцам. Новое правительство национализировало миссионерские школы, а в 1964 г. правительство, контролируемое мусульманами, выслало всех миссионеров из южной части страны. Когда миссионеры покинули ее, жизнь суданских христиан стала еще хуже. Северное правительство вооружило одни южные племена, чтобы они воевали с другими южными племенами, стремясь использовать племенные разногласия и ослабить сопротивление

южан. Некоторые племена на юге были безжалостно разгромлены, более полумиллиона человек погибли в этой войне. Христиан подвергали мучениям, и по меньшей мере одна христианская деревня была уничтожена полностью.

К началу 1970-х, однако, политическая обстановка в Судане постепенно нормализовалась. Советских советников изгнали из страны, а миссионерам разрешили вернуться. Была основана маленькая Библейская школа, а между 1977 и 1982 гг. шло осуществление серьезной программы по здравоохранению. С налаживанием медицинской работы миссионерская армия уменьшалась в численности, но церкви продолжали расти с удивительной скоростью.

Тем временем в Эфиопии опять возникли политические беспорядки. На этот раз в дело вмешался Советский Союз, и в стране установилось коммунистическое правление. По мере роста давления на церковь и на миссионеров многие покинули страну. К 1978 г. численность миссионеров СВМ сократилась примерно до двенадцати процентов по сравнению с наивысшим уровнем, но количество церквей, связанных с СВМ, оставалось большим - 2500.

Конец 70-х - начало 80-х гг. было временем серьезных испытаний для христиан Эфиопии. Некоторые из них попали в тюрьмы, по приказу правительства закрывались сотни церковных зданий. Однако количество действующих церквей оставалось почти неизменным, и в 1982 г. церковь контролировала более шестидесяти библейских школ с числом студентов более трех тысяч. Эфиопская церковь продолжает готовить и поддерживать своих собственных миссионеров, и каждый месяц в стране приходят к Христу тысячи человек.

Питер Камерон Скотт и Африканская внутренняя миссия

Африканская внутренняя миссия, как и Суданская внутренняя миссия, едва выжила в условиях бурного детства. Ужасные климатические условия Африки собирали дань в виде жизней миссионеров. Какое-то время казалось, что мечта об исполнении откровения Иоганна Крапфа о том, чтобы установить цепь миссионерских баз через Африку с восточного побережья, превратилась в жуткий кошмар. Предприятие, начавшееся в 1895 г. такими радужными перспективами, через несколько лет едва дышало. И все же к 1901 г. ситуация стала меняться к лучшему, и АВМ уже стояла на пути превращения в одну из крупнейших миссий в Восточной Африке.

Африканская внутренняя миссия была основана Питером Камероном Скоттом (Peter Cameron Scott), молодым миссионером, прослужившим короткое время в Африке под началом Международного миссионерского союза (позже - ХМС), но вынужденным вернуться домой из-за повторявшихся приступов малярии. Скотт родился в Глазго, Шотландия, в 1867 г. Когда ему было тринадцать лет, семья эмигрировала в Америку и устроилась в Филадельфии, где Питер, одаренный вокалист, учился у итальянского маэстро. Хотя родители были против его оперной карьеры и настаивали на том, чтобы он овладел профессией печатника, соблазны сцены были велики. Но когда Скотт шел, привлеченный объявлением, чтобы попробовать стать певцом хора, на ступеньках оперного театра он принял самое серьезное решение, изменившее всю его жизнь. Будет ли он стремиться к жизни самодовольной славы и аплодисментов в мире развлечений и сиянии огней рампы или посвятит свою жизнь служению Богу, несмотря на трудности, может быть, бедность и бесславие? То был критический момент в судьбе молодого человека, но решение стало окончательным. Он избрал путь служения Богу.

Определив цель в жизни, Скотт поступил в колледж, основанный А. Б. Симпсоном и дававший образование будущим миссионерам, чтобы подготовиться к служению в Африке. В ноябре 1890 г., в возрасте двадцати трех лет, он был рукоположен Симпсоном, а на следующий день отплыл на западное побережье Африки, желая присоединиться к работе Международного миссионерского союза. Через несколько месяцев после его приезда к нему приехал его брат Джон, но радостная встреча вскоре обернулась трагедией. Джон не сумел выстоять под натиском африканского климата, и еще один миссионер лег в землю на "кладбище белого человека". Питер соорудил грубый гроб и сам вырыл могилу. Не было перезвона церковных колоколов, не было цветов и хвалебных речей, но, стоя у могилы, Питер "пережил еще один кризис" и вновь повторил свой обет: посвятить себя проповеди Евангелия в Африке.

Этот торжественный момент, должно быть, представлялся Скотту фарсом, когда, несколько месяцев спустя, он вернулся в Англию с пошатнувшимся здоровьем. Как же он сможет выполнить обещание, данное Богу? Ему необходим был свежий источник вдохновения, и он нашел его у могильной плиты в Вестминстерском аббатстве, где покоились останки человека, вдохновившего многих и многих на миссионерское служение в Африке. Дух Дейвида Ливингстона, казалось, подтолкнул Скотта вперед, и он упал на колени в благоговении и прочитал надпись: "Есть у Меня и другие овцы, которые не сего двора, и тех надлежит Мне привести" (Ин. 10:16). Он вернется в Африку и положит свою жизнь, если будет нужно, ради того дела, для которого жил и умер этот великий человек.

Из Англии Скотт приехал в Америку и там встретился с подобными ему людьми, чтобы разработать план проникновения в Африку с востока, двигаясь по прибрежной полосе, где работали англикане, и далее, к "недостижимым племенам в глубинке". Среди тех, кто участвовал в первых заседаниях по планированию, были А. Т. Пиерсон и Ч. Е. Хелберт (A. T. Pierson, C. E. Hurlburt), люди, сыгравшие важную роль в работе АВМ в последующие годы. Библейский институт в Пенсильвании стал штабом новой миссии и сценой прощания в августе 1895 г., когда Скотт и семь других миссионеров, включая его сестру Маргарет, были официально призваны к служению в Африке.

В октябре миссионерская группа прибыла в Занзибар, а оттуда они отправились вглубь страны, чтобы основать первую из нескольких миссионерских баз в Кении. Несколько месяцев после основания первой миссионерской станции Скотт искал места для новых миссий, чтобы миссионеры могли рассредоточиться и эффективнее вести работу. Другие добровольцы, включая родителей Скотта и младшую сестру, Айну, находились на пути в Африку, и Скотт был настроен оптимистически.

В 1896 г. Скотт представил свой первый годовой отчет в АВМ, с энтузиазмом перечисляя значительные достижения, происшедшие всего за один год. Были открыты четыре станции, построены дома, запущены образовательные и медицинские программы, значительный прогресс произошел в изучении языка. Скотт явно наслаждался работой и, в отличие от множества миссионеров-коллег своего времени, высоко ценил местных людей и их культуру; а их облачение или его отсутствие, казалось, совсем его не беспокоило: "Люди (подавляющее большинство) ходят голыми, на них нет ничего, кроме медной проволоки, которой обвязаны их шеи, руки, запястья и ноги. Они также делают очень тонкие цепочки из тонкой медной проволоки и большие гроздья носят в ушах. В основном они хорошо сложены, высокие, худощавые, но мускулистые. Как правило, у них резкие черты лица, высокий лоб и достаточно умный вид... Женщины не носят такого количества меди, но качество бус, которые надевают некоторые из них на талию и на шею, действительно поразительное".

Едва был издан отчет Скотта, как пришло известие о его болезни. Жестокий африканский климат еще раз положил этого человека на лопатки, а его лихорадочный график путешествия пешком - иногда по 2600 миль в год - только усугубил ситуацию. Мать терпеливо ухаживала за ним, но безрезультатно. Он умер в декабре 1896 г., чуть больше чем через год после того, как он и его миссия твердо обосновались на земле Африки.

Скотт питал АВМ своей энергией, и с его смертью, вспоминает Кеннет Ричардсон (Kenneth Richardson), "молодая миссия стала тонуть... Один за другим ушли вслед за ним несколько ценных работников. Некоторым пришлось сдаться по причине болезней. Но остальные, включая членов семьи Скотта, решили служить в Африке в других ролях". К лету 1899 г. единственным миссионером, не ушедшим с поля боя, был Уильям Гангерт (William Gangert), одиночный символ того, что АВМ еще ведет работу в Африке. К нему вскоре присоединились два миссионера, и процесс восстановления АВМ начался. Затем, в 1901 г., Хелберт, назначенный генеральным директором миссии, забрав жену и пятерых детей (все они впоследствии стали миссионерами АВМ), переехал в Африку, где получил возможность не только контролировать работу других, но и действовать самому.

К 1909 г. АВМ расширила горизонты своей работы до Танзании, а в последующие годы северо-восточные районы Конго также открылись для проповеди Евангелия - но не без мощной политической поддержки. В 1908 г., когда Хелберт был в отпуске в Соединенных Штатах, его пригласили в Белый дом на встречу с президентом Теодором Рузвельтом, желавшим получить совет относительно сафари, ради которого президент

собирался поехать в Восточную Африку. Когда на следующий год президент посетил Африку, он возобновил свое знакомство с Хел-бертом и положил основание для Восточно-Африканской академии, предложив свою помощь миссии, если она потребуется. Хелберт запомнил это обещание, и в 1910 г., когда столкнулся с противодействием бельгийских властей, запретивших въезд АВМ в Конго, он обратился к бывшему президенту за помощью. Верный своему слову, Рузвельт связался с бельгийским правительством, и разрешение на въезд АВМ выдали. Такое вмешательство бывшего президента дало повод местным властям прийти к выводу, что Рузвельт лично заинтересован в этой миссии, поэтому первый состав миссионерской команды получил неожиданно королевский прием.

Концепция Хелберта об эффективной миссионерской стратегии включала не просто рост количества станций и расширение благовествования, но охватывала всю жизнь миссионера, в частности, его семейную жизнь. Он поразил многих тем, что привез пятерых своих детей в миссию - Хелберт был убежден в важности нормальной семейной жизни и не соглашался с тем утверждением, что нужно отправлять детей на родину для получения образования. Таким образом, Хелберт стал первооткрывателем школы для детей миссионеров, пансионата, расположенного в миссии. Восточно-Африканская академия была образована вскоре после его прибытия в Африку и с тех пор постоянно расширялась, чтобы удовлетворить потребности нескольких сот семейных миссионеров АВМ в Восточной Африке. Учебная программа академии предусматривала по три месяца занятий в школе с перерывом в один месяц дома, позволяя детям три раза в год возвращаться в свои семьи.

Хелберт был сильным и активным руководителем АВМ, человеком, который не боялся сталкиваться с противоречиями и проблемами. Он стал душой проходившей в 1913 г. в Кикуйе (Кения) конференции, где нашло свое выражение стремление к образованию федерации миссионеров Восточной Африки на основании строгой приверженности Писаниям и Апостольскому и Никейскому символам веры. "Казалось трагичным, - пишет Ричардсон, - что конфессиональные различия, ссорившие христиан на родине, могли быть такими же важными в Кении". Хотя предложение о единении вызвало враждебную реакцию (особенно со стороны некоторых англиканских руководителей, отрицавших законность причастия кого бы то ни было, кто не был рукоположен епископом), все же был сформирован свободный союз, который благоприятствовал сотрудничеству между миссионерскими обществами.

Существовали и другие противоречивые проблемы церковного единства, с которыми Хелберт старался справиться - в частности, вопрос о племенных обрядах африканцев. В 1920-е гг. практика женского обрезания создала в среде христиан кризисную обстановку, которая чуть не разрушила молодую кенийскую церковь. Это была бессмысленная практика, сопровождавшаяся племенными ритуалами, в которой участвовали девушки, подвергавшиеся обрезанию при достижении ими половой зрелости. Молодых девушек уводили в отдаленный лагерь в лесу, где женщинами старшего возраста производилась операция без соблюдения анестезии с использованием нестерильных грубых инструментов, что часто приводило к возникновению серьезных инфекций и осложнениям во время родов.

В африканских церквях эмоции накалились с обеих сторон, и казалось, эта проблема не только приведет к расколу внутри церкви, но и создаст гражданские разногласия. Тогда некоторые миссионеры стали искать компромиссное решение, предложив, чтобы девушки приходили в миссионерскую больницу, где врачи взяли бы за осуществление этой операции. Уже перегруженный персонал больницы, однако, категорически возражал против подобного опыта, и с ними соглашалось большинство миссионеров. Они решили держать твердую линию по данному вопросу, требуя, чтобы африканские церковные лидеры, которых поддерживала миссия, или строго осудили практику обрезания, или сняли с себя исполнение своих обязанностей. Только двенадцать из них отказались пойти на уступку, но этим кризис не закончился. За противостояние веками укоренившейся племенной практике африканские христиане подверглись гонениям, и самозванные обрезатели рыскали по деревням в поисках необрезанных девушек.

Затем произошло страшное, унижительное событие. "Это должно было случиться", - пишут Джеймс и Марти Хефли (James and Marti Hefley). "Пожилая и глухая миссионерка АВМ Хилда Стампф (Hilda Stumpf) была найдена задушенной. Вначале предполагали,

что ее убили воры. Затем выяснились настоящие факты. Она была жестоко изуродована способом, который ясно указывал на работу фанатиков по обрезанию". Это "жестокое убийство заставило некоторых рьяных поборников обрезания отступить. Но глубокий конфликт между африканцами и европейцами продолжал бушевать и закончился кровавым восстанием Мау-Мау в 50-х гг."

После восстания Мау-Мау лидеры АВМ поняли необходимость скорейшей передачи контроля над активной работой миссий в руки самих африканцев. Миссия контролировала собственную активность более десяти лет, но в 1971 г. она передала свою собственность Африканской внутренней церкви и подчинила ее национальному руководству и авторитету. АВМ продолжила в Африке евангелизационную деятельность, основанную Питером Камероном Скоттом в 1895 г., но сегодня ее миссионеры служат по приглашению и под контролем сильного африканского руководства, к созданию которого столько стараний приложили первые миссионеры Африки.

Ч. И. Скоуфилд и Центральная американская миссия

В то же десятилетие, когда Симпсон призывал миссионеров служить по всему миру, а Бингем и Скотт пытались проникнуть в Центральную Африку, другой американец, который впоследствии стал известным благодаря своему популярному изданию Библии, строил основание для свидетельства благовестия в Центральной Америке. Ч. Скоуфилд (C. I. Scofield) был не первым евангельским христианином, увидевшим нужды Центральной Америки, но когда в конце 1880-х его внимание привлекла эта часть мира, "во всех республиках Центральной Америки" "жил только один испано-язычный свидетель Евангелия", по словам историка ЦАМ. Американские миссионеры, прокладывая дороги по всему миру, чуть не забыли своих ближайших соседей. Скоуфилд основывал свою стратегию на том, что он считал главным миссионерским принципом в Деян. 1:8, и был убежден в правильности своей поправки: "в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии - и что Центральная Америка является ближайшим жаждущим благовестия полем для любого христианина в Соединенных Штатах или Канаде! Мы уже прошли мимо нашей Самарии!"

Ч. Скоуфилд родился в Мичигане в 1843 г., а вырос в Теннесси. Когда ему было около двадцати лет, началась Гражданская война и он вступил в армию конфедератов по убеждению, смело воевал в рядах армии Ли, заслужив конфедератский крест Славы за смелую службу. После войны он взялся за изучение юриспруденции. После того как его приняли в суд Канзаса, он служил в государственной юридической службе Канзаса, а затем стал министром юстиции Соединенных Штатов при президенте Гранте. Позже, в 1879 г., во время работы в Сан-Луисе Скоуфилда обратил в христианство один из его клиентов, который смело свидетельствовал ему. Для Скоуфилда обращение явило разительную перемену в жизни. Он начал интенсивное изучение Библии, а в 1883 г. был рукоположен в чин конгрегационалистского священника. Следующие тринадцать лет он служил пастором в Далласе и позже стал известным библейским ученым, основателем и президентом филадельфийского Библейского колледжа; но именно в годы своего пасторского служения в Далласе он осознал духовные нужды Центральной Америки.

Хадсон Тейлор, основатель Китайской внутренней миссии, был человеком, оказавшим сильнейшее влияние на миссионерскую активность Скоуфилда. В течение нескольких сезонов Скоуфилд посещал Библейские конференции в Ниагаре, Нью-Йорк, там он подружился с Тейлором, который поддержал его заинтересованность в организации зарубежных миссий. Летом 1888 г. он узнал о конкретных нуждах народа Коста-Рики, который был лишен религиозного просвещения, потому что в этой стране миссионеров истинной веры не было, кроме "отдельных распутных священников, превращавших служение в духовное посмешище для людей".

Когда Скоуфилд вернулся в Даллас, он созвал некоторых лидеров своей церкви, поделился с ними озабоченностью духовной нищетой Коста-Рики и организовал молитвенную кампанию за эту маленькую нацию, насчитывающую всего двести восемьдесят тысяч человек. Вскоре после этой встречи один из тех, кто присутствовал на ней, начал исследование других центрально-американских государств и обнаружил, что в них также, кроме Гватемалы, совершенно не было испаноязычных христианских миссионеров.

Получив такую информацию, Скоуфилд больше не мог бездействовать. Осенью 1890 г. он собрал церковных лидеров у себя дома, чтобы организовать Центральную американскую миссию, и за четыре месяца миссия уже нашла первого кандидата. Уильям Макконелл (William McConnell) отправился в Коста-Рику, куда вскоре приехала и его жена Минни с тремя их сыновьями.

Но за организацией ЦАМ стояло нечто большее, чем просто инициативный пастор, сочувствующая община и миссионерская пара, желавшая работать. Когда Макконелл приехал в Коста-Рику, он встретил двух благочестивых женщин, миссис Росс и миссис Ланг (Ross and Lang), жен владельцев кофейных плантаций. Они жили в англоязычной общине Сан-Хосе, активно работая в церкви, основанной шотландскими пресвитерианами. Эти две женщины, как и Скоуфилд, размышляли о духовных нуждах Коста-Рики и встречались, чтобы вместе помолиться за миссионеров. Проходили месяцы, они упали духом, испытывая искушение прекратить молитвенные собрания, но выстояли и были вознаграждены, когда в начале 1891 г. к ним приехал Макконелл. Годы позже Макконелл описывал этих женщин как "первых, кто сердечно приветствовал нас в стране и оказывал всяческую поддержку в нашей работе", прибавив, что они были "верными друзьями и помощницами во всем".

К 1894 г. в Коста-Рике работали уже семь миссионеров ЦАМ, а миссия искала новые точки приложения своих сил. Первые попытки расширить сферу деятельности зашли в тупик, когда два миссионера по дороге в Эль-Сальвадор погибли от желтой лихорадки. В 1895 г. Х. Диллон (H. C. Dillon) отправился исследовать перспективы дальнейшей работы в Центральной Америке и по возвращении писал: "Мне кажется странным, что такая огромная территория, лежащая прямо за нашим порогом, с таким количеством народов, совершенно была упущена из виду на протяжении целого столетия миссионерского движения... Там обитают многочисленные племена, до которых можно добраться в течение десяти дней из Нового Орлеана за 50 долларов. Кто поедет?" На следующий год ЦАМ открыла еще две новые станции, в Гондурасе и Эль-Сальвадоре, в 1899 г. была открыта Гватемала, а на следующий год - Никарагуа. Через десять лет в Центральной Америке работало двадцать пять миссионеров и, несмотря на неудачи, миссия продолжала расти, и сегодня в ней активно трудятся почти триста миссионеров, работающих в шести центрально-американских республиках и в Мексике.

Джо Морено и Миссия новых племен

Хотя Скоуфилда заботила Центральная Америка, в течение веков всю Латинскую Америку протестантские миссии обходили своим служением. К концу XIX в., однако, возросло всеобщее понимание необходимости задуматься над нуждами этой части мира. Книга Люси Гиннесс (Lucy Guinness) "Забытый континент" ("The Neglected Continent") подчеркнула "духовное пренебрежение Южной Америкой" и помогла пробудить у многих христиан ощущение личной ответственности за этот регион. Подсчитано, что к 1900 г. во всей Латинской Америке было всего пятьдесят тысяч евангельских христиан, а в последующие пятьдесят лет эта цифра увеличилась почти в сто раз и сегодня превышает двадцать миллионов. "Нигде, - писал Герберт Кейн, - число христиан в XX в. не росло так быстро".

Почему протестантские Советы пренебрегали Латинской Америкой, является загадкой Великого века христианских миссий. Р. Х. Гловер писал, что подобному "равнодушию и бездействию... нет удовлетворительных объяснений". Гарольд Кук, другой миссионер-историк, однако, привел некоторые причины такого равнодушия. Одним фактором являлось то, что "яростная оппозиция римских католиков сделала протестантские миссии в Латинской Америке непривлекательными, а может быть, и невозможными". Другой фактор, упомянутый Куком, - отсутствие у Латинской Америки того романтического ореола, который так привлекал к районам, подобным Востоку, Африке или островам южных морей. А некоторые лидеры протестантских миссионерских обществ "утверждали, что Латинская Америка считалась номинально христианской, поэтому протестантская активность в этом регионе не может рассматриваться строго как миссионерская в том смысле, в каком проходит в Индии, Китае или Африке". Это особенно касалось некоторых делегатов Эдинбургской миссионерской конференции 1910 г. Подобное мнение разделяли и некоторые руководители миссий веры, чьей

основной задачей являлось проникновение во внутренние области, где имени Христа никогда не слышали.

Но если определенные миссионерские общества имели сомнения о необходимости работы в Латинской Америке, то большинство миссионерских обществ основных деноминаций и новые миссии веры, особенно те, что возникли на заре века, о своем участии в проповеди Евангелия для этого района никогда не жалели. Они вошли на эту территорию, по словам Стефана Нейла, "со срочной задачей "обращения римских католиков"". Многие латиноамериканцы, в частности, индейцы, были лишь номинально католиками и не имели даже минимального назидания в католической вере.

Именно на этих местных народах, а их насчитывалось в западной части Южной Америки около десяти миллионов, сосредоточили свои усилия многие новые миссии. Южно-американская индейская миссия, Андская евангелическая миссия, Библейские переводчики Уиклифа и Миссия новых племен были основаны для того, чтобы служить этим примитивным народам, о которых Чарлз Дарвин сказал: "Человеку трудно заставить себя поверить в то, что они являются его братьями". Однако миссионерам не составило труда поверить в то, что они были братьями, более того, бесценными душами, за которых умер Христос.

И они жертвовали всем, чтобы принести этим людям надежду вечной жизни. Среди них было пять молодых миссионеров из Миссии новых племен, которые пропали в джунглях Боливии, и больше о них никогда не слышали.

Миссия новых племен была основана в 1942 г. миссионером Полом Флемингом (Paul Fleming), возвратившимся из Малайзии по болезни, которого вдохновил и поддержал в новом миссионерском устремлении Сесил Дай (Cecil Dye), молодой пастор из Мичигана. Они оба размышляли об отдаленных племенах, до которых никогда не доходила Благая весть, и после длительных обсуждений сформулировали основные принципы межконфессионального миссионерского общества, специально нацеленного на работу с "новыми племенами". К осени 1942 г. Сесил Дай был готов вести команду из шестнадцати человек (включавшую жену и троих детей) в неисследованные джунгли Боливии, тогда как Флеминг остался в Соединенных Штатах руководить офисом. В Боливийском посольстве в Вашингтоне они навели справки об индейских племенах Боливии, но куда они точно идут и на какое именно племя направят свои усилия, было неясно даже тогда, когда партия прибыла в Санта-Крус, Боливия, в канун Рождества 1942 г. Также не существовало никакой определенности в том, какова на это воля Божья, но рассказы о дикой свирепости племен, от которой волосы вставали дыбом, не могли охладить их пыл.

После обсуждения своих целей с боливийским доктором, большим специалистом в области спиртного, чем знатоком местности и джунглей, они предположили, что племя, известное как барбаро, и есть то самое племя, которое "использует короткие стрелы с таким смертельным ядом, что даже соседние племена... в ужасе от них". Те, кто слышал о планах миссионеров, также предупреждали их об опасности. "Они... нападают на любых цивилизованных людей, которые приходят к ним"; "их невозможно приручить"; "вы не вернетесь обратно живыми"; "они забивают свою жертву дубинками во время сна". Но решительная группа отказалась отступить. "Бог призвал их донести благовестие до этих так называемых "тяжелых племен" в первую очередь". "Конечно, идти к ним рискованно, - писал Джордж Хосбак (George Hosback), самый молодой член команды, - но разве Бог не заградил пасть львам Своими ангелами и не угасил силу огня Своим присутствием? И разве Он не такой, как вчера, и сегодня, и завтра?"

Скорость, с которой миссионеры начали поиск барбаро, или айори (племя, настоящее название которого они даже не знали в начале своих поисков), с тех пор представлялась спорной темой. То, что они "просто свернули с протоптанной тропы и убежали в дикие джунгли" (как предполагают некоторые критики), совершенно неверно; но в любом случае очевидно, что они действовали в чрезмерной спешке. Кроме Сесила Дая, который вырвался вперед с женщинами и детьми, миссионерская партия так и не достигла Роборе, базовой станции, до февраля 1943 г. Следующие несколько месяцев ушли на обустройство семей, выздоровление от малярии и изучение основ науки выживания в джунглях. Затем "вся деятельность замерла на две недели, посвященные особой молитве". К июню, "наконец-то", как написала жена одного из миссионеров, мужчины (хотя и не набравшие еще достаточно опыта) "были готовы двинуться вглубь джунглей".

Только вера, по общему признанию, помогала продвижению вперед. Хотя первые несколько недель их сопровождал боливец, знакомый с местностью, миссионеры были безоружны и не знали ни языка, ни обычаев людей, которых искали. Поскольку айори являлись кочевым племенем, миссионеры даже не имели точного представления о том, где они живут. Тем не менее они начали прорубать проход в джунглях, достаточно широкий для вьючных животных на территории, которая считалась незаселенной никакими племенами.

Летом и в начале осени мужчины по очереди возвращались на базовую станцию за припасами, а двух жен поселили в маленьком поселке в центре джунглей поблизости от того места, куда должны были выйти мужчины после первого этапа своих поисков. Оттуда Сесил Дай, его брат Боб и три их спутника планировали начать последний этап путешествия, который, как они надеялись, выведет их на встречу с барбаро. Отправиться решили 10 ноября. "Мы питаем сильную надежду, - писала Джин Дай, - что эти пятеро осуществят долгожданный контакт". Она не подозревала о сообщении, которое брат ее мужа, Сесил Дай, адресовал двум оставшимся мужчинам: "Если в течение месяца вы не получите от нас известий, можете выходить на поиски".

Не зная определенной даты возвращения мужей, жены миссионеров с тревогой ждали долгие дни и недели. Наконец прошел месяц, и маленькая поисковая партия, состоявшая из двух оставшихся мужчин-миссионеров и четырех боливийцев, отправилась в джунгли. Миновало Рождество, но от миссионеров не было никаких известий. Затем, в начале января, поисковая партия прислала женщинам неутешительную весточку. Пройдя по реке, поисковая партия обнаружила покинутый лагерь айори, а в нем мачете, носок, обломки фотоаппарата и другие вещи, принадлежавшие пятерке пропавших миссионеров. Хотя находки были важными, но они ничего не объясняли. Когда Уолли (Wally), одного из миссионеров, ранило стрелой врага, затаившегося в засаде, пришлось совсем прекратить поиски.

После возвращения первой поисковой партии отправилась в джунгли другая большая группа, состоявшая из боливийцев. Они быстро напали на след айори и нашли некоторые вещи, принадлежавшие пропавшим миссионерам, но не получили никаких сведений относительно их местонахождения. Вторая экспедиция была хорошо вооружена, и когда одинокий айори якобы угрожал им, один из миссионеров выстрелил и убил его. Жены были в отчаянии, услышав о трагедии, и обескуражены тем, что их мужья не найдены, но сдаваться не хотели. Несмотря на то что один из миссионеров первой поисковой команды писал, что "нет надежды", они цеплялись за мысль, что их мужья взяты в плен и однажды выйдут из джунглей.

В последующие годы время от времени появлялись слухи об этих миссионерах, а в 1946 г. сообщалось, что в отдаленной области Бразилии они вышли из джунглей. "Интересно, - писала Джин Дай, - как долго мы еще сможем выносить эти волны надежды, поднимающиеся только для того, чтобы вновь отступить". Жены пропавших миссионеров остались в Боливии. "Несмотря на то что наше положение было не из лучших, - писала Джин, - наши взгляды не изменились. Мы были настроены еще более решительно на то, чтобы завоевать эти души для Христа... Но как? Где? Когда? Что мы должны для этого делать?" Важные вопросы, но очень жаль, что их не решили задолго до того, как пропали миссионеры.

Ответы приходили медленно, по мере того как женщины и оставшиеся миссионеры знакомилась с местностью. Они узнали, что в Сан-Хосе жили пленные айори, работавшие слугами, поэтому Джин переехала туда, чтобы изучить их язык и познакомиться с их обычаями. В ее отсутствие Джо Морено начал поиск айори. Он был фермером средних лет, с образованием всего шесть классов, присоединившимся к первой группе Нового племени со своими тремя детьми после того, как от него ушла жена. Хотя Джо не считал себя миссионером, а только лишь неудачником, старающимся ради Сесила Дая, но именно его терпеливые усилия постепенно привели к мирным встречам с айори.

Джо быстро понял, что первые этапы миссионерской работы с примитивными индейскими племенами проходят медленно и трудно. Он издали следовал за племенем айори, изучая по следам направление, в котором они шли. От Джин он знал приветствие на языке айори и другие фразы и постоянно интересовался их обычаями, примечая, что такие вещи, как ножи, проволока и кусочки металла будут приняты ими как бесценный дар. Через некоторое время Джо научился хорошо ориентироваться в

джунглях и часто шел на хвосте у айори, хотя никогда не сталкивался с ними. Он начал оставлять для них подарки в покинутых ими лагерях. Наконец, более чем через три года после исчезновения его товарищей, появились признаки того, что терпеливые усилия Джо стали приносить свои плоды - "к своей большой радости он нашел две вещи, положенные айори в лагере точно на том же месте, где он оставлял для них подарки".

В августе 1947 г. произошла первая встреча с айори. Трудоемкая и терпеливая работа Джо, очевидно, убедила членов племени, что койноне (cojnone), цивилизованные люди, не хотели их убивать, как учил их предыдущий опыт; и утром 12 августа в лагере у железной дороги появилось несколько человек, явно демонстрирующих "желание подружиться". Немедленно послали за Джо, и он быстро пришел, чтобы принять участие в первой дружеской встрече между койноне и айори. "Первый раз в жизни, - писала Джин, - Джо не мог вымолвить ни слова. Всем сердцем он благодарил Бога за то, что это стало возможным. Он знал... что у него на глазах происходит чудо..." "Самым великим чудом из всех, - продолжала она, - было то, что барбаро сами сделали первый шаг в поисках дружеского контакта с койноне".

Самым замечательным в плане Джо являлось то, что айори могли сами определить время и место их первой дружественной встречи с койноне. Если существовала какая-то возможность контакта, то только на их собственных условиях, и он дал им эту привилегию. За первой встречей последовали другие, и менее чем через год айори стали настолько доверять койноне, что одна группа буквально поселилась в доме Джин Дай и ее коллеги, устроившись на полу. Чтобы разрешить проблему перенаселения, миссионеры перебрались в заброшенное ранчо целым единым племенем, а позже переселились в джунгли вместе с айори. В их жизни возникли серьезные проблемы безопасности и здоровья, но проповедь Евангелия они вели постоянно, и айори отвечали.

Когда миссионеры подружились с айори, они стали расспрашивать их о пропавших товарищах. Некоторые люди племени слышали рассказы о пяти койноне, убитых другим племенем айори, но их информация все же не была до конца точной. В 1949 г., через шесть лет после трагедии, человек из племени айори из того района, где пропали миссионеры, впервые дал свидетельские показания об убийстве пяти миссионеров. Шесть лет ожиданий оказались напрасными.

"Стоило ли идти на это?" Один айори и пять миссионеров. Этот вопрос часто задавали и по-разному отвечали на него. Жены и все оставшиеся миссионеры ответили положительно. Но уместен ли подобный вопрос? Может быть, нет слишком высокой цены за чудо обращения, имевшее место в племени айори. Дело не в цене, но в том, нужно ли было вообще платить. Требовалось ли жертвовать жизнью, чтобы войти в контакт с айори? Джо Морено с его шестиклассным

образованием ответил на этот вопрос личным неустанным устремлением. Он не совершал славных героических подвигов, но лишь терпеливо и упорно добивался цели. Но неужели эта жертва оказалась напрасной? Нет. Не напрасной. В январе 1944 г., когда новости о пропаже пяти миссионеров достигли Соединенных Штатов и когда общественность узнала об их гибели, фабричный рабочий из Лансинга в штате Мичиган прочитал об этом в вечерней газете и в тот же вечер посвятил себя миссионерскому делу, чтобы восполнить утрату. Его звали Брюс Портерфилд (Bruce Porterfield), и в последующие годы он успешно работал миссионером в Боливии как представитель Миссии новых племен и являлся автором книги "Воины Христа" ("Commandos for Christ") и других увлекательных книг о миссионерах. Многие, увлеченные готовностью пяти миссионеров рисковать собственной жизнью ради благовестил, тоже посвятили себя миссионерскому служению.

Но на новую миссию, казалось, свалились все напасти. После мученической смерти пяти миссионеров произошло еще несколько болезненных трагедий. В 1949 г. миссия разработала собственную авиационную программу, приобретя самолет DC-3. В следующем году этот самолет упал в Венесуэле, и все летевшие на этом самолете погибли. Купили второй самолет, и в первый же полет он попал в шторм над Гранд-Тетон в Вайоминге. Опять все погибли, включая Пола Флеминга, основателя миссии. На следующий год новости еще об одном несчастье достигли родины. Дейвид Ярвуд (David Yarwood), партнер Брюса Портерфилда, был убит во время попытки установить контакт с враждебным племенем индейцев. Затем,

всего лишь через полтора года, летом 1953-го, произошла трагедия в миссионерском лагере новичков, когда четырнадцать молодых многообещающих студентов погибли в борьбе с лесным пожаром. Но, несмотря на все трудности и беды, Миссия новых племен продолжала расти. К 1980 г. она оказывала финансовую поддержку более 1600 миссионерам, несущим Евангелие ста сорока племенам по всему миру.

Пит Флеминг и "Операция аука"

Трагедия, происшедшая в первые годы работы Миссии новых племен в Боливии, странным образом повторилась через десять лет в Эквадоре. То, что такое происшествие могло вновь произойти, лишь иллюстрирует, насколько воистину независимыми стали многие миссионеры веры XX столетия, и также показывает слабую степень сотрудничества между членами различных евангельских миссионерских обществ. "Операция аука", загубившая жизнь пятерых блестящих молодых людей, не разрабатывалась миссионерским обществом, и сомнительно, чтобы этот проект был одобрен кем-либо другим. Скорее, это был наспех придуманный план, изобретенный членами трех различных миссий явно без консультации с лидерами или старшими коллегами по миссии. Молодым людям казалось, что их ведет вера, и они полагались на прямое руководство Бога.

Однако это не говорит о том, что они не приняли во внимание информацию об индейцах и опыт других миссионеров. В действительности же, при планировании контакта с аука они обсудили в деталях трагедию Новых племен в Боливии в предыдущем десятилетии, отметив со всей серьезностью их ошибки и решив не попадать в те же ловушки.

Пятерых миссионеров, задействованных в "Операции аука", можно было назвать младшими миссионерами. Нейт Сейнт (Nate Saint), пилот, работавший в Миссионерском авиационном братстве, считался самым опытным, прослужив в Эквадоре семь лет. Другие служили лишь по два-три года каждый. Роджер Юдерман (Roger Youderian) являлся членом Евангельского миссионерского союза, а Джим Элиот, Пит Флеминг и Эд Маккулли (Jim Elliot, Pete Fleming, Ed McCully) работали от организации "Христианские миссии во всех странах", братства, которое обеспечивало финансовую помощь тысяче тремстам миссионерам, хотя утверждало, что оно "не является миссионерским советом... и никак не миссионерским обществом". ХМВС вдохновляло своих миссионеров "прямо полагаться на Господа в водительстве и работе", напоминая им, что они "не подотчетны никаким миссионерским Советам - а только Богу". Именно такая философия открыла дорогу проекту, подобному "Операции аука".

"Операция аука" родилась в джунглях Эквадора осенью 1955 г., имея целью наладить контакты с одним из самых враждебных индейских племен во всей Южной Америке для проповеди Евангелия. Многие века аука были героями историй, от которых волосы вставали дыбом. "Испанские конкистадоры, католические священники, охотники за резиной и нефтью - все становились мишенью для стрел аука. Десятки, а может быть, сотни из них были убиты. Никто из посторонних никогда не осмеливался жить на территории аука", - так говорил Дейв Купер (Dave Cooper), миссионер-ветеран в Эквадоре. Последняя страшная история

убийства относилась к 1943 г., когда восемь работников компании "Шелл" погибли от рук самого враждебного племени. Но именно эти рассказы и привлекли пятерых молодых миссионеров. Какая будет славная победа, если такое племя сумеет привести к Христу!

Пит Флеминг родился в 1928 г. в Сиэтле, штат Вашингтон. После обращения в подростковом возрасте он начал выделяться своей физической и научной подготовкой в школе, набирая очки в баскетболе и гольфе, получив почетную возможность сказать речь от имени выпускного класса. После школы он поступил в Вашингтонский университет, где получил степени и бакалавра, и магистра. Он собирался учиться дальше в теологической семинарии Фуллера, чтобы подготовиться к служению в роли преподавателя Библии, но затем встретил Джима Элиота. В 1949 г. Джим закончил колледж Уитона и готовился к миссионерскому служению в Эквадоре, и его мечта достичь южно-американских индейцев сильно повлияла на Пита. В 1952 г. они отправились вместе на служение в миссии.

В тот же год в Эквадор прибыл Эд Маккулли с женой Мэри-Лу. Эд, как и Джим, был выпускником Уитонского колледжа и звездой футбольной команды. Питомцем Уитонского колледжа являлся и Нейт Сейнт, который со своей женой Мардж служил в Эквадоре с 1948 г. Роджер Юдерман, парашютист, участвовавший во Второй мировой войне, и выпускник Северо-Западного колледжа в Миннеаполисе, считался самым новеньким из группы, приехав в миссию в 1953 г. с женой Барбарой и новорожденной дочерью. Хотя Роджер с энтузиазмом участвовал в "Операции аука", его предыдущий короткий опыт миссионера, работавшего среди охотников за головами, индейцев дживарос (jivagos), не был успешным, и он собирался сдаться и уехать домой. "Я не могу служить среди дживарос или испанцев, - записал он в своем дневнике, - я не собираюсь обманываться. Я не стал бы поддерживать такого миссионера, каковым являюсь сам, и я не хочу никого просить об этом. Три года - достаточно долгий срок, чтобы усвоить урок и усвоить хорошо... виноват я... Это мое личное Ватерлоо миссионера".

Но "Операция аука" изменила его настроение. Стремление участвовать в том, что им казалось одним из величайших миссионерских прорывов, влило новую струю в их работу. Для других, по словам Нейта Сейнта, "Операция аука" также представляла "возможность испытать приключения, такие же нереальные, как любой интересный роман", что стало желанной переменой на фоне рутинной миссионерской работы. Хотя Джима, Пита и Эда вождь Атанасио приглашал в свое племя кечуа учить его людей, именно страшные аука пленили воображение миссионеров.

Мечта обучать аука не выходила из умов миссионеров несколько лет. Как только Нейт приехал в Эквадор и услышал об этом, он начал мечтать о том, как однажды станет делиться с ними Благой вестью. Пита и Джима также глубоко увлекла эта мечта. В декабре 1953 г. Пит так писал в своем дневнике об озабоченности судьбами людей этого племени:

"Вчера вечером с Нейтом и Клиф-фом (гость из Соединенных Штатов) мы долго говорили о проблеме аука. Это серьезная и важная проблема; недружелюбное племя, убивающее и уничтожающее всех с такой ненавистью, что они даже калечат тела своих жертв. Тогда я отчетливо понял, что Бог ведет меня к тому, чтобы я что-то сделал для них... ибо я имею для этого качества, которых нет у других. Я все еще одинок. Я знаю язык кечуа и испанский, что поможет преодолеть языковой барьер, знаю жизнь в джунглях и твердо верю, что Бог может все. Я понимаю, что, возможно, это самое важное решение в моей жизни, но я совершенно уверен в его правильности. Как ни странно, я не считаю, что предстоящая женитьба помешает моей состоятельности в отношении этого служения. Я чувствую, что, если понадобится, Оливия скорее позволит мне умереть, прожив со мной, чем отложить наш брак на неопределенное время, ожидая чего-то непоправимого. Наша с ней жизнь теперь стала единым целым, и мне не кажется, что Бог захочет разлучить нас в нашем понимании воли Божьей".

Вскоре после принятия этого решения Пит испытал несколько серьезных приступов малярии и не смог осуществить намеченных планов. В Соединенных Штатах в Вашингтонском университете его невеста, Оливия, в это время молилась за успешную встречу с аука и занималась исследованиями Южной Америки на антропологическом курсе.

Первый успех пришел только лишь 19 сентября 1955 г.. Когда Нейт пролетал над территорией аука на своем одномоторном "Piper Cruiser", он впервые заметил деревню аука. В последующие недели начались регулярные визиты к соседям. В то время как Нейт следил за контрольными приборами, другой миссионер сбрасывал подарки (включая мачете, ножи, одежду и свои портреты) и выкрикивал дружеские приветствия на языке аука, которым их научила Даюма, женщина-аука, жившая вне племени. Однажды, пока они кружили над деревней, Нейт использовал веревку, чтобы опустить корзину с подарками, и несказанно обрадовался, когда, подняв ее, обнаружил, что она наполнена подарками от аука: в корзине находились живой попугай, земляные орехи и копченый хвост обезьяны. Такой ответ восприняли как искренний сигнал дружбы, и, по крайней мере у пяти миссионеров, желание отправиться в экспедицию усилилось.

Скорость, с которой миссионеры начали эту опасную работу, и та секретность, которой они окружили ее, в последующие годы стала самым противоречивым аспектом предпринятой ими попытки сближения с индейцами. "Вся работа, - писал Эд Маккулли Джиму Элиоту, - продвигается намного быстрее, чем мы вначале осмеливались

предположить..." Но зачем так торопиться? "Причина этой спешки, - писал Нейт, - в том, что братья чувствуют - настала пора двигаться". Предположительно, он говорил только о Джиме и Эде, потому что Пит был против поспешных действий - особенно до того, как они смогут изъясняться на языке получше. О Джиме, который "всегда торопился с принятием решений", было сказано, что он "закусил удила", тогда как Нейт старался предупредить внезапные порывы, добиваясь, чтобы каждый шаг "осмысливался" до того, как будет сделан следующий. Тем не менее всего через три месяца, после того как с самолета сбросили первый подарок, миссионеры высадились в центре территории аука.

Но если скорость считалась в их действиях важной, то обеспечение безопасности - тем более. Миссионеры разработали кодовую систему, позволявшую им сообщаться на коротких волнах без обнаружения своего местонахождения. Сами миссионеры обещали сохранить все в тайне. Никто, кроме их жен и Джонни Кинана (Johnny Keenan), пилота МАБ, который должен

был при необходимости обеспечить тыловую поддержку, не знал об этом. Нейт написал своим родным на родину, прося их молиться, намекнув, что стояло за этим, но прикрывая самые тонкие намеки такими фразами, как "не упоминайте", "СЕКРЕТНО", "не проговоритесь" и "никому не говорите".

Причиной строгой секретности, по словам Джеймса Хефли, явилось то, что "они боялись, что все всплывет наружу и орды журналистов, искателей приключений и просто любопытствующих сделают контакт невозможным". Но завеса таинственности распространилась на других, которым можно было доверять и кто мог бы оказать неоценимую помощь. Фрэнку Драуну (Drown), человеку с двенадцатилетним опытом работы среди эквадорских индейцев, не говорили о намеченных планах до тех пор, пока их окончательно не завершили.

Рейчел Сейнт (Rachel Saint), сестра Нейта, тоже не участвовала в разработке плана, хотя она много месяцев потратила на изучение языка аука с Даюмой, убежавшей из своего племени. Рейчел сама надеялась отправиться к ним с Благой вестью, но осознавала необходимость чрезвычайных предосторожностей. Даюма ее предупредила: "Никогда не доверяй им... Они погут показаться дружелюбными, но затем вдруг повернутся к тебе, чтобы убить". Может быть, эти предупреждения относились к разряду того, о чем миссионерам меньше всего хотелось думать? Может быть, они боялись, что Рейчел повлияет на их жен или помешает проекту каким-либо иным способом? Или же она сообщит об операции начальникам в Уиклифе, заставив отсрочить исполнение задуманного и вынудив власти вмешаться?

Конечно же, пять миссионеров осознавали опасность, но верили, что ради Бога никакой риск не может быть слишком большим. Лозунгом Джима было: "Не является глупцом тот, кто отдает то, чего не может сохранить, чтобы приобрести то, чего потерять не может"; и Джим торжественно поклялся, что "готов умереть ради спасения аука". Они все искали Божьего водительства и видели признаки того, что посчитали прямым Божьим вмешательством. Река Курарай, например, отступила от своих берегов, позволив самолету приземлиться на берегу, тогда как обычно берег затапливало водой. И все же, когда наступила пора приземлиться на территории аука, возникло большое смятение. Кроме свирепого нрава людей племени, существовали и другие серьезные препятствия, например, огромная трудность приземления и взлета самолета с короткого песчаного берега вдоль реки Курарай. Сможет ли Нейт со всем своим опытом совершить этот подвиг? Такая огромная ответственность не дала ему уснуть в ночь на 3 января 1956 г.

Будильник прозвенел во вторник, 3 января, в 6 часов, и пока молодые люди одевались, ими овладело нервное возбуждение. Оливия Флеминг, которая стала женой Пита всего полтора года назад, провела тяжелую ночь. Хотя ее желание охватить благовестием аука было таким же настойчивым, она не могла скрыть тревоги от нависшей над ними опасности. Джим еще раньше советовал не брать в экспедицию Пита, поскольку это означало бы рисковать жизнью троих из четырех миссионеров, кто владел языком кечуа, но к концу декабря мнение, по-видимому, изменилось. 27 декабря Пит написал в своем дневнике: "Пришли к выводу, что мне следует готовиться к отправке в экспедицию, чтобы количеством обеспечить большую безопасность для всех". Были, однако, предприняты дополнительные меры предосторожности. Решили, что Пит будет

вылетать вместе с Нейтом каждую ночь. Все данные о совершившихся нападениях аука показывали, что они неизменно происходили перед рассветом.

По плану Нейт должен был совершить несколько полетов к Палм-Бич (название, которое они дали песчаному берегу вдоль реки Курарай), чтобы перевезти оборудование и миссионеров. Первая посадка и взлет оказались решающими: "Мы подлетели... и проскользнули между деревьев крутым боковым скольжением... Когда вес самолета переместился на колеса, я почувствовал, что под нами мягкий песок - но отступить было слишком поздно. Я отвел рукоятку до упора назад и стал ждать. Будь песок еще чуть-чуть мягче, мы бы врезались носом, а может быть, и перевернулись". Оставив Эда одного на берегу, Нейт взял курс обратно; на взлете "песок затягивал колеса", но за какие-то секунды самолет все же оторвался, и Нейт опять полетел на базу, чтобы затем вернуться.

3 января было насыщенным днем на Палм-Бич, когда Нейт до позднего вечера перевозил миссионеров и оборудование. К ночи мужчины построили шалаш из веток, и трое из них спали в нем, а Нейт и Пит полетели на базу в Араджуну, чтобы переночевать там. Они вернулись на следующее утро и вместе с тремя остальными молодыми людьми провели спокойный день без всяких происшествий на песчаном берегу, прежде чем в конце дня улететь обратно. Четверг был таким же. Затем, в пятницу, произошли некоторые события. В 11:15 трое обнаженных аука (две женщины и один мужчина) неожиданно возникли из джунглей на противоположном берегу реки. Джим пошел вброд, чтобы встретить гостей, и там между ними произошел дружеский обмен приветствиями. Аука с радостью приняли подарки и, казалось, чувствовали себя совершенно непринужденно со своими новыми знакомыми. Мужчину, которого миссионеры называли Джорджем, пригласили прокатиться на самолете - на что он с радостью согласился. В тот вечер посетители аука ушли, и суббота прошла неприметно. К воскресенью миссионеры забеспокоились оттого, что ничего не происходит. Но ведь не может быть, чтобы посетители забыли о них. Нейт решил пролететь над деревней аука и посмотреть, все ли там в порядке. Он обнаружил, что деревня покинута, а на обратном пути увидел группу аука, следующую к Палм-Бич. "Вот они, ребята. Они идут!" - закричал он, коснувшись колесами земли. Теперь миссионерам оставалось только ждать. В 12:30 Нейт настроил свое радио на контакт с Мардж в Шелл Мере, пообещав вновь связаться с ней в 4:30.

Связь в 4:30 так и не состоялась. Часы Нейта (позже обнаруженные разбитыми о камень) остановились в 3:12. Но Мардж отказывалась верить в худшее. Может быть, радио сломалось. Она провела бессонную ночь, молилась и думала о невыносимом. Ранним утром на следующий день Джонни Кинан летал над Палм-Бич. Его отчет Мардж оказался мрачным - отчет, который Мардж передала дальше Элизабет Элиот: "Джонни обнаружил на берегу самолет. Вся ткань с самолета ободрана. Никаких признаков миссионеров нет".

"Внезапно вся секретность исчезла", - сообщает Рассел Хитт (Russell Hitt). Слух о происшедшем распространился очень быстро. Миссионеры и правительство организовали

поисковую партию. Корреспондент журнала "Тайм" и фотограф журнала "Лайф" отправились на место происшествия, и весь мир ждал новостей. Днем в среду с воздуха заметили два тела, а в пятницу поисковая партия достигла этого места. "Миссионеры из поисковой группы, - сообщил Хефли, - вытащили из реки четыре изуродованных тела. В некоторых из них до сих пор торчали пальмовые стрелы. По личным вещам узнали Джима, Пита, Роджа и Нейта. Тело Эда Маккулли, очевидно, унесло водой". Это было трагическое зрелище. "Темнеющее небо предвещало грозу. Миссионеры торопливо вырыли неглубокую могилу. Когда начался проливной дождь, Фрэнк Драун предложил поминальную молитву..."

В Шелл Мере собрались пять вдов, чтобы услышать подробности о трагедии. Они должны были вместе пережить это горе. "Ни слова сожалений" никто не услышал от стоической Элизабет Элиот. "Это не трагедия... Бог имеет план и цель во всем".

Для Оливии, у которой не осталось детей, горе могло быть невыносимым. Во время короткого брака у нее было два выкидыша, а теперь трагически погиб муж. Но те самые стихи из Библии, что они вместе с мужем читали перед его смертью, стали мощной поддержкой в период отчаяния, особенно 2 Кор. 5:5: "На сие самое и создал нас Бог".

Реакция общества на происшедшее, как и в случае с убийством пятерых миссионеров в Боливии в предыдущее десятилетие, была смешанной. Каждый выражал свое сочувствие семьям погибших; и многие христиане, видя твердость пяти женщин, посвятили свою жизнь Господу и миссионерскому служению. Но для других случившееся явилось "напрасной трагедией", унесшей молодые жизни.

Несмотря на боль, нанесенную "Операцией аука", о самих аука не забыли. Пилоты МАБ продолжали бросать им подарки, а Рейчел Сейнт терпеливо изучала их язык. Но больше драматических посягательств на территорию аука не планировалось. Почти через два года осторожных усилий некоторые из племени аука потихоньку стали склоняться к контактам вне племени. Затем, в сентябре 1958 г., Даюма вернулась к своему племени вместе с двумя другими женщинами аука, а три недели спустя они появились вновь и пригласили Рейчел Сейнт и Элизабет Элиот посетить их, начав таким образом кампанию по благовестию среди аука. Для того чтобы торжественно объявить об этом всему миру, не было ни газетчиков, ни фотографов, ибо документировать было нечего - просто две женщины еще раз углубились в джунгли проповедовать Евангелие - обычная миссионерская работа.

Элиза Дейвис Джордж и Местная внутренняя миссия Элизабет

В то время как многие миссии веры, такие, как Суданская внутренняя миссия, Африканская внутренняя миссия, Христианско-миссионерский союз, Миссия новых племен, Христианские миссии во всех странах, в XX в. быстро росли, оказывая поддержку сотням тружеников, другие миссии оставались маленькими и неприметными. И все же некоторые из этих маленьких миссионерских обществ принесли чрезвычайную пользу. Все вместе они собрали мощную силу тех мужчин и женщин, что посвятили себя Богу. Одной из таких миссий стала Местная внутренняя миссия Элизабет, основанная Элизой Дейвис Джордж (Eliza Davis George) в целях подготовки молодых либерийцев для проповеди Евангелия собственному народу.

Элиза родилась в Техасе в 1879 г. В дни учебы в Центральном Техасском колледже она посвятила свою жизнь африканской миссии; но только десять лет спустя, в 1913 г., когда ей было уже за тридцать, мечта смогла осуществиться. При поддержке Национальной баптистской конвенции она отплыла в Либерию как "первая чернокожая женщина из Техаса, отправившаяся миссионером в Африку".

Во время миссионерской работы Элиза вышла замуж за Томпсона Джорджа, который также стремился к миссионерской деятельности, но не обладал выносливостью, необходимой для того, чтобы испытать себя в роли первопроходца-миссионера. Постоянные неудачи в их работе привели его к упадку духа. Впадая в депрессию, он начинал топить свои печали в алкоголе и в 1939 г. умер. Элиза продолжила работу до 1945 г., когда Совет отозвал ее домой. Ей было шестьдесят пять лет, и комитет считал, что ее пора отправить на пенсию. Но жизнь на пенсии не устраивала Элизу, и в возрасте шестидесяти семи лет, самостоятельно заручившись необходимой финансовой поддержкой, она вернулась в Африку, чтобы служить там еще четверть века. За пятьдесят пять лет жизни в Африке "мать" Джордж организовала работу восьми школ и более сотни церквей. 20 января 1979 г. Элиза отпраздновала свое столетие в Техасе, а в марте следующего года она умерла, но ее детище, маленькая миссия веры - Местная внутренняя миссия Элизабет - продолжает жить.

Часть IV. Потребность в специализации

Типичный миссионер XIX в. был проповедником. Его время в основном уходило на спасение душ и организацию церквей. И даже если он работал врачом или переводил Библию, он считался прежде всего и главным образом проповедником Евангелия. К XX в. концепция миссионерской деятельности оказалась более размытой. Миссионерская работа стала намного разнообразнее. К середине столетия деятельность многих миссионерских обществ направлялась на срочное развитие определенных миссионерских специальностей. Сегодня практически общепринятым является тот факт, что миссионер должен обладать какой-либо определенной профессией. И лишь меньшинство миссионеров считают себя только проповедниками.

Инициаторами создания специализированных миссий явились Соединенные Штаты, где достижения науки и техники способствовали возникновению движения по подготовке кадров, работающих почти во всех областях. Но стремление к миссионерской специализации возникло не из мирской жизни, а скорее от нового отношения к духовным ценностям. Сильное фундаменталистско-евангелическое течение повлияло на рост специализированных миссий в основном потоке всемирного благовестия, в то время как многие традиционные миссионерские общества под эгидой либеральных деноминаций приходили в упадок.

После Первой мировой войны, когда общество выходило из бурных 20-х гг., наблюдалось заметное снижение религиозного рвения, а это сказалось на отношении к зарубежным миссиям. "Настроение протестантских церквей в 1920-е, - пишет Уинтроп Хадсон, - было явно благодушным". Наблюдался "рост апатии среди миссионеров", и "объем пожертвований непрерывно сокращался в этот период всеобщего благоденствия". Количество студентов, добровольно отправлявшихся в миссии, согласно отчету Конференции по зарубежным миссиям, также резко сократилось - с двух тысяч семисот в 1920 г. до двухсотпятидесяти в 1928 г. Попала под огонь критики сама философская основа миссионерского движения - когда Уильям Хокинг (William E. Hocking) и его коллеги, составившие Запрос мирян, предостерегали против "сознательного и прямого проповедования Евангелия".

Но то, что казалось очевидным в статистических данных и отчетах, не совсем точно отражало истинную картину происходящего. В фундаменталистско-евангельских кругах миссионерский дух не угасал никогда, и в 1930-е, несмотря на трагедию депрессии, наблюдалось постоянно растущее движение, увеличивающее скорость евангелизационных процессов любыми доступными

средствами. Именно в это десятилетие Кларенс Джоунс (Clarence Jones) и некоторые из его коллег-мечтателей предприняли первые попытки по организации миссионерского радио, а Уильям Таунсенд (William Cameron Townsend) начал обучать миссионеров-лингвистов; Джой Риддерхоф (Joy Ridderhof) внедрила в жизнь свои идеи о евангельской звукозаписи, а некоторые пробовали практическую авиацию в миссионерском деле. Вторая мировая война разрушила планы многих миссионерских активистов, зато после войны произошел настоящий прорыв в служении миссионеров евангельского вероисповедания.

Окончание Второй мировой войны привнесло в Америку "волну благочестия", как об этом сказал Рой Экардт (Roy Eckardt) в заглавии своей книги. К 1950-м, пишет Уинтроп Хадсон, "Соединенные Штаты оказались в самом центре религиозного пробуждения", отличного от всех предыдущих, ставшего "бесформенным и неуправляемым, проявлявшимся различными путями и совершенно неразборчиво усиливавшим все религиозные верования". Тогда как в новом религиозном пробуждении участвовали почти все религиозные группы, по словам Хадсона, именно протестанты "обеспечили пробуждению самое энергичное руководство". Такие вновь созданные организации, как "Молодежь за Христа" и "Национальная ассоциация протестантов", дали евангельскому движению более широкую основу. Конец войны также ознаменовал появление нового миссионерского союза "Ассоциация евангельских зарубежных миссий", который открыто противостоял религиозному либерализму XX в. - тенденция, повлиявшая на миссии многих деноминаций.

Побуждаемые волной евангельского рвения, новорожденные специализированные миссии, начало которым было положено в 30-х гг. XX в., бурно росли. Будущее выглядело ярким, и все специалисты были доступны. Молодые американцы больше не

уходили на войну, а возвращавшиеся с войны молодые люди, казалось, обретали новое понимание и ощущение необходимости всемирной проповеди Евангелия. Такие организации, как "Миссионерское авиационное братство", "Дальневосточная радиовещательная компания", "Евангелие - Дальнему Востоку", "Большая европейская миссия" - все были основаны ветеранами Второй мировой войны.

Но начавшаяся очень скоро холодная война задержала отправку миссионеров за рубеж. Вокруг Европы замкнулся тяжелый "железный занавес", и к 50-м гг. XX в. огромные просторы Азии наглухо закрылись для проповеди Евангелия. В Америке для сенатора из Висконсина Джозефа Маккарти наступили золотые деньки, когда он почувствовал возможность изрыгать злобные антикоммунистические речи и выдвигать против соотечественников клеветнические обвинения в предательстве. В обстановке этой мешанины истерики с патриотизмом протестанты пропитали проповедь Евангелия политическими мотивами в возвышенной заботе о тех миллионах людей, кто был лишен свободы в тисках атеистических и тоталитарных режимов. (По иронии судьбы, подобное заботливое отношение никак не проявилось в конце XIX - начале XX в., когда мощная Русская православная церковь грубо преследовала баптистов и других христиан протестантского толка, вначале приветствовавших русскую революцию. Но когда духовно мертвая Русская православная церковь сама оказалась объектом преследований, тогда только христианский мир заметил это.) Единственными эффективными средствами охвата таких людей стали радио и литература. С этой целью возникли и нашли широкую поддержку такие организации, как "Славянское евангельское общество", "Дальневосточная радиовещательная компания". Появились люди, тайком перевозившие Библию в эти страны.

Миссионерским полем деятельности считались не только страны коммунистического блока, но и вся Европа - когда-то бывшая бастионом протестантского христианства. Точно так же, как римско-католическая Латинская Америка оказалась объектом деятельности миссионеров в конце XIX - начале XIX в., так и бывшие ранее протестантскими государства Западной Европы к середине XX в. превратились в место работы миссионеров, когда не стало свободы религиозного исповедания и посещение церквей постоянно падало. На сцену вышли такие организации, как "Трансмировое радио", "Европейская миссия Творца", "Обетование миру" и "Слово жизни", и ситуация стала меняться к лучшему.

Специализация в миссиях, явившаяся в основном реакцией на изменения в области технологий, политики, социальной и религиозной жизни в XX столетии, стала очень разветвленной. Медицина, переводческая деятельность, радио и авиация за последние десятилетия привлекли тысячи специалистов-миссионеров, также постоянно растет и ширится движение в сферах образования, литературы и сельского хозяйства. Одним из факторов, повлиявших на рост таких специализированных и иногда направленных на обмирщение служений, явилось увеличение количества христианских художественных учебных заведений либерального толка, выросших из некогда Библейских институтов и колледжей. Выпускники таких заведений часто с помощью ИНТЕР-КРИСТО (INTERCRISTO, компьютеризированная христианская служба по трудоустройству) находят безграничные возможности для применения своих знаний, навыков и умений в зарубежных миссиях. Расширили учебные программы Библейские институты и колледжи с тем, чтобы приспособиться к узко специализированным видам служения, таким, как радио, авиация или лингвистика.

Вовлечение в образовательный процесс местных кадров определенно стало феноменом XX в. В XIX в. Александр Дафф работал в Индии в основном в сфере образования, и с тех пор, под натиском Студенческого добровольческого движения, образование рассматривалось как эффективное и активизирующее начало благовествования. В Африке, как и в азиатских странах, например, в Корее, начальное, среднее и средне-специальное христианское образование оказало значительное влияние на рост церквей. Но тогда как миссионерские школы играют важную роль в работе миссий, в последние десятилетия также и государственные образовательные учреждения открыли дверь для миссионеров-преподавателей. Некоторые правительства, как указывает Герберт Кейн, "платят миссионерам за то, что они обучают христианству в рамках обязательной программы. Учитель сам выбирает учебник и, конечно же, использует Библию. Так миссионеры оказываются в ситуации, созданной по приказу, - плененная аудитория получает знания по определенной библейской программе, и правительство платит по

счету! ...Один миссионер в Нигерии писал: "Теперь я выполняю непосредственные миссионерские обязанности, это гораздо больше того, что я делал в течение шестнадцати лет в Нигерии". Другой миссионер сообщает о нагрузке в тридцать семь библейских часов в неделю в правительственных школах в Кано [Город на севере Нигерии. - Примеч. пер.] и больших возможностях для личного свидетельства, с чем он уже не может справиться сам. В... Индонезии и Южной Африке миссионеров просили написать учебную программу по всему курсу христианства, начиная с детских садов и до старших классов средней школы. Трудно представить себе более стратегическое служение".

Служение христианской литературы также имело значительное влияние на миссии XX в. В 1921 г. исследование Артура Брауна (Arthur Brown) о тенденциях современных миссий привело его к заключению, что "в разных уголках мира протестантские миссии используют сто шестьдесят печатных станков и ежегодно выпускают около четырех миллионов печатных страниц христианской литературы". Христианская литература в качестве миссионерского оружия распространялась еще со времен Второй мировой войны. Несколько организаций сосредоточили усилия в этом направлении почти исключительно на зарубежных миссиях, включая евангелизационные кампании "Христианская литература" и "Мировая литература", "Обетование миру", Лигу протестантской литературы, Лигу карманного Евангелия и "Протестантскую литературу за рубежом". Одной из самых крупных организаций подобного типа является Литературная миссия Мооди, распространяющая христианскую литературу почти на двух сотнях языков. В дополнение к публикации христианской литературы также производятся фильмы и другие аудиовизуальные материалы. Из подобного рода организаций наиболее плодотворной является организация "Научные фильмы Мооди", выпускающая свою продукцию более чем на двадцати языках в ста странах мира. Сельское хозяйство оказалось еще одной областью миссионерской деятельности в XX в. Высокий уровень развития этой отрасли в Америке стал желанным образцом для подражания в развивающихся странах. Сельскохозяйственные миссионеры нашли открытую дверь для служения, сочетающего технологии земледелия со свидетельством о Христе. Такое миссионерское общество, как Индейская миссия в Андах, основанное в 1945 г. пресвитерианской, реформатской церквами и церковью объединенных братьев, имеет хорошо разработанные сельскохозяйственные программы. Другие, такие, как Африканская внутренняя миссия, используют сельское хозяйство только в отдельных случаях, но не менее эффективно. Бен Уэбстер (Ben Webster) является замечательным тому примером. Он вступил в АВМ опытным фермером, проработав в Бангладеш как специалист ЮНЕСКО. Назначенный в Локори в Кенийской пустыне, где была осушена река Керо, в старом русле реки он установил трубы и создал ирригационную систему, позволившую племени туркана оставить кочевой и нищий образ жизни и выращивать обильные урожаи овощей на территории, бывшей до того пустыней. Это явилось прекрасным достижением, и еще большим вознаграждением для него стала возможность служить вместе с другими миссионерами в проповеди Евангелия племени. В специализированных миссиях служат главные силы миссионеров, оказавших наибольшее влияние на современные тенденции развития всемирного благовестия. Они делают упор в основном на медицине, переводческой и лингвистической деятельности, радио, звуко- и видеозаписи и авиации. Такие специализации не являются самоцелью, но используются как части единого служения, поддерживающие и помогающие в работе миссионерских проповедников и национальных церковных лидеров. Но, несмотря на важность миссионерской специализации в современном мире, в некоторых странах национальные лидеры церквей приглашают на служение проповеди Евангелия населению, равно как и для основания церквей, обычных и всем привычных старого образца миссионеров.

Глава 12. Медицинские миссии: "ангелы милосердия"

Со времен Христа влияние медицинских работников на благовестие было огромным. Евангельское служение самого Христа, как и Его учеников, во многом усиливалось служением исцеления. В последующие столетия христиане также славились своей

искренней заботой о больных и нуждающихся. Во время нескольких эпидемий чумы в Александрии, в то время как все остальные бежали, именно ранние христиане ухаживали за больными и хоронили умерших, укрепив таким образом общее мнение о христианстве как о религии любви и самоотверженности.

С самого начала современного миссионерского движения медицинское служение явилось значительным аспектом всемирного благовестия, но только лишь к концу XIX - началу XX вв. оно стало особой и отдельной профессией. К 1925 г. более двух тысяч докторов и медицинских сестер из Америки и Европы служили по всему миру, а больницы и клиники под началом миссий быстро росли.

Служение медицинских миссий в XX в., без всякого сомнения, было величайшим нравственным достижением, которое мир когда-либо знал, и более чем какая-либо другая сила послужило делу разоружения критиков христианских миссий. Сколько раз специалисты-медики отказывались от прибыльных должностей и современных удобств у себя на родине, чтобы работать долгие и утомительные часы в опасных и беспокойных местах и в совершенно примитивных условиях. Они посвятили свою жизнь повышению уровня здоровья во всем мире, часто проводя исследования заболеваний, которые мало интересовали западных специалистов, строя больницы и медицинские школы на собственные деньги или же на собранные пожертвования. Их стараниями возведены прекрасные медицинские школы и больницы для тех, кому они служили. Одним из первых примеров таковых являются Христианский медицинский колледж и больница в Веллuru, Индия.

Но, несмотря на их миссию доброй воли, медики-миссионеры сталкивались с теми же препятствиями, что и их коллеги-немедики. Их работа явилась прямой конкуренцией колдунам-врачевателям и знахарям, а их система взглядов на медицину часто приводила к столкновению с исконными культурными традициями тех народов. Иногда оппозиция была яростной. Но, кроме явной враждебности, медикам приходилось иметь дело с суевериями, страхом и невежеством, что серьезно тормозило их усилия, направленные на улучшение здоровья людей. Доктору-миссионеру в Африке пришлось ждать долгих восемь лет, прежде чем он сумел взяться за лечение первого местного пациента. В Китае врачи-миссионеры почти постоянно сталкивались с проявлением ненависти к иностранцам; и все же в 1935 г. более половины больниц в этой стране были миссионерскими.

Наряду с врачами, видевшими безграничную потребность в своем служении, дантисты и средний медицинский персонал также внесли значительный вклад в дело оздоровления людей. А некоторые миссионеры, практически без медицинского образования, учились путем проб и ошибок лечить болезни, уменьшая таким образом страдания и смерть и прокладывая путь для евангельского служения.

Самым замечательным миссионером-медиком современной истории был доктор Джон Томас (John Thomas), который отправился в Индию еще до Уильяма Кэри, а позже работал вместе с ним. Хотя Томас был эмоционально неустойчивым человеком, Кэри высоко ценил его работу, утверждая, что "эффективность лечения этого человека обеспечила бы любому врачу или хирургу в Европе самую высокую репутацию". Доктор Джон Скаддер (John Scudder) стал первым американским миссионером - специалистом в области медицины, патриархом разветвленной сети медицинских миссионеров, служивших в Индии и повсюду в мире. Некоторые миссионеры, получившие медицинское образование, включая Дейвида Ливингстона и Хадсона Тейлора, использовали медицину как дополнительное служение.

Одним из наиболее интересных миссионеров-медиков всех времен явился знаменитый Альберт Швейцер, врач, музыкант и ученый-библеист, чьи либеральные и чрезвычайно противоречивые теологические взгляды были широко известны благодаря книге "Поиск исторического Иисуса" ("The Quest of the Historical Jesus"). Его карьера медицинского миссионера началась в Западной Африке в 1913г., где он организовал больницу в Ламбарене; и там, не считая периода заключения во французской тюрьме во время Первой мировой войны, отдал жизнь медицинскому служению. Хотя он был популярным автором и лектором, концертирующим органистом и вполне мог наслаждаться жизнью в избранном обществе, он посвятил свою энергию увеличению продолжительности жизни "брата, ради которого умер Христос". Почему? Причина, по которой он служил своим непривилегированным братьям, была той же, по которой служили другие медики: "Господь Иисус Христос повелел врачу и его жене придти сюда..."

Хотя в медицинских миссиях в первые годы их возникновения работали в основном мужчины, в конце XIX в. медицинской миссионерской деятельностью начали заниматься и женщины, и скоро их достижения стали известны во всем мире. Клара Суейн (Clara Swain), служившая под началом Миссионерского совета методистской церкви, была первой женщиной-врачом из Соединенных Штатов. Она приехала в Индию в 1870 г. и через четыре года открыла первую больницу. Первой медицинской сестрой-миссионером была мисс Е. М. Маккечни (Е. М. McKechnie), которая приехала в Шанхай в 1884 г. и позже организовала там больницу.

К середине XX в. значительные перемены, происшедшие в странах третьего мира, изменили традиционную роль медиков-миссионеров. По мере завоевания независимости развивающиеся страны начали разрабатывать собственные медицинские программы, и новаторская медицинско-миссионерская деятельность более не играла первостепенной роли, которая когда-то была ей присуща. С политическими и социальными переменами медицинские миссии стали концентрировать свои усилия на превентивной, или профилактической, медицине, полевых госпиталей, работе в стационарах и медицинских школах. Другой современной тенденцией в миссионерской медицине является усиление деятельности таких финансирующих организаций, как Программы медицинской помощи, основанной в 50-х гг. XX столетия и ежегодно обеспечивающей христианские миссионерские больницы и клиники медицинским оборудованием на сумму более десяти миллионов долларов. Подобная же организация, основанная Этель Миллер (Ethel Miller) в штате Вашингтон, отправляет лекарства и медицинское оборудование миссионерским докторам в Африку и Азию, причем практически вся работа в ней проводится вышедшими на пенсию добровольцами.

Уилфрид Гренфелл

В то время как большая часть миссионеров-медиков современности посвятили свою жизнь служению в тропическом климате, борясь против смертоносного воздействия лихорадки, проказы и других тропических напастей, Уилфрид Гренфелл (Wilfred Grenfell), один из наиболее знаменитых и почитаемых миссионеров-врачей, служил на североамериканском континенте вдоль замерзшего побережья Лабрадора. Хотя он являлся миссионером и был привлечен к служению в первую очередь как врач, Гренфелл мечтал попробовать себя во многих сферах миссионерской деятельности. Только одной медицины было недостаточно там, где люди повержены нищетой. Поэтому он старался облегчить их страдания путем улучшения жизни всего общества, дав повод некоторым людям обвинить его в том, что он отвлекся от своего миссионерского призвания. Его многосторонняя активность привела к конфликту с политикой миссионерского Совета и интересами других групп населения, и он часто оказывался в центре горячих споров и разногласий. И хотя его много критиковали, популярность этого человека лишь возрастала, когда он писал и говорил о нуждах Лабрадора.

Родившись около Честера, Англия, в 1865 г., Гренфелл мечтал о море. Но мечты его о морских путешествиях были прерваны, когда отец отправил мальчика в подготовительную школу, а затем в Лондон, в медицинскую школу. Гренфелл вырос в англиканской церкви, но религия для него оставалась понятием формальным, не имевшим большого значения. В 1885 г., закончив в Лондоне медицинское обучение, он однажды вечером возвращался домой после вызова к больному. Пробираясь сквозь собравшуюся на улице толпу, он вдруг понял, что люди повторяют словно бы бесконечную молитву, которую читал человек на возвышении. Когда Гренфелл повернулся, чтобы уйти оттуда, он услышал, что на сцене происходит какое-то волнение. Это был сам Мооди, приглашавший аудиторию вместе спеть "Пока наш брат заканчивает свою молитву". Гренфелла так поразила непосредственная манера поведения проповедника, что он остался до конца собрания. В тот вечер он услышал не только проповедь Мооди и песни Сэнки, но также свидетельства Ч. Т. и Дж. К. Стаддов, двух величайших крикетистов Англии. Гренфелл, сам крикетист, был глубоко тронут услышанным и в тот же вечер обратился к Христу.

После обращения Гренфелл узнал об одной миссионерской организации, которая вызвала у него живейший интерес. Это была Королевская национальная миссия для рыбаков глубоких морей. Миссии нужен был врач, желающий работать на борту

корабля милосердия в Северном море, чтобы служить простым рыбакам как в духовном, так и в физическом плане. Гренфелл ухватился за эту возможность, и так началась его карьера профессионального врача-миссионера.

Первые годы работы Гренфелла были полны романтики приключений, о чем он мечтал еще в детстве, и стали плодотворными в духовном плане и с профессиональной точки зрения. Он нашел свое дело в жизни и не думал о служении в другом месте. Затем, в 1892 г., путешествия привели его в Северную Америку на суровые берега Лабрадора, и вдруг его взгляды переменялись. Здесь, вдоль блеклых скалистых берегов, жили люди, боровшиеся со стихиями, без надежды на лучшее будущее в этом мире или после него, и никого, казалось, это не беспокоило. Гренфелла потрясли их физические и духовные нужды, и, несмотря на возражения со стороны его миссионерского Совета, он решил, что остаток жизни должен посвятить служению этим давно забытым всеми людям.

Гренфелл начал работу в Лабрадоре, служа на борту корабля милосердия, как и в Северном море, но вскоре понял, что самые нуждающиеся люди находятся в разбросанных деревнях на берегу, где целые семьи обходились без всякого медицинского обслуживания. Чтобы добираться до этих деревень, безрассудно смелый доктор научился управлять собственным судном на пару, пробираясь вдоль опасного берега, "рискуя так", по словам биографа, "что профессиональный моряк умер бы со страху". Он просто доверялся Богу, когда "вел судно между островками и жутким количеством подводных скал... через туман... и против сильного ветра и высокой волны..." Где бы он ни появлялся, повсюду жители с радостью приветствовали медицинскую помощь, но, несмотря на добрую волю населения, он быстро столкнулся с сильным противодействием.

Одним из представителей оппозиции была установленная англиканская церковь. "Церковь мертва, - писал Гренфелл. - Епископ не осмеливается выступить против нас, но он и не с нами; он сказал одному моему большому другу здесь, что наша проповедь Евангелия и обращенные люди тормозят работу церкви". Такое отношение к врачу сохранялось несмотря на то, что сама англиканская церковь мало беспокоилась о сильно нуждающихся семьях в отдаленных деревнях.

Другим источником оппозиции стали торговцы. Хотя они признавали, что Гренфелл проводил в Лабрадоре впечатляющую работу, строя медицинские центры и служа деревенским врачом, но в то же время упорно сопротивлялись его вмешательству в местную экономику. Гренфелл, в свою очередь, рассматривал торговцев как величайших врагов народа и был возмущен эксплуатацией незащищенных лабдорских рыбаков, у которых не было выбора и которым приходилось соглашаться на самые грабительские цены при продаже своего улова. Хоть ему и не хватало деловой хватки, Гренфелл вскоре оказался глубоко вовлеченным в экономические дела, организовывая рыболовецкие кооперативы, транспортную доставку продукции на рынок, участвуя в импорте оленей, основывая заводы по обработке древесины и промышленное строительство коттеджей. Подобная деятельность вызвала бурю критики, и многие люди обвинили Гренфелла в том, что он приехал в Лабрадор не с религиозными целями, но для экономической выгоды.

Некоторые обвинения были совершенно необоснованными. На самом деле Гренфелл потерял большое количество денег в разнообразных попытках помочь людям Лабрадора, что привело к другому противоречию и критике - со стороны его собственного миссионерского Совета. Он был призван в качестве медицинского работника и проповедника, и то, что он отвлекался на экономические дела, казалось Совету весьма тревожным фактором. Гренфелла отозвали, с тем чтобы он представил отчет о своих действиях, но когда его попросили об этом, он резко ответил, "что это Совета не касается". Правила, казалось, тоже не имеют к нему никакого отношения. Он делал то, что считал нужным делать, информируя или не информируя об этом Совет.

Гренфелл стал руководителем миссии в 1890 г., отчасти это произошло из-за его независимого характера, но еще более важным была его растущая популярность, особенно в Америке, где слава о нем быстро распространялась. "Общества Гренфелла" возникали повсюду в Соединенных Штатах и Канаде, и деньги лились рекой не в кассу Королевской национальной миссии для рыбаков глубоких морей - миссии, к которой он принадлежал, - а в специальные проекты, организованные им лично, над которыми миссионерский Совет не имел никакого контроля. Взаимоотношения между Гренфеллом и Советом становились все напряженнее, и с течением времени

Гренфелл делался все более и более независимым, пока наконец полностью не отделился от Миссии для рыбаков глубоких морей.

Когда Гренфелл путешествовал по Америке, рассказывая о нуждах Лабрадора, он завораживал свою аудиторию не отполированными проповедями, а рассказами о приключениях высочайшего накала. "Следование за Христом, - говорил он своим слушателям, - позволило мне иметь больше приключений, чем любой другой образ жизни". Его жизнь была наполнена отважными изысканиями, и он настоятельно советовал своим последователям взять тот же курс: "Когда открыты оба пути, иди по самому рискованному".

Самое волнующее приключение, которое пережил Гренфелл, произошло в Пасхальное воскресенье 1908 г., когда он получил срочный вызов к серьезно заболевшему юноше в деревне за шестьдесят миль. Гренфелл приготовил собачью упряжку и отправился в деревню в отчаянной попытке успеть оказать помощь молодому человеку. Хотя он осознавал опасность весеннего таяния снегов, но, экономя время, решил рискнуть и пересечь покрытый льдом залив вместо того, чтобы проехать по берегу безопасным, но окружным путем. Лед трещал и ломался, и внезапно Гренфелл и собаки очутились в ледяной воде. Хотя он сумел выбраться на льдину вместе с тремя собаками, ему было не очень уютно на ледяном ветру, гнавшем льдины в открытое море. Он вел упорную борьбу за свою жизнь, и чтобы не замерзнуть насмерть в мокрой одежде, он убил трех своих собак и завернулся в их окровавленные шкуры.

На следующее утро почти умирающего Гренфелла подобрала группа людей, рисковавшие жизнью во имя спасения своего любимого доктора. В последующие годы эта история рассказывалась как пример смелости и выносливости чаще, чем какой-либо другой случай, связанный со знаменитым доктором, и многие молодые мужчины и женщины, вдохновленные его героизмом, ехали в Лабрадор служить вместе с ним.

То, что началось как христианское служение для Лабрадора, за годы превратилось, по мнению некоторых, в иного рода предприятие. Как многие миссионеры-медики до и после него, Гренфелл столкнулся с искушением посвятить всю свою энергию физическим нуждам людей с ослаблением внимания к их духовным нуждам, и через несколько лет его философия миссий, выраженная во многих его книгах, казалась, изменилась. В своей книге "Что жизнь значит для меня" ("What Life Means to Me") Гренфелл писал: "Для меня теперь любое служение самому униженному из рода человеческого - это служение Христу... Я абсолютно верю в социализм Иисуса". Для него истинное христианство могло быть только активным: "Теория христианства не убедит язычников Конго в желательности религии", а убедит лишь "действующее братство". Гренфелл, по словам его биографа, "верил, что если человек служит другим, то он живет христианством". "Совершенным христианином" для него был "добрый самаритянин", и он приветствовал служение врачей и прочих миссионеров без особого интереса к их религиозным верованиям или же их преданности делу благовестия.

Гренфеллу было присуждено множество наград и оказаны разные почести за сорок лет его служения в Лабрадоре. В 1927 г. его возвели в рыцарское достоинство, а вскоре после этого Университет святого Андрея присудил ему титул Почетного доктора. Но для бедных деревень Лабрадора он был не меньше чем Святой - а может быть, и больше. Один восторженный его почитатель сказал: "Если бы сейчас в эту дверь вошел Уилфрид Гренфелл, я бы почувствовал себя так, словно сам Иисус Христос вошел в комнату". Хотя он умер в 1940 г., память о Уилфриде Гренфелле живет сегодня повсюду вдоль суровых берегов Лабрадора.

Ида Скаддер

Самой выдающейся семьей миссионеров-медиков во всей истории миссионерского движения стала семья Скаддеров, начиная с Джона Скаддера, молодого врача из Нью-Йорка, который, прочитав брошюру с призывом посвятить себя миссионерской деятельности, оставил растущую практику и в 1819 г. отплыл на Цейлон вместе с женой и ребенком. Скаддеры служили на Цейлоне и в Индии тридцать шесть лет, и за это время у них родилось еще тринадцать детей, девять из которых дожили до взрослого возраста. Из этих девяти детей семеро стали миссионерами, большая часть из них получила медицинское образование, последовав по стопам своего отца. Четыре

поколения семьи Скаддеров дали обществу сорока двух миссионеров, в общей сложности посвятивших более тысячи лет миссионерскому служению. Среди этих сорока двух была Ида Скаддер (Ida Scudder), дочь младшего сына Джона Скаддера, которого также называли Джоном и который тоже служил миссионером в Индии.

Ида родилась в Индии в 1870 г. и выросла в обстановке, где она отлично познакомилась с трудностями миссионерской жизни и где сполна испытала боль разлуки с любимыми. Когда она была еще маленькой, ее семья приехала в Соединенные Штаты в отпуск, а затем ее отец вернулся в Индию один. Два года спустя мать отправилась к отцу, оставив Иду в Чикаго с родственниками. По словам ее биографа, это была серьезная травма: "Воспоминания той ночи до сих пор причиняют ей нестерпимую боль. Дождь на улице был таким же безудержным, как и беспомощное горе четырнадцатилетней девочки. Ей даже не разрешили пойти на станцию, чтобы проводить мать в Индию. Когда руки, обнявшие мать, наконец, с сожалением разжались, она убежала наверх и рыдала всю ночь в пустую подушку матери... Шли недели и месяцы, а острое одиночество лишь немного утихло".

Закончив школу, Ида осталась в Соединенных Штатах, чтобы получить образование в "семинарии для молодых девушек" в Нортфилде, Массачусетс, где преподавал Д. Л. Мооди. Она не имела намерения продолжить семейную традицию и стать миссионером, но вскоре после окончания учебы в 1890 г. она получила срочную телеграмму с сообщением, что мать серьезно заболела. Ида собралась всего за несколько недель и отправилась в Индию, в эту "ужасную страну с ее жарой, пылью, шумом и вонью". Она ехала только для того, чтобы ухаживать за матерью, а когда нужда в этом исчезнет, она вернется в Америку и осуществит свою мечту, или так по крайней мере она думала. Ида пробыла в Индии намного дольше, чем планировала. Кроме заботы о матери, там существовала другая работа, которую нужно было выполнять. В школе для девочек требовалась учительница, и вскоре Ида оказалась единственной, кто отвечал за шестьдесят восемь учениц. Нужно было крестить детей - таинство, осуществлявшееся ее отцом, но для которого, по словам ее биографа, требовалась помощь: "Поскольку детей почти всегда намазывали кокосовым маслом, их тяжелые тела удержать было трудно. Боясь, что отец уронит какого-нибудь младенца в процессе крещения, миссис Скаддер сшила белое одеяние, которое накидывали на каждого крещаемого ребенка до обряда крещения. Обязанностью Иды было следить за тем, чтобы возврат этого одеяния осуществлялся надлежащим образом".

Хотя она считала счастьем вновь воссоединиться с семьей, существовали определенные трудности в отношениях с родственниками. Она чувствовала давление со всех сторон - и дяди, и двоюродные братья, и даже родители - все старались повлиять на нее с тем, чтобы она не уклонилась от выполнения миссионерского долга семьи Скаддеров. Но Ида желала получить больше, чем утомительный труд и миссионерскую жизнь, и семейной традиции оказалось недостаточно, чтобы убедить ее в обратном. Ей пришлось пережить особое событие в жизни, скорее напоминающее притчу или сказку, чем реальность, но оно стало ее личным призывом к миссионерской медицине. Три разных человека - брахман, другой индус из высшей касты и мусульманин - подходили к дверям в течение одной ночи, умоляя ее придти и помочь в трудных родах, отказываясь от помощи доктора-отца, поскольку религиозные традиции запрещали женщинам близкий контакт с незнакомыми представителями другого пола.

Это была самая трагическая ночь, какую пережила Ида: "Я не могла спать в ту ночь - было слишком ужасно. На расстоянии протянутой руки от меня лежали три молодые женщины, умиравшие оттого, что рядом не оказалось женщины, способной им помочь. Я провела большую часть ночи в муках и молитвах. Я не хотела навсегда оставаться в Индии. Мои друзья умоляли меня вернуться к тем блестящим возможностям, что существовали для молодой девушки в Соединенных Штатах. Я легла рано утром, помолившись о водительстве Божьем. Думаю, моя встреча с Богом лицом к лицу произошла именно той ночью, и все время мне казалось, что Он призывает меня к этой работе. Рано утром я услышала мерные звуки деревенского гонга, и мое сердце застыло от ужаса, потому что эти звуки оповещали о смерти. Я отослала своего слугу за новостями, и он сообщил мне, что все три женщины умерли этой ночью. Я снова заперлась в комнате и всерьез задумалась об условиях жизни индийских женщин и после долгих размышлений и молитв пошла к своим родителям и сказала, что должна

уехать домой и получить там медицинское образование, а затем вернуться в Индию, чтобы помогать таким женщинам"".

На следующий год Ида отплыла в Соединенные Штаты, а осенью 1895 г. она поступила в Женский медицинский колледж в Филадельфии, который закончила Клара Суейн, первая американская женщина, служившая врачом-миссионером. Затем, в 1898 г., когда Корнеллский медицинский колледж стал принимать на обучение женщин, Ида перевелась туда, потому что он имел более высокий статус, и в этом колледже она получила ученую степень доктора. Закончив обучение, Ида вернулась в Индию и, кроме своей степени, она привезла чек на десять тысяч долларов для новой больницы (пожертвование одной богатой женщины), а вместе с ней приехала и Энни Ханкок (Annie Hancock), лучшая подруга из Нортфилда. Энни собиралась вести евангелизационную работу в сочетании с медицинской работой Иды.

Начало медицинской деятельности Иды было разочаровывающим. Она мечтала пройти практику под блестящим руководством отца, но он умер от рака. Еще хуже оказалось то, что индийцы, так отчаянно нуждавшиеся в медицинской помощи, не доверяли Иде, и какое-то время у нее совсем не было пациентов. Шли месяцы, ее практика медленно набирала силу, но по мере увеличения практики она сталкивалась с теми же проблемами, что и все врачи в Индии. Суеверие людей приходило в постоянное столкновение с ее лучшими устремлениями. В определенные праздничные дни любое лечение запрещалось, и иногда смертельно больные пациенты тащились с места на место, чтобы избежать злых сил. Однажды, после того как

Ида закончила обработку очень серьезной раны, она вышла подготовить повязку, а когда вернулась, в полном ужасе увидела, что девушка посыпает рану "священным пеплом" - ритуал, который почти стоил ей жизни. И даже когда ее пациенты желали сотрудничать с ней, невежество часто мешало процессу выздоровления. Сложнейшей задачей становилось даже объяснение того, когда и как они должны принимать лекарство. Однажды, когда Ида дала человеку комочек ваты, он спросил, должен ли съесть ее.

Вскоре после приезда Иды в Индию в Веллuru началось строительство больницы, о котором она так отчаянно молилась перед отъездом из Америки. Но, работая среди людей, она поняла, что одной больницы недостаточно. Индийцы, особенно женщины, должны освободиться от своего невежества в области медицины и их следует научить основам здорового образа жизни, а это окажется возможным лишь тогда, когда индианки получат специальное образование, чтобы работать среди собственного народа в деревнях. Таким образом, первоочередной задачей Иды стала организация медицинской школы для индийских женщин.

Чтобы достичь этой цели, Иде нужны были деньги, и значительной частью ее служения явился сбор пожертвований. Приезжая в отпуск на родину, она зачаровывала обширные женские аудитории своими рассказами о безнадежном положении индийских женщин, и каждая встреча приносила все больше денег для будущей медицинской школы в Индии. Ее первым проектом был колледж медицинских сестер, несмотря на сильное противостояние со стороны государственных чиновников. Британский министр здравоохранения разрешил ей осуществить план при условии, если она найдет не менее шести кандидаток для поступления в колледж, но сомневался, что она наберет больше трех. Она набрала сто пятьдесят одну женщину. Из этого количества она выбрала восемнадцать, и четырнадцать из них закончили полный четырехлетний курс. Но самым серьезным испытанием явилась сдача девушками государственного медицинского экзамена. В среднем такие экзамены с первого раза успешно сдавал один человек из пяти, и Иду предупредили, чтобы она не рассчитывала, что хотя бы одна из ее учениц сдаст эти экзамены. Но какой же она ощутила восторг, когда узнала, что все четырнадцать сдали государственный экзамен, а четыре девушки за свои знания получили высший балл.

Ида всегда считала свое духовное служение людям, и особенно молодым женщинам, которых она учила, таким же важным, как медицинская работа. Ее четырехлетний курс о жизни апостола Павла и посланиях Павла был любимым курсом среди ее учениц, и она повторяла его по нескольку раз. Медицинская работа, однако, занимала большую часть ее шестнадцатичасового рабочего дня, но даже тогда она находила время раздавать карточки с выдержками из Писаний. Но что более важно, ее медицинская работа проложила путь Энни Ханкок, проводившей работу по проповеди Евангелия в

Веллuru и других деревнях. Когда эта женщина впервые появилась в Индии с Идой, жители редко впускали ее в дом, но, по мере роста репутации Иды, то же происходило и в отношении к Энни, и постепенно она стала желанной гостьей почти в каждом доме. Кроме руководства больницей, медицинским колледжем и деревенскими амбулаториями, Ида с помощью своей матери организовала настоящий сиротский дом. Более двадцати бездомных детей были приняты в дом Иды. Часто она брала с собой в поездки по деревням то одного ребенка, а то и нескольких. Ида ощутила боль невозможной утраты, когда в 1925 г. в возрасте восьмидесяти шести лет умерла ее мать. Шестьдесят три года назад этой упорной женщине миссионерский Совет отказал в материальной поддержке на основании того, что она не сможет выстоять против сурового индийского климата. Ее муж взял на себя ответственность за жену, и в течение еще четверти века после его смерти она продолжала свое служение.

По мере роста медицинского служения Иды требовались все большие суммы денег на оплату растущих расходов и приобретение современного оборудования. Эту работу материально поддерживали женщины четырех деноминаций, но денег все равно не хватало. В начале 1920-х она узнала о том, что ее работа вместе с другими христианскими школами в Индии может получить премию Рокфеллера в один миллион долларов, если они сами сумеют найти где-нибудь два миллиона. Ида вернулась в Америку, чтобы организовать кампанию по сбору денег, в результате которой была собрана сумма в три миллиона долларов; большая часть денег пошла на строительство нового медицинского комплекса в Веллuru.

Несмотря на новое оборудование, медицинский колледж в Веллuru не мог шагнуть в ногу с изменившимися требованиями правительства в годы, последовавшие за получением независимости. В 1937 г. новый министр здравоохранения издал приказ с требованием, чтобы все медицинские учебные заведения присоединились к Мадраасскому университету как его филиалы. Для "Иды это прозвучало похоронным звоном по любимой медицинской школе". Как ей собрать необходимую сумму для сохранения независимости школы, когда ее страна все еще боролась с последствиями величайшей во всей истории депрессии? Ситуация казалась безвыходной. Будущее мужской христианской медицинской школы не казалось таким безнадежным. Администраторы таких школ планировали объединиться между собой; но Ида не имела выбора, поскольку других женских медицинских школ не существовало. Но почему бы не организовать совместный колледж? Это было логическое решение, с точки зрения великого миссионерского деятеля Джона Р. Мотта, который посетил Индию в 1938 г. Предложение быстро нашло поддержку, и даже прозвучали предположения, что Веллuru может стать идеальным местом для этого.

Ида с энтузиазмом поделилась новостью со своими сторонниками на родине, но испытала лишь горечь непонимания и разногласий. Тысячи женщин жертвовали собственные деньги, чтобы обеспечить поддержку медицинских миссий в Индии, и мысль, что придется делиться заработанным с мужчинами, была для некоторых из них невыносимой. Хилда Олсон (Hilda Olson), одна из членов руководящего Совета медицинского поселка в Веллuru, коротко отреагировала на это предложение: "Веллuru, как вы сами говорили, Божий труд, но я бы хотела добавить: Божий труд для женщин. Каждый доллар должен возвратиться дающим".

Руководящий Совет миссии разделился по этому вопросу, и Люси Пибоди (Lucy Peabody), бывшая одной из самых стойких сторонниц Иды все эти годы, стала ее самым едким критиком, обвинив в неверности всему, за что горой стоял Совет. Это было тяжелое время для Иды, но, пройдя через годы бурных дебатов, Совет проголосовал за объединение с мужчинами, убедившись, что такая мера была единственной альтернативой закрытию школы. Веллuru избрали местом нового совместного христианского медицинского колледжа. Хотя Ида осталась довольна конечным результатом, ее счастье омрачило то, что и Хилда Олсон, и Люси Пибоди в знак протеста ушли из Совета.

Несмотря на бурю критики, возникшей по поводу превращения Веллuru в совместное учебное заведение, Ида стала известной во всем мире своими крупными достижениями. Репортеры брали у нее интервью, а рассказы о ней писались снова и снова. "Ридерс Дайджест" среди других журналов дал ей лестную характеристику: "В легкой поступи этой необычной седовласой женщины, в ее 72 года - ощущение весны, в глазах - блеск, и мастерство - в крепких руках хирурга с 45-летним стажем. В течение восемнадцати

лет она была главой Медицинской ассоциации в регионе с населением в два миллиона человек. Врачи со всех концов Индии присылали ей самых сложных гинекологических пациенток. Женщины и дети приходили, чтобы только прикоснуться к ней, настолько высока ее репутация целителя в Индии".

Ида вышла на пенсию в 1946 г. в возрасте семидесяти пяти лет, а ее место заняла одна из ее наиболее выдающихся учениц, доктор Хилда Лазарус (Hilda Lazarus). Это явилось изящным уходом на пенсию, по словам ее биографа. "Она, всю свою жизнь бывшая лидером, а некоторые даже называли ее диктатором, теперь нашла возможным сделаться подчиненным".

Но она оставалась активной еще более десяти лет. Она вела библейские уроки (как с женщинами, так и с мужчинами), консультировала врачей в трудных случаях, принимала друзей и знаменитостей в Хилл Топе, своей прекрасной индийской резиденции, и ловко играла в теннис. Хотя она была уже не так активна, как в шестьдесят пять лет (когда во время соревнований она безжалостно побила свою молоденькую соперницу, выиграв каждый гейм в двух сетах, после того как услышала, что девушка капризно возражала против игры с "бабушкой"), она продолжала играть регулярно, и даже в возрасте восьмидесяти трех лет, по словам биографа, "она все еще шаловливо и озорно умела подать теннисный мяч".

В 1950 г., за десять лет до ее смерти, в Веллuru были организованы "золотые" юбилейные торжества, отметившие пятидесятилетнее служение Иды в Индии. Это был день, когда чествовали женщину, так неохотно последовавшую семейной традиции Скаддеров, но чей успех превзошел достижения любого из семьи Скаддеров. Начав работу в комнате десять на двенадцать футов для приема пациентов, она дожила до того времени, когда могла видеть современный медицинский комплекс со штатом около ста докторов, общей больницей на 484 койки, глазной больницей на 60 коек и множеством передвижных клиник, обслуживающий около двухсот тысяч пациентов и готовивший около двухсот медицинских специалистов в год. Она стала настолько знаменитой, что когда письмо было адресовано просто "Доктору Иде, Индия", то в стране с населением более трехсот миллионов человек оно немедленно направлялось в Веллuru.

Джесси и Лео Халиуелл

В отличие от Уилфрида Гренфелла и Иды Скаддер, широко известных всему миру благодаря служению человечеству в качестве медиков-миссионеров, чета Халиуеллов (Halliwell, Jessie and Leo), хотя они служили в течение десятков лет тысячам людей, оказывала медицинскую помощь практически в неизвестности. Полем их миссионерской деятельности был бассейн реки Амазонки, и они посвятили свою жизнь проповеди Евангелия и медицинскому обслуживанию людей у реки, проходя в год до двенадцати тысяч миль вверх и вниз по тысячемильной территории между Беленом и Манаусом, поросшей непроходимыми джунглями. Хотя они не имели степеней в области медицины и были просто докторами в этом регионе, но они успешно лечили тропические заболевания и пользовались уважением среди индейцев.

Решение Халиуеллов заняться миссионерской деятельностью пришло почти как озарение вскоре после их свадьбы. Услышав эмоциональный призыв к миссионерской деятельности, Лео обратился в миссионерский Совет адвентистов седьмого дня, и через некоторое время он с женой уже был на пути в Бразилию без какой-либо специальной миссионерской подготовки. Джесси была медсестрой, а Лео являлся специалистом в области электротехники.

Их первым миссионерским заданием стало проведение новаторской евангелической работы в Северной Бразилии в Белене, что они успешно осуществляли в 1920-е гг. Однако Лео не хватало ограниченной сферы деятельности в Белене, особенно когда он думал о тысячах людей, живших по берегам реки, до которых миссионеры не доходили и чья жизнь казалась безысходной из-за нищеты и болезней. Оспа, сифилис, глисты, проказа, малярия и другие тропические заболевания собирали свой смертельный урожай, и Халиуеллы хотели помочь этим людям. благоветие несчастным людям и служение их физическим нуждам стали целью Халиуеллов, и во время отпуска в Соединенных Штатах в 1930 г. они стали готовиться к более обширному служению. Лео прошел курс по тропическим болезням, а Джесси овладела знаниями по питанию,

санитарии и акушерству. Они также сумели собрать деньги на тридцатифутовое судно, впоследствии служившее им домом и плавучей клиникой. Адвентистская церковь седьмого дня была одним из первопроходческих миссионерских обществ в медицинском отношении и с энтузиазмом поддержала новое начинание четы Халиуеллов.

С начала своего служения супруги столкнулись с почти ежедневной угрозой своей жизни, исходившей от враждебных племен индейцев, но по мере роста репутации медиков люди стали ждать на берегу их прибытия. Другие же, по предложению Халиуеллов, вывешивали белые тряпки в знак того, что их просят остановиться. Иногда супругам приходилось обслуживать до трехсот пациентов, болевших малярией. Большая часть подобного лечения заключалась в раздаче соответствующего лекарства, и здесь Халиуеллы столкнулись с серьезным языковым барьером, мешавшим объяснить правильное применение лекарственных средств. Однажды они оставили лекарство матери больного ребенка и велели ей давать определенную дозу каждое утро, когда запоет петух. Когда несколько дней спустя они вернулись, мать им сказала: "Мой мальчик выздоровел, но петух помер".

Хотя Халиуеллы опасались лечить серьезные заболевания, предпочитая отправлять таких больных в ближайший город, где можно было получить консультацию у врача, они часто в своих поездках сталкивались со срочными случаями, где дело не терпело отлагательств. Подобный случай произошел с маленькой девочкой, серьезно раненной аллигатором. Своевременный визит Халиуеллов и их совместный медицинский опыт помогли спасти девочке жизнь.

Проповедь Евангелия была важной частью служения Халиеуллов, и они пользовались новейшими методиками, чтобы привлечь как можно больше народу. Используя на борту своего судна генератор, они показывали фильмы и слайды - развлечение, которое приводило на судно индейцев за десятки миль от дома, и многие пришли таким образом к Христу. По мере роста обращенных Халиуеллы помогали основывать церкви и школы; часто к ним приезжали другие миссионеры, чтобы помочь в работе.

В 1956 г., через двадцать пять лет служения индейцам на реке Амазонке, Халиуеллы ушли на заслуженный отдых, чтобы начать работу в Рио-де-Жанейро, руководя деятельностью всех мероприятий медицинского служения адвентистов в Южной Америке. Благодаря вдохновенному примеру служения, Амазонка "переполнилась" плавучими клиниками, а новаторская работа супругов на этом закончилась.

Карл Беккер

Пожалуй, Африка стала излюбленным полем деятельности медиков-миссионеров, чей вклад в проповедь Евангелия африканцам был огромен. Имена таких людей, как Дейвид Ливингстон, Альберт Швейцер, Хелен Роузвьер, Пол Карлсон (Paul Carlson) и Малколм Форсберг (Malcolm Fors-berg), напоминают о том, какую великую помощь оказали Африке миссионеры. И, конечно, там были и не столь заметные личности, такие, как Эндрю П. Стерет (Andrew P. Stirratt) из Суданской внутренней миссии, которого приняли в миссию без большой охоты в качестве кандидата (после того как он подарил миссии свое поместье и оплатил собственный проезд), потому что его возраст - тридцать восемь лет - они посчитали неприемлемым для начинающего миссионера. Он же прослужил верно еще более сорока лет, наблюдая за всей амбулаторной работой и лично занимаясь лечением десятков тысяч пациентов в течение всего срока служения. Но если есть человек, который выделяется из общего числа продолжительностью своей медицинской службы в Африке в сочетании с чрезвычайной преданностью делу спасения жизни африканцев и укреплению здоровья африканского народа, то это, без сомнения, Карл Беккер, великий *tunganga* для Конго.

Двадцатидвухлетний Карл Беккер (Carl Becker) поступил в Медицинский колледж Ханеманна в Филадельфии в 1916 г., когда президент Уилсон развернул кампанию за второй срок своего пребывания на этом посту. Он закончил школу за несколько лет до этого, сразу после нее начав работать в плавильне, чтобы поддержать свою овдовевшую мать и сестру, но затем настоятельная необходимость в поддержке отпала. Имея в запасе чуть больше ста долларов, он начал шестилетнюю зубрежку ради будущей финансовой независимости, которой у него никогда не было. Первая мировая война была развязана вскоре после того, как он стал студентом. Ему казалось, что война "послана Богом", ибо она позволила ему пойти добровольцем в медицинские

войска Соединенных Штатов, что давало ему бесплатное жилье и образование в дополнение к небольшой заработной плате.

Беккер начал практиковать медицину в Бойертауне, Пенсильвания, в 1922 г., а три месяца спустя женился на Марии, молодой женщине, которую встретил за несколько лет до этого на собрании в церкви. До свадьбы он предупредил Марию, что обещал посвятить свою жизнь Богу, если Бог даст ему образование. "Неизвестно, значит ли это, что я отправлюсь в Китай или Африку как миссионер или что-то другое, - сказал он ей, - но Он вправе предъявить любые права на мою жизнь". Когда Беккер обосновался в Бойертауне, его известность и практика стали быстро расти, и его обещание Богу забылось всеми, но однажды он получил письмо от Чарлза Хелберта из Африканской внутренней миссии, которого повстречал несколькими годами ранее. Жена сына Хелберта, Элизабет Морз Хелберт, врач-миссионер, служившая в Конго, внезапно умерла, и Хелберт срочно подыскивал ей замену. Разрываемый чувством вины, Беккер отклонил предложения Хелберта, объяснив свой отказ обязанностью поддерживать мать. Хелберт, однако, не собирался сдаваться и на следующий год наконец получил от Беккера письмо с выражением согласия. Летом 1928 г. Беккеры отплыли в Африку, оставив "более 10 000 долларов дохода в обмен на 60 долларов в месяц... направляясь в примитивный уголок света, о котором ничего не знали".

Первый дом Беккера в Конго находился в Катве, где они жили в глинобитной хижине. Мария, приложив творческое воображение, превратила ее в "глинобитный особняк". Прослужив некоторое время в Катве, Беккер перебрался в Абу, заменив в больнице доктора, ушедшего в отпуск, а затем в 1934 г. с женой и двумя детьми переехал на маленькую миссионерскую станцию в Ойче в густых лесах Итури, чтобы работать среди пигмеев и других лесных племен.

Расцвет служения Беккера произошел именно здесь, в Ойче, мало пригодной для миссионерской больницы. В этом месте, окруженном стеной из гигантских красных деревьев, он построил отлично действующий медицинский поселок буквально из ничего - примитивный по сравнению с удобствами, к которым он привык дома, но такой, который удовлетворял потребностям африканцев в джунглях. Беккер не был организатором или проектировщиком на века, не умел налаживать связи с общественностью. Иначе, пишет его биограф, "он бы сумел собрать большие суммы денег тем, что догадался бы назвать свою больницу мемориальной, дав ей имя какого-нибудь всем дорогого святого..." Как бы то ни было, Беккер достраивал, когда возникала необходимость, нужное количество комнат и зданий без "всякого общего плана застройки". Для строительства больницы денег не было, поэтому большая часть расходов происходила из шестидесятидолларовой зарплаты доктора.

Медицинское обслуживание в Ойче быстро расширялось, и через два года каждый день обслуживалось около двухсот пациентов. Но были еще некоторые деревни и племена, обойденные вниманием доктора. Знахари и колдуны оказывали мощное воздействие на людей, пока один за другим люди не обращались к Христу, благодаря неустанной работе Беккера и других миссионеров как проповедников Евангелия.

Благовестие было первоочередным служением для Беккера в Африке, и конец недели он посвящал поездкам по деревням. Хотя он не имел формальной библейской подготовки и не был библейским учителем, он успешно проповедовал Евангелие африканцам. Библейские истории представлялись в переложении, понятном африканцам, и вскоре пришлось отказаться от картинок из программы американской воскресной школы в пользу собственных, неумело нарисованных Беккером, которые стали настолько популярны, что ему пришлось копировать их во множестве для раздачи слушателям, а они, в свою очередь, также использовали их в работе. Однажды, когда Беккер пришел в дальнюю деревушку, он заметил посреди дороги большую толпу и, к своему удивлению, обнаружил там неграмотного конголезского солдата, делившего Евангельской вестью с использованием набора рисунков, который получил от Беккера месяц тому назад.

Как многие другие медики-миссионеры, он был расстроен тем, что подавляющая часть времени уходила на служение физическим нуждам, а не духовным, несмотря на эффективную работу по проповеди Евангелия. "В чем же духовная ценность всех этих усилий?" - часто спрашивал он себя. Но постепенно он начал понимать, по словам его биографа, "что духовная ценность заключалась именно в его медицинской работе. Медицинскую работу можно было сравнить с тяжелой пахотой перед последующим

процессом сеяния - как труд Иоанна Крестителя перед приходом Мессии. И Беккер вдруг ощутил, что она была совершенно миссионерским служением. Это была возможность массового благовестия, ибо как иначе удастся собрать каждый день несколько сотен нуждающихся африканцев, приходящих из дальних мест туда, где можно услышать проповедь слова Божьего? Существовала и возможность христианского роста для его пациентов. Имея стационарных больных, он стремился помогать молодым африканцам возрастая в христианской жизни, обеспечивая им самые благоприятные условия, так необходимые для младенцев во Христе. Доктор Беккер чувствовал, что это являлось крепким фундаментом для постройки африканской церкви".

Во многих случаях медицинские миссии открывали дорогу для благовестия племенам, которых в иных условиях достичь было невозможно. Так получилось и с пигмеями в лесах Итури. Пренебрежительное отношение со стороны других африканцев уже давно оттеснило пигмеев в джунгли и спрятало их с глаз всех сторонних наблюдателей, как белых, так и черных, но потребность племени в медицинской помощи помогла постепенно преодолеть эту исключительную изоляцию. Очень медленно они научились доверять миссионерам, и тогда стало возможным их обращение в христианскую веру.

Таким же образом, медицинские миссии сыграли главенствующую роль в проповеди Евангелия прокаженным. Эти люди также являлись объектом дискриминации, но та любовь и забота, которую они видели со стороны доктора Беккера и его коллег, позволили им вновь почувствовать себя нужными, и они тысячами стали приходить к Христу.

Хотя Беккер лечил разнообразные болезни и болячки, больше всего его беспокоила проблема проказы, и он отчаянно пытался найти средство, которое бы облегчило ужасные страдания больных. Молва о его сострадании росла, и прокаженные приходили к нему тысячами в надежде получить помощь. К началу 50-х гг. он лечил около четырех тысяч постоянных пациентов в своей деревне для прокаженных, раскинувшейся на 1100 акрах. Результаты были впечатляющими - настолько, что медики-миссионеры и лепрологи со всех концов света съезжались в Ойчу и он делился с ними результатами своих исследований. Большие достижения по облегчению мук болеющих проказой людей были налицо, но Беккер оставался недоволен и, несмотря на перегруженный график работы, продолжал исследования в надежде найти более эффективные методы лечения. Даже доктора Роберта Кохрейна (Robert Cochrane) из Кембриджа, который имел мировой авторитет по изучению и лечению проказы, поразили его открытия.

Беккер, единственный врач в Ойче, каждый год проводил также до четырех тысяч операций и принимал около пяти сотен малышей. Но даже имея такой напряженный график работы, он находил еще время на изучение медицинских областей, которые обходили многие практики, например, психиатрию, и смело экспериментировал, используя самые современные методы лечения. Среди его пациентов были очень беспокойные люди, которых семьи считали одержимыми бесами, но Беккер их лечил как психически больных людей. Он организовал специальную палату для психиатрических больных и стал первым доктором в Экваториальной Африке, эффективно применявшим электрический шок для лечения африканцев. Хотя он успешно лечил многих пациентов этим методом, "он оставался уверенным в том, что просто христианство являлось самой здоровой общей терапией для психически больных, что "только Евангельская любовь и надежда могут изгнать все суеверия и все страхи".

Несмотря на огромные заслуги в служении ради людей, Беккер не сумел избежать злобных нападок националистов, которые организовали восстание в Конго в 1960-е гг. В то время как многие миссионеры бежали в Восточную Африку, спасая жизнь, он продолжал работать в Ойче до лета 1964 г., когда стало ясно, что далее в поселке оставаться нельзя. Он неохотно согласился бежать только узнав о том, что по приказу Массамба-Дебы карательный отряд должен его расстрелять. В возрасте семидесяти лет он попрощался с любимыми африканцами, с женой, тремя медсестрами, молодым ассистентом и успел эвакуироваться, едва избежав мести свирепых партизан Массамба-Дебы.

Учитывая возраст Беккера, эвакуация 1964 г. могла бы оказаться удобным поводом для выхода его в отставку. Но Африка стала для Беккеров родным домом. По словам его

биографа, у Беккера была "аллергия на отпуск", и у него отсутствовало желание жить в Соединенных Штатах. С 1945 г. он провел в Соединенных Штатах менее года, и, хотя он признавал, что скорости не те, он хотел помогать Африке как можно дольше. Поэтому через год относительной безопасности в Восточной Африке, когда политическая ситуация в Конго стабилизировалась, Беккеры вернулись в Ойчу, чтобы восстановить разрушенный повстанцами поселок и возобновить медицинское служение, необходимое как никогда. Хотя в 1966 г. Беккер перенес три сердечных приступа, он продолжал работать, не отвечая на предложения отдохнуть: "Если этот день станет моим последним днем на земле, я определенно хочу провести его не в постели".

Только в возрасте восьмидесяти трех лет доктор Беккер согласился уйти на пенсию и вернуться в Соединенные Штаты. Свои последние годы он посвятил межконфессиональному проповедническому медицинскому центру, включавшему в себя больницу и школу для африканцев - проект, который давно был его мечтой. Эта программа была запущена в 1976 г., и он понял, что ему пора отойти в сторону. Беккер прослужил медиком-миссионером почти пятьдесят лет и оставил неизгладимый след в памяти африканцев. Известный американский обозреватель Арт Бучвальд (Art Buchwald) писал о нем: "Во всем Конго огромное впечатление на нас произвел американский миссионер-доктор по имени Карл К. Беккер... Покидая Ойчу, мы не могли не подумать, что у Америки есть свой собственный доктор Швейцер в Конго". Но величайшим признанием, сделанным Беккеру, могут служить слова африканского практиканта: "Многие миссионеры проповедовали мне Иисуса Христа и многие миссионеры рассказывали мне об Иисусе Христе, но в нашем *munanga* я увидел Самого Иисуса Христа".

Вигго Олсен

Известный по своей популярной биографии "Дактар: дипломат в Бангладеш" ("Daktar: Diplomat in Bangladesh"), Вигго Олсен (Viggo Olsen), как явствует из названия, был более чем доктором. Он был неофициальным дипломатом, который прокладывал себе дорогу через густые дебри бюрократических препятствий, организовав большой поселок и смело служа бенгальскому народу в час наибольшей беды.

Вскоре после окончания в 1944 г. школы в Омахе, штат Небраска, Олсен решил изучать медицину. Он начал учебу в университете Тулейна, занимаясь по программе, одобренной военным флотом Соединенных Штатов, а затем поступил в университет Небраски. После семи лет зубрежки получил ученую степень доктора медицины. В студенческие годы Олсен женился на Джоан, и вместе они мечтали об обеспеченной жизни, которую могла дать им профессия врача.

В планах Олсена на будущее религия не занимала существенного места. Для молодой четы Олсенов чтение Библии и посещение церкви не имело никакого отношения к повседневной их жизни. Но как ни старались они избежать этого, христианство стало тем предметом, обойти который им не удалось. Оба родителя Джоан пришли к вере после того, как дочь уехала учиться в колледж. Они отчаянно хотели, чтобы Джоан и Вигго испытали тот же мир, к которому они пришли через веру в Христа. Родители делились своей только что обретенной верой в письмах и часто вкладывали туда христианские брошюры, а когда Джоан и Вигго навестили их в Толедо, Огайо, по пути в интернатуру в колледже Лонг-Айленда, они смело вынесли этот вопрос на обсуждение при личной встрече. Первоначальная реакция Вигго была отрицательной: "Я смотрел на христианство и Библию глазами агностика, считая, что современная наука давно опередила религиозные чувства. Когда мой тесть заговорил о слабых местах в доказательстве эволюционных законов и других научных обоснований, я внутренне вскипел".

Ситуация изменилась еще до того, как они уехали из Толедо. Вигго и Джоан долго обсуждали духовные вопросы с христианским служителем и после этого согласились изучить "христианскую религию и Библию", чтобы прийти к "собственному, независимому решению", обещав ходить в христианскую церковь, когда обоснуются в Бруклине. Именно это обещание постепенно привело их к обращению через служение баптистского пастора, его жены и членов их прихода.

После интернатуры в Нью-Йорке и кратковременной медицинской службы в военном флоте в южной части Тихого океана, Вигго остановил свой выбор на клинике Мейо,

подав заявление о приеме на работу на очень престижную кафедру медицины внутренних болезней. С такой влиятельной практикой он мог, наконец, исполнить мечту найти свое место в жизни и преподавать медицину, обеспечивая семью всем необходимым.

Но мечта, когда-то казавшаяся Олсенам такой возвышенной и притягательной, вдруг перестала быть мечтой и заставила усомниться в правильности выбранного пути. Они стали задаваться вопросом, в чем заключалось их предназначение. Может быть, в служении Богу? Прежде чем покинуть Бруклин, Вигго случайно услышал, как пожилая женщина в церкви сказала: "Теперь, когда доктор Олсен стал христианским верующим, он наверняка станет миссионером". В тот момент Вигго "внутренне содрогнулся", но слова запали ему в душу; проходили месяцы, и их с Джоан мечты постепенно изменились: "Чем больше мы думали, размышляли и молились о том, что же делать дальше... тем больше медицинская миссия казалась нам самым правильным выбором". Долгие недели нерешительности закончились целой неделей напряженной внутренней борьбы. "На седьмой день, идя одиноко по пляжу, а внутренне со всех сторон теснимый прошлым своим опытом, человеческими чувствами, наследственностью, средой, библейским учением, Божьей волей и множеством других сил, я почувствовал, что наступил кризис". Вигго упал на берегу на колени и "принял призыв Божий к служению в зарубежных медицинских миссиях". Три дня спустя наступил момент серьезного испытания для молодой пары. "По почте пришло письмо: "Мы счастливы сообщить вам, что вы приняты членом научного общества на факультет медицины внутренних заболеваний в клинике Мейо". Но Вигго уже не колебался: "Мне не составило труда написать письмо с отклонением их приглашения. Божья работа во мне завершилась. Мной овладел полный мир"".

Следующие пять лет, с 1954 по 1959 г., были заполнены трудами. Семья Олсенов выросла с трех до шести человек, тогда как Олсен продолжал образование для подготовки к медицинской деятельности. В то же время Вигго и Джоан окунулись в работу поместной церкви и исследовали различные миссионерские Советы в поисках места будущего служения. Но Вигго не стал ждать приглашений от миссионерского Совета или из-за рубежа, чтобы начать работу. Он считал проповедь Евангелия частью своей врачебной деятельности, и неважно, был ли он дома или за границей.

Однажды, когда он совершал послеобеденный обход в окружной больнице Милуоки, где заканчивал курс хирургического обучения, он "почувствовал сильное беспокойство о пациенте, которого готовили к операции на следующее утро". Вигго объяснил человеку, что его рак был серьезным и что операция будет обширной, а затем "заговорил с ним о вере и Божьем Сыне, Который любил его и отдал за него жизнь". Там, на больничной койке, этот человек доверил свою жизнь Христу, а после операции благодарил доктора Олсена в присутствии больничного персонала за то, что тот объяснил ему "путь к вечной жизни".

Выбор Олсенами миссионерского Совета был трудным. Поскольку они были баптистами, им рекомендовали Ассоциацию баптистов за всемирную евангелизацию. Медицинские работники требовались АБВЕ в Восточном Пакистане, и Виктор Бернارد (С. Victor Barnard), миссионер, которому предстояло начать там работу, встретился с Вигго и настаивал, чтобы Вигго обдумал это предложение. Однако во время встречи возникли философские разногласия:

"Взгляд мистера Бернарда на медицинское служение... резко отличался от моего понимания этого вопроса. Он представлял себе доктора, который будет переходить из деревни в деревню с черной сумкой в руке, стараясь по мере возможностей лечить наименее серьезные заболевания. Я же видел маленькую, но дееспособную больницу объектом первостепенной важности. Я считал, что нам нужен штат докторов, медсестер и других работников, чтобы обеспечить отличное медицинское и хирургическое лечение, достойное представлять своим служением Иисуса Христа, и в такой обстановке любви и заботы ежедневно делиться Его Благой вестью с другими. Во время обсуждения деятельности медицинской миссии я обнаружил, что взгляды мистера Бернарда были устоявшимися и неколебимыми, и что бы я ни говорил, не представлялось возможности его переубедить. Сколько бы я ни ценил этого чудесного и преданного Божьего человека, я чувствовал, что Восточный Пакистан мне не подойдет, потому что я не мог завершить Богом явленный план в пределах этих ограничений".

Но Вигго не мог выкинуть из головы Восточный Пакистан: "С одним миссионером на каждые три четверти миллиона населения, Восточный Пакистан был почти забыт Христовой церковью, забыт более, чем какая-либо другая страна. Ни христиане, ни христианская работа не изливали своего милосердия на этот отдаленный уголок страны. Существовал величайший христианский вакуум между современным служением и трудами ранних миссионеров-первопроходцев, Уильяма Кэри в Индии и Адонирама Джадсона в Бирме. Теперь в Восточный Пакистан визы доступны, и там преобладает атмосфера религиозной свободы. Наши взоры оставались прикованными к этому отдаленному региону мира... И АБВЕ казалась тем миссионерским агентством, на которое указывало нам провидение".

Весной 1959 г. президент АБВЕ прислал Вигго приглашение предстать перед Советом и высказать свою точку зрения на медицинское служение. Вигго познакомил членов Совета с тринадцатью основными принципами и заметил, что, если они отвергнут их, "он и его жена будут знать, что им следует искать другой Совет и другую область миссионерской деятельности". После длительного заседания Совет единогласно поддержал введение в действие тринадцати принципов работы в Восточном Пакистане. Хотя расходы предстояли большие, члены Совета считали, что Вигго поставил перед собой правильную цель. Над его основными принципами следует поразмышлять любому медику-миссионеру и поддерживающей его миссии:

1. Господа можно представлять медицинским служением лишь самого высокого качества и сострадания.
2. Поскольку "черный саквояж" и клиническое лечение не в состоянии исцелить многие болезни, желательным началом является открытие больницы.
3. Месторасположение будущей больницы должно выбираться с особой тщательностью.
4. Для обеспечения бесперебойной медицинской работы необходимо обеспечить наличие двух и более докторов.
5. Врачи обязаны научиться лечить тропические болезни, прежде чем начать практику в тропиках.
6. Врачи и медсестры должны иметь достаточно времени для постоянного изучения языка.
7. По меньшей мере один из членов руководящего миссионерского Совета должен быть христианином-врачом.
8. На работу в больницу могут назначаться миссионеры без специального медицинского образования для административного и духовного служения.
9. Местным кадрам следует обеспечить возможность получения медико-духовного образования.
10. Больница в бедной местности не может быть полностью самокупаемой, иначе плата за лечение станет слишком высокой и богатым пациентам будет отдаваться предпочтение перед бедными.
11. Медицинская работа должна направляться в русло духовного свидетельства и духовного исцеления.
12. Христианским верующим следует помогать, их нужно крестить, любить, укреплять их веру, а затем направлять в поместную церковь.
13. Медицинский персонал должен обладать духовной силой и стойкостью и высоко нести знамя Христа, чтобы сохранить высочайшие духовные стандарты.

Только в январе 1962 г. Олсены сели на самолет, направлявшийся в Восточный Пакистан. Почти три года прошло с тех пор, как Совет принял тринадцать принципов, и все эти годы были посвящены изучению тропической медицины, а полтора года из них потрачены на сбор денег. Тот факт, что талантливый и многообещающий молодой кандидат в миссионеры был высокопрофессиональным доктором медицины, не освобождал его от несколько унижительного хождения по церквам, где он рассказывал о предстоящем служении и финансовых нуждах. Именно такого положения дел искали Олсены, когда размышляли о миссионерском Совете: "Мы хотели сотрудничества с такой миссией, у которой бы не было счета в банке, чтобы немедленно отправить нового миссионера. Скорее, мы бы желали поездить по церквам с депутацией, представляя нашу программу и молясь о том, чтобы Бог помог церквам осознать необходимость поддержки. Таким образом, мы могли бы научиться доверять нашему Отцу небесному в большей степени и познакомиться бы со множеством церквей и сотнями и тысячами прихожан. Эти церкви так же узнали бы нас лично, поняли бы суть

нашей работы и стали бы серьезно молиться за нас и нашу деятельность. Такая молитвенная поддержка была бы бесценной".

Прибыв в Восточный Пакистан, Вигго немедленно начал планировать строительство больницы, но сразу столкнулся с препятствиями. Хотя в Восточный Пакистан миссионерам попасть было относительно легко, но неспособность правительственных чиновников эффективно работать и их бюрократическое отношение к организации медицинской работы были потрясающими. Восточный Пакистан, отделенный от Западного Пакистана расстоянием более тысячи миль, населенный семьюдесятью пятью миллионами человек, считался лишь провинцией Пакистана (остальные четыре провинции были в Западном Пакистане). Подобная ситуация приводила к плохому управлению и лени правительственных чиновников. Не помогал решению проблемы и тот факт, что религия и культура Восточного и Западного Пакистана сильно отличались друг от друга; бенгальцы, составляющие большинство обитателей Восточного Пакистана, были мусульманами, в то время как жители Западного Пакистана были в основном индуистами.

Хотя терпение Вигго испытывали не раз и не два, он наконец нашел землю и получил разрешение, необходимое для возведения медицинского поселка с помощью строителя, приехавшего добровольцем из Соединенных Штатов. В 1964 г. началось долгожданное строительство. В это время Олсены сконцентрировали усилия на изучении языка, а Вигго при этом выполнял каждодневную медицинскую работу. Но все для АБВЕ в Восточном Пакистане складывалось плохо, а 1965 г. превратился для них в кризисный: "Со всех сторон нас били, препятствуя выдаче виз, мешая работе с племенами, нас преследовали проблемы с персоналом, штормовые ветры, военные бури, бомбардировки, болезни и смерть! Мне пришлось созвать двадцать пять специальных полевых собраний Совета, чтобы справиться с постоянно возникавшими проблемами и препятствиями".

Шли месяцы, а ситуация в Восточном Пакистане только ухудшалась. Индия стала собирать войска на границе с Западным Пакистаном, а затем началась семнадцатидневная война между Индией и Пакистаном, когда большая часть женщин и детей из семей миссионеров эвакуировалась до той поры, пока ситуация не нормализовалась. В 1966 г. открылась Мемориальная христианская больница и началась полномасштабная медицинская работа. Персонал больницы был готов к любым чрезвычайным обстоятельствам, таким, как вспыхнувшая в 1968 г. эпидемия холеры. В больнице во время этой эпидемии проходили лечение сотни пациентов, но смерть унесла только двоих. Но служение Вигго включало много больше, чем просто медицинскую работу. Он активно участвовал в благовестии и преподавал в классе новообращенных бенгальцев-христиан до крещения. Занятия в этом классе закончились семнадцатью крещениями - самое большое служение крещения, когда-либо проводившееся в этом регионе.

В начале 1970-х гг. в Восточном Пакистане опять начались политические беспорядки. Мусульманское большинство давно было недовольно вмешательством Западного Пакистана в свои дела, и растущее движение за независимость набирало силу. К началу 1971 г. военные силы Западного Пакистана вторглись в Восточный Пакистан, и опять большую часть женщин и детей миссионеров пришлось эвакуировать. Вигго и остальные сотрудники остались в поселке, чтобы сохранить ценное медицинское оборудование в рабочем состоянии, не зная, увидятся ли когда-нибудь со своими любимыми. Это было ужасное время как для миссионеров, так и для простых бенгальцев: "...пакистанская армия вторгалась в города и поселки страны. Везде они следовали тому же сценарию убийств, насилия, грабежей и поджогов".

Мучительной и тревожной стала для Вигго и его коллег ночь 23 апреля 1971 г. В тот день от бенгальского друга пришли тревожные новости о том, что вооруженные бандиты в ту же ночь собирались атаковать медицинский поселок. Попытка избежать столкновения означала бы потерять больницу и все, ради чего они столько работали и строили. По мнению Вигго, выход оставался один: вооружиться и рисковать собственной жизнью ради служения, которое они были призваны исполнить.

Усложняло ситуацию то, что Вигго в этот день во время аварии на мотоцикле сломал руку, но вместе с другими он организовал в поселке оборону, пытаясь разглядеть что-нибудь во мраке наступающей ночи. Часы отсчитывали секунды, оставшиеся до полуночи, когда правительственный генератор отключал в поселке свет. Вот-вот

погаснут огни. "С трех сторон нас окружал густой лес, а с четвертой стороны - река. В густой тьме вооруженные грабители могли тихо войти в поселок с сотен различных позиций. Мы были словно сидящие в камышах утки". По какой-то необъяснимой причине огни так и не погасли и атака так и не состоялась"... "Это чудо было от Аллаха", - объяснил один из бенгальских стражей, но Вигго и его коллеги знали истинную причину спасения.

В следующем месяце Вигго покинул Восточный Пакистан, уехав в отпуск и для лечения в Соединенные Штаты. Пока он отсутствовал, в ужасных муках родилась независимая страна Бангладеш. Вигго знал, что его возвращения ждут, как никогда раньше, и как только он смог получить разрешение на въезд у нового правительства, он вернулся - его виза была за номером "001". И там, среди боли и страданий, он служил плодотворно, как яркое свидетельство христианской медицинской миссии и нашего Господа.

Глава 13. Переводчики и лингвисты: "Библия на всех языках"

Хотя работу по переводу Библии, наряду с медицинским служением, можно рассматривать как характерную для XX в. специализацию, она все же имеет глубокие корни в ранней истории христианской церкви. По мере распространения Евангелия в средиземноморском мире, переводы Писаний возникали на сирийском, грузинском, коптском, готском, славянском и латинском языках. К середине XV в. уже существовало более тридцати переводов Библии. За следующие три столетия были сделаны другие переводы Библии на самые разные языки, и этот труд приобрел новое значение с развитием Возрождения и Реформации. Тексты Библии появились почти на всех основных европейских языках, и к началу XIX в. было завершено еще тридцать четыре перевода.

Неудивительно, что именно современное миссионерское движение изменило характер работы переводчика. Ею больше не занимались дотошные ученые в монастырях и пыльных библиотеках. Библию стали переводить неподготовленные миссионеры, селившиеся во всех частях мира, выполнявшие переводческую работу в крытых соломой хижинах с помощью неграмотных консультантов; эта работа стала дополнительным делом, завершающим все остальные усилия миссионеров в деле благовестия. Уильям Кэри, несомненно, считается первым и наиболее плодотворным из таких миссионеров, но веком раньше преданный и энергичный Джон Элиот перевел Писания для племени индейцев-алгонкинов в Массачусетсе. Именно Кэри доказал, что перевод Библии может стать обычным делом и неотъемлемой частью миссионерского служения. Следуя его примеру, почти все миссионеры-первопроходчики Великого века, включая Роберта Моррисона, Адонирама Джадсона, Роберта Моффата, Хадсона Тейлора и Генри Мартина, переводили эту богодухновенную книгу. Только в XIX в. переводы Библии появились почти на пятистах языках.

Но каким бы значительным и важным ни являлся перевод Библии в Великий век, лишь в XX в. эта работа приобрела новое значение с появлением науки лингвистики. С возникновением большого количества текстов Библии на разных языках миссионерам уже не требовалось бороться с проблемами перевода, чтобы начать благовестие среди населения. И в то же время многие миссионеры начали считать переводческую деятельность специфическим и специализированным служением и почувствовали необходимость обеспечения всех народов мира Божьим Словом на их родном языке. Начиная с 1900 г., главные части Библии были переведены еще на тысячу языков, половина из которых - после 1950 г., что является показателем важности достижений лингвистики для служения библейских переводчиков.

Лингвистика, однако, весьма незначительно повлияла бы на библейский перевод, если бы не настойчивые усилия У. Камерона Таунсенда и его организаций-близнецов - Летнего института лингвистики и Библейских переводчиков Уиклифа. ЛИЛ был основан Таунсендом и Л. Л. Легтерсом (L. L. Legters) на ферме Озарка в 1934 г. как летний лагерь Уиклифа. Его основатели стремились обеспечить подготовку потенциальных переводчиков Библии. Хотя эта организация сама не являлась миссионерским обществом, она внесла неоценимый вклад в развитие всемирного благовестия. Ее учебные программы за последние полвека (разработанные на основе программ университета в Оклахоме и других американских и зарубежных университетов) давали студентам навыки фонетической записи незнакомых языков, разработки алфавитов,

анализа грамматики, обнаружения идиом, составления букварей, обучения людей грамотности и перевода Писаний. Учащимся предлагалось также воспользоваться опытом своих предшественников и учесть их ошибки, чтобы избежать различных ловушек.

Несмотря на то что ЛИЛ был важным фактором в деле развития библейского перевода, вскоре стало ясно, что его мирской характер (в целях лучших взаимоотношений с иностранными правителями) не подходит для вспомогательной миссионерской организации. Поэтому в 1942 г. была основана организация Библейские переводчики Уиклифа (названная так в честь Джона Уиклифа, переводчика Библии XIV в., имеющего славу "утренней звезды Реформации"). Во главе ее встал в прошлом бизнесмен Билл Найман (Bill Nyman). Эта организация поставила своей целью сбор финансовых средств в поддержку переводчиков-миссионеров и на пропаганду миссионерской деятельности, как делали и ее предшественники, сотрудники Исследовательского миссионерского агентства. Организации-двойняшки, БПУ/ЛИЛ, хотя и не зависели друг от друга, но имели тесно связанный между собой директорат, одни и те же цели и философию, однако их обязанности были различными.

Помимо БПУ существовали и другие миссионерские организации, активно включившиеся в работу по переводу Библии, но большинство из них вскоре обнаружили бесценное значение лингвистической подготовки и стали отправлять своих студентов в ЛИЛ. Миссия новых племен и Миссия неохваченных земель среди прочих активно участвуют сегодня в переводческой деятельности. Работа по переводу Библии в наше время все активнее проводится незападными христианами. В ЛИЛ приезжают студенты со всех концов мира, включая Мексику, Китай, Японию и африканские страны. Случалось, что представители некоторых племен сами завершали выдающееся дело перевода Библии. Эйнджел, индеец-миштек из Мексики, с образованием всего лишь шесть классов испанской школы, стал профессиональным переводчиком Священных Писаний на язык миштеков, а позже приехал в Соединенные Штаты с директором ЛИЛ Кеном Пайком (Ken Pike) и работал вместе с ним, переводя Новый Завет, набирая текст и корректируя гранки.

Учитывая существенную разницу в народных традициях и культуре, задача по переводу Библии много облегчается с помощью таких компетентных национальных кадров, как Эйнджел. Библейский перевод - это не точная наука, и лингвист должен тонко чувствовать культурные различия и знать, когда передать библейский текст в точности, а когда допустить отклонения, обусловленные восприятием того или иного народа. Ключом к правильному переводу является гибкость, по словам Юджина Ниды (Eugene Nida) из Объединенных библейских обществ. Гарольд Мултон (Harold Moulton) также отмечал, что в процессе перевода часто возникают сложные философские вопросы, и нелегко найти на них быстрый ответ. "Эскимосский переводчик находит все ссылки на земледелие весьма сложными. Во многих тропических странах хлеб является неизвестным продуктом потребления. Существуют различия в формах приветствия. Слово "оправдание" во множестве языков не имеет такой фоновой подоплеки, как у Павла. Замена хлеба другим продуктом приводит к опасности уклониться от оригинального смыслового значения. Если сохранить английское или греческое слово, то существует вероятность, что оно останется непонятым. Переводчики повсюду должны придерживаться ближайшего, естественного эквивалента; но выработать такое на практике всегда очень трудно".

В то время как подобные трудности мешают переводчикам и сейчас, большая часть проблем в переводе Библии снята современными технологиями. Сегодня переводчики Библии пользуются компьютерами размером с дипломат, работающими на энергии батареек непосредственно в деревнях, в которых проходит их служение. Такие технологии являются незаменимыми при составлении словарей, использовании перекрестных ссылок, редактировании текстов и в языковых исследованиях вообще.

Но, несмотря на развитие современных технологий, лингвистической науки и на тот импульс, что дали библейскому переводу за последние десятилетия БПУ/ЛИЛ, задача все еще далека от завершения. Согласно недавним исследованиям, современный мир говорит более чем на пяти тысячах языков, а Библия и Новый Завет переведены только на одну треть из них. Сегодня только переводчики Уиклифа работают более чем с семью сотнями языков, и каждый год публикуются переводы примерно на тридцати

новых языках; но с такой скоростью для выполнения нашей задачи потребуется еще целое столетие.

Уильям Камерон Таунсенд

Человеком, больше всех повлиявшим на всплеск активности в области библейского перевода в XX в., стал Уильям Камерон Таунсенд, основатель БПУ/ ЛИЛ. Он считался человеком твердых убеждений, и его руководящая роль в этих организациях, как и в Авиации джунглей и радиослужбе, - была весьма значительной, что часто вызывало бурю противоречий. Кам никогда не вписывался в классическую модель консерватора, по которой были вылеплены большинство его коллег и сторонников, и хотя его личная вера никогда не подвергалась сомнению, но методы работы этого человека многие евангельские лидеры рассматривали скептически. И все же Билли Грэм говорил о нем как о "величайшем миссионере нашего времени", а к моменту смерти Кама в 1982 г. Ральф Уинтер из Американского центра всемирных миссий назвал его, наряду с Уильямом Кэри и Хадсоном Тейлором, одним из трех выдающихся миссионеров последних двух веков.

Кам Таунсенд родился в Калифорнии в 1896 г. в период больших экономических трудностей, последовавших за паникой 1893 г., и раннее детство мальчика омрачалось бедностью.

Он вырос в пресвитерианской церкви, а после окончания школы поступил в Западный колледж, бывший пресвитерианским учебным заведением в Лос-Анджелесе. На второй год учебы он присоединился к Добровольческому студенческому движению, а окончательно настроился на миссионерское служение, когда услышал призыв Джона Р. Мотта, приехавшего в их студенческий городок. В выпускной год Библейский дом Лос-Анджелеса призвал в Латинскую Америку библейских коммивояжеров, и Кам почувствовал желание ехать. Он обратился в эту организацию, был принят и через короткое время назначен в Гватемалу, но вскоре понял, что существуют некоторые другие срочные обязательства. Шел 1917 год, и, как капрал Национальной гвардии, он знал, что должен идти воевать. И он пошел, веря, что его патриотический долг - служить своей стране, отставив на время миссионерскую деятельность. Однако иначе думала Стелла Циммерман (Stella Zimmerman), одинокая женщина-миссионерка из Гватемалы, которая приехала в Штаты в отпуск и укоряла его за то, что он был "трусом", "сбежавшим на войну, куда идут миллионы других мужчин, оставляя женщин одних выполнять Божий труд". Ее упреков было достаточно, чтобы Кам обратился с просьбой о демобилизации, и, к его удивлению, капитан в части согласился отпустить его, сказав, что он "принесет много больше пользы, продавая Библии в Центральной Америке... чем стреляя в немцев во Франции".

Кам отправился в Гватемалу в сопровождении товарища по колледжу в августе 1917 г., и так началась его миссионерская карьера, продлившаяся более чем полвека. Распространение Библий в Центральной Америке, где они были практически недоступными, на первый взгляд могло показаться легким делом, но вскоре он убедился, что большая часть усилий растрачивалась напрасно. Он работал в основном в отдаленных районах, где около двухсот тысяч какчикельских индейцев не могли читать испанские Библии, которые он продавал, а их язык еще не имел письменности. Разъезжая по их землям и знакомясь с их языком, Кам все больше стал задумываться о судьбе индейцев; но они не торопились доброжелательно отвечать на его заботу и их, казалось, раздражало его предложение о приобретении Библий на испанском языке. "Послушай, - спросил его однажды один индеец, - если твой Бог такой умный, почему Он не выучит наш язык?"

Кама застиг врасплох столь прямой вопрос, и именно этот случай привел к тому, что последующие тринадцать лет он посвятил какчикельским индейцам. Его первоочередной задачей стало основательное изучение их языка, чтобы дать ему письменную форму, а затем, и что важнее всего, перевести на их язык Писание. Без предварительной лингвистической подготовки Кам немедленно столкнулся с огромными трудностями, как только начал вникать в чужой язык. В нем существовало четыре различных звука "к", которые он едва мог отличить друг от друга, а глагольные формы запутали бы любую светлую голову. Один глагол в своем спряжении мог иметь тысячи различных форм, определяющих время, место и множество других аспектов, помимо

самого действия. Задача казалась невыполнимой, пока Кам не встретился с американским археологом, который посоветовал ему не пытаться втиснуть язык индейцев в формы "шаблона латинского языка", а, напротив, постараться найти ту логическую модель, которой подчиняется этот язык. Совет, данный Каму, изменил направление изучения нового языка, что постепенно привело к оформлению концепции лингвистической учебной программы.

С самого начала служения дух независимости приводил Кама к столкновению с людьми, настроенными более консервативно. Когда работа по распространению Библии закончилась, он вступил в Центральную американскую миссию, но очень быстро понял, что от него требовалось только благовествование, а не переводческая деятельность. Руководители миссии не понимали его глубокой озабоченности положением дел в области переводов христианской литературы на другие языки, что часто приводило к возникновению напряженности, а впоследствии и к его увольнению из рядов этой миссии.

Как раз незадолго до вступления в Центральную американскую миссию Кам женился на Элвире Малмстром (Elvira Malmstrom), миссионерке, которая служила в Гватемале первый срок. Хотя Элвира была знающей женщиной и во многом помогала в переводческой и евангелизационной работе среди какчикелей, она трудно привыкала к разочарованиям, часто свойственным миссионерскому образу жизни, и временами становилась эмоционально неуравновешенной. Находясь в отпуске в Калифорнии, она могла воспользоваться профессиональной консультацией, однако это, по словам Хефли, не принесло большой пользы. И все же она продолжала помогать мужу в работе вплоть до своей преждевременной смерти в 1944 г.

Всего лишь после десяти лет напряженнейшего труда, в 1929 г., Кам закончил Новый Завет на какчикельском языке. Эта веха только укрепила Кама в сознании необходимости перевода Библии. Он стремился двигаться дальше и переводить Писание для других племен, у которых не было письменности, но руководители Центральной американской миссии считали, что он должен остаться среди какчикелей и продолжать утверждать их в вере. Из-за этих философских разногласий Кам ушел из миссии, а в 1934 г. совместно с Л. Л. Легтерсом основал Лагерь Уиклифа в Арканзасе - неорганизованное и свободное предприятие, выросшее в крупнейшую независимую протестантскую миссию в мире.

Хотя Кам был человеком с легким характером, всегда готовый поладить с сотоварищами, его организации-близнецы, БПУ/ЛИЛ, часто становились предметом многочисленных споров и дискуссий. Самым распространенным обвинением являлось то, что Кам под разными предлогами пытался проникнуть за границу, давая о себе иностранным правительствам ложную информацию, одновременно обманывая своих сторонников на родине. Критики утверждали, что лингвисты представлялись правительственным чиновникам других государств как светские специалисты по языку, желающие обучать народ грамотности, а своим сторонникам дома говорили, что являются миссионерами и переводчиками Библии. Но какова же была их задача на самом деле? Обстановка накалилась настолько, что один миссионер-ветеран специально возвратился из Центральной Америки домой, чтобы предупредить церкви о "нечестности" и "мошенничестве" Кама Таунсенда.

Добрые отношения с иностранными правительствами Кам считал делом первостепенной важности, но и это стало предметом горячих споров и объектом нападок, особенно в среде миссионеров. Тесные деловые отношения Кама с президентом Карденасом в Мексике и его защита президентских социальных программ оказались для многих миссионеров абсолютно неприемлемыми. Таким же образом, его стремление вовлечь своих переводчиков в социальные программы, организованные правительством, рассматривалось как уход в сторону обмирщения, что было характерным для социального евангелия. Желание сотрудничать с местными властями привело Кама к разрешению пилотам АДРС летать по заданиям правительства, и такая политика оттолкнула от него некоторых из миссионеров-пилотов, как и многих сторонников на родине.

Замысел Кама установить добрые отношения своей переводческой миссии не только с правительством, но и с другими общественными организациями вызвал новую волну критики, что привело к выходу БПУ/ЛИЛ из Межконфессиональной ассоциации зарубежных миссий, где споры стали особенно острыми. Как библейские переводчики

должны относиться к римским католикам? Могут ли они делиться плодами своего труда со священниками, чьей целью является расширение Римской католической церкви? Огромное большинство евангельских миссионеров считали, что с представителями католичества нельзя вести никакого диалога, но Кама был намного терпимее. "Вполне возможно знать Христа как Господа и Спасителя, - писал он, - и продолжать сотрудничать с Римской католической церковью", и пояснял, что он "окажется вполне счастлив, если переводы будут использоваться кем угодно и всеми подряд".

Это абстрактное утверждение прошло испытание тогда, когда Пол Уитт (Paul Witte), молодой ученый-католик, изъявил желание работать переводчиком под вывеской Уиклифа. Он был христианским верующим и солдатом Армии спасения. Хотя Уитт видел библейские истины, минуя католические догмы, он все же хотел остаться в лоне католической церкви. Кама выразил ему свою чистосердечную поддержку в письме, адресованном всем членам Уиклифа: "Нам не следует отречься от нашей политики отказа от ограничений ни на йоту, если мы хотим продолжать служить тем странам, что закрыты для традиционных миссионерских организаций". Но, несмотря на заступничество Кама, Уитту было отказано в членстве большинством в две трети голосов на встрече делегатов БПУ. Кама, хоть и расстроенный этим происшествием, не сдавался. Он лично обещал найти Уитту и его молодой жене финансовую поддержку другой миссионерской организации.

Нежелательными религиозными кандидатами в члены организации Уиклифа были не только римские католики. В 1949 г. в организацию подали заявление о приеме Джим и Анита Прайс (Jim and Anita Price), и по вопросу приема пятидесятников на собрании Совета вновь шли жаркие дебаты. Большинство членов, не сомневаясь и не отвергая искренности веры пятидесятников, считали, что они будут несовместимыми партнерами в служении с нехаризматическими евангельскими верующими, заполнившими ряды организации. А Кама опять поддержал политику неограниченного приема переводчиков в общество Уиклифа, доказывая, что обсуждаемые теологические вопросы являются несущественными и что отказ Прайсам в членстве станет отказом племени в Перу иметь собственное Писание. Поскольку таких аргументов оказалось недостаточно, чтобы убедить присутствовавших на собрании делегатов, Кама пригрозил уйти с должности генерального директора, если Прайсам откажут в их просьбе. В конце концов вопрос был разрешен компромиссным предложением. Отметим, что существуют разные взгляды на то, что "говорение языками является существенным для сошествия Святого Духа". Поскольку Прайсы не отстаивали свою точку зрения, они были приняты в члены организации.

Терпимость являлась чертой характера Кама, и этот дух терпимости проявлялся во всех аспектах его деятельности. В то время, когда многие протестанты все еще поддерживали политику сегрегации, он обращался к чернокожим и другим этническим меньшинствам с призывом присоединиться к библейской переводческой работе. Расовые предрассудки он считал совершенно недопустимыми. В своем письме к Совету в 1952 г. он писал: "Наша конституция не имеет никаких намеков на политику дискриминации. Вы не найдете их и в Новом Завете. Пожалуйста, присылайте всех работников не белой расы, если они успешно проходят курс обучения".

Обучение было другой сферой, где проявилось непредвзятое отношение Кама к людям. Хотя многие из его переводчиков имели ученую степень, включая докторов наук, сам он противился любым попыткам сделать высшее или семинарское образование обязательным условием для включения желающих в члены Уиклифа. Он сам ушел из колледжа и настаивал на том, что диплом или степень не являются необходимым условием для перевода Библии. Хотя ему предлагали ряд почетных докторских званий, он отклонял все предложения - кроме одного, из Перуанского университета, - чтобы не отличаться от переводчиков, не имевших никаких степеней.

Одним из вопросов, поднимавшим волны споров среди членов организации и его сторонников, было открытое и непредвзятое отношение Кама к женщинам. Разрешение одиноким женщинам работать наряду с супружескими парами было общепринятым фактом в миссионерских кругах, но отправка их парами в отдаленные районы к диким племенам представляла собой уже нечто иное. Сам Кама сомневался, можно ли одиноким женщинам работать в отдаленных племенах, но когда они спросили его, почему Бог не будет защищать женщин и заботиться о них так, как защищает мужчин и заботится о них, он отступил и согласился с их доводами. Несмотря на громкие

возражения со стороны рыцарей-заступников "слабого пола", только к 50-м гг. в Перу работали несколько пар одиноких женщин-переводчиц, среди них были Лоретта Андерсон и Дорис Кокс (Lor-etta Anderson and Doris Cox), являвшиеся примером доверия Кама служению женщин-переводчиц.

В 1950 г. они начали работу среди индейцев сапаро, одного из наиболее свирепых племен, охотников за головами, живших в перуанских джунглях под предводительством стяжавшего печальную славу вождя Тарири, взошедшего на престол после убийства своего предшественника. Хотя "в течение первых пяти месяцев Лоретта и Дорис жили в постоянном страхе", они не покинули племени, "энергично изучая медленно поддающийся язык"". Вскоре женщины завоевали сердца людей, включая их вождя. Тарири начал помогать им в изучении языка и всего лишь через несколько лет отрекся от магии и убийств и стал христианином, подав пример, которому последовали многие люди в его племени. Много лет спустя Тарири признался Каму: "Если бы ты прислал мужчин, мы бы тотчас убили их. А если бы супружескую пару, я бы убил мужа, а жену взял бы себе. Но что мог сделать могущественный вождь с двумя беззащитными девочками, которые настаивали на том, чтобы называть меня братом?" Это был лучший аргумент, которым Кам разоружил своих критиков.

Более других многочисленных основателей и руководителей миссионерских обществ Кам старался избежать проявлений единоличной власти, могущих возникнуть при правлении одного человека, во что так легко было впасть. Когда ЛИЛ только организовался, самым подходящим кандидатом на пост директора был Кам, но, ко всеобщему удивлению, он сам захотел подчиниться исполнительному комитету при полной зависимости от результатов голосования. Это, как говорит Хефли, "было что-то новое в истории миссий - основатель-директор предлагает команде зеленых новичков, кое-кто из которых остался недоволен предыдущими решениями, самим вести дела. Но Кам считал опасным оставлять власть в руках одного человека. При подобном подходе ему требовалось использовать все убеждение и обаяние в попытке воплотить в жизнь свои решения". Из-за такой политики Кам часто попадал в безвыходное положение, когда пытался провести свои новаторские планы. Но все же его сотрудники любили этого яркого человека. Однажды, после очередного жаркого спора между Камом и его исполнительным комитетом, один из членов комитета прокомментировал возникшие разногласия: "Дядя Кам, возможно, прав. Может быть, он на десять лет впереди нас, как обычно".

Несмотря на (или, может быть, благодаря) живой и активный характер БПУ/ЛИЛ, количество их членов быстро росло и за последние десятилетия достигло 4500 человек. Хотя Кам считался генератором энергии и идей в этих организациях, в них также служило множество других людей, кто внес значительный вклад в их работу, в том числе Элейн, его вторая жена. Элейн была школьной учительницей из Чикаго. В возрасте двадцати семи лет она получила очень выгодное повышение по службе и должна была контролировать классы для умственно отсталых детей в трехстах школах. Работа была благодарная и имела большие перспективы на будущее, но она оставила ее, чтобы стать первой учительницей школы БПУ/ЛИЛ для детей в Мексике, а позже проводила читательские кампании в десятках индейских племен. В 1946 г. они с Камом поженились в доме его друга генерала Ласаро Карденаса, бывшего президента Мексики. После этого Кам и Элейн вместе прослужили еще семнадцать лет в Перу, где у них родились четверо детей. Затем они отправились на первопроходческую работу в Колумбию. Хотя Кам был известен всему миру как великий миссионерский деятель, он всегда считал себя в первую очередь и в основном библейским переводчиком. Через пятьдесят лет службы, когда многие в его возрасте уже подумывали о пенсии, он собрался поехать в Советский Союз вместе с Элейн. Узнав, что в этой стране говорят примерно на ста языках, на многие из которых Библия до сих пор не переведена, он был готов опять начать с нуля. Итак, в возрасте семидесяти двух лет вместе с Элейн он оказался в Москве, в гостинице с видом на Красную площадь, изучая по несколько часов в день русский язык. После завершения начального периода обучения они отправились на Кавказ, чтобы встретиться там с лингвистами и педагогами. Они много времени проводили с простыми людьми и слышали кавказскую легенду о том, как давным-давно над Россией пролетел ангел, раздавая языки, но, совершая полет над Кавказом, порвал свой мешок об острую скалу, и на землю сразу высыпались десятки языков.

Перед тем как покинуть Советский Союз, Кам договорился о культурном обмене лингвистами, с тем чтобы его переводчики могли учиться на Кавказе. Однако, несмотря на успех, критики не дремали. Один давнишний сторонник обвинил Элейн в том, что она "очарована коммунистами", на что она ответила: "Мы ездили в СССР не для того, чтобы выискивать их ошибки. Мы поехали посмотреть, чем мы можем помочь, и проложить дорогу Библии, переведя ее на максимально большее количество языков".

Всю жизнь Камом владела мысль о приоритете Библии перед другими книгами и о том, что каждый человек должен читать ее на своем языке. "Величайшим миссионером является Библия на родном языке", - любил он повторять. "Такой миссионер никогда не уедет в отпуск и его никогда не посчитают за иностранца". Подобная философия, выраженная этим целеустремленным человеком столь ясно, сделала БПУ/ЛИЛ и АДРС тем, чем они являются сегодня, хотя ими больше не руководит такой неукротимый человек. В апреле 1982 г. в специальном обращении БПУ Берни Мей (Bernie May) взволнованно выразил чувства всей организации: "Когда стало известно, что дядя Кам умер, у меня появилось ощущение, возникавшее несколько раз тогда, когда я летал на двухмоторном самолете, а один мотор вдруг замолчал. Цель твоя моментально становится еще важнее. Ты сразу обращаешься к системе управления. И ты летишь. Но уже с большей устремленностью достичь пункта назначения как можно скорее... На свете все еще более 3000 языков без своей Библии... Это вызов для нас. Это наш призыв".

Кеннет Пайк

Одним из самых блестящих переводчиков и наиболее прославленных лингвистов XX в. был признан, как в светском мире, так и в христианских кругах, Кеннет Пайк (Kenneth Pike), в течение многих лет возглавлявший Летний институт лингвистики. Профессор Мичиганского университета, автор множества научных книг и статей и всегда желанный докладчик на семинарах и конференциях, Пайк мог

бы прекрасно вписаться в легкую жизнь в Америке, но его сердце принадлежало Мексике и другим малоразвитым странам, где не было Библии на их родном языке. Он чувствовал себя комфортно, разговаривая и с неграмотным индейцем-миштеком, и с выдающимся профессором из французского университета. Он внес огромный вклад в лингвистическую науку, но прежде всего оставался миссионером, стремящимся поделиться Евангелием с теми, кто никогда о нем не слышал.

Пайк родился в Коннектикуте в 1912 г. в семье сельского врача, чьего заработка едва хватало, чтобы прокормить жену и восьмерых детей. В детстве он был более чем обычным ребенком и нисколько не походил на будущего гения. Он рос несуразным и неловким и плохо переносил любую поездку в транспорте, почти до истерики боялся высоты и был настолько нервным, что это вызывало появление язвочек во рту и волдырей на ногах. Внешность его также мало впечатляла. Правда, он достиг выдающихся успехов в Гордонском колледже и закончил его с отличием, но когда пытался заняться избранной специальностью, то встретил на своем пути препятствия. Он обратился в Китайскую внутреннюю миссию и был принят в школу кандидатом, но по окончании обучения ему отказали в должности миссионера. Это решение обосновали всего лишь двумя причинами: нервный характер кандидата и (невероятно, но это так) трудности с языком - особенно его неспособность к правильному произношению.

Больше года с большой горячностью Кен рассказывал родным и друзьям о своих планах поездки в Китай, поэтому отказ КВМ явился для него жестоким ударом. Но все же он решил стать миссионером. Через год работы с Администрацией гражданских рабочих он начал писать в миссионерские советы, интересуясь обучением в области лингвистики и библейского перевода, не испугавшись тех языковых проблем, с которыми столкнулся в школе как кандидат КВМ.

Из всех руководителей миссионерских советов, с которыми связывался Пайк, ответил только Легтерс из Исследовательского миссионерского агентства (позже - БПУ), пригласив его посетить лагерь Уиклифа. Итак, лето 1935 г. Пайк провел в летнем лагере в штате Арканзас, но даже там он произвел не очень благоприятное впечатление. Рассказывают, что, наблюдая из окна за блеклым Пайком, Легтерс разочарованно заметил: "Господи, неужели Ты не мог послать нам что-нибудь

получше?" Но Кам Таунсенд сумел разглядеть за шероховатой внешностью Пайка огромный потенциал будущего ученого и служителя.

Завершив программу летнего семестра, Пайк отправился в Мексику изучать язык племени миштеков. Несмотря на невероятную трудность, какую представлял собой анализ такого сложного тонального языка, он нашел эту задачу интересной, его старания стали приносить богатые плоды, и в результате он быстро продвигался вперед в своих лингвистических познаниях. Кама настолько впечатлили его успехи в области лингвистики, что он пригласил его вернуться в лагерь Уиклифа преподавателем на следующее лето. Так началась его карьера педагога, продлившаяся всю жизнь.

Возвращение в Арканзас каждым летом, чтобы преподавать в Летнем институте лингвистики, стало обычным делом в жизни Пайка. Там летом 1938 г. он возобновил свое знакомство с Эвелин Гризит (Evelyn Onset), племянницей Кама, которая готовилась к служению переводчицей в Мексике. Эвелин была талантливой и умной молодой женщиной. Она закончила Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе и продолжила обучение в Библейском институте лингвистики для последующей работы над библейскими переводами. Такое образование позволяло ей стать не только матерью и женой. Их брак с Кеном следующим ноябром привел к образованию лингвистического союза, где дух сотрудничества проявил себя как нельзя лучше. Она получила ученую степень в области лингвистики в Мичиганском университете, написала ряд книг и статей, а позже работала преподавателем-почасовиком в этом университете вместе с мужем. У них было трое детей, и ей приходилось выполнять обязанности матери и домашней хозяйки. Кен очень часто принимал на себя заботы о детях и хлопоты по дому, когда нужно было освободить жену.

Ученые изыскания Кена в области лингвистики начались на заре миссионерского служения. На второй год работы в Мексике он сломал ногу и лег в больницу. За это время он выполнил просьбу Кама написать учебник по фонетике в помощь студентам Уиклифа. Кен боялся этого задания, но как только начал работать, оно ему понравилось. Из больничной палаты он писал своему другу: "Когда занимаюсь, я становлюсь счастливым... если вещи начинают складываться".

До окончательного завершения рукописи он послал готовые главы мичиганскому профессору Эдварду Сапиру, являвшемуся одним из мировых экспертов по индейским языкам. Труд молодого ученого произвел хорошее впечатление на Сапира, и тот пригласил его приехать в Мичиганский университет для дальнейшего обучения. Воодушевленный также и Камом Таунсендом, Пайк начал занятия в аспирантуре в 1937 г., а к лету 1941 г. он закончил ее, и ему присвоили степень доктора наук.

Научные труды Пайка, аспирантура, работа в ЛИЛ и помощь другим студентам в разрешении сложных вопросов долго не позволяли ему заняться главным - переводом Библии на миштецкий язык. Завершив работу над докторской диссертацией в 1941 г., он с Эвелин и маленькой дочерью вернулся в Мексику, чтобы сосредоточить свои усилия на одном племени и одном языке; и в 1951 г., через десять лет и после большого количества перерывов, Новый Завет был готов к печати.

В течение десяти лет после окончания перевода Нового Завета Пайк исполнял множество других обязанностей. Каждое лето он служил директором и преподавателем ЛИЛ. Он также продолжил писать и занимался преподавательской деятельностью; а в 1945 г., получив приглашение, вернулся в Мичиганский университет на год исследовательской работы, тогда как Эвелин осталась в Мексике. Затем, в 1948 г., имея четыре книги в печати, он стал адъюнкт-профессором в Мичиганском университете - должность, позволившая ему продолжить и другие занятия.

Закончив Новый Завет на миштецком, Пайк посвятил свое время помощи другим лингвистам в разрешении трудностей с языком. Хотя его устремления все больше были связаны с наукой, ученые труды Пайка очень помогали практическим переводчикам, полагавшимся на его языковое чутье. Он был требовательным преподавателем, и студенты часто боялись идти на его занятия, но они также знали, что, совершенствуясь на основе его теории и опыта, они в дальнейшем сэкономят годы трудов в разрешении задач, лежащих на пути миссионеров-переводчиков.

Профессор Пайк всегда в первую очередь стремился сделать свои занятия отвечающими требованиям реальной жизни, и иногда его лекции были настолько же интересными, насколько поучительными. Еще в первые годы своей преподавательской

деятельности, когда ЛИЛ только что переехал в Университет Оклахомы, его лекции слыли "как развлекательными, так и назидательными". "Кто сказал, что фонетика скучное занятие? - писал репортер в "Оклахома Дейли" о курсе Пайка. - Полный зал студентов сидел на краешках стульев, встречая смехом каждое его свежее сравнение и пользуясь любой возможностью самим принять участие в происходящем. Совершенно точно, что в университете нет более живого курса..."

Еще более занятной, чем лекции, являлась демонстрация ознакомления с ранее неизвестным языком, даваемая при стечении большого количества народу. Пайк показывал на практике, как быстро неизвестный язык можно выучить без переводчика. На сцене рядом с Пайком располагались несколько классных досок и несколько разных предметов различного размера (палки, листья и другие) и находился незнакомец, которого Пайк раньше не знал и языка которого он никогда не слышал. Однако еще до окончания встречи оба человека начинали удивительно легко общаться друг с другом. "После посещения одной такой демонстрации, - пишет сестра Пайка, Евника, - вы начинаете верить, что скоро Кен поймет разницу между "одной палкой" и "двумя палками", "большим листом" и "маленьким листом" и т. д.

Он, может быть, возьмет пару глаголов, например, "я сажусь" и "он садится" и даже "я бью тебя" в сравнении с "ты бьешь меня". Существительные в родительном падеже, спряжение глаголов и т. д. кажутся такими легкими, но Кен на этом не останавливается. Он переходит к предложениям с подлежащими и дополнениями и даже, может быть, косвенными дополнениями. В последние годы он мог построить предложения и с зависимыми, и с независимыми придаточными... Скорость, с которой он это делает, всегда поражает, и забавно наблюдать за реакцией незнакомца, помогающего ему. Совершенно очевидно, что он получает огромное удовольствие от встречи. Когда Кен, прочитав каракули на доске, составляет и проговаривает свое первое предложение, незнакомец удивляется и радуется. Аудитория тоже в восторге, и раздаются аплодисменты".

Пайк продолжал преподавать в Мичиганском университете и ЛИЛ и в то же время начал заниматься другими разделами языкознания помимо фонетики. Чем больше он учил и учился, тем больше мог помочь лингвистам и переводчикам Библии во всем мире. Он сумел наладить переводческую работу в Южной и Центральной Америке, где обнаружил множество сходного в различных индейских языках, и когда библейские переводчики Уиклифа перешли от Латинской Америки в другие регионы мира, он стал делать то же. Новые языковые группы, с которыми столкнулись студенты ЛИЛ, побудили его глубже копаться в свои изыскания и собирать информацию от многих всемирно известных ученых-лингвистов. Путешествия стали другим важным аспектом его служения, и к 1960-м гг. он руководил работой в таких отдаленных регионах, как Папуа и Новая Гвинея, где консультировал и обучал работников двадцати двум различным языкам.

Хотя жизнь путешественника заводила Пайка в самые отдаленные уголки мира, только в 1980 г. он сумел добраться до места, к которому его сердце тянулось всегда. Почти за пятьдесят лет до этого события явные языковые проблемы не позволили ему отправиться в Китай; в то время он не смел мечтать, что когда-то вместе с женой приедет в Институт иностранных языков в Бейцзине (т. е. Пекине) в Китайской Народной Республике с лекциями по лингвистике. Хотя лекции читались в светском институте, он знал, что по провидению Божьему те семена, которые он однажды посеял, когда-то будут использованы для дальнейшей библейской переводческой работы в Китае, так же, как подобные светские лекции помогли начинающим библейским переводчикам в других частях света.

Не многие лингвисты за всю историю мира получали столько почестей и наград, как доктор Кеннет Пайк. Своим первым учебником по фонетике он "революционизировал мышление в этой области", как сказал профессор Эрик Хамп (Eric Hamp) из Чикагского университета, и это было лишь начало. "Справедливо отметить, - продолжает Хамп, - что половина сырой информации из экзотических языков, появившейся к услугам теоретиков-лингвистов за последнюю четверть века, может быть отнесена за счет учения, влияния и усилий Кеннета Пайка... Мальчишеский энтузиазм Пайка, присущий его изысканиям, и его скромность в разрешении каждой новой проблемы едва ли позволят предположить неподготовленному наблюдателю, что он видит одного из

воистину величайших лингвистов XX в." Можно добавить - одного из величайших миссионеров XX в.

Марианна Слокем

Одним из предметов наиболее яростных нападок критиков Кама Таунсен-да и его политики в отношении переводчиков Библии являлось то, что миссионеры Уиклифа концентрировали основные усилия на лингвистике и переводческой работе, а затем, с завершением своего труда, переходили к работе с новым племенем. "А как же евангелизм и насаждение церквей?" - кричали критики. Ответ Кама был очень прост. Он и его последователи должны были специализироваться не на благовестии и распространении церквей, а, скорее, нести Слово Божье тем, кто не имел Его на своем родном языке. И все же переводчики Библии активно вовлекались в проповедь Евангелия, и благодаря их энтузиазму и присутствию во всех регионах мира там возникли тысячи новых церквей. Ярким примером такого евангелизма стало эффективное служение Марианны Слокем (Marianna Slocum) сначала в Мексике, а позже в Колумбии.

Марианна родилась в Филадельфии, где закончила колледж, а затем поступила на курсы в Филадельфийскую библейскую школу. Ее отец был университетским профессором и плодовитым писателем, поэтому любовь к языкам и писательский талант проявились у нее естественным образом. В первые годы обучения в колледже она почувствовала призыв Божий к переводческой работе в племени, и когда ее обучение закончилось, она пришла учиться в лагерь Уиклифа, а летом 1940 г. вступила в ряды БПУ. Ее первым назначением было племя chol самом южном мексиканском штате Чьяпас, всего лишь на расстоянии дневного пути от племени цельтали, где Билл Бентли (Bill Bentley), молодой человек, с которым Марианна познакомилась в лагере Уиклифа, также занимался переводческой работой.

В феврале 1941 г. Билл и Марианна объявили о помолвке, а на следующее лето они вернулись в Соединенные Штаты, где стали готовиться к скромной свадьбе. Это была романтическая история, но закончилась она трагически. 23 августа, за шесть дней до свадьбы, Билл умер во сне, очевидно, из-за сердечной недостаточности, о наличии которой он не знал раньше. После похорон в Топике, штат Канзас, Марианна уехала в лагерь Уиклифа и поклялась закончить работу, которую Билл начал в племени цельтали.

Марианна вернулась в Мексику одна, и вскоре к ней присоединилась другая одинокая переводчица. Они жили в одной комнате на кофейном ранчо, принадлежавшем немцу, там же, где раньше жил Билл, когда работал с группой из племени цельтали. Первые месяцы и годы были очень сложными для Марианны. Индейцы много пили, скандалили и нимало не скрывали своего враждебного отношения к молодым американкам. Через некоторое время коллега Марианны уехала. Приезжали и уезжали другие партнеры, пока в 1947 г. не появилась Флоренс Гердел (Florence Gerdel), медсестра, прибывшая на время и оставшаяся на срок более двадцати лет.

Обеим женщинам казалось, что перед ними стоит неподъемная задача. Марианна работала каждый день по многу часов, борясь с трудностями языка, а Флоренс воевала с алкоголем, грязью, суевериями и демонической властью местных колдунов. И в ответ на все их старания не появлялось почти никаких признаков успеха. Прошло почти семь лет, прежде чем индеец цельтали - сын колдуна-знахаря - открыто провозгласил о своей вере.

Его свидетельство, испытанное жестокими преследованиями, привело к спасению других, и вскоре только в деревне Корралито уже насчитывалось более ста обращенных. Начались воскресные богослужения, и уже сотни индейцев приходили на них из других деревень даже в дождливый сезон, когда горные дороги размывало грязью и бурные потоки мутной воды делали любое передвижение почти невозможным. 6 августа 1956 г. стал волнующим днем для Марианны и для более тысячи христиан из племени цельтали. Маленький желтый самолет МАБ прилетел с драгоценным грузом - первым изданием Нового Завета на языке цельтали. В поместной церкви прошла служба посвящения, а затем индейцы сотнями выстроились в очередь, чтобы купить копию Божьего Слова на родном языке. Это был кульминационный момент,

завершивший пятнадцать одиноких и трудных лет, и один из счастливейших дней в жизни Марианны.

По завершении перевода Нового Завета и отрывков из Ветхого, гимнов и букваря Марианна поняла, что ее работа с племенем цельтали закончилась. Церковь под руководством местных священнослужителей была крепкой, и Флоренс также собиралась передать всю медицинскую работу подготовленным ею индейцам. Были другие индейцы племени цельтали с другим диалектом, жившие в глухом и влажном лесу, не имевшие письменности, и в апреле 1957 г., после короткого полета МАБ и шестичасового пути пешком, Марианна и Флоренс еще раз окунулись в чужую культуру, начав все сначала.

Тот опыт, что Марианна приобрела в работе над первым переводом, ускорил выполнение второй задачи, и в 1965 г., всего лишь через восемь лет после их с Флоренс приезда, они опять отметили веху в своем служении - распространяя Новый Завет на языке бачаджон (bachajon). Все эти годы они занимались не только переводческой работой. Флоренс заботилась о медицинских нуждах индейцев и подготавливала медицинских помощников, больших успехов миссионерки достигли и в проповеди Евангелия. В тот день, когда пришла первая партия Нового Завета, христиане из более чем сорока приходо́в - некоторые пришли за много миль - встречали пилота МАБ, и опять были слезы радости, когда сотни людей выстроились в очередь, чтобы купить Новый Завет на языке бачаджон.

"Сколько он стоит?" - часто звучал вопрос, когда индейцы стояли в очереди. Им отвечали, что он стоит семнадцать с половиной песо, но истинную цену невозможно было выразить в деньгах. Одиночество, болезни, недружелюбие, примитивные жилищные условия, отказ от семейной жизни составляли цену Нового Завета на языке этих индейцев. Но эту дорогую цену Марианна заплатила с радостью. И когда ее работа с людьми племени бачаджон завершилась, они с Флоренс опять начали все сначала в Южных Андах в Колумбии.

Рейчел Сейнт

Самой известной переводчицей Библии XX в., может быть, исключая лишь самого Кама Таунсенда, была Рейчел Сейнт, сестра пилота МАБ Нейта Сейнта, погибшего мученической смертью от рук индейцев племени аука в 1956 г. Появление Рейчел в популярной телевизионной программе "Это твоя жизнь" и ее участие в выступлениях Билли Грэма усилили доброжелательное отношение общественности к служению переводчиков Библии. Это еще раз доказало, что женщины со способностями к языкам в отдаленных племенах джунглей могут сделать то, что не смогли мужчины. Именно Рейчел стала жить среди людей того племени, где убили ее брата, и она общалась с ними на их языке с любовью и прощением, которые имела к ним через Иисуса Христа. Интерес к миссионерской деятельности возник у Рейчел еще в детстве. Этот интерес она передала младшему брату Нейту, когда читала или пересказывала ему миссионерские рассказы. Но, хотя она была на девять лет старше его и первой проявила интерес к миссиям, сначала отправился на миссионерскую работу в Южной Америке именно он, правда, произошло это всего лишь на несколько месяцев раньше. Желание Рейчел стать иностранной миссионеркой - которое круто изменило всю ее жизнь - осуществилось, только когда ей исполнилось тридцать. По словам Этель Уоллис (Ethel Wallis), принять это решение для нее "означало покинуть удобную, счастливую жизнь христианского служения и направиться к примитивному существованию где-то в джунглях амазонских джунглей".

Переводческая работа более чем какой-либо другой аспект служения интересовала Рейчел, поэтому она обратилась в ЛИЛ и в 1948 г. приехала в университет Оклахомы, где преподавал Кен Пайки его специалисты-лингвисты, чтобы пройти интенсивный курс обучения лингвистике. После завершения программы ЛИЛ она попросила о приеме и была включена в штат Библейских переводчиков Уиклифа. Прослышав о происшедшем, Нейт написал ей письмо с выражением одобрения и поддержки и подчеркнул важность ее миссии: "Мое отношение к переводческой работе таково, что, если бы Господь столь очевидно не призвал меня к авиационной работе, я наверняка стал бы заниматься переводом. Какая бесценная привилегия оставить за собой что-то... что позволит Господу работать среди новых племен через Его собственное Слово..."

Первым назначением Рейчел стало служение в Перу для индейцев *piru*. Оно обогатило ее ценным опытом, но не принесло полного удовлетворения. Всем сердцем она стремилась работать с теми племенами, где еще не было миссионеров, а среди *пиро* благовестие уже проводилось. Кроме того, она не могла идти в ногу со своим партнером, который хорошо говорил на их языке, когда приехала Рейчел. Поэтому другое назначение стало для нее хорошей новостью. Ее просили заменить Дорис Кокс и Лоретту Андерсон, поскольку каждая из них по очереди брала отпуск, оставляя, таким образом, вторую напарницу одну в работе среди индейцев племени сапаро, известных охотников за головами.

После двух лет временного назначения среди сапаро Рейчел взяла отпуск в Эквадор, чтобы навестить Нейта и его жену, и именно в тот момент она почувствовала призыв выучить язык *аука*, самого страшного племени в Эквадоре, горя желанием однажды принести им Евангелие. Но на ее пути стояло одно важное препятствие. "Я просто не знала, что делать с этой жаждой новой работы, - писала она, - ибо переводчики Уиклифа не работали в Эквадоре, а у меня не было желания покинуть Уиклиф. Я любила этих людей, дорогих мне как семья, и не могла с ними расстаться. Я никому не говорила о своей тревоге, кроме перуанского пастора, Божьего человека, который обещал молиться за меня и за племя, к которому я была призвана". Ответ на молитвы Рейчел пришел раньше, чем она смела надеяться. Она только вернулась в Перу на рабочее собрание, когда Кам Таунсенд сделал неожиданное объявление: "Я хочу зачитать письмо, которое только что пришло от эквадорского посланника в Соединенных Штатах, с приглашением работать среди индейских племен в Эквадоре..."

В феврале 1955 г. Рейчел вместе со своей напарницей, доктором Кэтрин Пик (Catherine Peeke), прибыла в Гасиенду Ила, ранчо поблизости от территории *аука*. Их пригласили изучать язык *аука* с одной из работниц, Даюмой, молодой женщиной из племени *аука*, которая бежала из него несколько лет тому назад, спасая свою жизнь во время межплеменной войны. На ранчо работали и другие женщины из племени *аука*, но только Даюма могла помочь, потому что помнила язык достаточно хорошо; и все же даже ее речь была перемешана с *кечуа*, языком племени, в котором она жила после побега. Несмотря на трудности, к концу первого месяца Рейчел добилась значительных успехов. У нее имелись словарные списки, составленные другими людьми, и всего лишь за несколько недель словарь слов и фраз Рейчел намного пополнился. Однако препятствия оставались. Даюма по многу часов работала в поле и лишь свободное время могла посвятить занятиям с Рейчел. Но, даже когда она была свободна, общение проходило медленно, часто сопровождалось показом каких-то действий и разыгрыванием сценок: "Иногда способная индианка, понимая идею, инсценировала сценку, подыскивая значение слова для Рейчел, то ползая, как ребенок, то бросаясь вперед в яростном припадке. Такие сценки всегда сопровождалась веселым смехом, что иногда превращало обучение в веселое развлечение".

Летом 1955 г. физически истощенная Рейчел покинула Гасиенду Ила, и продолжительная болезнь помешала ей вернуться до следующего года. Тем временем весь мир потрясло еще одно нападение на белых людей, нападение, принесшее дикарям репутацию убийц. Эти новости отозвались сильной болью в сердце Рейчел. Ее любимый младший брат Нейт был убит вместе с четырьмя друзьями теми самыми людьми, которым ее призвал служить Бог. Для многих людей ее возвращение в Эквадор и дальнейшее изучение языка *аука* после такого страшного события были непонятными, но Рейчел стремилась оправдать безуспешные попытки брата.

Хотя сама Рейчел стремилась сблизиться с *аука* как можно быстрее, она возражала против других преждевременных попыток контакта с этим племенем, которые могли привести к риску для жизни и еще больше восстановить *аука* против миссионеров. Однако некоторые люди не обладали таким терпением, может быть, предвкушая ту популярность, которую они приобретут в случае успеха. Такое нетерпение послужило причиной настойчивых требований использовать Даюму как посредника при встрече с индейцами, но Рейчел воспротивилась. Она твердо стояла на том, что, поскольку Даюма еще не обращена в христианство, она не сможет вести работу по благовестию, даже если контакт будет успешным, а никто, кроме Даюмы, не знал языка достаточно хорошо, чтобы сообщить им духовные истины. Благоразумие взяло верх, и настойчивые призывы использовать Даюму утихли.

Хотя Рейчел, казалось, так заботилась о том, чтобы ее подопечную не эксплуатировали и не подвергали ее жизнь опасности, она все же приняла спорное решение взять Даюму с собой в длительное путешествие, явно не посчитавшись с интересами девушки. Зимой 1957 г. из Калифорнии Рейчел получила неожиданное приглашение появиться вместе с Даюмой перед телекамерой. Сначала Рейчел отказалась, убежденная, что будет вредно "выхватить девушку из джунглей, из привычного ей окружения и внезапно бросить в мир Голливуда", но, продолжает ее биограф, "в ее душе наступил мир... когда Господь дал ей осознание того, что программа предоставит ей возможность поделиться с американской публикой собственными мыслями о тех племенах, что не имеют Библии".

Это был не первый случай, когда соображения популярности и успеха взяли верх над соображениями безопасности экзотического "туземца". Более века назад Роберт Моффат приехал в Кейптаун с Африканером, "прирученным" вождем готтентотов, и с тех пор другие миссионеры считали возможным предпринимать подобные путешествия ради завоевания популярности. Но Даюма была совершенно не готова к восприятию чужого мира и культуры, и опасность нанести ей этим путешествием сильный вред казалась неприемлемо большой. Конечно, никто не мог отрицать ценность Даюмы как редкой диковинки, но стоило ли удовлетворять любопытство американской публики и пытаться привлечь внимание к переводчикам Уиклифа ценой перерыва в занятиях языком (первостепенное служение Рейчел) и таким большим риском для физического и психического состояния Даюмы?

Прибыв в Соединенные Штаты, Рейчел вместе с Даюмой приняла участие в программе "Это твоя жизнь"

Ральфа Эдвардса. А Билли Грэм, хорошо осознавая то внимание, которое привлечет к себе Даюма, пригласил ее в качестве одной из своих гостей на новогоднее выступление 1957 г. в Мэдисон-сквер-гарден. Даже крещение Даюмы превратилось в представление для привлечения внимания публики. Она полетела в Уитон на частном самолете Р. Дж. Летурно (R. G. LeTourneau) и там, в Уитонской свободной протестантской церкви с напутствием пастора Уилбура Нельсона (Wilbur Nelson), в присутствии огромного количества публики, она приняла крещение, проведенное доктором В. Рей-мондом Эдманом, а после этого прослушала непонятное сообщение по-английски, сказанное доктором Карлом Армердингом (Carl Armerding).

Если популярность и благополучие Уиклифа повысились благодаря известности этого тура, никак нельзя сказать того же о Даюме. Эпидемия азиатского гриппа, охватившая Соединенные Штаты в 1957 г., свалила девушку с ног, поскольку у нее не выработалась еще та сопротивляемость организма, которой обладали многие американцы. У нее поднялась очень высокая температура, и в течение долгих дней она металась между жизнью и смертью. Кризис прошел, но выздоровление наступало медленно, и Рейчел пришлось остаться с ней в Соединенных Штатах на всю зиму. Путешествие, изначально рассчитанное на один месяц, затянулось на год - очень значительный период отсутствия, повлекший за собой замедление работы в Эквадоре.

В это время в джунглях произошло одно волнующее событие. Из лесу вышли две женщины аука и остались с Элизабет Элиот, жившей неподалеку. Рейчел и Даюма были нужны именно в тот момент, но Даюма еще болела и не могла ехать домой. Рейчел прислала магнитофонную запись речи двух женщин аука, и только летом 1958 г., когда они смогли вернуться, Даюма встретилась со своими землячками лицом к лицу. Дальше события разворачивались довольно быстро. Когда закончились несколько недель интенсивных занятий по языку с Рейчел, Даюма и две другие женщины стали собираться в джунгли, обещая вернуться вновь. Они сдержали свое обещание и месяц спустя появились из лесу в Араджуно, где с радостью и волнением их встретила Мардж Сейнт, вдова Нейта.

Довольно скоро состоялась еще одна долгожданная встреча с аука. Рейчел и Элизабет Элиот (со своей четырехлетней дочерью Валери) стали собираться в племя аука, и через неделю произошло событие огромной важности - мирная и дружеская встреча со страшным племенем аука. Они прожили в племени почти два месяца, изучая их образ жизни и совершенствуя знание языка.

Это было волнующее время, но главное только начиналось. Вскоре на сцену вышла Евангелическая звукозапись, служительница которой Маргарет Картер (Marguerite Carter) стала работать с Даюмой и Рейчел, чтобы записать на магнитофон Евангельскую

весть на языке аука. Этот язык несколько лет изучала талантливая доктор Кэтрин Пик из Уиклифа, и через девять лет после убийства пяти миссионеров на языке аука было опубликовано Евангелие от Марка. Произошло и еще одно знаменательное событие. Под руководством Даюмы аука выстроили взлетно-посадочную полосу, и, когда она была закончена, пилот МАБ Джонни Кинан, запасной член команды "Операция аука", приземлился на их территории вместе с другим пилотом. Так, благодаря кропотливой работе обеих сторон, мирно встретились белые люди и аука.

Таким же значительным событием, как работа переводчиков, строительство посадочной полосы и личная встреча с аука, явилось постепенное принятие Христа племенем аука. Среди них были шестеро виновников убийства в Палм-Бич, рассказавшие о своих страхах в день трагедии 1956 г., когда они в ужасе решили, что белые люди пришли убить и съесть их. Один из убийц, Кимо, стал пастором в своем племени и именно он имел уникальную привилегию крестить в Палм-Бич на реке Курарай Стива и Кейти Сейнт, детей Нейта. В дальнейшей истории об аука будет много светлых дней, но между этими горными вершинами величайших достижений встретятся также дни и месяцы, заполненные утомительной, а иногда и скучной лингвистической и переводческой работой, чтобы однажды аука смогли прочесть Писание на родном языке и больше не зависеть от белого человека в вопросах духовного роста.

Мирон Бромли

Специальность миссионерского переводчика ассоциируется чаще с БПУ, чем с другими организациями, и с географической точки зрения больше связана с Латинской Америкой, чем с остальными регионами мира. Однако стоит отметить работу, выполненную в этой области другими организациями и в других частях света. Усилия Христианско-миссионерского союза, Миссии неохваченных земель и еще нескольких миссионерских обществ в глубинке голландской Новой Гвинеи (Западный Ириан) являются одним из ярких тому примеров. "Продвижение Христианско-миссионерского союза в Западный Ириан и, в частности, на территорию долины Балием многие считают великим миссионерским достижением этого века", - пишет Дж. Х. Хантер (J. H. Hunter), и именно труды Мирона Бромли сделали такое продвижение возможным.

ХМС начиная с 1930-х гг. был заинтересован в том, чтобы охватить изолированные племена дани (dani) в долине Балием, и тогда великий миссионерский деятель, Р. А. Джаффрей (R. A. Jaffray), сам слишком большой, чтобы руководить экспедицией, отправил в это путешествие двух молодых и смелых миссионеров. Однако это начинание остановила Вторая мировая война и вторжение японских захватчиков. В команде миссионеров были человеческие жертвы, включая смерть Джаффрея, который выздоровел и тоже присоединился к первопроездческой партии, но умер в японском лагере для военнопленных в 1945 г., всего за две недели до прекращения огня и освобождения пленных.

Только в 1954 г. Мирон Бромли вошел в долину Балием с маленькой группой миссионеров ХМС, чтобы организовать первую станцию миссии. Бромли вырос в Мидвилле, Пенсильвания, и получил образование в Ньякском миссионерском колледже, в теологической семинарии Асбери и в аспирантуре университета Миннесоты. Он стал блестящим лингвистом и стремился использовать свои знания в области, совершенно нетронутой языкознанием. Бромли был холостяком и, по словам Рассела Хитта, "больше стремился узнать людей племени дани и "расколоть" их язык, чем интересовался собственной внешностью. Он ходил в старом армейском кителе цвета хаки, к которому была прикреплена зубная щетка на металлической цепочке... Часто он был небрит и носил старую потрепанную шляпу. В его палатке стояла небранная походная кровать, по сторонам заваленная книгами, бумагами, лекарствами, консервами и всякой всячиной".

До прибытия в Новую Гвинею Бромли выучил голландский язык, чтобы получить доступ к единственному источнику информации - научным трудам по культуре дани. Но, даже имея определенные знания, он был потрясен, впервые увидев, как живут люди этого племени. "Смерть, смерть, смерть! Когда это прекратится? - писал он вскоре после приезда. - Или когда, по крайней мере, она будет освещаться Светом жизни, который пронзит насквозь эту трагедию? Год заканчивается неделями смерти от войн, болезней и междоусобиц. Мы молимся, чтобы Бог дал вскоре родиться новой жизни в сердцах этих

людей. Я стараюсь помочь нашим друзьям, щипцами вытаскивая из их тел наконечники стрел. Я пытаюсь им помочь таблетками. Но меня сбивает с ног внезапность смерти. Мы иногда мечтаем, что работа принесет успех, если бы не войны и междоусобица, только затем, чтобы сидеть вместе с раскрашенными соплеменниками тех, кто лежит в новой куче жертв. Мы мечтаем о больших достижениях только затем, чтобы потом нас потряс необъяснимый личный провал". Единственным ответом было христианство, и приведение племени дани к Христу зависело от преодоления языкового барьера - цель, которая заставляла Бромли работать все быстрее.

Но как бы Бромли ни желал сосредоточить свои усилия только на языке, каждый день по многу часов уходило на "врачевание". Дани нуждались в серьезной медицинской помощи и быстро поняли, что лекарства белого человека творят чудеса. Найти подходящего консультанта по языку стало другой сложной проблемой, которую Бромли также должен был решить. Проработав некоторое время с одним человеком, он обнаружил, что у того существуют проблемы с произношением и что некоторые слова в его устах даже отдаленно не напоминают настоящего произношения племени дани. Бромли преодолел и это препятствие, комментируя первоначальную неудачу так: "Ну что ж, это все же не так плохо, как рассказ Юджина Нида о новом миссионере, который нашел единственного человека, желавшего ему помочь, но оказавшегося заикой".

Хотя Бромли столкнулся с трудностями в схватке с языком дани, он искал возможности поделиться Евангелием сразу, как только смог связать вместе несколько слов, показавшихся ему осмысленными. Однако же он быстро понял, что делиться Евангельской вестью - это нечто большее, чем просто лингвистическое усилие: "Это было одно из самых обескураживающих переживаний, какое я когда-либо испытывал, - вспоминал он позже. - Я использовал картинки из календаря с иллюстрациями к Писаниям и пытался объяснить, как мог доходчиво и просто. Но туземцы смотрели на меня так, словно я говорил на латинском языке о цене на пшеницу в Азии... И все же в некоторых деревнях долины Пугима, где я впервые разговаривал с людьми на их языке, меня встретили серией интересных вопросов. Воистину, это труд Его Духа, и, если Он не откроет умы и сердца людей, наша задача невыполнима. Вероятно, Господь хотел напомнить мне, что Его весть не является тем, что можно навязать второпях, но есть искупительный клич Доброй вести, которой следует страстно делиться силой Его Духа". Как опытный лингвист, Бромли разработал определенный план изучения языка: в первые месяцы 1955 г. он сосредоточил свои усилия на интонации, ударе и долготе гласных. В результате его исследований появился научный труд, озаглавленный "Фонетическая структура языка Нижней долины Гранд-Балием" ("The Phonetic Structure of the Language of the Lower Grand Baliem Valley"). В ней он рассказал о главном достижении в изучении языка, когда обнаружил, что в нем на четыре гласных звука больше, чем он думал вначале. От его внимания ускользнули две "высоко-передние двойные Е-подобные гласные" и "две высоко-задние W или двойные О-подобные гласные". Это исследование помогло открыть дверь для освоения трудного языка дани. Хотя Бромли добился успехов в фонетике в первый же год, "грамматика, - писал он другу в 1955 г., - все еще находилась в пленках". Он обнаружил, что давнее убеждение, согласно которому большинство оставших в культурном отношении людей в мире говорят на простейших языках, оказалось ложным, по крайней мере, в случае с дани. Синтаксис этого языка был достаточно сложным, а глагольные формы в некоторых случаях похожи на какчикельский в Мексике, где один глагол мог иметь до двух тысяч форм.

Как трудно было найти общий язык с людьми племени дани, видно из письма Бромли к матери летом 1955 г., в котором он рассказывал о попытке научить индейцев одному стиху из Библии:

"Я пытался говорить с ними об Ин. 3:16, но я уверен, что совершил множество ошибок... Ты можешь представить, насколько неправильным было мое истолкование, ведь у нас нет соответствующих слов для определения понятий "Бог", "верить" или "вечная жизнь". Я говорю об "Отце Иисуса", потому что мы пока не знаем о вере этих людей, которая могла бы предоставить нам хороший термин для понятия "Бог". Они знают о духах своих умерших, о духах, производящих шум, о похищающих сердца духах народов Нижней долины, которые заставляют людей сходить с ума. Они говорят о солнце и луне, как о муже и жене, и они думают о дожде, как о человеке. Они также говорят о

крошечном человечке на небесах, называемом Hulisogom, но ничего не знают о происхождении земли. Пока я не обнаружил у них ничего подобного мифу о сотворении. Для понятия "верить" я взял слово, означающее "слышать" или "понимать". Я могу сказать "я думаю, он говорит правду", но это несколько отличается от библейской веры. Что касается вечной жизни, я им говорю, что мы останемся живыми, но это не идея Иисуса или Иоанна. Или же я могу сказать, что наша кожа и кости, наша плоть и кровь умрут, но души будут жить, хотя это тоже не идея Библии. Как сказать, что Бог сотворил в нас новую жизнь, которая становится нашей сразу, сейчас и навсегда - это то, чего я еще не знаю.

Когда я пытаюсь объяснить концепцию смерти Иисуса ради людей, я говорю, что Он умер ради нас, чтобы мы остались живы... но вся центральная концепция искупления выше уровня понимания, выраженного на нашем языке. Может быть, оттого, что мы не знаем толком, как сказать о грехе. Обычно я использую выражение "плохой поступок", но это совершенно отличается от истинной концепции греха. Можно говорить о нарушении табу, но я не хотел бы этим воспользоваться, потому что мы не уверены в достаточной степени в значении слова wesa, или табу, в умах и культуре этих людей. Действия, которые очевидно грешны для нас, являются предметом, достойным похвалы в их культуре - убийство, жестокость к врагам, ненависть, гордость, ревность, презрение к слабым и бедным".

Языковое служение Бромли индейцам дани означало больше, нежели просто труд по усвоению их языка и переводу на него Писаний. Бромли занимался еще и обучением других миссионеров. В 1956 г. в долину Балием прибыли шесть новых пар из Совета, и Бромли проводил долгие часы, изучая вместе с ними язык. Он также работал с другими миссионерами из других миссионерских обществ, включая Уола Тернера (Wal Turner), миссионера из МНЗ, который после окончания Летнего института лингвистики был твердо убежден в том, что "никогда не будет лингвистом". Но когда он приехал в долину Балием, то осознал, что без знания языка работать не может, и с помощью Бромли постепенно превратился в знающего лингвиста и активного проповедника для народа дани.

Продолжая служение в долине Балием, Бромли и его коллеги-миссионеры начали работать и среди ранее не достигнутых Евангелием племен. Они часто встречали сопротивление, иногда на них совершали нападения, грозившие их жизни. Не раз Бромли и его коллегам приходилось бежать, спасая свою жизнь от стрел дани. Каждый новый контакт с племенем прибавлял Бромли работы. Он обнаружил, что только в долине Балием (около сорока миль в длину) имелось три главных диалекта и целый ряд ответвлений от каждого из них. Но с каждым новым диалектом скорость овладения лингвистическим материалом, опыт и способности только возрастали.

Огромные успехи Бромли как лингвиста в течение первых лет в долине Балием стали возможны благодаря его целеустремленности и тому факту, что он не был связан семейными узами. Коллеги высоко ценили его неустанные усилия, но, по крайней мере некоторые из них, считали, что его возможность трудиться с полной отдачей только увеличится с женитьбой. Один из руководителей Совета сказал об этом его матери, которая, в свою очередь, передала это самому Бромли; и тот был более чем разгневан такими разговорами. "Я знаю, что холостяцкая жизнь может превратиться в привычку, - коротко ответил он руководителю, - и я просил Бога избавить меня от упрямства в этом вопросе. Однако один фактор достаточно твердо отвернул меня от такой возможности - многие другие также уловили в этом водительство Божье. Я чувствую, что Бог достаточно мягко объясняет мне что-то о моей жизни до того, как Он говорит, или, по крайней мере, в то время, как Он говорит обо мне другим людям, если только я хочу слышать".

Явно Бог что-то сказал Бромли и освободил его от упрямства, потому что в 1957 г., когда он поехал в Мельбурн, Австралия, чтобы посетить лингвистический институт, он встретил доктора Марджори Тиг (Marjorie Teague), имевшую тягу к миссионерской работе. На следующий год они поженились и поехали в отпуск в Соединенные Штаты, после чего вернулись в долину Балием для совместной работы среди племени дани.

Шло время, и языковой барьер был преодолен, а дани начали обращаться к христианству. К 1961 г. ХМС объявил о появлении более двадцати церквей и около восьми тысяч верующих только в долине. Цена такого достижения была высокой, несколько миссионеров Союза заплатили за нее своей жизнью, начиная с периода

оккупации страны японцами в 1940 г., но то была цена, которую стоило заплатить. Дани больше не убивали и не ели друг друга. Пожизненные враги теперь делили между собой общую чашу причастия.

Глава 14. Радиовещание и звукозапись: глушение радиопередач

Вскоре после начала широкомасштабного использования радио в 1920-х гг. дальновидные христиане также стали применять это новшество в целях распространения Евангелия. Джон Цоллер (John Zoller) в Джексоне, Мичиган, Пол Рейдер (Paul Raider) в Чикаго, Р. Р. Браун в Омахе и Чарлз Фуллер (Charles E. Fuller) в Санта-Ане, Калифорния, были первопроходцами в области христианского радиовещания. И когда христианские руководители Америки только начали работу с радио, более дальновидные христиане уже мечтали о том, какое влияние окажет радиовещание на иностранные миссии. Доктор Уолтер А. Мейер (Walter A. Maier), открывший в 1930 г. "Лютеранский час", был одним из первых зачинателей миссионерского радио и к 1960-м гг. на сотнях радиостанций он вещал на весь мир. Однако Кларенс Джоунс более чем кто-либо другой сделал миссионерское радио популярным. Видя его успех с ВБИХ (Вестник благословений Иисуса Христа), начали появляться на свет другие независимые миссионерские радиовещательные компании, самыми крупными из которых стали Дальневосточная радиовещательная компания и "Трансмировое радио".

С самого начала миссионерское радио не рассматривалось отдельно от традиционных миссионерских методов. Некоторые миссионеры, правда, вначале относились к радио скептически, но скоро они осознали ценность этого изобретения, прокладывавшего дорогу для их служения. "Оно дает традиционному миссионерскому усилию огромное оружие и средство распространения Евангелия", по словам Эйба Ван Дер Пая (Abe Van Der Puy) из "Мирового радио миссионерского братства". "До недавнего времени во многих районах Латинской Америки миссионерам было очень трудно разговаривать с людьми о Евангелии. Однако те же самые люди с готовностью слушают радио у себя дома... Теперь, когда миссионеры начинают беседовать с людьми о Евангелии, те часто отвечают: "А, вы такие же, как те из ВБИХ"".

Величайшая ценность миссионерского радио заключается не только в оказании помощи отдельным миссионерам. "Радио расширило границы и потенциал традиционных миссионерских возможностей", по словам Петра Дейнеки-младшего (Peter Deyneka Jr.), директора Славянского евангельского общества, потому что "оно идет туда, куда не могут пойти миссионеры, и охватывает людей и, которые не отреагировали бы на обычные формы обращения". Радио также активно используется для укрепления поместных церквей в поле миссионерской деятельности. Одной из основных причин организации НЛКХ в Корее руководителями МЕС (Миссия "Евангельский союз") была подготовка программ, адресованных поместным церквям. ELWA, являющаяся собственностью и руководимая Суданской внутренней миссией, также передавала программы, которые готовились в основном для христиан, не только в Либерии, где находилась радиостанция, но и для других африканских стран, расположенных по соседству.

Во многих странах миссионерским радиостанциям приходилось считаться с правительственными законами, ограничивавшими религиозную пропаганду и создание христианских программ, а в некоторых случаях христианское радиовещание было совсем запрещено. Очень редко миссионерское радио встречало доброжелательное отношение со стороны правительства, и одним из ярких примеров такого отношения является Кения. Там государство владело и руководило радиостанцией "Голос Кении" мощностью 100 000 ватт, выделяя двадцать два часа в сутки бесплатного времени для религиозных программ - и большая часть этого времени отводилась Африканской внутренней миссии. В 1978 г., когда президент Джомо Кениата умер, правительство объявило тридцать дней официального траура и освободило эфир от всех передач, кроме новостей и христианской музыки, что являлось весьма значительным решением, поскольку большая часть населения Кении - это мусульмане.

Ценность радио привела многих миссионеров, помимо АВМ, к активному участию в расширении радиовещания, когда они стали создавать собственные программы и покупать время у существующих станций, избегая таким образом расходов и ответственности за работу собственной радиостанции. Славянское евангельское

общество и Библейский христианский союз, например, оба тратили большую часть своего миссионерского бюджета на производство программ, направленных на Советский Союз. Некоторые миссии, такие, как ЛАРЕ - Латиноамериканский радиоэвангелизм, - полностью сосредоточили усилия на радиопрограммах и развитии служения вокруг лидеров своего движения. Финкенбендер ("Hermano Pablo" Finkenbender), их самый популярный радиоведущий, работал на радио в 1960-х гг., выходя в эфир более двухсот раз в день на разных станциях по всей Латинской Америке.

Сегодня, в связи с увеличением мощности радиопередатчиков и широким распространением транзисторных радио, христианские радиостанции охватывают все большее количество людей. По словам Барри Сиделла (Barry Siedell), "практически нет ни единого квадратного фута на земле, до которого хотя бы раз в день не дошло радиосообщение с благовестием". Но, к сожалению, радио было не в состоянии охватить вещанием огромные массы населения мира, чей язык или диалект слишком мал, чтобы на нем готовить передачи для эфира. Чтобы заполнить этот пробел, прибегли к помощи звукозаписи и аудиоэвангелизма, и теперь Евангелие доходит до самых отдаленных племен, чей язык часто не имеет даже письменности. Евангельская звукозапись охватила сейчас практически весь мир.

Кларенс У. Джоунс и ВБИХ

Как и другим специализированным помощникам миссионерского служения, миссионерскому радио приходилось прокладывать себе дорогу в нелегкой борьбе; и без мудрости такого провидца, как Кларенс У. Джоунс, миссионерское радио не могло бы занять подобающего ему места. Джоунс не побоялся использовать это "орудие дьявола" в целях благовестия и достаточно спокойно вынес все насмешки, которые на него обрушились. Люди из его церкви называли затею Джоунса безрассудством. Только глупец решил бы отправиться в чужую страну, чтобы организовать там радиостанцию, когда в этой стране всего шесть принимающих радиоцентров. Но Джоунс считал, что миссии должны быть на передней линии фронта сообщений, если поставлена задача проповедовать Евангелие всему миру; а если пока многие христиане не понимали правильности подобного решения, это его не очень тревожило.

Он родился в 1900 г. в Иллинойсе, и даже самые ранние его воспоминания связаны с христианским служением, поскольку оба его родителя являлись офицерами Армии спасения. Когда ему исполнилось двенадцать лет, уступив многочисленным просьбам отца, ему разрешили вступить в Армию спасения, где он быстро научился играть на нескольких музыкальных инструментах, а позже совершенствовал свою игру на тромбоне - инструменте, который стал его визитной карточкой. Джонс обратился под влиянием служения Пола Рейдера из команды Мооди; после обращения он поступил в Библейский институт Мооди, который окончил в 1921 г. старостой класса и выпускником, которому выпала честь выступить с прощальной речью.

После выпуска Джоунс работал с Полом Рейдером. Сначала он помогал в организации палаточных собраний, а позже участвовал в новом служении Рейдера в Чикагской евангельской скинии, которая вскоре стала основой для всемирного миссионерского движения - служение, привлечшее такие таланты, как Ланс Латем, Мерил Данлоп и Карлтон Бут (Lance Latham, Merrill Dunlop, Carlton Booth). Джоунс играл на тромбоне в квартете медных инструментов и стал руководителем радиовещательной программы Скинии, которая начала свою работу с организации первой коммерческой радиостанции в Чикаго.

Хотя Джоунс в Библейском институте Мооди специализировался по миссиям, мысли о миссионерской работе в период сотрудничества с Рейдером отступили в сторону. Но в 1927 г., когда он помогал Рейдеру организовать библейскую конференцию и стал ее директором, его сердце вновь тронуло сознание необходимости благовестия миру в тот момент, когда он услышал эмоциональное обращение Рейдера к молодым с призывом вступать в ряды миссионеров. В последовавшие недели и месяцы он убедился, что Бог хотел призвать его в Южную Америку, чтобы там впервые в истории организовать миссионерское радио.

В 1928 г., несмотря на скептицизм многих друзей и коллег, Джоунс поехал в Южную Америку, надеясь выяснить условия организации радиослужения в Венесуэле.

Путешествуя по деревням и городам, он воочию убедился в настоящей необходимости проповеди Евангелия. Об этом периоде он писал в своем дневнике так: "Насколько бесконечной выглядит задача миссионерского служения здесь, в Венесуэле, при том что наша работа так медленно набирает скорость! Эта страна является лишь маленькой частью огромного континента, во многих местах которого не слышали миссионерского свидетельства. Миссионерской работе можно было бы существенно помочь и намного ускорить проповедь благовестия возможной организацией регулярных испанских радиопрограмм. По всей Венесуэле существует прекрасная возможность проповеди Евангелия, и я много молюсь все эти дни, прося Господа сотворить великие и чудные дела Твои, Господи Боже Вседержитель! (Отк. 15:3)". Но вместо "великих и чудных дел" Бог закрыл дверь в Венесуэлу. Правительственные чиновники ответили категорическим отказом на его просьбу. С подобным предложением Джоунс посетил Колумбию, Панаму и Кубу, но ответ везде был одинаков. Вернувшись домой, Джоунс чувствовал себя смущенным и расстроенным. Все деньги и время были потрачены впустую. Порой ему казалось, что вся его затея была бессмысленной, как думали многие. Кэтрин, его жена, тайком ликовала, по словам его биографа. "Ее первоначальный энтузиазм угас и, имея на руках двух малышей, она просто не хотела ехать в другую страну. Совсем не хотела". Для Джоунса это было тяжелое время. "Затем наступил такой трагический период, что Кларенс, отчаянно нуждаясь в деньгах для содержания семьи и не в состоянии избавиться от ощущения полного провала, пожалел о своем предприятии с Южной Америкой, которое выставило его в глупом свете, и решил бросить все - работу в Скинии, мечты о миссионерском служении, свою семью - и завербоваться на флот. Его не приняли из-за того, что у него было плохое зрение".

Вполне возможно, что мечты Джоунса о миссионерском радио так и угасли бы, если бы не одна преданная делу пара, которая появилась в его жизни в последующие месяцы. Рубен и Грейс Ларсон (Reuben and Grace Larson) служили в Эквадоре в Христианско-миссионерском союзе с 1924 г. Во время отпуска в 1930 г. они посетили Чикагскую евангельскую скинию, чтобы рассказать о своей работе. Ларсоны вовсе не считали поездку Джоунса в Южную Америку провалом - он просто ездил не в те страны. Он проехал мимо чудесной страны Эквадор, по провидению Божьему даже не пытаясь добиться в этой стране разрешения на организацию радиовещания. Лишь Рубен и Грейс помогли ему правильно оценить возможность создания миссионерского радио в Южной Америке.

Для организации первого в мире миссионерского радио существенным аспектом явилась работа в дружной команде, и Джоунс часто цитировал Джонатана Гофорта, говоря: "Бог никогда не просил меня выполнить работу, Он просто посылал мне людей, которые помогали мне выполнить ее". Несколько мужчин и женщин внесли ценный вклад в осуществление мечты Джоунса, но труд Рубена Ларсона в установлении первых контактов с эквадорскими чиновниками невозможно недооценить. Пока Джоунс собирал деньги в Соединенных Штатах, Ларсоны вернулись в Эквадор и добились необходимого разрешения от правительственных чиновников.

Хотя эквадорские чиновники вначале скептически отнеслись к идее устройства протестантской радиостанции, Ларсон был настойчив и 15 августа 1930 г. он прислал Джоунсу телеграмму, приглашая его приехать как можно быстрее, объявив о подписании контракта на двадцать пять лет. "Мы ясно видели руку Божью,двигающую всем Конгрессом Эквадора, - писал он, - заставляя их в этой закрытой католической стране согласиться на служение евангельского радио". Однако Джоунс не успел получить телеграмму от Ларсона. Он так стремился скорее начать работу, что, когда в Штаты пришла телеграмма, уже находился на пути в Южную Америку.

Но те недели, что прошли после приезда Джоунса в Эквадор, стали неделями отчаяния. Едва высохли чернила на разрешении, как инженеры, равно как и чиновники американского Госдепартамента, сообщили миссионерам, что Эквадор, в частности Кито, не подходит для радиотрансляций. Горы и близкое соседство экватора представляли собой непреодолимое препятствие. Но "каким бы неразумным и нелогичным не казалось такое поведение, - писал его биограф, - Кларенс был абсолютно уверен, что Кито являлось Божьим местом для Его голоса в Южной Америке". Поэтому он продолжал работать над претворением в жизнь своих планов, и через год, несмотря на все разочарования, радиостанция ВБИХ - Вестник благословений Иисуса

Христа - стала реальностью. Этот день вошел в историю. Программа первого миссионерского радио была передана в прямом эфире в Рождество 1931 г. с радиопередатчика мощностью 250 ватт, расположенного в овчарне в Кито, Эквадор. Кларенс играл на тромбоне, фоном для его концерта служили тихие звуки органной музыки, а Рубен молился на испанском. Все тринадцать приемных радиостанций в стране были настроены на их волну, и в эфире звучал "Голос Анд".

В последующие месяцы было официально зарегистрировано "Мировое радио миссионерского братства" и велись ежедневные передачи. Правда, случались и кризисные моменты. Когда в Соединенных Штатах усилилась депрессия, пожертвования резко сократились. За весь 1923 г. новой миссии было пожертвовано менее одной тысячи долларов, а в 1933 г. банк, через который Джоунс и его коллеги получали ежемесячные чеки, свернул свою работу, а позже обанкротилась и Чикагская евангельская скиния, основа финансовой поддержки миссионеров. Будущее юной радиостанции казалось сомнительным. Стоя на коленях в маленькой комнатке, Джоунс целый день просил водительства Божьего: "Должны ли мы продолжать работу в ВБИХ, или нужно все бросить и ехать домой?"

Тот день был тяжелым для Джоунса, но он покинул радиостанцию с уверенностью в том, что Бог выведет их из кризиса. Когда он вечером того же дня вышел в эфир, в его голосе звучали нотки радости. За несколько дней до истечения последнего срока оплаты он сумел взять в долг у друга деньги и, заложив радиопередатчик, избежал немедленного закрытия станции. В дальнейшем МРМБ постепенно выбралась из финансовых затруднений.

Одной из причин того, что ВБИХ удалось выжить, явилось растущее признание со стороны правительства и народа Эквадора. С самого начала Ларсон и Джоунс активно сотрудничали с правительственными чиновниками, согласившись сделать свои передачи не только религиозными, но и учебно-просветительскими. Евангельские программы всегда разрабатывались с позитивной точки зрения, чтобы избежать враждебных отношений с католической церковью. Ключевым моментом их философии был патриотизм, поэтому президент Эквадора всегда имел открытый доступ к эфиру и часто использовал вещательное время и возможности христианской радиостанции, особенно в дни праздников.

Слава о радиостанции росла, количество приемных станций в Эквадоре увеличилось, и ВБИХ, по словам биографа Джоунса, "охватывал все слои общества, разрушая барьеры, препятствующие распространению Евангелия. Миссионеры (многие из которых вначале категорически возражали против идеи христианского радио) обнаружили, что если раньше их гнали и забрасывали камнями на улицах, то теперь они могли открыто служить. И даже если они встречали на дверях надпись "Протестантам вход запрещен", из-за дверей доносились звуки радиопередачи "Голос Анд" ВБИХ. Казалось, их слушают все".

Тридцатые годы стали временем интенсивного роста ВБИХ. Первым существенным дополнением к радиостанции явился радиопередатчик мощностью 1000 ватт, достигавший границ Эквадора; не прошло и десяти лет, как был установлен еще один передатчик мощностью в 10 000 ватт. Одному Джоунсу его установка была бы не под силу с финансовой точки зрения, и он вернулся в Соединенные Штаты, чтобы найти деньги. Самое большее, на что он надеялся, был 5000-ваттный передатчик, но он собрал лишь три из десяти необходимых тысяч долларов, а время подходило к концу. Как раз перед отплытием он получил неожиданную телеграмму: "Если хотите повидать меня перед отъездом, приезжайте". Телеграмма была подписана Р. Г. Летурно, богатым промышленником, имевшим репутацию человека, который отдавал огромную долю своих прибылей христианским организациям. Визит Джоунса к Летурно закончился тем, чего он никак ожидать не мог. Вначале Летурно предложил подписать чек на необходимые семь тысяч долларов для приобретения бывшего в употреблении 5000-ваттного передатчика, но позже он переменял решение, поскольку стало известно, что бывший в употреблении передатчик имеет дефекты. Тогда Летурно решил отдать Джоунсу новый радиопередатчик, изготовленный на его заводе в Пеории [Город в штате Иллинойс. - Примеч. пер.], и вместо начальных 5000 ватт он удвоил мощность до 10 000 ватт.

В Пасхальное воскресенье 1940 г. президент Эквадора Андрее Кордова включил новый передатчик на 10 000 ватт, разносивший теперь Евангелие на еще большее расстояние,

чем раньше. Как далеко, можно было только догадываться, но самые оптимистичные наблюдатели удивлялись, когда письма стали приходить из Новой Зеландии, Японии, Индии, Германии и России. То, что какие-то 10 000 ватт могут вешать на такие огромные расстояния, удивляло, но объяснение, данное позже специалистами в области радио, оказалось простым. Хотя Джоунса предупреждали о том, что нельзя размещать радиостанцию рядом с экватором, именно такое расположение позже назвали "самым прекрасным для идущей с севера на юг линии радиовещания", потому что "равное расстояние от магнитных полюсов" делает его "уникальным местом в мире, самым свободным от атмосферных помех". Высокий подъем в горах рядом с Кито явился дополнительным плюсом: 100-футовая башня на выступе горы в 9600 футов почти равнялась 10000-футовой антенне.

С ростом мощности ВБИХ росло и качество выпускаемых программ. С Джоунсом, как могут подтвердить многие его коллеги, работать было нелегко. Он полностью отдавался работе и был максималистом, требовавшим отличного качества во всех областях радиовещания, и некоторые считали его тираном. Живая музыка была первоклассной, а за опоздание на репетицию не принималось оправданий. Даже дети боялись властного контроля Кларенса, и случалось, их исключали из программы, когда игра не удовлетворяла его высоким требованиям. Но подобный подход директора станции к работе превращал финансово зависимую организацию в высокопрофессиональную радиостанцию, получавшую высочайшие комплименты даже от светских критиков. В 1950-е и 1960-е гг. ВБИХ продолжал расти, увеличив свою мощность до 500 000 ватт, но в этот период происходили не только счастливые, но и печальные события в жизни Джоунса и его семьи. В 1953 г. в автокатастрофе жена Кларенса Кэтрин получила травму головы и долго оставалась в коме, а у Кларенса оказалась серьезно поврежденной лицевая часть головы. Все сомневались в том, что он сможет продолжать играть на тромбоне. Выздоровление шло медленно, но к концу года оба вернулись к служению. Затем, в 1966 г. в другой автомобильной катастрофе погиб их единственный сын, Дик, вместе с женой и детьми служивший миссионером в Панаме. В обоих случаях Джоунс вернулся к работе с еще большим рвением.

В 1981 г., когда Джоунс жил на пенсии во Флориде, ВБИХ праздновал свое пятидесятилетие. За полвека со дня основания "Мировое радио миссионерского братства" стало много большим, чем просто радиостанцией. Сегодня под его руководством работают две больницы, передвижная клиника, типография и выходят цветные телевизионные программы - все это в дополнение к круглосуточному радиовещанию в Кито (вещание на пятнадцати языках) и к двум филиалам радиостанции в Панаме и Техасе.

Джон Брогер и Дальневосточная радиовещательная компания

Когда Р Г Летурно впервые встретился с Кларенсом Джоунсом и предложил ему финансовую помощь, он настоятельно советовал миссионеру расширить свое служение, задействовав радиостанцию на Филиппинах, чтобы охватить миллионное население Востока и тихоокеанских островов. Но Джоунс отверг это предложение, понимая, что его служение в Южной Америке было достаточно ответственным. Необходимость охватить регионы Дальнего Востока осознавали и другие, помимо Летурно, но Вторая мировая война перечеркнула все идеи о быстром осуществлении такого проекта. Однако с окончанием войны мечты трех человек о том, чтобы принести евангельское радио на Дальний Восток, воплотились в жизнь. Джон Брогер (John Broger), молодой офицер США, служивший в оперативной группе военного флота на Тихом океане, вернулся домой со страстным желанием работать на миссионерском радио; а его два друга, Роберт Боуман, сотрудник христианского радио в Лос-Анджелесе, и Уильям Роберте (Robert Bowman and William Roberts), пастор из Лос-Анджелеса, у которого имелась своя ежедневная радиопрограмма, с радостью согласились присоединиться к его предприятию.

После нескольких недель интенсивного планирования будущей деятельности и молитв три человека решили объединить свои финансовые сбережения - всего тысячу долларов - и создать некоммерческое объединение. Работа по оформлению необходимых документов закончилась в декабре 1946 г.; осталось лишь собрать сто тысяч долларов. В течение первых трех месяцев рекламной кампании было собрано

около десяти тысяч долларов. Начало казалось вдохновляющим, поэтому решили, что Брогер отправится на Дальний Восток, чтобы подготовить почву для их предполагаемого служения.

Первой остановкой Брөгера на Востоке был Шанхай, который, на его взгляд, являлся ключевым местом для установки передатчика, вещавшего бы не только на Китай, но и на север Кореи, через Китайское море до Японии, и на юг в Индокитай и островные государства. Но после нескольких недель переговоров надежды Брөгера на получение привилегий со стороны потрепанного националистического правительства погасли. Его посылали из одного учреждения в другое, но никто не давал ему официального разрешения. Он сумел добиться лишь устного заверения подумать о возможности установки 500-ваттной станции. Какими бы бесперспективными ни казались переговоры, Брогер с помощью китайских христиан прошел бесконечную череду кабинетов, представляя план радиовещательной деятельности, и обратился за разрешением к правительству.

После шести месяцев безуспешных переговоров с китайскими чиновниками Брогер отплыл в Манилу на Филиппинах, чтобы исследовать возможности организации радиостанции в этом регионе. Правительственные чиновники оказались там более способными к сотрудничеству, но возникли другие препятствия. Послевоенная инфляция высоко взметнула цену на землю, и стоимость жизни достигла астрономических высот. Еще менее утешительным было то, что на родине сбор денег замедлился, а те деньги, что поступали, тратились на покупку оборудования и материалов для строительства. Ситуация была неутешительной, но Брогер упрямо продолжал переговоры с правительством и пытался получить разрешение.

Сначала Брөгера в просьбе отказывали, потому что он не сумел ответить на жизненно важные вопросы о том, как станция будет финансироваться, где она будет расположена и сколько потребуются энергии. Однако при следующей встрече Брогер сумел объяснить чиновникам миссионерскую политику зависимости от Бога в отношении финансов и доказал, что на такие вопросы ответить невозможно, пока Бог не даст ответ; такое пояснение смутило чиновников и в то же время произвело на них впечатление. Что касается мощности, Брогер, колеблясь, попросил 10 000 ватт (в двадцать раз больше того, на что он мог рассчитывать в Шанхае). К его удивлению, когда заявление вернули с резолюцией, предполагавшаяся мощность была зачеркнута, а сверху написано "неограниченная мощность".

Найти подходящий земельный участок оказалось сложнее. Не было ничего по цене менее сорока тысяч долларов, и Брогер знал, что его коллеги дома никогда не смогут собрать столько денег. Несколько недель он проверял каждую возможность покупки земли, но не нашел ничего, что миссия могла бы себе позволить. "Тогда, - писал Брогер коллегам, - начал работать Бог". Два христианских бизнесмена в Маниле предложили ему участок в 12,5 акров в идеальном месте, стоивший пятьдесят тысяч долларов, по цене за двадцать тысяч, и Брогер отдал им последние пятьдесят долларов в качестве подтверждающего сделку задатка. Затем он поехал домой, чтобы собрать деньги для только что организованной Дальневосточной радиовещательной компании, и вернулся со штатом и оборудованием.

Хотя Манила не являлась таким уж блестящим вариантом для размещения первой миссионерской радиостанции на Востоке, оказалось все же, что это хороший выбор - определенно лучше, чем Шанхай. Брогер, так же как большинство политических аналитиков, недооценил разрушительную мощь повстанческих сил Мао

Цзэдуна. Если бы националистическое правительство выдало разрешение и Брогер разместил в Шанхае свою радиостанцию, компания по распространению Евангелия имела бы очень короткую жизнь, а к 1950 г. ее конфискованный радиопередатчик стал бы использоваться для коммунистической пропаганды.

Строительство первого передатчика ДВРК началось поздней осенью 1946 г. Необходимо было завершить все работы до срока, назначенного правительством, и выйти в эфир через полтора года, т. е. в апреле 1948 г. Работа, заключающаяся в подготовке участка, бурении колодца и строительстве зданий, была почти закончена, но большим препятствием на пути своевременного выполнения задания явилось приобретение очень дорогих материалов. В Соединенных Штатах Брогер и другие работники лихорадочно собирали деньги, готовя тонны материалов к отправке в Манилу. Одна отсрочка следовала за другой, а время летело; но наконец в феврале 1948 г., всего за

семь недель до последнего срока, девять штатных работников, их семьи и пятьдесят две тонны материалов отплыли из порта Сан-Франциско в Манилу.

К тому времени, когда Бродер и компания приехали в Манилу, стало ясно, что вовремя выпустить передачу они не успеют. Им разрешили строчку в семь недель, но возникли новые проблемы, и даже этот срок казался невыполнимым. Правительственные чиновники отказывались рассматривать вопрос о переносе сроков. Тогда, за три дня до начала вещания, возникли неожиданные проблемы с передатчиком, на что ушло последнее драгоценное время, которого уже не хватало на запланированное испытание. В день выхода в эфир, когда повсюду провисали провода линий высокого напряжения, когда люди работали по щиколотку в воде под проливным дождем, шла гонка не на жизнь, а на смерть. Бродер помчался в центр города к чиновникам, чтобы вымолить у них разрешение на задержку, но напрасно.

Положение было отчаянным, как рассказывает Глисон Ледьярд (Gleason Ledyard): "Выбирая задние улицы и едва избегая наезда на повозки на дорогах, Бродер на высокой скорости ехал на радиостанцию. Наконец, как раз перед 6 часами вечера, он поднялся по дороге, ведущей на станцию, и притормозил у здания". "Мы проведем испытание в открытом эфире", - закричал он, хватая свои записи программы, и затем, "когда весь штат запел великий гимн "Радуйся мир! Господь грядет. Земля, ликуй пред Ним!", Джон кивнул головой Дику, чтобы тот включил аппаратуру. Мощные передатчики Дальневосточной радиовещательной компании, гудя от напряжения, в 6:00 вечера 4 июня 1948 г. послали в замерший от ожидания эфир Востока слова величественного гимна".

Иногда, на ранних этапах работы, передачи не достигали даже всей Манилы из-за слабой мощности антенной системы, но результаты столь жертвенной деятельности миссионеров проявились почти сразу. Однажды неверующий парикмахер держал радио включенным на волне новостей, а один из его клиентов, воинствующий атеист, прослушав передачу, был обращен; вскоре после этого парикмахер и еще несколько других клиентов обратились через его свидетельство. В другом случае человек украл радио и стал верующим благодаря случайно услышанной христианской программе, после чего он вернул радио и многие другие украденные вещи их владельцам.

Миссионеры были взволнованы новостями о таких духовных победах, но не могли остаться довольными мощностью радиостанции. Установка более мощного радиопередатчика и строительство необходимой для радиостанции башни вместо временно установленного телефонного столба по финансовым соображениям казалась делом неосуществимым. Однако слухи об этой нужде распространились повсюду, и на адрес ДВРК пришло письмо от коммерческой радиовещательной компании с предложением о продаже трехсотфутовой вышки, приобретенной ими у военных по остаточной стоимости. Подобная вышка могла стоить 25 000 долларов. Боуман, в то время являвшийся в Маниле ответственным за работу радиостанции, смущенно предложил все, что было тогда на счету у ДВРК - триста долларов, и на следующий день, к его величайшей радости, получил согласие.

Эффективность работы ДВРК в большой степени зависела от готовности опытных профессионалов посвятить свое время работе на добровольческих началах на короткий или длительный срок служения. Необходимый передатчик в 6000 ватт был собран в Маниле именно такими преданными людьми. Женщины тоже внесли свой неоценимый вклад в служение ДВРК. Гилберта Уолтон (Gilberta Walton), инженер с многолетним опытом работы в радиовещательной компании, верно служила директором программ радиостанции; и Джени Римз (Janie Reames), опытный и квалифицированный пилот, летала в отдаленные районы на своем "Piper Cub", развозя приемные радиостанции (прозванные ПМ - "переносные миссионеры") и вдохновляя слушателей на организацию клубов слушателей.

По мере роста станции ДВРК в Маниле стали строиться и другие станции ДВРК в Окинаве и некоторых регионах Дальнего Востока; начали поступать письма от широкой аудитории слушателей, которую приобрела ДВРК. Многие из писавших выражали живейший интерес к "Библейской школе в эфире". Через два года после начала такого служения количество желающих заниматься на этом курсе выросло до двенадцати тысяч человек. Но растущая популярность ДВРК создала проблемы. Коммунистические правительства и России, и Китая заглушали передачи, чтобы помешать своим гражданам слушать христианское радио. Глушение, особенно в России, настолько

подействовало на работников радиостанции, что руководители ДВРК решили прекратить русское вещание в пользу вещания на другие страны, например, на Китай, где глушение не было таким эффективным. Но от этих планов пришлось отказаться, когда миссионер ДВРК встретился с российским эмигрантом, выразившим благодарность за христианские передачи, которые он слушал у друга в России: "Мы слушали вас годами. Вы были единственной нитью, связывавшей нас с другими христианами во внешнем мире... Мы шли домой к нашему другу глухой ночью - по двое-трое за раз - чтобы нас не заподозрили, сидели на полу, накрыв голову одеялом, разделив наушники, чтобы несколько человек могли слушать одновременно... Глушение чуть не сводило нас с ума, но вы знаете, все это стоило того, даже если бы мы услышали одно слово, Имя Иисуса, или хотя бы один стих из Писания".

Через четырнадцать лет служения Джон Брогер покинул пост в ДВРК по просьбе Генерального штаба и стал консультантом у военных. После его отъезда пост президента занял Роберт Боуман, и под его руководством ДВРК значительно расширилась. К 1970 г. у ДВРК была двадцать одна станция от 1000 до 25 000 ватт, вещавшая до полутора тысяч часов каждую неделю более чем на сорока языках. С тех пор гигантские коротковолновые и средневолновые передатчики появились в таких местах, как Сан-Франциско, откуда происходит вещание на Латинскую Америку, еще один был установлен на Иба, на Филиппинах, и другой - в Южной Корее. Все же сегодня главной целью являются Китай и бывший Советский Союз. С 1979 г., когда Китай слегка приоткрыл завесу, закрывавшую страну от Запада, за один год только оттуда пришло более 10 000 писем - в основном от нехристиан, желающих узнать побольше о евангельской вести.

Пол Фрид и "Трансмировое радио"

Из всех миссионерских радиовещательных организаций самым большим и самым географически разнообразным является Трансмировое радио. Основанное в 1954 г., TMR сегодня вещает на мощности более 5 млн. ватт и охватывает влиянием восемь процентов населения всего мира. Его гигантские передатчики излучают христианские программы из Монте-Карло, Бонайре, Свазиленда, Кипра, Шри-Ланки и Гуама на более чем восьмидесяти разных языках и диалектах. Как возникла такая мощная сила благовествования и как развивалась в последние десятилетия - это чарующая история волнений, тревог, испытаний и побед преданной команды отца и сына, Ральфа и Пола Фридов (Ralph and Paul Freed).

Пол Фрид, основатель TMR, был сыном миссионеров и вырос на Среднем Востоке. Его отец, Ральф, был преуспевающим бизнесменом в одной из компаний, когда почувствовал Божий призыв к работе в миссии. Пройдя миссионерскую подготовку в Ньякском институте, он с семьей отправился в Палестину служить в Христианско-миссионерском союзе. Маленький Пол рос счастливым в миссионерском окружении, но ему, как многим миссионерским детям, пришлось пережить болезненную разлуку с родителями. Когда мальчику исполнилось одиннадцать, его отправили на родину получить образование. Он жил с двумя одинокими женщинами-миссионерками, совершенно не умеющими справляться с мятежным и тоскующим по дому мальчуганом, что заставило их страдать не меньше, чем Пола. Через некоторое время Пол вернулся к родителям, но на следующий год его опять отослали - на этот раз в Иерусалим, к миссионерской семье, в которой обучались и другие дети. Тоска по родным с новой силой одолела Пола. Тринадцатилетний мальчик был так несчастлив, что однажды ночью, когда все спали, он написал записку, объясняя, что намерен предпринять, и ускользнул из дома, направившись к родителям: "Послав отцу телеграмму, в которой я просил встретить меня в Тивериаде, Галилея, я сел в автобус, идущий на север. Всю дорогу я старался представить его реакцию, но мое сердце чуть не выпрыгнуло от радости, когда я увидел родное лицо отца в толпе, въезжая в центр Тивериады". Хотя Пола ругали за безрассудный поступок, ему все же позволили остаться дома с родителями при условии, что он будет усердно учиться. Это был хороший стимул, и мальчик самостоятельно и успешно завершил первый год старших классов средней школы, готовясь на следующий год, когда его родители вернуться в Соединенные Штаты в отпуске, поступить на второй курс в Академию Уитона.

Оставшиеся два года школы Пол закончил в Бейруте, Ливия, и после этого вернулся в Соединенные Штаты, где получил специализацию по антропологии. Из Уитона он перешел в Ньякский миссионерский колледж. Там он прослушал курсы замечательных миссионеров и проповедников, включая Кларенса Джоунса, основателя ВБИХ в Кито, Эквадор.

После подготовки в Ньяке Пол начал работать с обществом "Молодежь за Христа" под руководством Торри Джонсона (Torrey Johnson). Во время проведения конференции МХ в Европе он побывал в Испании, где и решил окончательно, что займется миссионерской работой. Почти никто из миссионеров не работал в Испании, и перед ним стояла безотлагательная задача исправить такое положение. Хотя Пол не имел опыта работы с радио, именно это средство показалось ему единственным, способным охватить Евангелием всю Испанию. Возвратившись из Европы, он оставил служение в МХ и начал ездить как проповедник, рассказывая о нуждах Испании. К сожалению, церкви, которые Пол посещал, не реагировали на его просьбы.

В 1951 г. Пол с женой, Бетти Джейн (Betty Jane), и еще одним другом поехали в Испанию исследовать возможности для организации радиостанции. Хотя Пол не думал о том, что радиостанцию можно построить и на территории другой страны, скоро стало понятно, что Танжер в Северной Африке, в двадцати шести милях от Испании через Гибралтарский пролив, будет самым подходящим местом. Там они могли купить за небольшой процент от истинной стоимости брошенную миссионерскую школу, которая послужила бы идеальным местом для радиостанции.

Фриды вернулись в Соединенные Штаты, горя от нетерпения начать новое дело и полные решимости обратить внимание христиан на свои нужды. Для этого они сделали цветной фильм "Banderilla", в котором ярко живописали простых испанцев, жаждущих эффективного евангельского свидетельства. Затем, без какого-либо дохода или поддержки, Пол и Бетти Джейн с двумя маленькими детьми начали свой представительский поход в одиннадцать тысяч миль через Соединенные Штаты и Канаду, закладывая основание будущему служению. Хотя эта поездка принесла соответствующее вознаграждение, но утомительный график и та критика, которая обрушилась на них, несколько охладили их пыл: "Много раз мы боролись с искушением бросить все и сдаться. Это была такая битва... мы едва ее выдержали... как раз тогда, когда мы чувствовали себя сильными и уверенными, на нас обрушивался шквал критики". Критика слышалась отовсюду. Тот факт, что их предполагаемая миссия не имела четких формулировок будущей деятельности и что она не была связана с каким-либо уже существующим миссионерским обществом, беспокоил некоторых людей. Другие насмехались над отсутствием у Пола профессиональных знаний в области радио, а третьи считали, что вполне достаточно существующих радиостанций.

Несмотря на критику и разочарования, Пол двигался вперед в осуществлении своих планов, и в феврале 1952 г. ТМР официально зарегистрировали. На следующий год он уехал в Танжер, чтобы начать строительство станции на деньги, полученные не от пожертвований, а от продажи собственного дома и автомобиля. В Танжере он договорился с другой радиовещательной компанией, что возьмет в аренду передатчик и антенны и будет выходить в эфир по ее лицензии. После разрешения этого вопроса Полу понадобилось сделать следующий шаг - найти директора станции "самого лучшего, если возможно". И он понял, что эта должность прекрасно подойдет его отцу, ветерану-миссионеру, который в то время преподавал в Западном канадском Библейском институте. Но, позвонив отцу, он узнал, что как раз за три дня до звонка тот принял предложение занять пост директора школы. Пол был в полной растерянности. "Я не знал, как поступить. Я не мог предложить ему ничего, что хотя бы отдаленно напоминало финансовое обеспечение или престиж должности в этой чудесной школе". Тем не менее через несколько дней отец позвонил Полу и сказал, что согласен приехать к нему.

Хотя Пол молился, чтобы отец принял подобное решение, чувство благодарности к отцу за его жертву переполняло его: "Тогда отцу исполнился уже шестьдесят один год, он был ветераном-миссионером, завершившим важную и всеобъемлющую миссию на Среднем Востоке. Бог призвал, благословил его и радовался его успехам. Теперь он вернулся в Америку, и ему была предоставлена честь называться директором Библейской школы. Он получил эту должность по праву, она явилась достойным

завершением его кипучей, напряженной жизни миссионера. Но он это бросил, начал все с нуля, чтобы помочь мне в новом предприятии".

В январе 1954 г. Ральф и Милдред Фрид, родители Пола, отплыли в Танжер. Тем самым они открыли второй этап своей миссионерской карьеры, на этот раз без всякой поддержки со стороны Христианско-миссионерского союза, отправляясь только по вере в Бога и в способности сына найти деньги. Купив у военных списанный передатчик мощностью 2500 ватт, очень скоро Ральф организовал вещание TMR; но в Соединенных Штатах заметного прогресса не отмечалось. Пол ездил на переключных по всей стране, рассказывая о радиомиссии везде, где его слушали, но деньги поступали медленно. Росла гора неоплаченных счетов, создавая невыносимую обстановку для Ральфа и Милдред. "Положение стало таким критическим, - говорил Пол, - что отец взял инициативу в свои руки. Однажды утром, всего через три месяца после того, как мама с папой отплыли в Танжер, мне в Штаты пришла телеграмма' "Пол, если мы не получим какого-то реального вдохновения, какой-то реальной помощи на этой неделе, я уже договорился сдать весь этот радиобизнес и вернуться домой"".

Это был удар. Если даже его родители уедут в такой напряженный момент, ему придется расстаться со своей затеей. Без них это решающее наступление обречено на провал. Тогда в субботу, в конце той недели, когда от отца пришла телеграмма, к Полу пришел пастор, знавший его мать и отца. Пастор поделился новостью, что его церковь решила взять на себя поддержку его родителей. Это была чудесная новость, и она пришла как раз вовремя, чтобы предотвратить развал новорожденного TMR.

То предложение о помощи было поворотным моментом для TMR. Стало поступать больше денег как от частных лиц, так и от церквей. Интерес к новой миссии возрастал и в Соединенных Штатах, и в Европе. В 1959 г., через пять лет вещания, штат в Танжере вырос от двух до двадцати пяти работников, и "Голос Танжера" был слышен по всей Европе, в Северной Африке, на Среднем Востоке и в странах за "же-лезным занавесом". Но в это самое время назревал другой кризис - политический. Марокко стало независимым государством, и правительство объявило, что все радиостанции страны к концу 1959 г. будут национализированы. "Новость показалась нам чернее ночи, - вспоминал позднее Пол, - отец прочитал предупреждение правительства в среду во время дневной молитвы. Это был страшный удар".

Но какими бы сокрушительными ни были известия, у Фридов оставалась возможность выбора. В 1957 г. они посетили Монако с целью определить возможность будущего перемещения станции в Монте-Карло. Хотя цены там были намного выше, но существовали определенные преимущества пребывания на европейском континенте и, кроме того, возможность намного увеличить вещательную мощность. Поэтому весной 1959 г. Пол с отцом начали серьезные переговоры с чиновниками в Монте-Карло, и в 1960 г., через девять месяцев перерыва в радиовещании, TMR опять заработало - на этот раз с мощностью в 10 000 ватт.

Переезд из Танжера в Монте-Карло, однако, происходил непросто. Постоянная нехватка денег легла тяжким бременем на плечи Фридов, лишь постепенно увеличивавших первоначальные 10 000 долларов годового бюджета. Но новые обстоятельства и передатчик требовали огромных денег, включая первый взнос в полмиллиона, который следовало внести в виде шести проплат по 83 000 долларов в течение первого года - подвиг, по мнению Пола, требующий никак не меньше шести чудес подряд; что, в сущности, именно так и произошло.

Чек по первому взносу, который следовало оплатить немедленно, был неожиданно подписан группой норвежских бизнесменов. Второй взнос, по словам Пола, "казался еще более невозможным, чем первоначальная оплата". В день последнего срока уплаты долга миссии не хватало 13 000 долларов. В то утро в офис пришел чек на 5000 долларов и ничего больше. Пол ушел в банк, не понимая, где он найдет недостающие 8000 долларов, дрожа при мысли о том, какой штраф будет наложен за просрочку платежа. Не доходя до банка он встретил своего рабочего, который как раз нес почтовое отправление для радиостанции. В нем было 5000 долларов. Все еще не хватало 3000, и Пол пошел в офис президента банка; сидя там, он пытался сообразить, как оплатить свой долг, когда в адрес банка пришла телеграмма, перечислявшая на счет радиостанции ровно три недостающие тысячи долларов.

Третий взнос можно считать еще одним чудом. Опять в день последнего срока не хватало денег, но на этот раз всего 1500 долларов. Вскрыли всю почту, но там денег не

оказалось. Большая часть денег была пожертвована верующими из Германии, а последний курс валют на мировом рынке показал, что немецкая марка неожиданно подорожала, как раз и добавив недостающие 1500 долларов по сравнению с предыдущим днем, когда курс марки был ниже. Последние сроки для оставшихся трех проплат тоже были напряженными днями, но в каждом случае сотрудники TMR сумели заплатить свой долг без начисления пени.

В октябре 1960 г., через год с небольшим после подписания контракта с чиновниками в Монако, TMR в Монте-Карло вышло в эфир. Только в первый год пришло около восемнадцати тысяч писем от слушателей, и многие просили духовного совета. Другие присылали финансовую помощь, и к 1965 г. половина поддержки TMR исходила от самих европейцев.

Радиовещание на Европу через район Средиземного моря потребовало программ на двадцати четырех различных языках. Это, конечно, не значило, что специалисты по этим языкам были штатными работниками радиостанции в Монте-Карло. Для большего разнообразия своих передач TMR делала программы в той стране, для которой она выходила в эфир, поэтому различные христианские лидеры имели возможность представить Евангелие собственному народу.

Для того чтобы такие программы составлялись грамотно, нужны были компетентные директора в каждой стране, и TMR удачно подбирала таких людей, как Хорст Маркардт (Horst Marquardt), руководивший немецким филиалом радиостанции. Сразу после окончания Второй мировой войны Маркардт оказался в Восточной Германии под контролем Советов. Страстный сторонник марксистского учения, он вступил в коммунистическую партию, а позже стал работать на Восточно-Берлинской радиостанции, где вел коммунистическую пропаганду и молодежные программы. Через некоторое время он почувствовал разочарование в идеях коммунизма, начал изучать Библию и обратился. В 1960 г., познакомившись с Ральфом Фридом, он поступил на TMR, возглавив немецкий филиал.

Преданные и талантливые работники TMR, финансовые чудеса и сотни писем, потоками устремлявшихся в штаб каждый месяц, несли успех Полу Фриду и радиостанции, где он работал с таким вдохновением. Однако постоянное физическое и умственное напряжение сказались на состоянии его здоровья. В 1961 г. в возрасте сорока двух лет (после соревнования по теннису, которое он завершил из-за темноты, когда третий сет был сыгран вничью после двадцати двух геймов) он слег с сердечным приступом. Целый месяц он пролежал на больничной койке, но даже в больнице строил планы по расширению работы TMR.

В 1962 г., отдохнув несколько месяцев, Пол посетил Пуэрто-Рико, чтобы исследовать возможность установки еще одной станции в Карибском бассейне. Эксперты в Европе советовали ему построить дополнительную станцию, предпочтительно на Карибах, если TMR планирует охватить отдаленные регионы качественным звучанием. В Пуэрто-Рико Пол обнаружил, что правительственные распоряжения ограничивали радиовещание до двух частот за раз. Такое ограничение для международного радио, по его словам, было сравнимо с "гонками по пересеченной местности с привязанными к кресту руками и ногами".

После поездки в Пуэрто-Рико Пол обратился к голландским официальным лицам по поводу строительства радиостанции на нидерландских антильских островах. Чиновники с таким энтузиазмом восприняли проект Пола, что Пол опять посетил Карибский бассейн и через две недели после прибытия ему выдали разрешение на установку супермощной станции на 500 000 ватт. "Никогда раньше в истории радиовещания, - писал Пол, - группе частных лиц какого бы то ни было ранга не выдавали подобных разрешений. Это дало нам возможность охватить вещанием сотни тысяч людей в глубинных районах многих стран, тысяч людей, никогда бы иначе не услышавших благовестия".

Местом расположения новой станции был выбран Бонайре, остров в 112 квадратных миль на коралловых скалах. По словам Пола, это было идеальное место: "...мы нашли лучшее в техническом отношении место в мире - Бонайре - это преимущественно соляная равнина с соленой водой со всех сторон, обеспечивающая немислимую проводимость, поскольку мокрая соль является самым лучшим проводником после металла". Другим положительным фактором для размещения станции на Бонайре явился дружественный прием, оказанный чиновниками, предоставившими TMR ценные

участки земли и согласившимися проложить дороги и установить телефонные линии к радиостанции бесплатно. К лету 1964 г. большая часть строительных работ завершилась, и ТМР начало транслировать свои передачи для западного полушария. В последующие годы на Бонайре были установлены для всемирного служения ТМР еще четыре радиостанции, и штат работников-миссионеров увеличился более чем до четырехсот человек. Первоначальное желание Пола достичь Испании превратилось в стремление охватить весь мир.

Питер Дейнека и Славянское евангельское общество

Для любой радиостанции выпускаемая программа является ее плотью и кровью. Антенны самой высокой мощности помогут мало, если передачи будут неинтересными. Задача составления эффективных программ очень важна, особенно для миссионерских организаций типа Корпорации всемирного миссионерского радио, Дальневосточной радиовещательной компании и "Трансмирового радио", которые вели свои передачи на десятках языков. По этой причине многие подобного рода миссионерские организации в огромной степени зависят от отдельных личностей и других миссионерских организаций в плане помощи по составлению передач. Одним из таких людей был Питер Дейнека (Peter Deuneka), а подобной миссией стало Славянское евангельское общество. Хотя общество не имело собственной радиостанции, СЕО рассматривало радиослужение как важнейший способ благовестия и составляло христианские программы для эфира, вещая с различных радиостанций по всему миру. Питер Дейнека, основатель этой миссии, видел радио основным помощником в исполнении задачи охвата собственного народа за "железным занавесом".

Шестнадцатилетний Питер Дейнека был совсем один, когда весной 1914г. сошел с поезда в Чикаго, Соединенные Штаты, решив начать в Америке новую жизнь. Как многие русские юноши, он эмигрировал в другой мир по одной причине - заработать достаточно денег, чтобы выволить свою семью из тисков нищеты. Итак, его первой задачей стали поиски работы.

Хотя Питер относился с уважением к царю и Русской православной церкви, в Чикаго он встретил русских соотечественников, осуждавших царскую политику по земельному вопросу и избравших своей философией атеизм. Питер начал посещать собрания Интернационала, вдохновляемого коммунистами, и вскоре тоже стал атеистом. Но потом он встретился с евангельскими христианами, сначала на улице, а затем во время проведения кампании Билли Санди (Billy Sunday) и, наконец, в Мемориальной церкви Мооди, где обратился под влиянием богослужения Пола Рейдера.

После обращения Питер стал активистом Мемориальной церкви Мооди, а затем поступил в Библейский институт святого Павла для подготовки к христианскому служению, все это время на практике развивая свой дар благовестника. По окончании обучения Питер работал среди русских и европейских эмигрантов в Дакоте и Монтане, хотя и стремился вернуться в Россию, чтобы помочь своей семье. После революции в России с 1918 по 1922 г. Питер не получал от родных никаких писем, но много слышал о страшном голоде, опустошавшем и города, и села России. Когда он вернулся в Чикаго для работы с Полом Рейдером, пришло первое известие об оставшейся на родине семье. Три его брата и две сестры умерли от голода и болезней. Новость казалась невыносимой, и Питера снедало стремление добраться до оставшихся членов семьи, неся им Евангелие, пока не поздно. Он делился своей верой в письмах, посылая христианские брошюры, мечтая все же повидать их. В 1925 г. такая возможность представилась благодаря финансовой поддержке друзей.

Встреча Питера с родными в маленькой деревне, где он родился и вырос, была и печальной, и радостной. Его мать рассказала со слезами на глазах, что отец умер всего лишь за месяц с небольшим до его приезда, до самого конца надеясь повидать своего сына. Эта новость только усилила желание Питера привести мать и брата к спасительной вере в Христа, но они были слишком обеспокоены происшедшей в нем переменой и стыдились его стремления делиться благовестием с соседями и всеми остальными, кто желал слушать.

Следующие несколько месяцев на родине Питер проповедовал русским, с жадностью внимавшим Слову Божьему. Однажды, когда он закончил двухчасовую проповедь, люди посетовали, что они пришли издалека и что встреча была слишком короткой. Везде, где

бы он ни находился, люди просили Библию, предлагая взамен пшеницу, а иногда и рогатый скот в обмен на Слово Божье. Питера потрясла глубина духовного голода этих людей. Вернувшись в Соединенные Штаты с русским проповедником, он вместе с ним ходил по церквям, собирая деньги на Библии для России.

В то самое время, когда Питер в Соединенных Штатах представлял нужды российского народа, у него на родине Евангелие прокладывало широкий путь. Как он позже заметил, "чудесный прогресс Евангелия на моей родине за период с 1924 по 1930 г. поднялся до высот национальной евангельской Реформации. Все классы российского общества, включая священников - все национальности, племена и профессии, - оказались охвачены волной пробуждения. Это был ответ на молитвы - настоящее чудо, происшедшее в то время, когда официальной политикой государства после революции стал воинствующий атеизм". Но политическая атмосфера в России резко менялась, поэтому в 1930 г. Питер воспользовался последней возможностью свободного въезда и свободной проповеди собственному народу.

Вернувшись в Соединенные Штаты, Питер возобновил сотрудничество с Полом Рейдером, на этот раз став секретарем русского отдела во Всемирном, христианском агентстве Рейдера, занимавшемся организацией Библейских курсов для евангелизации населения. Это был важный период в жизни Питера. Уверенность Рейдера в успехе радиослужения заразила и Питера точно так же, как за несколько лет до этого передалась Кларенсу Джоунсу. Работая во ВХАР, Питер видел необходимость создания организации, нацеленной именно на проповедь Евангелия странам за "железным занавесом".

В 1933 г. Питера, чья озабоченность судьбой Восточной Европы была уже хорошо известна, пригласили в турне евангельские лидеры тех стран. После возвращения из второй поездки по Европе в 1934 г. он с группой единомышленников организовал Славянское евангельское общество. Так началось их всемирное служение славянским народам не только в Восточной Европе, но и в таких странах, как Аргентина и Уругвай, куда эмигрировало большое количество людей из Восточной Европы. Политические барьеры, не позволявшие большей части славян свободно слышать Евангелие, скоро превратили радио в главное средство для проповеди Слова Божьего. Усилия Питера были вознаграждены, когда в эфир вышло первое радиосообщение на коротких волнах для российского народа из ВБИХ в Кито, Эквадор, в 1941 г. Сам Кларенс Джоунс организовал тот исторический выпуск, и с тех пор Славянское евангельское общество было неразрывным образом связано с радио. В 1953 г. старшая дочь Питера, Руфь, вместе со своим мужем присоединилась к работе ВБИХ.

По мере роста СЕО росло и его служение на радио, и скоро после открытия Полом Фридом радиостанции на Танжере Питер начал готовить там программы, идущие на славянские страны. Передачи Питера выходили также в эфире Дальневосточной радиовещательной компании и других христианских радиостанций. К 1960 г. около шестисот передач СЕО в месяц вещали только на Россию, включая "Библейский институт в эфире" (позже - "Семинария в эфире"), который помог восполнить отсутствие в этой стране библейских школ.

Хотя Питер Дейнека и СЕО вели разностороннюю деятельность, одним из наиболее плодотворных аспектов ее стало именно радиослужение. Когда Питер, наконец, получил возможность поехать в Россию, он встретился с сотнями людей, которые желали поблагодарить его за замечательные программы. Один проповедник из мирян просил прощения за то, что

использовал его проповеди как конспекты для своих встреч, потому что у него не было другого источника по толкованию Библии. Другой молодой русский человек по имени Борис, специальностью которого являлся ремонт радиоприемников, не был знаком с христианами и не слышал о Евангелии, пока не поймал волну СЕО во время ремонта радио. Он начал регулярно слушать передачи и был обращен; а сегодня, через три года обучения на курсах "Семинарии в эфире", стал проповедником.

К 1980 г. под руководством Питера Дейнеки-младшего более пятидесяти русских радиомиссионеров проповедовали Евангелие с девяти радиостанций, стремясь быть услышанными советскими людьми. Эти люди, не имея Библий, пособий по изучению Библии и не общаясь с евангельскими священниками, могли включать сорок миллионов имеющихся в стране коротковолновых радиоприемников. Никто никогда не узнает,

сколько людей слушали тайком эти радиопередачи, но возможность слушать Евангелие предоставлялось всем, кто этого хотел.

Джой Риддерхоф и "Евангельская звукозапись"

Радио было важным средством в деле всемирного благовестия, но у него имелись определенные ограничения. Во-первых, радио не доходило до отдаленных племен, язык которых никогда не изучался христианами, и, даже если язык был известен, организация радиопередач обошлась бы очень дорого для малочисленных и изолированных племен. Какое же средство следовало использовать, чтобы войти в сердца и души этих людей? Переводчики Библии и миссионеры-проповедники, хотя их было относительно немного, сделали все, что могли; но изучение языка - это медленный и трудный процесс, а после его изучения требовались годы для работы над письменной его формой и для обучения чтению людей этого племени. Так как же могут самые забытые племена на земле услышать Евангелие? Очень трудно представить, что такую задачу возможно разрешить одним махом. Джой Риддерхоф, которая воплотила в жизнь эту, казалось бы, неосуществимую мечту, тоже шла к этому постепенно. Сначала идея использовать звукозапись для евангелизации возникла у нее лишь в отношении одного маленького племени в Гондурасе - а не всего мира.

Это было в начале 1930-х, когда Джой отправилась из Соединенных Штатов в Гондурас одинокой миссионеркой от организации "Миссия друзей". Она страдала от одиночества, потому что оказалась единственной миссионеркой в отдаленной деревушке в горах, но ее служение временами приносило радостные плоды. Когда она приходила с евангельской вестью в разбросанные горные поселения, то там, то тут люди отвечали и обращались к Христу. Но тяготы служения и тропический климат основательно подорвали ее здоровье, и через шесть лет миссионерского служения она вернулась в Лос-Анджелес, сильно ослабленная малярией.

Когда Джой долгие месяцы медленно выздоравливала в своей спальне на чердаке, она думала о тех людях, которых оставила в Гондурасе, пытаясь представить, как им трудно преуспеть в своей христианской вере без назидательной и вдохновляющей миссионерской помощи. "Если бы я могла оставить им свой голос", - думала она снова и снова. Затем она вспомнила шумные бары в Гондурасе и те музыкальные записи, что вечно в них звучали. Казалось, в Гондурасе все любили музыку. Это и был ответ. Она пошлет в Гондурас свой голос, записав Евангелие на фоне тихо и нежно звучавшей музыки. Слово Божье придет к людям через музыку и сказанное слово.

Сначала идея Джой о записи Евангелия казалась далекой мечтой, но она стала молиться о такой возможности и делиться этой мечтой с друзьями. В 1939 г. была сделана ее первая запись "Добрая весть" ("Buenas Neuvas") на три с половиной минуты. Во время болезни и в период выздоровления Джой научилась играть на гитаре, и музыка стала неотъемлемой частью первой записи. Вскоре, однако, она осознала необходимость привлечения к звукозаписи носителя языка, с тем чтобы с его помощью озвучивать заранее подготовленное сообщение и музыку.

Новость о записях Джой распространялась все дальше, и миссионеры в других частях Латинской Америки начали просить эти записи, в связи с чем работа стала шириться. Энн Шервуд (Ann Sherwood), подруга Джой по колледжу, присоединилась к ее служению; и когда спальня на чердаке оказалась слишком тесной, девушки перебрались в более просторное помещение - бывшую конюшню с грязным полом, которую Джой и ее друзья переделали полностью. По мере роста заказов на записи увеличивалось количество добровольцев; один из них, Герман Дик (Herman Dyk), опытный электронщик, приехал из Монтаны без приглашения и без предупреждения, чтобы посвятить новой работе все свое время.

Первые сообщения, сделанные Джой, записывались в Лос-Анджелесе. В студию звукозаписи приходили китайцы, мексиканцы и представители различных индейских групп, чтобы прочесть подготовленные тексты на родном языке, но Джой понимала, что служение будет ограниченным, если работать только в Лос-Анджелесе. Было принято решение самим ехать к людям - решение, означавшее поворотный момент в истории "Евангельской звукозаписи" (вначале, в 1941 г., зарегистрированной как "Испанская звукозапись"). Джой и Энн совершили первую пробную поездку в 1944 г., проведя десять месяцев в Мексике и Центральной Америке, путешествуя в многоместном

автомобиле, который им подарили именно для этой цели. Поездка оказалась плодотворной, и им удалось сделать записи на тридцати пяти новых языках и диалектах.

В следующий раз Джой и Энн посетили Аляску в 1947 г. для записи послания на индейских и эскимосском языках. Как и в Латинской Америке, их работа оказалась очень трудоемкой. Они добирались до отдаленных племен и искали там говорящего на двух языках человека, который бы захотел зачитать на ленту подготовленное сообщение. Но месяцы трудов не прошли впустую - Джой и Энн вернулись в Лос-Анджелес с записями Евангелия более чем на двадцати языках.

Когда они были на Аляске, им рассказали о настоятельной потребности в таких записях на Филиппинах, и поэтому именно Филиппины стали их следующим пунктом назначения. Хотя Джой и Энн провели на Филиппинах менее года, они сумели записать девяносто два языка и диалекта, в основном полагаясь на помощь миссионеров-резидентов. Иногда работа заключалась просто в том, чтобы найти миссионера и двуязычного туземца и затем с их помощью записать приготовленное сообщение, но бывали и намного более сложные случаи. Иногда они забредали далеко в глубинку, записывая языки, совершенно неизвестные миссионерам. Например, чтобы записать язык палаванских негрито [Коренное население острова Палаван на западе Филиппинского архипелага. - Примеч. пер.], им пришлось воспользоваться услугами трех человек. Миссис Маггей, филиппинка, понимавшая английский и свободно владевшая языком ибанаги [Ибанаги, или кагаян, - народ на севере острова Лусон на Филиппинах. - Примеч. пер.], медленно читала сообщение на языке ибанаги человеку этой народности, который понимал, но не говорил на языке палаванских негрито, и он, в свою очередь, передавал сообщение на своем языке человеку, для которого негрито был родным и который хорошо понимал ибанаги, чтобы повторить сообщение на ленту на палаванском негрито, и этот сложный процесс занимал долгие часы. Затем эта лента склеивалась сто пятьдесят раз для редактирования, и сообщение зазвучало на языке, на котором никто раньше не слышал евангельской вести.

Сообщение было простое, но, по словам Филлиса Томпсона (Phyllis Thompson), в нем говорилось о главных евангельских догмах: о Сыне Небесного Вождя, Который пришел на землю, чтобы умереть на дереве, сколоченном в виде креста, и таким образом понести на Себе грехи всех людей земли, чтобы спасти их от злого жития внизу, в месте огня. Оно говорило о том, что если человек верил в Несу (Yesu), Сына Небесного Вождя, то он сам становился дитем Небесного Вождя, и когда за ним приходила смерть, он переселялся в деревню наверху, где процветала чудесная и счастливая жизнь. В нем говорилось о Святом Духе... Который поселялся в сердце человека, уверовавшего в Иесу". Хотя записанное сообщение ограничивалось временными и культурными рамками, Джой искренне верила, что оно могло изменить жизнь людей.

К 1950 г. Джой и ее коллеги записали на пленку триста пятьдесят языков и диалектов, и служение звукозаписи быстро набирало обороты. Но появились проблемы - в частности, в отношении использования записей в отдаленных районах джунглей. Граммофоны были вполне доступным средством, и "Евангельская звукозапись" их распространяла, но они оказывались хрупкими и постоянно ломались. Очень часто пластинки лежали без дела, потому что "говорящие ящики" отказывались говорить. Джой обратилась к своим коллегам и сторонникам с просьбой "молиться, пока Бог не поможет... изобрести ручной граммофон - дешевый и безмоторный, с которым легко мог бы справиться любой и у которого бы не было механических частей, нуждающихся в починке и наладке".

Хотя ответ на молитвы Джой пришел не сразу, слово об этой нужде распространилось повсюду, и после экспериментов с разными граммофонами был разработан проигрыватель с долгим заводом, сделанный из твердого картона, а позже стали использоваться маленькие кассетные проигрыватели. Наиболее современный из всех новшеств - это "Grip", работающий без батареек.

В начале 1950-х Джой и Энн, на этот раз в сопровождении Санны Бар-лоу (Sanna Barlow), отправились в четвертую поездку в Австралию, Индонезию, Новую Гвинею и другие острова в Тихом океане. В Австралии они познакомились с Дж. Стюартом Миллом (J. Stuart Mill), который с таким энтузиазмом отнесся к их работе, что присоединился к этой компании и организовал в своей стране филиал "Евангельской звукозаписи". После посещения племен и записи сообщений в южной части Тихого

океана Джой и двое ее коллег проследовали в Азию и Африку и после пяти лет трудных путешествий вернулись в Лос-Анджелес через Лондон, где также организовали еще один филиал "Евангельской звукозаписи". Приехав в Лос-Анджелес, они осмотрели новый штаб, организованный за время их отсутствия. Пока они отсутствовали, работа не останавливалась ни на один день, и к 1955 г. более миллиона записей были отосланы более чем в сто различных стран.

Но сухое перечисление цифр мало расскажет о результатах работы Джой. Служение "Евангельской звукозаписи" привело к спасению отдельных людей и целых племен по всему миру. В Мексике человек обратился, прослушав подобную запись, а затем, в свою очередь, привел десятки людей к Христу. Повсюду в мире были достигнуты замечательные успехи, что подтверждает рассказ Филиса Томпсона: "Около трехсот человек в одном районе Индии обратились, в основном благодаря граммофонному благовестию. Миссионеры, посетившие Анголу, рассказывали о встречах с людьми, которые пришли к Господу после прослушивания записей. Неграмотный бразильский христианин взял звукозапись евангельской вести и пошел туда, где до него не было ни одного миссионера. Там он привел к спасению пять душ. Один человек на Филиппинах шел двенадцать часов пешком, чтобы больше узнать о Господе Иисусе, о котором он слышал из "большого говорящего ящика". Люди в племенах сидели целыми ночами, слушая пластинки, звучащие на их родном языке. День за днем шли письма, в которых просили все больше и больше записей, потому что "они достигают тех, которые иначе никогда бы Евангелия не услышали".

Сегодня, через сорок лет непрерывного и плодотворного служения с "Евангельской звукозаписью", Джой больше не является директором, но работает в штате организации и активно представляет миссию. В миссии работают пятьдесят новых членов и огромное число добровольцев, а евангельская весть имеется в записи для дальнейшего распространения почти на четырех тысячах языков и диалектов.

Глава 15. Миссионерская авиация: полет над джунглями

Плыть семнадцать дней в выдолбленном каноэ, осаждаемом тучами москитов, переправляться через бурные реки, окруженные густой растительностью, в которой полно ядовитых змей. Так путешествовал в джунглях миссионер, профессионально подготовленный проповедник XX в., продвижение которого страшно тормозил медленный и примитивный транспорт или полное его отсутствие. Неудивительно, что появление летательных аппаратов в помощь миссионерам рассматривалось как Божий дар теми, чью жизнь авиация изменила.

До Второй мировой войны ряд миссий располагал своими самолетами, а их пилоты имели разную степень опыта, и каждый мог рассказать свою историю о том, как он пришел в миссионерскую авиацию. Одна из них - о жизни Уолтера Херрона (Walter Herron), австралийского миссионера, который отправился в 1933 г. к индейцам в Боливию. В 1938 г. он женился, но счастье длилось недолго. На следующий год жена умерла при родах их первенца, Роберта, который едва выжил в пятидневном походе по джунглям. Именно во время того путешествия Херрон заметил пролетевший над ними самолет, единственный в Боливии, и в тот момент ему пришла в голову мысль, что такой вид транспорта мог бы спасти жизнь жены.

Херрон вернулся в Австралию с надеждой развить авиационное служение в помощь миссионерам Боливии, но скоро после начала учебных полетов ему сказали, что летчика из него никогда не выйдет. Последний удар Уолтер получил, когда миссионерский Совет категорически отверг его предложение об организации авиационного служения. Но не так-то просто было Херрону отказаться от своей мечты. Он отправился в Соединенные Штаты, где продолжил занятия по изучению летного дела и купил собственный самолет. Затем в 1941 г. он вернулся в Боливию, полный решимости начать авиационное служение, имея за спиной всего лишь пятьдесят один час учебных полетов.

Более двух десятков лет Херрон продолжал работу в миссионерской авиации, а в 1961 г. к нему присоединился его сын, Роберт. Но в 1964 г. произошла трагедия. Во время самого обычного полета самолет Херрона разбился над Боливией, а он и три его пассажира погибли.

Первые годы работы Херрона в авиации можно назвать исключением из правил. Большая часть миссионеров не имела возможности воспользоваться услугами,

подобными тем, что предоставлял Херрон. И только после окончания Второй мировой войны миссионерская авиация стала не побочной, а самостоятельной специализацией. Высокая стоимость приобретения самолета и опыт, необходимый для полетов над пересеченной местностью, убедил многих миссионерских руководителей, что воздушный транспорт - это область, требующая высококлассных специалистов, которые могли бы обслуживать большое количество миссионеров сразу.

Именно такая нужда привела к образованию в Калифорнии в 1944 г. первой миссионерской авиационной службы, "Миссионерского братства христианских пилотов", позже переименованного в "Миссионерское авиационное братство". Отдельная, но близко родственная авиационная программа стала работать в Великобритании, а несколько лет спустя образовалось австрийское МАБ. Эти организации во главе с христианами-пилотами, отслужившими в армии, были призваны нести последние достижения техники и мастерство обучения в миссионерскую авиацию. К 1950-м гг. МАБ получило признание организации, неотделимой от общего миссионерского служения. Сегодня МАБ имеет двенадцать национальных отделений, расположенных в различных районах мира. Сто двадцать самолетов набирают ежегодно тридцать миллионов место-миль, обслуживая десятки миссионерских организаций в двадцати двух странах.

Какую бы важную роль ни играло МАБ для миссионеров, но его работники довольно рано поняли то, что оно просто не в состоянии удовлетворить высокие требования, предъявляемые к его служению. Поэтому были образованы новые организации, самой большой и географически разветвленной из них являлась АДРС (Авиация джунглей и радиослужба), филиал Библейских переводчиков Уиклифа и Летнего института лингвистики. Этому примеру последовали многие миссионерские организации, и сегодня Миссия новых племен, Суданская внутренняя миссия, Африканская внутренняя миссия и другие имеют собственную авиационную службу. На сцену вышли различные деноминации. Адвентисты седьмого дня, много лет отвергавшие широкое использование самолетов, сегодня имеют большой и хорошо оснащенный воздушный флот с более чем сотней самолетов, обслуживающих миссионеров во всем мире. Всего имеется около пятидесяти миссионерских обществ, работающих по собственным авиационным программам.

С самого начала миссионерская авиационная стратегия заключалась в использовании на недалекие расстояния легких самолетов, способных садиться на короткой полосе или на воде. Некоторые миссионерские советы пытались расширить сферу служения своей авиации до международных полетов для перевозки миссионеров в миссии и обратно, но быстро поняли, что никогда не смогут конкурировать с коммерческими авиалиниями в плане безопасности и стоимости полетов. Сегодня, несмотря на то что стоимость и эксплуатация вертолетов обходятся миссионерским советам дороже, именно вертолеты в большей степени используются в отдаленных районах, экономя месяцы работ и деньги на строительство взлетно-посадочной полосы.

Кроме МАБ и авиационных служб миссионерских организаций различных деноминаций, миссионерскую авиацию представляет множество независимых миссионеров-пилотов, которых часто называют "священниками" и чье служение зависит от собственного воздушного маршрута. Такой тип служения особенно подходит для регионов Арктики, где воздушные путешествия заменили миссионерам поездки на собачьих упряжках. Независимые миссионеры, как и те, кто служил под эгидой обществ, подобных Арктическим миссиям и евангелизационной кампании "Евангелие - эскимосам", значительно расширили географию своего служения, используя миссионерские самолеты.

Не будет преувеличением сказать, что миссионерская авиация революционизировала христианские миссии за несколько последних десятилетий. Недели и месяцы трудных путешествий стали явлением прошлого, и теперь миссионеры в отдаленных поселениях не дожидаются месяцами столь необходимой им медицинской помощи, свежих продуктов и почты. Сегодня только один пилот МАБ за шесть недель пролетает такое расстояние, какое прошел Дейвид Ливингстон за всю жизнь в своих исследованиях Африки, но с намного меньшим риском и напряжением для здоровья и без ущерба для семьи. Сорок лет назад немногие миссионерские руководители представляли, какие территории может охватить миссионерская авиация, покоряя просторы мира и неся людям евангельский свет.

Элизабет (Бетти) Грин

Забавно, но самую мужскую миссионерскую специальность впервые освоила женщина. Хотя Бетти Грин (Betty Greene) отрицает тот факт, что МАБ основала именно она, эта женщина выполнила большую часть работы по созданию этой организации, запустив в действие идею миссионерской авиации как специализированной службы. Более того, она была первым штатным работником и первым пилотом в только что созданной организации. И хотя существовали определенные препятствия, связанные с тем, что она является представительницей слабого пола, ее квалификация и мастерство пилота никогда не подвергались сомнению. В первые месяцы Второй мировой войны она служила в военной авиации, вылетая на перехват самолетов противника, обнаруженных радарными установками. Позже ее назначили в группу по разработке и испытанию исследовательских проектов, что включало полеты на бомбардировщике Б-17 для практической проверки работы оборудования на большой высоте. Но военная служба не являлась целью для Бетти, и еще до окончания войны она начала закладывать фундамент для будущего пожизненного служения пилотом-миссионером. Интерес к полетам у Бетти возник еще в детстве, и в возрасте шестнадцати лет она решила научиться летать. Будучи студенткой Вашингтонского университета, она поступила на курсы по подготовке гражданских пилотов, стремясь однажды осуществить свою мечту и стать летчиком-миссионером, но помешала Вторая мировая война. Она вступила в организацию ОПЖВВС - Обслуживающие пилоты женских военно-воздушных сил, - желая приобрести опыт, который в дальнейшем помог бы ей в ее миссионерской деятельности. Еще находясь на военной службе, она нашла время написать статью, опубликованную в журнале "Inter-Varsity HIS", о нуждах миссионерской авиации и о собственных планах в этом направлении. Статью заметил Джим Тракстон (Jim Trux-ton), летчик военно-морского флота, который обсудил идею Бетти с двумя товарищами-летчиками. Он написал Бетти и пригласил ее объединить усилия для работы по организации миссионерской авиации.

Решению Бетти присоединиться к Джиму способствовали новости о том, что организацию ОПЖВВС распускали. Закончив службу, она направилась в Лос-Анджелес, где учредила штаб только что образованного Миссионерского братства христианских пилотов (позже - МАБ). Помещение под офис подарил ей Досон Тротман (Daw-son Trotman), основатель общества Навигаторов. В 1945 г., вскоре после организации МАБ, поступила срочная просьба о помощи. Бетти оказалась единственной, кто мог это сделать: "Нас просили Библейские переводчики Уиклифа в Мексике помочь выполнению лагерной программы в джунглях, - вспоминала Бетти, - и в 1945 г. я отправилась посмотреть, в чем дело. Мы купили самолет в начале 1946 г. и платили за него по частям из сбережений одного из военных пилотов МАБ. Это был самолет с закрытой кабиной, "Waco", с двигателем в 220 лошадиных сил. Я полетела на нем в Мексику в феврале 1946 г., потому что мужчины все еще были связаны воинской службой".

Через несколько месяцев службы в Мексике Камерон Таунсенд, основатель Уиклифа, попросил Бетти помочь в Перу. Она согласилась лететь, а Джордж Уиггинс (George Wiggins), пилот военно-морского флота, должен был сменить ее на посту. Тогда-то едва оперившееся МАБ получило первый удар. Когда Бетти "проверяла" Джорджа на предмет его нового назначения, они потерпели аварию, сильно ударившись о маленькое здание у посадочной полосы. Никто не пострадал, но самолет был настолько поврежден, что из Штатов для его ремонта вызвали Нейта Сейнта, очень опытного механика. Бетти отправилась в Перу для оказания помощи и там летала на списанном военном биплане типа амфибии "Grumman Duck", который приобрел Уиклиф. Она должна была доставлять миссионеров и продовольствие для них в глубинку, каждый раз преодолевая огромные вершины Анд. Она стала первой женщиной, летавшей над Андами.

Через год полетов в Перу она вернулась в Соединенные Штаты, где опять работала в офисе МАБ. Ее следующим назначением была Нигерия, где она летала почти два года, помогая миссионерам на различных территориях: от густых нигерийских джунглей до огромных пространств пустыни Сахары. Затем Бетти провела некоторое время в Лос-Анджелесе, где занялась весьма необходимой работой по организации связей с общественностью, мечтая организовать базу на родине. Через три года Бетти опять

отправилась на задание, с радостью приняв приглашение Суданской внутренней миссии помочь им в Восточной Африке. Здесь она работала на базе в Верхнем Ниле, где служила миссионерам Судана, Эфиопии, Уганды, Кении и Конго

В 1960 г. Бетти отправилась в последнюю зарубежную командировку, на этот раз в Западный Ириан. Это назначение оказалось трудным, поскольку включало не только опасные полеты, но и долгие и мучительные переходы по джунглям. Чтобы получить возможность принимать самолеты, каждая миссионерская станция должна была построить собственную взлетно-посадочную полосу. Прежде чем лететь на самолете, опытный пилот должен был пройти пешком до миссионерской базы, чтобы самому проверить эту полосу. Большую часть предыдущих заданий Бетти выполняла в воздухе и очень скоро поняла, что физически не идет ни в какое сравнение со своей спутницей, крепкой и здоровой Леоной Сентджен (Leona St John), или же с носильщиками племени тот, привыкшими к каждодневным тропическим бурям, раскачивающимся мостам из лозы и скользким и глинистым берегам "Я не представляла, насколько это может быть трудно, - вспоминает она, - думаю, носильщики вполне осознавали, куда нужно идти, но я большую часть пути сомневалась, что дорога вообще существует. То место, куда мы направлялись, предположительно находилось в тридцати милях, но по карте это была прямая линия, а наш путь лежал в основном вниз и вверх" Физическая усталость быстро забылась, когда две миссионерки и носильщики поняли, что нечаянно наткнулись на междоусобную войну, сопровождавшуюся жуткими сценами смерти и кровавой бойни, которую они с ужасом наблюдали

Все тяжести пути стоили той шумной радости, с которой ее, Леоны и носильщиков встретили жители поселения и чета миссионеров. Но самым замечательным оказалось то, что приготовленная ими взлетно-посадочная полоса вполне годилась для приема самолетов. Настоящий праздник для всех поселенцев наступил на следующий день, когда коллега из МАБ приземлился у деревни с такими нужными там запасами. Затем он улетел вместе с Бетти, которая готовилась к следующему заданию.

Бетти была обильно вознаграждена за свои труды, но во время служения в Западном Ириане она имела возможность исполнить миссию милосердия, о которой до сих пор вспоминает как об одной из важнейших в своей карьере. Она возвращалась из обычного полета, когда получила срочный вызов с далекой от ее пути станции с просьбой немедленно прилететь и забрать серьезно заболевшего ребенка. Все время поглядывая на часы, вполне осознавая опасность надвигающейся после тропического заката темноты, Бетти полетела по вызову и успела доставить маленькую девочку в больницу на побережье. Жизнь малышки была спасена.

Прожив почти два года в Западном Ириане, Бетти отстранилась от активных полетов и вернулась в штаб, чтобы представлять миссию и набирать новых пилотов, в частности, пилотов-мужчин. Несмотря на собственный успех в летном деле, Бетти никогда не стремилась заинтересовать других женщин этой областью служения. Напротив, она твердо возражала против использования женщин-пилотов в миссионерской работе. Когда в интервью 1967 г. ее спросили, посоветует ли она девушке пойти на такую службу, она ответила: "МАБ определенно против этого и я тоже... Мы не берем женщин на такую работу по трем причинам: 1) многие женщины не имеют познаний в механике; 2) большая часть работы, связанной с миссионерской авиацией - это тяжелый физический труд. Нужно носить тяжелый груз, и женщине иногда это просто не под силу; 3) другой момент - умение мужчины приспособиться к любым условиям. Например, если где-то необходимо оставить пилота одного на несколько дней или недель, вы не сможете оставить там женщину".

Несмотря на такую политику, проводимую МАБ по отношению к женщинам, они все же поступали на службу в эту миссионерскую организацию и служили с отличием. А поначалу даже Бетти, с ее безупречной квалификацией и опытом, Нейт Сейнт называл "женщиной-водителем", пока не узнал, что она "была летчицей такого класса, что местные авиалинии и военные пилоты смотрели на нее с огромным уважением". Отношение к Бетти со стороны коллег-мужчин в первые годы служения, несомненно, во многом основывалось на том факте, что она с готовностью принимала их точку зрения, утверждая, что миссионерская авиация была миром мужчин и что она сама являлась лишь исключением из общего правила.

Сегодня, благодаря происходящей в мире перемене в отношении к женщинам, политика МАБ значительным образом изменилась. В организацию на летную работу в

качестве летчиков принимают теперь также и женщин. Недавно Джина Джордон (Gina Jordan), налетавшая пятнадцать тысяч часов, оставила должность инструктора в Канаде, принесшую ей такую популярность, и стала пилотом МАБ в Кении.

Нейт Сейнт

Острая потребность в квалифицированных пилотах-механиках стала очевидной для руководителей МАБ с самого начала шаткого существования миссии. Первое крушение самолета, хотя и не привело к гибели людей, поставило миссию на какое-то время вне игры, потому что ни один из пилотов, находившихся на-месте аварии, не обладал необходимыми знаниями, чтобы суметь отремонтировать сильно поврежденный самолет. Пришлось вызвать Нейта Сейнта и отправить его в Мексику для проведения необходимого ремонта. Именно Нейт Сейнт стал одним из самых талантливых, умелых и изобретательных пилотов-механиков в истории миссионерской авиации. Одно время его положение казалось ему унижительным и он говорил, что "быть у Господа обезьяной в смазочном масле есть низшее призвание", но очень скоро и он, и миссионеры, так сильно зависевшие от него, поняли, насколько ценным было служение Нейта.

Хотя Нейт Сейнт вырос в семье, где сильны были миссионерские настроения, и хотя он интересовался авиацией с самого детства, миссионерская авиация не привлекала его так, как привлекала Бетти Грин. Его старший брат был летчиком коммерческих авиалиний, и Нейт свое будущее представлял в подобном свете. Чтобы осуществить задуманное, он поступил в Военно-воздушные войска, но как раз накануне начала учебных тренировочных полетов старый шрам на ноге, оставшийся от перенесенного в подростковом возрасте остеомиелита, вдруг воспалился - казалось бы, ничем не примечательный факт, но именно он полностью изменил всю жизнь Нейта. "Вчера мне исполнилось двадцать, - написал он в своем дневнике. - Это, пожалуй, неприятный подарок на день рождения; вместо того чтобы идти на аэродром для первого полета, я должен идти на рентген". Врачи признали Нейта негодным к военной службе по состоянию здоровья, и, хотя юноша оставался в военно-воздушных силах еще два с половиной года, он всерьез стал задумываться над тем, чтобы посвятить свою жизнь христианскому служению.

Прочитав статью Джима Тракстона о создании МАБ, Нейт связался с этой организацией, желая присоединиться к ней. Джим ответил немедленно. Через год, как только Нейт демобилизовался, он тотчас отправился по срочному вызову МАБ (после крушения Бетти Грин и ее коллеги) в Мексику, чтобы отремонтировать единственный самолет миссии. У Нейта было приподнятое настроение, как и у многих начинающих миссионерское служение, но когда он приехал и увидел останки крыла "в корзине емкостью в бушель" [Емкость ок. 36,3 л. - Примеч. пер.], то чуть не опустил руки. Тем не менее он принялся за работу и через шесть месяцев разочарований и тревог все же сумел поднять самолет в воздух. Учитывая тот урон, который был нанесен самолету во время крушения, и условия, в которых он был вынужден работать, его достижения можно считать плодом наивысшей изобретательности. То, что "Нейт продемонстрировал в Мексике, - пишет его биограф, - доказало его уникальные способности в ремонте самолета, который достаточно сложно было бы провести даже в превосходно оснащенном ангаре в Штатах".

После шести месяцев ремонтных работ в Мексике Нейт вернулся в Соединенные Штаты и в течение года учился в колледже в Уитоне. Полным событием оказался для него 1948 г. В день Святого Валентина, после коротких ухаживаний он женился на Мардж Феррис (Marj Ferris), выпускнице университета Южной Калифорнии. Следующей осенью они уехали в Эквадор. Нейт отправился в Шелл Меру, чтобы организовать штаб МАБ и построить дом, а Мардж, ожидающую первенца, отправил в Кито. В декабре, совершая полет из Кито, Нейт "попал в сложные воздушные потоки" и упал. Самолет был изуродован, а Нейт сильно повредил спину. Потребовалось длительное лечение в больнице, во время которого ему пришлось долго лежать в гипсе в неудобном положении. 10 января 1949 г., когда Нейт лежал в больнице в Панаме, родилась его первая дочь, Кейти Джоан.

Падение Нейта, второе в короткой истории МАБ, стало еще одним ударом по миссии, и на родине решили, что им нужно продумать более тщательную подготовку своих

пилотов. Для всех новых миссионерских пилотов организовали полетное ориентирование, а самолеты снабдили дополнительными приспособлениями, обеспечивающими большую безопасность. Серьезнее стал подход к миссионерской авиации. Авиация джунглей по своей природе привлекала любителей приключений, не задумывавшихся об обязательствах перед Богом. Однако миссионерские полеты не являлись увлекательным видом спорта, подобным скалолазанию. Это было очень серьезное дело. Сам Нейт изменился после аварии. Он признавал, что не был достаточно внимательным и позволил себе переступить ту очень тонкую грань во время взлета, которую не должен был переступать. "Один Бог знает, как часто мне приходилось ненавидеть собственную самоуверенную натуру. Ненавижу ее... История моего крушения должна храниться в папке с названием "Назревший и накопившийся риск"

Нейт больше чем кто-либо другой извлек уроки из личного болезненного опыта и последующего несчастного случая, происшедшего с пилотом и пассажиром Евангельского миссионерского союза. Полеты в джунглях требовали особой авиационной техники, и поэтому нужно было использовать соответствующие самолеты и развивать технику полетов, чтобы приспособиться к новым обстоятельствам. Падение самолета EMC привело его к пониманию необходимости создания альтернативной системы горючего, и он немедленно сосредоточил свой творческий гений изобретателя на этой проблеме. Нейт много импровизировал с канистрой из-под растительного масла, взятой у жены, и кусочком медной трубы, соединенным через клапан с приемным устройством, он закрепил это хитроумное приспособление на панели с приборами и проверял свое изобретение на земле. Но настоящее испытание произошло в воздухе: "На высоте в две тысячи миль над землей я переключил питание двигателя в холостой режим. Я ощутил совершенно новое чувство, когда долго слушаешь ту тишину, которая так страшна в воздухе. Но поворот недавно установленного Т-образного рычажка на панели привнес иное ощущение: мотор плавно заработал на полную мощность на новом источнике горючего. В последующие двадцать минут обычный источник горючего был совершенно отключен. Мотор работал отлично. Он переключился на малой скорости без единого чиха".

Изобретение Нейта (на которое правительство Штатов выдало патент) совершило революцию в авиации джунглей, а позже было одобрено руководством Гражданской авиации. "Теперь каждый пилот МАБ, - говорил Рассел Хитт, - имеет альтернативную систему горючего - вечный знак, который оставил Нейт миссионерам и пилотам других видов авиации, работающих в опасных условиях".

Другое новшество, изобретенное Нейтом, - его гениальный бросок корзины - техника, ставшая известной после роковых попыток войти в контакт с племенем аука. Корзина на конце спирального шнура использовалась для передачи и принятия подарков - так осуществлялась связь с иначе недоступными индейскими племенами. Но истинная ценность методики броска корзины стала ясной, когда были предприняты попытки сдружиться с враждебными индейскими племенами (что в конце концов привело к катастрофе). Нейт разработал эту технику с целью обслуживания далеких миссионерских баз. Однажды, летая над деревней в джунглях, он увидел толпы людей, посылающих ему какие-то знаки. "Как понять эти сообщения? Все, что я мог сделать, это бросить аспирин, может быть, слабый ответ на настоящие нужды отчаявшейся деревни".

После этого события Нейт представил, какие большие возможности таились в приеме спуска и поднятия корзины. Он начал проводить соответствующие испытания, когда был в отпуске в Соединенных Штатах. Первая же попытка показала, что замысел оказался удивительно удачным. Он начал летать широкими кругами, а корзина неслась позади него. При уменьшении круга полета корзина с веревкой "изгибалась к центру круга, позволяя корзине нацелиться на вершину огромного невидимого конуса", пока "она, наконец, спокойно не зависала в центре открытого поля внизу".

Возможность убедиться в ценности проводимых опытов представилась Нейту в Эквадоре вскоре после возвращения из отпуска. Прошел слух, что деревня в джунглях была охвачена эпидемией "очень заразной болезни". Нейт полетел туда и опустил в корзине полевой телефон, прикрепленный к 1500 футам проводов, установив таким образом связь с библейскими переводчиками Уиклифа. Те, в свою очередь, определили по телефону симптомы и передали необходимые инструкции Нейту, который летал над

деревней. Получив нужную информацию, Нейт связался с доктором, затем вернулся в деревню и опустил в корзине то лекарство, что прописал доктор.

Хотя Нейт изначально относился с легким презрением к идее стать "для Господа обезьяной, перепачканной машинным маслом", он любил свою работу миссионера-пилота. Он убеждался все больше с каждым днем, что его труд "высвобождает время" миссионеров, не только превращая дни и недели утомительных переходов пешком в несколько минут или часов воздушного путешествия, но и давая возможность перевозить запасы, которые нельзя легко пронести через джунгли. Он освоил технику сбрасывания большого количества консервированных продуктов и других припасов на парашюте. "Нескромно говорить об этом, - писал он, - но я имел огромный успех благодаря этим "бомбовым полетам". Я получаю от своей работы полное удовлетворение". Равно необходимым, но намного более сложным грузом оказались алюминиевые покрытия для крыш домов миссионеров. Но Нейта нельзя было смутить размером или громоздкостью груза, особенно если миссионеры нуждались в нем. Поэтому он изобрел особый тип креплений и смог перевозить алюминий в семь футов длиной на радость благодарным людям.

Нейт часто задумывался над изобретением более безопасных самолетов для авиации джунглей. Очередной его страстью стала "переделка его маленького одномоторного моноплана в трехмоторный биплан". Чтобы преодолеть проблему "увеличения лобового сопротивления... он придумал комплект съемных панелей нижнего крыла для самолета МАБ и провел испытания, пролетев несколько футов над землей в смоделированном биплане". Когда слухи о поспешных испытаниях дошли до "логарифмических братьев", которые не ощутили никакого восторга по поводу его изобретения, последовал обеспокоенный выговор. Нейт уверил руководителей, что понимает всю серьезность последствий и что все "ставит на карту, если произойдет несчастный случай", приводя в конце своих слабых аргументов следующий довод: "Должен признать, что я совершенно незащищен, рискуя тем доверием, которое вы мне оказываете последние несколько лет".

Именно сочетание импульсивности Нейта и его настойчивого желания ускорить проповедование Евангелия потерянными душам привели к внезапной трагической гибели этого яркого и преданного работе молодого пилота в январе 1956 г., когда он и его товарищи были убиты племенем аука. Именно использовав его гениальный замысел с броском корзины, молодые миссионеры решили, что аука проявили к ним дружелюбие. А благодаря исключительному мастерству Нейта-пилота миссионеры смогли благополучно высадиться на территории аука. Но мастерства и техники оказалось недостаточно, и миссионерская авиация в тот роковой день потеряла одного из самых замечательных механиков-изобретателей. Вклад Нейта в миссионерскую авиацию не закончился с его смертью, ибо его свидетельство продолжало жить, и многие другие молодые люди, услышав его историю, посвятили свою жизнь Богу как миссионеры-пилоты.

Авиация джунглей и радиослужба

Как ни странно, но именно авиакатастрофа, более чем что-либо другое, подсказала идею основания АД РС как подразделения Библейских переводчиков Уиклифа. Это случилось в 1947 г., когда Кам Таунсенд, его жена и маленькая дочь, отправляясь в Мехико, доверили свои жизни неопытному мексиканскому пилоту. Отлетев от миссионерской станции, пилот стал кружить над джунглями, пока не набрал высоту, но, слегка задев крылом за верхушки огромных деревьев, тут же упал в овраг, срезав крыло самолета и осев на бок. Со сломанной ногой, весь в крови, Кам сумел выбраться из-под обломков, а затем вытащил ребенка, целого и невредимого (девочке не исполнилось и года), и помог выбраться жене, чья левая нога была практически полностью изуродована и висела на кусочке кожи. Пилот тоже получил сильные повреждения, и пока Кам ждал спасателей, которые унесли жену и пилота обратно на базу, а затем вернулись за ним, он твердо решил заняться развитием серьезной авиационной поддержки в помощь переводчикам, работавшим в джунглях.

Большая потребность в ней беспокоила Кама задолго до крушения в Мексике. Еще в 1929 г. он беседовал с морским пилотом, который летал в Южной Америке, расспрашивая его о возможности организации авиационного служения для работников

миссионерских баз в джунглях. Оценка стоимости вложений в это предприятие оказалась очень высокой, и в 1933 г., когда Кам представил свой план директорату миссии, они отвергли его.

Долгие месяцы своего выздоровления в Мексике Кам вынашивал проект создания организации Авиация джунглей и радиослужба и, возвратившись в Соединенные Штаты, с энтузиазмом представил свои идеи Совету. Но большинство членов Совета продолжали препятствовать развитию этого плана. Их заботила только лингвистика, и, на их взгляд, авиацию следовало оставить МАБ, несмотря на то что пилоты МАБ были слишком заняты обслуживанием других миссионеров и не имели времени удовлетворять все нужды Уиклифа. Кам настаивал на своей позиции: "Мы уже связаны с авиацией (находясь в джунглях), хотим мы этого или нет" - и твердо решил не оставлять крылатой мечты, несмотря на сопротивление Совета или большие расходы.

Решение Кама организовать авиационную программу для БПУ/ЛИЛ возникло не только как результат происшедшего с ним несчастного случая. Другие подобные трагедии убедили его в абсолютной необходимости поддержки со стороны авиации. Два переводчика чуть не утонули в бурных потоках реки во время переправы, похожий случай произошел с супружеской парой и их ребенком, которые чуть не погибли в борьбе с сильным течением, когда их плот перевернулся, наткнувшись на бревно. Переводчикам Уиклифа приходилось ждать самолета неделями, а иногда они совсем не могли его дождаться. Поэтому Кам настаивал на своем и разрабатывал дальше свои планы, несмотря на откровенное сопротивление Совета. Он связался с заинтересованными людьми и решил собирать деньги на это дорогостоящее мероприятие.

АДРС, как и МАБ, начала функционировать, имея всего один самолет, а Ларри Монтгомери (Larry Montgomery), лейтенант морского флота, стал основным пилотом этой организации. С самого начала АДРС была связана по рукам и ногам нехваткой средств, иногда настолько серьезной, что та самая безопасность, ради которой создавалась АДРС, находилась в опасности. Один пилот назвал АДРС "летающим утилем", где пилоты "обдирали один самолет, чтобы привести в порядок другой". "Все держалось на веревках", - признавался Джейми Бэкингам (Jamie Buckingham). "Пилотам не разрешалось кружить над базой, когда они шли на посадку, потому что уходило слишком много горючего. Если они не знали направления ветра, они должны были догадаться. Они все время передвигали ящики в темном старом ангаре... пытаюсь отыскать какую-нибудь запчасть, чтобы отремонтировать вечно разваливавшийся аэроплан".

Несмотря на нехватку средств и запчастей, АДРС приобрела удивительную славу, перекрыв все рекорды по безопасности полетов; ее пилоты пролетели миллионы миль над опасными районами джунглей без аварий. По словам Бэкингема, АДРС "поставила рекорд, не побитый ни одной летающей организацией", - "двадцать пять лет полетов в восьми странах, без единого крушения со смертельным исходом". У Уиклифа в те годы, однако, были аварии, но ни одной связанной с АДРС. В канун Рождества 1971 г. самолет авиакомпании LANSA, совершавший рейс 508, упал в джунглях Анд, и среди погибших пять миссионеров были от Уиклифа.

Именно эта ужасная трагедия привела к тому явлению, которое Бэкингам называет "Пятидесятницей в джунглях". "В течение многих лет переводчики в Перу и я, в частности, - писал Джерри Элдер (Jerry Elder), - были самонадеянными людьми. Мы были хорошо подготовленными, квалифицированными работниками. Знали свою работу и гордились тем, что мы самые лучшие в мире. Многие наши лингвисты имели степень докторов наук. Мы считали наших пилотов, механиков и радиоперсонал лучшими на земле. Мы думали, что можем справиться с любой поставленной задачей. Если появлялась необходимость поменять мотор, мы могли сделать это. Если требовалось сделать анализ нового языка, мы могли сделать и это. Для нас не существовало ничего невозможного". Но крушение LANSA заменило их самонадеянность и самоуверенность чувством пробуждения. "В эти дни неопределенности, когда люди прочесывали джунгли, надеясь против доводов разума на то, что наши друзья живы, в сердцах оставшихся на базе людей что-то произошло. Любовь, намного большая той любви, которую мы когда-либо осмеливались выразить, изливалась на семьи тех, кто потерял в джунглях своих близких. И когда тела погибших привезли на базу, эта любовь увеличилась еще более. Она распространилась на всех жителей миссионерской

станции и потекла щедрыми потоками в джунгли к нашим индейским друзьям", "переливаясь через край доктринальных различий".

В отношении к работе тоже произошли значительные перемены, особенно среди пилотов, которые очень гордились собственным выдающимся рекордом безопасности. "Мы не только считали себя профессионалами, - признавался Эдди Линд (Eddie Lind), директор по авиации АДРС, - но мы гордились этим профессионализмом. Наш лозунг: "Мы делаем, что можем, а Господь делает остальное", действительно подразумевал, что мы способны справиться практически с любыми обстоятельствами. Если же нет, то взываем к Богу. Но когда в нашей жизни стало ощущаться присутствие Святого Духа, даже пилоты начали понимать, что наше "что можем" неправильно. Полагаться можно было только на Бога".

Именно этот дух смирения и зависимости от Бога помог АДРС пройти через величайшую трагедию в ее истории, происшедшую на другой стороне земли - в Папуа, Новая Гвинея. В том крушении погибли ветеран АДРС пилот Даг Хант (Doug Hunt), главный пилот АДРС в Новой Гвинее, и его шесть пассажиров, среди которых была Дарлин Би (Darlene Bee), блестящий молодой лингвист со степенью доктора из университета Индианы и одна из наиболее уважаемых переводчиц Уиклифа. Как Уиклиф и, в частности, АДРС пережили такую утрату - это отдельная история о мужестве людей. А с ней связан рассказ о чуде механика, который больше чем кто-либо другой был сокрушен происшедшей трагедией.

Хотя в большинстве своем именно пилоты принимают всю славу или позор за успехи или неудачи, происходящие с самолетами, невозможно недооценить важность работы механиков. "Между пилотом и механиком, - пишет Бэкингом, - существует связь, подобия которой на земле нет. Все глаза устремлены на пилота джунглей, когда он залезает в свой самолет и взлетает над "зеленым морем", отправляясь в полет над дикими лесами и неизвестными племенами, но именно в запачканных руках механика таится не только успех полета, но и жизнь пилота и его пассажиров. Один небрежный поворот гаечного ключа, одна крошечная гайка, которую плохо затянули, один взгляд в сторону при замене детали - эти и еще тысячи других факторов могут привести к тому, что в критический момент заглухнет мотор или произойдет какой-либо другой сбой в работе самолета... и люди... потеряют жизни в жестоком крушении или найдут свой конец в цепких объятиях дикой растительности в джунглях".

Именно та самая "крошечная гайка, которую плохо затянули", и привела к крушению двадцатипятилетнего рекорда безаварийных полетов - ошибка, стоившая семи жизней, после которой только Божьей милостью сохранилась восьмая. Механик, обслуживавший этот самолет, был опытным специалистом АДРС, работавшим вместе с помощником-учеником. Вместе они закончили обычную проверку двухмоторного "Ацтека" ("Piper Aztec") за день до последнего полета, полета, в котором Даг Хант и его шесть пассажиров устремились навстречу своей смерти во взрыве всепожирающего пламени. Последующая проверка показала, что взрыв и крушение произошли из-за вытекания тонкой струйки бензина там, где гайка не была закреплена должным образом. Во время проверки механик самолета отвлекся, переключив свое внимание на другой предмет, и забыл затянуть одну из гаек гаечным ключом, закрутив только пальцами. Для виновного механика АДРС "похороны стали жутким делом. Зрелище выстроившихся гробов в маленькой открытой тропической церкви сравнимо было с ударом под ложечку. Он хотел только одного - поскорее уйти оттуда... Как теперь он посмотрит в глаза своим друзьям? Как жить дальше? Он был объят чувством вины. Для него наступил конец".

Огромную боль, от которой страдал убитый горем механик, лишь в какой-то степени утоляли любовь и прощение членов семьи погибших и их коллег. "Время шло, и исцеление сердца продолжалось. Но пролетело много времени, прежде чем я мог говорить о том случае. Когда я узнал, как Бог благословляет жизнь людей после прочтения книги о АДРС "Во славу" ("Into the Glory"), написанную Джемми Бэкингом, я понял, что мой рассказ тоже может стать благословением для других. Читатели, похоже, находили особое вдохновение в главе о крушении "Ацтека" и молодом механике, который оказался неудачником, но Бог сохранил ему жизнь... Если бы не Божья благодать, я бы сжался где-нибудь в углу в отчаянии, переполненный чувством вины, - восьмая жертва несчастного случая с "Ацтеком". Это был бы настоящий конец... Но, слава Богу, этого не случилось!"

Для всей семьи Уиклифа роковое крушение 1972 г. стало ощутимым ударом, но авиационное служение велось и дальше с еще большей решимостью. К концу того десятилетия АДРС под руководством Берни Мея увеличила количество штатных работников до четырехсот человек, в их распоряжении находилось около семидесяти самолетов и вертолетов, которые служили делу мирового благовестия.

Глисон Ледьярд

Если самолет являлся Божьим даром для миссионеров в джунглях, он был еще большим даром для арктических районов, где кочевники скитались по огромной, покрытой льдом пустыне и где погодные условия не позволяли предпринимать длительные путешествия иным способом. Малочисленное население и отдаленные друг от друга миссионеры в арктических регионах обычно не являлись достаточным основанием для организации авиационного служения, поэтому миссионеры в той области мира часто сами становились пилотами. Одним таким пилотом-проповедником был Глисон Ледьярд, руководитель евангелизационной кампании "Евангелие - эскимосам", начавший свое служение в районе Гудзонского залива в 1946 г.

Работа миссионерской авиации в Арктике во многом оказывалась более напряженной, чем в джунглях. Большие расстояния без опознавательных знаков в сочетании с непредсказуемой и суровой погодой превращали каждый полет в рискованное мероприятие. Вынужденные посадки из-за обледенения обшивки самолета являлись обычным делом, а это означало строительство иглу [Зимнее жилище куполообразной формы из снега у канадских эскимосов. - Примеч. пер.] за много миль от базового жилья и долгое ожидание спокойной погоды. Когда температура достигала сорока и пятидесяти градусов ниже нуля по Фаренгейту, мотор приходилось прогревать, раздувая в горшках уголь. Иногда возобновления путешествия ждали по два-три дня. Из-за низких температур полеты на большой высоте были редкими. Чтобы избежать резких порывов ветра и обледенения обшивки самолета, часто приходилось летать всего лишь на высоте десять футов над землей.

За годы, проведенные Ледьярдом в Арктике среди эскимосов, ему часто приходилось разлучаться с семьей, и Катрин каждый раз в тревоге ожидала его. Она работала в миссионерской школе для эскимосских детей, а Глисон улетал в отдаленные районы в попытке охватить эскимосов, которые никогда раньше не слышали Слова Божьего. По самым различным причинам радиосообщения часто не доходили до Катрин, и она ждала мужа дни и ночи напролет, не зная, жив он или нет. Один такой случай произошел вскоре после того, как они начали авиационное служение в районе Гудзонского залива. Глисон отправился с проповедью за тысячи миль, взяв бензин и продукты на месяц. Всего несколько часов спустя он понял, что сбился с курса, но летел, в надежде понять что-нибудь по карте. К вечеру ему стало совершенно ясно, что он затерялся в Арктике, без радио, растратив половину запасов бензина. Погода портилась, и он сел на краю озера, закрепил свой самолет и поставил маленькую палатку. Хотя он и получал определенное утешение от чтения карманного Нового Завета, но время провел беспокойное, о чем позже вспоминал так: "Где я нахожусь? Как мне найти дорогу домой? Следует ли мне ждать крепкого ветра сзади? Солнце могло бы подсказать направление, но оно скрывалось за тяжелыми тучами. Я мог бы узнать направление по звездам, но в такие светлые ночи звезд не было видно. Я мог только ждать, даже если бы пришлось ждать долго".

На третий день ветер утих и небо, затянутое тучами, стало очищаться. Глисон смог определить направление по солнцу. Разобрав свой лагерь, он поднялся в воздух и наконец после долгих часов полета у него затеплилась надежда, когда впереди он увидел озеро Бейкер. Он почувствовал огромное облегчение, после того как определил свое местонахождение по карте, и радость, когда несколько часов спустя приземлился на миссионерской станции.

Несмотря на такие неудачи, награда за контакт с отдаленными группами эскимосов стоила всего риска, на который шли миссионеры. Позже Глисон рассказывал: "После окончания весеннего разлома льдов, когда озера от него высвобождались, Бог дал мне испытать самую большую радость - радость обучения Слово Божье в группе эскимосов, которые узнали о Боге впервые в жизни... Никогда еще эти люди не слышали имени Иисуса, кроме как в проклятиях, срывавшихся с уст нечестивых белых

людей, с которыми им приходилось общаться раньше... Никогда еще я не встречал подобного стремления к учебе. Когда мужчины освобождались от ловли рыбы и выполнения другой необходимой работы, мы собирались перед палаткой... Каждое произнесенное мною слово повторялось ими. Если что-то было непонятно, воцарялась тишина. Как только они понимали смысл сказанного, они снова хором повторяли за мной".

Полеты на отдаленные стоянки и проповедь Евангелия были основным служением Глисона, но мастерство пилота обязывало его служить и в ином качестве. Из отдаленных районов он часто вывозил людей, которые нуждались в более квалифицированной помощи, чем та, которую мог предоставить он сам; он перевозил детей, которых обучала его жена в миссионерской школе на базе. Кроме того, его помощь требовалась при проведении спасательных операций. Однажды он спас пилота коммерческого рейса и пятерых пассажиров, которые затерялись в необъятных просторах по пути в лагерь горняков. Хотя они не могли определить своего местонахождения, но сумели связаться с лагерем вскоре после посадки. Из-за погодных условий вылет правительственной поисковой партии отложили, но Глисон отправился навстречу снегу и ветру, несмотря на опасность. После нескольких дней отчаянных поисков ему посчастливилось обнаружить и спасти ооченевших от холода пилота и пассажиров.

Именно такие спасательные операции снискали Глисону уважение огрубевших и неверующих горняков, живших в шахтерском лагере. Он побывал у них через несколько месяцев после спасения и ощутил радость и удивление от того, что его встречают там с величайшей благодарностью: "Когда наш самолет приземлился, то мы почувствовали себя так, словно увидели своих давних друзей. Как только было объявлено о собрании в тот вечер, поднялась суматоха... Многие из них не держали песенника в руках годами, но после небольшой проповеди они пели от всего сердца... Когда я говорил им о крови Христа - о том, что она может сделать для нас, какое значение она может иметь для нас, - на их лицах появилось такое выражение, какого я никогда раньше не видел. Многие окружили нас после собрания, чтобы поговорить еще".

Несмотря на долгие годы, проведенные в арктическом регионе, Ледьярды считали, что их работа идет очень медленно, особенно среди эскимосов. Люди внешне были доброжелательны и принимали их служение, но не хотели отказываться от своих давних языческих суеверий. Другой проблемой, с которой они столкнулись, стала обычная проблема любой евангелической работы, когда их подопечные выражали ложную уверенность в своем спасении, полученную ими от предыдущих миссионеров: "Некоторым из них христианство представлялось как ритуально-церковное приобщение. Изменения практически не затрагивали области сердца. Труднее всего оказалось преодолеть их ложную веру в то, что крещение, подчинение церковным правилам и ритуалам, прочтение одних и тех же молитв по утрам и вечерам и является сущностью жизни христианина".

Самыми счастливыми в жизни Ледьярд считал те моменты, когда он видел, как сила Евангелия разбивала барьеры суеверий и ложной церковности. Однажды утром в Вербное воскресенье в островной деревне за много миль от миссионерской базы во время проповеди началось пробуждение, и почти каждый в деревне исповедовал свою веру в Христа. Но какими бы значительными ни были такие события, Ледьярды всегда осознавали, что достаточно незначительного повода, чтобы эскимосы вернулись к прежней жизни, полной суеверий. Это становилось особенно опасным, потому что среди них не было постоянно проживающего христианского священника. Внешне результаты работы выглядели внушительно, но никто не знал, надолго ли это. "Мы не ведем регистрацию обращенных и не считаем по носам, - писал Глисон после очередной евангелической экспедиции, - но мы уверены в том, что на Небесах будут и эскимосы, благодаря Божьей работе во время этой поездки".

Если Ледьярдов мало интересовала массовость обращений, то еще меньше их заботило привнесение американизированного христианства в эскимосскую среду. Они настаивали на том, что "не заинтересованы в привнесении чего бы то ни было из западной христианской церкви" этим людям, находящимся так далеко от высокоразвитой цивилизации, но только лишь Христа, и подобная философия, больше

чем что-либо другое, открывала путь христианству среди далеких людей в арктической пустыне.

Марк Пул

Полет над территориями джунглей обычно не считается сферой деятельности непрофессионалов без специальной подготовки и значительного опыта. И все же необходимость полетов над трудными участками пути соблазняла многих миссионеров осуществить мечту летать на собственном самолете - мечту, которая быстро угасала из-за немыслимых расходов на такой вид транспорта. Марк Пул (Mark Poole), врач, служивший в Конго, очень хотел освоить летную специальность не собственного удобства ради, но для того, чтобы значительно расширить зону своего медицинского служения и спасти драгоценные людские жизни. Именно этот человек стал одним из тех, кто сумел осуществить свою мечту.

Пул вырос тexasским ковбоем в 1920-е гг. и свои каникулы проводил верхом на лошади, объезжая обширные отцовские пастбища крупного рогатого скота. После окончания школы он учился в Техасском университете, а затем продолжил обучение на медицинском факультете университета Джона Хопкинса. У него была одна цель - служить миссионером там, где будет в нем большая нужда. Друзья-врачи отговаривали Пула от этой затеи из-за его серьезной болезни сердца, но он твердо решил посвятить жизнь облегчению человеческих страданий. Он был принят советом Всемирных миссий пресвитерианской церкви США и в 1936 г. вместе с женой начал работать в одном из районов экваториальной Африки, который группа медиков-исследователей назвала "самой больной областью мира".

Служение Пула было сосредоточено в Булапе (Bulape), Конго, где он организовал больницу на 120 коек и где штат в основном состоял из местных жителей, которых он обучил сам. Хотя миссионер все свое время посвящал операциям и обычной каждодневной работе в больнице и на приеме (не меньше ста пациентов в день), он был недоволен ограниченностью своего служения, всегда осознавая, что далеко в джунглях есть многие и многие другие люди, лишенные его внимания. Они совсем не имели медицинской помощи, кроме тех случаев, когда крайняя необходимость заставляла его добираться до них в выдолбленном каноэ, или пешком, или же в своем старом, побитом плимуте. Но очень часто получалось так, что он добирался до них слишком поздно.

"Когда-нибудь я приобрету себе самолет", - заявил в 1947 г. Пул другу, делясь с ним своими мыслями. Хотя такая идея могла показаться чистой фантазией, Пул говорил совершенно серьезно. Много лет назад он научился летать, и это превратилось в страсть, почти равную страсти к медицине.

Мечта летать на собственном самолете осуществилась в 1951 г., когда пресвитерианская церковь во Флориде подарила ему "Piper Tri-Pacer" в память о сыне пастора, морском пилоте. С первого же дня, когда самолет прибыл в Конго, служение Пула приобрело новое измерение. Теперь он был свободен и мог работать не только в Булапе, но и на других медицинских постах, где до того медицинское обслуживание считалось невозможным. Бамбуя (Bambuaya), в двадцати шести милях к северу от Булапе, месторасположение правительственного аэродрома, стало его первой внешней клиникой. Там, в амбулатории, покрытой соломенной крышей, он оставил помощника-африканца справляться с обычными медицинскими случаями. Каждую неделю Пул навещал его, привозя припасы и разрешая самые сложные медицинские проблемы, увозя наиболее серьезных больных для госпитализации в Булапе.

Молва о летающем докторе быстро распространилась вокруг, и некоторые изолированные племена также захотели пригласить его к себе. Одним из таких племен были батва, группа примитивных пигмеев, живших в семидесяти пяти милях от Булапе. Они так сильно мечтали обрести медицинскую помощь у себя в поселении, что маленькая группа жителей совершила трудное путешествие в Булапе, где эти люди внимательно изучили взлетно-посадочную полосу, чтобы построить дома такую же. Несколько недель люди батва лихорадочно работали, раскорчевывая поле, очищая почву от корней и сглаживая неровную поверхность участка, используя только лишь палки и корзины.

Не успели люди подготовить эту полосу, как возникла необходимость в срочной помощи, и в Булапе отправился человек, чтобы привести Nganga Vuka (чудесного белого целителя). Хотя Пул слышал разговоры о новой взлетно-посадочной полосе, он сомневался, будет ли она достаточно надежной для посадки, но посланник был настойчив, и он решил проверить. Рассмотрев подготовленное место с воздуха, он был приятно удивлен увиденным и решил попробовать сесть: "Когда "Пайпер" плавно заскользил между деревьями и доктор Пул вырулил на их полосу, маленькие люди... пришли в восторг. Они танцевали всю ночь и весь следующий день... а для праздника зажарили антилопу и дикого кабана..."

Пул продолжал летать, оказывая людям медицинскую помощь, открывая новые амбулатории, и только за первые три года после появления самолета он налетал тридцать пять тысяч миль, излечил тысячи пациентов и спас сотни жизней. Но он исцелял не только физические болезни людей. "Ни одна операция, - по словам Джорджа Кента, - не проходила без молитвы на родном языке пациента. И несколько раз в неделю Марк снимал перчатки и фартук и вставал за кафедру, проповедуя людям Слово Божье".

Клэр Маккомбс

Рискованные полеты и специальные знания, требовавшиеся от пилота в этих специфических условиях, привели к развитию нескольких программ подготовки пилотов для миссионерской авиации. Многие из них были связаны с религиозными учреждениями (включая Библейский институт Мооди, Библейский колледж Пьемонт и колледж Летурно), в которых имелись библейские курсы, а на их базе появились учебные программы по пилотированию и обслуживанию самолетов. Из всех миссионерских летных школ программа Мооди оказала самое большое влияние на развитие миссионерской авиации. Подсчитано, что более 50 процентов пилотов-миссионеров, служащих сегодня по всему миру, получили подготовку по программе этого института. Одну из наиболее современных программ такого плана разработал и возглавил подполковник Военно-воздушных сил США Клэр Маккомбс (Clair McCombs). Обучение проходит в летной школе в Лоуелле, Мичиган, филиале Библейской и музыкальной школы в Гранд-Рапидс.

Маккомбс вырос недалеко от Гранд-Рапидс и начал летать в возрасте шестнадцати лет. Закончив школу, он поступил в Военно-воздушные силы и служил в союзных войсках в конце Второй мировой войны чуть больше года. Потом он вернулся домой, где женился на Джоан Медлер, и после рождения их первого ребенка решил стать кадровым военным, а потому вновь пошел в Военно-воздушные силы. Во время службы Маккомбс жил и работал в самых разных странах мира, включая Тайвань, Панаму, Германию, Вьетнам и Аляску.

С первых лет службы в Военно-воздушных силах Маккомбс зарекомендовал себя выдающимся пилотом. Ему оказывали почести и представляли к наградам, он был признан начальством как профессионал высшего класса. Но, несмотря на почести и престиж, он ощущал в своей жизни пустоту, которую не могли заполнить ни торжественные церемонии, ни почетные приемы в его честь. В 1953 г., когда он находился на задании в Северной Африке со своей эскадрильей, совершенствуясь в стрельбе с истребителя, его жизнь внезапно изменилась. Ощущая потребность в Боге, он нашел войскового капеллана, который предложил ему почитать Библию. Маккомбс последовал данному совету, и это привело его к Христу.

Когда он вернулся в Германию и поделился происшедшим с Джоан, она смутилась и расстроилась. Что случилось с человеком, за которого она вышла замуж? Как повлияет эта его новая религия на их брак? Что скажут друзья и родственники? Но Джоан вскоре поняла, что Клэр обрел мир в сердце, который не могли дать ни материальное благополучие, ни воинский чин - и она тоже доверила свою жизнь Христу.

Во время пребывания в Германии в середине 1950-х гг. Маккомбса и еще трех пилотов назвали самой точной и меткой командой летчиков, Sky Blazers. Они представляли Европу в воздухе, а Маккомбс мог летать в самых сложных условиях.

В сорок три года, после двадцати двух лет военной службы, Маккомбс вышел в отставку. Он был в прекрасной форме, обладал большой работоспособностью и горел решимостью посвятить оставшуюся жизнь служению Господу. Он вернулся в Гранд-

Рapidс и в 1969 г. поступил в Библейскую и музыкальную школу Гранд-Рapidс (БМШГР), желая получить подготовку для христианской работы, возможно, подумывая о миссионерской авиации или другом миссионерском поприще.

Идея организации обучения в сфере миссионерской авиации уже назревала у директора школы Джона Майлза (John Miles), когда к ним поступил Маккомбс, и его появление привело интересную идею в действие. Клэра попросили возглавить эту работу без отрыва от учебы, и родилась программа миссионерской авиации. Студент-инструктор БМШГР, пять студентов-летчиков и маленькая "Сессна-150" - так все начиналось. Несмотря на такое скромное начало, программа под руководством подполковника Маккомбса набирала силу и росла, и сегодня по ней занимается более пятидесяти студентов, в штате работают шесть инструкторов, а на счету организации пятнадцать самолетов и два вертолета.

Кроме летной программы (в которую включены курсы по обучению полетам на многомоторных самолетах, гидросамолетах и вертолетах, полет по приборам, пассажирские и грузовые рейсы), существует двухгодичная программа по техническому обслуживанию самолетов, которая готовит миссионеров-пилотов к жизненно важным предполетным проверкам и ремонту, так необходимым в миссионерской авиации. Одним из инструкторов, обучающим и полетам, и наземной технической деятельности, является жена Маккомбса, Джоан, которая начала летать в 1970 г., а шесть лет спустя присоединилась к мужу в работе по авиационной программе. Ее опыт пилота и талантливого авиационного эксперта высоко ценится всеми студентами, но она является еще и вдохновенным примером для молодых студенток школы, которые, следуя заложенной Бетти Грин традиции, готовятся служить Богу в области миссионерской авиации.

Часть V. Появление национальных миссионеров

За те десятилетия, что прошли со времени окончания войны, в мире произошли огромные изменения. "Самым характерным внешним проявлением" этого периода, пишет Ральф Уинтер, явилось беспрецедентное "отступление Запада" - "крушение четырехсотлетнего здания европейской империи в незападном мире". Когда сверхдержавы и их союзники объединились в борьбе друг с другом, тогда политически незначительные страны Африки, Азии и Латинской Америки стали объектом притязаний "властных структур" третьего мира. Малоразвитые страны, находившиеся под влиянием колониальных держав, вдруг привлекли к себе внимание мировой общественности, благодаря революционному движению внутри этих стран или жестоким актам агрессии со стороны мелких диктаторов. Нефть стала самым вожделенным продуктом из всех сырьевых запасов мира, потому что потребности в энергии возросли, а гонка ядерных вооружений увеличилась. Америка больше не считалась миротворцем номер один. Вьетнамская война, как ничто другое, разрушила этот образ. Америка уже не внушала благоговейного трепета своим союзникам и неразвитым странам мира. Несмотря на то что она оставалась супердержавой, Америка поняла, что разговаривать с другими странами нужно не с позиций предполагаемого превосходства, но на основе равенства. Бурные перемены, происшедшие в странах третьего мира, оказали решительное влияние на миссионерское движение. В 1960-е гг. нападки на миссионеров стали увеличиваться, особенно с учетом возрастающего левого революционного движения. Почти в каждом миссионерском обществе гибли люди, находившиеся в горячих точках планеты.

Но в то самое время, когда миссионерам угрожали актами насилия их так называемые враги, они находились в напряженных отношениях и со своими друзьями. Христиане третьего мира больше не хотели послушно подчиняться воле западных миссионеров, как то было раньше. Они хотели сами занимать руководящие должности в своей церкви и контролировать собственные дела, в чем им так долго отказывали. Большая часть миссионерских советов соглашалась с подобными желаниями местных братьев. Во многих случаях это происходило с замечательной легкостью.

Зачастую миссионеры предоставляли местным церквям желанную свободу от контроля западных миссионеров и давали местным религиозным служителям возможность руководить церквями прежде, чем сами церкви изъявляли готовность принять эту идею. В любом случае верно, что большинство национальных церквей переходило под контроль местного священства еще до обретения странами национальной независимости. В отличие от традиций, подобных католическим и мормонским, многие протестантские миссии с самого начала целенаправленно работали по подготовке национальных кадров. Очень часто (например, в Кении) руководителями новых государств становились христиане, и их организаторские качества были отточены образованием и ответственностью, приобретенными участием в национально контролируемом церковном движении. Возможно, что всемирное развитие национального движения за независимость более всего обязано миссионерскому движению. Светские наблюдатели могут не заметить этот фактор, просто не зная, например, что 85 процентов школ в Африке возникли именно благодаря миссиям. Присутствие миссионерских организаций и размах миссионерского движения постоянно недооценивались светской прессой.

Когда национальные кадры начали брать на себя ответственность за собственные церкви и местные христианские служения, они стали проявлять больший интерес к межнациональному благовестию. Это движение возникло еще в середине XIX в., в частности, в южном районе Тихого океана, но лишь столетие спустя оно обрело настоящее развитие. Тысячи миссионеров из стран третьего мира призывались на служение за границей, как это происходило с западными миссионерами в течение почти двухсот лет. Ряд миссионеров третьего мира получили потом признание в международном масштабе как выдающиеся проповедники и стратеги миссионерского движения.

Одним из факторов, способствовавших развитию национального лидерства и участию в церковных служениях, явилось расширение христианского образования. Обучение национальных пасторов и проповедников в последние годы проходит более

современным путем благодаря введению Заочного богословского образования. Многие национальные кадры, особенно женатые люди с семьями, становившиеся лидерами в поместных церквах, не могли заниматься в Библейских школах или в семинариях из-за высокой стоимости обучения и большой удаленности от их поселений. Но благодаря ЗБО к середине 1970-х гг. около пятидесяти тысяч мужчин и женщин в более чем семидесяти странах получили хорошее библейское образование, чтобы с большей пользой служить в собственных приходах.

Рост влияния христиан третьего мира в задаче всемирного благовестия проявился в увеличении их численности и активном участии в Лозаннском конгрессе по всемирному благовествованию 1974 г. Одна треть из числа почти двух с половиной тысяч делегатов являлись представителями церквей третьего мира, а всего участвовало сто пятьдесят стран. Конгресс стал гигантским шагом вперед к всемирному соглашению о том, что исполнение Великого Поручения - задача не только белого человека. Во-вторых, конгресс предоставил делегатам из стран третьего мира возможность рассказать о своих проблемах. Среди участников был доктор Рене Падила (Rene Padilla), заявивший, что "Евангелие, которое привнесено некоторыми европейскими и североамериканскими миссионерами, является "культурным христианством", т. е. христианской вестью... искаженной материалистической, потребительской культурой Запада". Такие заявления подверглись критике со стороны некоторых делегатов, но христианские лидеры Запада должны были услышать эти слова.

Лозаннский комитет по всемирному благовествованию, возникший в результате деятельности конгресса, в последующие годы организовал много региональных консультаций, в работе которых принимали участие множество выдающихся национальных лидеров во всех частях мира. Второе событие всемирного масштаба произошло в 1980 г. в Паттайе, Таиланд, и во время этой встречи совместно работали большое количество церковных лидеров незападного мира. В 1972 г. миссионер Южно-баптистского общества Лютер Коупланд (Luther Copeland) предложил к 1980 г. организовать встречу персонала миссионерских агентств на международном уровне, следуя примеру встречи 1910 г. в Эдинбурге. Возникшая в результате Международная консультация по смежным миссиям была небольшой, но более специализированной, чем встреча в Паттайе и, тем не менее, стала самой представительной встречей делегатов от чисто миссионерских агентств, собравшихся на мировом уровне. Впервые на такой встрече миссионерские руководители третьего мира (восемьдесят восемь человек из пятидесяти семи агентств, одна треть общего количества в обоих случаях) участвовали в работе консультации наравне с делегатами Запада. В 1910 г., несмотря на то что часть агентств третьего мира уже существовали, никто из них не был приглашен!

Эдинбургская миссионерская конференция стала уникальной также в том отношении, что одновременно молодыми руководителями из двадцати семи стран была организована Международная студенческая консультация по смежным миссиям, члены которой в пленарных заседаниях встречались с делегатами агентств. Таким образом, "Эдинбург-80" относится равно и к международному студенческому миссионерскому движению, и к собранию делегатов миссионерских обществ. Об организаторской роли руководящих работников миссионерских обществ третьего мира можно было судить по нескольким ими подготовленным утренним пленарным выступлениям.

В то время когда возрастала роль и влияние христиан третьего мира (тогда как посещение церквей в более старых деноминациях Европы и Америки продолжало падать), евангельские церкви в Америке тоже стали свидетелями впечатляющих изменений. Журнал "Newsweek" провозгласил 1976 г. "Евангелическим годом", поскольку оба претендента на президентский пост оказались евангельскими христианами. Исследование Гэллага того года выявило, что одна треть всех американцев исповедовали рождение заново и более половины опрошенных протестантов старались обратить других к Христу через свидетельство.

Самый быстрый рост благовестия в Америке происходил в крыле пятидесятников и харизматов, и этот рост повторялся в миссионерском движении за границей. За одно десятилетие 60-х гг. Ассамблеи Бога и ряд других деноминаций и миссионерских организаций пятидесятников увеличили свой миссионерский штат более чем наполовину. Частью из-за этого усиления миссионерских устремлений подъем движения пятидесятников стал всемирным явлением. "Резкий рост национальных

церквей пятидесятников в Чили, Бразилии и Южной Африке заставил некоторых предполагать, что будущий центр христианства переместится в южное полушарие к пятидесятникам, не относящимся к белой расе". В то время как пятидесятники свидетельствовали о великих достижениях в своей миссионерской деятельности, другие евангельские группы также достигли впечатляющих успехов. За десятилетие 70-х гг. консервативная евангельская миссионерская сила увеличилась почти на 40 процентов и составляла более тридцати двух тысяч миссионеров. "Хорошо известно, - пишет Роберт Т. Кут (Robert T. Coote), - что все североамериканские консервативные агентства, вместе взятые, с конца 60-х гг. выросли в значительной степени. К 1980 г. к ним принадлежали десять из одиннадцати североамериканских протестантских миссионеров, работавших за границей". (Действительно, уже в 1983 г. только Библейские переводчики Уиклифа послали в два раза больше миссионеров по сравнению с общим количеством миссионеров, посылаемых членами организаций Национального совета церквей Христа.)

Имеются все основания для оптимизма при виде общей картины миссионерской деятельности за границей. Протестантская миссия "все так же дышит активной жизнью и действием, - писал Герберт Кейн в 1979 г. - Сегодня в очень многих странах больше миссионеров, чем когда-либо раньше за всю историю христианской церкви". Но, как указывает автор, это не единственный повод для оптимизма. "Никогда раньше нехристиане мира не были так открыты для проповеди благовестил... В некоторые страны теперь трудно попасть из-за сложностей с оформлением визы, необходимостью приглашения и бюрократических проволочек, но если миссионер преодолет эти преграды, то найдет людей более восприимчивыми, чем когда-либо до этого".

В 1982 г. для работы миссионерами среди мусульман вызвалось больше добровольцев, чем раньше, и в тот же год около десяти тысяч студентов, многие под влиянием городской конференции "Интер-Варсити", проходящей каждые три года, провели свои летние каникулы, отдавшись миссионерской работе за рубежом. Некоторые организации, такие, как "Обетование миру", основанная в 1958 г. и возглавляемая Джорджем Вэруэром (George Verwer), "Молодежь с миссией", также основанная в 1950-х, специализируются на отправке молодежи с краткосрочными заданиями, состоящими в раздаче христианской литературы и работе по благовестию.

Другая миссия, которая работает с собранными на короткое время командами молодых людей, - это Международные евангелизационные кампании, основанные в конце 1950-х Кевином Даером (Kevin Dyer). Задачей их является организация церквей, после чего привлеченные команды остаются в той местности на двухлетний период. Обучение миссионерских команд проходит по интенсивной восьмимесячной программе в области библейской лингвистики и межнационального общения. Прибыв на место, молодые люди сотрудничают с организованными миссионерскими обществами, а в некоторых случаях работают рука об руку с местными чиновниками в просветительских программах развития общины. Как в случае со многими краткосрочными миссионерскими программами, МЕК являются как бы тренировочным этапом в подготовке профессиональных миссионеров. Более 50 процентов их персонала остается впоследствии на миссионерской работе - обычно в других миссионерских обществах - после завершения двухгодичного срока.

Подобно тому как возрастает количество краткосрочных миссионеров, так же растет и число миссионеров-непрофессионалов, или палаточников. Палаточники - это "явление будущего", пишет Герберт Кейн. "Сегодня миллионы американцев путешествуют и живут за границей. Если бы всех преданных христиан среди них обучить и убедить стать активными свидетелями для Иисуса Христа, миссионерское движение предстало бы в новом измерении. Духовный потенциал здесь огромен". Непрофессиональных миссионеров готовят такие организации, как "Студенческое движение за Христа" и "Навигаторы", причем обе они имеют обширную миссионерскую сеть за границей.

Итак, какое будущее ожидает христианские миссии? Неужели век традиционных миссионеров, миссионеров на всю жизнь, прошел? Смогут ли в дальнейшем миссионеры третьего мира, краткосрочные проповедники и непрофессионалы нести на себе груз поставленных перед миссионерами задач? Нет, несмотря на новые тенденции и направления, век миссионеров-первопроходцев, которые отдавали всю свою жизнь благовествованию среди других народов и насаждению церквей, не прошел. Все еще имеется около 17000 неохваченных народов, и они составляют "полных 80 процентов

всего нехристианского мира, - пишет Питер Вагнер (С. Peter Wagner), - для которых вначале потребуется вести работу по благовестию, если они собираются стать христианами". Как это сделать? Вагнер с оптимизмом предсказывает, что "количество призванных миссионеров, отправленных церквами третьего мира, значительно увеличится, в то время как количество тех, что отправляются на служение западными церквами, останется на прежнем уровне".

Ральф Уинтер настроен более пессимистично, предполагая, что впереди нас ожидает обвал увольнений (уходов в отставку), когда почти 30 000 западных миссионеров за последующие десять лет уйдут на пенсию или вернутся домой по каким-либо другим причинам, в то время как при существующих темпах набора в миссии будут посланы всего лишь 5000 других.

Работа, предстоящая евангельским миссионерским организациям, безгранична, но и достижения, проявившиеся за последние десятилетия, велики. Доктор Дейвид Баррет (David Barrett) в своем массивном труде о мировых религиях "Всемирная христианская энциклопедия" ("World Christian Encyclopedia"), указывает на то, что широкомасштабное проникновение христианства на все континенты и среди множества существующих народов сделало его первой мировой религией во всемирной истории, нацеленной на то, чтобы стать воистину универсальной и всеобщей религией. Хотя автор приходит к заключению, что количество номинальных христиан слегка уменьшается пропорционально к мировому населению (из-за сокращения численности старой европейской и американской церквей), он продолжает настаивать, что "устремление, побудительные причины возникновения и влияние христианства возросли впечатляющим образом" во многом как результат жизненности евангелических миссий. В определенном смысле все миссионеры в любую эпоху были национальными, являясь выходцами из какой-то национальной церкви. Главное изменение на сегодняшний день состоит в том, что инициатива переходит в регионы незападного мира. Проявляется это в большей степени в развитии мирового христианства, чем в мире политической власти. Для западных миссий такая перемена является успехом, а не провалом. Во многих странах жертвы могли бы быть неисчислимыми, если бы христианская церковь не проложила путь к доброжелательной и добровольной передаче власти в руки местного руководства церкви.

Глава 16. Мученики XX века: "Янки, вон!"

Двадцатый век начался китайским кризисом, унесшим жизни такого количества протестантских миссионеров, какого прежде не губил ни один кровавый режим. Хотя подобный кризис больше не повторялся, но он явился провозвестником того, что еще предстояло пережить. История церкви почти не знала такого огромного числа христианских мучеников, как в XX в. В развивающихся нациях возникали движения за независимость и слышались голоса, призывавшие скинуть оковы иностранного владычества. С началом в тех странах революций иностранцы, особенно американцы и восточные европейцы, рассматривались как угнетатели, и между дипломатами, бизнесменами и миссионерами никакой разницы не усматривалось. Все белые подозревались в участии в империалистическом заговоре с целью эксплуатации слабых народов мира, и такая ложная предпосылка стала причиной той высокой цены, которую пришлось заплатить христианским миссиям за возможность работы зарубежом.

По мере развития событий XX в. миссионеры оказывались в центре кружащих над землей политических вихрей. Понятие мученичества больше не вызывало в умах людей картин, как каннибалы на своих языческих праздниках варят миссионеров на кострах, скорее они видели миссионеров, стоящих против разъяренной толпы восставших мятежников или ставших жертвами террористических актов. Азия, Африка и Латинская Америка разрывались на части в ходе развития левого движения во второй половине XX в., и в этом бурном процессе гибли христианские миссионеры и местные христиане. Чем можно объяснить эти убийства? Тем лишь, что миссионеры и национальные христиане в основном придерживались позиции, призывавшей к постепенным, а не радикальным переменам. Более того, они представляли точку зрения мира, где царила свобода, и страстно противостояли марксистской идеологии, бывшей вдохновителем многих "освободительных" движений.

Гонения и мученичество, которым подверглись иностранные миссионеры в XX в., увеличивались по мере того, когда направлялись на местных христиан, особенно на

влиятельных пасторов и проповедников, чья связь с иностранными миссионерами рассматривалась как угроза национально-освободительным движениям в борьбе за независимость. Во время Боксерского восстания десятки преданных китайских проповедников были замучены за веру. Одним из таких героев стал Чанг Сен (Chang Sen). Несмотря на свою слепоту, Чанг был одним из самых активных странствующих благовестников в Маньчжурии, но успех сделал его объектом жесточайших преследований. В разгар буйства боксеров за ним началась охота. Опасаясь расправы, он спрятался в пещере, но когда до него дошли слухи, что пятьдесят христиан будут убиты, если его местонахождение не станет известно, он добровольно вышел из укрытия, отлично осознавая все последствия. Даже смерть Чанга явилась ярким свидетельством его веры, что заставило палачей трепетать. Они настояли на том, чтобы его тело кремировали, боясь, что он, как Христос, восстанет из мертвых.

Проповедник Ким, христианин из Маньчжурии, тоже пострадал за веру. Его неоднократно арестовывали и подвергали жестоким пыткам за отказ прекратить проповедь Евангелия. Во время восьмого ареста он не выдержал пыток, согласившись наконец подписать документ, в котором он подтверждал свое желание поклоняться языческому богу. Впоследствии он раскаялся в своей слабости и написал властям, что отрекается от сделанного. Его немедленно арестовали и держали в тюрьме до смерти в 1943 г.

Вторая мировая война осветила многие случаи агрессии против миссионеров - возможно, самым предательским из них было убийство в Хоупвейле в 1943 г., которое стоило жизни двенадцати американским миссионерам. Хоупвейл был временным горным лагерем в глухом лесу на острове Панай на Филиппинах, куда миссионеры бежали, спасая свою жизнь. Среди них были доктор Фредерик Мейер, выпускник медицинской школы Йеля, и доктор Фрэнсис Говард Роуз, выпускник университета Чикаго (Frederick Meyer and Francis Howard Rose), которых филиппинцы любили и уважали.

Более года они прятались в этом лагере, в то же время продолжая служить физическим и духовным нуждам людей из окружающих деревень. После того как их обнаружили солдаты японской армии, в декабре 1943 г. их выстроили и расстреляли вместе с другими пятью американцами, даже не затрудняясь создать видимость суда.

После войны повсюду, кроме Советского Союза и Восточной Европы, наступила полоса затишья в религиозных преследованиях. Однако затишье было временным. С 60-х гг., с началом яростного освободительного движения в нескольких регионах земного шара, преследования и мученичество христиан еще раз привлекли к себе внимание мира. Подобными сообщениями пестрели заголовки газет на первой полосе.

Несмотря на раздающиеся и сегодня угрозы в адрес миссионеров, их работа продолжается, и христианская церковь в этих районах, разрывааемых жестокой политической борьбой, продолжает расти. Удивительно, что церковь в таких условиях часто растет быстрее, чем в регионах, свободных от политического насилия. Много веков назад святой Августин особенно восхвалял христиан-мучеников, и его слова так же верны сегодня: "Мученики являются святыми людьми Божьими, борющимися и стоящими за истину до самой смерти, чтобы Слово Божье стало известно и чтобы победить ложь и лицемерие. Такая жертва приносится одному лишь Богу, а потому мученик принимается в Небесную славу. Это значит, что Бог вознаградил веру мученика такой благодатью, что смерть, кажущаяся врагом жизни, становится в реальности союзницей, помогающей человеку войти в жизнь".

Бетти и Джон Стэм и китайские мученики

В годы, последовавшие за Боксерским восстанием, Китай не освободился от враждебного отношения к иностранцам. На миссионеров смотрели с большим подозрением, хотя их работа по своей природе носила гуманитарный характер. Их обвиняли в распространении холеры, охватившей северные провинции в 1902 г., и по этим обвинениям два члена КВМ были растерзаны толпой. Другое жестокое нападение на миссионеров произошло около Гонконга в 1905 г. и привело к гибели пятерых человек, включая всеми любимого доктора Элеанор Честнат (Eleanor Chestnut).

Прибыв в Китай в 1893 г. от Американского пресвитерианского совета, доктор Честнат построила больницу, потратив собственные деньги на покупку кирпичей. Еще до окончания строительства она проводила операции - в собственной ванной из-за отсутствия более подходящего места. Во время такой операции одному китайскому бедняку пришлось ампутировать ногу. Возникло осложнение, и потребовалась пересадка кожи. Позже доктора спрашивали, что случилось с ее ногой. "О, это ничего", - отвечала она, краснея от вопроса. Позже медсестра объяснила, что кожу для пересадки "никчемному бедняку" доктор Честнат взяла с собственной ноги, используя только местную анестезию.

Во время Восстания боксеров доктор Честнат оставалась на своем посту дольше, чем другие миссионеры, а на следующий год опять вернулась в миссию. В 1905 г., когда она работала в больнице вместе с другими четырьмя миссионерами, толпа захватила здание больницы. Хотя она вовремя ушла из здания, надеясь предупредить власти, и могла бы избежать расправы, она сочла, что должна вернуться в больницу, чтобы помочь спастись своим коллегам. Но было слишком поздно. Ее коллег уже убили. Однако вокруг находились те, кто нуждался в ее помощи. Последнее, что она успела сделать для китайцев, которых так любила, - оторвать кусок ткани от своего платья, чтобы перевязать лоб ребенка, раненного во время кровавой бойни.

Несмотря на жестокие проявления ненависти к иностранцам, первые годы XX столетия были относительно мирными в Китае, и в это время христианская община там сильно выросла. К 1920-м гг., однако, политическая ситуация в этой стране пришла в состояние полного хаоса. Авторитет Сун Ятсена подвергался сомнению со всех сторон. Существовало более десятка "правительств", расположенных в разных городах, а сельскую местность заполнили военные. В 1925 г. Сун Ятсен умер, и судьба иностранцев в Китае стала еще менее завидной, чем раньше. Все большим влиянием пользовались коммунисты под предводительством Мао Цзэдуна, и несколько миссионеров погибли в результате явного их подстрекательства. Ситуация ухудшилась, когда произошло восстание лидера оппозиции Чан Кайши. К 1927 г. его южные армии прошли через весь Китай, оставляя после себя тысячи трупов. Миссионерам велели покинуть внутренние области Китая, и только за 1927 г. около 50 процентов всех миссионеров в Китае выехали из страны, чтобы больше никогда в нее не возвратиться. Даже огромное большинство миссионеров КВМ оказались вынужденными эвакуироваться в безопасные области, оставив на семидесяти станциях лишь костяк персонала.

Казалось бы, такой хаос и политические беспорядки должны были привести к сокращению миссионерской работы для КВМ, но это было не так. "Как раз тогда, когда общая обстановка ухудшилась, в 1929 г. Хоуст (Hoste, генеральный директор) телеграфировал в страны, отправлявшие миссионеров, с призывом прислать 200 работников (в основном мужчин) на последующие два года". Задачу удалось выполнить в численном отношении и по времени, но, "к сожалению, только восемьдесят четыре из них были мужчинами". Несмотря на те опасности, которые подстерегали молодых женщин, они добровольно пошли на это. Среди них была Бетти Скотт (Betty Scott), выпускница Библейского института Мооди и дочь пресвитерианского миссионера в Китае.

Еще студенткой Института Мооди Бетти посещала еженедельные молитвенные собрания КВМ и там познакомилась с Джоном Стэмом (John Stam), который также собирался поехать добровольцем в Китай. Но, хотя молодых людей влекло друг к другу и их будущие устремления были едины, личное желание пожениться рассматривалось ими как второстепенное. Джон писал своему отцу: "Бетти это знает, и со всей честностью и любовью к ней я не могу просить ее руки, чтобы ей не ждать меня долгие годы... Китайская внутренняя миссия призывала мужчин, одиноких мужчин, которые должны будут ездить по районам, куда невозможно взять женщину, пока не настанет более спокойное время... Когда-то я обещал Господу, что если подойду для этого служения, то с радостью отправлюсь туда, поэтому теперь я не могу отступить без основательной на то причины, просто из соображений личного характера".

Осенью 1931 г. Бетти отплыла в Китай, пока Джон заканчивал учебу в Мооди. Выступая с речью от имени своего класса на выпускной церемонии, Джон, хорошо осознавая угнетенное состояние американской экономики и политический кризис за границей, призвал своих сокурсников идти в мир с целью всемирного благовестия: "Неужели мы

отступим и отвернемся от высокого призвания во Христе Иисусе; или мы осмелимся идти по повелению Божьему навстречу невозможному? ...Давайте напомним себе, что Великое Поручение никогда не сопровождалось условием выполнения его только в том случае, если финансирование будет полным, или же не будет трудностей и не потребуются самоотречения [sic]. Напротив, нам велено ожидать несчастий и даже гонений, но с победой во Христе".

А причины ждать преследования были. Ситуация в Китае оставалась мрачной. В 1932 г. произошло множество случаев насилия над миссионерами, самым потрясающим из них было убийство в Сиане одиннадцати миссионеров, служивших от Миссии скандинавского союза (теперь - TEAM).

После выпуска осенью 1932 г. Джон отплыл в Китай. Он волновался, думая о перспективах своего будущего служения, но не ожидал увидеть Бетти. Как раз перед приездом в Китай ее вынудили по медицинским показаниям уехать в Шанхай, и там они с Джоном неожиданно встретились. Встреча была радостной и привела к помолвке. Через год разлуки они поженились в доме родителей Бетти в Цзинане и в течение последующего года продолжали изучать язык, не оставляя в то же время служения в миссионерском поселке КВМ в S4ancheng.

В сентябре 1934 г. Бетти родила девочку, Хелен Прискиллу, и в ту осень они с Джоном получили новое назначение на станцию в провинции Ань-хой, откуда двумя годами раньше были эвакуированы все миссионеры. Им сказали, что коммунистическая активность в том районе уменьшилась и что местные власти лично гарантировали их безопасность, уверяя, что там не осталось "никакой угрозы со стороны коммунистов". Руководители КВМ, стремясь быстрее открыть старую станцию, также хотели верить в то, что район их будущей работы стал совершенно безопасным.

К сожалению, как местные власти, так и руководство КВМ серьезно ошиблись в оценке сложившейся ситуации. Стэммы приехали туда в конце ноября, и уже в первую неделю декабря на их дом напали солдаты-коммунисты. Джону, содержавшемуся под усиленной охраной, все же разрешили написать письмо своим руководителям:

Tsingteh, Аньхой. 6 декабря 1934 г.
Китайской внутренней миссии, Шанхай.

Дорогие братья!

Моя жена, ребенок и я находимся в руках коммунистов в городе Tsingteh. Они требуют за нас выкуп в двадцать тысяч долларов.

Они забрали все наши вещи и запасы, но мы благодарим Бога за мир в наших сердцах и за еду на сей день. Бог дарует вам мудрость в ваших действиях, а нам - крепость, смелость и мир в сердце. Он все может, Он - чудесный Друг, особенно в такое время.

Сегодня утром все произошло очень быстро. Они пробыли в городе всего несколько часов после того, как вечные слухи стали действительно тревожными, поэтому мы не успели вовремя бежать. Мы просто опоздали.

Господь да благословит и направит вас, а что касается нас, да прославится Бог, в смерти ли, в нашей ли жизни.

Во Христе Джон Стэм.

В тот же день, когда было написано письмо, Стэмов заставили проделать тяжелый переход в другой город. Однако их ждали испытания не только физические, но и моральные. Не только их жизнь была под вопросом, как они могли понять из обрывков разговоров своих стражников-коммунистов. Солдаты хотели убить маленькую дочку, чтобы не возиться с ней во время похода. Маленькую Хелен все же пощадили, но жизни Джона и Бетти сохранить не удалось. После прибытия на место назначения с них сняли верхнюю одежду, провели на улицах города и подвергли публичным издевательствам, тогда как руководители коммунистических повстанцев приглашали всех местных жителей присутствовать на казни.

Только через неделю после казни маленькую Хелен принесли в рисовой корзине в дом другой миссионерской семьи в сотнях миль от опасной горной территории. Китайский проповедник обнаружил брошенного в доме ребенка приблизительно через тридцать часов после казни и вызвался отнести девочку в безопасное место.

Мученичество Стэмов было сильным ударом по КВМ, но именно этот случай, как, наверное, ни один другой со времени гибели Грейси Тейлор, сделал очень много для укрепления и сплочения миссионерского общества, которое подвергалось нападкам и ударам со всех сторон. Многие молодые люди, вдохновленные жертвой Стэмов,

посвятили свою жизнь миссионерскому труду, и 1935 г. стал годом самого большого сбора денежных пожертвований, поступивших в миссию со времен крушения биржи в 1929 г.

В последние годы в Китае появились и другие миссионеры-мученики. Среди них был Джон Берч (John Birch). Он начал миссионерскую деятельность в Ханчжоу от баптистской миссионерской организации в 1940 г., когда Китай воевал на всех фронтах с японскими захватчиками. Почти сразу он приобрел известность благодаря своей храбрости, путешествуя по объятым войной окрестностям, "проскальзывая через японские оккупационные линии и проповедуя в деревнях, куда не осмеливались ходить миссионеры с начала войны". Позже он выполнял задания по эвакуации миссионеров и китайских проповедников из зоны военных действий, один проводил спасательные операции, пренебрегая всякой опасностью, за раз выводя по шестьдесят человек. После войны он остался в Китае, несмотря на растущие угрозы со стороны коммунистических повстанцев. Он продолжал активную деятельность по благовестию, хорошо понимая риск, и в один из походов на север коммунисты напали на Джона и убили его.

Другое хорошо известное имя, внесенное в список мучеников в Китае, принадлежит Эрику Лиделлу (Erie Lidell), великому олимпийскому легкоатлету 1924 г., чья история была рассказана в получившем призы фильме "Огненные колесницы" ("Chariots of Fire"). Лиделл вырос в Китае в семье миссионеров, и в 1925 г., через год после замечательной победы на Олимпийских играх, вернулся, чтобы стать миссионером. Его миссионерская деятельность совпала с периодом японо-китайской войны, и он со своей семьей сполна познал все трудности и опасности жизни миссионера. С началом Второй мировой войны политическая обстановка в Китае еще более обострилась, и в 1941 г. Лиделл решил отослать свою жену и двоих детей к родителям жены в Канаду, пока не пройдет опасность. В том же году Лиделла вместе с другими шестью миссионерами из Лондонского миссионерского общества японцы поместили под домашний арест, так он и умер в начале 1945 г.

Хотя нельзя утверждать, что смерть Лиделла была прямым следствием его заключения, плохое питание и отсутствие необходимой медицинской помощи внесли свою лепту в его кончину. После продолжительной болезни и того, что признали нервным срывом, последовал удар и наступила смерть. Однако вскрытие показало, что он страдал от обширного кровоизлияния в мозг после травмы. Внезапная смерть Лиделла потрясла семью, друзей и знавших его людей во всем мире, но она же стала свидетельством жертвы человека, который во всем полагался на свою веру в Бога, что намного превосходило его личные амбиции и жажду славы.

Пол Карлсон и мученики Конго

Со времени Боксерского восстания не было такого количества погибших миссионеров, сколько их погибло от рук повстанцев Массамба-Дебы в 1964 и 1965 гг. Террор в отношении беззащитных конголезских христиан и иностранных миссионеров привел к тысячам жертв, а еще большее число людей пострадало от физических и психических травм, оставивших глубокий след в их жизни. Доктор Хелен Роуз-виер несколько месяцев находилась у бандитов в плену, ее били и насиловали, а доктор Карл Беккер, успевший бежать вовремя, сохранил свою жизнь для дальнейшего служения в Конго, но очень многие миссионеры погибли от рук тех самых людей, которым они приехали служить. Одним из них был доктор Пол Карлсон, прослуживший в Конго менее двух лет. Большая часть других тридцати протестантских миссионеров и почти две сотни миссионеров-католиков, убитых повстанцами, служили значительно дольше него, и некоторые из них были весьма выдающимися личностями, но именно рассказ о Карлсоне чаще всего публикуется в связи с историей о мучениках Конго.

Карлсон родился в Калифорнии в 1928 г., за год до великого биржевого краха, и его христианское воспитание сыграло важную роль в решении мальчика-подростка посвятить свою жизнь миссионерской деятельности за границей. После первого семестра в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса и недолгой службы на флоте он поступил в Норт-Парк колледж в Чикаго. Там он познакомился с Луис, медсестрой, и после помолвки в 1949 г. вернулся в Калифорнию, чтобы продолжить медицинское образование в Стэнфордском университете.

Через восемь лет с женой, двумя детьми и дипломом врача он был готов начать служение. Время было лихорадочное, и, согласно Луис, "тема медицинского служения упоминалась все меньше и меньше", пока "совершенно не исчезла из разговоров". В духовном отношении этот период жизни проходил для Пола очень трудно. Он подвергал сомнению "само существование Троидного Бога".

В 1961 г. Пол вспомнил о своем решении посвятить жизнь миссионерской деятельности, получив письмо из Христианского медицинского общества, в котором сообщалось о срочной потребности в медицинских работниках в Конго и звучала просьба о помощи. Пола привлекло то, что это было служение не на всю жизнь. В пришедшем следом втором письме указывался срок в четыре месяца. Возможно, подсознательно надеясь выполнить обещание, которое он дал себе подростком, в четырехмесячный срок, Пол принял вызов. В 1961 г. он оставил Луис и двоих детей в Мичигане и полетел в Конго.

Годом раньше, почти неожиданно, Бельгия предоставила Конго независимость, и политическая ситуация в стране стала чрезвычайно переменчивой. Новый премьер, Патрис Лумумба, приказал бельгийцам покинуть страну, за ними последовали многие другие иностранцы. Правительство находилось в смятении, лишившись прежних руководителей и гражданских служб. Группы солдат и банды подростков бродили по городам и сельской местности. Не хватало грамотных специалистов. Ситуация складывалась напряженная, вызывавшая страх и тревогу даже у самых законопослушных граждан. Пол очутился в этой атмосфере, выйдя из самолета в аэропорту Леопольдвилья в 1961 г.

Но, несмотря на нестабильную политическую обстановку, Полу достаточно было пятимесячного срока, чтобы убедиться в совершенной необходимости медицинских миссионеров для провинции Убанги. Потребность оказалась намного значительнее, чем он мог себе представить, а возможности проповеди благовестил были просто неограниченными. Разве сможет он теперь спокойно вернуться в Соединенные Штаты с их великолепно оборудованными современными больницами и христианскими церквями, переполненными людьми? "Тот Пол Карлсон, что приехал из Конго, был совершенно другим человеком, - вспоминала Луис. - Изменилось его мировоззрение, вновь засияли его идеалы, определилась точная цель жизни и взгляд в будущее стал уверенным. Я знала, что Пол вернулся к себе и к Богу".

Несмотря на возрожденную преданность медицинскому служению, отъезд из Соединенных Штатов в Конго был нелегким делом. В течение года после своего пятимесячного пребывания в Африке он практиковал с врачами, с которыми работал раньше, и постоянный неплохой заработок явился тем, чего не было у них с Луис никогда раньше. "Так легко было жить без нужды, смотреть в обеспеченное будущее, приобретать то, о чем мечтает любая женщина, в чем нуждается любая семья. Вместе с нашими коллегами-медиками мы уверенно смотрели вперед, видя высокий уровень жизни, как называют это американцы, когда можно иметь все те удобства, которые приобретаются за деньги. Мы собирались принять этот образ жизни навсегда, а теперь столкнулись с необходимостью принять решение, которое мы обязаны, должны были принять вдвоем"".

Летом 1963 г. Карлсоны появились в Конго как вполне созревшие миссионеры-медики, на этот раз служа от своей деноминации, Американской церкви евангельского завета. Они были приписаны к Васоло, миссионерской станции в отдаленном районе провинции Убанги, где Пол работал раньше и где было всего лишь три доктора на всю провинцию. Почти сразу Пол окунулся в рутинную медицинскую работу, посещая в среднем двести пациентов в день, тогда как Луис привыкала к примитивному образу ведения домашнего хозяйства.

Первый год служения пролетел незаметно и относительно спокойно, но к началу второго года ситуация в Васоло стала меняться. Хотя о Васоло часто говорили как о забытом уголке Конго, но и у живущих там людей не было иммунитета против повстанческой заразы. К августу 1964 г. мятежники угрожали правительственным силам и в этом районе. Не желая рисковать без нужды, Пол переправил Луис с детьми через границу в Центрально-Африканскую Республику, а сам вернулся в больницу, чтобы сделать последние приготовления к эвакуации.

Следующие дни Пол занимался повседневными делами и лечением раненых, среди которых были гражданские лица, солдаты правительственных войск и повстанцы. Он пересек реку в воскресенье, чтобы навестить семью, и обещал вернуться в следующую

среду. Но обещанная встреча так никогда и не состоялась. В город вошли повстанцы. Пол не успел бежать, его взяли в плен, где он в течение трех месяцев подвергался физическим и психическим пыткам, прежде чем у него отняли жизнь.

Почти трехмесячное заключение для Пола Карлсона стало психической и физической пыткой. Еще до пленения этого миссионера в Америке появились статьи о его отважной и жертвенной медицинской работе, а после захвата Пола в плен статей стало еще больше, и они сделали его знаменитым, что, возможно, усложнило положение доктора в Конго. Очевидно, восставшие не хотели, чтобы мир думал, что они преследуют святого героя, поэтому они извратили факты. К концу октября "Радио Стэнливиля" начало передавать вести о грядущем суде над "майором Карлсоном", американском наемнике, обвинявшемся в шпионаже. Более двух недель о нем не было никаких известий, а затем в середине ноября прозвучала новость, что Пола судили и приговорили к казни. Осознав ценность Карлсона как заложника, повстанцы отложили казнь, когда переговоры показали неизбежными.

24 ноября 1964 г. Пола Карлсона расстреляли на улицах Стэнливиля. После двух дней относительного мира заложники проснулись от звука кружащих над городом самолетов и смятения вокруг. Началась операция по спасению заложников. Улицы заполнили бельгийские парашютисты, и пулеметные очереди слышались все ближе. Заключенные вырвались из камер, упали на улице в надежде избежать перекрестного огня. Через некоторое время стрельба прекратилась. Наступила жуткая тишина, причины которой не понимали распластавшиеся на земле заключенные. Они были напуганы и не знали, где найти безопасное место. В отчаянии Пол и еще несколько человек побежали к ближайшему зданию. Это была роковая ошибка. Другие заключенные смогли спастись, но Пол, бежавший позади и с трудом перелезавший через перила веранды, попал под пули и остался умирать на улице. Через какие-то минуты операция закончилась, но было уже поздно.

Похороны, проведенные конголезскими пасторами, стали трогательным зрелищем. Сотни конголезских христиан с цветами и пальмовыми ветвями шли в деревню Карава, где проходила служба. Так они выражали свою благодарность человеку, который пожертвовал для них всем...

Печальная история гибели Пола получила большую известность, чем героические жертвы, принесенные другими христианскими миссионерами в Конго, в особенности американскими миссионерами, которые были признаны орудием американского империализма. Некоторых, правда, неразборчивые повстанцы Массамба-Дебы убили просто так. На Айрин Ферред и Рут Хидж (Irene Ferred and Ruth Hege), одиноких миссионерок-баптисток, живших в лесу Квилу, напали пьяные подростки-повстанцы. Выжила только Рут, которая и рассказала столь печальную историю и об этом.

Гектор Макмиллан (Hector McMillan), миссионер-канадец, тоже погиб от рук мятежников. Он, его жена Иона и их шестеро сыновей вместе с несколькими другими миссионерами Миссии неохваченных земель подверглись нападению на Восьмом километре, на своей миссионерской базе, которая находилась как раз за Стэнливилем. Пути отступления оказались отрезанными, и бежать им было некуда. Для Ионы трагедия этих дней стала особенно страшной. На ее собственное решение посвятить жизнь миссионерской деятельности оказало влияние мученичество Джона и Бетти Стэмов. Она чувствовала, что Бог хочет, чтобы она отправилась в Китай и помогла заполнить брешь, оставшуюся после их гибели. Но в Китае двери для миссионеров закрылись, и Иона отправилась в Конго, где встретила с Гектором Макмилланом и вышла за него замуж. Теперь, в 1964 г., с шестью сыновьями они оказались в центре яростного конфликта - не менее ужасного, чем тот, с которым столкнулись Стэмы.

Нападение на Восьмой километр произошло неожиданно. Гектора повстанцы застрелили, а двоих из сыновей Макмилланов ранили. Это был трагический день, но у Ионы и других миссионеров не осталось времени горевать. Им нужно было выбираться оттуда как можно быстрее. Эл Ларсон (Al Larson), старший миссионер МНЗ в том районе, прибыл с правительственными войсками вскоре после нападения, чтобы помочь эвакуировать оставшихся в живых. Места в транспорте оказалось мало, не брали даже вещи, и военные настаивали на том, что они возьмут только живых людей. Тело Гектора пришлось оставить в лагере.

То, что могло полностью опустошить Иону и повергнуть в пучину отчаяния, превратилось в свидетельство Божьей благодати - свидетельство, к которому она

странным образом подготовилась, читая биографию Адонирама Джадсона. Психический срыв Джадсона после смерти Нэнси обострялся мрачными мыслями о ее разлагающемся теле, и этот рассказ произвел большое впечатление на Иону. За день до трагедии она поклялась, что никогда не позволит, чтобы то же произошло с ней: "Если член моей семьи умрет, с Божьей помощью я не буду тратить время и энергию, которую Он мне дал, на тело из глины". "Почему это решение было принято именно накануне? - спрашивает Гомер Дауди (Homer Dowdy). - Почему она прочитала о горьком опыте Адонирама именно перед происшествием? Почему кто-то купил и положил эту книгу лишь для того, чтобы она спустя годы взяла ее и прочитала? Почему великому миссионеру пришлось пройти испытания в долине печали? Это тоже была часть плана Божьего - Божьей совершенной воли - именно для нее в точно определенный момент". Другим американским миссионером, жестоко убитым этими же мятежниками, был Джей Такер (Jay Tucker), фермер из Арканзаса. Как и Макмилланы, Джей и его жена сочетались браком после приезда в Конго и двадцать пять лет плодотворно трудились на миссионерском поприще под руководством Ассамблей Бога. В начале ноября 1964 г. Джея арестовали повстанцы; три недели спустя, когда они поняли, что правительственные войска приближаются, они стали мстить, обратив свою злобу на пленных. Первым казнили итальянского священника. Следующим был Джей Такер. "В наступающей тьме кто-то ударил миссионера бутылкой по лицу. С глухим звуком бутылка разбилась, кровь залила лицо, и он в агонии упал в грязь. В наркотическом буйстве бандиты начали гикать и искать палки, чтобы закончить свою грязную работу. Те, кто нашел палки, били палками, другие били прикладами автоматов. Начав с шеи, они медленно спускались по спине, нанося удары каждый раз, когда их жертва начинала корчиться..."

На могиле Карлсона написаны стихи, полностью соответствующие его убеждениям. Перевод их гласит: "Создатель любит того, кто положит свою жизнь за други своя".

Бетти Олсен и мученики Вьетнама

Когда миссионеры широким потоком шли в Китай в XIX в., Индокитай - всего три маленькие буддийские страны на юге: Вьетнам, Лаос и Камбоджа - не привлекал к себе большого внимания. Только в XX в. протестантские миссионеры твердо обосновались в этой части света, но даже тогда работа в основном проводилась одной миссией, Христианско-миссионерским союзом, и продолжалась до тех пор, пока миссионеров в 1970-х гг. не изгнали оттуда. С самого начала Индокитай оказался трудным регионом для христианских миссионеров. Не было периода, совершенно свободного от гонений. Во многих случаях местные жители готовы были воспринимать благовестие, но их руководители чувствовали страх и старались этому воспрепятствовать. В период французского колониального режима евангелическая работа серьезно сократилась, а когда во время Второй мировой войны район оккупировали японцы, миссионеров, отказавшихся уехать, согнали в лагерь для интернированных.

Поражение японцев в 1945 г. привело войну в Азии к завершению, но, к сожалению, не принесло длительного мира в Индокитай. Восемь лет, начиная с 1946 г., коммунисты-партизаны во главе с Хо Ши Мином воевали с французским колониальным режимом во Вьетнаме, до тех пор пока французы не ушли, разделив страну по семнадцатой параллели. И все же настоящего мира не было. Когда вьетнамцы начали переходить из захваченного коммунистами Северного Вьетнама в Южный, гонения со стороны северян увеличились. Коммунистические партизаны силой овладевали деревнями, и правительство в Сайгоне отозвалось ответными репрессиями. С вводом американских солдат во Вьетнам конфликт превратился в полномасштабную войну и американские миссионеры оказались в большой опасности, как никогда.

Еще до полного союза американцев с Южным Вьетнамом миссионеры подвергались нападкам со стороны партизан. Тот факт, что американцы помогали южновьетнамским военным, дал повод рассматривать миссионеров как часть капиталистическо-империалистического заговора, имевшего целью установление полного контроля над Индокитаем. Миссионеры осознавали опасность такого враждебного отношения, и некоторые из них покинули районы, начиненные, как они знали, вьет-конговцами. И все же как христианский мир, так и Госдепартамент США оказались в полной растерянности, когда три американских миссионера в 1962 г. оказались у них в плену.

Тот факт, что они служили в больнице для прокаженных, давал миссионерам ложное ощущение безопасности. Они просто не могли поверить, что кто-то из повстанцев станет рисковать и гневить местных жителей нарушением работы больницы. Но произошло именно это, и доктора Ардей Вьетти (Ardei Vietti), врач из Хьюстона, Техас, Арчи Митчелл (Archie Mitchell), директор больницы, и Дан Гербер (Dan Gerber), работник больницы, меннонит, были уведены под дулом пистолета в джунгли и о них больше никто никогда не слышал. Время от времени появлялись слухи о том, что они живы, но никаких конкретных сведений о дальнейшей их судьбе в руках захватчиков никто не имел.

Остались невредимыми после нападения на поселок прокаженных Бетти Митчелл (Betty Mitchell) и ее дети и медсестра Рут Уилтинг (Ruth Wilting), которая в день нападения шила подвенечное платье для свадьбы с Даном Гербером. На следующее утро они бежали в столицу близлежащей провинции Банметхуот. В страхе от происшедшего женщины продолжали свое служение в Банметхуоте, каждый день надеясь получить известие о своих любимых.

Именно в Банметхуоте шесть лет спустя миссионеры понесли величайшую утрату. 30 января 1968 г. в день Тет (начало года обезьяны по вьетнамскому календарю), вьетконговцы вошли в миссионерский поселок и учинили кровавую резню, убив пятерых американских миссионеров (включая Рут Уилтинг) и четырехлетнего ребенка. Менее удачливыми, чем погибшие, были Бетти Олсен и Хенк Блад (Betty Olsen and Hank Blood), которых взяли в плен вместе с Майком Бенджем (Mike Benge), американским офицером AID. В течение нескольких месяцев они подвергались невыносимым пыткам и унижениям, пока Бетти и Хенк не отдали свои жизни как христианские мученики.

Никто не мог представить Бетти Олсен в роли миссионерки-героини. Многие из тех, кто знал ее в ранние годы, вообще сомневались, принесет ли она пользу как миссионерка. И все же в первые часы Тета она рисковала своей жизнью, когда перевязывала опасные раны маленькой Каролины

Гризуолд (Carolyn Griswold), которая позже все же умерла, и пыталась перевезти ее в больницу. И в мрачные месяцы после этой трагедии она доказала, что вылеплена из того же материала, из которого делают героев.

Бетти, "волевой и аккуратно подстриженной рыжеволосой девушке", было тридцать четыре года во время резни в Банметхуоте. Она была профессиональной медицинской сестрой, прослужившей менее трех лет от ХМС во Вьетнаме. Миссионерская работа не являлась для нее чем-то новым. Она выросла в миссионерской семье в Африке и самые счастливые детские годы провела там. Но жизнь ее семьи никогда не была размеренной и спокойной. Родители постоянно занимались миссионерской работой, часто надолго уезжая из дому и посещая африканские церкви. Когда ей исполнилось восемь лет, каждый год ее отсылали на родину на восемь месяцев, и она провела много ночей в слезах, тоскуя по родителям. Интернат не стал для Бетти самым приятным воспоминанием. Она сопротивлялась распорядку и правилам школы, не сходилась в тесной дружбе с остальными учениками, боясь неизбежной боли расставания при разлуке. Ее подростковая неуверенность в себе усугубилась, когда ее мать заболела и умерла от рака как раз накануне семнадцатилетия Бетти.

Бетти закончила школу в Соединенных Штатах и вернулась в Африку. Она все еще страдала от эмоциональной неуравновешенности, мечтая получить любовь и внимание отца, чей лихорадочный график работы и планы повторного брака мешали полноценному общению с дочерью. После женитьбы отца она вернулась в Соединенные Штаты и училась на курсах медсестер в больнице Бруклина, прежде чем поступить в Ньякский миссионерский колледж для подготовки к миссионерскому служению.

И все же Бетти не находила истинного счастья. Она отчаянно хотела выйти замуж и обзавестись собственной семьей, но не могла найти человека, полностью отвечающего ее требованиям. Окончив в 1962 г. учебу, она была убеждена, что ХМС не примет ее кандидатуру по личным качествам, поэтому отправилась сама по себе, чтобы работать вместе с отцом и мачехой. Однако там ей оказалось очень трудно скрыть свой мятежный характер, и через некоторое время Бетти стала так сильно раздражать миссионеров, что с ней никто не соглашался далее работать, и ее попросили уехать из миссии.

В возрасте двадцати девяти лет Бетти приехала в Чикаго и работала медсестрой. Мечты о христианской жизни потерпели крах. Она была настолько подавлена, что подумывала

о самоубийстве. В это время девушка встретила молодого человека, чьи принципы христианской жизни полностью изменили ее судьбу. Он активно работал с молодежью в Библейской церкви в районе Чикаго и с особым интересом отнесся к Бетти, когда она поделилась с ним своими трудностями. Он дал ей как ориентир библейские принципы, при помощи которых она сумела справиться с ощущением несоответствия, и помог девушке одолеть первоочередную мучившую ее проблему - одиночество. Она наконец почувствовала готовность, даже рвение, служить Богу как одинокая женщина.

Благодаря полученным советам и наставлениям, Бетти стала полноценной и активной миссионеркой во Вьетнаме, а ее молодой консультант, Билл Готард (Bill Gothard), организовал семинар, ставший известным как Семинар по основным молодежным конфликтам, "в основном построенный на вопросах, которые задавала Бетти Ол-сен".

Здоровые принципы христианской жизни особенно пригодились тогда, когда в течение многих месяцев Бетти пришлось выносить психические и физические муки от рук вьетконговцев в душных, полных насекомых джунглях. Изо дня в день она вместе с Хенком Бла-дом и Майком Бенджем должна была вышагивать от двенадцати до четырнадцати часов в день, питаясь только скудным рисовым пайком. Все трое страдали от тропической лихорадки, которая давала очень высокую температуру и озноб. Они просили лекарства, но их просьбы не имели отклика и, хуже того, безжалостные стражи только насмеялись над ними. Кожные заболевания, причиной которых являлись бесчисленные паразиты, приносили ужасные мучения. Для Бетти, которая оставалась одетой в платье, в котором ее схватили, сущим наказанием были кровососущие насекомые, десятками впивавшиеся в ноги, ни на секунду не оставлявшие ее в покое.

Как ни ужасны были мучения, Бетти оказалась самой выносливой из троих в трудные месяцы смертельного марша по джунглям. Майк подхватил смертельную форму малярии и более месяца был в бреду, находясь между жизнью и смертью. Он выжил, но потерял около сорока фунтов веса. Однако больше всех в первые месяцы заточения страдал Хенк. Человек средних лет, отец троих детей, он восемь лет прослужил во Вьетнаме в качестве библейского переводчика Уиклифа и вел в основном сидячий образ жизни. Хенк просто не мог вынести тяготы и лишения тяжелых маршей. Помимо постоянно повторявшихся приступов мочекаменной болезни, которой он страдал несколько лет, он сильно мучился от кровавых волдырей и, кроме того, заболел воспалением легких. Конечно же, никакой медицинской помощи ему не оказали, и он умер в середине июля, через пять месяцев мучительной агонии.

К сентябрю, почти через восемь месяцев маршей по джунглям, конец казался близким и для Бетти, и для Майка. "Их волосы поседели, стали выпадать, ногти перестали расти. Десны кровоточили и шатались зубы" - все признаки недоедания". Ноги Бетти начали опухать, и передвигалась она с трудом, особенно при скорости, на которой настаивали стражи. Когда она падала, ее били. Она умоляла стражей позволить ей умереть в джунглях, но на ее крики никто не обращал внимания. Последние дни Бетти не поддаются описанию. Страдая от дизентерии, ставшей причиной сильного обезвоживания организма, она "настолько ослабла, что не могла сойти со своей подвесной койки" и "ей приходилось лежать в собственных испражнениях". Майк ухаживал за ней, как мог. Но ее состояние только ухудшалось. В свой день рождения, когда ей исполнилось тридцать пять, она стонала от боли в грязном гамаке и через два дня умерла.

Вскоре после смерти Бетти Майка перевезли в лагерь для военнопленных, где он сидел вместе с другими американцами. Здесь он подвергся жестоким побоям и пробыл почти год в одиночном заключении, прежде чем его перевели в "ханойский Хилтон", где опять держали в одиночной камере большую часть времени. В январе 1973 г., почти через пять лет заключения, вместе с другими военнопленными он был освобожден на условиях вывода американских войск из Вьетнама.

Радость освобождения омрачалась необходимостью рассказать семьям Хенка Блада и Бетти Олсен ужасные подробности их мучительного заточения и конца. Однако его история содержала нечто большее, чем простое повествование о кошмарах вьетнамских джунглей. Он рассказал, как он сам доверился Богу благодаря их бескорыстному свидетельству и как они прятали собственные скудные пайки, чтобы поделиться с пленными местными христианами, которым полагалось еще меньше еды. Бетти, когда-то мятежную и ожесточенную молодую женщину, Майк назвал "самым бескорыстным

человеком, какого он когда-либо встречал". Ее христоподобная любовь оказалась выше его понимания: "Она никогда не показывала никакой горечи или негодования. До самой смерти она любила тех, кто дурно обращался с ней".

Чет Биттерман и мученики Латинской Америки

Терроризм, эта ужасная политическая тактика 1970-х и 1980-х гг., время от времени вызывал волну потрясений в миссионерском сообществе, как и в мире дипломатии и бизнеса. Миссионеров обвиняли в заговоре с целью сбросить революционные правительства и в служении в качестве разведчиков ЦРУ (обвинения, в некоторых случаях оказывавшиеся истиной), поэтому они становились объектами террористических актов. Их считали открытыми врагами левого освободительного движения во всем мире.

Однако утверждение, что все религиозные мученики, пострадавшие от политики за последние десятилетия, погибли от руки или по наущению левых, неверно. В Латинской Америке и в других регионах миссионеры (особенно римско-католические) иногда сами имели связь с левым движением, и в некоторых случаях террористические акты в отношении этих людей направлялись и исполнялись правым крылом правительственных фракций. Одной из трагедий стало происшествие 1980 г., когда смерть от рук террористов настигла трех американских монахинь и миссионерского служителя-мирянина в Эль-Сальвадоре. Несмотря на то что они работали с бездомными детьми, осиротевшими во время войны, их сочли пособниками революции и жестоко убили.

В декабре 1981 г., в годовщину смерти монахинь, католическая церковь по подсказке своих миссионеров в Латинской Америке объявила год памяти, названный "Годом мучеников". Среди поминаемых значилась не только "эль-сальвадорская четверка", но и десятки других миссионеров и светских работников миссий, погибших в гражданской войне в Латинской Америке. Среди них был Стэнли Ротер (Stanley Rother), рыжебородый католический священник из Okarche, штат Оклахома, которого всего за несколько месяцев до убийства "эль-сальвадорской четверки" нашли с простреленной головой в собственном доме в гватемальской деревне, где он работал среди индейцев-какчикелей в течение тринадцати лет. Хотя его считали "достаточно незначительным человеком" и "самым консервативным" из всех католических священников в районе, его имя все же оказалось в списке жертв правого крыла. Он стал девятым священником, погибшим в результате политической борьбы в Гватемале менее чем за девять месяцев. Наибольшую известность среди протестантских мучеников в последние годы приобрел Чет Биттерман (Chet Bitterman), застреленный латино-американскими террористами. Он стал не единственной жертвой бессмысленной ярости. В сентябре 1981 г. в Гватемале застрелили Джона Троеера (John Troyer). Двадцативосьмилетнего меннонита-миссионера из Мичигана убила на глазах жены и пятерых детей банда террористов, выкрикивавших антиамериканские лозунги. Его коллега Гэри Миллер (Gary Miller), получивший пулю в грудь, однако, выжил. Стрелявшие позже были определены как левые, называвшие себя Повстанческой армией бедных.

Террористические акты не застали руководителей миссий врасплох. Они хорошо осознавали нависшую над их работой угрозу, и некоторые из них приняли определенные решения на этот счет. В 1975 г. члены Уиклифа проголосовали за то, что миссионеры не должны подчиняться требованиям террористов, признав, что, в то время как уступки террористам будут способствовать освобождению отдельных заложников, подобные акты удовлетворения их требований в дальнейшем подвергнут опасности других миссионеров во всем мире.

Именно такая политика в ответ на преступные требования не позволила Библейским переводчикам Уиклифа и Летнему институту лингвистики даже помыслить об удовлетворении условий колумбийских террористов в начале 1981 г., когда Чет Биттерман был захвачен ими и содержался у них сорок восемь дней. В то же время правительство и чиновники миссий лихорадочно работали над задачей его освобождения, уступив требованиям террористов о том, чтобы Уиклиф навсегда покинул их страну.

Чет Биттерман приехал в Колумбию молодым миссионером летом 1979 г. с женой Брендой, которая ожидала второго ребенка. Он был самым старшим из восьмерых

детей, вырос в Ланкастере, штат Пенсильвания, где его отец владел компанией по производству весов. После школы Чет поступил в Библейский колледж в округе Колумбия в США и в 1976 г. женился на Бренде Гарднер (Brenda Gardner), дочери миссионеров Уиклифа, служивших в Колумбии. Хотя он решил стать миссионером-лингвистом еще до встречи с Брендой, лингвистика давалась ему нелегко. Он проучился в Летнем институте лингвистики два лета, но был разочарован медленным прогрессом в своих познаниях.

Биттерманы изначально надеялись служить как миссионеры-лингвисты в Малайзии, но руководители Уиклифа просили их поехать в Колумбию. Приехав в Колумбию, они столкнулись со многими препятствиями. Они безуспешно пытались начать работать с тремя различными языковыми группами и наконец решили отправиться к индейцам, говорившим на языке Сагуопа, но Чет заболел и был отправлен в Боготу на операцию желчного пузыря.

Его захватили, когда он находился в резиденции ЛИЛ в Боготе, ожидая операции. Террористы постучали в дверь в 6:30 утра, а затем ворвались туда с оружием в руках. Сильвия Риггс (Sylvia Riggs), член Уиклифа, позже рассказывала о том, что произошло после того, как ее разбудил один из террористов в маске: "Они вывели всех нас в гостиную и заставили лечь на пол лицом вниз, пока связывали нас по рукам и ногам и затыкали нам рты кляпами. Нас было двенадцать взрослых и пятеро детей... Целый час мы лежали там, у меня начали болеть руки от веревок, стягивавших запястья, и я дрожала от холода на цементном полу". Парализующий страх охватил семнадцать беспомощных человек, лежавших на полу в то утро 19 января, они никогда этого не забудут, но, к счастью, для шестнадцати из них трагедия закончилась к 8 утра.

Для Чета Биттермана кошмар лишь только начинался. Вскоре после атаки террористов стало понятно, что им нужен был Эл Уилер (Al Wheeler), директор ЛИЛ в Боготе. Когда они обнаружили, что среди лежащих на полу людей его нет, они выбрали вместо него Чета и под дулом пистолета повели к машине. Затем они уехали, ничего никому не объяснив. Первое объяснение причины захвата Чета появилось четыре дня спустя, когда террористы, называя себя "М-19", выразили свои требования в письменном виде: "Чет Биттерман будет казнен, если Летний институт лингвистики и все его члены не выедут из Колумбии к 6:00 вечера 19 февраля".

Когда требования стали известны, были сделаны попытки провести с бандитами переговоры, и отовсюду посыпались просьбы к террористам пощадить жизнь Чета. Гарсиа Геррарос (Garcia Herraros), католический священник, написал открытое письмо, напечатанное на первой странице выходящей в Боготе газеты: "Мы просим захватчиков отпустить этого человека, посвятившего свою жизнь чрезвычайно благородной задаче перевода Библии на индейский язык. Мы не можем остаться бесчувственными и безразличными к боли наших протестантских братьев. Мы ценим и уважаем их. Мы одобряем их стремление делиться любовью Христа. Мы с ними в этот момент страданий".

Когда наступил последний срок 19 февраля, многие вздохнули с облегчением. Может быть, террористы поняли, что их действия бессмысленны. Но искра надежды быстро погасла. Появились сообщения о новых и противоречивых сроках, почти ежедневно ползли слухи, что казнь уже состоялась. Это казалось Бренде и ее коллегам по БПУ/ЛИЛ непрекращающимся кошмаром. Чет, возможно, ощущал эту трагедию в меньшей степени, чем его любимые.

В течение сорока восьми дней его заточения с ним обходились относительно хорошо. Хотя террористы и были людьми с извращенными взглядами и мировоззрением, но они были людьми, которых любил Бог. Чет свидетельствовал им, спорил с ними и играл с некоторыми в шахматы. "Мы даже подружались, - писал он, - и мы уважаем друг друга, хотя и видим мир с разных позиций". Но дружба, возникшая между Четом и его стражами, не смогла предотвратить его казни, происшедшей 7 марта. Бандиты выстрелили ему в сердце, а тело оставили в автобусе на улице Боготы.

"В Колумбии, столице штата Южная Каролина, брат Чета узнал об этой новости, случайно заглянув в сообщение на телетайпе. В Хантингтон-Бич, штат Калифорния, директор Уиклифа в Штатах Берни Мей был разбужен международным телефонным звонком... В Ланкастере, Пенсильвания, родители Чета узнали о происшедшем от репортера местной газеты. А в Боготе, столице Колумбии, тишину раннего утра

нарушил владелец близлежащего магазина, который прибежал к жене Чета и, хлопнув дверью, выкрикнул неожиданную новость: "Они нашли тело Чета в автобусе"".

Печальная известность, окружившая захват и гибель Чета Биттермана, принесла потоки сочувствия и поддержки в семью Биттерманов и БПУ/ ЛИЛ. Кам Таунсенд сообщил, что к ним в организацию пришли более двухсот человек, решившие добровольно занять место Чета. Таунсенда, приехавшего в Колумбию для участия в поминальной церемонии, потрясла реакция местного населения на смерть миссионера. "Вся страна выражала нам сочувствие. Каждый, от президента до полицейского, со слезами на глазах звонил нам, и это прекрасно".

Из более сотни членов Уиклифа в Колумбии ни один не захотел уехать, несмотря на то что миссия предлагала им новые назначения. Они должны были выполнять свое дело, и они знали, что, оставаясь на месте, демонстрируют всему миру бессилие террористов.

Известие о смерти Чета его семья приняла удивительно светло. Хотя и возникали неизбежные вопросы. Почему Бог допустил то, что произошло? После смерти сына отец Чета признался: "...мы совершенно неправильно поняли намерение Бога. Мы все верили, что Чет приведет своих захватчиков к Господу... Мы ожидали, что Бог освободит Чета, может быть, каким-то чудесным образом сделав так, чтобы захват миссионеров больше не привлекал людей этого типа, революционеров... Но Бог есть Бог. Мы знаем это, но как нам объяснить все людям средствами массовой информации? Мы предвкушали, как будем говорить репортерам после освобождения Чета: "Видите, что делает Бог!" Но Бог не всегда поступает таким образом, чтобы это имело смысл для людей на земле... Мы уже почти поняли, что в этой смерти есть очень мало такого, если есть вообще, что мы можем использовать для объяснения случившегося нашим неспасенным друзьям и репортерам, потому что ответ надо искать на духовном уровне".

Глава 17. Миссии третьего мира: устремленность молодых церквей

Корейские христиане, евангелизирующие собственный народ и стремящиеся нести свет другим народам за рубежом. Подобный сценарий повторялся в течение многих десятилетий, и это происходит по всему миру. Теперь миссионеры выходят не только из западных церквей. Время западных миссионеров еще не прошло, конечно, но задача всемирного благовестия теперь выполняется все в большей степени христианами из стран третьего мира. К 1980 г. третий мир отправлял и поддерживал более десяти тысяч межнациональных миссий, а к 1982 г. их оказалось уже пятнадцать тысяч. Подсчитано, что к 2000 г. около 60 процентов Христиан в мире будет принадлежать - нациям третьего мира. Национальные кадры, обращающиеся к своим народам и другим нациям, всегда являлись ключевым аспектом всех миссионерских усилий, но лишь недавно представители национальностей третьего мира заняли преобладающее положение на международном уровне в мировом миссионерском движении.

В любую эпоху миссионеры во многом зависели от национальных кадров в благовестии и пасторской работе. В Китае национальные пасторы и библейские женщины выполняли бесценное служение для христианской церкви. Пастор Кси (Hsi), в прошлом ученый, последователь конфуцианства и потребитель опиума, в 1879 г. был обращен, а затем работал многие годы в тесном контакте с КВМ. В Индии Рамабай (Ramabai), дочь ученого брахмана, стала христианкой, а затем посвятила свою жизнь евангельской работе среди молодых индийских вдов и сирот. В Аргентине Хуан Крисостомо Варетто (Juan Crisostomo Varetto) стал одним из первых протестантских лидеров и влиятельных миссионерских деятелей Латинской Америки. Его дочь, Аугустина, преподавала более двух десятков лет в Международной семинарии в Буэнос-Айресе. Этот список можно продолжить.

Очень часто национальные христиане XIX - начала XX в. работали в тесном контакте с западными миссионерами, под их контролем или руководством. Однако некоторые национальные кадры чувствовали, что такое положение вещей является временным, и настаивали на своей независимости. Особенно это относилось к Японии. Симета Ниисима (Shimeta Niishima), приехавший в Америку изучать христианство и получить образование в семинарии, в 1874 г. вернулся на родину миссионером. Несмотря на поддержку со стороны американского Совета, он проводил очень независимую политику и его христианский подход имел скорее четко выраженный самурайский, чем американский привкус. Канзо Ушимура (Kanzo Uchi-mura), другой хорошо известный японский христианин и учитель Библии, был основателем Мукиокай, христианского

"нецерковного" движения, никак не связанного с Западом и "не имеющего другого наставника, кроме Библии". Самым известным христианским руководителем XIX в. в Японии, выступавшим против западного влияния, стал Масакиса Уемура (Ma-sakisa Uemura), который считал, что иностранцы должны совершенно отойти от руководства японской церковью. "Он был убежден, что проповедь Евангелия в Японии должна идти изнутри, посредством трудов и свидетельства самих японцев, и что эту работу нельзя вести под управлением иностранцев из-за границы". В 1904 г. он основал японскую теологическую семинарию, которая была совершенно независима от иностранного влияния.

С самого начала советы западных миссий осознавали необходимость сильного национального руководства. Национальные церкви, такие, как Африканская внутренняя церковь, получили независимость и стали работать бок о бок со своим миссионерским "родителем" (в данном случае - с Африканской внутренней миссией), взяв на себя ответственность за работу в области благовестия и образования.

Сегодня огромная армия национальных проповедников (которые охватывают благовестием собственный народ) и национальных миссионеров (которые устремляются к другим народам) находит поддержку у себя на родине. Это значит, что около 500 000 пасторов и проповедников и, возможно, 10 000 настоящих миссионеров финансируются без привлечения иностранной помощи. Удивительно, но суммы, вложенные "миссионерскими христианами" в собственное дело, могут достигать более половины миллиарда долларов. Многие американцы не представляют себе, каких успехов добились заморские церкви в этой области.

С другой стороны, многие западные миссионерские общества по возможности оказывают поддержку ведущим национальным лидерам, где бы они ни работали, что не всегда находит понимание на родине у миссионеров. Но все же многие фонды, финансируемые западным миром и нацеленные на развитие миссионерской работы, действительно поддерживают западных миссионеров. Этот факт подсказал доктору Н. А. Джепсону (N. A. Jerson) из Сиэтла мысль основать в 1943 г. Христианский национальный евангелизационный комитет, призванный поддерживать национальных христиан. В первые годы существования организации помощь шла только китайцам, но к 1982 г. она поддерживала уже более тысячи национальных христианских кадров в тридцати шести странах мира.

Одним из примеров национального служения стала жизнь Ананда Чаудхари (Anand Chaudhari), сына священника брахмана из высшей касты. После своего обращения Ананд покинул родной дом в Гоа и отправился служить в Раджастхан, район, где практически не было ни одного христианского свидетеля. После десятков лет неустанной работы он стал очевидцем того, как тысячи индийцев обратились в христианство. Он основал Библейский институт Раджастхана и организовал еженедельные программы радиовещания, которые слышала вся Индия. В 1978 г. он собрал команду, состоящую из более чем тридцати проповедников, распространявших по всей Индии христианскую литературу. Благодаря этим трудам более 60 000 человек стали изучать на заочных курсах Библию.

Учитывая собственный опыт прошлого, Ананд смог эффективно общаться с индийцами из высшей касты. Недавно он имел возможность привести к Христу многоуважаемого профессора политологии и автора серьезных научных трудов - человека, который вначале хранил свое обращение в секрете. Ни один иностранец не смог бы понять, через какие испытания пришлось пройти этому человеку. Но Ананд понимал его как нельзя лучше. Как хорошо он помнил собственные мучительные и болезненные переживания, когда ему пришлось сказать семье о своем обращении. Для них лучшим делом стала бы его смерть. А вскоре после своего визита домой он получил сообщение о том, что его семью вместе с сотнями других людей затоптали слоны, когда началась паника во время проведения праздника. Только глубокая христианская вера помогла Ананду вынести эту трагедию - яркое свидетельство, затронувшее сердца других индийцев.

ХНЕК также оказывает помощь филиппинской организации "Филиппинское миссионерское братство" (ФМБ), которая контролируется местным руководством и помогает более чем сотне миссионеров, многие из которых получили подготовку в Филиппинском миссионерском институте, основанном в 1961 г. Поддерживая такие миссии, ХНЕК глубоко убежден, что служит делу всемирных миссий самым действенным

способом из всех возможных. Национальные кадры, выполняющие работу миссионеров и живущие у себя на родине, намного более эффективны, чем иностранные, с экономической точки зрения. Кроме того, они свободно владеют языком, им не приходится преодолевать культурных барьеров и им не чинят препятствий в "закрытых" странах. Обвинение ХНЕК в том, что эта организация не позволяет своим соотечественникам воспользоваться имеющейся финансовой помощью, является несправедливым, по словам работников ХНЕК. Большая часть денежной помощи ХНЕК идет на поддержку миссий, уже финансируемых национальными силами, как в случае с ФМБ, которое получает 80 процентов своих средств от пожертвований филиппинцев. Многие миссионерские агентства под руководством национальных лидеров возражают против внешней поддержки и поэтому отказываются принимать какие-либо деньги от Запада. Одной подобной организацией является "Молитвенная группа друзей миссионеров Индии". Под руководством Самьюэла Камальсона (Samuel Kamaleson) и других лидеров МГДИ направила около четырехсот миссионеров в северные области Индии.

Еще одной миссионерской организацией третьего мира, о которой стоит упомянуть, является Евангельская миссионерская ассоциация для народов под руководством Обедо Альвареса (Obed Alvarez) из Перу, ставшего генеральным директором этой организации в возрасте двадцати одного года. Миссия была образована за тридцать лет до этого и "хромала на обе ноги" до того, как в 1979 г. за дело взялся Альварес. К 1983 г. в миссии насчитывалось более сотни миссионеров и она контролировала работу школы миссиологии, используя тесты, написанные самим Альваресом.

В то время как большинство традиционных миссионерских организаций работают в тесном контакте с национальными церквями, взаимоотношения между местными и западными миссионерами и церковными лидерами не являются легким вопросом. Желание христиан третьего мира избавиться от следов западной культуры и особенно от капиталистической идеологии, проникшей в веру, породило то, что считается самой тревожной теологической тенденцией сегодняшнего дня - а именно теологию освобождения. Одним из представителей этого нового движения является Густаво Гутьерес (Gustavo Gutierrez), перуанский священник, чье влияние ощущается не только в Латинской Америке, но и во всем третьем мире.

"Цель создания теологии освобождения, - пишет Джозеф Спинелла (Joseph Spinella), - освободить все человечество от тех преград, которые мешают людям создать совершенное гуманное общество. Людям советуют сотрудничать с Богом в историческом процессе освобождения мира. Согласно Гутьересу, все, что сопротивляется или подрывает это движение, есть грех... Спасение заключается в стремлении любить своего ближнего и бороться против угнетения, если нужно, через революцию".

Тогда как концепции теологии освобождения и задачи, поставленные синкретизмом (сочетание нехристианских религиозных верований с христианством) вообще, представляют различные проблемы для миссионеров и миссиологов начиная с 1980-х гг., основным направлением деятельности миссионерских обществ третьего мира остается проповедь Евангелия, основанная на библейской Благой вести. Некоторые из наиболее известных и активных миссионерских деятелей земли сегодня принадлежат нациям третьего мира, и будущее всемирного благовестия во многом зависит от их методов и идей.

Рочунга Пудейте

Одним из наиболее уважаемых и влиятельных миссионерских деятелей третьего мира, обретшим мировую известность, является Рочунга Пудейте (Rochunga Pudaite), чье влияние на перевод Библии и ее распространение было огромным. Его озабоченность судьбой родного племени кхмеров и задача всемирного благовестия вели его трудным и не всегда благодарным путем из отдаленной деревни в джунглях северо-восточной Индии до Итона, штата Иллинойс, где разместился штаб его миссии, Библии для мира. "Его личная история, - пишет Пэт Бун (Pat Boone), - одна из самых волнующих и сердечных, какую кто-либо слышал", "которую можно добавить как приложение к Книге Деяний".

Ро Пудейте родился в Сенвоне, индийской деревушке в Манипуре, вблизи от бирманской границы. Эта местность находилась так далеко от центрального правительства в Нью-Дели, что даже не входила в список для официальной переписи населения, и в ней не существовало ни правительственных школ, ни почты до тех пор, пока Ро, молодой человек, не привлек к этому вопросу внимание Неру. Его ранние воспоминания относятся к пятилетнему возрасту. В те далекие дни 1932 г. его словно бы вырвали с корнем из знакомой обстановки и вместе с родителями заставили переехать в деревню в трех днях пути от старого места жительства. Его мать заболела, друзья и родственники протестовали, но отец был непоколебим. Его призвал Бог. Ему нелегко оказалось расстаться с надежной жизнью пастора деревенской церкви, но он чувствовал, что должен так поступить. Кто еще принесет Евангелие народу Phulpui, если он откажется идти? Хотя ему не доставало образования, Чонга (Chawnga) был горячим оратором и хорошо подходил для работы проповедником-первопроходцем. За несколько месяцев жизни на новом месте он образовал значительный приход и начал переходить из деревни в деревню, делясь благове-стием, куда бы ни шел.

Чонга был обращен в возрасте пятнадцати лет через служение уэльсского миссионера Уоткина Робертса (Watkin Roberts), чье пребывание в Сенвоне было недолгим, потому что правительственные чиновники велели ему уехать. Молодой Чонга испытал тогда острое разочарование, но он быстро нашел выход из этой ситуации. Если миссионер не мог приехать к нему, он сам пойдет к миссионеру. Он прошел сотни миль, далеко за пределы обитания племени кхмеров, туда, где смог выучиться читать и изучать Библию со своим другом и духовным отцом. Затем он вернулся, чтобы остаток жизни посвятить благовестию среди собственного народа. Менее чем за пятьдесят лет 80 процентов племени кхмеров, рассыпанные по территории в четыре тысячи квадратных миль, стали исповедовать христианскую веру, благодаря преданности Чонги и других местных проповедников и пасторов.

Ро исполнилось всего десять лет, когда отец отвел его однажды в сторонку и торжественно начал разговор об огромной нужде христиан-кхмеров. Чонга постарался убедить сына учиться дальше и перевести Библию на язык своего народа. Ро не понадобилось много времени, чтобы догадаться, что имел в виду отец. Это значило отправиться на долгий срок в школу и жить в чужой обстановке. Сначала он испугался, но затем понял, что такая возможность была действительно редкой для молодого человека из племени кхмеров.

Путешествие в девяносто шесть миль через джунгли показалось бесконечным, но все же через шесть дней трудного пути Ро с отцом прибыли в миссионерскую школу в Чурачандпур. Это был интернат, и большинство мальчиков жили в интернате. Но такая роскошь была не по карману бедной семье Ро. За привилегию посещения миссионерской школы, за стол и кров он должен был работать - и он доил по тридцать пять коров каждое утро и вечер, пропалывал сад и помогал по хозяйству. Времени ни на футбол, ни на другие развлечения не оставалось, его едва хватало на учебу. Учился он с трудом, потому что каждый предмет преподавался разными местными учителями, каждый на собственном диалекте учителя, и он часто сомневался, сможет ли закончить хотя бы первый семестр.

Несмотря на все препятствия, Ро быстро продемонстрировал качества лидера, и его выбрали главой инициативной группы молодых христиан. Он принял эту должность с энтузиазмом и, проявив необычную для своего возраста зрелость, создал на основе этой группы команду свидетельства, чтобы вести проповедь Евангелия в соседних деревнях - следуя примеру своего отца.

Хотя Ро добился в этом деле больших успехов, его радость омрачилась сложностями, в немалой степени происходившими из-за попыток овладеть английским языком, полным совершенных несообразностей. Если когда-нибудь начинающий миссионер и боролся изо всех сил с невозможным иностранным языком, то это был Ро. И все же он знал, что без английского его будущее служение окажется серьезно ограниченным. Он тратил долгие часы на изучение языка, "борясь, пока мозг не начинал болеть", но, казалось, совсем не продвигался вперед.

Только пережив унижение из-за незнания английского, он начал его одолевать. Его попросили помолиться на английском языке на общем молитвенном собрании. "Он поднялся, весь дрожа. "Отче наш...", - начал он и понял, что в голове полная пустота. Он не мог вспомнить ни единого английского слова. Он стоял в неловкой тишине,

вцепившись мертвой хваткой в спинку стула перед собой. Он слышал, как его товарищи начали хихикать. Через несколько минут мучительной тишины руководитель громко сказал "Аминь".

Ро стало так стыдно за себя, что после собрания он побежал к своей кровати в спальне. Он спрятался под одеяло и плакал в подушку, думая только о побеге, чтобы больше не встречаться с одноклассниками. Однако к рассвету муки прекратились, а молитвы к Богу принесли "сладкое спокойствие", и он принял решение выиграть битву. Закончив свои ежедневные дела, он пошел к миссионерскому дому и взял "Книгу общих молитв" и еще один молитвенник, оба на английском языке, и поклялся, что больше никогда не растеряется, если его попросят молиться. "За две недели он выучил почти все молитвы из этих книг. Английский язык, до того так трудно ему дававшийся, стал намного ближе и понятнее. Унижение, испытанное на молитвенном собрании, привело юношу к уверенной победе над барьером, который удерживал его от достижения поставленной цели".

Ро предстояло одолеть еще много вершин в период получения образования. После школы он поступил в колледж святого Павла в Калькутте. Конкурс оказался очень большим, и, хотя ему было уже за двадцать, Ро имел некоторые пробелы в образовании, совершенно естественные для ребенка из племени кхмеров. Когда вывесили результаты последних экзаменов, он обнаружил, что провалился - недоставало одного балла по одному предмету, и это оттягивало поступление в колледж и означало еще дополнительный год подготовки.

Несмотря на все неудачи, Ро никогда не отступал от цели перевода Библии на язык кхмеров. Ничто, поклялся он, не отвлечет его от этого замысла. Он начал эту работу, способную устроить любого, еще в годы обучения в колледже - выделяя на это драгоценное учебное время. Но были отвлекающие моменты, которые затрагивали будущее его племени. В результате встречи Ро с Неру племя было признано правительством Индии, а Ро назначили представителем племени с надеждой, что когда-нибудь его изберут в парламент. Это было время его высокой активности, и Ро получал огромное удовольствие от приобретенного признания и популярности. Однако в день празднования победы все изменилось. Ро получил телеграмму, которая заставила его по-новому взглянуть на свое будущее. Телеграмма была от человека, которого Ро никогда раньше не встречал - Уоткина Робертса, миссионера. Именно он когда-то привел его отца к Христу. В телеграмме Уоткин предлагал юноше получить библейское образование в Англии или Шотландии. Не принять новое назначение на родине оказалось трудно, но когда Ро встал, чтобы произнести речь с благодарностью за оказанную честь, вместо этого он отказался от нового избрания.

В Шотландии Ро не только изучал Библию, но и продолжал работу по переводу Нового Завета на кхмерский язык и договорился с Британским международным библейским обществом о его публикации, как только он будет закончен. Там Ро встретился с Билли Грэмом, предложившим ему продолжить образование в колледже Уитона. В том же году он отплыл в Америку. Привыкание к жизни в Америке и колледже Уитона, в частности, явилось в какой-то степени культурным шоком для Ро, но он быстро нашел новых друзей. Среди них были влиятельные христианские лидеры, такие, как Боб Пиерс (Bob Pierce) из "Мирового видения", Джон Д. Джесс (John D. Jess), работавший на христианском радио, и В. Реймонд Эдман, директор колледжа Уитона, увидевшие огромный потенциал в этом пылком молодом индийце.

Пока Ро учился в колледже Уитона и заканчивал работу над переводом Нового Завета на кхмерский язык, он в то же время раздумывал над предложением Уоткина Робертса, уговаривавшего его взять на себя руководство Индо-Бирманской исследовательской миссией, которую он основал за несколько лет до этого. Хотя Ро чувствовал свой долг перед Робертсом, предложение ему совсем не нравилось. Миссия не имела "ни имущества, ни денег, ни Совета, ни грамотных сотрудников, ни даже списка адресов". Все, чем обладала миссия, это "группа местных работников, которые любили Господа и хотели служить Ему, и еще старик по другую сторону света, писавший им одобрительные письма". И все же Ро не посмел отказать человеку, который отдал столько сил кхмерскому народу.

В 1958 г., завершив перевод Нового Завета, Ро стал президентом Индо-Бирманской исследовательской миссии. В Совет ее директоров входило несколько известных христианских лидеров, стремившихся помочь ему расширить деятельность миссии. Ро

приехал в Индию и менее чем за год организовал в девяти деревнях школы для детей и христианскую высшую школу. Затем он вернулся в Соединенные Штаты с женой Мауи, чтобы продолжить свое образование и собрать деньги для деятельности миссии. В Индии же в это время получили первый груз, состоявший из десяти тысяч экземпляров Нового Завета на кхмерском языке, и за полгода распродали все.

Десятилетие 1960-х оказалось заполненным событиями для Ро и его миссии. Пожертвования достигли более двухсот тысяч долларов в год, а работа в Индии росла и процветала. К 1970 г. там было около 350 национальных миссий, 65 деревенских школ, высшая школа и больница. Однако будущее не представлялось в радужных тонах. В некогда спокойном племени кхмеров всюду бурлили коммунистические настроения, и их влияние на молодежь кхмеров представляло собой прямую угрозу племени и будущему христианства. И опять люди призвали Ро к руководству, прося его вернуться и выставить свою кандидатуру в парламент. Его уверили и в мощной поддержке, и в легкой победе над коммунистами.

Предложение было слишком заманчивым, и Ро не отверг его. Несмотря на возражения Мауи, он запланировал полет так, чтобы быть в Нью-Дели за два дня до последнего срока. Самолет вылетел вовремя, но погодные условия задержали его по пути, и самолет приземлился в аэропорту Нью-Дели на пятнадцать минут позже последнего срока. Для Ро такой поворот событий явился острым разочарованием, но он решил не упускать возможности поработать на родине. Он окунулся в кампанию по благовестию, уже запланированную руководителями церкви кхмеров, и многие люди повернулись к христианству, несмотря на угрозы, преследования, непонимание и отвержение семьи.

Самым большим вознаграждением для участников кампании было видеть обращение мусульманского ученого - переживание, оказавшее глубокое воздействие на Ро

До того момента его заботила только судьба племени кхмеров и окружающих их народностей, но теперь он стал думать в масштабах всего мира. Однако охватить весь мир казалось невозможным. Для того чтобы просто поделиться Благой вестью с каждым в Индии понадобилось бы создать команду в тысячу миссионеров и предоставить им тысячу лет, чтобы выполнить поставленную задачу. Необходимо было найти какой-то более эффективный путь. Он начал молиться в поисках решения и во время молитвы пришел ответ - возможно, несколько необычным образом. В голове беспрестанно звучали слова из телефонной рекламы - "Пусть работают ваши пальцы". Не в состоянии сконцентрироваться, он прекратил молитву. Когда он встал с колен, его взгляд упал на два телефонных справочника, лежавших на столе. Вдруг он все ясно увидел. В этих книгах перечислялись имена и адреса всех жителей Калькутты и Нью-Дели, достаточно богатых, чтобы иметь телефон - самых образованных, высокопоставленных и влиятельных людей, - тех самых, кого он хотел охватить благовестием.

Отправка Нового Завета телефонным абонентам и стала тем самым евангелизационным методом, который искал Ро. Он связался с Кеннетом Тейлором, чья "Живая Библия" стала бестселлером, и договорился получить все необходимые ему копии без выплаты отчислений автору. Всемирная лига домашней Библии согласилась напечатать ее. После достигнутых договоренностей в 1971 г. на свет появилась организация "Библии для мира". Миссионерская работа в племени кхмеров продолжалась, но уже как один из аспектов нового международного движения.

На первых страницах Нового Завета, отпечатанных для распространения по адресам, имелось свидетельство Ро и его адрес в Нью-Дели. Скоро, после первой же отправки, письма потекли к нему потоками. На первые пятьдесят тысяч экземпляров отправленных Библий откликнулось более двадцати тысяч человек. Впервые многие индийцы, мусульмане и сикхи, увидели и смогли прочитать Библию, и они хотели знать о ней еще больше, желая найти там ответы на конкретные вопросы.

Охватить телефонных абонентов в одной только Индии само по себе явилось монументальной задачей, но скоро Ро стал подумывать о таких странах, как Бирма, Таиланд, Шри-Ланка, и обо всех пятистах миллионах телефонных абонентов во всем мире. Отправка по почте Нового Завета и ответы на возникающие у адресатов вопросы открыли новые возможности распространения Благой вести. Когда Ро вернулся в Индию и объявил о встрече, аудитория заполнилась за час до начала, и сотни людей собрались на улице, чтобы узнать как можно больше о том, как стать христианином. Так начала исполняться мечта одного человека охватить весь мир ради Христа.

Фесто Кивенджере

Одним из самых знаменитых африканцев, сыгравших руководящую роль в мире благовести, был Фесто Кивенджере (Festo Kivengere), англиканский епископ из Уганды. Он обратился к Христу в результате великого восточно-африканского пробуждения, привнеся в свою веру пленяющую духовную живость, посвятив всю жизнь путешествиям по разным странам мира с проповедью Евангелия. Его деятельность пришлось на период 1930-х гг., когда западные нации боролись против парализующей экономической депрессии, когда факелы пробуждения зажигались в Восточной Африке. Это было началом "одного из величайших движений Святого Духа в XX в." Пробуждение мгновенно распространилось среди африканцев и более сорока лет оно продолжалось и обновлялось. По словам Фесто, это стало силой, подчинявшей себе всех вокруг. "Неграмотные люди... родившись заново... начинали цитировать библейские стихи, не имея Библии, затем вставали и проповедовали... Они пробуждали сотни и тысячи людей..."

Фесто обратился в первые годы пробуждения, и его духовные искания проходили параллельно с продолжительным пробуждением последовавших десятилетий. Он родился в Кигези, Уганда, и в детстве вместе с семьей поклонялся племенным богам. В возрасте около десяти лет он познакомился с христианством. В Кигези пришел африканский проповедник и рассказал о Христе и Его любви к каждому отдельному человеку. Это стало открытием для Фесто - почти недоступным для понимания. Он хотел узнать об этой вере больше, поэтому начал читать учебник для начинающих по Евангелию от Луки. Он искал нечто более осмысленное, чем племенные боги, что-то типа того, чего "его отец... никогда не находил". Поиски закончились несколько лет спустя, во время учебы в интернате, и тогда он посвятил свою жизнь Христу".

В этот период волна пробуждения из Восточной Африки захлестнула Уганду и Кению, Танзанию, Заир и другие соседние страны. Фесто стал участником деятельности по благовестию, активно работая как мирянин. Он пять лет преподавал в школе своей родной деревни, где основной его заботой стало удовлетворение духовных нужд людей. Шло время, и его стремление и желание охватить благовестием не только собственный народ становились все более и более настоятельными. Он и его молодая жена Мера "почувствовали Божий призыв отправиться в Танзанию миссионерами".

Начатое в конце 1950-х гг., евангелическое служение Фесто приобрело впоследствии международный масштаб. После проповеднической поездки по Австралии некоторое время он служил переводчиком у Билли Грэма, а затем ездил по всему миру, встречаясь с религиозными руководителями и обращаясь к толпам людей, число которых доходило до нескольких тысяч. Озабоченность этого человека нуждами Африки не уменьшилась, и он стал влиятельной фигурой, стоявшей за Африканским предприятием, евангельской командой, сходной с командой Билли Грэма. Деятельность его организации направлялась на сохранение темпов продолжавшегося восточно-африканского пробуждения.

Участие Фесто в движении пробуждения не всегда хорошо принималось его коллегами по церковной работе в Уганде. Англиканское священство по большей части скептически относилось к тому, что оно считало эмоциональным фанатизмом, и никто из высших руководителей в первые годы не участвовал в этом движении. Вместе с большей частью пасторов они "оставались совершенно бесстрастными", противодействуя любым признакам религиозного "энтузиазма".

Служа миссионером в Танзании, Фесто много раз подвергался насмешкам и оскорблениям со стороны церковных лидеров. Позднее он вспоминал, как однажды "африканский пастор встал в соборе в воскресенье, когда церковь была полна народу и сказал: "А теперь послушайте, что я скажу вам о некоторых чужаках, которые недавно приехали к нам сюда. Они говорят громкие слова о спасении, но это волки в овечьей шкуре. Остерегайтесь их"". Фесто и его коллеги, однако, не испугались, и их настойчивость была вознаграждена. Несколько месяцев спустя этот самый пастор "стоял перед своим приходом... со слезами, катившимися по лицу. Он говорил своей пастве: "Месяцы назад я предупреждал, что если кто-то из вас испытает такое спасение, о котором они говорили, я отлучу вас. Я сам спасен. Можете отлучить меня, если хотите"". "

Однако не все англиканские священники так легко становились союзниками евангельского христианства. Они вполне были довольны существующим формализмом и провозглашаемым символом веры и неохотно шли на какую бы то ни было связь с движением, которое иногда вырывалось из-под контроля. "У нас есть свои крайности, - признавал Фесто. - Бывало всякое: откровения, видения по ночам, убеждение в грехе, но никто и никогда не ставил все это превыше Христа распятого и живущего среди нас". Перед Фесто стояла задача не допускать крайностей и держать пробуждение под контролем, в то же время охватывая руководителей церквей и приводя их к живой и теплой вере в Христа. Задача оказалась не из легких, но к 1976 г. он мог с уверенностью сказать, что "более 85 процентов священников знают Иисуса Христа как своего Спасителя, как и все наши епископы".

К тому времени Фесто сам был посвящен в епископы, а церковь в Уганде вступила в самый болезненный период испытаний и преследований.

В январе 1971 г., почти за два года до епископства Фесто в собственной епархии в Кигези, Иди Амин посредством военного переворота стал новым президентом Уганды. Многих угандийцев вначале взволновали перспективы перемен, но очень скоро возбуждение пошло на убыль. "Не прошло и трех месяцев, - писал Фесто, - как мы поняли, что военные получили неограниченную власть арестовывать и казнить на месте любого, кто казался им угрозой режиму".

Скоро Уганду парализовала атмосфера страха и террора. Все, включая церковных лидеров, кто поднимал голос против режима, считались врагами народа и государства, и даже свидетельство о своей вере другим людям рассматривалось с подозрением. Не время и не место было следовать христианским принципам. И все же "по мере увеличения опасности и тревоги проявления духовного роста становились все глубже... Людей охватило глубокое раскаяние пред Богом и желание примирения с братьями... По всей Уганде, как в городах, так и в деревнях люди черпали силы от Бога..."

Именно в этот момент испытаний в Уганде Фесто был посвящен в епископы в соборе святого Петра в Кампале. Этот день памятен не только для него и его семьи, но и для тысяч угандийских христиан. Он занял место англичанина на этом посту, позволив, таким образом, епархии Кигези иметь собственного африканского епископа. Церемония, известная как "возведение на престол", требовала специального облачения и особой литургии и, по словам Фесто, "могла создать атмосферу возвышенного и беспристрастного действия", но он повел церемонию самым смиренным образом и направил, тем самым, сопровождавшее ее низкопоклонство в нужное русло. Он процитировал слова своего друга, Иохану Омари (Yohana Omari), первого африканского епископа в Танзании: "Я хочу стать маленьким осликом, которого выбрал наш Господь, чтобы въехать в Иерусалим. Они возложили на него свои одежды и приветствовали радостными криками, но все восклицания были обращены к Господу, которого он вез". Несмотря на то что в Уганде не прекращались политические беспорядки и жестокости военных, годы, последовавшие после возведения Фесто в сан епископа, явились временем расширения движения пробуждения в Восточной Африке. Только в его епархии в 1976 г. было больше конфирмации, примерно около тридцати тысяч, чем во всей епископальной деноминации в Соединенных Штатах за тот же год. По всей Уганде церкви переполняли люди, искавшие убежища и утешения в Христе, когда вокруг царил атмосфера террора и насилия.

Множество актов политического террора в эти годы направлялось против христиан, в то время как мусульманам оказывались особые почести. Оскорблениям, как изустным, так и физическим, в большей степени подвергались священники. Их обвиняли во вмешательстве в государственные дела и проповеди кровопролития, и жизнь их часто оказывалась в опасности. "То были... дни страха, тревог, мук и смерти", - вспоминал позднее Фесто. "В тот год до Лондона неоднократно доходили слухи, что меня арестовали и убили". Несколько месяцев спустя он написал друзьям в Америке о положении на любимой родине: "Здесь, в Норвегии, я все еще продолжаю выступать на встречах, прежде чем мы с женой вернемся в нашу "истекающую кровью Уганду". Как раз сейчас я слушаю новости, и они действительно кровавые. Покушение на жизнь Амина на прошлой неделе потерпело провал, десять человек погибли. Теперь начались акты возмездия и кровавые чистки. Уже тысячи человек убиты и сотни находятся в камерах пыток. Поэтому молитесь, чтобы Господь избавил эту обескровленную страну от террора ее настоящего режима".

Военные преследования гражданских лиц коснулись самого Фесто, когда его дочь Чарити вместе с двумя сотнями других студентов университета подверглась физическому оскорблению во время утреннего нападения военных на общежития в студенческом городке, а затем была арестована и брошена в военную тюрьму. В центре этого кромешного ада Чарити и другие христиане молились, и вскоре на испуганных студентов снизошло спокойствие. Позже в тот же день их освободили и отправили обратно в городок, и весь этот кошмар прекратился.

Вскоре после этого случая в университете в армии произошло восстание, быстро и жестоко подавленное. Зачинщиков казнили, но этого показалось недостаточно. По приказу Амина, которого журнал "Тайм" сурово осудил как "дикаря из Африки", были уничтожены тысячи гражданских и военных лиц. Любой, кто сказал хоть слово против режима, считался предателем. В это самое время Фесто попросили выступить с речью при посвящении другого епископа. Там, перед тридцатитысячной аудиторией, смелый молодой епископ сказал то, что думал. Он отважно напомнил правительственным чиновникам (многие из которых присутствовали на церемонии) об их страшной ответственности перед Богом: "Многие из вас злоупотребляли своей властью, беря все силой, слишком часто пользуясь силой. Иисус Христос использовал Свою власть, чтобы дать спасение людям - а как вы используете свою власть? Если вы употребляете власть, данную вам Богом, во зло, Бог будет судить вас, потому что Он дал вам эту власть".

Многие боялись, что после такой речи никто и никогда больше не услышит Фесто. Но, может быть, чтобы не делать возмездие слишком очевидным, власти повременили с уничтожением человека, имевшего международное признание. По прошествии более чем двух недель арестовали его непосредственного руководителя, архиепископа Джанани Лувума (Janani Luwum). Лувум был разбужен в 1:30 ночи солдатами, обыскивавшими дом в попытке найти доказательства его якобы подрывной деятельности. Неделью спустя Лувума вызвали в правительство в Энтеббе. Здесь ему предъявили официальное обвинение в подрывной деятельности и контрабанде оружия, а государственная служба новостей объявила о его аресте. На следующее утро газеты сообщили, что Лувум и еще два христианина-министра погибли в автомобильной катастрофе, случившейся в тот момент, когда один из министров кабинета попытался напасть на водителя.

Истинное же происшествие оказалось кровавой историей ужасов, пыток и смерти - что убедило Фесто, что ему пора спасаться бегством. Его дом находился под наблюдением, и распространились слухи, что следующим в списке жертв значилось его имя. Поэтому в ночь на 19 февраля 1977 г. они с женой Мерой бежали через угандийскую границу в Руанду. Это было страшное путешествие: "Когда мы вышли в ночь, нашим покрывалом стала тьма... Мы заблудились в горах и блуждали два с половиной часа, идя по тропинке, едва избегая свалиться в пропасть... Каждый шаг казался чудом благодати, особенно в последнем подъеме на гору. У Меры был бронхит, поднялась температура, и она сильно кашляла. Иногда я боялся, что мы не справимся. Мы лезли вверх некоторое время, затем отдыхали и молились и снова карабкались вверх... Мы достигли вершины на рассвете... Мы были за границей! В изнеможении и в восторге мы... сели... и начали благодарить Бога".

О благополучном побеге Фесто узнали христиане в Уганде и во всем мире, и скоро он стал самым выдающимся изгнанником, смело осуждавшим угандийский режим. Пробыв два года в изгнании, в то время когда его страна билась в кровопролитной войне против Амина, Фесто вернулся на родину. В аэропорту его встречала ликующая толпа, но радость встречи омрачалась очевидной реальностью опустошения. Восемилетний режим террора стоил жизни полумиллиону людей (в основном христиан) и обескровил страну не только в экономическом отношении, но духовно и морально. Необходимо было возродить родину. Фесто работал в тесном сотрудничестве с Африканским предприятием, организуя помощь населению. В последующие годы, когда в стране начался сильнейший голод, он находился в первых рядах тех, кто помогал голодающим. Несмотря на то что работа по оказанию помощи отнимала много сил, основной обязанностью Фесто оставалось духовное возрождение общества. Своей главной задачей он считал сохранение духа восточно-африканского пробуждения. В 1982 г., почти через три года после возвращения, он сообщил об "огромном подъеме духовного интереса", происшедшем в Уганде. В предыдущий год только в его епархии прибавилось четырнадцать новых приходов. "Церковь, - по словам Майкла Кассиди

(Michael Cassidy), - является единственным учреждением, которое вышло из эры Амина укрепившимся и усилившимся, а не ослабленным", и она стала "ключевым фактором... в восстановлении и возрождении нации в целом".

Луис Палау

Одним из наиболее замечательных миссионеров-проповедников в сегодняшнем мире является Луис Палау (Luis Palau), аргентинец, который, по имеющимся подсчетам, проповедовал тремстам миллионам людей в сорока различных странах. Палау часто называют "Билли Грэмом из Латинской Америки" и, как и Грэм, он служит с евангельской командой, используя радио, телевидение и публичные выступления. Его влияние в Латинской Америке огромно. В 1975 г., во время двухмесячной насыщенной кампании с использованием средств массовой информации, около одной трети населения этой части мира услышали евангельскую весть в одном или нескольких его выступлениях. Главной целью его жизни является превращение евангельской веры в основную религию трех латиноамериканских республик - монументальная задача в свете мощного католического влияния на Латинскую Америку, но она может быть выполнена в рамках быстро растущей христианской церкви, процветанию которой Палау способствует своей деятельностью.

Палау родился в Аргентине в 1934 г. и воспитывался в христианской семье. Его родители обратились через служение Братского миссионера из Англии по имени Чарлз Роджерс (Charles Rogers). Благодаря таким взаимоотношениям, миссионерский дух стал неотъемлемой частью дома Палау. С раннего детства мать Луиса читала ему рассказы о миссионерах и вложила в сознание мальчика мысль о крайней необходимости всемирного благовестия.

Палау обратился в летнем миссионерском лагере, который организовали англиканские миссионеры, но в подростковом возрасте он отвернулся от церкви и увлекся прелестями "суетного мира". Затем, как раз накануне Масличной недели в 1951 г., он испытал своеобразное очищение и посвятил свою жизнь служению Господу. "Я купил себе новую Библию и начал ходить в церковь. Я уехал в другой город и начал воистину новую жизнь. Я разбил свою курительную трубку, порвал удостоверение члена университетского клуба, избавился от машины, футбольных журналов, пластинок Элвиса Пресли и всего остального. Я... по-настоящему стал изучать Библию и часами в молитве стоял на коленях". Каждый четверг вечером проходило "молитвенное евангельское собрание" в Братской церкви, и церковные лидеры быстро вовлекли в это служение Луиса. "В целях нашей подготовки к работе руководители давали нам возможность проповедовать. Затем они делали необходимые замечания и предлагали свои советы. Я не знаю, как паства выносила все это, но они терпели. Это была очень хорошая практика, хотя мы никогда не приглашали присутствовавших принять Христа". Первый год Палау принял участие в личном благовестии по подсказке миссионеров, которые работали с детьми. С их помощью он начал работу с классом двенадцатилетних мальчиков и впервые ощутил вкус спасения душ, когда двое из них стали христианами. "Я испытал сильное волнение. Я чувствовал необычайное стремление повторять это снова и снова. Именно тогда я подумал: "Вот это да, это просто здорово! Именно этим я хочу заниматься всю свою жизнь"".

Однако с евангельской работой как основным видом деятельности пришлось подождать. После смерти отца возникли материальные трудности, и ему выпало заботиться о матери и пяти младших сестрах. Он пошел работать в банк, и работа занимала основную часть его времени несколько последующих лет. Но даже в этот период Палау активно участвовал в проповеди Евангелия. Вместе с двумя другими молодыми людьми он готовил короткие ежедневные радиопередачи, а затем купил палатку и стал проводить в ней собрания. "Очень интересно, - вспоминал он позднее, - что, хотя мне нравилось проповедовать и я чувствовал желание приглашать людей повернуться к Христу, проповедником считался мой друг. Люди говорили, что из нас получается отличная команда и что я должен стать библейским учителем, а он - проповедником. Так и было какое-то время".

Ключевым элементом в раннем евангельском устремлении молодого человека была молитва. Палау с другом встречались на молитву каждое утро в 5 часов, а по пятницам проводили "всю ночь в молитве". Скоро Палау понял, что он попался в ловушку

соблюдения внешних ритуалов поклонения Богу: "Наши встречи для изучения Библии, и молитвы, и работа превратились в постоянный цикл. Мы были полны угрюмой решимости продолжать в том же духе". Несмотря на все внешние признаки духовности, внутри сквозила "монументальная пустота". Временами он чувствовал, что готов сдаться, но поклялся, что не позволит "поискам" "своей собственной свободы помешать Божьей любви и спасению людей, находящихся в большей нужде..." Высочайшим моментом в его проповедях Евангелия стало свидетельство взрослого человека, обратившегося через его проповедь, но все же он испытывал "ужасные взлеты и падения".

Продолжая непрофессиональное благовествование, Палау понял, что с философской точки зрения он все дальше и дальше отходил от людей, с которыми поначалу был так тесно связан. Он во многом находил их восприятие слишком узким - в том, в частности, что они подчеркивали собственную отделенность вплоть до отказа сотрудничать с другими евангельскими христианскими группами. По поводу массового благовестия он также сталкивался с серьезным различием во взглядах: "Братья с большим трудом принимали концепцию массового благовестия... и не верили в алтарные призывы".

Палау, с другой стороны, находился под сильным влиянием служения Билли Грэма и примеров жизни Уэсли, Уайтфилда, Финни, Мооди и Санди. "В результате чтения и молитв у меня появилась мечта охватить для Христа всю огромную Латинскую Америку... История показывает, что многомиллионная нация не может быть обращена благовестием одного проповедника один на один, потому что цепочка прерывается... Нацию не изменить робкими методами".

Мечта Палау стать великим проповедником не могла осуществиться из-за продолжавшейся работы в банке, но эта отсрочка позволила ему тщательно исследовать причины, породившие возникновение заветной мечты. Он начал представлять "стадионы с огромными толпами людей". "Было ли то плодом моего воображения, подсказывающего, что я хочу стать знаменитым проповедником?" "Нет, - рассуждает Палау, - Господь положил мне на сердце то, что Он собирался сделать со мной". Он принял близко к сердцу библейское утверждение о том, что он эгоистическим образом сконцентрирован на себе, но не испугался этого. "Я не собираюсь проводить всю жизнь, стуча кулаком в грудь и в поисках своей души, - писал он. - Но я прошу моего Господа: "Если я выйду из-под контроля или если я встану на пути Твоей высшей славы, пожалуйста, прегради мне путь". И я получил совершенное убеждение, что Он это сделает".

Преградой, мешавшей осуществиться его мечте об участии в проповеди Евангелия Латинской Америке в "массовом масштабе", стала не только работа в банке. Были и другие проблемы: "Я не имел ни связей, ни денег; вряд ли кто-нибудь за пределами Кордовы знал, кто я такой". И все же он продолжал проповедовать каждый раз, когда возникала такая возможность, а его мать убеждала сына бросить работу в банке и посвятить все свое время делу организации церквей. Но он оставил свою должность в банке, дававшую ему гарантию материального обеспечения своей семьи, только когда встретил миссионера, представителя общества "Евангелизация за рубежом", и когда его попросили работать с этой организацией.

Работа Палау с "Евангелизацией за рубежом" временно прервалась в 1960 г., когда Рей Стэдман (Ray Stedman), калифорнийский пастор, пригласил его приехать в Соединенные Штаты для изучения Библии. Он поступил в Библейскую школу Малтнома в Портленде, где получил христианское образование и обрел американскую невесту, Пэт Скоуфилд (Pat Scofield). Именно в Малтноме "годы поисков" Палау подошли к концу. Момент потрясения и прозрения наступил во время короткого богослужения, завершившегося призывом из Гал. 2:20. Это явилось "полным освобождением", потому что его "величайшая духовная борьба, наконец, окончилась". "Я убежал к себе в комнату весь в слезах, упал на колени у кровати. Я молился на родном испанском языке: "Господи, теперь я обрел это... Не то, что я хочу сделать для Тебя, но, скорее, что Ты хочешь сделать через меня"".

После обучения в Малтноме Палау с невестой уехали в Детройт для прохождения миссионерской стажировки с целью подготовки к служению в евангелизационных кампаниях в Колумбии. До начала сбора пожертвований на свою деятельность они два месяца участвовали в кампании Билли Грэма во Фресно, штат Калифорния, где Луис служил испанским переводчиком Грэма. После поездок по сбору денег они отправились

в Коста-Рику, где Пэт занималась языком, а в 1964 г. уехали в Колумбию как миссионеры.

Хотя Палау понимал, что от него "ждали обычной миссионерской работы по подготовке местных кадров для дальнейшей работы по благовествованию и организации церквей", он рассматривал свое служение, как "хорошую тренировку и трамплин для будущих массовых кампаний". Его первая работа заключалась в привлечении к евангелизационной деятельности поместных церквей, что было характерно для организации ЕР. Миряне проходили подготовку для дальнейшей проповеди Евангелия и организации церквей, поскольку именно на них возлагалась надежда, что затем они станут основным катализатором роста национальных церквей. Надеясь поддержать непрофессиональное благовестие, Палау вместе с другими миссионерами из ЕР проповедовал Евангелие прямо на улицах, но такой вид служения часто встречал сопротивление со стороны духовенства Римской католической церкви и правительственных чиновников. В 1965 г. Палау провел первую городскую кампанию по благовестию. Она прошла в крошечной пресвитерианской церкви - вряд ли можно было назвать происшедшее событие тем массовым благовествованием, о котором он мечтал.

После этой кампании Палау организовал телевизионную передачу из ВБИХ в Кито, Эквадор. Она оказалась уникальной задумкой, позволявшей людям звонить по телефону и получать консультацию в живом эфире, и телефонные линии были перегружены. Одна позвонившая молодая женщина рассказала, что является преданной марксисткой, активно участвующей в деятельности местной ячейки коммунистической партии. На следующее утро она встретила Палау лично и после долгой беседы и споров с ним увидела беспочвенность своих прежних позиций и доверилась Христу. Через ее свидетельство руководитель коммунистической партии начал изучать Библию, таким образом удалось предотвратить планируемую революцию. Телевизионная работа наряду с кампаниями по благовестию, которые Палау проводил в Колумбии, только повысили его желание посвятить всю свою жизнь проповеди Евангелия, охватывающей все население Латинской Америки. Его пылкое рвение, как он вспоминал позднее, притушили решения его руководителей: "Я думаю, что люди в ЕР сомневались, справлюсь ли я со славой, которая обязательно сопровождает успешного проповедника. Они опасались, что мой латиноамериканский темперамент не выдержит натиска того низкопоклонства, которое могло возникнуть в результате роста моей популярности"

В 1966 г. Палау начал подумывать о том, чтобы расстаться с ЕР и стать независимым проповедником, когда Дик Хиллис (Dick Hillis), основатель и директор ЕР, попросил его переехать в

Мексику и занять пост полевого директора, чтобы организовать команду по проповеди Евангелия для будущих кампаний. Прежде чем Палау решился на этот шаг, ему представилась возможность впервые провести большую кампанию. Она прошла в Боготе, Колумбия, на ней присутствовало около двадцати тысяч человек, и несколько сот из них приняли решение обратиться к Христу.

Палау приехал в Мексику только в 1968 г., а на следующий год с помощью двух других миссионеров ЕР он провел в этой стране четырнадцать кампаний. Все они отличались масштабностью, но самая крупная за девять дней привлекла более тридцати тысяч человек, и в результате около двух тысяч человек обратились к Христу. Время было волнующим, но наполненным трудностями и разочарованиями. Он испытал недостаток в деньгах, да и препятствия, чинимые правительством, часто приводили к неудачам. Большую кампанию по благовестию, запланированную для проведения на бейсбольном стадионе в Мехико, правительственные чиновники отменили в последнюю минуту.

Из Мехико Палау и его команда отправились в Сальвадор, Гондурас, Парагвай, Перу, Венесуэлу и другие латиноамериканские страны. Они организовывали кампании, длившиеся неделями, вовлекая в них до ста тысяч человек. Но учреждение церквей оставалось первостепенной задачей, и евангельские церкви росли повсюду, куда бы они ни приезжали.

В 1970-е гг. Палау расширял свою деятельность и продолжал сотрудничать с ЕР, а между 1976 и 1978 гг. был президентом этой организации. Занимать такую должность в миссии, расположенной в Северной Америке, было делом трудным и утомительным, и осенью 1978 г. он отказался от этого поста, основав собственную организацию,

Евангелизационную команду Луиса Палау. Хотя он продолжал тесно сотрудничать с ЕР, теперь он имел независимость и мог свободно проводить кампании на международном уровне, что приводило его в такие места, как Глазго, Шотландия и Мэдисон, штат Висконсин. Хотя он большую часть времени жил на родине в Латинской Америке, Палау больше не мог ограничивать свое служение рамками одного региона. Весь мир стал ареной его евангелизационной кампании.

Филипп Тенг

Огромной была цена за возможность ведения миссионерской работы в Китае, уплаченная иностранцами, начиная с несториан, после них - иезуитами и, наконец, протестантами. Буквально тысячи западных миссионеров многие века гибли мученической смертью или из-за болезней на китайской земле. Но когда Китай закрыл двери перед иностранными миссионерами в 1950 г., христианство все же не имело особого влияния на население страны и существовала серьезная угроза того, что перед лицом преследований вера иссякнет окончательно.

Насколько же неверными оказались эти зловещие предположения. К 1970-м гг. в Китае выросло поколение, отличавшееся от предыдущего, находившегося в строго охраняемой изоляции. Первые новости, пришедшие тогда из Китая на Запад, донесли радостную весть, что христианская церковь в Китае стала намного больше и крепче, чем можно было представить. В городах и деревнях по всей стране возникали домашние церкви (численностью от сорока до пятидесяти тысяч человек). К 1980 г. в Китае насчитывалось около пяти миллионов христиан - рост до пяти раз по сравнению со временем изгнания миссионеров из страны тридцать лет назад. (Некоторые подсчеты указывают цифры, во много раз превосходящие приведенные выше данные.)

Западные миссионеры оказали неоценимую услугу в организации церкви в Китае, но их изгнание побудило национальных лидеров заполнить брешь в церковном руководстве. Как раз это, видимо, стало необходимым условием превращения христианства в истинно китайскую веру. Теперь обвинения в колониализме и империализме перестали быть действенными. Христианство осталось в чистом виде без дополнительного багажа, который так часто привносился иностранными миссионерами.

Среди китайцев, находившихся вне Китайской Народной Республики все эти годы, также наблюдался соответствующий рост численности христиан, и здесь также выявились способные руководители из местных. В Гонконге Филипп Тенг (Philip Teng), пастор и учитель, убежденно говорил о том, что труд по проповеди Евангелия среди китайцев должны выполнять сами китайцы. В последующие годы Тенг стал одним из ведущих христианских миссиологов, доказавших на деле этот принцип.

К началу 1950-х, когда последние миссионеры покидали Китай, Тенг уже был хорошо известным человеком в христианских кругах Гонконга. Сын пресвитерианского священника и выпускник Эдинбургской школы, он считался популярным учителем Библии среди трехсот гонконгских церквей, а по будним дням посвящал свое время преподаванию в Объединенной библейской семинарии, Бетельской семинарии и Евангельском библейском институте свободной церкви. Именно в этот период его служение было необходимо в такой степени, что Тенг принял призыв из Объединенной церкви Норт-Пойнта, маленького прихода, образованного всего лишь пять лет тому назад. Человек, занимающий такое высокое положение, мог бы воспринять подобное приглашение как оскорбление, но Тенг увидел водительство Божье в решении, принятом этим приходом. Он отказался от работы в большой церкви, которая также рассчитывала на него, и принял приглашение маленькой церкви в Норт-Пойнте.

В первые годы служения Тенга церковь быстро росла, несмотря на явные недостатки в месторасположении - шестой этаж жилого дома. В 1968 г., через десять лет его пребывания там, приход переехал в новый храм на семьсот мест, который очень скоро стал заполняться во время его воскресных утренних богослужений. Церковь крепла, и служение Тенга продолжалось; он также ездил с евангелической миссией по всей Юго-Восточной Азии. Совершая подобные поездки, он все глубже ощущал необходимость для азиатов взять на себя бремя миссионерской работы. Тогда, в 1961 г., после Третьей азиатской конференции, он отозвался на призыв других делегатов стран третьего мира, активно участвовавших в миссионерской деятельности. Он вернулся домой, организовал в Объединенной церкви Норт-Пойнта ежегодные миссионерские

конференции и придумал торжественное обещание верности, побуждая других лидеров Объединенной церкви в Гонконге последовать его примеру. Он также основал миссионерский факультет в Объединенной библейской семинарии, и за последующие двадцать лет от Объединенных церквей в Гонконге в десятки различных стран отправились семьдесят пять миссионеров.

Став одним из ведущих миссионерских деятелей в Азии, Тенг не мог довольствоваться тем, что отсылает других миссионеров за рубеж, в то время как сам отсиживается дома. Он тоже мечтал оказаться на переднем крае миссионерской борьбы. И такая возможность представилась ему в 1977 г., когда он попросил свою церковь освободить его от исполнения обязанностей на год для миссионерского служения. Он устроил двух своих младших детей в миссионерскую детскую школу в Малайзии и отправился с женой в Индонезию, где они вместе служили сотням тысяч китайцев в Южном Борнео. Объединенная церковь в Норт-Пойнте без особого желания согласилась с тем, что их пастор станет иностранным миссионером, опасаясь, что с его отъездом численность церкви сократится. Однако церковь выросла к его возвращению, а его желание служить в Южном Борнео быстро передалось другим объединенным церквям. Они согласились оказать помощь в строительстве пяти новых церквей и Библейской школы для тех людей, которым он служил как миссионер, и другие христиане из Гонконга отправились туда служить миссионерами.

Вернувшись в Гонконг, Тенг продолжил пасторскую деятельность и учительское служение, а также взял на себя новые обязанности. Он стал президентом Объединенной библейской семинарии и Союза объединенных церквей и начал международное служение, неся миссионерское благовестие пяти различным континентам. Затем, в 1979 г., его избрали президентом Всемирного объединенного братства - достойная награда великому миссионерскому деятелю и свидетельство растущего доверия западной церкви руководству третьего мира.

Пол Йонги Чо

Самым быстрорастущим религиозным движением в сегодняшнем мире является евангельская церковь в Корее - церковь, поставившая перед собой цель к концу 1980-х гг. подготовить десять тысяч межнациональных миссионеров. "Каждый день в Южной Корее свои двери открывают в среднем десять новых протестантских церквей, принимая непрерывно растущий поток новообращенных". Подсчитано, что каждый год миллион жителей Кореи обращаются к Христу, и при таких темпах к концу этого века половина населения в Корее станет христианским.

Протестантская миссионерская работа в Корее всерьез началась в 1880-е гг. и почти сразу последовала отдача - в отличие от враждебного отношения, с которым столкнулись римские католики двадцать лет назад. Возможно, одной из причин такого успеха явилось использование протестантами корейского слова Hananim для обозначения Бога, когда они старались избежать употребления импортированного китайского термина, используемого католиками. "Выбор "Hananim", - по словам Дона Ричардсона, - подсказало протестантским миссиям в Корее само провидение! Свои пламенные проповеди в городах, поселках, деревнях и в сельской местности протестантские миссионеры начали с того, что приняли веру корейцев в Hananim. Строя свое благовестие на основе этого свидетельства, протестанты мастерски обезоружили естественную антипатию корейцев к поклонению какому-то чужому божеству".

Помимо использования собственного корейского определения Бога, миссионеры быстро поняли пользу дозволения иметь собственные церкви. В 1890 г. прибытие в Сеул Джона Л. Нивиеса (John L. Nevius), миссионера-ветерана пресвитерианской церкви из Китая, проложило дорогу миссионерской стратегии, которая вскоре стала характерной для корейских миссий вообще. Метод Нивиеса, призывавший к "самоуправлению, самофинансированию и самопропаганде" церкви, привел к развитию национального христианства, фактически свободного от внешнего влияния. Национальные кадры быстро взяли власть в церквях в свои руки, и сегодня, сто лет спустя, сами корейцы являются той силой, что стоит за феноменальным ростом церквей.

Две самые большие протестантские церкви в мире расположены в Сеуле, столице Кореи. Большая из них - Центральная церковь полного Евангелия, чей пастор, Пол

Йонги Чо (Paul Yonggi Cho), явился свидетелем зарождения в потрепанной палатке этой самой церкви, впоследствии выросшей в приход для более чем двухсот семидесяти тысяч человек. Штат церкви составляют более чем триста пасторов, в ней имеются главный зал и боковые часовни, в которых размещается до тридцати тысяч человек, и каждое воскресенье в ней проводится по семь богослужений. Помимо воздействия цифр, уникальное впечатление производит само служение Чо. Благовестие - всемирное благовестие - его всепоглощающая цель, и он страстно и активно проводит свою стратегию по всему миру.

Чо родился в буддистской семье в 1936 г. В это время Корея была оккупирована японцами. Мальчик рос болезненным: у него был туберкулез, и немногие верили, что он выживет. Его слабое физическое состояние привлекло внимание молодой христианки, которая стала навещать его; через ее горячую веру он был обращен. Почти сразу мальчик задумался над вопросом, как наилучшим образом служить Богу, и последующие годы стали подготовкой к его пожизненному христианскому служению.

В 1958 г., после окончания маленькой Библейской школы Ассамблей Бога, Чо организовал "палаточную церковь" на окраине Сеула. "С помощью своей будущей тещи, Джейшель Чой (Jashel Choi)... а позже и с помощью миссионера, Джона Херстона (John Hurston), пастор Чо, все еще страдая от туберкулеза, нес веру, надежду и исцеление своему растущему приходу, состоявшему из униженных и изможденных нищетой людей". За шесть лет церковь выросла до двух тысяч человек, но сам Чо находился на грани физического и нервного истощения.

Во время богослужения в 1964 г. он потерял сознание и не был уверен, сможет ли после этого вернуться к своему пасторскому служению. Как его хрупкое здоровье могло вынести все тяготы, сопряженные со служением такому большому приходу? Возвращение в церковь и выполнение традиционной роли главного пастора было сравнимо, по мнению Чо, с рытьем собственной могилы. Требовалось найти другое решение.

Именно во время выздоровления "Бог дал Чо совет, выраженный словами тестя Моисея в Исх. 18:13-26". Из этого отрывка он взял идею разделения церкви на маленькие ячейки, каждую из которых возглавит опытный служитель из мирян. Этот план был приведен в действие не без сопротивления церкви и членов Совета, но почти сразу начался быстрый рост церкви, и огромное бремя ответственности пастора за растущую паству лежало уже не только на плечах Чо.

Такая идея создания ячеек позволила Центральной церкви полного Евангелия сохранить атмосферу маленьких церквей, пользуясь в то же время преимуществами, которые могла предоставить только большая церковь. Несмотря на размеры церкви, членство в ней было привилегией, которую требовалось заслужить. Обращенные проходили трехмесячный испытательный срок, прежде чем их принимали в члены церкви. Но принимали их только на один год. Каждый год все повторялось снова, и неактивные члены лишались привилегии служения в церкви.

Рост Центральной церкви полного Евангелия, конечно же, не считался достижением одного только Чо. К 1982 г. было организовано почти сто "дочерних церквей". Однажды Чо послал пять тысяч, а в другой раз три тысячи из своих членов, чтобы начать работу по организации новой церкви. Но работа в Корее стала лишь первым шагом в программе всемирного благовестия Чо. Центральная церковь направила своих первых миссионеров в 1972 г., а в последующие десятилетия "более 100 миссионеров, получив семинарскую подготовку, отправлялись на служение" в Северную и Южную Америку, Европу и Азию, где организовывались Библейские школы для обучения новообращенных.

Каким бы впечатляющим ни оказалось прошедшее десятилетие миссионерской деятельности, Чо поставил целью многократный рост миссионерской армии в течение каждого последующего десятилетия. Он верил, что миссии являются первостепенной целью роста церкви, и считал, что именно его стратегия церковного роста лучше всего подходит для целей всемирного благовествования.

Для распространения стратегии церковного роста Чо основал организацию "Международный рост церкви". Последние несколько лет он много путешествовал, проводя семинары для десятков тысяч пасторов из сорока стран, вдохновенно призывая их использовать его принципы в деятельности собственных церквей.

Быстрый рост численности прихожан Центральной церкви породил трудности и проблемы. Другие пасторы, естественно, негодовали, когда почувствовали, что Чо захватил слишком большую власть. Подобные страсти кипели и в его собственной деноминации - Корейских Ассамблеях Бога. Лишь одна треть сотрудников КАБ состояла из членов Центральной церкви - фактор, который нарушал равновесие влияния Чо в деноминации. Возможно, именно поэтому в 1981 г. руководители КАБ обвинили Чо в ереси и попросили его подать в отставку.

Основным спорным вопросом явился корейский обычай почитания мертвых - старая проблема, подобная спорам о китайских традициях, бушевавших в Римской католической церкви более чем через столетие после смерти Риччи (см. гл. 2). Эту проблему католическая церковь разрешила в 1937 г., когда церковная верхушка прекратила свое долгое противостояние и позволила проводить церемонии почитания мертвых. Протестанты, однако, продолжали обходить стороной этот вопрос, хотя подобная практика была очень распространенным явлением среди корейского населения. Имеются сведения о том, что в Корее около 80 процентов христиан тайком проводят службу почитания мертвых.

Чо столкнулся с этой проблемой в 1979 г., когда один из членов его церкви, "обеспокоенный старший сын", пришел к нему "исповедоваться в том, что в первую годовщину смерти отца он, следуя традиции, повел свою многочисленную семью зажечь свечи и поклониться перед портретом покойного отца". Он предполагал, что за это будет исключен из членов церкви, но Чо только посоветовал ему не делать этого впредь, настаивая на том, что он нуждается "в церкви более, чем раньше".

Несколько месяцев спустя после этого случая Чо сам вынес этот вопрос в качестве примера в своей проповеди, придя к выводу, что почитание мертвых не равносильно поклонению мертвым. Такое заявление Чо лишь подлило масла в огонь праведного гнева его оппонентов. Чо позже отказался от своего утверждения, но разногласия стали настолько острыми, что он и его церковь, наконец, вышли из состава КАБ. И хотя методисты и баптисты приглашали его присоединиться к ним, Чо был убежден, что неконфессиональная позиция даст церкви наибольшие возможности для широкомасштабного служения.

Вопрос, который стоил такого напряжения сил лично для Чо и его прихода, показал настоятельную необходимость чуткого и внимательного отношения к специфическим нуждам азиатов и, кроме того, показал важность разрешения самими христианами третьего мира их собственных проблем. Чо критикует способы, коими западные миссионеры в прошлом проводили проповедь Евангелия за рубежом, хотя он с готовностью признает те проблемы, с которыми они сталкивались. Он признает культурные и философские трудности работы с азиатами. Более того, он верит, что "западные миссионеры иногда терпели провал, поскольку шли к высшим классам. Революция исходит от простого народа, и там же мы обретаем наших обращенных. Когда мы завоюем простых людей, высший класс будет вынужден слушать нас, потому что они приспособленцы... Сейчас в Азии наступило волнующее время".

Чо не стремится опровергнуть тот факт, что западные миссионеры сыграли значительную роль в азиатском благовестии, но он говорит от имени многих христианских лидеров третьего мира о необходимости стремления национальных организаторов охватить собственный народ, учитывая специфические реалии сегодняшнего дня. В то же самое время следует с максимальной эффективностью использовать и дальше силу и огромный опыт западных миссий. Будущее всемирного благовестия зависит во многом от международного сообщества миссионеров и миссиологов, способных активно сотрудничать друг с другом в достижении монументальной задачи охвата мира ради Христа.

Другой кореец, во многих аспектах даже более активный, чем Пол Чо в межнациональной миссионерской деятельности, - это Дейвид Чо, также пастор большой церкви в Сеуле. Помимо своих обязанностей пастора пресвитерианской церкви с двумя тысячами членов он активно работает с Корейской международной миссией и Ассоциацией азиатских миссий. Он является организатором общества Новые силы в азиатских миссиях и одним из ведущих азиатских миссиологов.

Глава 18. Новая стратегия и методы: устремляя взор в мир завтрашний

"Новый миссионер" - так называлась статья о мужчинах и женщинах, посвятивших свою жизнь несению христианства в самые отдаленные и бедные районы мира, появившаяся в журнале "Тайм" в 1982 г. Кто же этот "новый миссионер"? С точки зрения "Тайм", новый миссионер на самом деле не очень отличается от миссионеров прошлых поколений. Они объединены в веках жертвенной преданностью делу распространения Благой вести до края земли.

Однако все же существуют определенные различия между новыми и старыми миссионерами. "Новые миссионеры" - люди намного более искушенные, чем были "старые миссионеры" и, к тому же, более профессионально подкованные. Новых миссионеров все чаще заботят методология и принципы миссионерской стратегии, они лучше знакомы с проблемами роста населения и другой нужной им статистикой, стремятся использовать новейшие достижения техники и, как указал "Тайм", всегда стараются избежать любой тактики, которая бы связывала их с западным империализмом. Они изо всех сил пытаются сохранить яркие культурные традиции народа, которому служат, прежде считавшиеся нехристианскими.

Параллельно со становлением нового миссионера за последние десятилетия достигнуты значительные успехи в области развития миссиологии, что подтверждается появлением научных журналов, признанных миссионерских школ и впечатляющей деятельностью оперативной и тактической группы перспективно мыслящих миссиологов. Если раньше миссиологами называли горстку передовых директоров миссионерских советов, то сегодня этот термин применим к сотням профессионалов и специалистов, принимающих участие в разработке новых и надежных стратегий миссионерской деятельности. В 1970 г. еще не существовало Американского общества миссиологии, но десять лет спустя, через восемь лет после своего основания, оно уже насчитывало семьсот членов. Такие люди, как Дональд Макгавран (Donald McGavran) и Ральф Уинтер, внесли огромный вклад в область миссиологии, равно как и Питер Вагнер, проработавший шестнадцать лет миссионером в Боливии. Вагнер написал бесчисленное количество книг о миссиях и после активной миссионерской деятельности занимался вопросом роста церквей, являлся членом Лозаннского комитета по всемирному благовестию.

Однако, хотя область миссиологии очень важна, она все же существует лишь как один из многих аспектов современной обширной деятельности на сцене всемирного благовестия. Самой поразительной характеристикой в работе иностранных миссий является

разнообразие применяемой методологии и философии. Такое разнообразие, как ничто другое, обеспечивает миссионерскому движению солидную базу в преддверии XXI в. Разногласия, иногда возникающие по поводу методов и концепций проповеди Евангелия, делают возможным здоровый обмен идеями и позволяют обеспечить более широкую основу для взаимной поддержки. Никто не чувствует себя отверженным только потому, что ни с кем не согласовал свой философский подход к вопросу благовествования. Будь то прямая и открытая проповедь Евангелия или же гуманитарная концепция, а может быть, тайная операция по благовествованию - все варианты возможны в сегодняшнем очень плодотворном и разнообразном миссионерском деле.

Одной из сравнительно недавних разработок в области миссиологии стала концепция "скрытых народов", концепция, широко распространяемая в церквях и миссионерских агентствах такими людьми, как Ральф Уинтер и Дон Ричардсон. Осенью 1982 г., к началу одного из ежегодных заседаний МАЗМ и АЕЗМ, среди почти двух сотен миссионерских агентств, входящих в состав этих двух крупных ассоциаций, было очень мало тех, кто к тому времени не употреблял бы этого термина и не составлял бы планов продвижения к новым границам, с тем чтобы охватить эти "скрытые народы". Эту концепцию с готовностью подхватило молодое поколение миссионерских руководителей, и она быстро стала доминировать в миссионерских организациях с приближением конца XX в.

Рост научно-технического прогресса способствует тому, что миссионерские организации шагают в ногу с современным веком, но человеческие качества людей, в них входящих, изменились очень мало. Сами миссионеры остались *sine qua non* всемирного благовестия, и сегодня, как и в прошлые века, они являются великими

героями и героинями христианского мира, несмотря на все их человеческие слабости. [Sine qua non - неперемное условие. • Примеч. пер.]

Р. Кеннет Стрейчен

Испытания и ошибки, успехи и неудачи, особый глубокий взгляд на некоторые проблемы в сочетании друг с другом, - все это вехи жизненного пути "насыщенного благовестием" Р. Кеннета Стрейчена (R. Kenneth Strachan), одного из самых дальновидных стратегов миссионерского движения XX столетия. Его развитие "Глубинного благовестия" было просто "революцией в благовестии", как предполагает заглавие книги на данную тему. Его концепции до сих пор вызывают жаркие споры и приобретают верных сторонников и сегодня, хотя он умер в 1965 . И все же его главная посылка, согласно которой "рост любого движения находится в прямой пропорции к его способности мобилизовать всех своих членов на продолжительное благовествование", не была новой. Другие тоже действовали, опираясь на эту же теорию, но никто до этого не дал ей настолько четко отработанного и исчерпывающего определения наступательного миссионерского характера. Именно Кену Стрейчену выпала честь сделать это, отчасти потому, что он учел недостатки евангельского служения собственного отца.

Кен родился и вырос в Латинской Америке, его родителями были Сюзан и Гарри Стрейчен, одни из основателей Латиноамериканской миссии, ранее носившей название Латиноамериканской евангелизационной кампании. Большую часть детских лет он провел в Коста-Рике, где его мать отвечала за работу штаба ЛАМ, в то время как отец проводил туры по проповеди Евангелия. "Талантливый и неутомимый проповедник, Гарри Стрейчен, вездесущий, как легендарный Дон Кихот, ездил вдоль и поперек континента, устраивая, координируя и проводя кампании по благовествованию во всех крупных городах Латинской Америки. Он был инициатором, лидером, организатором, руководителем и иногда сам проповедником..." Но, хотя его личностные достижения впечатляли окружающих, он не мог вдохновить других к служению с равным энтузиазмом и рвением. По мере ухудшения его здоровья терялся запал евангелистических устремлений самой миссии.

Все вокруг считали, что Кен не сможет заменить отца. В колледже Уитона его называли выскочкой, в его характере недоставало качеств будущего миссионерского деятеля. Ему "не хватало отцовского командно-волевого поведения, его хорошо поставленного голоса, его природной властности и способностей проповедника. Неудивительно, что вся его жизнь могла быть омрачена комплексом неполноценности в этой области его служения".

И в молодости, и в зрелой жизни Кена одолевала духовная борьба. Во время учебы в колледже он честно признался в письме к матери: "Дела не очень хороши, мама, хоть и противно об этом говорить, но тебе лучше узнать об этом от меня, чем услышать от других... Я так старался найти примирение с Богом... несколько дней я боролся... и в конце концов потерпел поражение... Все было бы не так плохо, если бы я только откатился назад в религиозном плане, но я утратил все признаки мужественности. У меня нет ни силы воли, ни самоконтроля, я не могу заставить себя делать то, что должен делать, и в результате я терплю поражение не только в христианской жизни, но даже в жизни самого обыкновенного мирского человека... Мне так искренне стыдно за себя, когда думаю, что я мог бы сделать и не сделал, и все же у меня нет сил или же я слишком далеко ушел, чтобы вернуться обратно".

В 1945 г. Гарри Стрейчен умер, и Кен внезапно оказался в положении руководителя, что ему совершенно не понравилось. Появилась необходимость быстро принимать какие-то решения, и сразу и для всех стало очевидным разительное отличие между отцом и сыном. Кен видел настоящую нужду в рекламе и продвижении, но в то же время чувствовал инстинктивное к ней отвращение. Он попытался вести работу так, как делал это отец, но благовестие в таком объеме и масштабе было просто ему не под силу. Он видел "несоответствие, противоречия и даже фальшь" в том, что "другие люди, казалось, принимали с легкостью". А еще его тревожила та короткая веревка, которой он был привязан к позиции "между фундаменталистами и инклюзивистами, чьи разногласия казались очень неприятными человеку с таким пониманием необходимости сотрудничества".

Кен стал одним из членов правления наряду со своей матерью, и в этой должности он прослужил до ее смерти в 1950 г. Но только когда он получил должность директора Latinoамериканской миссии, его качества лидера расцвели. Миссия расширила радиослужение, использование христианской литературы, образовательных и медицинских программ, и к 1960 г. армия миссионеров в этой организации выросла до 144 человек, т. е. на 82 процента за десять лет со дня смерти его матери.

Более важной, однако, чем рост численности миссионеров из Северной Америки, являлась латинизация служения. Многие годы Кена заботил так называемый "расовый вопрос" (в сущности, не проблема противопоставления черных белым, хотя, может быть, он оставался единственным евангельским миссионерским лидером, который сохранил свое членство в NAACP). Он обсуждал этот вопрос с матерью еще тогда, когда она не ощущала потребности принимать латино-американцев на работу в миссию. Позже, когда он сам стал директором, он предпринял шаги для того, чтобы обеспечить латиноамериканцам возможность служить на равных условиях с американцами. Он прекрасно осознавал, что, если миссия не предоставит этим людям возможность занять руководящие посты, она рискует потерять ценных работников в лице самых талантливых и одаренных христиан, подходящих для этих должностей.

"Латинизировать" миссию не означало просто нанять больше латиноамериканцев и предложить им руководство в ней. Это также означало изменение самой миссионерской политики в соответствии с латинской культурой и мышлением. Проблема смешанных браков, например, была очень большим вопросом. Многие североамериканские миссионеры выступали против подобных браков, и такое отношение к этому вопросу воспринималось латиноамериканцами как демонстрация предполагаемого превосходства. Кен разрешил эту проблему честно и справедливо и настоял на том, что необходимо "уничтожить препятствия к полной дружбе". Для того чтобы облегчить латиноамериканцам приход в миссию, рабочим языком организации, на котором велись все дела, стала испанский язык.

Обеспечить условия для эффективного сотрудничества с латиноамериканцами оказалось намного легче, чем наладить сотрудничество с земляками североамериканцами. Сам Кен всегда стремился работать вместе с другими миссионерами в рискованных предприятиях, даже если они не находились в лагере фундаменталистов. Однако он быстро понял, что такой подход грозит иссушить источники поддержки от слишком ревнивых сторонников на родине. Поработав несколько лет на короткой веревке, он пришел к убеждению, что Писание не учит доктрине расхождения, как понимали это фундаменталисты, и ЛАМ начала жить идеей более тесного сотрудничества в евангелизационной деятельности. Расширяя призыв к сотрудничеству в попытке увеличить охват людей благовестием, Кен и его организация потеряли поддержку давних своих друзей, включая Центральную американскую миссию. Руководство этой миссии с сожалением отметило "очевидную экуменическую открытость Кена Стрейчена и коллег из Latinoамериканской миссии. Они флиртовали, по мнению ЦАМ, с политикой отступничества как в экуменистическом движении, так и в Римско-католической церкви".

Ранее Кен отвергал какие-либо отношения с группами, связанными со Всемирным советом церквей, "из-за их либерализма и небиблейских основ общения, небиблейской централизации церковной власти, их приверженности другим задачам и обязательствам, чем те, что законным образом касаются Церкви Христа", и из-за "их фактического отказа от протестантской Реформации открытым признанием факта ухаживания за Римской католической церковью".

К 1960-м гг., однако, его отношение и к ВСЦ, и к Римской католической церкви смягчилось. Он понял, что величайшая угроза Латинской Америке - это коммунизм, и, чтобы одержать победу над злом этой системы, христиане в силу необходимости должны были объединиться и действовать вместе. Радикальный отход Кена от традиционного евангельского мышления сделался достоянием гласности в 1961 г. на съезде Национальной ассоциации протестантов, где Кен заявил, что "Рим меняется" и что "нам, возможно, придется встать рядом с Римом против коммунизма". Хотя позже он несколько изменил свое мнение о новых явлениях, происходящих в католицизме, он все же вызвал суматоху, увеличившую пропасть между ним и другими консервативными евангелическими миссиями и поддерживающими церквами.

Многие протестанты просто отказывались признать те позитивные изменения, которые произошли в Латинской Америке благодаря влиянию папы Иоанна XXIII и II Ватиканского собора. "Вдруг все смешалось и спуталось .. когда нам предложили пальмовую ветвь дружбы. Католик, стоящий с Библией в одной руке и протягивающий с любовью другую руку, оставил нас в изумлении. Вдруг наш оппонент бросил свое оружие и стал искать мира. Не уловка ли это? Неужели неизменный Рим может перемениться?"

Может быть, это часть какого-то зловещего заговора, придуманного, чтобы заставить нас врасплох? Или, может быть, это воистину труд Святого Духа, проветривающего затхлые коридоры и гнилые ниши древней церкви?" Хотя сам Кен не дождался новой эры снятия религиозной напряженности, Латиноамериканская миссия под руководством других лидеров всегда сохраняла открытость по отношению к католицизму, таким образом изолируя себя все в большей степени от многих других евангелических миссий.

Как бы ни было противоречиво мягкое отношение Кена к католицизму, в умах некоторых оно мало отличалось от его дружбы и сотрудничества с пятидесятниками. Кену казалось, что "служение примирения" намного больше способствовало успеху миссионерской деятельности, чем строгая сепаратистская позиция, и именно такое отношение к сотрудничеству с другими деноминациями пропитало кампании "Глубинного благовестия" и общее служение ЛАМ.

Евангелическое служение в массовых кампаниях ЛАМ, продолженное Кеном после смерти отца, достигло кульминационного момента в 1958 г. после Карибской кампании Билли Грэма. Это было радостное время, и Кен со своей миссией внесли огромный вклад в общее дело. Но, несмотря на внешние признаки сопутствовавшего успеха, Кен пришел к убеждению, что такой подход просто не сработает в благовествовании Латинской Америке. Некоторое время он "считал, что именно церковь в большей степени, чем приехавшая евангелическая команда, являлась... в Божьих планах центром и инициатором проповеди Евангелия". Он стал делать упор на всеобъемлющую мобилизацию церкви - тема, которую он развил после долгих размышлений и наблюдения за успехами трех быстро растущих групп: коммунистов, свидетелей Иеговы и пятидесятников.

Первым опытом Кена с "Глубинным благовестием" была семимесячная кампания, проведенная в Никарагуа. Она открылась циклом подготовки заинтересованных христианских работников. После семинаров и углубленного изучения Библии, длившихся четыре дня, все участники рассыпались по стране и начали воплощение в жизнь программ посещения поместных церквей и работу групп свидетельства. За этим последовала повсеместная евангелическая кампания, завершившаяся национальным походом в Манагуа. В заключение Кен решил задействовать ключевой элемент: новообращенные были организованы в поместные церкви, и назидание им давали более зрелые христиане. "По сравнению с традиционными кампаниями... эта программа оказалась фантастически успешной". Она стала воистину общенародной, и в результате обратились около 2500 человек.

Происшедшее в Никарагуа многие рассматривали как новое и очень перспективное направление в миссионерской работе. "Это мероприятие приобрело всемирное значение, - писал Артур Глассер (Arthur Glasser). - Сегодня в Никарагуа мы видим, как возможно проявить инициативу перед лицом демографического взрыва наших дней, о котором мы все так много говорим и так мало делаем! Здесь нам продемонстрировали, как можно хорошо организовать дело в соответствии с потребностями данного момента... Нам показали, что можно сделать, когда вся христианская сила страны мобилизована в едином порыве".

Несмотря на похвалы, Кен не был полностью удовлетворен своими достижениями в Никарагуа. Хотя национальные кадры и взяли на себя основную ответственность за широкую кампанию, инициатива исходила извне, и "неверно было утверждать, что в работе и отношении церквей произошла революция".

Следующая кампания по методу "Глубинного благовестия" прошла в Коста-Рике. Здесь, как и в Никарагуа, много людей обратились к Христу, но и здесь эффект и воздействие прошедшего мероприятия на поместные церкви был менее продолжительным и ощутимым, чем хотелось бы надеяться, и у местного комитета остались большие долги после завершения пятимесячного марафона.

Психологическое и физическое напряжение в период кампании в Коста-Рике и менее утешительные результаты ввергли Кена в духовную и физическую депрессию. У него возникли серьезные сомнения относительно того, следует ли миссии начинать выполнение запланированной программы "Глубинного благовестия" в Гватемале. Миссия оказалась в стесненных финансовых обстоятельствах, и будущее выглядело мрачным. Затем, в сентябре 1961 г., во время встречи в Кесуик-Гроув, штат Нью-Джерси, все неожиданно изменилось, о чем Кен позже вспоминал так: "В тот момент, когда я завяз в болоте сомнений, Бог заговорил к одной Великой душе. На клочке бумаги было написано его обязательство и положено перед Господом. Вдруг мы все вышли из уныния, охватившего до того наши умы, к тихой гавани уверенности в том, что Бог поможет".

Программа в Гватемале заработала, и в результате она оказалась "не только самым большим и серьезным, но и самым "глубинным" из всех движений "Глубинного благовестия"". Когда завершился год усиленной деятельности, "сбор урожая только начался". "Вывод был неизбежным", по словам У. Дейтона Робертса (W. Dayton Roberts). "В 1962 г. Гватемала получила такое сильное духовное потрясение, какого никогда раньше не получала".

Гватемальская кампания ознаменовала собой конец активного участия Кена в "Глубинном благовестии". Состояние его здоровья ухудшилось, и в 1963 г. врачи констатировали диагноз болезни Ходжкина в прогрессирующей форме, которая унесла его жизнь в 1965 г. Принципы, разработанные для "Глубинного благовестия", однако, не погибли. Его коллеги в Латинской Америке продолжают сосредоточивать свои усилия в этом направлении. За девять лет они охватили влиянием восемь стран, в результате чего более ста тысяч человек обратились в христианскую веру. Слухи об успехах таких кампаний распространялись все шире, а миссионеры и руководители церквей со всего мира обратили на это внимание. Приглашения на проведение кампаний "Глубинного благовестия" приходили из таких далеких стран, как Гонконг и Япония. Таким образом, руководители ЛАМ получили уникальную возможность обучить своим принципам других христиан, чтобы они сами претворяли в жизнь это служение.

Вест-Индская миссия явилась одной такой группой, использующей достоинства служения "Глубинного благовестия". Аллен Томпсон, действующий директор этой миссии, писал о впечатляющих результатах такой кампании: "В 1933 г. Вест-Индская миссия начала работу в Доминиканской республике, в стране, которая очень скоро продемонстрировала свою практическую недоступность для проповеди Евангелия. Двадцать семь лет труда над посевами, поливаемыми потом и слезами, привели к созданию 15 приходов и появлению 900 верующих в Христа. За один только прошедший год кампании по проповеди Евангелия жатва радости прибавила к плодам ВИМ две церкви, восемь дополнительных проповеднических домов и примерно 700 новых верующих".

Глубинное благовестие с годами менялось, но основной принцип мобилизации обычных людей и христианских работников сохранился. После смерти Кена работа ЛАМ продолжала продвигаться вперед. Эта организация и сегодня славится, как и в прошлые годы, своими прогрессивными взглядами на взаимоотношения между миссиями и национальной церковью. Вместо того чтобы проголосовать за "самое общепринятое решение... выбора из двух параллельных, но независимых организаций в одной и той же области деятельности - ассоциации поместных церквей и миссионерской структуры с координационным комитетом между ними", миссия "предприняла смелый шаг, предоставив контроль и руководство каждой организацией самим latinoамериканцам". Некоторым североамериканцам сложно оказалось приспособиться к такой политике, но она точно отображает тот дальновидный подход, который так талантливо разработал Кен Стрейчен.

Боб Пиерс и "Международное мировое видение"

В то время как Кен Стрейчен искал пути охвата заблудшего мира при помощи прямой и открытой евангелизационной стратегии, Боб Пиерс внес свой вклад в дело благовестия с иных позиций. Беря пример с жизни Иисуса, он попытался завоевать сердца людей гуманитарными методами,

чтобы продемонстрировать возможности христианства. По его мнению, самым эффективным способом явления людям Христа могут стать только лишь ощутимые акты любви и сострадания: "Сначала мы должны удовлетворить физические нужды людей с тем, чтобы затем иметь возможность служить их истинным (духовным) потребностям". После Самого Господа немногие люди в истории могли бы продемонстрировать большее сочувствие к страдающему человечеству, чем Боб Пиерс. "Пусть мое сердце разобьется от тех чувств, которые разрывают сердце Богу", - этот лозунг, написанный в его Библии, кратко формулирует его жизненную позицию. Он был другом человечества.

И все же сердцем, тянувшимся ко всему человечеству, Боб Пиерс оказался не в состоянии сохранить самые близкие связи любви с собственной семьей. От любви, так щедро раздаваемой бездомным сиротам и обездоленным жертвам наводнений, оставались лишь крохи для тех, кто нуждался в ней больше всего - для жены и дочерей. Его общественная жизнь отделялась от личной великой пропастью, и очень немногие знали, каким беспокойным и хрупким человеком он был на самом деле. Тем не менее Бог использовал его самым мощным образом, и влияние Боба на мир не скоро будет предано забвению.

Доктор Боб, как его ласково называли, родился в Форт-Додже, штат Айова, в 1914 г. и был самым младшим из семи детей. Когда ему исполнилось десять лет, его семья переехала в Калифорнию и там он остался жить навсегда. После школы он учился в Пасаденском колледже Назарянина, где встретил свою будущую жену, Лорейн Джонсон (Lorraine Johnson), дочь преуспевающего проповедника.

Удача не сопутствовала Бобу на заре его взрослой жизни. В колледже он возглавлял студенческий комитет и считался перспективным проповедником, но обстоятельства быстро изменились. В годы депрессии было трудно найти работу, и во время его ухаживаний за Лорейн он зачастую "бесцельно слонялся по улицам Санта-Фе". Их брак, казалось, только усугубил проблемы. "Мир фантазий" быстро поблек, и "на их головы обрушились реальности семейной жизни". Боб переходил с одной работы на другую, а Лорейн вернулась к родителям в Чикаго. За многие месяцы единственным способом их общения было случайное, скрывающее истинные чувства, "осторожное" письмо. Но однажды Боб написал жене нежное письмо, прося примирения и заканчивая словами: "Я люблю тебя и хочу, чтобы мы были вместе. Но приедешь ты или нет, я всегда буду с Богом".

Боб написал Лорейн отчасти из-за того, что обстоятельства изменились к лучшему. Он выступил со своим свидетельством перед ежегодным собранием в Церкви Назарянина. Перед сотнями пасторов со всей страны он "исповедовал со слезами раскаяния трудности прошедшего года, провозглашая с новым убеждением свою решимость служить Богу". Результат ошеломил Боба. "Пасторы поняли его, и... двери для его служения широко распахнулись".

Последующие годы Боб служил в церковном приходе. В этот период молодая семья с трудом сводила концы с концами. Затем он поселился на четыре года служения в Евангелическом центре Лос-Анджелеса, где работал бок о бок со своим тестем. Его совсем не удовлетворяла такая работа, отчасти потому, что он пытался конкурировать со своим преуспевающим тестем и закончил тем, что почувствовал себя как "гребная лодка, соревнующаяся с парусником". Однажды после очередного спора он ушел с должности и вскоре после этого уехал из города. Следующим известием, которое Лорейн получила от мужа, стала смятая судебная повестка, в которой сообщалось, что он подал на развод.

В день суда Лорейн просила Боба повидаться с ней наедине, и благодаря ее мольбе развод не состоялся, "но следующие полтора года были полны невероятных испытаний". Тогда как Лорейн "вела битвы посредством молитвы", Боб "продолжал свои одиночные военные выступления, явно не находя ключа, который бы освободил его от духовных мук". Однако Боб вновь нашел свой путь к Богу, публично покаяться и вернулся к работе в Евангелический центр еще на два года.

Во время служения в Евангелическом центре Боб ощутил в себе дар ладить с юношеством и в последующие годы работал молодежным проповедником. Затем он примкнул к движению "Молодежь за Христа", став полномочным вице-президентом, работая вместе с известным Торри Джонсоном. Именно на этом посту Боб отчетливо увидел перспективу своего будущего служения. В 1947 г. его попросили отправиться в Китай, чтобы помочь провести серию молодежных кампаний. И, хотя он оставил семью

в крайне стесненном материальном положении, он с радостью принял предложение и, возможно, впервые в жизни почувствовал себя на своем месте.

Изматывающий график поездок не испугал его. Он понял, что страсть к путешествиям живет у него в крови. И куда бы он ни поехал, он видел вопиющие нужды человечества и слышал мольбы о помощи. Везде, где он ни проповедовал, происходило исповедание веры.

Это было время восторга - время, когда развивалась и крепла его философия христианского служения.

Во вторую свою поездку в Китай Боб понял, какой будет его роль в облегчении боли и страданий среди самых нуждающихся людей мира. Во время посещения сиротского дома в миссии, недалеко от тибетской границы, его "внимание привлекла одинокая худенькая, согбенная фигурка, отрешенно стоявшая у холодных каменных ступенек". Когда он спросил, почему ребенка не накормили и не приютили в сиротском доме, ему сказали, что на попечении миссии уже находится вчетверо больше детей, чем было рассчитано. Боба пронзила мысль, что этому маленькому и голодному ребенку отказали в удовлетворении основных жизненных нужд. "Почему же ничего с этим не делается?" - взмолился он. "А что вы можете сделать с этим?" - резко ответила миссионерка, подняв ребенка и сунув его ему в руки. Это круто изменило его дальнейшую судьбу. Отныне он посвятил всю свою жизнь христианскому гуманизму.

Боб намеревался вернуться в Китай для дальнейшего служения, но с приходом к власти там коммунистов его внимание привлекло нечто другое. В 1950 г. он впервые поехал в Корею, где "страдания нуждающихся детей" подсказали ему идею создания "Международного мирового видения". Во время Корейской войны первоочередной задачей стало обеспечение едой, одеждой и лекарствами беженцев, женщин и детей. "С самого начала создания "Мировое видение" пустило побег служения по всем необходимым направлениям - там, где ощущалась нужда". За несколько лет организация взяла на себя заботу о двух тысячах сирот, и с тех пор эта цифра возросла более чем в сто раз.

Через некоторое время после возникновения этой организации история Боба Спирса стала легендой о святом для всей Восточной Азии. Но его служение не ограничивалось только этим регионом. В это время он считался одним из "десяти людей в мире, совершивших наибольшее число путешествий". Везде, где бы он ни появлялся, его приветствовали, как Божьего посланника. В Соединенных Штатах он ездил от одного побережья к другому, рассказывая американским христианам о жизненных потребностях нуждающегося мира, собирая сотни тысяч долларов для сиротских приютов, больниц и служений по проповеди Евангелия.

В этот период быстрого роста "Мирового видения" Лорейн и девочки спускались все ниже и ниже в списке приоритетов Боба. Когда он все же возвращался в семью один раз в год после десятимесячных разъездов, он, казалось, чувствовал себя гостем в собственном доме и потому неизбежно возникали конфликты. Хотя он относился к внешнему миру с сочувствием и состраданием, собственная семья Боба, жившая под его крышей, казалась очень отдаленной от него.

Второе десятилетие деятельности "Мирового видения" ознаменовалось не только успехами - возникали и проблемы. Бобу становилось все труднее находить общий язык с Советом директоров. В 1963 г. директора проголосовали за прекращение радиовещания, убежденные в том, что эти деньги можно потратить с большей пользой на другие проекты. Центральным же вопросом повестки дня был стиль руководства организацией. Боб привык пользоваться ее деньгами по своему усмотрению, без согласования с другими руководителями, не отчитываясь за их использование. Но времена менялись. Правительство требовало точной отчетности, а Боб сопротивлялся строгим ограничениям, наложенным на расходную часть Советом директоров. Конфликт продолжался до 1967 г., когда разногласия достигли наивысшего накала, и в ярости Боб уволился. "На следующий день "Мировое видение" представило ему юридические документы о своем согласии на его увольнение, и Боб Пиерс подписал отречение от дела всей своей жизни".

После отставки личная и профессиональная жизнь Боба медленно затухала. В 1968 г. он поехал с Лорейн на Восток в "прощальное турне", которое "Мировое видение" оплатило как прощальный жест, для того чтобы сохранить свои контакты в этой части мира. Когда путешествие близилось к концу, им позвонила по телефону Шарон, их

старшая дочь, и настоятельно просила отца приехать домой. Она и раньше сталкивалась с тяжелыми духовными проблемами, и Лорейн знала, что к этому нельзя относиться легко; но Боб запланировал ранее не входившую в график остановку во Вьетнаме и отказался отступить от своих планов. Лорейн немедленно улетела домой и "нашла Шарон слабой и угнетенной, с перебинтованными запястьями, медленно приходившую в себя после неудавшегося покушения на самоубийство". В тот же год, несколько позже, была сделана другая попытка, и Пиерсы похоронили свою двадцатисемилетнюю старшую дочь.

До этого и после смерти Шарон Боба лечили от серьезного физического и нервного истощения. Он выздоравливал очень медленно, и даже когда встал на ноги, последствия депрессивного состояния еще сказывались на его самочувствии. Боб еще больше отдалился от своей семьи, и они уже никогда больше не могли поддерживать здоровых и счастливых отношений.

Через несколько лет выздоровления и отдыха Боб опять начал путешествовать, и с помощью "Мирового видения" основал Денежный фонд Самарянина, организацию, которая предоставляла помощь миссионерам в Азии. В 1975 г. после серии медицинских обследований врач Боба объявил, что он болен лейкемией. Это был еще один удар человеку, который пережил так много, но он решил не сдаваться. И уже несколько месяцев спустя он неутомимо координировал программу помощи беженцам в Сайгоне. Закончив свою работу, он посетил другие горячие точки, всегда открывая свое сердце страдающим людям. Но дни доктора Боба были сочтены. Он умер в сентябре 1978 г., всего через несколько дней после памятной встречи с семьей.

Несмотря на постоянные конфликты и болезненные проблемы, связанные со всемирно известным своим основателем, "Мировое видение" сохранило стабильный рост и расширило сферы деятельности. Но в то время как объем пожертвований и численность персонала постоянно увеличивались, эта организация избежала соблазна превратиться в мощную силу в самой себе. Она продолжала действовать как организация служения, работая через другие, установленные миссии и национальные церкви. "Если отправиться путешествовать по свету, - пишет Ричард Халверсон (Richard C. Halverson), - то вряд ли можно встретить много руководящих учреждений, носящих название "Мирового видения". Но существует множество школ, сиротских домов, домов для вдов, клиник и больниц, ночлежек и церковных зданий, построенных и/или поддерживаемых фондом "Мирового видения" и названных в честь известных зарубежных миссионерских организаций или национальных церквей".

Как в случае со многими миссионерскими организациями, "Мировое видение" могло успешно работать только привлекая выдающихся христиан из стран третьего мира. Среди них - доктор Самьюэл Камальсон, индеец по национальности, прослуживший много лет в Индии под покровительством методистской церкви. Затем он стал полномочным вице-президентом "Мирового видения" и директором его международного служения Пасторской конференции. Он также являлся директором Бетель-ского земледельческого братства и написал ряд книг.

В 1969 г. президентом "Мирового видения" стал Стэнли Мунихэм (Stanley Mooneyham). Благодаря влиянию этого человека организация вела успешную международную деятельность, оказывала всякого рода помощь нуждающимся и занималась благотворительностью. Она является таковой и сегодня, не утратив сердечного сострадания своего основателя. В книге, озаглавленной "Что ты скажешь голодному миру?" ("What Do You Say to a Hungry World?"), Мунихэм приводит голые факты человеческих страданий, сопровождая рассказ пламенным призывом к христианам доказать жизненность своей веры через активное участие в помощи обездоленным людям. Он упрекает Церковь Иисуса Христа за расточительную трату своего времени на то, что не является в жизни главным: "В то самое время, когда мир переживает сильнейший продуктовый кризис в истории человечества, церковь проявляет свои великие способности в отвлекающих маневрах и немало в самообмане". Он цитирует методистского миссионера, который едко иллюстрирует абсурдность жизненных установок современного регламентированного христианства:

"На днях один замбиец упал мертвым недалеко от дверей моего дома. Врач сказал, что он умер от голода. В его сморщенном желудке было несколько листьев и то, что показалось комком травы. Больше ничего.

В тот же день по почте пришел "Methodist Recorder" (методистский журнал), где публиковались статьи, наэлектризованные возмущением, ужасом, возбуждением и страхом по поводу отсрочки окончательного доклада комитета Англиканометодистского объединения...

Один лишь взгляд на этого уродливого маленького человечка со сморщенным желудком, вся собственность которого состояла, согласно докладу полиции, из пары шорт, изношенной рубашки и пустой шариковой ручки, показал мне, что вся затея с нашим Объединением является Величайшим Пустым Номером в истории современной британской церкви".

Но Мунихэм утверждает, что создание материального благополучия является не главным и даже не всегда лучшим видом помощи. Он цитирует китайскую поговорку, доказывающую точку зрения, согласно которой познания в области "как" являются в определенных случаях несравненно большим благом: "Дай человеку рыбку, и ты накормишь его на сегодняшний день; научи его ловить эту рыбку, и ты накормишь его на всю жизнь". Под его руководством "Мировое видение" существенно расширило свою помощь третьему миру. Но, несмотря на расширение и разнообразие служения "Мирового видения" и других организаций, оказывавших помощь, монументальная задача облегчения страданий нуждающегося человечества едва лишь начала осуществляться.

Итак, "что ты скажешь голодному миру?" Когда мы представляем Христа миру, наши слова бессильны, если не подкрепляются делами христианской благотворительности.

Брат Эндрю и "Открытые двери"

В то время как Боб Пиерс считал, что проповедовать миру возможно через гуманитарные акты благотворительности, другие более решительно подходили к этому вопросу. "Божий контрабандист" ("God's Smuggler") - эта популярная книга именно о такого рода людях. В ней рассказывается о брате Эндрю (Brother Andrew), голландце без духовного сана, чье противоречивое служение часто оказывалось в центре внимания международной общественности. Поле его деятельности простиралось от Восточной Европы до Дальнего Востока и в остальной части мира, везде, где не было свободы вероисповедания или эта свобода серьезно ограничивалась. Обеспечение населения таких стран Библиями стало его главной заботой. "Открытые двери" имели довольно противоречивый подход к этому вопросу, в отличие от других миссий, таких как Библейский христианский союз под руководством Джорджа У. Мюррея (George W. Murray), чья политика заключалась в том, чтобы организация принципиально не нарушала законы коммунистического режима. "Открытые двери", попирая государственные законы и распоряжения властей в таких закрытых странах, оправдывались философией, что намного лучше "повиноваться Богу, нежели человеку".

Армия молодых голландцев, чье детство заполняли игры в войну, взяла на себя труд и риск провоза Библий через границы враждебных государств. Эндрю родился в гордой протестантской семье, которая, как и многие голландские семьи, сильно пострадала во время нацистской оккупации страны. После этой опустошительной войны Эндрю вступил в армию и вскоре оказался на линии фронта, участвуя в сражениях за сохранение голландского правления в тропических джунглях Индонезии. В такой обстановке стать героем было нелегко, но он быстро завоевал репутацию отчаянного смельчака: "Я стал известен в голландских войсках в Индонезии из-за моих сумасшедших выходов на поле битвы. Я носил ярко-желтую соломенную шляпу даже на передовой. Это было рискованно и звучало как вызов и приглашение. "Вот он я! - говорил я. - Стреляйте в меня!" Постепенно я собрал группу ребят, которые вели себя так же, как я... Когда мы воевали, мы сражались как ненормальные".

Ответ врагов на такое вызывающее поведение казался неизбежным, и прежде чем закончилось сумасшествие джунглей, Эндрю плыл домой на госпитальном судне с серьезным повреждением лодыжки правой ноги. То, что пуля попала в лодыжку, а не в соломенную шляпу, оказало определенное усмирительное и успокоительное воздействие на заносчивого молодого солдата. Лежа на госпитальной койке, он посвятил много часов чтению Библии, книги, которую раньше ему было некогда читать. Вернувшись в 1950 г. в Голландию после интенсивного изучения Библии, он обратился,

и почти немедленно его пригласили стать миссионером. Служение при Голландской реформатской церкви потребовало бы двенадцать лет дальнейшего обучения, и для этой цели Эндрю стал искать спонсора. Благодаря помощи друзей он отправился в Лондон изучать английский язык, а затем в Глазго, Шотландию, - учиться в подготовительной школе ВЕК, которую окончил в 1955 г. Эндрю хотел служить миссионером под покровительством ВЕК, но эта организация не проводила работу за "железным занавесом", а именно эта часть мира привлекла внимание Эндрю. Как раз накануне своего выпуска он наткнулся на объявление о предстоящем фестивале молодежи в Варшаве. Объявление носило характер красочной пропаганды с намерением привлечь западную молодежь к красотам великолепного города с тем, чтобы они могли видеть, какие блага предлагает им социализм, но для Эндрю открывалась возможность послужить в стране, которую явно позабыли христиане свободного мира. "Первая поездка Эндрю в Варшаву дала ему тему для многих и многих выступлений в Голландии, где его слушали с огромным интересом. Им овладело тогда желание посетить другие страны Восточной Европы. Вторая поездка привела Эндрю в Чехословакию, где жесткое преследование религии сразу стало ему очевидным. Больше всего этого человека потрясло малое количество Библий, которые невозможно было купить даже в самых крупных религиозных магазинах страны. В Белграде, столице Югославии, Эндрю столкнулся в той же проблемой. В своей речи на религиозном собрании в Праге он призвал людей старательнее молиться и тщательно изучать Библию. Приход, казалось, онемел, и лишь потом он узнал, что из всех прихожан только у семи человек, включая пастора, имелись Библии.

Эндрю помог пастору подготовить план работы с Библией по очереди, но покинул он собрание с желанием сделать что-то большее. "В ту ночь, - писал он позже, - я обещал Богу, что сколько раз мои руки будут касаться Библии, столько я буду нести ее Его детям за стеной, которую возвели люди. Как купить эти Библии, как перебросить их через границу, я еще не знал. Я только знал, что привезу их сюда - сюда, в Югославию, Чехословакию и в любую другую страну, дверь которой Бог приоткроет мне настолько, чтобы я проскользнул в нее".

В течение пятнадцати лет Эндрю и те, кого он смог набрать себе в помощь, провозили тайком Библии через "железный занавес". Самым удивительным было то, что их редко подвергали арестам и задержаниям коммунистические власти. Работа оставалась относительно незаметной до момента появления ставшей очень популярной книги "Божий контрабандист". Люди со всех концов земли захотели принять участие в этом мероприятии, и финансовые поступления в фонд Эндрю увеличились значительным образом. В то время как книга рассказала о его работе всему христианскому миру, о ней узнали и коммунистические власти. Эндрю стал меченым человеком, а это существенно затруднило переход через коммунистические границы Восточной Европы. Хотя к тому времени Эндрю стал уже мужем и отцом, он по-прежнему не утратил вкуса к рискованным авантюрам, которые так влекли его в дни службы в диверсионно-десантном отряде в Индонезии. В тот самый день, когда русские ввели войска в Чехословакию, Эндрю набил свой многоместный автомобиль Библиями и направился к границе. "Мне не требовалось молитвенное собрание, чтобы решить, что делать. Я подумал, что, если русские встретят меня на полпути, я лучше буду двигаться им навстречу!" На границе творилась такая неразбериха, что таможенники пропустили его, не требуя ни предъявления визы, ни проверки его транспорта. По пути в Прагу он встретил две дивизии Советской армии, но сумел проехать мимо без задержки. В Праге Эндрю пригласили проповедовать в церкви, и после проповеди люди со слезами на глазах благодарили его за приезд. Затем с группой чехословацких христиан он распространял на улицах христианские брошюры и Библии. "Чехи и словаки брали их... как голодные люди брали бы хлеб. Власти страны были слишком заняты русскими, чтобы побеспокоиться о нашем аресте, и мы раздали десятки тысяч брошюр, пока не опустошили наши запасы, и затем я отправился обратно в Голландию".

Большую часть 1960-х гг. внимание Эндрю приковывал Дальний Восток, и в 1965 г. он совершил первую поездку в глубинные районы Китая. И опять он увидел христиан, в отчаянии просящих Библии, и вновь занялся тайными операциями.. После падения Сайгона в 1976 г. и захвата коммунистами власти в Лаосе и Камбодже, его внимание сосредоточилось на тех странах. А совсем недавно "Открытые двери" попытались противостоять революционным движениям в Африке посредством распространения

Евангелия, и коммунисты не сумели одержать полномасштабную победу на континенте, как Эндрю и предвидел.

Наиболее громкую огласку получила та самая противоречивая контрабандная операция по перевозке Библий в организации "Открытые двери", что произошла осенью 1981 г. "Операция жемчуг", как ее называли, явилась, по словам журнала "Тайм", "самой крупной операцией такого рода в истории Китая". Под руководством бывшего моряка она "выполнялась с военной точностью". Более двухсот тонн Библий, упакованных в водонепроницаемые контейнеры, были отправлены из Соединенных Штатов в Гонконг, а оттуда переправлены на барже в юго-восточный китайский портовый город Сватоу примерно за шесть миллионов долларов. Мучительно тянулись для команды минуты опасений, не раскрылась ли их затея, но Библии разгрузили без проволочек. Только через четыре часа после того как баржа отчалила, в порт нагрянула полиция. Арестовали сотни людей из тех двадцати тысяч китайских верующих, что пришли помочь в операции по разгрузке и распространению, но, по имеющимся подсчетам, много больше половины всех Библий попали в руки китайских христиан, для которых они и предназначались.

После этой нелегальной операции китайские власти ужесточили ограничения на религиозную активность, что привело к движению общественного протеста против "Открытых дверей" со стороны западных и китайских церковных деятелей. Среди них возникли опасения, что такие действия приведут лишь к дальнейшему отторжению китайских христиан от своих церковных руководителей. Но наряду с критикой слышалась и похвала. ""Операция жемчуг"... вдохновила потенциальных жертвователей, пожелавших финансировать новые рискованные предприятия по контрабанде Библий в Китай или за "железный занавес"".

Оправдываясь перед критиками, брат Эндрю подчеркивал, что "контрабанда" является "лишь малой частью" общего служения "Открытых дверей". Однако, признавал он, именно полная приключений контрабандная деятельность и привлекает к ним множество людей и, несомненно, именно эта часть служения обеспечивает всему движению такую широкую поддержку. Несмотря на противоречивость самого метода из-за его нелегальной тактики, тайный провоз Библий позволил миллионам людей во всем мире самим читать Библию. Иначе такой возможности у них могло бы не быть.

Дональд Макгавран

Одним из всемирно известных современных миссиологов является Дональд Макгавран, человек, сконцентрировавший свои усилия на таком варианте "церковного роста", который идет намного дальше традиционных концепций массового благовестия, даже когда они поддерживаются дорогостоящими евангелизационными командами и организациями. В течение более полувека он был энергичным миссионером-активистом, полностью посвятившим себя межнациональному благовестию, но его недовольство вызывал устаревший за много веков подход к проповеди Евангелия посредством организации традиционных миссионерских станций. "Его основное убеждение заключалось в том, что для достижения миссионерских целей возможно использование общественных наук. Исследование и анализ происходящих процессов могли привести в результате к устранению препятствий для роста церквей. По сути дела, он является Апостолом церковного роста". Так говорит Артур Глассер, по праву считающийся ведущим стратегом миссионерского движения. Церковный рост сам по себе, являясь в основном благовестием, исходящим от церкви, может показаться не вызывающей противоречий темой. Но Макгавран привнес новое направление в эту тему, что и поставило его в самый центр жарких дискуссий. Большая часть споров о миссионерской стратегии в последние десятилетия концентрировалась именно вокруг его идей. "Его восхваляли и проклинали, - говорит Дейвид Аллен Хаб-бард (David Alien Habbard), - но никогда не оставляли в тени".

Макгавран, сын и внук миссионеров, родился в Индии в 1897 г. Однако, несмотря на живой пример перед глазами, миссионерская деятельность не стала для него само собой разумеющимся выбором. Вначале он восстал против мысли о пожизненно финансируемой жизни миссионера. "Мой отец сделал достаточно для Господа, - рассуждал он. - Пришла пора мне объявить перерыв и заработать немного денег для себя". Его студенческие годы в Бутлеровском университете оказались относительно

бессобытийными. Как староста старшего курса и страшный спорщик, он обладал всеми отличительными признаками человека, которого ждет успех, и мечтал сделать карьеру в области юриспруденции. Но все это было до того, как Дональд отдал свою жизнь Христу и СДД привлекло его в свои ряды. Теперь мечты юноши изменились. После Богословской школы в Йеле на вечере в СДД он встретил свою будущую жену, женился и отправился в Индию, а затем повел бурную, деятельную жизнь, полную приключений. Однажды он даже отразил нападение раненого тигра, а в другой раз - дикого кабана, "почти единовластно проконтролировал течение эпидемии холеры", взбирался на Гималаи, пробирался через джунгли на отдаленных островах на Филиппинах, проводил семинары по всей Африке, снял фильм и написал более десятка книг. Пенсия, однако, в его планы не входила. В 1973 г., в возрасте семидесяти шести лет, он написал три книги, преподавал и работал над исследовательскими проектами, явно не имея намерений сбавить скорость. В последующие годы он продолжал трудиться в том же лихорадочном темпе. В 1983 г. в одном и том же месяце он совершил две разные поездки в Индию и Японию, проведя там семинары.

Миссионерская карьера Макгаврана началась в Харде, Индия. Он служил директором миссионерской школы под руководством Объединенного христианского миссионерского общества. Позже он занимал другие должности, имевшие отношение к медицине и образованию, а также принимал активное участие в переводческой и проповеднической работе. В середине 1930-х его миссионерская работа была временно прервана в связи с дальнейшим обучением в целях повышения квалификации. Тогда он получил степень доктора в Колумбийском университете.

Его миссионерский труд, сосредоточенный на Индии, продолжался еще два десятка лет, и именно в этот период он всерьез заинтересовался изучением феномена массовых движений, а к середине 1950-х его миссия начала использовать опыт Макгаврана для более широкой деятельности. Опыт его практической работы и ненасытная жажда знаний, побуждавшая его учиться у других миссионеров, дали ему возможность осознать необходимость здоровой, хорошо обоснованной миссионерской теории. Он отдал всю свою энергию развитию этой дисциплины. Макгавран давно понял, что большая часть выполняемой миссионерами работы не приводила к ощутимым результатам в деле всемирного благовестия. Именно поэтому он стремился исследовать и развить новые концепции миссионерской стратегии. В это время в различных христианских учреждениях он начал обучать практикующих миссионеров, а в 1961 г. основал Институт церковного роста, с которым судьба связывала его более двух десятков лет.

Как и Кен Стрейчен, Макгавран изучал деятельность многих проповедников с тем, чтобы найти принципы и методологию, могущие привести к значительному росту церкви. Не осталось ни одного неизученного им метода или тех, что остались бы вне тщательного научного исследования. Даже "Глубинное благовестие" Стрейчена подверглось испытаниям. "Тщательное исследование, проведенное на примере нескольких латиноамериканских республик, - по словам Питера Вагнера, - не могло доказать причинно-следственных отношений, возникших в результате одногодичных кампаний "Глубинного благовестия", которые приводили бы к увеличению роста церквей". Макгавран и его ученики считали ключевым фактором в оценке эффективности миссионерской методологии вхождение в лоно церкви новообращенных людей, а не количество принятых "решений" обратиться к Христу. По этой причине традиционные методы проповеди Евангелия проходили определенные испытания. Если массовое благовестие приводило в результате к росту церкви, Макгавран старался понять, почему возникал этот рост, и применял только те принципы, которые находил эффективными.

Именно благодаря работе Института церковного роста исследования в области миссиологии развивались шире и полнее, чем где-либо или когда-либо еще в истории христианской церкви. В Северо-Западном христианском колледже в Юджине, штат Орегон, он основал институт, начав обучение в 1961 г. с одного студента. В 1965 г. институт переехал в Пасадену и Макгавран стал деканом-учредителем Школы всемирной миссии в Теологической семинарии Фуллера. В последнее время более ста бывалых миссионеров (со своей бесценной проницательностью и интуицией) ежегодно проходят через эту школу, и самые лучшие миссиологи мира преподают в ней и участвуют в исследованиях. Самое большое впечатление на теоретиков миссионерского

движения произвело его современное научное мировоззрение. "Дональд был целеустремленным человеком до мозга костей. Он имел дело с принципами, а не с методами. Методы либо принимались, либо отвергались... на основании того, что давало практически полезные результаты и что он называл "неистовым прагматизмом". Его главным орудием стали исследования".

Из этих исследований Макгавран вывел не только то, что традиционные методы массового благовестия мало что дают реальному росту церкви, но и ту идею, что главный бросок всего XIX в. и большей части XX в. происходил в неверном направлении. Традиционный подход, взятый на вооружение миссионерскими станциями, доминировавшими почти два века, просто не благоприятствовал спонтанному расширению, характеризовавшему достижения ранней церкви. Хотя миссионеры работали изо всех сил, чтобы установить национальные церкви, христианство продолжало ориентироваться на миссионерские станции, как средоточие своего движения. "У этих церквей на миссионерских станциях, - пишет Макгавран, - отсутствуют признаки качества, необходимые для роста и размножения". Основная причина заключается в том, что обращенные часто отрываются от своих прежних социальных связей и общаются только с другими христианами из соседних миссионерских станций. Обычно они чувствуют себя "несравненно превосходящими своих необращенных родных" и, таким образом, имеют весьма ограниченное влияние на них ради благовестия. В результате непреднамеренно и принципиально неправильно возникает новое племя, новая каста изолированных от общества людей. Он заметил также, что обращенные в таких случаях чаще ожидают от миссионерской станции своего трудоустройства и социального обеспечения, а иногда "быстро приходят к заключению, что если больше народа станет христианами, то ресурсы миссии истощатся", и поэтому "фактически отговаривают потенциальных христиан от возможного обращения".

Где же тогда искать ответ? Народные движения, по словам Макгаврана, это движения целых племен или "однородных образований" к христианству. Такие "массово-индивидуальные" обращения скорее, чем индивидуальные обращения, по мнению Макгаврана, могли бы стать намного более продолжительными и постоянными факторами реального церковного роста. Такие движения происходили в прошлом, но "их редко искали или желали". В Индии, например, по большей части такие движения фактически встречали "сопротивление со стороны руководителей церквей и миссий, где они происходили", отчасти из-за "предпочтения, отдаваемого Западом индивидуальным решениям", а не "общим решениям".

Нет сомнения в том, что самый противоречивый аспект в концепции Народного движения Макгаврана, названный принципом однородной единицы (Homogeneous Unit Principle), получил еще большее распространение после его выступления с докладом на пленарном заседании Лозаннского конгресса в 1974 . Идя против течения сильной идеологии целостности, он утверждал, что расовое сознание должно рассматриваться не как негативный фактор, а скорее как позитивный в процессе всемирного благовестия. "Нет ничего хорошего в утверждении, - настаивал он, - что племена не должны иметь расовых предрассудков. Они имеют их и гордятся этим. Это можно понять и нужно использовать как вспомогательное средство для христианизации". Очевидно то, что Макгавран не защищал расовые предрассудки. Он горячо выступал против них. Но он настаивал на том, что освобождение от расовых предрассудков не является предварительным условием для того, чтобы стать христианином. Он определил два "этапа христианизации": "ученичество" и "совершенствование". Первый этап включает в себя обращение в христианство, а второй - рост в христианской жизни. И только на втором этапе, считал он, можно прийти к настоящему прогрессу, ведущему к искоренению расовых предрассудков.

Одним из самых пылких критиков Макгаврана был Джон Х. Йодер (John H. Yoder), теолог-анабаптист, который подверг сомнению добросовестность исследований Макгаврана. "Я бы подумал, что миссионер фальшивит, - утверждал он, - если бы он сказал мне после крещения, что я должен любить черных, тогда как он не хотел говорить мне об этом раньше". "Если мы не говорим, что христианская церковь изначально является целостной и нераздельной общиной, - спрашивает он, - какой властью станем мы позже агитировать за движение к целостности?" Макгавран отвечал,

что требование любви и предложение межнационального брака являются двумя разными вещами.

Другим критиком макгаврановско-го принципа однородной единицы является Рене Падильи, латиноамериканский миссиолог. По его мнению, однородная единица есть "суррогат христианства" и сама по себе греховна: "Идея заключается в том, что людям нравится общаться с представителями собственной расы и класса, и мы должны насаждать отдельные церкви, которые, несомненно, станут расти много быстрее. Нам было сказано, что расовые предрассудки "можно понять и нужно использовать как вспомогательное средство для христианизации". Никакие маневры по толкованию никогда не смогут привести такой подход к согласованию с ясным учением Нового Завета по отношению к вхождению человека в тело Христово..."

Несмотря на свои плодотворные труды и новаторские идеи, Макгавран оказался в центре сражения за миссионерскую стратегию. Критики "обвиняли его в преувеличении значения количества за счет качества; считали, что его чрезмерная озабоченность спасением душ позволяет забыть об удовлетворении человеческих нужд; ругали за неразборчивое стремление к церковному росту, и за слепоту к нуждам социальной справедливости, и за зависимость от человеческих усилий вместо упования на Духа Святого".

Макгаврана, по словам Артура Глассера, "цитируют намного чаще", и о нем "спорят намного жарче, чем о ком-либо другом в миссионерской области сегодня". Он "совершенно расстроил старую, традиционную и в основном непродуктивную миссионерскую методологию, которая преобладала в миссионерском движении... до 1955 г." Его достижения не столько в правильности ответов на вопросы, сколько в остроте их постановки, в апостольском рвении, с которым он нарушил порядок общепринятых ответов, и в том, что он более других поднял изучение проблем миссий с уровня курсов для начинающих в нескольких христианских школах до уровня изучения этого вида движения на широкомасштабной и профессиональной основе во всем мире.

Ральф и Роберт Уинтер

Миссии - это вся его жизнь. И не только его, но и жизнь Роберты, являвшейся полноправным партнером в его работе, и жизнь каждой из их четырех дочерей и их мужей, отдавших свои жизни этому же делу. Если кого и можно назвать всемирным миссионерским деятелем, стратегом, ученым, организатором, новатором, инициатором и энтузиастом, так это Ральфа Уинтера. Впрочем, он сам не принял бы такой характеристики, но действительно трудно выделить кого-нибудь другого, кто участвовал в большем количестве аспектов миссионерской деятельности, чем он. Именно на него ссылаются некоторые из самых больших новаторов и людей-провидцев в современном миссионерском движении.

Ральф Уинтер родился в Лос-Анджелесе в 1924 г. Кроме лет, проведенных в школе или за границей, остальное время, начиная с двухлетнего возраста, он прожил в родном доме. Хотя его родители были руководителями поместной пресвитерианской церкви, глубочайшее воздействие на их (и его) жизнь в те ранние годы оказало Международное общество христианских устремлений, которое и по сей день является самым большим христианским молодежным движением в мире. Такое евангелическое и межконфессиональное прошлое сильно влияло на него в последующие годы.

После школы Ральф поступил в Калифорнийский технологический институт, чтобы приобрести специальность инженера. Его отец, отвечавший за систему шоссежных дорог в Лос-Анджелесе, весьма преуспевал в этом деле, и казалось совершенно естественным, что Ральф последует по его стопам. Но карьера инженера не состоялась. После окончания института, отслужив на флоте, он продолжил свое образование до тех пор, пока не получил степень доктора Корнеллского университета и степень по теологии Принстонской теологической семинарии.

Еще не завершив образования, Ральф женился на Роберте Хелм (Roberta Helm), которая только что закончила курсы медсестер. С самого начала это был брак, основанный на взаимных интересах и общих идеях. Роберта занималась вместе с Ральфом, когда он учился в аспирантуре, а когда они вместе начали свое служение для одной из групп индейцев майя в Гватемале, их взаимоотношения строились на основе равноправного сотрудничества.

После десяти лет миссионерской работы в Гватемале Уинтер, по приглашению Макгаврана, стал преподавать в Школе всемирной миссии Фуллера. В этой работе таились большие возможности для него, и он произвел неизгладимое впечатление на сотни бывалых миссионеров, проходивших обучение в школе.

Решение уйти из Школы Фуллера далось ему нелегко, но через десять лет, в 1976 г., он вместе с Робертой отказался от обеспеченной жизни, высокой заработной платы и престижной должности и без всякой финансовой поддержки основал Американский центр всемирных миссий. Вместе с горсткой малоизвестных миссионеров он ухватился за возможность приобрести в собственность студенческий городок в Пасадене. "Они решили, что этот городок будет идеальной базой для привлечения тех, кто имеет своей целью охватить неохваченных. Стоимость этого участка оценивалась в 15 миллионов долларов. У них на руках было 100 долларов".

За годы, прошедшие со времени основания, АЦВМ неоднократно "сталкивался с угрозой лишения права выкупа закладной" и, "казалось, был обречен на смерть от долговых обязательств", как вдруг "деньги прибывали в самую последнюю минуту". Но центром средоточия их борьбы никогда не являлся выкуп закладных. Центром их внимания всегда оставались те 17 000 народностей, более двух миллиардов человек, у которых все еще отсутствовала христианская церковь. АЦВМ стал "средоточием энергии", объединившим более трехсот работников из шестидесяти четырех миссионерских агентств, связавшим деятельность этих агентств вместе с работой церковью и студенческих организаций.

Центр является в основном совместным "генератором идей", куда миссионерские агентства отправляют людей, работающих вместе в исследованиях и сборе необходимых средств для охвата "скрытых народов". "Там нечто большее, чем просто творческий гений его директора, - пишет специалист христианского общества "Интер-Варсити" Дейвид Брайант (David Bryant). - Исходя из моих ощущений, величайшим призванием Центра является сбор эталонов веры объединенными в нем первооткрывателями (Уинтер - один из них), чье рвение о славе Божьей обновляет веру многих (включая меня) в том, что Бог может и будет делать через Своих людей ради вселенского дела Христа". Брайан сравнил Центр с городом Ривендейл из "Властелина колец" Толкиена: "Это место, где рождаются видения, где хрупкие мечты становятся реальностью, где планы битв можно разложить заново для грядущих больших битв, и вера обновляется, укрепляясь окончательным и неизбежным успехом". Однако Центр - не единственное порождение "плодотворного ума" Уинтера. Он активно участвовал в создании Библиотеки Уильяма Кэри (издательства, специализирующегося на книгах о христианских миссиях), Американского общества миссиологии, организовал курсы Заочного теологического образования, Приграничное братство и Международный университет Уильяма Кэри.

То влияние на миссионерское движение, что оказывала чета Уинтеров, отчасти объясняется их образом жизни. Они придерживаются того, что Ральф называет "жизнью в военной обстановке" и что не следует путать с "простым" образом жизни. "Жизнь в военной обстановке, - по словам

Ральфа, - может быть более дорогой или менее дорогой, но не простой. Если человек сидит в траншее и питается отличным пайком, он не потребляет много денег, но пилот, летающий на боевом самолете, может использовать до 40 000 долларов в месяц только на свою дорогостоящую технику. Другими словами, во время войны никого не судят по образу жизни. Важно, чтобы успешно выполнялась сама работа".

Уинтеры лично демонстрируют такой образ жизни. В то время как в своем офисе они используют новейшие достижения в области компьютерной техники и прибегают к помощи дорогостоящей связи, чтобы обеспечить ускоренное решение срочных проектов, Ральф водит автофургон "Додж" 1965 г. выпуска, прошедший уже третий цикл в сто тысяч миль, и его часто видят в одном и том же синем спортивном костюме, который он приобрел на деньги из фонда компании.

Через многочисленные свои организации и личные контакты Ральф побудил многих людей к развитию идей о наиболее глубоком продвижении дела всемирного благовестия, и это уже само по себе является его величайшим вкладом. Такие люди, как Дон Ричардсон, например, выражают ему свою глубокую признательность за то, что он проявлял к их работе неподдельный интерес и оказывал всяческую поддержку задолго до того, как они сами стали всемирно известными деятелями.

Дон Ричардсон

Одним из наиболее интригующих теоретиков практической миссионерской деятельности на Западе сегодня является Дон Ричардсон. Он написал книги: "Дитя мира" ("Peace Child"), проданную тиражом почти в 300 000 экземпляров и ставшую книгой месяца журнала "Readers Digest", и "Властители земли" ("Lords of the Earth"), проданную тиражом около 100 000 экземпляров. Автор приводит множество свидетельств трудностей благовестия в условиях нескольких культур, с которыми сталкиваются простые христиане. Пожалуй, больше чем любой другой миссионерский деятель в Америке, он понятен и простым христианам, и ученым. Его принцип "аналогии искупления" - "применение духовной истины к местным традициям" - вызвал значительные споры в миссиологических кругах при первом же его упоминании на семинаре в Далласской теологической семинарии в 1973 г. С тех пор влияние Ричардсона многократно увеличилось, благодаря написанным книгам и статьям, конференциям, фильму "Дитя мира" и его связям с Американским центром всемирных миссий в Пасадене.

Дон ответил на призыв к миссионерскому служению в 1955 г., в возрасте двадцати лет, во время богослужения в Библейском институте Прерии (Prairie). То был не туманный призыв идти "куда-нибудь", но очень конкретное предложение отправиться служить племени охотников за головами в Нидерландской Новой Гвинее, где жили первобытные дикари. Этот призыв, исходивший из уст семидесятиоднолетнего Эбенезера Вайна (Eben-ezer Vine), принадлежащего организации "Регионы за пределами миссионерского союза", слышали и другие присутствовавшие на этой встрече. Большая часть выпускников Библейского института Прерии отправлялась на служение в различные миссии. И в тот день среди студентов, разделивших решение Дона ехать с миссией, была Кэрол Содерстром (Carol Soderstrom), "миловидная блондинка" из Цинциннатти, Огайо, которая через пять лет стала его женой.

В 1962 г., завершив курс обучения в Летнем институте лингвистики и дождавшись рождения своего первого малыша, Дон и Кэрол отплыли в Новую Гвинею, где начали работать вместе с другими миссионерами РПМС, пока им не поручили работу с племенем Sawi, одним из немногих племен, сочетавших каннибализм с охотой за головами и идеализировавших предательство! Но не только люди в племени возбуждали страх. Сама земля была воплощением ужаса, что так живо описывает Дон: "Джунгли стояли плотной стеной, упираясь в небо, окружая свободное пространство, словно создавая арену для предстоящей схватки... Первозданность места будто насмехалась надо мной. Что-то в атмосфере этого уголка, казалось, говорило мне насмешливо: "Я не как твои ручные управляемые канадцы. Я - путаница. Я - слишком густая, чтобы через меня можно было пройти. Я - горячая, душная и пропитана дождем. Я - жидкая грязь по колено, колючки и шипы в шесть дюймов. Я - гадюка со смертельным жалом, кровососущие насекомые и крокодилы. Я - малярия и дизентерия, глисты и гепатит". В это страшное место казалось невыносимым везти жену и семимесячного ребенка, но Дон никогда не сомневался в своем призвании.

Если страх предательства и болезней таился в подсознании Дона и Кэрол, то страх оказаться неспособными изучить язык этого племени был вполне конкретной и осознанной преградой. Десять времен у каждого глагола и очень сложная лексика просто напугали миссионеров. "В английском вы открываете глаза, сердце, дверь, консервы или что-либо другое, и все это обозначено одним барабанным глаголом "открывать". Но у сауи Vbifagadon ваши глаза, anahagkon ваше сердце, tagavon дверь, tarifan консервы и dargamon способность слушателя понимать". Хотя Дону часто казалось, что скоро "в его мозгу произойдет короткое замыкание", все же он сумел сохранить темп занятия языком от восьми до десяти часов в день и скоро прекрасно овладел языком сауи. Он относился к своей задаче как к "великому приключению": "Я часто чувствовал себя так, как должен чувствовать себя математик, когда решает задачи и открывает новые формулы, вначале работающие как магия".

По мере того как Дон учил язык и знакомился с людьми, он с готовностью старался понять те препятствия, с которыми столкнулся в попытке довести до их сознания понятие христианства. Пропасть, отделявшая его собственное библейское христианство от порочного джунглевого предательства сауи, была слишком широкой. Как им понять любящего Спасителя, Который умер за них? "В их глазах не Иисус, а Иуда становился

героем Евангелия. Иисус же был просто глупцом, над которым все смеялись". Барьер на пути общения казался непреодолимым, пока Дон не обнаружил аналогии искупления, которая указывала на Воплощенного Христа намного яснее, чем любой отдельно взятый библейский отрывок. Дон нашел то, что можно было бы назвать концепцией "дита мира", взятой из жизни сауи.

Дона с самого начала его проживания среди сауи сильно тревожила их воинственная природа. Несмотря на все старания, он не смог предотвратить пролития крови жителями трех племенных деревень, находившихся недалеко друг от друга. Дон винил себя: "Я пришел к заключению... что Кэрол и я ненамеренно лишили все три деревни сауи взаимной изоляции, в которой они нуждались для жизни в относительном мире, потому что мы привлекли их к совместной общине. Из этого следует, что ради блага этих людей мы должны их покинуть. Это горькая пилюля, но я знаю, что без нас они бы рассыпались по глубоким джунглям и на их земле наступил бы мир".

Сауи так расстроились из-за предполагаемого отъезда Дона, что встретились на особом племенном заседании и затем объявили ему, что на следующий день собираются помириться. Вдохновленный таким поворотом событий, Дон с нетерпением ждал следующего утра. Вскоре после этого начался удивительный ритуал примирения сауи. Дипломатическая процедура, очень редко использовавшаяся, явилась глубочайшим эмоциональным переживанием. Каждая из воюющих деревень должна была поменяться друг с другом своими маленькими детьми. Сколько жили эти дети, столько сохранялся мир. Решение об избрании семей, из которых брались дети, было болезненным делом. Матерей маленьких детей объял страх, когда они поняли, что происходит. Наконец один молодой человек схватил своего единственного ребенка, побежал в сторону врагов и сам, своими руками отдал сына одному из них. Взамен этого ребенка племя получило другое дитя, и мир восстановился. Этот мир, основанный на доверии, казался Дону элементом, отсутствовавшим в культуре сауи. Но они "нашли путь доказать свою искренность и установить мир... В среде сауи любые проявления дружеских чувств казались подозрительными, кроме одного. Если человек действительно отдавал своего собственного сына своим врагам, этому человеку можно было доверять!" Именно эту аналогию Дон использовал в своем благовестии, чтобы показать сауи сущность жертвы Бога-Отца, когда Он отдал за людей Своего Сына.

Одна лишь аналогия "дита мира" не могла разрешить всех коммуникационных барьеров, отделявших людей от христианства. Нужно было найти другие аналогии, и Дону и Кэрол предстояло еще вынести множество испытаний и переживаний. Но через их терпеливый труд сауи постепенно поворачивались к христианству. Племя было готово пережить неизбежную "культурную дезориентацию", которая вскоре обрушилась на них наплывом нефтяного, лесного и горного производств, а также усиленной иммиграцией населения с других островов Индонезии. Дон и Кэрол помогали сауи не только в обретении веры. Как медсестра, Кэрол обслуживала около 2500 пациентов в месяц, в то же время обучая людей основам гигиены и профилактической медицины. Дон с помощью Кэрол перевел Новый Завет и научил сауи читать. И все же они старательно избегали любой попытки в корне изменить культуру сауи, кроме тех случаев, когда она совершенно очевидно являлась фактором саморазрушения нации.

К 1972 г., через десять лет их служения среди сауи, многое изменилось. Дом, который использовался для встреч с христианами, был расширен в два раза, и побуждаемые Доном сельчане согласились построить большое здание куполообразной формы, в котором могла разместиться по меньшей мере тысяча человек. Он должен был стать "домом мира, в котором прежние враги" могли "сидеть вместе за столом Господа, и домом молитвы для племен... без Божьего Слова". Здание освятили летом 1972 г., и оно считалось самым большим зданием в мире круглой формы, сделанным полностью из необработанных шестов.

Завершив перевод Нового Завета, Ричардсоны оставили сауи под присмотром их собственных церковных старейшин, а также Джона и Эстер Миллз (John and Esther Mills), другой миссионерской четы. А сами они переселились к другому племени, чтобы помочь еще одной миссионерской паре с анализом языка племени, называемого айуу. В 1976 г. (продолжая активное сотрудничество с РГМС) Дон начал преподавать в Американском центре всемирных миссий в Пасадене, где стал директором курса по изучению народов, живущих племенами. Здесь его упор на теорию "аналогий

искупления" нашел самый живой отклик и признание, и к нему присоединились другие миссионеры в подобной попытке разработать более эффективные способы проповеди Евангелия среди племенных народов.

В своей второй книге "Властители земли" Дон развил дальше концепцию аналогий искупления в отношении миссионерского служения Стена Дей-ла (Stan Dale) среди племени яли (yali) в Западном Ириане. Стен и его коллега Фил Мастере (Phil Masters) работали без устали, чтобы охватить благове-стием это свирепое племя каннибалов, и к 1966 г. около двадцати человек из племени яли обратились к вере. Однако большая часть племени рассматривала христианство как нависшую над ними угрозу, и почти сразу двоих из новообращенных убили жрецы духов яли. Два года спустя Стен и Фил тоже погибли от внезапного нападения на них воинов племени яли.

"Это племя, как никакое другое, нуждалось в предвосхищающем Христа веровании, к которому за помощью мог бы обратиться миссионер", - писал Дон. Поэтому вместе с другим миссионером он "провел несколько запоздалую "культурную пробу", чтобы побольше узнать об обычаях и верованиях племени яли". Только тогда они обнаружили аналогию искупления, связанную с традицией яли, - наличие у них своеобразных убежищ, состоящих из круглых каменных стен, где человек племени находился в безопасности даже от самого ужасного врага. Построив свое благовестие на основе традиции яли, которую обнаружил Дон, миссионеры теперь могли провести параллель между местными убежищами, традиционными для культуры племени яли, и городами-убежищами древних израильтян. После обнаружения такой аналогии стало намного легче объяснить людям идею об искуплении, представленном в лице Христа как "совершенное место убежища". Многие люди из племени яли в последующие годы обратились в христианство.

Самым блестящим и талантливым произведением Дона явился его исторический труд "Вечность в их сердцах" ("Eternity in Their Hearts"), рассказывающий о народных движениях к христианству. Одним из наиболее интересных открытий, сделанных за время его исследовательской работы, явилась мысль о том, что подавляющее большинство (по некоторым подсчетам до 95 процентов) народных религий во всем мире признают "одного великого духа" как творца и создателя. Объясняя это феноменальное открытие, Дон обращается прямо к Деян. 14:16,17, где говорится о Боге-Творце, Который "не переставал свидетельствовать о Себе". Бог открыл Себя в обобщенном образе даже самым отдаленным и примитивным племенам, и Дон призывал других миссионеров строить свои сообщения о Благой вести на основе этого единого откровения. Своими исследованиями он доказал, что миссионеры, соотносившие христианство с уже имевшейся у каждого народа концепцией Бога-Создателя, гораздо успешнее проповедовали благовестие. Миссионеры, отказавшиеся признавать племенное имя, употреблявшееся для обозначения фактически Бога, обычно встречали незначительную ответную реакцию на свое благовестие.

Итак, неужели Дон предполагает, что достижение цели оправдывает все средства? Если стратегия работает, можно ли воспользоваться ею, не проверяя, соответствует ли она сущности Писаний? Нет, смысл миссиологических принципов Дона Ричардсона заключается совсем не в этом. Именно его сильная зависимость от библейских принципов и является отчасти тем, что выделяет его как современного миссиолога. Все его принципы строятся на основе Библии. Они не новы. Они такие же древние, как само Писание. Таким образом, его главный вклад в дело миссиологии оказался открытием заново тех самых методов, которые использовали апостол Павел и другие благовестники, и дальнейшим применением этих методов к современным находкам в области изучения человека. Например, его вера в то, что миссионеры должны искать и использовать местное наименование Бога, имеет "апостольскую печать одобрения". Апостол Павел явно относился

без предубеждения к использованию греческого термина theos для Бога, хотя именно это слово употребляли язычники, которых он искал обратить. Итак, методы благовестия и принципы, вполне уместные тогда, когда всемирное миссионерское предприятие было впервые запущено в действие из Иерусалима в I в. н. э., все еще применимы и сегодня для Поручения идти "до края земли", которое еще предстоит исполнить. Возможно, следует отметить тот факт, что открытие Доном заново этих извечных методов и принципов произошло в том самом месте, которое вполне можно рассматривать как самый край земли - Западном Ириане.

Послесловие

В заключение можно сказать, что самым удивительным в жизни всех христианских миссий за всю историю церкви было то, что множество мужчин и женщин, несмотря ни на что, шли по призыву Бога, оставляя семьи и родину. Они отправлялись туда, где могли испытывать лишения и нужду, где их могли ждать разочарования при проповеди Евангелия другим народам. Тот самый смутный и непонятный, не поддающийся никакому определению "миссионерский призыв" понуждал их повиноваться ему. Если служение на родине могло выполняться без всякого призыва, то зарубежное миссионерское служение нуждалось в таком призвании. Ставки были слишком высоки. И именно ощущение призванности к выбранному делу, более чем что-либо другое, давало силы выдержать все. Конечно же, многие не собирались оставаться там насовсем и переходили в разряд миссионеров-"возвращенцев". Но они, по крайней мере, пытались и ехали, и во многих случаях вносили свой значительный вклад в общее дело. Многие, кто остались служить на миссионерском поприще, могли быть гораздо более счастливыми дома. И все же они оставались на поле битвы десятки лет, побуждаемые чувством верности этому долгу.

Кто же были люди, услышавшие этот высокий призыв? Быть может, эти мужчины и женщины каким-то особым образом подходили для такого призыва? Наверное, нет - по крайней мере, не более, чем любые обычные искренне верующие в любом другом представительстве христианской Церкви. История как всего человечества, так и миссионерского движения является повестью, составленной из рассказов о человеческих слабостях, неудачах и ошибках.

После столетий не очень яркого роста наступил расцвет "Великого века", когда появился на сцене истории "отец современных миссий" со своей женой, недовольной миссионерской судьбой, и коллегой с сомнительным характером. Несчастливая семейная жизнь даже такого выдающегося миссионера вряд ли могла стать идеальным примером христианского дома, а позже горькие разногласия между старшим и младшим поколением миссионеров в Серампуре в Индии нанесли еще больший вред тому свидетельству, что христианство могло бы продемонстрировать неверующему миру. Имя Христа подвергалось осмеянию не только в Индии. В Китае христианство было теснейшим образом связано с контрабандой наркотиков в эту страну. В Африке эта вера ассоциировалась с расизмом и жестокими вспышками насилия, происходившими между протестантами и католиками. На тихоокеанских островах миссионеры иногда проявляли сексуальную безнравственность. И практически повсюду в миссионерской деятельности существовало неверное, дилетантское отношение к культурным традициям народа, среди которого работали миссионеры. Западная же регламентированная церковь воспринималась как само собой разумеющийся авторитет и единственный путь, по которому новообращенные должны следовать за Господом.

Конечно, современные ученые, исследовавшие все эти проблемы, приходят к выводу, что многие из неудачных миссионерских попыток являются случайными и в некоторых случаях простительными. Они - словно легкая рябь на поверхности мощного источника благодати, наполнившего всю землю. И все же критики собрали богатый материал на поле деятельности христианских миссионеров. Само человеколюбие миссионеров стало для них питательной средой. Тогда почему же мы удивляемся, что миссионерами совершались все мыслимые ошибки? Ведь эти люди не были ни совершенными святыми, какими они существовали в воображении своих почитателей, ни безграмотными и фанатичными неудачниками, каковыми их представляли клеветники и противники миссионерского движения. Но именно их призвал Бог, и их успехи и достижения были исключительными.

Распространение христианства за пределы западного мира как величайшее достижение миссионерских устремлений - это летопись самых замечательных успехов во всей истории человечества. Пройдя период Реформации и получив мощный импульс огромной энергии евангельского пробуждения, преодолев яростное сопротивление сил рационализма и отделения от церкви, пережив Французскую революцию и милитаризм наполеоновского периода, христианское движение вдруг стало расширять свои пределы, огромными скачками продвигаясь вперед, становясь живой и активной, всеобъемлющей и универсальной религией, которой твердо держатся люди во всех

уголках земли. Всегда соответствующее своей форме, это активное наступательное движение было действенной верой. Никогда в истории человечества никакое учение или идеология, кроме христианства, не возрождали к жизни такие важные общечеловеческие ценности и добрую волю людей.

Тот факт, что этот невероятный прорыв христианского учения во вселенском масштабе исполнялся слабыми и грешными обыкновенными людьми, которых на родине поддерживала лишь небольшая группа верующих собратьев, только увеличивал ту славу, которую должно отдать всецело одному Богу. И все же, с чисто человеческой точки зрения, трудно не восхищаться и не идеализировать тех, кто готов был идти и служить; тех, кто безропотно жертвовал собственными стремлениями и самолюбием и вносил свой вклад в общее великое дело. В каждой миссионерской организации были свои герои, подобные Генри Мартину и Хелен Роузвьер, те, кто отказался от возможностей блестящей карьеры на родине, от радостей семейной жизни только для того, чтобы терпеть боль, страдания и унижения - в послушание Божьему призыву.

Но много меньше внимания уделяется тем, кто оставался дома и, возможно, был не менее послушен Божьему провидению. Бесчисленное множество людей слышали тот же призыв и имели те же добрые намерения принести подобную жертву, но так и не сделали этого. Были ли они менее духовными людьми? Были ли они менее преданны Богу? Удивительно, но на самом деле тех, кто отправился миссионерами, и тех, кто остался дома, разделяет очень тонкая грань.

Известно, что на каждого миссионера, работающего в зарубежной миссии, приходится по меньшей мере пятьдесят человек, которые в тот или иной момент посвятили себя миссионерскому делу, но так никогда не исполнили своего обещания. Значит ли это, что их призыв так и не реализовался? Во многих случаях - да. Они забыли о своих обещаниях. Но бывало, что эти люди играли свою важную роль на домашнем фронте. Смогли бы наши миссии уйти далеко вперед без тех, кто остался дома? Из ста тысяч студентов, что подписали "Принстонскую клятву", двадцать тысяч действительно отправились за границу иностранными миссионерами, но разве могла бы эта армия существовать и бороться на переднем крае без сети мощной тыловой поддержки у себя на родине? В те годы материальная помощь, собранная на дело миссионерского движения, выросла в четыре раза. Подобная система поддержки обеспечила возникшее мощное миссионерское движение женщин, влившихся в зарубежные миссии в конце XIX в. На каждую женщину, отправившуюся за границу, на родине приходилось по двенадцать и больше женщин, полностью посвятивших себя делу поддержки миссий, - многие из них слышали призыв стать миссионерами, но так никогда и не стали, в силу тех или иных обстоятельств.

В последние десятилетия, благодаря таким же преданным миссионерскому делу "тыловикам", возникло еще одно студенческое движение. Стейси Вудс (C. Stacey Woods) в 1934 г. делал все возможное, чтобы уехать в качестве миссионера в Индию, но кончилось тем, что он остался в Америке, создал и возглавил христианское общество "Интер-Варсити" - студенческую организацию, активно занявшуюся миссионерской деятельностью в студенческих городках. "Интер-Варсити" также известно своими городскими конференциями, которые проводятся раз в три года, - пятидневные съезды, привлекающие до семнадцати тысяч студентов из студенческих городков по всей Америке. Стейси мечтал охватить заботой весь мир, поэтому создал еще организацию "Международное братство студентов-протестантов". Досон Тротман также не стал зарубежным миссионером, но и он сыграл важную роль в развитии миссионерского движения тем, что основал общество "Навигаторы". Тротман принял призыв к миссионерской деятельности в Париже в 1948 г., и с тех пор "Навигаторы" ведут активную деятельность по всему миру, ревностно и активно назидая других в христианской вере.

Билл Брайт (Bill Bright), как и Досон, постепенно пришел к пониманию важности идеи международной миссионерской организации. "Студенческое движение за Христа" началось как служение, в первую очередь нацеленное на студентов, но к 1980-м гг. в организации уже насчитывалось около шестнадцати тысяч членов, задействованных в деле евангелизации в более чем ста пятидесяти странах и протекторатах по всему миру. Немного мест на земном шаре осталось неохваченными кампаниями этой организации под девизом "Это Жизнь" и демонстрацией фильма "Иисус", переведенным на десятки языков.

Среди руководителей миссионерских организаций сегодня бытует мнение о том, что не следует делать четких разграничений между зарубежными миссионерами и теми, кто остался дома. Они успешно проводят краткосрочные миссионерские кампании. Такие люди, как Джордж Вэрзуэр из "Обетования миру" и Лорен Каннингем (Loren Cunningham) из организации "Молодежь с миссией", отдали много сил привлечению молодых людей к миссионерскому делу, будь то на короткий срок или на всю жизнь, за рубежом или дома.

Итак, о тех, кто не отправился служить миссионером за границу. По каким критериям оценить их жизнь? Можно ли утверждать, что они выполняли меньшую часть Великого поручения, оставаясь дома? Является ли их миссионерский призыв менее ценным? Сколько молодых людей слышали этот призыв и поклялись стать миссионерами, но затем пошли иным путем? Можно ли сказать, что они не откликнулись на Божий призыв? "Каждый из нас за себя даст отчет Богу" (Рим. 14:12), и тогда, возможно, придется заново оценить саму природу миссионерского "призыва". На самом деле, то, что кажется очевидным призывом ехать за границу исполнять миссионерское служение, может быть, лучше объяснить как призыв участвовать в завершении незаконченной задачи - задачи, которая может быть завершена только лишь полным посвящением всего себя миссионерскому делу как "в тылу", так и на переднем крае борьбы за души неспасенных людей. Многим из тех, кто считает, что он прошел мимо своего призыва, давно пора избавиться от мучительного чувства вины и с радостью посвятить себя всеобъемлющей задаче общего миссионерского дела.

История тех, кто ушел служить миссионером - волнующая история, намного более волнующая, чем истории тех, кто остался дома. И все же о тех, кто остался на родине, тоже можно много говорить. Рассказы об их судьбах ждут своих слушателей и читателей, и иногда они очень схожи с рассказами о жизни тех, кто уехал.

Одна из таких историй началась в 50-х гг. нашего столетия в фермерской общине на севере Висконсина. В летнем Библейском лагере должен был выступить с речью Делмер Смит (Delmer Smith) из Христианско-миссионерского союза. Там, под грубо сколоченным навесом, под влиянием его взволнованного рассказа тринадцатилетнюю фермерскую девчонку охватило желание посвятить жизнь миссионерскому делу и в конце собрания она встала, чтобы провозгласить клятву верности Богу и миссионерскому движению. Во время учебы в старших классах школы ее жизненной целью были зарубежные миссии. Ничто, поклялась она, не заставит ее отступить.

После окончания школы ее жизнь была заполнена событиями. Библейский колледж, Христианская художественная школа, университет, брак, семья, учительская карьера. Одно следовало за другим. Но годы шли, и перспектива отдаться миссионерскому делу становилась все менее и менее реальной.

Всего лишь в трех милях от дома ее детства подрастала еще одна фермерская девочка, ее двоюродная сестра, Валери Стеллрихт (Valerie Stellrecht). Они ходили в одну и ту же школу и посещали одну и ту же маленькую деревенскую церковь. Валери тоже чувствовала призыв к зарубежным миссиям. Она также училась в Библейском колледже святого Павла, чтобы подготовиться к делу всей своей жизни. И она тоже хотела выйти замуж и обзавестись семьей. Но чувство долга перед Божьим призывом стояло у нее на первом месте. Валери закончила Библейский колледж и вскоре попрощалась с семьей и друзьями и одна отправилась в Эквадор, где продолжает служить и сегодня как член Христианско-миссионерского союза.

Две молодые женщины, жизнь которых во многих отношениях была так похожа. Две молодые женщины, которые ощутили призыв к миссионерскому делу. Валери ответила на этот призыв. Я осталась дома.

Общая библиография

- Barker, William P. *Who's Who in Church History*. Old Tappan, N.J.: Revell, 1969.
- Beaver, R. Pierce. *American Protestant Women in World Mission*. Grand Rapids: Eerdmans, 1968.
- Beaver, R. Pierce. *Pioneers in Missions: The Early Missionary Ordination Sermons, Charges, and Instruction*. Grand Rapids: Eerdmans, 1966.
- Bliss, Edwin, ed. *Encyclopedia of Missions*. 2 vols. New York: Funk and Wagnalls, 1891.
- Broadbent, E.H. *The Pilgrim Church*. London: Pickering & Inglis, 1978.
- Coggins, Wade T. *So That's What Missions Is All About*. Chicago: Moody, 1975.
- Coggins, Wade T. and Friien, E. L., Jr. *Evangelical Missions Tomorrow*. Pasadena: William Carey, 1977.
- Cook, Harold R. *Highlights of Christian Missions: A History and Survey*. Chicago: Moody, 1967.
- Deen, Edith. *Great Women of the Christian Faith*. New York: Harper & Row, 1959.
- Douglas, James D., ed. *The New International Dictionary of the Christian Church*. Grand Rapids: Zondervan, 1974.
- DuBose, Francis M., ed. *Classics of Christian Missions*. Nashville: Broadman, 1979.
- Eddy, Sherwood. *Pathfinders of the World Missionary Crusade*. New York: Abingdon-Cokesbury, 1945.
- Glover, Robert H. and Kane, J. Herbert. *The Progress of World-Wide Missions*. New York: Harper & Brothers, 1960.
- Harrison, Eugene Myers. *Giants of the Missionary Trail*. Chicago: Scripture Press, 1954.
- Heftey, James and Marti. *By Their Blood: Christian Martyrs of the 20th Century*. Milford, Mich.: Mart, 1979.
- Hulbert, Terry C. *World Missions Today*. Wheaton: Evangelical Teacher Training Association, 1979.
- Kane, J. Herbert. *A Concise History of the Christian World Mission*. Grand Rapids: Baker, 1978.
- Kane, J. Herbert. *A Global View of Christian Missions*. Grand Rapids: Baker, 1971.
- Kane, J. Herbert. *Life and Work on the Mission Field*. Grand Rapids: Baker, 1980.
- Latourette, Kenneth Scott. *A History of the Expansion of Christianity*. 7 vols. Grand Rapids: Zondervan, 1970.
- Neill, Stephen. *A History of Christian Missions*. New York: Penguin, 1964.
- Neill, Stephen, et al. *A Concise Dictionary of the Christian World Mission*. New York: Abingdon, 1971.
- Thiessen, John C. *A Survey of World Missions*. Chicago: Moody, 1961.
- Winter, Ralph D. *The Twenty-five Unbelievable Years, 1945 to 1969*. Pasadena: William Carey, 1970.
- Winter, Ralph D. and Hawthorne, Steven C., ed. *Perspectives on the World Christian Movement*. Pasadena: William Carey, 1981.
- Wright, Elliott. *Holy Company: Christian Heroes and Heroines*. New York: Macmillan, 1980.